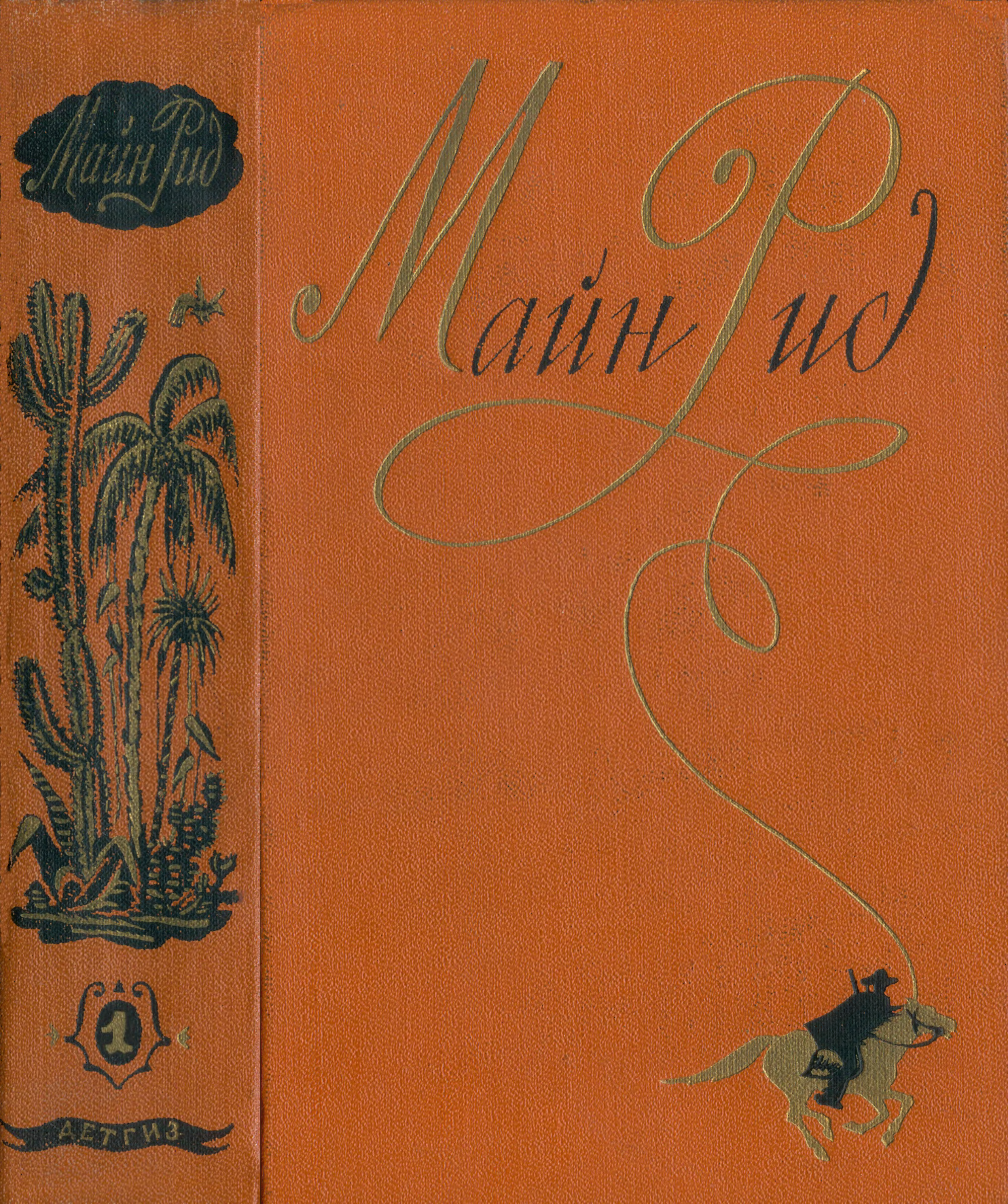

Майн Рид
Майн Рид
1
ДЕТГИЗ

Майн
Рид

Demiurz

МАЙН РИД
СОЧИНЕНИЯ В ШЕСТИ ТОМАХ

МАЙН РИД

ТОМ ПЕРВЫЙ

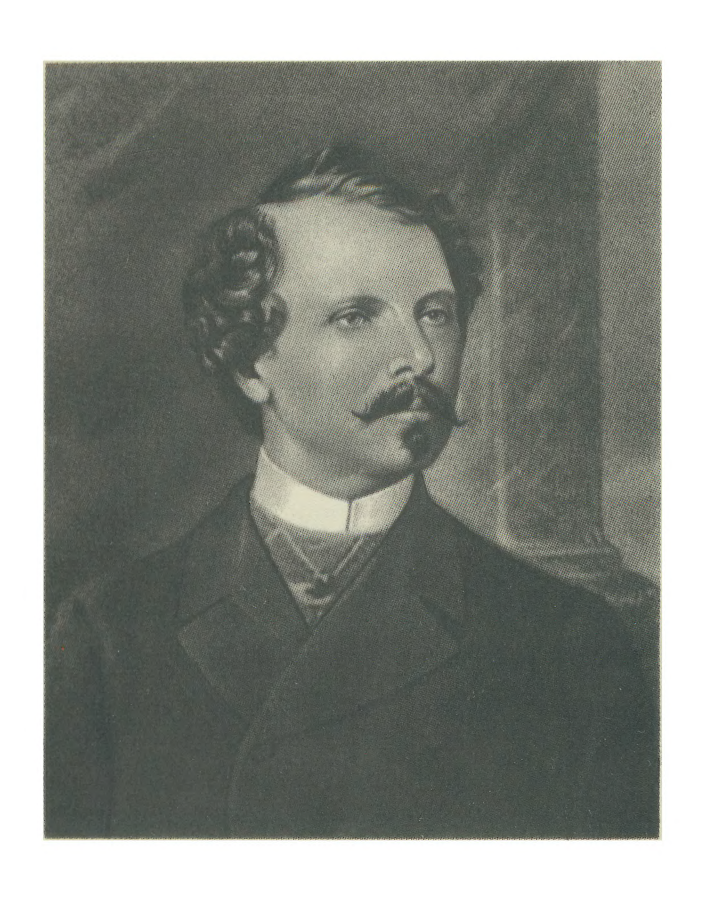
БЕЛЫЙ ВОЖДЬ

КВАРТЕРОНКА

Государственное Издательство
Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва — 1956

Издание выходит под общей редакцией

проф. Р. М. САМАРИНА



Capt Mayne Reid

КАПИТАН МАЙН РИД

(1818—1883)

I

Среди книг для детей и подростков большое место занимает литература приключений и путешествий. Смелые и закаленные люди, о которых она рассказывает, становятся любимцами молодого читателя. Следуя за ними, он проникает в далекие страны и знакомится с жизнью других народов. История, география, зоология, ботаника оживают перед ним в ярких картинах, тем более волнующих, что каждая из них связана с судьбой людей, уже дорогих его читательскому сердцу.

Из воспоминаний известных ученых и путешественников мы знаем, как велика воспитательная роль таких книг, если они написаны автором, воодушевленным высокими, гуманными чувствами. К числу славных создателей романа приключений и путешествий, вместе с Даниэлем Дефо, Фенимором Купером и Жюлем Верном, принадлежит и Томас Майн Рид, любивший называть себя «капитаном Майн Ридом».

Его книги привлекали и привлекают своей романтикой. Это — романтика борьбы за правое дело, романтика подвига во имя высокой идеи, романтика мужественного преодоления препятствий, которые воздвигают люди и природа на пути отважного героя. Романтичны их характеры; романтична необыкновенная природа Америки, Африки, Гималаев, описанная с любовью и зна-

нием дела; романтична и манера повествования, богатая красочными описаниями, напряженными диалогами, неожиданным развитием увлекательного сюжета.

Как много обещают самые названия романов и повестей Майн Рида! «Охотники за скальпами», «Всадник без головы», «Тропа войны», «Морской волчонок», «Сигнал бедствия», «Смертельный выстрел» — в каждом из этих названий уже таится намек на содержание романа. Как не прочесть книгу с таким заманчивым заглавием!

Необычное лицо глядит с портретов Майн Рида: задорный разлет бровей, широко поставленные веселые и молодые глаза, упрямый подбородок, длинные усы, львиная грива. Отвага, ум, благородство — вот о чем говорит это лицо. Человек с таким умным и энергичным лицом должен был прожить интересную жизнь, полную приключений. Ему было о чем рассказать.

Томас Майн Рид родился в 1818 году в Ирландии в семье священника. Отец прочил сына в священники, но юноше не улыбалась духовная карьера. Отношения с отцом испортились. Бросив опостылевшую школу, Томас покинул родину, веря, что он сам выбьется в люди и найдет себе дело по душе.

Это было в 1840 году. Будущий писатель отправился в Америку, куда массами выселялись его несчастные соотечественники — ирландцы, гонимые голодом и притеснением англичан, хозяйничавших в Ирландии.

Родина Майн Рида давно находилась под английским владычеством. Ирландию называли первой колонией Англии. Однако ирландцы не прекращали борьбы за свободу. Многие из них погибли, многие вынуждены были навсегда оставить родной остров — Зеленый Эрин, как называли они его в своих сказаниях и песнях. Но даже те, кому пришлось добывать себе горький хлеб на чужбине, до конца жизни оставались патриотами, помогали тайным ирландским обществам, продолжавшим борьбу против английского ига.

Тяжкая доля родины, страдания и надежды ирландского народа, его литература волновали и тревожили юношу. Уезжая в Америку, он уносил в своем сердце

ненависть к угнетению и насилию, любовь и уважение к тем, кто боролся против них.

Одно из его ранних стихотворений дает представление о том, с какими чувствами покидал он родину:

Эрин, я люблю тебя...
Я люблю вас, соотечественники, но не могу остаться с вами.
Чужеземец превратил мой дом в ад — и я не желаю
Быть попрошайкой у дверей богача...

Не лишним будет напомнить, что Майн Рид высоко ценил Байрона. Подобно байроновскому Чайльд-Гарольду, оставил юный Майн Рид отчий кров и устремился навстречу романтической неизвестности.

В Новом Свете молодой Майн Рид надеялся найти свою судьбу, разбогатеть. Об этом мечтали в те годы многие наивные молодые люди, верившие россказням о том, что Америка — золотое дно.

То было время стремительного экономического развития США. Американские капиталисты и плантаторы стремились к захвату новых земель, новых рынков. Они завладели Луизианой и Флоридой, которые еще недавно принадлежали Испании и Франции. Теперь граница США вплотную подходила к границам Мексики, территория которой в то время почти вдвое превосходила нынешние ее пределы.

На Севере американские охотники за золотом и пушниной двигались к Аляске. Бешеная погоня за наживой, беспощадная эксплуатация и уничтожение целых народов, вымиравших от болезней, непосильного труда и алкоголя, — вот чем было отмечено продвижение американских колонизаторов вдоль берегов Атлантического и Тихого океанов. Власть доллара устанавливалась на всем материке — от быстро развивавшихся городов промышленного и торгового Севера до жалких поселков золотоискателей, возникавших там, куда еще недавно не ступала нога белого человека.

В январе 1840 года Томас Майн Рид высадился в Новом Орлеане, шумном и богатом городе плантаторского Юга, в этом «американском Париже», как иной раз называли его кичливые южане.

Пестра и беспокойна была жизнь этого города в те годы. Здесь еще доживали свой век аристократические салоны французских помещиков-колонистов, недавних хозяев Луизианы. Шумные компании деловитых янки, насаждавших в Луизиане свои порядки, такие, как суд Линча, пистолетная стрельба, пьянство и громкие аферы, успешно обделывали здесь свои темные дела. Город наводнили толпы авантюристов всех национальностей, привлеченные большими коммерческими оборотами южного порта и возможностью участия в какой-нибудь рискованной разбойничьей экспедиции против индейцев или мексиканцев. Новый Орлеан был одним из крупнейших центров работорговли, одним из опорных пунктов американских спекулянтов, которые жадно стремились проникнуть в отдаленные уголки Американского континента и завладеть всеми богатствами.

Близка была и Мексика. В Новом Орлеане жило много мексиканцев: среди них встречались и политические эмигранты, искавшие в США убежища. В самой Мексике шла отчаянная борьба за власть между несколькими партиями, из которых ни одна не представляла в то время интересов народа.

В жизни Нового Орлеана резко давали себя знать политические, экономические, классовые и национальные противоречия. Бросались в глаза контрасты вопиющей нищеты и роскоши, полного бесправия «цветных» и грубейшего произвола «белых». Охотник или странствующий купец, с опасностью для жизни сколотивший себе за долгие месяцы, а то и годы кое-какой капитал, мгновенно терял свои сбережения в игорных притонах, где орудовали шулеры, выигрывавшие бешеные деньги и затем пускавшие их на ветер в разнузданных кутежах.

Двадцатилетний юноша из глухой ирландской провинции, воспитанный в духе английской и французской романтической литературы 30-х годов XIX века, оказался в самой гуще этой бесшабашной и опасной жизни.

Было от чего растеряться. И не такие опытные люди не выдерживали, кидались в погоню за призраком богатства, растрачивали понапрасну свои силы и

гибли от случайной пули, от желтой лихорадки, от алкоголя.

Не так случилось с Майн Ридом. Он скоро понял, что его надежды на быстрое обогащение смешны. Чтобы жить, надо было работать. Юноша прошел суровую школу повседневной, упорной борьбы за существование. Чем только не занимался Майн Рид в эти годы — с 1840 по 1843! Он пытался стать торговцем, но, конечно, быстро прогорел; служил на плантации, где мог воочию увидеть страшную жизнь черных невольников; был актером, школьным учителем. К этим годам относятся его далекие путешествия по великим рекам, пустыням и плоскогорьям Южных штатов и Мексики.

Вот где открылся перед ним огромный, многокрасочный неведомый мир, столь не похожий на салоны и трущобы Нового Орлеана и на тихий ирландский городок, где начал он свою жизнь! Он увидел не тронутую человеком землю, на которой паслись стада бизонов и одичавших лошадей — мустангов; увидел старые испанские города, когда-то неприступные и грозные для окрестных индейцев, а теперь почти пустые или превращенные в развалины. Встречались ему руины и еще более древних индейских городищ, разрушенных за три столетия до этого испанскими завоевателями, которые кружили по этим местам, одержимые алчной мечтой найти Эльдорадо — Страну Золота, и, не найдя ее, предавали огню и мечу индейские селения.

И сейчас здесь шла нескончаемая война между колонизаторами и индейскими племенами. Индейцы мужественно сопротивлялись и нажиму американских переселенцев и жестокому произволу мексиканских властей. В прериях конные ватаги индейцев-команчей нападали на мексиканские поселки и караваны, а за ними охотились отряды мексиканской конницы, плохо вооруженной, нищенски экипированной. Но все заметнее делалось упорное продвижение вперед американских колонистов — охотников, земледельцев, скотоводов, проникавших в самые глухие углы этого края, кишевшего зверем, нередко еще неведомым европейской науке. Ведь то была середина прошлого века, и на карте

мира, как и в любой области знаний, оставалось еще множество белых пятен. Медленно исчезали они одно за другим, причем каждое открытие оплачивалось дорогой ценой усилий и трудов путешественников и ученых, нередко находивших гибель в своих отважных походах.

Эта богатая впечатлениями жизнь дала Майн Риду неисчерпаемый материал в виде наблюдений и заметок, которые он впоследствии использовал в своих книгах. Неутомимый путешественник, любитель нехоженых троп, не раз встречавшийся лицом к лицу со смертью, он сам был похож в те годы на героев своих будущих романов.

Никогда, никогда не забудет Майн Рид этих впечатлений! Аромат техасских степей, дыхание их ветров, встречи и воспоминания этого времени будут вновь и вновь тревожить и волновать его спустя много лет в чопорной Англии, где он будет писать свои книги, возвращаясь в них к далекому прошлому. Неподалеку от Лондона, среди типично английской природы, Майн Рид выстроит себе дом в испано-американском стиле и назовет его «асиенда» — в память об испанских усадьбах, которые он знал по Мексике и Техасу.

С 1843 года, поселившись в большом по тому времени городе Филадельфии, Майн Рид берется за перо: он становится журналистом. Тут он впервые понял, что его подлинное призвание — живое слово. В Филадельфии молодой журналист сблизился с литературными кругами. Завязалась его дружба с замечательным американским писателем и поэтом Эдгаром По, ценителем и мастером приключенческого рассказа.

Майн Рид высоко ценил стихи и новеллы Эдгара По. Ему принадлежит интересная статья, в которой он защищает писателя от нападок американской буржуазной критики.

Сближение с Эдгаром По не было случайностью. И Майн Рид и Эдгар По были мечтателями. Мир поэтической мечты был для них возможностью уйти хотя бы на время от неприглядной и грубой американской действительности. Но поэтическая фантазия По носила болезненный, мучительный характер, а Майн Рид уже в

ранние годы своей литературной деятельности любил изображать реальную действительность, но такую, которая была не похожа на обычные условия жизни буржуазного общества. Прерии, лесные чащи и пустынные плоскогорья, в которых происходит действие произведений Майн Рида, были вполне реальны, но они лежали в нескольких тысячах миль от дымного Лондона и далеко от деловой Филадельфии. Жизнь этих стран только начинала подчиняться законам капитализма, и эти законы еще не имели над ними той полной власти, которая мертвила душу и угнетала людей в США и странах Западной Европы.

Майн Рид писал очерки, корреспонденции, рассказы, стихи. Особенно часто его произведения появлялись в журнале «Годи мэгэзин» под псевдонимом «Бедный школяр» — видимо, Майн Рид придумал его еще в годы ученья.

В письме к отцу он так говорит об этом периоде своей литературной деятельности: «Три или четыре года вел я жизнь литератора, полную борьбы. Я не сковал себе крыльев из золота, но зато поднялся к вершинам Парнаса».

В 1846 году Майн Рид был уже настолько известным журналистом, что его пригласили сотрудничать в одну из самых крупных нью-йоркских газет. Однако недолго продлилась его работа здесь: началась война США с Мексикой (1846—1848), и молодой ирландец оказался в рядах американских войск, отправленных на театр военных действий. Видимо, он должен был вместе с тем продолжать работу в газете в качестве военного корреспондента.

Война была затеяна правительством США для того, чтобы окончательно отобрать у Мексики огромные территории Техаса и Калифорнии, к которым уже давно стремились американские купцы, скотоводы, фермеры и золотоискатели. Правительство США пыталось изобразить свое разбойничье нападение на Мексику как выступление в защиту ее народа. В течение ряда лет перед тем в Мексике шла жестокая гражданская война. Население Мексики — индейские народы и креолы, по-

томки испанских завоевателей, — не желало подчиниться произволу военных диктаторов, оспаривавших друг у друга власть над разоренной страной.

Этими сложными условиями воспользовались американцы, вторгшиеся в Мексику в качестве «умиротворителей», «защитников» свободы и справедливости.

Многие честные люди в США поверили лживым призывам американского правительства и отправились в Мексику с самыми благородными намерениями. Они полагали, что действительно помогут народам Мексики избавиться от продажного и жестокого режима, облегчить их судьбу. Некоторые мексиканские эмигранты, отступники своей родины, заинтересованные в американской интервенции, помогали распространять этот обман. Среди поддавшихся ему был и Майн Рид.

Однако народы Мексики не желали подобной «помощи» со стороны США. Оправившись от первых тяжелых поражений, мексиканцы сумели организовать оборону, развернули партизанскую войну. Они не хотели терпеть иго оккупантов.

Положение американцев стало трудным. Они сражались и против регулярных военных сил Мексики и против «гверильо» — мексиканских партизан. Участились случаи перехода американских солдат на сторону мексиканцев: в армии США нашлись люди, понявшие, что их обманули, и не захотевшие играть роль наемников американского капитала. Такой поступок требовал большого мужества и решительности. Возврата назад не было: американские военные власти расстреливали на месте бывших американских солдат, сражавшихся на стороне мексиканцев.

Война закончилась победой США. Плохо вооруженные, руководимые корыстолюбивыми, продажными генералами, мексиканские войска не могли вынести долгой борьбы с богатым и напористым агрессором. По «мирному» договору, США отняли у Мексики сорок процентов территории — лакомый кусок для американских дельцов.

«Второй лейтенант» нью-йоркского полка волонтеров Томас Майн Рид участвовал в первых сражениях.

За отвагу и распорядительность он получил чин капитана. В сентябре 1847 года, во время штурма столицы Мексики — города Мехико, он был тяжело ранен в бою за Чапультепек — пригородный район, где мексиканцы особенно упорно защищались.

В решительную минуту штурма Майн Рид увлек за собою дрогнувших под огнем солдат и первым вскарабкался на вал, прикрывавший мексиканскую батарею. Вот как рассказывает об этом один из участников чапультепекского боя, не знавший Майн Рида в лицо:

«...Я увидел справа от себя молодого офицера; собрав тридцать или сорок солдат из разных частей, он кричал им что-то воодушевляющее, но грохот пушек и ружейная пальба помешали мне расслышать слова. Вскоре я увидел, как горсть героев во главе со своим предводителем кинулась на правый фланг батареи, где стояла гаубица; взобраться туда было нелегко, так как стена достигала в этом месте двадцати футов высоты. Я еще успел разглядеть сквозь густой дым от последнего залпа, данного батареей по смельчакам, что офицер взобрался на стену и упал, как я полагал, убитым...»

Действительно, товарищи решили, что Майн Рид погиб, и оставили его на поле боя. Много времени прошло, прежде чем он был найден среди трупов, заваливших взятую штурмом батарею, и доставлен в госпиталь.

Тяжелые раны и болезнь вывели Майн Рида из строя. Страшные часы, проведенные им на поле битвы, где хозяйничали мародеры, обиравшие мертвых и добивавшие раненых, навсегда запомнились ему. Он их описал в одном из романов о войне 1846—1848 годов.

Ложная весть о его смерти пришла в США. Друзья оплакали молодого писателя. Появились даже сообщения в газетах о смерти Майн Рида; одна поэтесса написала стихотворение, посвященное его памяти. Тем удивительнее было возвращение Майн Рида к жизни. Со свойственным ему чувством юмора он называл себя «человеком, который умер дважды».

Друзья помогли ему вернуться в США, дали ему приют. В усадьбе одного из своих товарищей молодой

офицер поправлялся от ран и болезней. В эти месяцы, в начале 1848 года, он начал писать свой первый роман, — «Вольные стрелки», в русском переводе — «Стрелки в Мексике», полный воспоминаний о мексиканском походе.

Книга Майн Рида проникнута горячим сочувствием к мексиканскому народу, особенно к пеонам — полукрепостным батракам-индейцам, трудившимся на помещиков. Мексиканские партизаны изображены в ней как смельчаки, ведущие войну против армии, попирающей их родную землю.

С негодованием пишет Майн Рид и о бездарных мексиканских генералах, больше заботившихся о своей карьере, чем об интересах родины, и о преступлениях американских солдат, среди которых было много любителей легкой наживы. Они безнаказанно хозяйничали в мексиканских городах и селениях, а после сражений грабили своих же убитых или раненых товарищей, оставшихся на поле битвы.

Однако грабительский, оккупантский характер войны 1846—1848 годов не был полностью ясен для Майн Рида. Наряду с правдивыми сценами в романе «Вольные стрелки» есть немало эпизодов, написанных с сочувствием к американским войскам, в рядах которых сражался сам Майн Рид. Он простодушно восхищался «подвигами» некоторых американских генералов. Кавалерийского генерала Керни, успешно сражавшегося с плохо вооруженной и необученной индейской и мексиканской конницей, Майн Рид и позже называл «американским Мюратом».

При всем том мы не ошибемся, если выскажем догадку, что Майн Рид шел на войну, движимый самыми благородными побуждениями. Его передовые взгляды проявились с полной очевидностью в 1848 году, когда, залечив свои раны, он начал собираться в Европу, чтобы принять участие в развертывавшихся там революционных событиях.

События 1848 года, всколыхнув почти всю Европу, отозвались грозным эхом во всем мире. Революционное движение ширилось, с небывалой силой охватывая

страну за страной. В этом году был опубликован «Манифест Коммунистической партии», написанный Марксом и Энгельсом; он звал на борьбу не только против старых монархических правительств, не только против феодального строя, но и против господства буржуазии. Многим лучшим людям мира казалось в 1848 году, что наступает новая эра в истории человечества, что эта революция навсегда освободит народы Европы от угнетения и эксплуатации, а примеру Европы последуют и другие народы. Верил в это и Майн Рид.

Вот как сам он несколько лет спустя описывал события революционного 1848 года:

«Ураган революции потряс троны Европы... слабоумный австрийский император бежал из столицы, как и бюрократический король Франции. Хворый Вильгельм Прусский был вынужден пойти на уступки своим многострадальным подданным и гарантировать им конституцию... Даже Англия, равнодушная к делу свободы и реформ, дрогнула от поступи чартистов... Казалось, что наконец-то приближается долгожданная свобода...»

В 1849 году Майн Рид вместе с группой друзей — по некоторым данным, даже во главе этой группы — отправился в Европу на помощь революции. Он задержался, так как был все еще болен и не мог собрать необходимые для поездки деньги. Решающие события революции 1848—1849 годов были к этому времени уже позади, но революционная Венгрия все еще продолжала свою героическую борьбу против императорской Австрии и царской России; еще сражались защитники свободы в Италии; готовились новые революционные выступления в Германии, где вооруженный народ пытался остановить натиск реакции. Эти выступления произошли в мае—июне 1849 года. В одном из них участвовал Ф. Энгельс, с оружием в руках оставивший немецкую землю после поражения восстания в Бадене.

Капитан Майн Рид и его смелые товарищи, торопившиеся на помощь революции, опоздали. Когда они наконец высадились в Англии, дело революции было проиграно повсеместно. Прусские войска подавили восста-

ния в Бадене и Пфальце. Последние оплоты революции в Италии были захвачены австрийскими оккупантами. В крови захлебнулась Венгерская республика. Англичане подавили попытку восстания в Ирландии.

Так и не удалось Майн Риду стать капитаном армии свободы, участвовать в революционных событиях, благодаря которым, как он надеялся, рухнет все то, что оставалось в Европе от феодального строя, долго и упорно стремившегося сохранить свою власть. Но Майн Рид навсегда запомнил 1848 и 1849 годы — время больших надежд и горьких разочарований, которые все-таки не погасили его веру в лучшее будущее. Не рвалась его связь и с другими участниками событий 1848—1849 годов. Когда через семь лет — в феврале 1855 года — в Лондоне был созван митинг в память «великого революционного движения 1848 года», среди приглашенных оказался и Майн Рид. Его знали в кругах участников революции как единомышленника.

Воспоминаниям о революционных боях 1848 года и о борьбе народных масс Европы против реакции в последующие годы посвящен роман Майн Рида «Жена-дитя», написанный, вероятно, в начале 50-х годов и опубликованный его женой только после смерти писателя. Издать его раньше, надо полагать, помешали политические соображения.

Рассказывая в этом романе о приключениях храброго ирландца-революционера капитана Мэйнарда, пламенного республиканца, писатель повествует о героической борьбе венгерского народа против Австрии и царской России, об итальянских, венгерских и немецких революционерах 1848 года, которых он знал лично. С ненавистью и презрением пишет Майн Рид о французском императоре Наполеоне Третьем — «убийце нации». Страницы, изображающие расправу Наполеона Третьего с французскими демократами в 1851 году, написаны с искренним возмущением, с глубоким сочувствием к французскому народу. Запоминается образ француза-патриота, гибнущего от руки бонапартистских палачей. До последнего дыхания остается он верен своему идеалу — «красной и демократической республике», и

хотя он так и не дождался осуществления этого идеала, но свято верит в его справедливость и конечное торжество.

Интересный отдельными яркими сценами, роман «Жена-дитя» в целом не может быть назван удачей писателя. Майн Рид не сумел связать воедино острую политическую линию романа и историю любви капитана Мэйнарда, которая занимает немало места и остается далекой от важных событий, описанных в романе.

Однако, опубликованный впервые в 1885 году, роман за десять лет выдержал пять изданий. Это свидетельствовало о живом читательском интересе к нему.

С 1850 года Майн Рид поселился в Англии — возможно, потому, что в Лондоне в те годы жила большая разноплеменная колония участников , революции 1848 года. Многим из них казалось, что дело еще не потеряно, что революция вот-вот снова вспыхнет в том или ином углу Европы — и тогда из Англии можно будет скорее поспешить ей на помощь, чем из США, куда тоже эмигрировали многие бойцы 1848 года.

В Лондоне 50-х годов жили Маркс, Герцен, большая группа итальянских революционеров, много французов, ушедших в эмиграцию после того, как в 1851 году была свергнута республика и к власти пришел Наполеон Бонапарт, назвавший себя Наполеоном Третьим.

В 1852 году Майн Рид познакомился и близко сошелся с вождем венгерской революции Лайошем Кошутом, который тоже в это время жил в Лондоне. Горя желанием помочь венгерским борцам за свободу, Майн Рид деятельно участвовал в новых замыслах Кошута. Когда Кошуту понадобилось съездить в Италию, где он надеялся завязать отношения с венгерскими войсками, входившими в состав австрийской оккупационной армии, Майн Рид достал для него подложные документы. Кошут с паспортом слуги должен был сопровождать Майн Рида в «путешествие по континенту», куда тот якобы отправлялся. Правда, в последнюю минуту поездка была отложена, но Майн Рид не раз еще оказывал услуги своему венгерскому другу. Когда реакцион-

ные английские газеты стали травить Кошута, Майн Рид выступил в печати в защиту венгерского революционера.

Политическая деятельность Майн Рида в начале 50-х годов не ограничивалась связью с Кошутом. Он деятельно помогал политическим эмигрантам-полякам, собиравшим силы для борьбы против русского самодержавия. В одном из своих публичных выступлений Майн Рид порицал «тайную дипломатию» британского правительства, несущую бедствия народам, обманывающую английский народ. В английских газетах 50-х годов Майн Рида называли «красным».

В эти годы, еще полные надежд, а не только разочарований, начинается профессиональная деятельность Майн Рида — писателя. Выходят его первые произведения, начатые в 1848 году и отложенные из-за поездки в Европу: «Вольные стрелки» (1850), «Охотники за скальпами» (1851). Но годы шли, надежды на новую революцию угасали. Многие из участников революции 1848 года оставляли своих друзей, изменяли своим убеждениям, душевно опускались, в погоне за личной выгодой становились обывателями. Иные, отходя от былых революционных настроений, замыкались в себе, искали приложения своей энергии в науке, в искусстве. Все труднее жилось в Лондоне тем романтикам революции, мечтателям и поэтам, которые, брезгая участью отступников, не находили для себя прочного положения в английском буржуазном обществе. Среди них был и Майн Рид. Единственным средством к существованию для него, больного человека, заброшенного на чужбину — так как Лондон был ему, ирландцу, особенно чужд, — оказалась литературная деятельность. Его книги хорошо расходились, создавая ему популярность; уже в начале 50-х годов романы Майн Рида переводились на французский язык почти немедленно после выхода в свет.

Нелегко было капитану Майн Риду в Лондоне. Жизнь огромной столицы, безжалостно размалывавшей сотни тысяч человеческих судеб, однообразно жестокая и лицемерная, томила охотника и странника, заброшен-

ного в туманный и дымный город, лишенного тех ярких красок жизни, которыми он так дорожил и которые так любил живописать. Тем ярче и необычайнее были приключения, описываемые им в книгах, тем сильнее был зной тех жарких стран, куда переносил он читателей, тем лучше и благороднее были его герои.

В Англии Майн Рид прожил на этот раз до 1867 года. Он занимался не только писательским трудом, но и пытался создавать образцовое сельское хозяйство. Эта затея Майн Рида ничего общего не имела с корыстными интересами, не являлась «спекуляцией земельными участками», как изображают ее некоторые английские и американские биографы Майн Рида, — это была попытка создать некую трудовую земледельческую колонию. Но, беспомощный в практических делах, мечтатель-капитан скоро окончательно разорился и потерял те небольшие деньги, которые скопил литературным трудом.

Неудачей закончилась и его попытка основать газету «Маленький таймс», интересную своим подчеркнуто гуманным направлением. Большие английские газеты быстро вытеснили конкурента.

Дела Майн Рида шли все хуже и хуже. Стареющий, больной, он решился еще раз на смелый шаг и вновь отправился в США, надеясь там найти для себя более сносные условия жизни. Со своими американскими друзьями он не терял связей. Внимательно следил он за войной 1861—1864 годов между промышленным Севером и рабовладельческим Югом, радуясь поражению издавна ненавистных ему плантаторов Юга.

Итак, Майн Рид вторично очутился в США. Приближался конец 60-х годов. В ходе бурного развития капитализма все острее, все трагичнее обнажались противоречия американской действительности.

Майн Рид мог наблюдать это зорким глазом газетного корреспондента — работа в газетах 40-х годов была для него хорошей школой; немало узнал он и от своих старых друзей, среди которых были люди, разоренные развитием капитализма.

В романах 50-х годов Майн Рид нередко идеализировал общественный строй США — это ясно чувствует-

ся в «Квартеронке», в «Белом вожде». Изображая немало страшных и позорных фактов, правдиво рисующих условия жизни в США, Майн Рид в ту пору еще не умел обобщить эти факты и видел в них случайные недостатки, отдельные теневые стороны.

Теперь, после вторичного приезда в США, Майн Рид отказывается от своих иллюзий относительно американской буржуазной демократии.

В Нью-Йорке он основывает журнал «Вперед», печатает новые романы. Но первые успехи, доставшиеся не без труда, быстро сменяются неудачами. Журнал не имеет спроса и закрывается; непосильная работа сказывается на здоровье писателя; в 1869 году тяжелая болезнь — последствие плохо залеченной чапультепекской раны — свалила его с ног.

Еле избежав смерти, с подорванным здоровьем, угнетенный, Майн Рид в 1870 году окончательно возвращается в Англию. Тут и проходят последние тринадцать лет его жизни, относительно благополучные, заполненные непрерывной работой, целиком посвященные литературной деятельности.

Шли 70-е годы. Экспедиция за экспедицией уходила в неизведанные дебри Африки, Азии, Америки, Австралии. Все меньше белых пятен оставалось на картах земного шара. Великие путешественники XIX века завоевали себе в общественном мнении почетное место, поставившее их рядом с великими учеными; близилось время, когда земля станет известна вся, до последних своих пределов, до обоих полюсов включительно. Вместе с ними путешествовал и Майн Рид, но путешествовал, не оставляя своего кабинета, ибо на настоящие путешествия у него не было денег. Внимательно следя за новыми географическими открытиями, с которыми всегда были сопряжены новые открытия в области антропологии, геологии, зоологии, Майн Рид рассказывал об этих победах человеческого гения в своих повестях и романах, невольно обращаясь к тем слушателям, которые, как и он, но по другим причинам, могли только издали следить за походами великих странников. Такими слушателями, широчайшей аудиторией стареющего

капитана стали дети, полюбившие своего увлекательного и искусного собеседника.

Он же, сознавая свою ответственность перед доверчивым и благодарным читателем, стал в те годы не только писателем-художником, но и ученым-дилетантом, талантливым популяризатором. Ему пришлось для этого много и упорно работать: ведь образования у капитана Майн Рида не было, и его следует отнести к числу тех писателей-самоучек, которые нелегким трудом добывали знания, так легко и увлекательно изложенные в их книгах.

Последние годы его жизни были омрачены тяжкой болезнью, вызванной все той же запущенной раной. Неутомимый ездок и странник, Майн Рид превратился в калеку: он не мог передвигаться без помощи костыля.

К счастью капитана Майн Рида, ему удалось покорить и навсегда привязать к себе верное женское сердце: его жена, Элизабет, стала ему верным другом и помощником. Умная, любящая женщина поняла и оценила душу этого мечтателя; она разделила с ним жизнь, полную труда и невзгод, и написала о нем книгу «Жизнь и приключения капитана Майн Рида», которая достойна лучших романов самого капитана.

Такова история жизни Томаса Майн Рида. Из нее видно, что Майн Рид относится к числу писателей, тяготившихся буржуазным обществом, пытавшихся найти в нем для себя особое, независимое место, но так и не осуществивших свою мечту.

Как и многие другие передовые люди XIX столетия, Майн Рид, сочувствуя освободительным движениям своего времени, находясь в некоторой оппозиции по отношению к правящим классам и господствующим режимам, был все же далек от подлинно революционных сил своего времени, не нашел дороги к революционным народным массам, остался одиноким.

Его одинокая борьба была, конечно, обречена на поражение. Вся жизнь капитана Майн Рида состоит, на первый взгляд, из одних поражений. Он мечтал участвовать в справедливой войне, когда отправлялся на гра-

бительскую войну против Мексики; он опоздал в 1849 году и увидел революцию не в момент ее успехов, а в тяжкую годину поражения; ему так и не удалось создать свой хороший, отвечающий его программе журнал, свободный от погони за наживой, которая так претила ему в буржуазной прессе; неудачей и разорением кончились его сельскохозяйственные опыты; не сбылась его мечта стать знаменитым путешественником, открывателем новых земель.

И все же, несмотря на этот горький список неудач, капитан Майн Рид никогда не жаловался, не падал духом и в конце концов одержал самую большую победу, о какой только может мечтать писатель, — победу над временем. До сих пор живет его славное имя, до сих пор книги его волнуют сердца всё новых и новых поколений юных читателей, называющих имя капитана Майн Рида рядом с именами других, более молодых своих любимцев.

II

Причину прочной популярности лучших романов Майн Рида надо искать в душе его книг, в общем их характере. Когда пытаешься определить впечатление, которое остается от книг Майн Рида, вместе взятых, то прежде всего думаешь о его героях. Эти смелые и скромные люди умеют пролагать свою трудную жизненную дорогу среди множества опасностей, оставаясь безукоризненно честными, безупречными во всем. Моральный облик героев Майн Рида, несмотря на их некоторую однотипность и условность, очень привлекателен. Они покоряют юные сердца своими прекрасными человеческими качествами, своей отзывчивостью, справедливостью, гуманностью.

У героев Майн Рида много врагов. Это прежде всего злодеи и негодяи, которых эти герои разоблачают и наказывают. Но им приходится бороться и со стихиями, с грозными силами природы, с миром хищных животных, все еще очень опасных для человека начала прошлого столетия, — ведь он был так плохо вооружен,

так несовершенны были его способы передвижения. Не случайно собака и лошадь — верные друзья героев Майн Рида: он жил в мире, где еще не было неисчерпаемого богатства машинной техники, сказочно умножающей силы человека.

Заброшенный в бескрайные просторы пустынь, степей и подавляющих своим величием водных пространств, в дикие горы, герой Майн Рида готов прийти на помощь тому, кто в нем нуждается, даже ценою жизни. Он деятелен, он находится в постоянной борьбе с грозящими ему враждебными силами — и он их побеждает прямыми и честными средствами.

Майн Рид постоянно затрагивал общественные вопросы; он — пламенный сторонник освобождения негров; он — защитник индейских племен, истребляемых белыми; он искренне сочувствует угнетаемым трудящимся массам — мексиканским пеонам, итальянским крестьянам (роман «Перст судьбы»), французским рабочим (роман «Жена-дитя»), ирландцам, чья горькая доля была ему так хорошо знакома. Касаясь в некоторых своих романах революционного движения в Европе, он выступает на стороне прогрессивных сил, о чем свидетельствует его исторический роман «Белая перчатка», посвященный событиям английской революции XVII века, и особенно роман «Жена-дитя», полный отголосков революции 1848 года.

Враг феодализма и его пережитков, которые он наблюдал и в Европе и в США, Майн Рид выступает и с критикой капиталистических отношений. Он резко осуждает власть денег и буржуазные порядки в таких романах, как «Квартеронка», «Мароны», «Авантюрист Депар».

Нетрудно выделить лучшую группу романов Майн Рида, поднимающих важные общественные вопросы современности, написанных с большим сочувствием к народу. Это «Квартеронка», сильная своим протестом против расового гнета, «Оцеола, вождь семинолов», «Белый вождь» и «Золотой браслет» — романы о борьбе индейцев против американских и испанских колонизаторов; это «Всадник без головы», живо изобра-

жающий грабительское «освоение» Техаса американцами.

Но неверно было бы искать объяснение популярности Майн Рида только в его романах, связанных с событиями современной ему общественной жизни. Популярность писателя очень во многом определяется теми его романами, в центре которых стоит описание путешествий, картины природы, жизнь животных. Пафос этих романов — в исследовании природы, в наблюдении и изучении неисчерпаемо богатых форм жизни на земле.

В этих романах Майн Рид выступает как подлинный поэт природы. В таких случаях писатель обыкновенно становится и ученым, и это качество признано за Майн Ридом самими учеными. Его наблюдения над жизнью животных иногда бывали настолько достоверны, что есть даже вид медведей, названный именем Майн Рида, впервые с необычайной точностью описавшего повадки этого животного. Романы Майн Рида о Южной Африке, о путешествиях по Гималаям, об охотничьих приключениях в разных странах света широко знакомят читателя с жизнью природы. Говоря о народах, населяющих эти далекие страны, Майн Рид умеет внушить читателю уважение к ним, он избегает дешевых эффектов и отсебятины, столь характерной для низкопробной приключенческой литературы, натравливающей юного читателя на «дикаря», на «краснокожего» или «черномазого».

Герои научно-популярных романов и повестей Майн Рида особенно привлекательны: это охотники-натуралисты, бесстрашные исследователи. Таковы герои романов «Ползуны по скалам», «Охотники за растениями», «Путешествия юных буров». Тип ученого-путешественника, рождающийся в романах Майн Рида почти одновременно с появлением его у Жюля Верна, подсказан был обоим писателям биографиями великих путешественников XIX века.

Романы Майн Рида, по меткому выражению одного из советских исследователей, представляют собой «живую географическую энциклопедию». Действие их ра-

зыгрывается в самых различных углах нашей планеты — в Южной и Северной Америке, в степях Южной Африки и в горах Азии, в просторах Тихого океана и в Австралии, в столицах Европы и девственных лесах.

Заметное место среди героев Майн Рида принадлежит детям. Находчивые, самостоятельные, энергичные мальчики Майн Рида, верные, смелые товарищи, умеют переносить лишения и невзгоды, прямо смотреть в лицо опасности, хотя и им бывает больно, холодно, страшно. Писатель не скрывает, что жизнь его героев — суровая школа.

Майн Рид убеждает своих молодых читателей, что и они могут стать юными путешественниками, юными натуралистами, узнающими из первых рук — от самой природы — множество интересных и важных вещей.

Романы об охотниках-натуралистах насыщены огромной любовью к природе, к животному миру, проникнуты глубоким уважением к подлинным представителям науки, поле деятельности которых не ограничено стенами кабинета.

Иногда Майн Рид полностью отдавался своим научным интересам. Отбрасывая всякие литературные ухищрения, он создавал талантливые научно-популярные книги, вроде «Зоологии для детей» (1860) или «Популярного описания различных человеческих рас» (1860).

Лучшие романы Майн Рида, за немногими исключениями, приходятся на первые десять — пятнадцать лет его творчества. В эти годы написаны «Белый вождь» (1855), «Квартеронка» (1856), «Оцеола, вождь семинолов» (1858), «Мароны» (1862). К тому же времени относятся и такие удачные его романы, как «Охотники за растениями» (1857), «Морской волчонок» (1859), «Ползуны по скалам» (1864). Большие общественные конфликты, которых он касается в те годы, представляют благородную почву, на которой расцветат его талант рассказчика. «Квартеронка» и сейчас увлекает читателя правдивым, взволнованным изображением жизни Южных штатов; широкую картину борьбы индейского народа против американских колонизаторов раскрывает

«Оцеола». Выходя за рамки приключенческого жанра, писатель приближается в этом романе к роману историческому, освещая те стороны прошлого США, о которых предпочитали молчать или лгать американские писатели, воспевавшие истребление индейских народов как некий подвиг американских войск.

Образ Оцеолы возвышается над всем, что создано Майн Ридом. В этом произведении и особенно в самой фигуре вождя индейского племени семинолов сказывается плодотворное воздействие больших народных движений на творчество художника. Работая над этой книгой в 50-х годах, когда в памяти его еще были живы события 1848—1849 годов, Майн Рид изобразил мужественное сопротивление племени семинолов со всей силой своего таланта. Он сумел глубоко прочувствовать трагедию индейских народов Америки, увидел живущую в них волю к сопротивлению, прославил их свободолюбие и мужество.

Образ Оцеолы увлек и великого американского поэта Уитмена. Почти в те же годы, когда Майн Рид пишет свой роман, Уитмен создает стихотворение «Оцеола», полное искреннего сочувствия к героическому вождю семинолов.

В «Оцеоле» и «Квартеронке» Майн Рид выступил с обличением американской буржуазии, ее политики, ее образа жизни. Сильны и страницы романа «Мароны», посвященные разоблачению английских работорговцев, обосновавшихся на острове Ямайка, который был отнят Англией у испанцев как база для пиратства у побережий Америки и как территория, удобная для разведения сахарного тростника. На ямайских плантациях рождались, трудились и умирали сотни тысяч рабов, сначала белых, среди которых было немало ирландцев, затем исключительно негров, быстро составивших основное население Ямайки.

Правда, к тому времени, как Майн Рид написал свой роман, рабство на Ямайке было отменено — в значительной степени из страха перед непрекращающимися восстаниями беглых рабов, которые и назывались маронами; о них и повествует роман Майн Рида. Но всем

еще были памятны страшные условия жизни на плантациях Ямайки, и поэтому отталкивающие фигуры кровопийцы Джесюрона и плантатора Вогана имели живое общественное значение. Эти фигуры показывают, что Майн Рид — мастер романтических характеристик — умел быть беспощадно резким и метким в изображении ненавистных ему торговцев «живым товаром».

Положительные идеалы писателя нашли более ясное выражение на ранних этапах его творчества. Они намечены, например, в его повести «Жилище в пустыне» (1852), в которой рассказано об участи семьи переселенцев, заброшенной в глухой, необитаемый уголок Калифорнии. Их лошади и быки погибли, они уже не надеются добраться до населенных мест — дети и женщины не выдержат долгого и опасного путешествия; им остается обосноваться там, где неожиданно прервалась их дорога.

Вынужденные вести жизнь новых робинзонов, герои Майн Рида сохраняют присутствие духа, не опускаются. Своими руками сооружают они жилье, добывают пропитание. Маленькая община прилежных и бодрых тружеников существует плодами своей работы; ей не нужны ни деньги, ни сложное промышленное и торговое хозяйство буржуазного общества. Они свободны от всех бедствий и невзгод, связанных с положением скромного труженика в условиях буржуазного строя.

Переселенцы Майн Рида не забывают и о своих духовных нуждах. Взрослые занимаются с детьми, устроив импровизированную школу; дети в праздничные дни развлекают родителей и самих себя, разыгрывая отрывки из классических пьес; у переселенцев оказывается несколько хороших книг — верных друзей и Майн Рида и его героев.

Конечно, эта утопия наивна, но она показывает, как тяготился Майн Рид буржуазными условиями существования, как мечтал он о жизни, свободной от них.

Вместе с тем уже в 60-х годах все отчетливее выступает стремление Майн Рида быть прежде всего занимательным, заинтересовать читателя необыкновенными и загадочными событиями, в развитии и разрешении кото-

рых и состоит содержание многих его романов. Этих черт было сравнительно мало в «Квартеронке», в «Оцеоле», но уже в «Маронах» авантюрная линия определилась очень ясно. Особенно ярко выражена она во «Всаднике без головы» — этом лучшем приключенческом романе Майн Рида. Однако «Всадник без головы» увлекает не только мастерски построенным сюжетом, но и разнообразными картинами жизни Техаса; роман дает широкое представление о первых годах господства янки в Техасе; не без основания Майн Рид назвал его «техасской повестью».

Постепенно в творчестве Майн Рида на первый план выдвигаются романы и повести, посвященные собственно охотничьей теме: «Охота на левиафана» (1862), «Ползуны по скалам» (1864), «Охотники за жирафами» (1867), или чисто авантюрные, далекие от значительных вопросов: «Сигнал бедствия» (1876), «Смертельный выстрел» (1873). Эти тенденции окончательно берут верх в повестях и романах конца 70-х и начала 80-х годов.

Было бы неверным полагать, что писатель окончательно отошел от общественных интересов. Так, например, в 1872 году написан роман «Перст судьбы», проникнутый сочувствием к борьбе итальянского народа за свободу и независимость, в 1875 году — «Золотой браслет», в котором Майн Рид вновь возвращается к теме борьбы индейских народов против США. Но поздние романы значительно уступают лучшим произведениям 50-х годов. Это видно хотя бы из самого беглого сравнения образов Оцеолы и Мак-Диармайда — героя романа «Золотой браслет». Оцеола восстает, движимый высокими чувствами любви к отчизне и родному племени, а метис Мак-Диармайд становится во главе индейцев прежде всего из личных побуждений. Большая тема, широко и значительно звучавшая в начале творческого пути Майн Рида, мельчает и вырождается в его поздних романах, хотя писатель попрежнему осуждает политику истребления индейцев, методически проводимую США. В романе «Затерянная гора» (1883) борьба американских предпринимателей с индейцами становит-

ся уже только канвой для увлекательного повествования.

Перелом и затем упадок в творческом развитии писателя относятся, видимо, к концу 60-х и началу 70-х годов. Это были годы, когда рухнули издательские и сельскохозяйственные планы писателя, когда он метался между Англией и Америкой, был на краю нищеты и гибели. В 70-х годах Майн Рид вынужден примириться с тем, что писательский труд для него — единственный источник существования. Нередко этот труд становится для Майн Рида трудом чернорабочего, почти механическим, зависящим от неумолимого бюджета, требующего стольких-то фунтов стерлингов в месяц. Все чаще обращается капитан Майн Рид к чужим книгам и наблюдениям — свои уже исчерпаны, а пополнить их некогда. Он спешит, печатает по две, а то и по три книги в год, все чаще повторяет самого себя и в сюжетах и в действующих лицах.

Но перелом объясняется не только этими фактами. Надо иметь в виду и другое важное обстоятельство: идеи и мечты, вдохновлявшие революционеров 1848 года и близких к ним людей, в 50-х годах еще тревожили их душу; в 60-х и 70-х годах пришла эпоха новых революционных идей, новых общественных движений, в которых решающей силой становился рабочий класс, заявивший о себе во время Парижской Коммуны 1871 года, но Майн Рид уже не мог с достаточной глубиной подметить и понять характер нового периода истории, начинавшегося в эти годы, не мог уловить, в чем заключаются его противоречия, его важнейшие особенности.

Немало бойцов 1848 года, подобно Майн Риду остановившись в своем развитии, не могли пойти за историей вперед; они чувствовали себя одинокими и лишними, теряли перспективу. Особенно трудно было положение таких бывших революционеров и бунтарей в Англии и Америке. Быстрое развитие капитализма в этих странах создавало видимость всестороннего прогресса, видимость прочности буржуазного строя. Многие люди, недавно восстававшие против американских и

английских капиталистов, теперь становились их слугами; бывшие участники революции 1848 года мирились с несправедливостями, против которых они когда-то боролись; писатели, еще в 40—50-х годах резко критиковавшие буржуазное общество, теперь приходили к выводу, что оно может быть исправлено путем реформ, утрачивали свой боевой дух, поддавались воздействию буржуазной действительности и различных ложных буржуазных теорий.

Но даже отойдя от благородных, высоких тем своего раннего творчества, Майн Рид оставался до самой смерти честным писателем. Он противостоял многочисленным буржуазным авторам, которые сделали из приключенческой литературы выгодное средство наживы, прививая молодежи жестокость, расовые предрассудки, эгоизм, проповедуя «право сильного».

Современник многих замечательных английских и американских писателей XIX века — Диккенса и Теккерея, Эдгара По, Купера, Бичер-Стоу, Уитмена, Брет-Гарта, раннего Марка Твена, — Майн Рид создал произведения, которые тесно связаны с лучшими традициями английской и американской литературы. Подобно передовым писателям Америки и Англии, он выступал против рабства и угнетения, против торговли людьми, против истребления индейских племен, против зверского режима плантаторского Юга. Он создал запоминающиеся образы простых людей Америки: охотников, пионеров-поселенцев, негров, индейцев. Как и великие английские писатели его времени, он осуждал укреплявшуюся в мире власть золота. Майн Рид обращался к насущным общественным темам, которые интересовали в его время всех больших писателей мира. Такое значение имела тема равноправия народов, к которой постоянно обращался писатель в своих ранних романах. Не меньшее значение имела и тема борьбы за свободу, вдохновлявшая молодого Майн Рида.

Правда, темы великой мировой литературы XIX века разработаны Майн Ридом в том духе, какого требует самый жанр романа приключений. На первый план выдвигаются не общественные вопросы, а увлекательный

сюжет; судьба героя не всегда связана с важными общественными темами, которых писатель касается лишь попутно. Но в романах «Квартеронка» и «Оцеола» самое приключение, самый сюжет рождается из определенных общественных и политических условий, и это сказывается на всем характере обеих книг, которые воспитывают чувство ненависти к работорговцам и колонизаторам.

В литературе приключений Майн Рид занимает заметное и почетное место. Он продолжает традиции Фенимора Купера — великого художника, впервые поведавшего правду о трагической судьбе индейских народов Америки, а также традиции капитана Мариетта — автора многочисленных морских романов. В английской приключенческой литературе XIX столетия Майн Рид— наиболее яркая и положительная фигура.

В конце XIX века выдвигаются Конрад, Стивенсон, Хаггард — талантливые мастера английского приключенческого романа, но для них приключение важнее всего; оно увлекает их уже не как повесть о мужестве и высоком подвиге, а как возможность бежать от томительных и бесцветных будней викторианской Англии [1], в которой доживал свой век и капитан Майн Рид.

Прямая линия ведет от повестей Майн Рида о Калифорнии и Техасе к талантливым произведениям Брет-Гарта. В рассказах Брет-Гарта жизнь великих рек Южных штатов, описание трагедий, разыгрывавшихся на пароходах и в игорных притонах, напоминает многие страницы «Авантюриста Депара» или «Квартеронки»; близок к романам Майн Рида и колорит повести Брет-Гарта «Степной найденыш». Когда в конце XIX века юноша Джек Лондон будет зачитываться книгами о смелых путешественниках и охотниках, среди авторов, которые ему запомнятся, будет и капитан Майн Рид: о его романе «Водою по лесу» он упоминает в «Лунной долине». Мимо повестей и рассказов Майн Рида, любовно изображающих мир животных, не пройдет и такой

[1] Так называют Англию второй половины XIX века — по имени королевы Виктории, царствовавшей в эти годы (1837—1901).

мастер рассказов о животных, как канадский писатель Сетон-Томпсон, хорошо известный советскому читателю. Его книга «Рольф в лесах», повествующая о приключениях мальчика в диких чащобах Канады, очень близка к некоторым охотничьим повестям Майн Рида, героями которых были смелые мальчики — звероловы и следопыты.

Да, многие английские и американские писатели с пользой для себя читали повести и романы капитана Майн Рида. Зато буржуазные историки английской и американской литературы либо вовсе умалчивают о Майн Риде, либо дают о нем самые общие и нередко искаженные сведения. У себя на родине Майн Рид всегда вызывал настороженное и враждебное отношение как писатель, открыто сочувствовавший угнетенным и сознательно истребляемым народам колоний. Буржуазная Англия стремилась воспитать молодые поколения англичан в духе презрения ко всем другим народам — и прежде всего к тем, которые были вынуждены нести тяжкое иго англо-саксонского господства. Книги Майн Рида никак не подходили для этой цели.

Русскому читателю Майн Рид хорошо знаком с 70-х годов, хотя отдельные переводы появлялись и раньше. Его романы были сочувственно встречены русской передовой критикой. Друг и сподвижник Чернышевского — Николай Шелгунов, назвавший Майн Рида «детским романистом», посвятил ему статью в журнале «Дело». Несколько поколений русской молодежи, давших стране немало отважных исследователей, зачитывалось Майн Ридом.

До 1917 года в России было издано два собрания сочинений Майн Рида. Но дореволюционные переводы не всегда выполнялись на должном художественном уровне, зачастую даже делались не с подлинника, а с немецких и французских изданий. Переводчики и издатели по своему усмотрению и произволу сокращали и переделывали авторский текст. Поэтому большинство старых русских переводов не дает достаточного представления о художественной палитре Майн Рида — о богатых описаниях природы, блещущих яркими красками, о метких

наблюдениях над жизнью животных, о живости диалога и мастерстве рассказчика, искусно плетущего нить повествования.

В СССР лучшие произведения Майн Рида пользуются заслуженной популярностью. Многократно переиздавался его роман «Всадник без головы». В 20-х годах вышло собрание сочинений с рядом небольших вступительных статей, разъясняющих содержание и значение его романов. Некоторые рассказы издавались у нас и на английском языке.

Вместе с тем далеко не все книги Майн Рида выдержали испытание временем: многое сейчас устарело и не представляет интереса. Наше издание не является полным собранием сочинений Майн Рида. Мы включили в него те романы, которые наиболее интересны для наших юных читателей и представляют познавательную ценность.

Наличие у Майн Рида ряда произведений, связанных общей темой и даже общими героями, дает возможность объединять его книги в отдельные циклы, иногда независимо от времени их написания. Таким образом читатель найдет в пределах одного тома более или менее родственное содержание: то это романы, живописующие трагические события из жизни народов Америки, то овеянные вольным ветром морей повести о дальних странствиях, то увлекательные приключения бесстрашных героев, исследующих и покоряющих величественную первобытную природу.

Мы надеемся, что и для них, охотников, путешественников и храбрецов Майн Рида, найдется место в галерее тех литературных образов, которые дороги сердцу нашего юного читателя.

Р. Самарин

БЕЛЫЙ
ВОЖДЬ
Северомексиканская
легенда

Перевод с английского

Э. Березиной и Р. Облонской.

Редактор *Н. Галь*

N
S
Пещера
Хижина охотников
Ранчо Хосефы
Гасиенда Амбросио
САН-ИЛЬДЕФОНСО
Ранчо дона Хуана
Тюрьма
Крепость
Болото
Утес загубленной девушки
Ранчо Карлоса
Пекос
Лесной брод
КАРТА
города
САН-ИЛЬДЕФОНСО
и
его окрестностей

Глава I

Это случилось в глубине Американского континента, более чем за тысячу миль от обоих океанов.

Поднимитесь со мною вон на ту гору и с ее снеговой вершины посмотрите вокруг.

Вот мы уже на самом высоком гребне. Что же мы видим?

На север, пересекая тридцать параллелей, до самых берегов Северного Ледовитого океана, тянутся горы. Они беспорядочно громоздятся и на юге: цепи их то расходятся, то сплетаются в узел. И на западе тоже горы; их неровные очертания четко вырисовываются в небе, а у подножий раскинулись широкие плоскогорья.

А теперь обернемся на восток. Ни одной горной вершины! Ни одной — насколько хватает глаз и еще на тысячи миль. Вон та темная линия, встающая на горизонте, — это лишь скалистый край другого плоскогорья, такой же прерии, только приподнятой чуть выше над уровнем моря.

Где же мы? На какой вершине? На Сьерра-Бланка, которую охотники называют «Испанский пик». Мы на западной окраине Великих Равнин.

На востоке глаз не встречает никаких признаков цивилизации. Можно ехать целый месяц и все равно не встретить их. На севере, на юге — лишь горы да горы.

Не то на западе. В подзорную трубу вы разглядите вдалеке возделанные поля, протянувшиеся вдоль берегов сверкающей на солнце реки. Это поселения Новой Мексики, оазис, питаемый водами Рио дель Норте. Но события, о которых пойдет речь, развернулись не здесь.

Взгляните снова на восток — и место действия будет перед вами. От подножия горы, на которой мы стоим, простирается далеко на восток плоскогорье. Здесь нет предгорий, оно вплотную подходит к горному кряжу; один шаг — и под ногами у вас уже не ровная земля, а скалистый, поросший сосною склон.

Плоскогорье это не назовешь однообразным. Местами, где разрослась невысокая густая трава, оно яркозеленое, но бóльшая часть его бесплодна, точно пустыня Сахара. Вот лежит бурая, выжженная солнцем земля, на которой не видно ни травинки, а там — рыжие пески, а еще дальше все бело, как снег, покрывающий вершину, на которой мы стоим, — это на поверхность проступила соль.

Скудная растительность не одевает землю зеленым нарядом. Листья агавы испещрены багровыми пятнами, тусклая зелень кактусов кажется еще безжизненнее оттого, что они сплошь покрыты колючками. Острые листья юкки посерели от пыли и напоминают связки заржавленных штыков; низкорослая, чахлая акация почти не дает тени, и под ней едва могут укрыться

большие темные ящерицы и гремучие змеи. То тут, то там одиноко стоит карликовая пальма с голым стволом и пучком листьев на вершине; она придает пейзажу что-то африканское. Глаз всегда быстро устает от картины, где предметы кажутся угловатыми и колючими, а здесь так выглядят не только деревья, но и все растения, и даже у каждой травки свои шипы.

С какой радостью обращаешь взгляд к чудесной долине, уходящей к востоку от подножия горы! Как не похожа она на это бесплодное плоскогорье! Она сплошь устлана ковром яркой зелени, усеянным цветами, которые сверкают всеми красками, словно драгоценные камни. Так и манят к себе тенистые рощи, где сплетают свои ветви тополь, китайское дерево, дуб, ива. Спустимся же под их сень.

Вот мы и у края плоскогорья, а долина все еще далеко внизу, до нее по меньшей мере тысяча футов, но со скалы, которая нависает над нею, можно окинуть взглядом всю ее на многие мили. Она такая же плоская, как и плоскогорье, лежащее выше; и, глядя на нее сверху, представляешь себе, что здесь земная кора раздалась и часть плоскогорья, опустившись вниз, коснулась самых истоков животворной силы земли, которой лишено высокое плоскогорье.

По обе стороны долины, насколько хватает глаз, протянулись отвесные скалы; они спускаются крутыми тысячефутовыми уступами и почти неприступны; взобраться на них можно лишь в некоторых местах. Ширина долины десять миль, а каменные стены, ограждающие ее, одинаковой высоты и похожи друг на друга, как близнецы. Мрачные и дикие, нависают они над приветливой, сияющей долиной, и она напоминает прекрасную картину в грубой, топорной раме.

Река делит долину надвое; серебряной змейкой она прихотливо извивается то вправо, то влево, словно ей любо струиться меж этих ярких и веселых берегов. Бесконечные изгибы, спокойное течение свидетельствуют о том, что ложе ее почти совсем гладкое. Берега ее поросли лесом, но не сплошь: здесь он тянется широкой полосой, там по самому краю берега стоят редкие де-

ревья, едва затеняя реку, а вон виднеется зеленый луг — он сбежал к самой воде.

То тут, то там разбросаны небольшие рощи. Они все разные: одни совсем круглые, другие — продолговатые или овальные, а третьи изогнуты, как рог изобилия. Кое-где деревья растут в одиночку; их пышная крона говорит о том, что природа не пожалела на них сил. Эта долина наводит на мысль о прекрасном парке, насажденном рукой человека, и деревьев здесь как раз столько, чтобы украсить парк, не скрывая его прелести.

Неужели здесь нет дворца или замка, который дополнил бы картину? Нет, ни дворца, ни какого-либо жилища; ни единый дымок не поднимается к небу. Ни души не видно в этом диком раю. Здесь бродят стада оленей, в тенистых рощах отдыхают величественные лоси, но людей здесь нет. Быть может, нога человека никогда...

Но нет! Наш спутник говорит совсем другое. Слушайте:

«Это долина Сан-Ильдефонсо. Сейчас она необитаема, но было время, когда ее населяли цивилизованные люди. Почти посередине долины там и тут видны какие-то беспорядочные груды. На них буйно разрослись сорные травы, деревья, но вглядитесь — и вы поймете, что это развалины города.

Да, когда-то на этом месте был большой, богатый город. Здесь стояла крепость, и на башнях ее реял испанский флаг. Была здесь и миссия, основанная отцами иезуитами, а по всей долине, вокруг города, поселились богатые владельцы рудников и асиенд. Всюду деловито сновал народ, всюду кипели страсти — любовь и ненависть, честолюбие, алчность и месть. Сердца, горевшие ими, давно уже перестали биться, и дела, ими порожденные, ни один летописец не запечатлел на бумаге. Они живут лишь в рассказах, в легендах, похожих более на вымысел, чем на быль.

И, однако, этим легендам не больше ста лет. Сто лет назад с вершины этой горы можно было увидеть не только поселение Сан-Ильдефонсо, но и еще множество городов, поселков, деревень, а ныне на месте их не за-

метишь и следов человеческого жилья. Самые имена этих городов забыты, и их история погребена среди развалин.

Индейцы жестоко отомстили убийцам Монтесумы [1]. Если бы саксы позволили этой войне, этой мести бушевать еще столетие... нет, даже полстолетия, от потомков Кортеса и от его воинов-завоевателей не осталось бы и следа на земле Анауака [2].

Слушайте же легенду Сан-Ильдефонсо!»

Глава II

Пожалуй, ни в одной стране нет столько религиозных праздников, как в Мексике. Считается, что церковные праздники помогают обратить местное население в христианскую веру, поэтому на мнимосвятой мексиканской земле святцы значительно расширены. Редкая неделя обходится без празднества со всеми его атрибутами: тут и хоругви, и процессии, и священники в торжественном облачении, точно для представления «Писарро» [3], и духовые ружья, и фейерверки, и повсюду обнажают головы и прямо в пыли преклоняют колена простодушные жители. Все вместе это очень напоминает лондонские шествия в память «порохового заговора» [4] и почти столь же благотворно влияет на нравственность населения.

---

[1] Монтесума — вождь ацтеков в Мексике. Убит во время завоевания Мексики испанцами в 1520 году.

[2] Анауак — южная часть мексиканского нагорья, область формирования союза ацтеков; по-ацтекски означает «страна у воды».

[3] «Писарро» — принадлежащий знаменитому английскому драматургу Р. Б. Шеридану перевод пьесы немецкого драматурга А. Ф. Коцебу (1761—1819) «Испанцы в Перу».

[4] «Пороховой заговор» — неудавшееся покушение католиков на английского короля Иакова I в 1605 году. В день открытия сессии парламента в подвале парламента инициаторы заговора собирались взорвать бочки с порохом. Заговор был раскрыт, а вожаки казнены. С тех пор долгое время в день раскрытия заговора, 5 ноября, по Лондону носили чучело Гая Фокса — вожака заговорщиков.

Конечно, святые отцы затевают эти церемонии не просто для развлечения — вовсе нет. У них имеются в запасе разные небольшие молитвы, индульгенции[1], святая вода, и всем этим они во время праздников оделяют верующих, притом отнюдь не безвозмездно; и когда несчастному грешнику приходит охота покаяться, его основательно обирают, зато ему обещают короткий и легкий путь прямо в рай.

Казалось бы, церемонии эти должны быть исполнены торжественности — ничуть не бывало. Они становятся, в сущности, просто развлечением. Зачастую увидишь коленопреклоненного богомольца, который изо всех сил старается унять боевого петуха, спрятанного в складках серапе и порывающегося закукарекать. И это — под священными сводами храма господня!

В дни празднеств богослужения длятся недолго, а затем вступают в свои права азартные игры, скачки, травля медведей собаками, петушиные бои и другие столь же неприхотливые забавы. Среди игроков вы встретите и священника в сутане, который утром читал молитвы, и, если угодно, можете поставить свой доллар или дублон против его монеты.

Один из самых торжественных и пышных праздников в Мексике — день святого Иоанна. В этот день, особенно в деревнях Новой Мексики, никто не остается дома. Нарядные толпы направляются к какому-нибудь определенному месту, обычно на соседний луг, чтобы полюбоваться самыми разными состязаниями: скачками, погоней за быком, петушиными гонками. В перерывах играют в карты, курят, любезничают с девушками.

В дни празднеств устанавливается некоторое подобие равенства, точно при республике. Богатый и бедный, знать и простонародье — все смешались в толпе, все развлекаются вместе.

* * * * * * * *

---

[1] Индульгенция — папская грамота об отпущении грехов; индульгенции продавались католической церковью за деньги.

Сегодня день святого Иоанна. На широком зеленом лугу, что раскинулся за окраиной города, собрались жители Сан-Ильдефонсо. Здесь по праздникам всегда происходят игры, и скоро они начнутся. А пока давайте побродим в толпе и посмотрим, из кого она состоит.

Тут представлены все слои общества, вернее — всё здешнее общество.

Вот торопливо идут два тучных святых отца из миссии, в сутанах грубой саржи, с четками и крестами, свисающими до колен; у обоих блестят тщательно выбритые тонзуры. Индейцу-апачу не удалось бы поживиться их скальпами.

А вот священник городской церкви в длинной черной сутане, в широкополой шляпе, в черных шелковых чулках и туфлях с пряжками — его сразу заметишь. Он то милостиво улыбнется толпе, то метнет в нее хитрый и злобный взгляд черных глаз, то, помогая вновь прибывшей сеньоре занять место, выставит напоказ свои холеные, унизанные перстнями пальцы. Поистине они великие дамские угодники, эти непорочные служители мексиканской церкви.

Мы подошли к скамьям, которые поднимаются амфитеатром, в несколько рядов. Посмотрим, кто же здесь расположился. С первого взгляда ясно, что это цвет общества, местная аристократия. И в самом деле, вот богатый негоциант дон Хосе Ринкон со своей дородной супругой и четырьмя пухлыми, сонными дочерьми. Здесь же супруга алькальда и все его семейство; и сам алькальд со своим украшенным кистями жезлом — знаком его достоинства; и девицы Эчевариа — прелестные создания (как они сами полагают) — в сопровождении брата-щеголя, который отверг национальный костюм ради парижской моды. Здесь и богатый асиендадо [1] сеньор Гомес дель Монте, обладатель бессчетных стад и обширного поместья в долине; здесь и многие другие землевладельцы со своими женами и дочерьми. И тут же — привлекающая все взоры прекрасная Каталина

---

[1] Асиендадо — владелец асиенды, крупного поместья.

На праздник в день святого Иоанна собрались

де Крусес, дочь богатого владельца рудников дона Амбросио.

Счастлив будет тот, кто завоюет улыбку Каталины, или, вернее, благосклонность ее отца, ибо это он скажет решающее слово, когда дело дойдет до замужества дочери. Впрочем, ходят слухи, что все уже слажено и что удачливый претендент на руку Каталины — капитан Робладо, первое после коменданта лицо в крепостном гарнизоне. А вот и он сам — лихой усач; грудь и спина у него в золотых галунах и шнурах; он свирепо хмурит брови, стоит только кому-нибудь заглядеться на прекрасную Каталину. Но хоть у него и золотые галуны и гордый вид, а этот выбор едва ли свидетельствует о хорошем вкусе Каталины.

Впрочем, ее ли это выбор? Быть может, нет; быть может, это выбор дона Амбросио. Честолюбивые мечты завладели им: плебей по рождению, он решил породниться с благородным идальго. У капитана нет ни гроша за душой, если не считать его солдатского жалованья, да и оно уже взято за несколько месяцев вперед,

представители всего общества Сан-Ильдефонсо.

зато он настоящий ачупино[1] — в его жилах течет «голубая» кровь подлинного идальго. В своих честолюбивых мечтах старый скряга неоригинален, их разделяют все выскочки.

Тут же стоит комендант Вискарра, высокий сорокалетний полковник, весь в галунах, в шляпе с перьями — настоящий павлин.

Это веселый старый холостяк. Он оживленно переговаривается то с отцом иезуитом, то с городским священником, то с алькальдом, а тем временем оглядывает проходящих мимо крестьянских девушек, прибывших на праздник, и глаза его перебегают с одного смазливого личика на другое. Девушки с изумлением смотрят на его ослепительный мундир, а ему, воображающему, что он второй Дон Жуан, в их взглядах чудится восхищение, и он любезно и снисходительно улыбается им в ответ.

---

[1] Ачупино — прозвище испанцев, переселившихся в Америку.

Здесь и третий офицер — в крепости их всего три — лейтенант Гарсия. Он красивее старших офицеров, а потому пользуется бо́льшим успехом и у простых крестьянских девушек и у богатых и знатных сеньорит. Я, право, удивлен, что прекрасная Каталина не отдала ему предпочтения. Впрочем, кто поручится, что она этого не сделала? В Мексике женщина умеет хранить тайны своего сердца — их не прочтешь на ее лице, и они не легко слетают с языка.

Не так-то просто сказать, о ком сейчас думает Каталина. В ее годы — а ей двадцать лет — сердце редко бывает свободным. Но кто же он? Робладо? Готов держать пари, что нет. Гарсия? Тут, во всяком случае, можно спорить. Ну, а кроме них, ведь есть и другие — и молодые асиендадо, и служащие на рудниках, и несколько городских щеголей-купцов. Ее выбор мог пасть на кого-нибудь из них. Как знать!

Побродим еще немного в толпе.

Вот солдаты гарнизона; их шпоры позванивают, сабли волочатся по земле, они по-братски смешались с толпой ремесленников в серапе, рудокопов, скотоводов из долины. Они подражают манерам своих офицеров и расхаживают с таким чванным, гордым видом, что сразу понимаешь: военные здесь — власть и сила. Это всё уланы — пехота была бы бесполезна в борьбе с индейцами, — и они воображают, что громкий звон шпор и бряцание сабель еще больше возвышают их в глазах окружающих. Вояки бесцеремонно разглядывают девушек, а крестьянским парням не очень это по вкусу, и они ревниво следят за своими невестами и возлюбленными.

Все девушки, и хорошенькие и некрасивые, надели ради праздника свои лучшие, самые яркие наряды. У одних юбки голубые, у других алые, у третьих пурпурные, чаще всего отделанные внизу пышными оборками, отороченными узкой тесьмой. Девушки носят вышитые кофточки с белоснежными оборочками, а поверх с большим изяществом набрасывают иссиня-черные шали, закрывая шею, грудь, плечи, а иногда, из особого кокетства, и лицо. Но еще прежде чем наступит вечер,

этот покров будет уже не столь ревниво оберегать стыдливость своих хозяек. Из-за этих живописных складок уже выглядывают на белый свет самые прелестные личики, и по тому, как нежна их не тронутая загаром кожа, можно понять, что они лишь перед самым праздником смыли с лица ягодный сок, который уродовал их последние две недели.

Скотоводы тоже в своих лучших праздничных костюмах: на них бархатные, широкие внизу брюки с бахромой по бокам, ярко начищенные кожаные сапоги, куртки из дубленой овчины или бархатные, пестро расшитые, а под куртками вышитые рубашки, и все они опоясаны яркокрасными шелковыми шарфами. На головах широкополые черные блестящие сомбреро; их тульи повязаны золотой или серебряной тесьмой, концы которой свободно свисают. У некоторых вместо куртки на плечи небрежно наброшено серапе. Все они держат в поводу коней, у всех на ногах шпоры весом в добрых пять фунтов, с колесиками, диаметр которых достигает трех, четырех, а то и пяти дюймов.

Служащие рудников, молодые горожане и мелкие ремесленники одеты почти одинаково; но те, которые принадлежат к сливкам общества, чиновники и коммерсанты, — в куртках из тонкого черного сукна и таких же панталонах своеобразного покроя, не то чтобы европейского, но что-то вроде этого, нечто среднее между парижской модой и местным национальным костюмом.

А вот совсем другой костюм, его носят многие, очень многие в толпе — мирные индейцы, полунищие рудокопы, недавно приобщенные к святой церкви. Их одежда проста: прежде всего тильма — что-то вроде куртки без рукавов; если в мешке из-под кофе вырезать дыру, чтобы проходила голова, а с боков сделать прорезы для рук, это и будет тильма. У этой куртки нет никакого подобия талии, она совершенно бесформенная, держится на плечах и свисает почти до самых бедер. Обычно тильму шьют из грубой шерстяной ткани деревенской выделки; ткань эту называют «герга»; она белесая, и лишь несколько цветных полос украшают ее.

Прибавьте к этому штаны из дубленой овчины и грубые сандалии — вот и вся одежда мексиканского мирного индейца. Голова его не покрыта, обнажены и ноги; от колен до щиколоток видна меднокрасная кожа.

Сотни краснокожих местных жителей — пеонов [1], работающих в миссии и на рудниках, — расхаживают взад и вперед, а их жены и дочери сидят на корточках на земле. Перед ними на цыновках разложены всевозможные плоды и фрукты, какие только родятся в этом краю: фиги, петахайя, сливы, абрикосы, виноград, арбузы и дыни всех сортов, жареные кедровые орехи, которые приносят сюда горцы. Кое-кто торгует с лотка сластями, медовым напитком, лимонадом; другие продают небольшие головы жженого сахара или жареные корни агавы. Иные уселись на корточках перед огнем и жарят маисовые лепешки или красный перец или размешивают прессованное какао с сахаром в глиняном горшке, похожем формой на старинную урну. У этих жалких торговцев за несколько мелких монет можно купить порцию густо наперченного тушеного мяса, тарелку маисовой похлебки или чашку маисового напитка. У владельцев других лотков можно купить маленькую дешевую сигару или выпить огненную агвардиенте, доставленную сюда из Таоса или Эль Пасо. Здесь-то больше всего теснятся вечно мучимые жаждой рудокопы и солдаты. Здесь нет палаток, но почти все торговцы пристроили над головой пальмовые цыновки, которые, точно огромные зонтики, заслоняют их от солнца.

Надо сказать еще об одной категории присутствующих, о важных лицах на празднике святого Иоанна: это участники состязаний, те, кто будет оспаривать первенство в играх.

Всё это молодые люди из самых разных слоев общества, все, разумеется, верхом, и каждый постарался раздобыть себе лучшую лошадь, какую только мог. Вот они гарцуют, заставляя своих пестро убранных коней выделывать самые неожиданные прыжки и скачки, особен-

[1] Пеоны — сельскохозяйственные рабочие, находящиеся в полурабской зависимости от помещика.

но когда проезжают мимо скамей, занятых юными сеньоритами. Тут и рудокопы, и молодые асиендадо, и скотоводы, и пастухи, и охотники на бизонов, и торговцы, и все они отлично держатся в седле. В Мексике каждый великолепно ездит верхом, даже горожане — прекрасные наездники.

Здесь около сотни юношей, готовых помериться силами, показать себя во всевозможных играх, требующих ловкости в искусстве верховой езды.

Так пусть же начнутся состязания!

Глава III

Состязания начались с «coleo del toros», что означает: погоня за быком. Арена для настоящего боя быков существует только в самых больших городах Мексики; но в каждой, даже самой маленькой, деревушке можно видеть гонку за быками, потому что для этой игры только и требуется, что открытое место и самый свирепый бык, какого только можно сыскать. Спорт этот не так возбуждает страсти, как бой быков, потому что он не так опасен для участников. Однако и тут нередко бык поднимает на рога лошадь или калечит всадника, а бывают иногда и смертельные случаи. Иной раз споткнется лошадь, и ее вместе со всадником затопчут те, кто мчался следом; в такой беспорядочной гонке несчастные случаи — дело обычное.

Итак, «coleo» — это состязание в силе, мужестве, ловкости, и выйти победителем стремится каждый юноша в Новой Мексике.

Все приготовления закончились, и глашатай объявил, что состязания сейчас начнутся. Приготовления были просты: толпу оттеснили в сторону, так что быку, выпущенному на свободу, была открыта дорога в прерию. Если б ему не предоставили это преимущество, он мог бы броситься на толпу, а этого следовало опасаться. В страхе перед этим многие женщины взобрались на повозки, которых здесь было множество, так как в них-то многие и прибыли сюда. Сеньоры же и

сеньориты, сидевшие на возвышавшихся амфитеатром скамьях, разумеется, чувствовали себя в безопасности.

Соперники уже выстроились в ряд. В этой первой гонке должны участвовать двенадцать человек — юноши из самых разных сословий, которые были или воображали себя первоклассными наездниками. Здесь скотоводы в живописных костюмах, дерзкие погонщики, спустившиеся с гор рудокопы, горожане, землевладельцы из долины, пастухи со скотоводческих ферм, охотники на бизонов, чей дом — бескрайная прерия. Тут же и несколько улан, жаждущих доказать, что никто не сравнится с ними в искусстве владеть конем.

Дан сигнал, и быка выпускают из соседнего кораля. Было бы безумием приставить к нему пеших погонщиков — его сопровождают пастухи верхом на хороших конях, их лассо обвились вокруг его рогов; они начеку и, если бык попробует взбунтоваться, тотчас рывком опрокинут его наземь.

С виду бык — злобное чудище, лоб у него косматый, взгляд свирепый и мрачный. Ясно, что его не придется долго дразнить, чтобы он окончательно рассвирепел, — он уже и сейчас сердито хлещет себя хвостом по бокам, бодает воздух длинными прямыми рогами, отрывисто фыркает и нетерпеливо бьет землю копытом. Как видно, он — один из самых неистовых представителей этой неистовой породы испанских быков.

Зрители не сводят глаз с быка и громко обсуждают его достоинства. Одни находят его слишком жирным, другие утверждают, что он как раз в хорошей форме для гонок: ведь для «coleo» бык должен быть не столько храбрым, сколько быстроногим. Не сойдясь во мнениях, многие заключают пари насчет исхода гонок, спорят о том, сколько времени пройдет от старта до той минуты, когда быка схватят и опрокинут, — этим кончается погоня, это и есть цель игры.

Если принять во внимание, что бык выбран на славу, сильный, быстрый, неистовый, и что преследователь должен справиться с ним голыми руками, не прибегая даже к помощи лассо, — нельзя не признать, что это нелегкая задача. Бык несется во весь опор, почти со

скоростью конского галопа. Чтобы при этих условиях опрокинуть его на землю, нужно совершить подвиг, на который способен лишь человек, обладающий недюжинной силой, ловкостью, превосходный наездник. Этот своеобразный подвиг заключается в том, чтобы схватить быка за хвост и одним рывком повалить его.

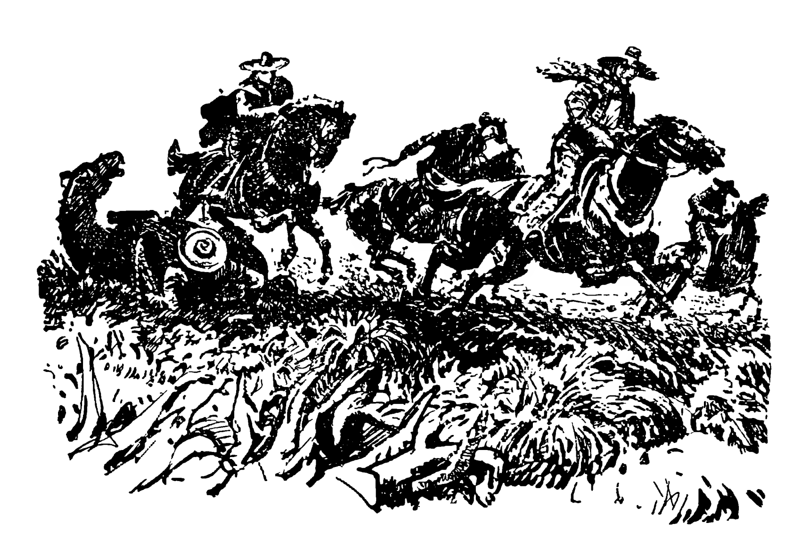
Быка отвели ярдов на двести от линии всадников и здесь остановили; перед ним расстилалась прерия. Лассо, с помощью которых его удерживали, осторожно снимают, делают два-три выстрела из духового ружья, острые колючки вонзаются в круп быка — и он мчится прочь под громкие крики зрителей.

Миг — и всадники, пришпорив коней, скачут за ним, крича кто во что горазд.

Строй сломан, преследователи рассеялись в беспорядке по всему лугу, точно это охота за лисой. С каждой минутой цепь преследователей становится все длиннее; они начинали гонку, выстроившись в один ряд, а сейчас растянулись по одному, по двое на сотни ярдов. И, однако, они продолжают погоню, изо всех сил нахлестывая, пришпоривая и погоняя коней.

Доведенный до бешенства острыми, как стрелы, колючками, вонзившимися ему в бока, напуганный свистом их оперения, бык мчался вперед со всех ног. Даже на самом быстром скакуне не так-то легко было свести на нет фору, которую он получил вначале, и бык опередил всех на добрую милю, прежде чем кто-либо успел приблизиться к нему. Но вот улан на крупной гнедой лошади нагнал его и наконец схватил за хвост. Он дернул раз, другой, надеясь, что одной лишь силы его рук довольно, чтобы опрокинуть животное, но это ему не удалось, — в следующее мгновенье бык вырвался, кинулся в сторону и оставил своего преследователя позади.

Теперь быка настигал молодой асиендадо на великолепном коне; но всякий раз, как он протягивал руку, чтобы ухватить быка за хвост, тот ускользал у него прямо из-под носа. Наконец всаднику все же удалось завладеть хвостом, но бык неожиданно рванулся в сторону, выдернул хвост из рук своего врага и был таков.



Доведенный до бешенства бык мчался все дальше,

Одно из условий «coleo» гласит, что тот из участников, кто раз потерпел неудачу, выходит из игры. Итак, асиендадо и кавалерист теперь уже не участвуют в погоне. Они повернули назад, но не поехали прямо туда, где собрались зрители. Они поехали стороной, подальше, чтобы никто не мог прочесть на их лицах всю глубину их разочарования.

Бык мчался все дальше, нетерпеливые, разгоряченные погоней всадники — за ним. Еще один улан попытался схватить быка и тоже потерпел неудачу, за ним пастух, и еще всадник, и еще — все так же безуспешно, и каждую неудачу толпа встречала вздохом разочарования. Несколько человек вылетели из седла, и зрители громко хохотали над ними. А одна лошадь была тяжело ранена: она оказалась у быка на дороге, и он пропорол ее рогами.

Не прошло и десяти минут, а из двенадцати всадников одиннадцать уже выбыли из игры.

Теперь лишь один продолжает погоню. Бык оказался хоть куда, он завоевал все симпатии, и зрители громко рукоплещут ему.

нетерпеливые, разгоряченные всадники — за ним.

— Браво! Брависсимо! — несется со всех сторон.

Теперь все глаза прикованы к разъяренному животному и к его единственному преследователю. Оба они сейчас довольно близко, и их можно хорошо разглядеть — ведь до сих пор бык уходил от погони не напрямик, все дальше в прерию, но бросался то вправо, то влево, и теперь расстояние между ним и толпой не больше, чем тогда, когда его настиг первый кавалерист. Он и сейчас кидается из стороны в сторону, так что оба они — преследователь и преследуемый — хорошо видны со скамей.

Довольно хоть раз взглянуть на этого всадника и коня, чтобы убедиться: здесь нет равных им по красоте. Превзойдут ли они всех также в быстроте и ловкости? Время покажет.

Конь этот — крупный угольно-черный мустанг с длинным, пышным хвостом, суживающимся к концу, точно хвост бегущей лисы. Хоть он и мчится галопом, на ровном фоне луга хорошо видно, какая у него выгнутая шея и великолепная, гордая стать, и зрители разражаются восторженными криками.

Всаднику лет двадцать или чуть больше, он совсем не похож на своих соперников: у него светлые вьющиеся волосы и белая кожа с нежным румянцем; остальные же все без исключения смуглолицы. На нем праздничный костюм скотовода, богато расшитый и украшенный, а вместо обычного серапе пурпурный плащ, более изящный и нарядный. Длинные полы плаща закинуты назад, чтобы руки оставались свободными, и он развевается на ветру и падает мягкими складками, подчеркивая изящество, с которым всадник держится в седле.

Внезапное появление этого великолепного всадника — вначале он держался позади всех, перекинув свой алый плащ через руку, и был незаметен — привлекло общее внимание, и многие спрашивали, кто же он такой.

— Это Карлос, охотник на бизонов! — крикнул один из присутствующих достаточно громко, чтобы его услышали все.

Кое-кому, видимо, это имя было известно, но большинство слышали его впервые. Один из тех, кто знал его, спросил:

— А почему Карлос раньше не вырвался вперед? Ведь он мог бы нагнать быка, если бы захотел.

— Чорт побери! Конечно, мог! — отозвался другой. — Это он нарочно держался позади, чтобы дать другим попытать счастья. Он знал, что с этим быком никому не справиться. Смотри-ка!

Без сомнения, говоривший был прав.

С первого взгляда стало ясно, что этот всадник без труда мог настичь быка. Даже и сейчас его лошадь шла спокойным галопом, и хотя ее уши были насторожены, а розовые ноздри раздувались, это было знаком не усталости, но возбуждения погони и недовольства тем, что до сих пор всадник не давал ей воли. И в самом деле, он все еще туго натягивал поводья.

В ту секунду, когда один из собеседников взволнованно воскликнул: «Смотри!», поведение всадника вдруг изменилось. Он был примерно в двадцати шагах от своей живой цели и прямо позади нее. Внезапно ло-

шадь рванулась вперед с удвоенной быстротой и в несколько скачков поравнялась с быком. Все видели, как всадник ухватился за длинный вытянутый бычий хвост, низко пригнулся, тотчас же резко выпрямился — и огромный рогатый зверь опрокинулся наземь. Всадник проделал все это с такой легкостью, словно он одолел не быка, а обыкновенную кошку. Зрители разразились громкими криками «viva». Победитель повернул коня, проехал мимо скамей, скромно раскланиваясь, и скрылся в толпе.

Среди зрителей немало было таких, которым показалось, будто, пока победитель раскланивался, взор его был обращен к прекрасной Каталине де Крусес; а некоторые даже уверяли, что она улыбнулась ему в ответ и, видимо, была польщена. Но это, разумеется, невозможно. Неужели наследница богача дона Амбросио ответит улыбкой на поклон какого-то охотника на бизонов!

Но нашлась среди зрительниц одна, которая и в самом деле улыбнулась ему. Это была белокурая девушка с очень светлой кожей; она стояла в повозке, к которой подъехал победитель. И сейчас, когда они оказались рядом, видно было, что они похожи друг на друга, как две капли воды. В их жилах текла одна кровь, кожа их была одного цвета, они были дети одного народа, а быть может, и одного отца. Да, белокурая девушка была сестрой охотника на бизонов. Она улыбалась, счастливая победой брата.

В глубине этой повозки сидела женщина, чья внешность сразу останавливала внимание, — старая, с длинными распущенными волосами, белыми как снег. Она не произнесла ни слова, но ее пристальный взгляд, обращенный на Карлоса, горел торжеством. Некоторые смотрели на нее с любопытством, но большинство — со страхом, почти с ужасом. Они кое-что знали о ней и шопотом передавали друг другу странные слухи.

— Она колдунья! — говорили они. — Ворожея!

Люди говорили это потихоньку, вполголоса — из опасения, как бы не услыхали Карлос или светловолосая девушка. Ведь это была их мать!

Глава IV

Игры продолжались. Бык, побежденный Карлосом, совсем присмирел и угрюмо бродил по лугу. Он уже не годился для участия во втором туре состязаний, поэтому на него накинули лассо и увели: это приз, его отдадут победителю.

Вывели другого быка и пустили, и новый десяток всадников кинулся за ним по пятам.

На этот раз дичь и ее преследователи были больше под стать друг другу — вернее, бык оказался не таким быстроногим: все разом нагнали его и в неудержимой скачке промчались далеко вперед. Совершенно неожиданно бык круто повернул и кинулся назад, прямо к зрителям. Перепуганные крестьянки в повозках, сеньоры и сеньориты на скамьях подняли крик. И неудивительно: еще мгновение — и разъяренный зверь окажется здесь, среди них!

А всадники остались где-то позади. Необходимость на всем скаку повернуть обратно застала их врасплох, и теперь бык далеко опередил их. Даже самые ближние не могли поспеть во-время.

Все остальные наездники уже спешились. А кто же пеший осмелится преградить дорогу мчащемуся во весь опор разъяренному быку!

Мужчины растерялись; их громкие крики смешались с отчаянными воплями охваченных ужасом женщин. Будут жертвы... быть может, не одна. Никто не мог быть уверен, что его не настигнет смерть.

Повозки, полные перепуганных насмерть женщин, выстроились рядами по обе стороны скамей и тянулись дальше по лугу, образуя нечто вроде полукольца. Вот бык уже в этом полукруге, повозки не дают ему свернуть ни вправо, ни влево, и он бешено мчится прямо к скамьям, словно решил прорваться через них. Женщины вскочили и, обезумев от страха, кажется, готовы были прыгнуть прямо на рога чудовища. Ужасная минута!

И в эту минуту перед повозками появился человек, пеший, с лассо в руках. Едва выступив из толпы, он

взметнул над головой лассо. Мгновение — и петля охватила рога разъяренного животного.

Не теряя ни секунды, человек мчится к невысокому дереву, растущему почти посередине полукруга, и быстро обматывает вокруг ствола свободный конец лассо. Помедли он еще миг, и было бы поздно.

Едва он успел завязать узел, как сильный рывок возвестил, что бык оказался на привязи. Лишь только он отбежал на всю длину лассо, петля которого туго обхватила рога, какая-то непонятная сила внезапно остановила озадаченное животное, отбросила назад, и бык тяжело повалился к ногам зрителей.

— Браво! Viva! — раздались крики, едва лишь сотни замерших в ужасе людей пришли в себя настолько, что к ним вернулся голос. — Viva! Viva Карлосу, охотнику на бизонов!

Не кто иной, как он, второй раз сегодня доказал всем свою ловкость и отвагу.

Однако бык еще не побежден, он лишь ограничен определенным расстоянием — длиной лассо, — и, поднявшись на ноги, он с яростным ревом кидается прямо на людей. К счастью, лассо не настолько длинно, чтобы он мог ворваться в ряды зрителей справа или слева, и снова он падает, оседает на задние ноги. Толпа в страхе бросается врассыпную: как знать, а вдруг петля все-таки соскользнет? Но вот подоспели и всадники. Новые лассо обвились вокруг шеи быка, опутали ноги, и наконец его безжалостно опрокинули на землю, и он уже не может шевельнуться.

Вот теперь он окончательно покорен и больше уж не побежит. А так как для этой игры приготовили всего двух животных, на сегодня погоня за быком окончена.

Пока шли приготовления к другой большой игре сегодняшнего праздника, некоторые всадники демонстрировали менее высокое искусство верховой езды. Это было нечто вроде интермедии, и каждый показывал что вздумается. Например, набрасывал лассо на ногу человека, бегущего во всю прыть, затягивал петлю на лодыжке и, разумеется, опрокидывал его. Делали это очень

многие, и всадники и пешие, — как видно, для этого не требовалось особого мастерства; во всяком случае, так полагали самые искусные — те, что считали ниже своего достоинства участвовать в этой забаве.

Затем всадники показали номер со шляпой. Тут хитрость заключается в том, чтобы, пустив коня галопом, бросить свою шляпу наземь, а потом на всем скаку, перегнувшись с седла, поднять ее. Почти все справились с этим одинаково успешно, и лишь самые молодые считали это знаком особой ловкости. Чуть не двадцать юнцов кружили на конях перед зрителями, сбрасывали свои сомбреро на землю и вновь на всем скаку подхватывали их.

Но поднять предмет поменьше уже не так легко — например, монету, лежащую на земле; тут не зазорно попытать счастья самому искусному наезднику.

Вперед выступил комендант Вискарра и потребовал тишины. Он положил на землю испанский доллар и провозгласил:

— Доллар достанется тому, кто поднимет его с первого раза! Ставлю пять золотых, что сержанту Гомесу это по плечу!

Несколько минут все молчали. Пять золотых — это большие деньги. Только богач может рисковать такими деньгами.

И, однако, вызов не остался без ответа. Вперед выступил молодой скотовод.

— Полковник Вискарра, — заговорил он, — я не стану спорить, что сержанту Гомесу это по плечу, но держу пари: тут есть и другой человек — он сделает это ничуть не хуже Гомеса. Не угодно ли вам удвоить ставку?

— Назовите этого человека!

— Карлос, охотник на бизонов.

— Хорошо, я принимаю ваше пари. Кто еще хочет попытать счастья? — продолжал Вискарра, обращаясь к толпе. — На место поднятого доллара я всякий раз буду класть новый. Но только помните — поднимать с одного раза!

Некоторые пытались — и потерпели неудачу. Кое-

кто дотронулся до монеты и даже сдвинул ее с места, но никому не удалось поднять ее.

Наконец на луг выехал кавалерист на крупной гнедой лошади — все узнали сержанта Гомеса. Это он первый нагнал быка, но не сумел свалить его. Сразу было видно, что он до сих пор не примирился с неудачей, — его и без того хмурое изжелта-бледное лицо совсем помрачнело. Он был рослый, крепкий и, бесспорно, хороший наездник, но уж слишком грубо, несоразмерно сложен; ему не хватало гибкости и подвижности.

Дело требовало кое-каких приготовлений. Сержант проверил седельные подпруги, снял саблю и портупею и тронул коня.

Через несколько минут лошадь, умело направляемая всадником, оказалась подле монеты, блестевшей на солнце. Гомес нагнулся и попытался схватить монету. Ему удалось было поднять ее с земли, но он недостаточно крепко зажал ее в руке, и монета выскользнула из его пальцев, прежде чем он успел выпрямиться.

Толпа разразилась криком — тут были и восторг и негодование. Большинство отнеслись к Гомесу благосклонно, потому что за него стоял Вискарра. Не то чтобы полковника Вискарру очень любили, нет, но его боялись и потому старались не перечить ему.

Теперь выехал вперед Карлос на своем вороном коне. Все взоры обратились на него. Его красота могла бы вызвать всеобщее восхищение, если бы не его слишком светлая кожа. Это заставляло относиться к нему с недоверием: ведь он был человеком другого народа!

Однако женские сердца не разделяли этого предубеждения, и не одна пара темных девичьих глаз вспыхивала восхищением при виде светловолосого американца, ибо Карлос, охотник на бизонов, был родом американец.

Но нет, не только женщины смотрели на него благосклонно, не только они шептали слова одобрения. Среди низведенных почти до уровня животных индейцев из племени тагносов, которые жили, согнувшись в три погибели и не поднимая глаз, были люди, мечтавшие о давно прошедших днях; они знали, что когда-то

их отцы были свободны; на тайных сборищах в горной пещере или в мрачной глубине лесной чащи они всё еще возжигали священный огонь богу Кецалькоатлю [1], всё еще говорили о Монтесуме, о свободе.

Карлос едва снизошел до каких бы то ни было приготовлений. Он даже не снял плаща, только небрежно откинул его назад, так что длинные полы свисали с крупа коня.

Послушный голосу хозяина, конь сразу пошел галопом, потом колени всадника слегка сжали его бока, и, повинуясь этому знаку, он начал кружить по лугу все быстрее и быстрее.

Но вот с той же скоростью всадник направил коня прямо к сверкающей монете. Доскакав, он перегнулся с седла, схватил золотой, подбросил его высоко над головой, круто осадил коня, протянул руку, и золотой упал на его раскрытую ладонь.

Все это он проделал легко, с непринужденностью индийского факира. Даже недоброжелатели не могли удержаться от аплодисментов, и вновь загремело «viva» в честь Карлоса, охотника на бизонов.

Сержант был унижен. С давних пор он выходил победителем в этих состязаниях: до сегодняшнего дня Карлоса не было здесь или он никогда не участвовал в них. Вискарра чувствовал себя не многим лучше. Его любимец посрамлен, сам он потерял десять золотых — это немало даже для коменданта пограничной крепости. Да, кроме того, неприятно быть осмеянным прекрасными сеньоритами из-за того, что проиграл пари, которое сам же затеял, совершенно уверенный в победе. С этой минуты Вискарра невзлюбил Карлоса, охотника на бизонов.

Следующий номер состоял в том, чтобы проскакать галопом до самого края глубокой канавы, проходившей вдоль луга. Тут можно было показать не только мужество и ловкость всадника, но и отличную выучку коня.

---

[1] Кецалькоатль — бог толтеков — народа, жившего в долине Мексико. Изображался в виде пернатого змея.

Канава — оросительный канал — была так широка, что лошадь не могла перескочить через нее, и достаточно глубока, чтобы всаднику не слишком приятно было упасть в нее. Поэтому всадник должен быть не только ловок, но и отважен. Лошадь во весь опор несется к канаве; неожиданно, на всем скаку, ее надо осадить, да так, чтобы все четыре ноги оказались за чертой, а черта проведена меньше чем на две длины лошадиного корпуса от края канавы. Почва была, разумеется, совершенно твердая и плотная, иначе это было бы невыполнимо.

Многие достигли в этом совершенства и трудную задачу выполняли безукоризненно. Великолепное зрелище — конь, внезапно остановленный в стремительном беге: он поднялся на дыбы у самого края канавы, голова его вскинута, глаза пылают, ноздри раздуваются. А иные всадники, напротив, выглядели просто смешно, и толпа потешалась над ними. Это были либо малодушные — они осаживали лошадь, не успев еще приблизиться к краю, — либо смелые, но неловкие: не сумев сдержать коня на условной черте, они с размаху летели в глубокую грязную воду. Всякую неудачу зрители встречали смехом и криками, почти не смолкавшими, потому что на берег то и дело выбирались едва не утонувшие, насквозь промокшие всадники. Зато искусно выполненный маневр приветствовали громкими «viva» и аплодисментами.

Подобные состязания устраиваются постоянно; при такой системе обучения немудрено стать лучшими в мире наездниками, и мексиканцы в самом деле несравненные наездники.

Было замечено, что охотник на бизонов не участвует в этой игре. Почему? Его друзья утверждали, что это было бы ниже его достоинства. Он ведь уже показал себя искусным наездником в состязаниях более трудных, и участвовать в этой игре — значило бы искать уже ненужной победы. Карлос и в самом деле так думал.

Но раздосадованный комендант смотрел на дело по-другому. И капитан Робладо — тоже, ибо он видел, или

вообразил, что видел, какое-то странное выражение во взгляде Каталины при каждой новой победе охотника. У обоих этих вояк были свои планы, такие же подлые, как они сами: оба хотели унизить Карлоса.

Подойдя к нему, они спросили, почему он не попытал счастья в последней игре.

— Я не думаю, что она того стоит, — просто ответил охотник.

— Хо! — насмешливо воскликнул Роблад о. — Нет, приятель, у вас наверняка есть на то другие причины. Не такая уж это жалкая игра — остановиться на самом краю ловушки. Сдается мне, вы боитесь искупаться!

Капитан сказал это как бы в шутку, но достаточно громко, чтобы слышали все вокруг, и под конец насмешливо расхохотался.

Они-то как раз этого и хотели — увидеть, как он искупается. Они питали надежду, что, если Карлос примет вызов, вмешается какая-нибудь случайность, например поскользнется или споткнется конь, и он угодит в канаву. И чем унизительнее это будет для охотника, тем большее удовольствие получат они. Человек, который выкарабкался из грязной канавы и промок до нитки, пусть даже виной тому его отвага, смешон и жалок в глазах праздничной толпы. И как раз в таком положении жаждали они увидеть Карлоса.

Заподозрил ли охотник, чего они хотят, нет ли, но он ничем этого не показал. По его ответу этого нельзя было понять. Но когда ответ услышали окружающие, канава, грязная вода — все тотчас было забыто. Теперь зрителей ждало зрелище куда более захватывающее.

Глава V

Карлос ответил не сразу; минуту он молчал, неподвижно сидя в седле. Казалось, он был озадачен. Поведение обоих офицеров, слова Роблад о уязвили его. Не досадно ли вступить в такую несложную игру, когда она, в сущности, уже кончилась, и только потому, что Робладо и коменданту вздумалось тебя дразнить! А отказать-

ся — значит стать мишенью для насмешек и сплетен. Может быть, как раз этого они и добиваются?

У него были основания подозревать недобрые намерения с их стороны. Он кое-что знал о них обоих, о том, каковы они на своем посту, да и мог ли он не знать! Ведь они здесь — высшая власть. Но он знал еще и о том, чтó это за люди вне службы, в частной жизни, и сведения эти отнюдь не говорили в их пользу. Что касается Роблादо, то у охотника были свои причины не любить его, совсем особые причины, и знай уже Роблादо об одном обстоятельстве, у него была бы вполне веская причина отвечать Карлосу такой же неприязнью. До сего дня Роблादо не знал даже о существовании охотника на бизонов, который бóльшую часть времени проводил вдали от этих мест. Быть может, офицер никогда прежде не встречал его или, во всяком случае, никогда не обменялся с ним ни словом. Карлос знал его лучше и задолго до этой встречи не любил; как мы уже намекали, у него были на то свои причины.

Сегодняшнее поведение офицера не уменьшило неприязни Карлоса. Наоборот, его высокомерный, насмешливый тон задел и оскорбил охотника.

— Капитан Роблादо, — ответил он наконец, — я сказал, что эта игра не стоит того, чтоб тратить на нее время: десятилетний мальчишка и тот не сочтет ее подвигом. Я не стану рвать своему коню рот ради такого пустяка. Чтó стоит осадить его на краю этой безобидной канавки? Но если...

— Ну, если что? — нетерпеливо спросил Роблادо, воспользовавшись паузой и начиная уже догадываться, что скажет Карлос.

— Если вы хотите рискнуть дублоном — я всего-навсего бедный охотник и не могу поставить больше, — я проделаю то, что десятилетний мальчишка, пожалуй, сочтет настоящим искусством.

— Что бы это могло быть, сеньор охотник? — усмехаясь, спросил офицер.

— Я на всем скаку остановлю коня на краю вон того утеса.

— В двух корпусах от обрыва?

— В двух корпусах? Нет — меньше: на том же расстоянии, что здесь, на берегу канала.

Его слова так поразили всех, кто был поблизости и слышал его, что несколько минут никто не мог произнести ни слова. Не верилось, что это предложение сделано всерьез, — столько в нем было дикой, безрассудной отваги. Даже оба офицера, пораженные, готовы были подумать, что охотник просто смеется над ними.

Утес, на который показывал Карлос, был частью высокого плоскогорья, отвесные стены которого обрывались в долину. Он походил на мыс и выступал вперед, словно нарочно для того, чтобы его лучше было видно снизу, из долины. Утес был чем-то вроде волнореза, такой же высокий, как весь скалистый обрыв. На грани его виднелась трава — зеленый краешек прерии, раскинувшейся наверху, на плоскогорье. Ровная, лишенная террас и уступов стена отвесно спускалась в долину, вся исчерченная горизонтальными полосами, — это чередовались пласты известняка и песчаника. Добрая тысяча футов отделяла зеленые луга долины от края утеса. Измерить взглядом расстояние снизу вверх не так-то просто человеку со слабыми нервами; поглядеть вниз — это испытание выдержит лишь самый бесстрашный. Вот каков был утес, на краю которого Карлос решил осадить своего коня. Вполне понятно, что такое предложение поразило всех до немоты. Но вот тишину нарушили крики:

— Это невозможно! Он сошел с ума! Да он шутит! Он насмехается над господами военными!

Карлос сидел на коне, невозмутимо перебирал поводья и ждал ответа.

Ему не пришлось долго ждать. Вискарра и Робладо наскоро обменялись несколькими словами, и Робладо нетерпеливо закричал:

— Я принимаю пари!

— И я ставлю золотой! — добавил Вискарра.

— Сеньоры! — сказал Карлос, видимо огорченный. — Мне очень жаль, но я не могу спорить с двумя. Этот дублон — все, что у меня есть, и сейчас вряд ли кто-нибудь даст мне взаймы еще один.

Говоря это, Карлос с улыбкой взглянул на толпу, но людям было не до того, чтобы улыбаться в ответ. Ужас охватил их. Они не сомневались, что безрассудного охотника ждет неминуемая гибель. Но все же кто-то отозвался:

— Я дам и двадцать золотых, Карлос, на что угодно, но только не на это. Ведь это безумие!

Это сказал молодой скотовод, тот самый, что уже и прежде вступался за Карлоса.

— Спасибо, дон Хуан, — ответил охотник. — Я знаю, ты всегда ссудил бы меня деньгами. Все равно спасибо. Не бойся! Я выиграю золотой. Не для того я двадцать лет не слезаю с коня, чтобы какой-то ачупино насмехался надо мной!

— Сударь! — в один голос крикнули Вискарра и Робладо, разом схватившись за эфесы шпаг и грозно хмуря брови.

— О, прошу прощения, господа, — с плохо скрытой насмешкой сказал Карлос. — Это у меня нечаянно слетело с языка. Право, я никого не хотел оскорбить.

— Тогда держите язык за зубами, приятель! Еще раз вылетит такое слово, а там как бы и голова не слетела с плеч, — пригрозил Вискарра.

— Благодарю вас, сеньор комендант, — ответил Карлос, все еще смеясь. — Пожалуй, я послушаюсь вашего совета.

Комендант только яростно выругался в ответ, но Карлос не обратил на него внимания, ибо в эту минуту его сестра, только что услышавшая о безрассудном намерении брата, выпрыгнула из повозки и в отчаянии кинулась к нему.

— О Карлос! — воскликнула она, обнимая колени всадника. — Неужели правда? Нет, не может быть!

— Что, сестренка? — с улыбкой спросил Карлос.

— Что ты...

Голос изменил ей, и она только взглядом указала на утес.

— Конечно, Росита. А почему бы и нет? Стыдно, родная! Не тревожься. Поверь, тут нечего бояться. Я и прежде так делал.

— Карлос, дорогой! Я знаю, ты прекрасный наездник, никто с тобой не сравнится. Но подумай, как это опасно... Боже милостивый! Подумай...

— Фу, сестра! Не позорь меня перед людьми! Поди спроси мать. Послушай, что она скажет. Уж она-то не станет тревожиться.

И охотник направился к повозке; сестра последовала за ним.

Бедная Росита! В эту минуту на тебя были устремлены глаза человека, впервые заметившего тебя, и в темной глубине этих глаз блеснул огонь, не суливший ничего хорошего. Твоя стройная фигурка, твое ангельски прекрасное лицо, быть может, и самое твое горе заставили быстрее забиться сердце человека, чья любовь могла принести лишь гибель той, которую он полюбит. То было сердце полковника Вискарры.

— Смотрите-ка, Робладо! — негромко окликнул он своего подчиненного и соучастника во всех дурных делах. — Взгляните вон туда! Пресвятая дева! Да поглядите же! Вот настоящая Венера — это так же верно, как то, что я христианин и солдат! Хотел бы я знать, с какого неба она свалилась?

— Ей-богу, я никогда ее не видал, — ответил капитан. — Наверно, она сестра этого парня. Так и есть! Послушайте их! Они называют друг друга братом и сестрой. Она и в самом деле недурна.

— Горе мне! — вздохнул комендант. — Да это находка! Я уж просто отупел, совсем отупел от здешней скуки и однообразия. Хорошо, что нашлось новое развлечение. Теперь я, пожалуй, смогу вытерпеть еще месяц. Как вы думаете, хватит мне ее на целый месяц?

— Едва ли... если дело пойдет, как с другими. Неужели вам уже надоела Инес?

— Хо-хо! Она слишком горячо любила меня, а я этого терпеть не могу. Я предпочитаю, чтоб со мной были похолоднее.

— Если так, эта блондинка, пожалуй, больше вам подойдет. Но смотрите: они ушли!

Пока офицеры беседовали, Карлос с сестрой приблизились к повозке, в которой сидела их старая мать.

— *Иди! — закричала старуха. — На утес! На утес!*

Комендант, капитан и еще многие зрители последовали за ними и обступили их, прислушиваясь.

— Матушка, она хочет отговорить меня, — раздался голос Карлоса. Он уже успел рассказать матери о своем намерении. — Без вашего согласия я ничего не стану делать. Но послушайте, матушка, я уже наполовину связал себя обещанием и хотел бы исполнить его. Ведь это дело чести, матушка.

Последние слова были произнесены громко, внушительно, прямо в ухо старой женщине — она, видимо, была глуховата.

— Кто отговаривает тебя? — спросила она, подняв голову и оглядывая окруживших их людей. — Кто?

— Росита, матушка.

— Пусть Росита ткет и вяжет шали — вот ее дело. А ты, сын мой, можешь совершить великие дела... подвиги. Да, подвиги! Разве в жилах твоих не течет кровь твоего отца? Вот он — он совершал подвиги, да... ха-ха-ха!

Странный смех и безумный взгляд этой женщины заставили зрителей содрогнуться.

— Иди! — закричала она, откидывая назад длинные пряди своих белых волос и размахивая руками. — Иди, Карлос, охотник на бизонов, и покажи этим обгоревшим на солнце трусам, этим рабам, на что способен свободный американец! На утес! На утес!

Отдав этот ужасный приказ, она опустилась на сиденье повозки и вновь погрузилась в молчание.

Карлос больше ни о чем не стал ее спрашивать. Резкие слова, слетевшие у нее с языка, вызвали у него желание поскорее закончить этот разговор: он заметил, что кое-кто из стоявших поближе не пропустил их мимо ушей.

Офицеры, священники, алькальд обменялись многозначительными взглядами.

Снова усадив сестру в повозку и обняв ее на прощанье, Карлос вскочил в седло и поскакал по долине. Отъехав немного, он сдержал коня и бросил взгляд на ряды скамей, где расположились городские сеньоры и сеньориты. Там царило смятение. Они узнали о предпо-

лагавшемся испытании, и многие готовы были отговорить охотника от опасной затеи.

Среди них была и та, чье сердце, казалось, вот-вот разорвется; страх и тревога переполняли его, как и сердце сестры Карлоса, но тем, кто окружал ее, она не смела этого показать. Ей приходилось молча страдать и терпеть.

Карлос знал это. Он достал белый платок, хранившийся на груди, и махнул им, словно посылая кому-то последнее «прости». Ответили ли ему — трудно сказать, но мгновение спустя он повернул коня и поскакал к утесу.

Каких только не было догадок у сеньор и сеньорит, у деревенских красоток о том, кому же предназначался этот прощальный привет! Много предположений было высказано, много имен названо, и пошли толки и пересуды. Лишь одна из всех знала, с кем прощался Карлос, и душа ее полна была любви и страха.

Глава VI

Все, у кого были лошади, последовали за охотником, который держал путь прямо к тропе, что вела из долины вверх, на плоскогорье. Эта тропа крутыми извивами взбиралась по скалам, и, кроме нее, отсюда не было другого пути на плоскогорье. Такая же дорога вилась по противоположному каменному откосу, в этом месте можно было пересечь долину — на много миль вокруг это был единственный путь, ведущий с одной стороны плоскогорья на другую.

Всего тысяча футов отделяла долину от плоскогорья, но тропа, поднимавшаяся вверх, тянулась чуть не на милю; а так как место праздничных игр было в нескольких милях от подножия утеса, Карлоса сопровождали лишь те, кто был на конях, да еще несколько человек, решивших во что бы то ни стало своими глазами увидеть во всех подробностях это опасное испытание. Офицеры, разумеется, были среди тех, кто поднимался по тропе. Те, что остались внизу, двинулись

поближе к скалам, чтобы не пропустить самую интересную и волнующую часть зрелища.

Прошло уже больше часа, а оставшиеся внизу все еще ждали, но они не теряли времени даром. Картежники засели играть в монте, замелькали золотые и серебряные монеты, переходя из рук в руки; среди самых азартных игроков были оба отца миссионера; а прекрасные сеньориты занялись своей любимой, спокойной и несложной, игрой в чуса. Бой между двумя сильными петухами (один из них принадлежал алькальду, другой — священнику) заполнил следующие полчаса. В этом соревновании восторжествовал представитель церкви. Его серый петух с одного удара убил рыжего петуха алькальда — длинной и крепкой, словно стальной, шпорой он хватил противника по голове. Всем оставшимся внизу, даже и сеньоритам, очень понравилось это интересное и приятное зрелище — всем, кроме алькальда.

Петушиный бой кончился, и вниманием толпы снова завладела группа людей, поднимавшихся на плоскогорье. Они уже достигли края утеса, и по их движениям было ясно, что они уговариваются об условиях этого неслыханного пари. Давайте присоединимся к ним.

Охотник на бизонов выехал вперед и показал место, где он хочет осуществить свой дерзкий замысел. Сверху, с плоскогорья, скал не видно, и даже самую долину, огромную пропасть в тысячу футов глубиной, не увидишь, если на какую-нибудь сотню шагов отступить от края обрыва. Здесь нет никаких откосов или склонов. Неизменно ровный зеленый луг стелется по плоскогорью до самого края обрыва. Он весь гладкий, трава здесь короткая и густая, как дерн. Коню не обо что споткнуться — нигде ни ямки, ни камешка. Эта опасность ему не грозит.

Выбранное место, как уже говорилось, походило на мыс; он выдавался вперед, нарушая ровную линию каменной стены. Снизу, из долины, этот выступ сразу бросался в глаза. А здесь, наверху, он оказался продолжением плоскогорья, вытянутого вперед наподобие языка.

Прежде всего Карлос доехал до самого конца его и внимательно исследовал грунт. Он был как раз хорош: не настолько плотен, чтобы конские копыта скользили, и не такой рыхлый, чтобы они увязали в нем.

Карлоса сопровождали Вискарра, Робладо и другие. Многие подъехали к избранному месту, но держались на почтительном расстоянии от края пугающей бездны. И хоть они долгие годы жили на этой земле, среди величественных и грозных ландшафтов, многие из присутствующих не решились стать на край страшного выступа и заглянуть вниз.

Конь охотника стоял на самой кромке, и Карлос спокойно, словно то был берег канала, показывал, где провести черту. Конь тоже не выказывал признаков беспокойства. Сразу было видно: он прекрасно обучен, и ему это не внове. То и дело, вытянув шею, он заглядывал вниз, в долину, и, увидав там своих собратьев, пронзительно ржал. Карлос нарочно держал его на самом краю утеса, чтобы он освоился здесь, прежде чем приступить к нелегкому испытанию.

Но вот уже и черта проведена; меньше двух лошадиных корпусов отделяют ее от последних травинок, растущих на кромке обрыва. Вискарра и Робладо потребовали было, чтобы расстояние сделали еще короче, но в ответ раздался ропот неодобрения и послышались даже негромкие, приглушенные возгласы: «Позор!»

Чего добивались офицеры? Никто в толпе не знал этого, но все чувствовали: они хотят погубить охотника на бизонов. У каждого из них были на то свои причины. Оба они ненавидели Карлоса. Причина или причины их ненависти возникли недавно, у Робладо даже позже, чем у коменданта. За последний час он заметил нечто такое, что привело его в ярость. Он заметил, как Карлос махнул белым платком, и так как он стоял у скамей, ему было видно, кому предназначалось это «прощай». Изумление, негодование вспыхнули в нем, и он стал разговаривать с Карлосом заносчиво и грубо.

Каким чудовищным ни покажется это предположение, но, сорвись охотник с утеса, оба — и Робладо и

Вискарра — были бы только рады. Разумеется, это чудовищно, но таковы были там люди в те времена, и в этом нет ничего невероятного. Напротив, подобное варварство — желания и даже поступки еще более бесчеловечные — отнюдь не редкость и сейчас под небом Новой Мексики.

Молодой скотовод, который вместе с другими поднялся на плоскогорье, настаивал, чтобы игра велась честно, по всем правилам. Всего-навсего скотовод, хоть и богатый, он был человек смелый и отстаивал права Карлоса даже наперекор усатым грозным офицерам.

— Послушай, Карлос! — крикнул он, когда приготовления уже шли полным ходом. — Сдается мне, ты готов пойти на это сумасшествие. Раз уж мне не удалось отговорить тебя, я не стану тебе мешать. Но, по крайней мере, не рискуй собой ради такого пустяка. Вот мой кошелек! Спорь на сколько хочешь.

С этими словами он протянул охотнику туго набитый кошелек — как видно, в нем было немало денег.

С минуту Карлос молча смотрел на кошелек. Великодушное предложение обрадовало его. По всему видно было, что он глубоко тронут добротой юноши.

— Нет, — сказал он наконец, — нет, дон Хуан! От всего сердца благодарю тебя, но взять кошелек не могу... Одну монету, не больше. Я хотел бы поставить один золотой против коменданта.

— Бери сколько хочешь.

— Спасибо, дон Хуан! Только один золотой. И у меня есть один — значит, всего два... Два золотых. Честное слово, никогда еще я не спорил на такие большие деньги!.. Слышите? Бедный охотник бьется об заклад на два золотых!

— Ну ладно, если ты не хочешь, это сделаю я... Полковник Вискарра! — громко обратился дон Хуан к коменданту. — Я думаю, вы не прочь получить назад свою ставку. Карлос ставит один золотой, а я предлагаю поспорить на десять.

— Согласен, — сухо ответил комендант.

— Решитесь вы удвоить ставку?

— Решусь ли я? — повторил Вискарра в бешенстве, что с ним так разговаривают при свидетелях. — Учетверим ее, если вам угодно, сударь.

— Ладно, учетверим, — тотчас принял вызов дон Хуан. — Спорю на сорок золотых, что Карлос выдержит испытание!

— Хватит! Выкладывайте деньги!

Золотые монеты отсчитаны, вручены одному из свидетелей, выбраны судьи.

Вот уже все приготовления закончены. Зрители отъехали на плоскогорье и предоставили мыс в полное распоряжение охотника на бизонов и его коня.

Глава VII

Люди во все глаза смотрели на Карлоса, следили за каждым его движением.

Прежде всего он спешился, снял плащ и положил его в стороне. Потом осмотрел шпоры и убедился, что ремешки застегнуты, как надо. Поправил опоясывавший его шарф, надвинул сомбреро на лоб. От колен и до самых лодыжек застегнул кожаные боковые отвороты своих бархатных штанов, чтобы они не мешали ему. Охотничий нож и хлыст отдал на хранение дону Хуану.

Потом он занялся конем, который все это время стоял, гордо выгнув шею, словно угадывал, что ему предстоит совершить нечто из ряда вон выходящее. Первым делом Карлос тщательно осмотрел уздечку, затем огромные стальные удила мамелюкского образца, проверяя, нет ли где-нибудь трещинки. Головной ремень он затянул ровно настолько, насколько нужно; потом пристально, дюйм за дюймом, осмотрел поводья. Они были плотно и искусно сплетены из волос хвоста дикой лошади. Кожаные могли бы лопнуть, а за эти, прочные и гибкие, как струна, бояться не приходилось.

Дошла очередь и до седла. Карлос осмотрел его со всех сторон, проверил стремянные ремни и большие деревянные колодки стремян. Подпруга была последним, самым важным предметом его забот. Он ослабил пряж-

ки по обе стороны, а потом, упершись коленом, затянул подпругу как можно крепче. Он стянул ее так основательно, что и кончик пальца нельзя было просунуть под крепкий кожаный ремень.

Все эти предосторожности никого не могли удивить. Стоит порваться ремешку или соскользнуть пряжке — и смельчака поглотит вечная ночь.

Удостоверившись, что все в порядке, Карлос подобрал поводья и легко вскочил в седло.

Прежде всего он направил лошадь шагом вдоль утеса всего в нескольких футах от края: обоим, и коню и всаднику, следовало привыкнуть к опасности. Вскоре он пустил вороного рысью, а потом и легким галопом. Даже на это нельзя было смотреть без страха. Для тех, кто глядел снизу, это было великолепное, но пугающее зрелище.

Немного погодя он повернул к плоскогорью, поскакал крупным галопом — тем аллюром, которым он намеревался приблизиться к краю утеса, — и вдруг опять натянул поводья, да так, что конь едва не опрокинулся набок. Снова галоп — и снова остановка. Карлос повторил этот маневр раз десять-двенадцать, направляясь то к краю утеса, то к плоскогорью. Разумеется, его конь мог бы скакать куда быстрее. Но о том, чтобы гнать во весь дух, и речи не было. Остановить коня, мчащегося со всей быстротой, на какую он только способен, на расстоянии двойной длины его тела от края пропасти совершенно невозможно, даже если пожертвовать его жизнью. Пуля, попавшая в сердце, и та не смогла бы мгновенно остановить на таком небольшом расстоянии скачущую лошадь. Хороший галоп — большего нельзя было ожидать в таких условиях; так решили и судьи, наблюдавшие за приготовлениями, когда Карлос спросил их об этом.

Наконец он повернул коня к утесу и поудобнее уселся в седле. Его решительный взгляд говорил, что пришло время приступить к испытанию.

Легкое прикосновение шпор - конь тронулся с места. И в следующую секунду он уже скакал галопом прямо к краю утеса.

Всадник и конь застыли над бездной.

Все взгляды, пристальные, напряженные, прикованы к всаднику. Все сердца тревожно бьются, зрители замерли; слышно лишь их неровное дыхание да стук копыт о твердый грунт плоскогорья.

Неизвестность длится недолго. В двадцать скачков конь приблизился почти к самому краю, от черты его отделяет расстояние не более шестикратной длины его тела, а поводья все еще висят свободно, Карлос не натягивает их; он знает, что стоит тронуть повод — и конь остановится, а сделать это до черты — значит проиграть. Еще прыжок.. еще... и еще...

— Эй! Он перескочил... Великий боже! Он свалится! — раздались возгласы среди зрителей.

Это они увидели, что Карлос на всем скаку пересек черту. Но тотчас же раздались громкие приветственные крики. «Viva!» — неслось из долины. «Viva!» — кричали те, кто следил за Карлосом с плоскогорья.

В тот миг, когда конь, казалось, готов был перемахнуть за край обрыва, Карлос резко натянул поводья, и передние копыта коня застыли в воздухе. Осев на задние ноги, он словно врос в твердую, надежную почву плоскогорья. Так он замер в каких-нибудь трех футах от края утеса. И тогда всадник поднял правую руку, снял сомбреро, помахал им в знак приветствия и вновь надел.

Для тех, кто смотрел снизу, это было великолепное зрелище. Темные силуэты коня и всадника, полные силы и красоты, застыли над обрывом, вырисовываясь на фоне синего неба. Руки и ноги всадника, каждый изгиб тела коня, даже конская сбруя были отчетливо видны. В то краткое мгновение, когда они недвижно застыли над бездной, казалось, что это конная статуя, отлитая из бронзы, и вершина утеса служит ей пьедесталом.

Это длилось секунду, а воздух уже дрожал от громких «viva». Потом смотревшие снизу увидели, как всадник круто повернул коня и скрылся за кромкой утеса.

Испытание кончилось, и чувствительные женские сердца, тревожно, неистово стучавшие в груди всего минуту назад, уже снова бились спокойно и размеренно.

Глава VIII

Когда охотник на бизонов вернулся в долину, все с новой силой закричали «viva» и замахали платками, приветствуя его. А он заметил лишь один платок, но большего ему и не надо было. Других он не увидел, да и не хотел видеть. Этот надушенный кусочек батиста, обшитый кружевом, был для него знаком надежды, знаменем, под которым он готов был пойти на еще более дерзкие и опасные подвиги. Маленькая, украшенная драгоценностями ручка высоко подняла платок и радостно махнула им в знак приветствия. Он видел это и был счастлив.

Он миновал скамьи, подъехал к повозке, спешился и поцеловал мать и сестру. Следом подъехал дон Хуан, тот, что держал за него пари, и некоторые заметили, что светловолосая девушка глядит не только на брата — ему приходится делить ее нежные взгляды с другим, и этот другой — молодой скотовод. Даже последний тупица не мог не увидеть, что отвечают ей взгляды еще более нежные. Без сомнения, то была любовь, и они знали о чувствах друг друга.

Хотя дон Хуан был богатый молодой скотовод и его величали «доном», однако на общественной лестнице он стоял лишь ступенькой выше охотника на бизонов; этой ступени помогло ему достичь богатство. Он не принадлежал к местной аристократии, да и мало заботился об этом, но он был храбр, энергичен и, пожелай он того, мог бы сблизиться с теми, в чьих жилах текла «голубая» кровь. Но, как видно, он вовсе не стремился к этому и уж во всяком случае не хотел использовать для этого женитьбу.

Всякий, кто видел, какими пылкими взглядами он обменялся с сестрой охотника на бизонов, мог без труда предсказать, что дон Хуан не женится на аристократке.

Они были счастливы, те несколько человек, что собрались у повозки, и решили отпраздновать событие сластями, оршадом, лучшим вином из Эль Пасо. Дон Хуан не боялся потратить лишнее, да и чего ему было бояться, когда у него в кармане позвякивали пятьдесят

золотых чистого выигрыша — те самые, потеря которых не давала покоя коменданту.

Сейчас комендант с хмурым видом бродил вокруг; время от времени он подходил ближе и нагло посматривал в сторону повозки. Он, разумеется, смотрел на Роситу. Избалованный сознанием, что он здесь неограниченный владыка, полковник Вискарра не привык, да и не старался скрывать свои намерения. Он так беззастенчиво выражал свое восхищение, что мало для кого оно осталось тайной. Встречаясь с ним взглядом, бедная девушка робко опускала глаза, и когда дон Хуан заметил все это, им овладели гнев и тревога. Он знал, что за человек комендант Вискарра, знал, как опасен он, вооруженный властью. О свобода! Как ты прекрасна! Сколько рушится надежд, сколько горьких испытаний выпадает на долю любви, сколько разбивается сердец в краю, где нет тебя, где тираны властны вторгаться в чужую жизнь, властны преградить путь живому потоку чувства!

На лугу все еще продолжались игры, но они уже не вызывали прежнего интереса. Блистательный подвиг Карлоса на время затмил все остальное, притом кое-кто из представителей власти был не в духе. Вискарра хмурился, Робладо выходил из себя, ревнуя Каталину. Алькальд с помощником надулись: оба крупно проиграли, поставив на рыжего петуха. Отцы иезуиты проигрались в карты, и христианское смирение изменило им. Один лишь городской священник был в духе и не прочь был снова пустить своего петуха в бой.

Наконец объявлены были заключительные состязания — петушиные гонки. Это весьма увлекательный вид спорта, вот почему карты и прочие мелкие забавы были снова отложены и все приготовились смотреть гонки.

Петушиные гонки — типичная новомексиканская игра. Ее нетрудно описать. Вот она. Петуха подвешивают за ноги вниз головой к горизонтальной ветке на такой высоте, чтобы всадник мог достать до его головы и шеи. Петух привязан так, что, если умело ухватить его и дернуть, можно сорвать его с дерева; но сделать это совсем не просто, потому что и шея и голова пету-

ха намылены. Всадник должен галопом проскакать мимо дерева, и за тем, кто сорвет петуха, тотчас пускаются в погоню все остальные, всячески стараясь отнять у него добычу. В условленном месте он должен повернуть обратно и вновь прискакать к тому дереву, откуда начались гонки. Иногда его настигают на полпути и выхватывают у него петуха, а нередко бывает и так, что в горячке игры злополучную птицу разрывают на части. Если же удачливый всадник вернется, сохранив петуха в целости, его провозглашают победителем. Дело кончается тем, что он кладет свою добычу к ногам возлюбленной, и она — обычно одна из деревенских красоток — в этот вечер танцует фанданго с пернатым трофеем подмышкой. Это знак, что она высоко ценит внимание своего поклонника, а все остальные танцоры могут воочию убедиться, что ее возлюбленный ловок и смел. Это жестокое развлечение. Ведь нельзя же забывать, что несчастный петух, которого хватают и рвут на части, живое существо! Однако вряд ли кому-нибудь из жителей Новой Мексики хоть раз пришло на ум, что это жестоко. А если кто и подумал об этом, так, уж конечно, женщина: ведь обитательницы этой страны столь же милосердны, сколь жестоки их мужья и братья. Женщины мирятся с петушиными гонками, потому что таков обычай Новой Мексики. И найдется ли такая страна, где нет своих жестоких игр? Разве это разумно и последовательно — убиваться над петухом, если мы и сами превесело скачем по следу несчастной, затравленной лисы?

Есть два вида петушиных гонок. Один только что описан. Другой отличается лишь тем, что петуха не привязывают к дереву, а по шею зарывают в землю. Всадники так же скачут по заведенному порядку, но только каждый наклоняется с седла, стараясь выдернуть птицу из земли. В остальном условия те же.

Итак, к ветке подвесили первого петуха, участники выстроились в одну линию — игра началась.

Несколько человек пробовали ухватить птицу за голову, и им это даже удалось, но мыло испортило все дело.

Сержант-улан решил снова попытать счастья, но поставил ли что-нибудь на него полковник и на этот раз — неизвестно. Комендант уже достаточно рисковал сегодня, и он куда острее почувствовал бы потерю, не будь ему утешением небольшая и совершенно незаконная дань, которую он взимал с рудников, и еще кое-какие установленные обычаем доходы. А ведь он вполне мог прожить безбедно, не беря взяток, на те деньги, которые получал от вице-королевского правительства.

Сержанту, у которого, как вы уже знаете, было преимущество — высокий рост и крупный конь, — удалось ухватить петуха за шею. Как стало известно потом, он заранее набрал пригоршню песку — это помогло ему сорвать петуха с ветки, и он поскакал прочь.

Но были там всадники и на более быстрых конях, и не успел сержант обогнуть столб, служивший вехой поворота, как его настиг бойкий пастух и вырвал у птицы крыло; второе крыло оторвал другой преследователь, и сержант вернулся к дереву, держа в руке лишь жалкие остатки. И, конечно, на его долю не досталось ни криков «viva», ни рукоплесканий.

Карлос, охотник на бизонов, не участвовал в этом состязании. Он знал, что завоевал сегодня довольно славы, приобрел и врагов и друзей, и не стремился умножить число ни тех. ни других. Однако кое-кто из зрителей стал поддразнивать его — им просто хотелось снова поглядеть на прекрасного мастера верховой езды. Некоторое время он сопротивлялся, до тех пор, пока с дерева не сорвали еще двух петухов. Одного, целехонького, привез и положил к ногам своей улыбающейся возлюбленной тот самый пастух, о котором уже упоминалось.

И тут, должно быть, новая мысль пришла на ум Карлосу. Он выехал вперед, очевидно готовый принять участие в следующем заезде.

— Теперь мне не скоро придется быть на празднике, — заметил он дону Хуану. — Послезавтра я уезжаю в прерии. Надо сегодня ничего не пропустить.

Игра теперь пошла по-другому. Птицу закопали в землю. Судя по длинной шее и остроконечному клюву,

это не петух, а снежно-белая цапля, одна из многих видов, какие водятся в этих местах. Ее нежную, тонкую шею не стали мазать мылом. На этот раз трудность была в том, что у цапли оставалось достаточно свободы, и она никак не давалась в руки; она резко отдергивала голову то вправо, то влево, и ухватить ее было нелегко.

Дан сигнал — и всадники поскакали. Карлос был в числе последних, но, доскакав, увидел, что белая изгибающаяся шея все еще на месте. Он оказался проворнее птицы, мгновенно выхватил ее из покорно раздавшегося песка, и вот она уже машет белоснежными крыльями над гривой его коня.

Карлосу требовалась не только быстрота, но и большая ловкость, чтобы ускользнуть от толпы всадников, устремившихся со всех сторон ему наперерез. Он то кинется вперед, то вдруг остановится, круто свернет, чтобы миновать какого-нибудь всадника и проскакать позади него. Так он маневрировал снова и снова, и наконец его вороной конь вырвался из кольца соперников и понесся к столбу — знаку поворота. Обогнув его, Карлос поскакал назад, высоко подняв свою добычу, незапятнанную и неповрежденную, и зрители встретили его громкими рукоплесканиями.

Догадкам, предположениям не было конца. Кому же он преподнесет свою добычу? Уж наверно, он выберет девушку своего круга, говорили в толпе, какую-нибудь деревенскую красавицу или дочку скотовода. Казалось, охотник не спешил удовлетворить общее любопытство. Но немного погодя он поразил всех: подбросил птицу высоко в воздух и отпустил на свободу. Цапля гордо взмыла вверх, вытянула длинную шею и полетела в дальний конец долины.

Однако, прежде чем расстаться со своей пленницей, Карлос вырвал из ее крыльев несколько длинных, прозрачных, как паутина, перьев, по которым всегда узнаешь цаплю, и связал их в плюмаж. Покончив с этим, он дал шпоры коню и галопом поскакал к скамьям. Там он гибким движением наклонился в седле и положил трофей к ногам... Каталины де Круссс!

Возглас изумления пронесся по толпе, и сразу же все сурово осудили Карлоса.

Как! Простой охотник на бизонов, никому не известный бедняк хочет, чтобы его подарила ульбкой дочь богача? Нет, это не любезность — это уже оскорбление! Что за дерзкая самонадеянность!

И возмущались не только сеньоры и сеньориты. Деревенские красотки и дочки скотоводов были разгневаны не меньше. Ими пренебрегли, на них не обратили внимания, их обманули — и кто? Один из их же среды! Ему, видите ли, понадобилась Каталина де Крусес!

А Каталина — что ж, ей это и лестно и неприятно; неприятно потому, что она оказалась в затруднительном положении. Она улыбнулась, покраснела и едва слышно произнесла:

— Благодарю вас, кабальеро.

Однако минуту она медлила, не решаясь поднять трофей. Справа от нее в гневе вскочил на ноги отец, слева — не менее разгневанный поклонник. И этот поклонник был не кто иной, как Робладо.

— Наглец! — закричал он, схватил плюмаж и швырнул его на землю. — Наглец!

Карлос перегнулся с седла, поднял плюмаж и заткнул его за золотую тесьму на шляпе. Потом, бросив вызывающий взгляд на офицера, сказал:

— Не горячитесь, капитан Робладо. Из ревнивых женихов выходят равнодушные мужья. — Он поглядел на Каталину, улыбнулся и добавил совсем другим тоном: — Благодарю вас, сеньорита!

С этими словами он снял сомбреро, низко поклонился, повернул коня и поскакал прочь.

Робладо наполовину обнажил шпагу, и его громкое «Чорт тебя побери!» вместе с проклятиями, которые бормотал сквозь зубы дон Амбросио, достигло ушей Карлоса.

Но при всем своем чванстве капитан был далеко не храбрец, и, принимая во внимание, что у бедра охотника висел в ножнах длинный нож — «мачете», Робладо ограничился одними угрозами и дал Карлосу удалиться.

Каталина улыбнулась Карлосу.

Этот случай всех взволновал и у многих возбудил недобрые чувства. Охотник на бизонов вызвал негодование аристократии, ревность и зависть демократии, и вышло так, что после всех своих блестящих подвигов он покидал поле состязаний отнюдь не всеобщим любимцем. Безумные слова странной старухи, его матери, передавались из уст в уста и пробудили ненависть к человеку чужого племени — вот почему его искусство вызывало уже не восхищение, а зависть. Американец, еретик, он поистине должен быть ангелом, чтобы завоевать их дружбу, ибо в этом далеком уголке земли фанатизм был так же неистов, как в городе Семи Холмов[1] в самые мрачные дни инквизиции.

Пожалуй, для Карлоса было лучше, что состязания уже остались позади и праздник подходил к концу.

Еще несколько минут — и все пришло в движение. Запрягали мулов, быков, ослов; скотоводы с женами и дочерьми забирались в свои повозки, похожие на огромные ящики; крики возниц, свист бичей, отвратительный визг несмазанных осей — все это слилось в дикий концерт, который изумил бы всякого, кто не родился в этом краю.

Не прошло и получаса, как огромный луг опустел, и лишь вечно голодный, тощий койот рыскал там в поисках пищи.

Глава IX

Хотя состязания на открытом воздухе кончились, праздник святого Иоанна продолжался. Было еще немало зрелищ, на которые стоило посмотреть, прежде чем разъехаться по домам. Снова пришла очередь церкви: опять продавали индульгенции, четки и частицы мощей, опять кропили святой водой — ведь казна святых отцов должна была пополниться, чтобы было с чем снова сесть за карточный стол. Потом, вечером, состоялось шествие в честь святого Иоанна, которому был

---

[1] Город Семи Холмов — Рим, который, по преданию, был основан на семи холмах.

посвящен праздник. Его статую, водруженную на носилки, носили по всему городу пять или шесть дюжих молодцов, пока они не выбились из сил под тяжестью своей ноши; пот струился с них ручьями.

Сам святой был настоящей диковиной. Большая кукла из воска и гипса, закутанная в выцветшую шелковую мантию, которая когда-то была желтой, и вся изукрашенная перьями и мишурой. Это была католическая статуя, но преображенная на индейский лад, ибо в мексиканской религии столько же индейского, сколько и римско-католического. Святой, видно, устал от трудов: что-то в соединении головы с шеей испортилось, голова поникла на грудь, и когда статую несли, казалось, что святой кивает толпе. Над этими нелепыми кивками в любом другом месте вдоволь посмеялись бы, но здесь, в краю, где властвовало духовенство, они предстали в ином свете. Служители церкви не упустили случая истолковать все по-своему: они объяснили благочестивой пастве, что, кланяясь, святой выражает особое снисхождение к участникам процессии и одобряет их действия, угодные небу. И, конечно же, это настоящее чудо. Так утверждали и отцы иезуиты из миссии и священник местной церкви — и кто стал бы с ними спорить? Возражать им опасно. В Сан-Ильдефонсо нет такого человека, который осмелился бы не поверить церкви. Чудо пошло ей на пользу, оно подогревало энтузиазм верующих. И когда святого Иоанна поместили обратно в его нишу в храме, а впереди поставили ящичек, в него посыпалось немало песет, реалов, квартильо, которые иначе в тот же вечер были бы проиграны в карты.

Кланяющиеся святые и мигающие мадонны отнюдь не новое изобретение святой церкви. У мексиканских священников тоже были свои святые чудотворцы, и даже в Новой Мексике, этом мало кому известном краю, найдется несколько искусников, которые творили чудеса ничуть не хуже тех, какими прославилась вся эта порода обманщиков.

Теперь вступила в свои права пиротехника, и не какие-нибудь жалкие, заурядные фокусы, — нет, ведь но-

вомексиканцы знают толк в этом искусстве. Любовь к фейерверкам — своеобразный, но верный признак вырождающейся нации.

Дайте мне точные цифры, сколько пороха извел тот или иной народ на фейерверки, на ракеты и шутихи, и я скажу вам, на каком уровне физического и духовного развития он находится. Чем выше цифра, тем ниже опустился душой и телом этот народ, ибо соотношение здесь обратно пропорциональное.

Я стоял однажды в Париже, на площади Согласия, и видел толпу богачей и бедняков, глазеющих на одно из этих жалких зрелищ, которые для того лишь затеваются, чтобы обмануть людей, создать у них иллюзию довольства и радости. Этой пустой забавой им платили за утраченную свободу — так ребенок отдает драгоценный камень за горсть леденцов. И они глядели с наслаждением, чуть ли не с восторгом, а я смотрел на них: какие они были жалкие, малорослые, на добрый фут ниже своих предков! Я смотрел и видел глаза, оживленно блестевшие, но лишенные мысли.

А это были представители некогда великой нации, и она все еще мнила себя первым народом на земле. Но нет, это был самообман. Они с таким увлечением, с таким восторгом следили за фейерверком, что я уже не мог сомневаться: расцвет и величие этого народа позади, а теперь он быстро катится по наклонной плоскости — к упадку и вырождению...

После фейерверков начали танцевать фанданго. Здесь можно было встретить все те же лица, почти без изменений те же наряды. Лишь сеньоры и сеньориты переоделись, да иная деревенская красотка сменила грубую шерстяную юбку на другую — из пестрого миткаля, отделанную оборками.

Танцевали в просторном зале Дома капитула [1], который выходил на площадь. В этот праздничный день вход был открыт для всех. В пограничных городах Мексики, несмотря на классовые различия и деспотизм вла-

[1] Капитул — коллегия духовных лиц, состоящих при епископской кафедре; также — съезд приходских священников церковного округа.

стей, во всем, что касается развлечений, сохраняется своеобразное демократическое равенство, смешение представителей высших и низших слоев общества, чего никогда не встретишь в других странах. Приезжих англичан и даже американцев это всегда удивляло.

В зал для танцев впускали всякого, кто пожелает, лишь бы он заплатил за вход. Бок о бок с богачом в прекрасном костюме тонкого сукна можно было увидать скотовода в кожаной куртке и бархатных штанах до колен; а дочка богатого торговца танцевала рядом с крестьянкой, которая своими руками месит тесто и ткет шали.

Комендант, Робладо и лейтенант прибыли на бал в полном параде. Здесь же были и алькальд с жезлом, и священник в широкополой шляпе, и отцы иезуиты в своих развевающихся сутанах, и вся местная знать.

Тут и богатый коммерсант дон Хосе Ринкон со своей дородной супругой и четырьмя толстыми, вечно сонными дочерьми; и супруга и вся семья алькальда; и девицы Эчевариа с братом-щеголем в костюме по парижской моде — во фраке и цилиндре; на всем балу он один был в таком наряде. Здесь и богатый землевладелец сеньор Гомес дель Монте с тощей женой и несколькими довольно тощими дочерьми — этим они отличались от сотен коров, бродивших по его пастбищам. Здесь же блистает и красавица Каталина де Крусес, дочь богатого владельца рудников дона Амбросио; отец не отходит от нее и не спускает с нее глаз.

Помимо этих важных особ, тут присутствуют и люди менее значительные: и служащие с рудников дона Амбросио, и конторщики торговых предприятий, и молодые скотоводы из долины, и рудокопы, и пастухи, и охотники на бизонов, и даже городские бедняки с дешевыми серапе на плечах. Кого только не было на этом балу!

Оркестр состоял из бандолы [1], арфы и скрипки; танцевали вальс, болеро, коону. Можно прямо сказать, что лучше не танцуют и в Париже. Пеоны, в коротких

---

[1] Бандола — род лютни.

кожаных куртках и штанах до колен, и те танцуют с таким изяществом, будто они профессора этого дела; а деревенские красотки в коротких юбочках и пестрых туфлях порхают по залу, словно балерины.

Робладо, по обыкновению, не отходил от Каталины и танцевал с ней почти все танцы, но она не смотрела на его золотые эполеты — ее взор блуждал по залу, словно искал кого-то. Было очевидно, что она невнимательна: она почти не слушала Робладо и явно тяготилась его обществом.

Вискарра тоже кого-то искал взглядом и не находил; он прогуливался взад и вперед, тщетно заглядывая в лица, во все углы.

Если он искал прекрасную блондинку, ему не повезло: ее не было здесь. После фейерверка Росита с матерью уехали домой. Они жили далеко, в долине, и отправились туда в сопровождении Карлоса и молодого скотовода дон Хуана. Однако оба еще хотели вернуться на танцы. Дорога задержала их, и они появились в зале с большим опозданием. Потому-то взор Каталины и блуждал по сторонам. Однако ее не ждало разочарование, как Вискарру.

Фанданго еще не кончилось, когда в залу вошли два молодых человека и смешались с толпой. То были дон Хуан и Карлос. Охотника нетрудно было узнать по белоснежному султану из перьев цапли, который развевался на его черном сомбреро.

Взор Каталины уже не блуждал беспокойно по лицам. Теперь он снова и снова устремлялся в одну сторону, но не прямо и подолгу, а украдкой — ведь за ней наблюдали разгневанный отец и ревнивый поклонник.

Карлос притворялся равнодушным, хотя сердце его пылало. Чего он не дал бы, чтобы танцевать с Каталиной! Но он слишком хорошо понимал положение дел. Он знал, что стоит ему пригласить Каталину — и разразится скандал. И он не отваживался на это.

Время от времени ему вдруг начинало казаться, что Каталина больше не обращает на него внимания, что она с интересом прислушивается к словам Робладо, щеголя Эчевариа и других. Да, Каталина прекрасно игра-

ла свою роль. Игра эта предназначалась для других, не для Карлоса, но он не знал этого и почувствовал себя уязвленным.

Беспокойство охватило его, но он пошел танцевать. Партнершей он избрал прехорошенькую крестьяночку, Инес Гонсалес, и она была счастлива танцевать с ним. Каталина видела это и, в свою очередь, ощутила укол ревности.

Некоторое время продолжалась эта игра. Наконец Карлосу наскучила его партнерша, и он уселся в одиночестве на скамью. Его глаза следили за каждым движением Каталины. И в ее ответном взгляде он читал любовь, любовь, в которой они признались друг другу, — да, они уже связали себя клятвой. Что же им было сомневаться друг в друге?

Они снова верили друг другу, танцы взволновали их, а дон Амбросио изрядно выпил и уже не так рьяно опекал дочь, и теперь уверенность была не только у них в сердце, но и во взгляде — они чаще и смелее смотрели друг на друга.

По комнате кружились пары и в вихре вальса проносились мимо Карлоса. Каталина вальсировала со щеголем Эчевариа. И каждый раз, когда она оказывалась рядом с Карлосом, их взгляды встречались. Чего только не скажет испанка мимолетным взглядом, который вновь и вновь возвращается к любимому! И в глазах Каталины Карлос читал чудесную повесть. Когда Каталина в третий раз проносилась мимо по кругу, Карлос заметил, что в руке, которая покоится на плече партнера, она что-то держит. То была веточка, покрытая темной зеленью. Оказавшись рядом с Карлосом, Каталина ловко уронила ее прямо к нему на колени, и до него донесся едва слышный шопот: «Туя!»

Карлос схватил ветку, темнозеленую ветку туи. Ему ли было не понять ее значение! Он прижал ее к губам, а потом сунул в петлицу своей вышитой куртки.

Когда Каталина снова оказалась рядом с ним, они обменялись взглядами, полными любви и доверия.

* * * * * * * *

Ночь тянулась медленно, дон Амбросио начал клевать носом и наконец увез дочь домой; капитан Робладо сопровождал их.

Вскоре после этого почти все, кто здесь был познатнее и побогаче, разъехались; лишь некоторые, самые неутомимые поклонники Терпсихоры, танцевали до тех пор, пока румяная Аврора не заглянула в забранные решетками окна Дома капитула.

Глава X

Льяно Эстакадо, или «Столбовая Равнина», — царство охотников, один из самых своеобразных уголков Великих Американских Равнин. Это удлиненное степное плоскогорье, по очертаниям напоминающее баранью ногу, возвышается над всей округой почти на тысячу футов. Оно тянется с севера на юг на четыреста миль, а ширина его в самом широком месте едва достигает трехсот миль. Это пространство, почти равное всей Ирландии. Оно не похоже на остальную прерию, и само оно неоднородно. На севере засушливая степь простирается на пятьдесят миль; местами не встретишь ни деревца, а местами растет чахлая, низкорослая акация — здесь встречаются два вида ее. Степь кое-где рассекают суровые, непроходимые ущелья глубиной до тысячи футов. Крутые, отвесные стены их совершенно неприступны; на дне между ними изредка попадаются неглубокие озерки, а среди скал и по крутым склонам лепятся чахлые кедры.

Проникнуть в эти глубокие расселины, в эти каньоны, или перебраться через них можно лишь в определенных местах, и такие переходы не часты — их разделяют десятки миль.

На плоскогорье порою на сотни миль тянутся совершенно ровные, пустынные земли, и грунт здесь такой плотный, словно его нарочно утрамбовали; а местами раскинулся зеленый ковер трав, разрослись акации; кое-где путешественник увидит неглубокие впадины, наполненные водой, то совсем маленькие, то побольше; есть и

настоящие невысыхающие озерки — их берега заросли осокой. Почти во всех этих озерках вода в той или иной степени насыщена солями; в одних она сернистая, в других — совсем соленая. После сильных дождей озер становится больше, и вода в них почти пресная; но дожди в этом необитаемом краю редкость, и во время длительных засух почти все озерки исчезают.

В южной части Льяно Эстакадо почти не увидишь ровных пространств; на добрые пятьдесят миль с севера на юг протянулась широкая — чуть не в двадцать миль шириной — полоса песчаных холмов. Это груды белого песка; они вздымаются то грядами до ста футов вышиной, то отдельными конусообразными вершинами; нигде ни деревца, ни куста, ни травинки — ничто не нарушает их мягких очертаний, ни одно яркое пятно не оживляет их однообразной белизны. И самое поразительное, поистине загадка для геолога — что среди этих холмов даже на самых высоких гребнях встречаются водоемы, озерки, и вода в них бывает не от случая к случаю, не только после дождей. Нет, это настоящие лагуны. Тут растет камыш, тростник, кувшинки — значит, эти озерки не пересыхают и не иссякают. А казалось бы, можно ли найти более неподходящее место для воды?

Такие дюны встречаются и на берегах Мексиканского залива и на европейском побережье, и там это нетрудно объяснить; но существование их здесь, в самом сердце материка, иначе как загадкой природы не назовешь.

Этот песчаный пояс можно пересечь в одном или двух местах, но лошади на каждом шагу вязнут по колено, и не будь здесь воды, опасно было бы пускаться в такое путешествие.

Где же находится Льяно Эстакадо? Разверните карту Северной Америки. Вы увидите большую реку, которую называют Кэнедиен; она берет начало в Скалистых горах, сперва течет на юг, потом на восток, пока не сливается с Арканзасом. Поворачивая к востоку, река огибает северный край этого плоскогорья, кое-где она омывает его отвесные стены, а в иных местах отступает

далеко в сторону, и тогда с берега эти стены можно принять за горную гряду — путешественники нередко совершают эту ошибку.

Западная граница Льяно Эстакадо более отчетлива. У истоков Кэнедиен начинается еще одна большая река — Пекос. Если верить карте, она тоже течет на юг, но это не совсем точно: на протяжении нескольких сот миль Пекос заметно отклоняется к востоку и лишь потом направляется к югу, где впадает в Рио Гранде. Пекос омывает все западное основание плоскогорья, которое преграждает ему путь, и вместо того чтобы течь на восток, как все другие степные реки, берущие начало в Скалистых горах, Пекос отклоняется к югу.

Восточная граница плоскогорья не столь определенна, но некоторое представление о его очертаниях можно получить, если знать, что граница эта проходит в каких-нибудь трехстах милях от Пекоса и пересекает истоки Уошито, Ред-Ривер, Брасос и Колорадо. Все эти реки и их многочисленные притоки берут начало на восточных склонах Льяно Эстакадо, и быстрые воды их рассекают плоскогорье на огромные фантастической формы массивы.

На юге плоскогорье суживается и, постепенно понижаясь, переходит в долины многочисленных небольших речушек, которые вливаются в низовья Рио Гранде.

В этом своеобразном краю никто не живет. Даже индеец никогда не задерживается тут надолго; он останавливается лишь на несколько часов, чтобы отдохнуть после перехода, но в иных местах и он, привыкший к голоду и жажде, не осмелится пересечь плоскогорье. Переход через Льяно Эстакадо очень опасен, и на всем ее протяжении — четыреста миль — лишь в двух местах путешественники могут пересечь ее, не рискуя жизнью. Опасность кроется в недостатке воды. Травы здесь изобилие, но в иное время года даже на хорошо известной дороге на протяжении шестидесяти — восьмидесяти миль невозможно добыть ни капли воды.

В давние времена один из этих переходов, соединявший Санта-Фе с Сан-Антонио-де-Бехар в Техасе, назывался «Испанской тропой»; чтобы странники не сби-

лись с пути, кое-где поставлены были вехи, столбы. Отсюда и название всей местности.

По Льяно Эстакадо теперь мало кто проезжает; там можно встретить лишь мексиканских охотников на бизонов да индейских торговцев — команчеросов. Поселенцы Новой Мексики пускаются в путь небольшими партиями и охотятся на бизонов либо торгуют с индейскими племенами, кочующими в восточной части плоскогорья. И охота и торговля не очень-то прибыльны, но и этого довольно людям особой породы — тем, кого случай или призвание заставили столь опасным и необычным способом добывать хлеб насущный.

Эти жители мексиканской окраины очень напоминают охотников и обитателей англо-американских лесных поселений, расположенных на границе. Однако у мексиканцев иное оружие, одежда, иные способы охоты.

Снаряжение охотника на бизонов, как и лесного бродяги, очень простое. Охотится он верхом на неплохом, а иногда и на превосходном коне; вооружен луком и стрелами, охотничьим ножом и длинным копьем. Огнестрельного оружия он, как правило, не признает; бывают и исключения, но они редки. Важная часть его снаряжения — лассо. Что касается торговли, запас товаров у него очень невелик — обычно на каких-нибудь двадцать долларов, не больше. Несколько мешков с хлебом, выпеченным из муки крупного помола (индейцы, живущие в прерии, его очень любят), куль маиса, коекакие безделушки, которыми украшают себя индейцы, грубые серапе, несколько кусков ярко окрашенной домотканной шерстяной материи — вот и весь его товар. Металлическими изделиями он почти не торгует. Он сам платит за них слишком дорого, ибо их привозят издалека и без зазрения совести облагают непомерно высокими пошлинами. Огнестрельным оружием он вовсе не торгует — индейцам этих прерий его привозят с востока; но испанские ружья — легкие мушкеты и штуцеры — команчи добывают во время набегов на южномексиканские города.

Возвращаясь из своего дорогостоящего и опасного путешествия, охотник привозит сушеное бизонье мясо

и шкуры; одни он добыл сам, на охоте, другие выменял у индейцев на свои товары.

В обмен на вещи отдают и лошадей, и мулов, и ослов. Индейцы владеют огромными стадами, у иных сотни голов скота, и почти на всех — мексиканское клеймо. Другими словами, индейцы крадут их в поселениях, расположенных в нижнем течении Рио Гранде, а затем продают в верховьях Рио Гранде, и торговля эта считается совершенно законной, — по крайней мере, сейчас дело обстоит так, что ничего тут не поделаешь.

Охотники на бизонов редко отправляются в прерии большими группами. Иногда их собирается много, они берут с собой жен и детей и кочуют с ними, точно индейское племя. Однако чаще всего в путь пускаются один-два охотника с лошадьми, мулами и слугами — вот и вся экспедиция. Дикие обитатели прерий тревожат их меньше, чем обычных путешественников. Команчи и другие племена знают, с какой целью они пускаются в прерию, и радушно принимают их. И при всем том эти люди с двойной профессией, полуохотники-полуторгаши, нередко обманывают индейцев и плохо обращаются с ними. Они передвигаются на вьючных мулах и в повозках, запряженных мулами или быками. Такая повозка — самый примитивный способ передвижения. Она двухколесная; колеса вырезаны из тополя и насажены на прочную деревянную ось. Колеса эти обычно не совсем круглые, они скорее овальные или даже почти квадратные. Длинное дышло тянется от оси, а сверху водружено нечто вроде глубокого четырехугольного ящика. Несколько пар быков впряжены в это сооружение простейшим способом: деревянную поперечину, заранее прикрепленную к дышлу, привязывают к рогам. На быках нет ни ярма, ни сбруи; налягут быки головами на поперечину и тянут весь поезд. Придя в движение, деревянная ось поднимает такой скрип и визг, что никакими словами не описать. Лишь в доме, где много детей всех возрастов и все они кричат в голос, можно услышать такую чудовищную какофонию; или для этого надо отправиться в Южную Мексику, где нас оглушит подобной музыкой стадо вопящих обезьян.

Глава XI

Примерно через неделю после праздника святого Иоанна небольшая партия охотников на бизонов переправлялась через Пекос у Лесного брода. Тут было всего пять человек: белый, метис и три чистокровных индейца, а с ними несколько вьючных мулов и три повозки, запряженные быками. Походка индейцев, их согнутые фигуры, тильмы на их плечах и ноги, обутые в сандалии, — все говорило о том, что это мирные индейцы. То были наемные пеоны Карлоса, единственного белого в этой партии и ее предводителя.

Метис, по имени Антонио, был погонщиком мулов, а индейцы — погонщиками быков; каждый вел свою упряжку, направляя быков при помощи длинного стрекала.

Карлос верхом на своем прекрасном вороном коне, закутанный в плотное серапе, ехал впереди, указывая дорогу. Свой нарядный плащ он оставил дома: жаль было брать его в такое долгое и трудное путешествие, а кроме того, индейцы могли польститься на такой великолепный плащ и, не задумываясь, сняли бы с его обладателя скальп. Карлос расстался не только с плащом, но и с расшитой курткой, алым шарфом и бархатными штанами и теперь был одет гораздо проще.

Карлос многого ждал от этой поездки. Никогда прежде он не брал с собой в прерии столько товаров. Не только три повозки, каждую из которых тащили четыре быка, но и пять вьючных мулов были нагружены: в повозках — хлеб, маис, испанские бобы, чилийский перец; во вьюках — серапе, одеяла, грубые шерстяные ткани, кое-какие яркие безделушки, несколько испанских ножей с острыми трехгранными лезвиями. Только дерзость и удача в праздничных состязаниях помогли Карлосу запастись таким множеством товаров. У него был золотой, еще два он выиграл, а впридачу молодой скотовод, дон Хуан, чуть не силой навязал ему взаймы еще пять, чтобы Карлос мог основательнее снарядить свою экспедицию.

Путники благополучно переправились через Пекос и двинулись к высшей точке Льяно Эстакадо — она находится недалеко от Лесного брода. Отлого поднимающееся вверх ущелье привело их на плоскогорье. Перед ними открылась ровная, однообразная прерия — нигде ни кустика, ни рытвины, ни единой черточки, которая служила бы приметой в пути.

Но Карлосу и не нужны были путеводные приметы. Он знал Льяно Эстакадо, как ни один человек на свете. Он повернул коня на юго-восток, и караван тронулся. Карлос держал путь в Луизиану, к одному из главных рукавов Ред-Ривер, — он слышал, что в последние годы там бывало много бизонов. Карлос впервые направлялся в эти края; чаще всего он охотился и торговал в Техасе, по верхним притокам Брасоса и Колорадо. Но землями, по которым текли эти реки, теперь окончательно завладели могущественное племя команчей и их союзники — киава, липаны, тонкевы. Индейцам никто не мешал преследовать бизонов, и они не давали своей дичи передышки. Животные стали пугливы, не подпускали человека близко, и стада их заметно поредели.

Не то — в бассейне Ред-Ривер. Это уже вражеская территория. Время от времени здесь охотятся вако, пане, осаджи, изредка тут появляются отряды кикапу, чероки и других племен, кочующих к востоку от Льяно Эстакадо. Подчас дело доходит до кровавых стычек; враждебные племена вынуждены держаться подальше друг от друга, поэтому то одна, то другая сторона упускает охотничий сезон, и бизонов никто не тревожит. Известно, что на нейтральной земле — земле вражды — в изобилии водятся бизоны и всякая другая дичь, и она не так пуглива, как в других местах.

Карлос знал все это, вот почему он и решился снарядить экспедицию к верховьям Ред-Ривер, которая берет начало на востоке Льяно Эстакадо, а вовсе не в Скалистых горах, как показывает карта.

И Карлос и метис Антонио хорошо вооружены для охоты на бизонов; из трех пеонов два тоже искусные

охотники. У всех луки, копья — они всего удобнее для этой охоты. Однако в одной из повозок спрятано также и огнестрельное оружие — длинноствольное коричневое ружье американского образца. Карлос хранил его совсем для другой дичи и прекрасно умел с ним обращаться. Но как оно попало в руки мексиканского охотника на бизонов? Вспомните, Карлос по происхождению не мексиканец. Ружье это — семейная реликвия. Оно принадлежало отцу охотника.

Мы не станем следовать по пятам за Карлосом и его караваном, не станем наблюдать за каждым шагом этого утомительного путешествия по пустынной прерии. Однажды охотникам пришлось совершить дневной переход в семьдесят миль по безводной пустыне. Но Карлос не впервые вел караван по местам, где нет ни капли воды, и уже знал, как не потерять при этом ни одного быка или мула.

Он путешествовал так. У последнего водоема давал быкам напиться вволю; под вечер отправлялись в путь и шли до света; затем Карлос делал двухчасовую стоянку, и животные паслись, пока на траве еще лежала роса. Потом снова долгий переход до полудня и снова отдых — три-четыре часа, пока не наступит вечерняя прохлада; тогда партия снова пускается в путь, и лишь к ночи заканчивается этот дневной переход. Еще и сейчас так путешествуют обычно в пустынях Чиуауа, Соноры и в Северной Мексике.

Через несколько дней Карлос со своими спутниками спустился по восточному склону с высокого нагорья и достиг притока Ред-Ривер. Здесь все выглядело совсем по-другому — вокруг расстилалась волнистая прерия. Все линии здесь мягки и плавны; холмы с закругленными вершинами и отлогими склонами переходят в зеленые долины, а по ним струятся и сверкают на солнце прозрачные ручьи. Там и тут вдоль берегов раскинулись рощи — пышно разрослись вечнозеленые дубы, красавицы-пеканы с вкусными продолговатыми орешками и серебристые тополя. На пригорках кое-где высятся могучие деревья — они растут поодаль друг от друга, и кажется, что их насадила рука человека.

На следующее утро Карлос оказался посреди огромного стада

У них раскидистые, пышные кроны, а по светлым перистым листьям и длинным коричневым стручкам, свисающим с ветвей, сразу видно, что это и есть знаменитая американская акация. В низинах, у ручья, виднеется красная шелковица, тут и там цветет нежным сиреневым цветом китайское дерево. И холмы и долины устланы богатым яркозеленым ковром невысокой бизоньей травы, и кажется, будто это недавно скошенный луг покрывается новой, молодой зеленью. Чудесные места! Неудивительно, что они стали излюбленным пастбищем бизонов.

Вступив в этот благословенный край, Карлос вскоре напал на след бизонов: всюду попадались протоптанные ими тропы, водопои, деревья с ободранной корой. На следующее утро он оказался посреди огромного стада: бизоны спокойно, как обыкновенные коровы, бродили по полю и не спеша щипали траву. Они были совсем не пугливы и даже не подумали скрыться при его приближении.

бизонов, которые спокойно бродили по полю и щипали траву.

Вот он и достиг цели. Это была его огромная, богатая ферма, его собственное стадо — да, это стадо принадлежало ему, как всякому другому, — и теперь Карлосу оставалось только бить бизонов и заготовлять впрок мясо и шкуры.

Что же касается торговли с индейцами, то это было еще впереди. Карлос не сомневался, что за время охоты он не раз повстречается с ними.

Как все, кто бродит по прериям, будь то трапперы[1] или индейцы, Карлос живо чувствовал красоту окружающей природы и выбрал живописный уголок для лагеря. То была поросшая густой травой низина, где под сенью пекан, шелковиц, дикого китайского дерева струился чистый, прозрачный ручей.

В тенистой роще Карлос поставил повозки и разбил палатку.

---

[1] Траппер — охотник на пушного зверя в Северной Америке.

Глава XII

Карлос начал охотиться, и охота его была необыкновенно удачна. В первые два дня он убил не меньше двадцати бизонов и всех их доставил в лагерь. Карлос и Антонио преследовали животных и били их, а два пеона свежевали туши, разрезали их на части и отвозили на стоянку. Тут за дело принимался третий пеон: он вялил мясо — разрезал его на тонкие ломти и сушил их на солнце.

Охота обещала быть прибыльной. Карлос не сомневался, что добудет столько мяса, сколько сможет увезти с собой, и солидный запас шкур. Все это у него быстро раскупят в городах Новой Мексики.

Однако на третий день охотники заметили, что поведение бизонов изменилось: они вдруг стали неспокойны и пугливы. Время от времени мимо во всю прыть проносились огромные стада — казалось, они охвачены страхом или спасаются от преследования. Но это не Карлос с Антонио испугали их. Кто же тогда обратил их в бегство?

Карлос рассудил, что неподалеку охотится какое-то индейское племя. И он оказался прав. Поднявшись на гору, с которой открывалась вся эта живописная долина, он заметил индейский лагерь. Около пятидесяти вигвамов, словно палатки, выстроилось вдоль ручья у самого края долины. Вигвамы были конической формы; поставленные наклонно по кругу жерди сходились, их связывали и полученный таким образом каркас покрывали бизоньими шкурами.

— Это вигвамы вако! — тотчас сказал Карлос: у него был наметанный глаз.

— Откуда вы знаете, хозяин? — спросил Антонио. Он был далеко не так опытен, как Карлос, который всю жизнь, с самого детства, провел в прериях.

— По вигвамам видно.

— А я думал, это команчи. Я видел такие же вигвамы у «пожирателей бизонов».

— Нет, Антонио, — возразил Карлос. — В вигваме команчей жерди плотно соединены и доверху покрыты

шкурами, для дыма не остается выхода. А здесь, видишь, совсем не так. Нет, это вигвамы вако. Правда, они союзники команчей.

Так оно и было. Жерди наверху сходились неплотно, и для дыма оставалось отверстие, поэтому вигвам вако походил на конус, но на усеченный и этим отличался от вигвама команчей.

— Вако не враждуют с нами, — заметил охотник. — Я думаю, нам нечего их опасаться. Уверен, что они будут торговать с нами. Но где же они?

Охотник задал себе этот вопрос потому, что, оглядывая лагерь, он не увидел там ни мужчин, ни женщин, ни детей, ни животных — ни одного живого существа. Но это не мог быть покинутый лагерь. Индейцы никогда не бросят такие вигвамы; во всяком случае, они не оставят такие прекрасные шкуры. Нет, они, наверно, где-то по соседству: должно быть, преследуют бизонов среди больших холмов.

Карлос угадал. Разглядывая сверху лагерь, они услыхали громкие крики, и через минуту неподалеку, на холмах, показался большой отряд — несколько сот всадников. Они ехали медленно, но их взмыленные кони тяжело дышали — очевидно, только что они скакали во весь опор. Вскоре за ними появился другой, еще более многочисленный отряд. Тут были лошади и мулы, нагруженные огромными коричневыми вьюками — с бизоньим мясом, завернутым в косматые шкуры. Этот караван вели женщины и мальчики-подростки, а следом бежали собаки и крикливые ребятишки.

Они подходили к лагерю с противоположной стороны, поэтому Карлос и Антонио до поры до времени оставались незамеченными.

Первый отряд индейцев спешился среди вигвамов, и тотчас кто-то острым глазом разглядел над вершиной холма головы охотников. Раздался предостерегающий клич — и в мгновение ока все уже снова были на конях и в боевой готовности. Двое или трое поскакали ко второму каравану, который еще не успел дойти до лагеря; другие, видимо встревоженные, переезжали с места на место.

Они явно опасались, что к ним подкрались пане, их смертельные враги.

Но Карлос тут же рассеял их опасения. Он дал шпоры коню, выехал на гребень холма и остановился на виду у индейцев. Потом он подал несколько хорошо известных ему знаков, крикнул во весь голос: «Amigo!» [1] — и они успокоились. Вперед выехал молодой индеец и поскакал на холм. Он приблизился как раз настолько, чтоб можно было разговаривать, и остановился; они объяснялись отчасти с помощью знаков, отчасти на исковерканном испанском языке и прекрасно поняли друг друга. Индеец поскакал обратно; вскоре он снова вернулся и пригласил охотника и его товарища в лагерь.

Карлос, разумеется, принял это любезное приглашение, и через несколько минут они с Антонио уже ели свежее бизонье мясо и мирно беседовали с хозяевами.

Вождь — рослый, красивый индеец, — очевидно, обладал всей полнотой власти; он особенно дружелюбно принял Карлоса и очень обрадовался, узнав, что у него много товаров. Он пообещал назавтра же с утра побывать в лагере Карлоса и разрешил своему племени вести с ним торговлю. Как и предполагал охотник, то было благородное племя вако, один из самых благородных народов, населяющих прерии.

Карлос вернулся в свой лагерь в превосходном настроении. Теперь он обменяет свои товары на мулов — так обещал вождь, — а ведь прежде всего за ними он и отправился в прерию.

Утром, как и было условлено, явились индейцы во главе со своим вождем; небольшую низину, где охотник раскинул лагерь, заполнили мужчины, женщины и дети. Тюки были распакованы, товары выложены напоказ, и весь день прошел в оживленной торговле. Карлос убедился в безукоризненной честности своих покупателей, а под вечер, когда они разъехались, весь его товар был распродан без остатка. Зато неподалеку, в долине,

---

[1] Amigo — друг (исп.).

паслись на приколе мулы, не меньше тридцати голов. Все они теперь принадлежали охотнику на бизонов. Не зря потратил он свои восемь золотых!

Они принесут ему доход не только по возвращении домой, они пригодятся и в пути: всех до одного он навьючит бизоньими шкурами и вяленым мясом.

Да, экспедиция оказалась удачной. Карлос размечтался о будущем богатстве, и в душе его вспыхнула надежда, что настанет день, когда он будет вправе просить руки прекрасной Каталины.

Если уж он разбогатеет, даже дон Амбросио, пожалуй, не станет противиться его сватовству. В ту ночь сладостны были мечты Карлоса, охотника на бизонов, и ему снились чудесные сны.

Глава XIII

На следующий день он охотился с еще большим пылом. Ведь теперь можно вывезти всю добычу, как бы велика она ни была. Нечего опасаться, что придется оставить в прерии шкуры или вяленое мясо. У него теперь тридцать пять мулов, считая и тех, с которыми он сюда пришел, да три повозки — он сможет перевезти солидный груз, на многие сотни долларов.

Ему удалось получить у индейцев даже несколько шкур, которые служили им одеждой. За них он отдавал индейцам все, что им нравилось. Даже пуговицы со своей куртки и с курток своих людей, золотые ленты и сверкающую тесьму с сомбреро — все, что блестело.

Карлос готов был отдать все, только, разумеется, не оружие. Да индейцев оно и не прельщало. У них были почти такие же луки и лассо, и они умели мастерить их сами. Они, конечно, купили бы ружье, но то была память, и Карлос не променял бы его даже на два десятка мулов.

Еще день-два Карлос продолжал охотиться. Он заметил, что с каждым часом бизоны становятся все более неспокойными, пугливыми. Он видел также, что стада их бежали с севера, а ведь вако охотились южнее

его лагеря. Нет, животные спасались не от них. Тогда от кого же?

Настала третья ночь после торговли с индейцами; Карлос и его люди уснули. На часах стоял Антонио, а в полночь его должен был сменить один из пеонов.

Метиса клонило ко сну. Он устал от погони за бизонами; ему оставалось стоять на страже еще полчаса, и он из последних сил боролся с одолевавшей его дремотой, как вдруг с той стороны, где паслись мулы, донеслось фырканье.

Антонио мгновенно очнулся. Он приложил ухо к земле и стал слушать. С той стороны снова послышалось фырканье, теперь уже громче, потом — раз за разом — еще и еще...

«Что бы это значило? Койоты? А может, медведь? Надо будить хозяина», — подумал Антонио.

Неслышно подойдя к спящему Карлосу, Антонио тронул его за плечо. Достаточно было легкого прикосновения — и охотник, схватив ружье, вскочил на ноги. Он всегда брался за это оружие в случае опасности, когда грозило нападение индейцев; луком же он пользовался только на охоте.

Обменявшись несколькими короткими словами, Антонио и Карлос разбудили пеонов, и все пятеро приготовились к бою. Они не выходили из-за повозок, сдвинутых так, что образовалось нечто вроде небольшого треугольного загона. Высокие кузова могли служить надежной защитой от стрел; костра не зажигали, поэтому со стороны лагерь совсем не был заметен. Кроме того, повозки стояли в густой тени шелковиц, которые скрывали лагерь от посторонних взглядов; зато тем, кто прятался за повозками, была хорошо видна прерия, лежащая перед ними. Если бы не рощи, темневшие там и тут, можно было бы окинуть взглядом всю долину — вверх, вниз, во все стороны. Но в этих рощах могло скрываться немало врагов.

Охотники молча, настороженно прислушивались. На минуту им показалось, что какая-то тень подбирается к табуну мулов, которые паслись на приколе не дальше ста ярдов от повозок. Однако в неверном све-

те это могло просто померещиться. Что бы это ни была за тень, двигалась она очень медленно, казалось даже, что она почти не меняет места.

Наконец Карлос решился подойти поближе, разглядеть, что же это такое. Он вылез из загона и пополз к мулам, за ним — Антонио. Приблизившись к темному предмету, они ясно увидели, что он движется.

— Смотри-ка! Что же это такое? — прошептал охотник.

Тут мулы снова зафыркали, некоторые начали бить землю копытами, словно их кто-то испугал.

— Я думаю, это медведь, — продолжал Карлос. — Похоже на то. Он так напугает мулов, что их и не догонишь... Выстрел и тот наделает меньше переполоху.

С этими словами он поднял ружье и, прицелившись, насколько позволяла темнота, спустил курок.

Казалось, выстрел вызвал из ада всех злых духов. Сотня голосов взвыла разом, сотня лошадей застучала копытами по земле; табун пришел в движение; мулы громко кричали и неистово рвались с привязи. Вот они уже разорвали путы и бешеным галопом мчатся вон из низины. А за ними скачут и вопят и погоняют их едва различимые во тьме всадники. Не успел Карлос опомниться от изумления, а мулов и индейцев уже и след простыл.

Мулов как не бывало. Только что здесь пасся целый табун — и вот не осталось ни одного.

— Убежали! — пробормотал Карлос. — Бедные мои мулы... Всех угнали, всех до единого!.. Будь прокляты эти обманщики!

Он нимало не сомневался, что мародерами были вако — те самые индейцы, у которых он купил мулов. Он знал — такие случаи нередки в прериях; торговцев часто грабят подобным образом, и они уже привыкли к тому, что одного и того же мула приходится покупать дважды у тех же самых индейцев, которые его украли.

— Проклятые обманщики! — с возмущением повторил Карлос. — Вот почему они были такие щедрые и

благородные! Это они просто сговорились обокрасть меня, как настоящие трусы. Отнять у меня все в открытую они не смели. Проклятье! Теперь я погиб!

И гнев и горе были в его последних словах.

Охотник и в самом деле оказался в незавидном положении. Все надежды, которые еще недавно вознесли его так высоко, в одну минуту рассыпались в прах. Он лишился всего, что у него было, потерял все, ради чего затеял эту экспедицию. Сколько тягот и опасностей он перенес в пути — и все понапрасну. Он вернется с пустыми руками, еще большим бедняком, чем был, — ведь его собственные пять мулов исчезли вместе со всеми остальными. Быки, верный конь да повозки — вот все, что у него осталось. Этого едва хватало, чтобы погрузить провизию на обратный путь; никакого груза, ни единого тюка со шкурами, никаких запасов мяса сверх того, чем должны прокормиться в дороге он и его спутники.

Все эти мысли промелькнули в голове Карлоса в те короткие минуты, пока он стоял и застывшим взглядом смотрел в ту сторону, куда умчались грабители. Он и не пытался преследовать их. Это было бы не только бесполезно, но и опасно. На своем великолепном коне он мог бы догнать их, но лишь для того, чтобы погибнуть на остриях их копий.

— Проклятые обманщики! — снова повторил он, потом поднялся, пошел назад, к загону, и распорядился подвести быков поближе и крепче привязать их к повозкам: ведь какая-нибудь отставшая группа индейцев может еще раз напасть на них.

Так как спать было небезопасно, Карлос и его спутники больше не ложились и были начеку всю ночь, до рассвета.

Глава XIV

То была для Карлоса печальная ночь, ночь горестных раздумий. Потеряв все, что имел, он оказался среди враждебно настроенных индейцев, которые могли еще передумать и вернуться, чтобы покончить с неза-

дачливыми охотниками. От дома, да и от любого другого поселения белых его отделяли сотни миль, и надо было еще пересечь эту огромную пустыню. Смутно было у него на душе: что ждет его дома? Ведь он лишился всех своих товаров и, вернувшись, быть может, станет всеобщим посмешищем. И при этом никакой надежды, что потерянное будет возвращено, что возместятся убытки. Правительство, разумеется, не станет снаряжать экспедицию, чтобы отомстить за такого незначительного человека, как он; да испанские солдаты и не доберутся сюда, даже если б захотели. И неужели Вискарра и Робладо пошлют ради него солдат! Нет, нечего надеяться, что товары будут возвращены. Он жестоко ограблен, и ему остается только примириться с этим. И впереди все так мрачно и безотрадно!

Как только рассветет, он отправится в лагерь вако — он не побоится открыто обвинить их в вероломстве. Но разве это поможет? Да и найдет ли он их на прежней стоянке? Нет, скорее всего, задумывая его ограбить, они перекочевали в другое место.

В ту ночь безумная мысль не раз приходила ему в голову. Потерянного не вернешь, но ведь можно отомстить. У вако есть враги. Некоторые соседние племена враждуют с ними; и Карлос знал, что у них есть могущественный враг — племя пане.

«Судьба моя горька, — думал Карлос, — зато сладка месть! Что, если разыскать пане, сказать им, чего я хочу, отдать в их распоряжение мое копье, лук, мое верное ружье?.. Я никогда не встречался с этим племенем, я не знаю их, но у меня твердая рука, и теперь, когда я хочу мстить, они не пренебрегут моей помощью. Мои люди пойдут за мной хоть на край света, это я знаю. Правда, они — тагносы, племя невоинственное, но когда их оскорбят, они умеют драться и мстить».

— Да, я разыщу пане!

Последние слова он произнес почти громко, горячо и уверенно. Карлос не привык подолгу раздумывать и колебаться, и теперь его решение было твердо. И неудивительно: с ним поступили так подло и так жестоко, такое печальное будущее ожидало его, если он с пу-

стыми руками вернется домой, так хотелось ему воздать по заслугам тем, кто навлек на него несчастье, да и не совсем угасла надежда вернуть хоть малую часть пропавшего — вот что заставило его решиться на такой шаг. И Карлос принял решение и уже готов был сообщить о нем спутникам, но тут Антонио, который был поглощен какими-то своими мыслями, первый заговорил с ним.

— А вы не заметили ничего странного, хозяин? — спросил он.

— Когда, Антонио?

— Когда мулы удрали.

— А что такое?

— Да эти мошенники не все на конях были, добрая половина — пешие.

— Верно, я тоже заметил.

— Так вот, хозяин, я сколько раз видел, как команчи гонят табун мустангов, и они всегда были верхами.

— Ну и что же? Тут ведь были вако, а не команчи.

— Да, хозяин. Но я слыхал, что вако — все равно как команчи: они настоящие конники и всегда действуют только верхом.

— Да, правда, — в раздумье ответил охотник. — Признаться, тут что-то есть.

— А больше вы ничего не заметили странного, хозяин, во время набега? — продолжал метис.

— Нет, Антонио. Уж очень мне было досадно, да и растерялся я от такой беды. Ничего я не заметил. А что еще?

— Да вот они ведь не только вопили во всю глотку, они еще и гикали так, что хоть уши затыкай, а главное — свистели. Вы разве не слышали?

— Ого! А ты слышал?

— Ясно слышал. И не один раз.

— Где ж были мои уши? — упрекнул себя Карлос. — А ты уверен, Антонио?

— Не сомневайтесь, хозяин.

Минуту-другую охотник молча, напряженно и сосредоточенно думал и вдруг заговорил, казалось, сам с собой:

— Это, может быть... Это, должно быть... Да, клянусь! Это...

— Что, хозяин?

— Это свист пане!

— Вот и я так думаю, хозяин. Команчи так никогда не гикают. И киава — тоже. И я не слыхал, чтобы вако подавали такие сигналы. Может, это пане? Да еще они были пешие. Наверно, это пане.

Мысли Карлоса сразу приняли другой оборот. По всей вероятности, Антонио прав. Свист — сигнал, который отличает пане от всех других племен. Кроме того, появление такого большого отряда пеших мародеров — еще одна особенность. Карлос знал, что южные племена никогда не применяют такую тактику. Пане тоже прирожденные наездники, но в свои набеги на юг они нередко отправляются пешие, надеясь вернуться на конях. Почти всегда так оно и бывает.

«Стало быть, я напрасно обвинял вако, — подумал Карлос. — Грабители не они, а пане!»

Но тут новое подозрение шевельнулось в нем. Нет, ограбили все-таки вако. Они нарочно свистели, как пане, чтобы ввести его в заблуждение. Часть их могла спешиться, тем более что лагерь их близко. И ведь после того, как охваченные паникой мулы сорвались с привязи, индейцы исчезли именно в том направлении.

Пойди он завтра к ним, они, конечно, скажут, что поблизости появились пане и что это они угнали его мулов. Мулов он, конечно, не увидит: они будут надежно спрятаны где-нибудь за холмами.

— Нет, Антонио, — сказал он, обдумав все это. — Наши враги все-таки вако.

— Надеюсь, что вы ошибаетесь, хозяин.

— Я тоже хотел бы надеяться, друг. Еще вчера я их считал друзьями. Мне будет обидно убедиться, что они нам враги... Но боюсь, что это так.

И все же Карлос был не вполне уверен в этом; и пока он размышлял, новый довод в защиту вако пришел ему на ум. Его спутники тоже заметили это обстоятельство.

Все видели, с какой стороны бежали бизоны последние несколько дней. Они проносились с севера на юг, и разве их явная тревога не подтверждала близости погони? А ведь вако все время охотились южнее лагеря Карлоса. Повидимому, какие-то другие индейцы охотились на севере. Наверно, это и были пане.

Снова Карлос упрекнул себя в том, что слишком поспешил заподозрить новых друзей. Его мучили сомнения. Быть может, утро разрешит их.

Как только рассветет, он отправится в лагерь вако и разберется во всем или, во всяком случае, поговорит с ними начистоту.

* * * * * * * *

Едва над прерией забрезжил рассвет, Антонио стал испытующим взглядом обшаривать землю во всех направлениях, и вдруг зоркие глаза его заметили в траве какой-то странный предмет. Неподалеку от того места, где еще так недавно паслись мулы, виднелось что-то темное. Может быть, там растет дрок или еще какой-нибудь кустарник? Нет, не похоже, не те очертания. Скорее всего, это лежит какое-нибудь животное... быть может, большой волк? Вблизи этого самого места им ночью почудилось что-то живое, во что стрелял Карлос.

Заметив этот странный предмет, Антонио сразу же обратил на него внимание Карлоса, и теперь, в сером предутреннем свете, оба старались разглядеть его.

Светало, очертания предмета становились яснее, и с каждой минутой возрастало любопытство охотников. Они бы уж давно подобрались поближе, но их все еще не оставляло опасение, что индейцы могут вернуться, и они предусмотрительно не выходили из загона.

Но прошло еще немного времени, и они не выдержали: надо же наконец узнать, что там такое! У них уже возникло подозрение, которое им хотелось проверить. Карлос и Антонио перебрались через повозки и направились к загадочному предмету.

Подойдя ближе, они увидели, что это мертвый индеец, и не слишком удивились — пожалуй, именно это-

го они и ожидали. Он лежал ничком на траве; присмотревшись, они увидели у него в боку рану; из нее вытекло много крови. То был след пули — Карлос не промахнулся.

Они наклонились и перевернули тело, чтобы внимательнее осмотреть. Индеец был в полном боевом уборе: голый по пояс, а лицо и грудь разрисованы так, чтобы враги испугались одного его вида. Но больше всего Карлоса поразил головной убор дикаря. За ушами и на висках волосы тщательно выбриты, на темени коротко подстрижены, и лишь на самой макушке оставлен длинный клок; он заплетен в косу, всю утыканную перьями, и она свисает на спину. Голые виски выкрашены в яркокрасный цвет, так же размалеваны и щеки и грудь. Ужасен был вид этого мертвеца: яркие пятна, пламенеющие на землисто-бледной коже, побелевшие губы и стеклянные глаза.

Несколько минут Карлос молча разглядывал его, потом обернулся, выразительно посмотрел на своего спутника и, показывая на бритую голову индейца и на мокасины, в которые он был обут, сказал, явно довольный этим открытием:

— Пане!

Глава XV

Мертвый индеец был, несомненно, из племени пане. Об этом говорили его прическа, форма мокасин и боевая раскраска на теле.

Карлос был рад, что это оказался пане. У него на это были причины. Во-первых, его обрадовало, что вако не оказались предателями; во-вторых, то, что он разделался с одним из грабителей; и наконец, убедившись, что во всем виноваты пане, он вновь обрел надежду вернуть хотя бы часть украденных мулов и сделать это при помощи вако.

В этом не было ничего невероятного. Как уже сказано, вако и пане — заклятые враги. Пусть только вако узнают, что пане где-то поблизости, и они непременно погонятся за ними — в этом Карлос не сомне-

вался. Он со своим маленьким отрядом тоже примет участие в преследовании и, если пане будут разбиты, может быть, вернет своих мулов.

Он хотел сразу же скакать в лагерь вако, известить их, что пане вышли на тропу войны, и уже вместе с ними пуститься на поиски общего врага.

Но тут и он и Антонио вдруг вспомнили: ведь пане умчались в ту сторону, где стояли лагерем вако! До лагеря не больше двух миль, и едва ли пане даже ночью не заметили его. Что, если они застали вако врасплох и сейчас сражаются с ними?

Да, это вполне вероятно, более чем вероятно. Они как раз могли успеть, и время для нападения было самое подходящее. Мулов они угнали еще до полуночи. Они, несомненно, были тогда на пути к селению вако и подоспели туда в тот самый час, когда и совершаются обычно набеги и грабежи, — между полуночью и рассветом.

Карлос боялся, что не успеет предупредить вако. Его друзья могли уже погибнуть. Так или иначе, он решил немедленно отправиться в их лагерь.

Наказав Антонио и пеонам охранять и до последней возможности защищать их собственный лагерь, Карлос захватил лук и ружье и поскакал прочь. День еще только занимался, но охотник знал тропу, ведущую в селение вако, и без труда держался ее. Он ехал с осторожностью и еще издали внимательно разглядывал каждую рощу на своем пути и осматривал гребни холмов, каждый подъем, который предстояло одолеть.

Эта осторожность была далеко не лишней. Пане, скорее всего, были где-то неподалеку — возможно, все еще сидели в засаде на полпути между лагерем Карлоса и стоянкой вако или сделали привал среди холмов.

Охотник не слишком опасался встречи с одним или двумя врагами. Он знал — верный конь не подведет, ни одному индейцу не догнать его. Но его могут окружить сразу десятки врагов, и тогда ему не пробраться к вигвамам вако. Вот почему Карлос продвигался вперед с такими предосторожностями.

Он напряженно прислушивался к тишине. Он ловил и мысленно оценивал каждый звук: вот закулдыкал дикий индюк, притаившийся меж ветвей дуба; на сухом бугре захлопала крыльями куропатка; просвистела лань; тоненько пролаял степной сурок. То были все хорошо известные звуки, и, однако, всякий раз Карлос замирал на месте и чутко прислушивался. При других обстоятельствах он не обратил бы на них внимания, но он знал, что индейцы мастера подражать животным и птицам, и напрягал слух, стараясь разобраться, подлинные ли это голоса, не подделка ли. Он различал тропу, по которой прошли ночью пане. Судя по многочисленным следам на траве, это был большой отряд. Переезжая через ручей, Карлос заметил отпечатки мокасин на песке. Значит, среди индейцев остались и пешие, хотя, несомненно, многие теперь скакали на украденных мулах.

И Карлос поехал дальше с еще большими предосторожностями. Он был уже на полпути к селению вако, а следы пане все еще вели в ту же сторону. Разве такие опытные воины могли не заметить лагерь вако? Конечно, не могли. Сперва они, наверно, увидали тропу, ведущую от вигвамов вако в лагерь Карлоса, потом самые вигвамы и, быть может, уже напали на них... быть может...

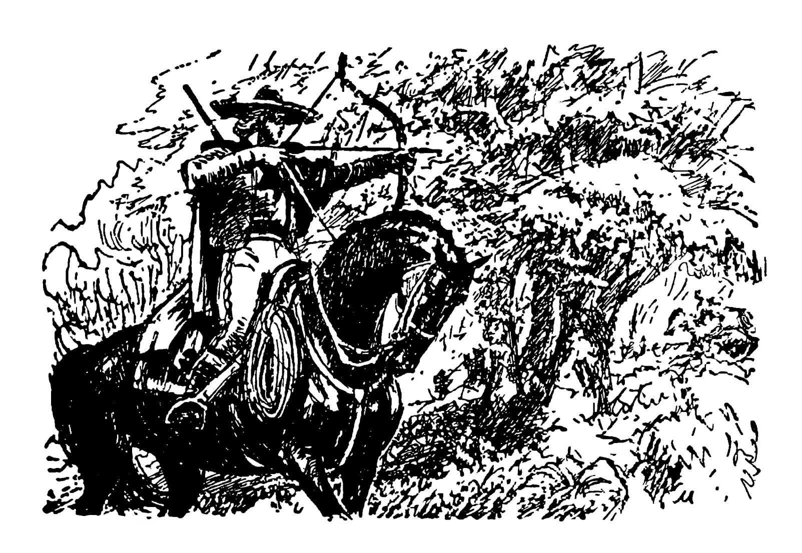
Размышления охотника были неожиданно прерваны. Какие-то звуки донеслись издалека: устрашающие крики и вопли, непрестанный громкий, но невнятный гул и гомон множества голосов. И из этого шума выделялись то гиканье, то радостные клики, то пронзительный свист и разносились далеко по прерии, возвещая о торжестве или, может быть, о мести.

Карлос знал, что означают эти крики и вопли: то был шум сражения, страшного, смертного боя!

Они неслись из-за того самого холма, на который поднимался Карлос.

Пришпорив коня, он доскакал до вершины и поглядел вниз, в долину. Здесь кипел бой.

Все поле кровопролитного сражения открылось перед глазами Карлоса. Шестьсот краснокожих всадни-



Карлос увидел, как вождь вако кинулся на

ков носились по прерии; вот они мчатся навстречу друг другу с копьями наперевес, вот, раз за разом спуская тетиву, издали осыпают противника стрелами, а вот, съехавшись грудь с грудью, схватились врукопашную и пустили в ход смертоносные томагавки. Одни нападают целыми отрядами, с длинными копьями наперевес, другие спасаются бегством, иные, потеряв коня, продолжают сражаться пешими. Некоторые укрылись за группой деревьев и выскакивают оттуда всякий раз, как подвернется удобный случай пустить стрелу или вонзить копье в спину врагу, и кровавому спору не видно конца.

Не раздалось ни единого выстрела, никто не трубил в рог, не били барабаны, посылая воинов в бой, не слышалось грома орудий, не загорались ракеты, клубы серного дыма не поднимались к небу, но и без этих признаков нельзя было ошибиться: это не воинственный танец — своеобразный турнир прерий, — а настоящее сражение. Дикое гиканье и еще более дикий свист... Бешеные атаки... Свирепые возгласы, крики торжества

одного из пане с томагавком, и натянул лук.

и мести... Ржанье коней, оставшихся без седоков... Там и тут поверженные наземь индейцы с багровыми в свете солнца черепами — враги уже сняли с них скальпы... Окровавленные копья и ножи... Да, сомнений быть не могло: здесь шел бой, смертный бой. То сошлись на поле брани вако и пане, и вот они бьются не на жизнь, а на смерть.

Карлос понял это с первого взгляда, а с минуту понаблюдав за битвой, он уже мог отличить воинов одного племени от другого. Пане были в полном боевом уборе, и их нетрудно было узнать по клоку волос на макушке, заплетенному в косу. А среди вако (враги, несомненно, застигли их врасплох) многие оказались в обычной охотничьей одежде — в куртках и кожаных наколенниках. Однако некоторые вако были тоже обнажены, как и противники, но Карлос без труда отличил их от пане по гриве развевающихся волос.

Первое побуждение Карлоса было — скакать вперед и принять участие в битве: разумеется, на стороне вако. Звуки боя возбуждали его, а вид грабителей, кото-

рые так недавно разорили его, вызывал у него страстное желание отомстить. Многие пане сейчас скакали на тех самых мулах, которых угнали у него, и Карлос решил отбить хоть нескольких.

Он уже готовился пришпорить коня и ринуться в схватку, но на поле боя вдруг все переменилось, и он остался на месте. Пане отступали!

Многие из них поворачивали коней и без оглядки скакали прочь.

И тут, глядя вниз, Карлос увидел, что три воина пане во весь опор скачут прямо к тому месту, где он стоял. Бóльшая часть отряда еще сражалась или рассыпалась по прерии, но эти трое, отрезанные от всех остальных, неслись прямо на него.

Охотник отъехал за деревья, и три всадника, не замечая его, подскакали совсем близко.

В эту минуту у них за спиной раздался боевой клич вако, и Карлос увидел, что их настигают два всадника вако. Беглецы оглянулись и, увидев, что противников только двое, вновь повернули коней и кинулись в бой.

При первой же атаке один из преследователей был убит, и второй, в котором Карлос узнал вождя вако, оказался лицом к лицу с тремя врагами.

Казалось, где-то рядом щелкнул бич — это Карлос спустил курок, и один из пане свалился с коня. Двое других, не зная, откуда раздался выстрел, продолжали теснить вражеского вождя; однако, подпустив их ближе, он кинулся на одного из врагов и томагавком раскроил ему череп. Но конь понес вождя дальше, и, прежде чем он успел повернуть, третий пане, искусный воин, настиг его и вонзил ему в спину длинное копье; оно прошло насквозь, острие наконечника выступило на груди. С последним смертным криком благородный индеец упал с коня наземь.

Но в то же мгновение пал и его враг. Стрела, пущенная Карлосом, не успела спасти вождя, зато отомстила за него. Она пронзила пане в тот миг, когда он вонзал копье, и, все еще сжимая рукоять, он свалился на землю одновременно со своей жертвой.

Страшен был вид этих двух тел, распростертых рядом на траве, но Карлос не стал рассматривать их. На другом краю поля все еще яростно сражались, и, пришпорив коня, Карлос поскакал в самую гущу схватки.

Однако пане уже потеряли многих лучших воинов и, охваченные ужасом, обратились в бегство. Карлос гнался за ними вместе с победоносными отрядами вако и то и дело стрелял из ружья по отступающим грабителям. Потом, опасаясь, что какая-нибудь случайная группа может наскочить на его собственный лагерь, он бросил погоню и поскакал туда.

На стоянке все оказалось благополучно. Антонио и пеоны укрывались за повозками, готовые отразить любое нападение. Случалось, отбившиеся от своих индейцы проезжали мимо, но они, видно, были слишком напуганы, и не до того им было, чтобы нападать на охотников.

Убедившись, что тут все в порядке, Карлос снова повернул коня и помчался назад, на поле недавнего боя.

Глава XVI

Приближаясь к тому месту, где пал вождь вако, Карлос услыхал многоголосый хор, певший погребальную песнь.

Подъехав еще ближе, он увидел воинов, которые, спешившись, тесным кольцом обступили труп. То было тело павшего вождя. Другие, те, кто дольше гнался за врагом, только съезжались, и каждый, входя в круг, затягивал ту же мрачную песнь.

Охотник тоже спешился и подошел к самому кругу. Одни встречали его удивленными взглядами, но другие, те, которые знали, что он помогал им во время боя, подходили и обменивались с ним рукопожатием. Потом один старый воин, взяв Карлоса за руку, ввел его в круг и молча указал на застывшие черты вождя — он словно сообщал охотнику, что их вождь погиб.

Ни он, ни кто-либо другой из воинов не знал, что и Карлос как-то участвовал в случившемся. Никто из оставшихся в живых не был свидетелем схватки, в ко-

торой пал вождь. Со всех сторон поляну обступили высокие деревья, и с прерии она не была видна, а во время этой смертельной схватки бой шел далеко отсюда. Вот почему старик думал, что сообщает Карлосу новость, и тот не произнес ни слова.

Однако Карлос по всему видел, что отважные воины в замешательстве: на земле лежат пять убитых индейцев — и ни у одного не снят скальп! Что это может означать? Убиты были три пане и двое вако — вождь и еще один воин. Не могли же они убить друг друга и пасть все разом, в одну и ту же минуту? Нет, так не могло быть. Пане и один из вако лежали поодаль, трое других — рядом, как их застигла смерть: вождь, пронзенный копьем, и за ним его убийца пане, так и не выпустивший из рук оружия. Вождь все еще сжимал окровавленный томагавк, а зияющая рана в черепе второго пане показывала, куда этот томагавк опустился в последний раз.

Смысл этой картины был ясен индейцам, тут еще не скрывалось ничего таинственного. Но кто убил убийцу их вождя — вот чего они не могли понять. Пять воинов полегли здесь, но должен быть кто-то еще, кто участвовал в этой смертельной схватке и остался жив.

Будь это пане, разве сбежал бы он, не унеся с собою скальп вождя вако? Ведь такой трофей прославил бы его на всю жизнь! А если это был вако, так кто же он и куда исчез?

Эти вопросы передавались из уст в уста, и никто не мог на них ответить. Но некоторые воины еще продолжали погоню — быть может, они что-нибудь знают? А пока они не вернулись, над павшим вождем вновь зазвучала погребальная песня.

Наконец все смельчаки собрались и стали вокруг вождя. Один из старых воинов выступил вперед и дал знак, что хочет говорить. Воцарилась мертвая тишина, и он начал:

— Вако! Мы должны бы радоваться, но в сердцах наших печаль. Победа наша омрачена великой бедой. Мы потеряли нашего отца, нашего брата! Наш славный, наш любимый вождь погиб. Горе нам! Смерть на-

стигла его в час торжества, в ту самую минуту, когда могучая рука его раскроила череп врага. В сердцах его воинов печаль, и долго еще она будет жить в сердцах его народа! Вако! Наш вождь отомщен. Убийца лежит у его ног — смертоносная стрела пронзила его и обагрилась его кровью. Кто из вас поразил врага?

И он помедлил, словно ожидая ответа. Но никто не отозвался.

— Вако! — продолжал он. — Наш любимый вождь пал, и в сердцах наших печаль. Но нам радостно знать, что он отомщен. Вот он — ненавистный убийца, с него еще не сняли скальп. Кто тот храбрый воин, что заслужил трофей? Пусть выйдет вперед и возьмет его!

Снова он умолк — и снова никто ни словом, ни движением не отозвался на его призыв.

Вместе со всеми молчал и Карлос. Он не понимал речи воина, ибо тот говорил на языке вако, которого охотник не знал. Он догадывался, что воин говорит о павшем вожде и о его врагах, но точный смысл сказанного был ему неизвестен.

— Братья! — снова начал старый воин. — Храбрый скромен, он молчит о своих подвигах. Лишь храбрый воин мог свершить это. Пусть же храбрец признается, пусть не боится говорить! Вако будут благодарны воину, который отомстил за смерть их любимого вождя.

И опять стало тихо, и лишь голос оратора вновь нарушил молчание.

— Братья воины! — горячо продолжал он, возвысив голос. — Я сказал, что вако будут благодарны. Слушайте же, что я скажу теперь!

Все жестами показали готовность слушать.

— Есть у нас обычай — выбирать вождя из храбрейших воинов нашего племени. Я предлагаю избрать его сейчас же, избрать его здесь — здесь, на поле, обагренном кровью павшего вождя. Я предлагаю: пусть нашим новым вождем станет тот, кто совершил этот подвиг. — И он показал на убитого пане.

— Я за того, кто отомстил убийце вождя! — раздался голос.

— И я! — крикнул еще кто-то.

— И я! И я! — один за другим восклицали воины.

— Тогда торжественно поклянемся, что тот, кому по праву принадлежит этот трофей, — оратор указал на скальп пане, — будет вождем народа вако!

— Торжественно клянемся! — в один голос вскричали воины, стоявшие в кругу, и каждый при этом приложил руку к сердцу.

— Довольно! — сказал старый воин. — Вождь племени вако, отзовись! Объявись своему народу!

Наступила мертвая тишина. Каждый воин пытливо всматривался в лица остальных, все сердца бились, готовые приветствовать нового вождя.

Карлос, не представлявший, какая честь ожидает его, стоял немного поодаль и с интересом наблюдал за своими краснокожими друзьями. Он и не догадывался, о чем взывал старый воин. Однако рядом оказался индеец, знавший по-испански, и он наконец объяснил Карлосу, чего ждут воины. Едва Карлос собрался сделать свое скромное признание, как один из воинов, стоявших в кругу, воскликнул:

— Чего нам еще ждать? Если скромность связывает язык воина, пусть заговорит его оружие. Смотрите, его стрела все еще в теле убийцы. Она меченая. Быть может, она скажет нам имя воина?

— Верно! — воскликнул старый воин. — Спросим стрелу!

И, шагнув вперед, он вытащил стрелу из тела пане и высоко поднял ее.

Все взгляды устремились на наконечник стрелы, и тотчас раздался единодушный крик изумления: наконечник оказался железным! Ни у одного вако никогда не было такого.

И сейчас же все глаза, вопрошающие и восхищенные, обратились к Карлосу, охотнику на бизонов. Все поняли, что это его рука послала смертоносную стрелу; а кое-кто заметил, что третий пане пал от ружейной пули, и громко объявил о своем открытии. Это окончательно убедило их.

Да, сомнений быть не могло: за их вождя отомстил бледнолицый!

Глава XVII

Карлос, который теперь уже знал, о чем допытывались воины, выступил вперед и с помощью того индейца, который говорил немного по-испански, коротко рассказал, как погиб вождь и какое участие в этой смертельной схватке принимал он сам.

В ответ раздался гул одобрения, и самые пылкие из молодых воинов кинулись к охотнику, стали пожимать ему руку и горячо благодарить. Почти все уже знали, что именно Карлосу они обязаны своим спасением. Ведь выстрел из ружья, раздавшийся в ночи, предостерег вако. Не будь его, пане застали бы лагерь врасплох, и как знать, чем бы тогда кончился этот день? Именно потому, что выстрел был услышан, пане встретили такой отпор, какого никак не ожидали; он-то и погубил их и заставил уцелевших бесславно отступить.

Когда вако увидели, что охотник сражается на их стороне и убивает их врагов, сердца их преисполнились благодарности; а теперь, поняв, что бледнолицый воин еще и отомстил за их любимого вождя, они дали волю своим чувствам, и несколько минут воздух дрожал от восторженных кликов.

Когда волнение немного улеглось, вперед снова выступил старый воин. Все относились к нему с величайшим почтением и, как видно, всегда прислушивались к его словам. На сей раз речь его была обращена к Карлосу.

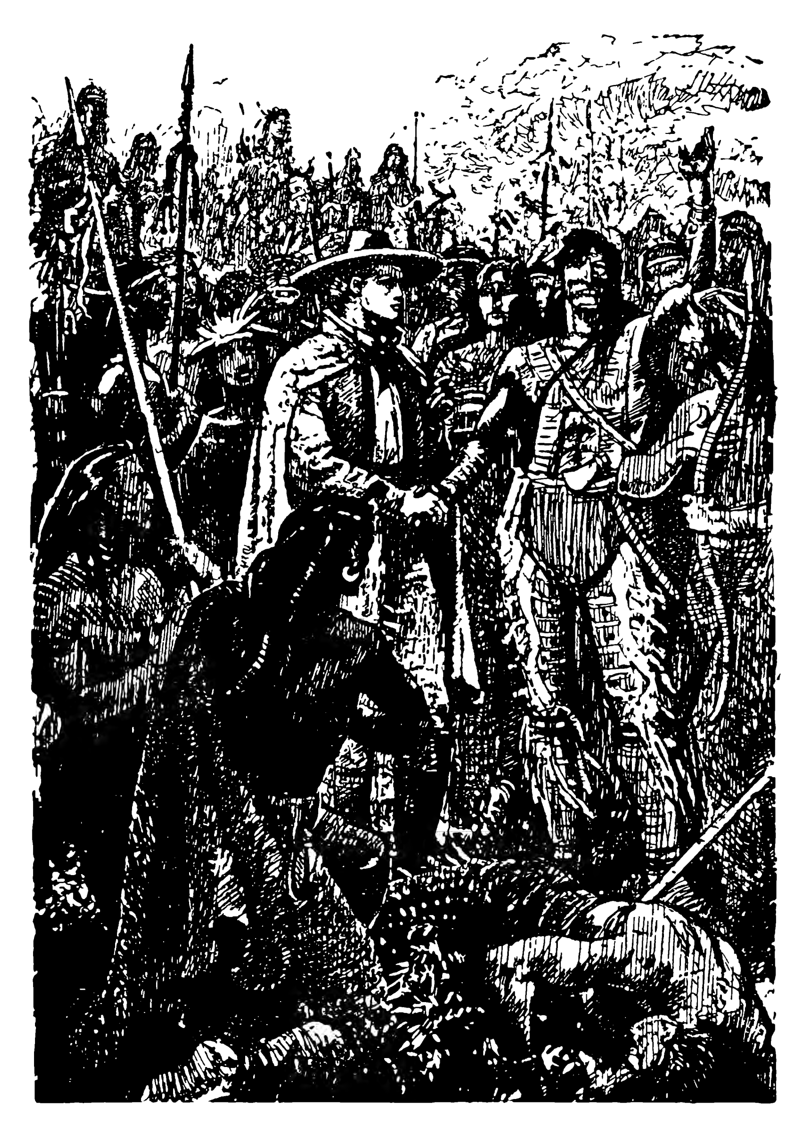
— Белый воин! — сказал он. — Я говорил с храбрыми воинами племени вако. Все они понимают, что многим обязаны тебе, и их благодарность нельзя выразить словами. Тебе объяснили, о чем мы тут только что совещались. Здесь, перед лицом павшего, мы поклялись, что тот, кто отомстил за него, станет нашим вождем. Тогда мы не думали, что этот храбрый воин — наш белый брат. Теперь мы это знаем, но разве из-за этого мы нарушим клятву, изменим своему слову? Нет! Мы не можем и помыслить об этом. Слушай: снова торжественно повторяем мы свою клятву!

— Повторяем клятву! — эхом отозвался круг воинов, и при этом каждый торжественно приложил руку к сердцу.

— Белый воин! — продолжал оратор. — Наше слово священно. Для воина нет чести выше той, какую мы предлагаем тебе. Честь эта по плечу лишь настоящему воину. Слабый, будь он даже и потомком славного вождя, никогда еще не правил отважным народом вако. Мы не боимся предложить эту честь тебе. Мы будем рады, если ты примешь ее. Чужестранец! Мы будем гордиться своим белым вождем, ибо хоть ты и белый, но настоящий воин! Мы знаем тебя лучше, чем ты думаешь. Мы слыхали о тебе от наших союзников, команчей, — мы слыхали о Карлосе, охотнике на бизонов. Мы знаем: ты — великий воин, но мы знаем также, что в своем краю, среди белых людей, ты — ничто. Прости нас за прямоту, но разве это неправда? Мы презираем твой народ: ведь твои собратья — или тираны, или рабы. Обо всем этом мы узнали от наших братьев команчей, и они нам еще многое поведали о тебе. Мы знаем, кто ты. Мы узнали тебя, когда ты появился здесь, и были рады тебя увидеть. Мы торговали с тобой, как с другом. Теперь мы приветствуем тебя, как брата, и мы говорим тебе: если никакие узы не связывают тебя с твоим неблагодарным народом, войди в семью народа, благодарность которого неизменна. Оставайся с нами, будь нашим вождем!

Когда старик кончил, раздалось как бы многократное эхо: то воины, стоявшие в кругу, один за другим повторили его последние слова, и потом наступила мертвая тишина.

Карлос был так удивлен, что не сразу мог ответить. Его удивила не только необычайная честь, так своеобразно предложенная ему, — его поразило то, как хорошо старый воин осведомлен о его жизни. Он и в самом деле торговал с команчами и поддерживал с ними дружеские отношения, кое-кто из них иногда даже наведывался в Сан-Ильдефонсо. Но не странно ли, что дикари разобрались в истинном положении дел? А ведь это истина: среди своего народа Карлос как бы



— Белый воин, — сказал индеец, — будь нашим вождем!

отверженный... Однако сейчас ему некогда было раздумывать над тем, как все это странно и необычайно: воины ждали ответа.

Что же отвечать? Отверженному, лишенному надежд, ему вдруг показалось, что это предложение стоит принять. У себя дома он немногим лучше раба, а здесь будет править — единодушно избранный господин и повелитель.

Хотя вако и называют дикарями, но они воины, у них есть сердце, они человечны, и они настоящие люди. Они уже доказали это. Мать и сестра разделят его судьбу, но Каталина... Мысль о Каталине оборвала все его сомнения, больше он уже не думал.

— Великодушные воины! — заговорил он. — Всем сердцем я чувствую, как велика честь, которую вы оказали мне. Я хотел бы высказать, как глубоко я вам благодарен, но у меня нет таких слов. Поэтому я отвечу вам коротко и откровенно. Да, правда, в своем краю я не в чести, я бедняк из бедняков, но есть узы, связывающие меня с родными местами, — это сердечные узы, и они вынуждают меня вернуться. Я все сказал, воины вако!

— Довольно! — произнес старый воин. — Довольно, храбрый чужестранец! Мы не станем допытываться, почему ты так решил. Если ты и не будешь нашим вождем, ты останешься нашим другом. У нас есть еще одна возможность хоть немного отблагодарить тебя. Ты пострадал от наших врагов, лишился того, что тебе принадлежало, но мы нашли твоих мулов, и они опять твои. И еще мы просим тебя: наш кров и наше угощенье просты, но останься у нас на несколько дней, будь нашим гостем. Согласен?

— Останься! — эхом повторили воины

И Карлос тотчас принял приглашение.

* * * * * * * *

Неделю спустя около пятидесяти вьючных мулов, нагруженных бизоньими шкурами и вяленым мясом, с трудом поднялись по восточному склону Льяно Эстака-

до и направились по этому пустынному плоскогорью на северо-запад. Погонщик, сидящий на одном из мулов, был метис. Быки, погоняемые краснокожими пеонами, тащили вслед за мулами три повозки; колеса так отчаянно скрипели, что пугали даже койотов, которые крались следом, прячась в зарослях акации. Впереди гарцевал всадник на великолепном вороном коне; то и дело он оборачивался и с удовлетворением смотрел назад, на отличный табун мулов. Это был Карлос.

Вако и впрямь оказались щедрым народом. Десятками мулов и их тяжелой поклажей одарило племя того, кто отомстил за убитого вождя. Но это еще не все. На груди охотника, в кармане куртки, лежал мешочек с редким сокровищем — тоже дар вако, и они обещали своему гостю, что не в последний раз вручают ему такой подарок. Что же было в этом мешочке? Монеты, деньги, драгоценные камни? Нет, всего лишь песок, но песок желтый, сверкающий. То было золото!

Глава XVIII

На другой день после праздника в крепости был дан небольшой обед. Были званы лишь несколько холостых приятелей коменданта — местные острословы, в том числе и щеголь Эчеварна. Среди гостей были и священник и отцы миссионеры; оба они все свое внимание отдали пиршественному столу — любой брат францисканец поступил бы так же на их месте.

Компания отведала уже немало изделий мексиканской кухни: говядину, жаркое, перец во всех видах, и обед был в той стадии, когда мундиры сняты и вино льется рекой — и канарио, и херес, и педро дексименес, и мадера, и бордо; стол был заставлен самыми разнообразными бутылками; а для тех, кто любил напитки покрепче, тут были фляжки золотистого каталонского и мараскино. Что и говорить, неплохим винным погребом обладал комендант. Он был здесь не только военным комендантом, но и, как мы уже сказали, сборщиком пошлины — иными словами, исполнял обязанности тамож-

ни и, понятно, то и дело получал небольшие подношения в виде корзины шампанского или дюжины бордо.

Гости уже порядком выпили. Священник, несмотря на свой сан, стал таким же человеком, как все; отцы иезуиты забыли про власяницы и четки, и старший из них, отец Хоакин, развлекал гостей пикантными приключениями, героем которых он был, прежде чем стал монахом. Эчевариа рассказывал анекдоты о Париже, о гризетках и о своих многочисленных похождениях.

Испанские офицеры в качестве хозяев были, разумеется, не так болтливы, хотя комендант, тщеславный, словно мальчишка-лейтенант, впервые надевший эполеты, не мог воздержаться и снова и снова вспоминал о своих несчетных победах над красавицами Севильи. Он долго стоял с полком в этом городе апельсиновых рощ и не уставал восхищаться жемчужиной Андалусии.

Робладо отдавал предпочтение красоткам Гаваны и распространялся о той пышной и грубой красоте, какою отличаются квартеронки. Гарсия сообщил о своем пристрастии к маленьким ножкам жительниц Гвадалахары, но не старого испанского города Гвадалахары, а богатой провинции в Мексике, носящей то же имя. Он со своей частью квартировал прежде именно там.

Так говорили они, грубо и непристойно, о том, что требует величайшей деликатности, — о женщинах. Присутствие трех служителей церкви не сдерживало их. Напротив, оба отца иезуита и священник хвастались своими любовными связями так же непристойно и бесстыдно, как другие, ибо все трое были ничуть не безгрешнее остальной компании, собравшейся за столом. В обычной обстановке они еще проявили бы некоторую сдержанность, но здесь, после нескольких бокалов вина, она исчезла бесследно; они ничуть не стеснялись в этой компании, и никто из присутствующих, со своей стороны, нимало не благоговел перед ними. Вся их показная святость и смирение предназначались лишь для наивных крестьян и простодушных

пеонов. А за столом то один, то другой из святых отцов изредка принимал благочестивый вид, но только шутки ради, чтобы придать остроту и пикантность рассказу о каком-либо похождении. Общий разговор становился все беспорядочнее, и вдруг кто-то назвал имя, заставившее всех умолкнуть. То было имя Карлоса, охотника на бизонов.

Услышав это имя, кое-кто из присутствующих изменился в лице. Робладо нахмурился; было бы нелегко разобраться в смешении чувств, исказивших черты Висьарры; отцам иезуитам и священнику имя охотника, видимо, тоже не доставило удовольствия.

О Карлосе упомянул не кто иной, как Эчевариа:

— Клянусь честью, такой дерзости я еще не видывал даже в республиканском Париже! Какой-то чортов торгаш, ничтожество, которое торгует мясом и шкурами... короче говоря, мясник, убийца этих чортовых бизонов — и вдруг посмел добиваться... Parbleu! [1]

Хоть Эчевариа разговаривал по-испански, ругался он всегда по-французски. Так выходило вежливее.

— Неслыханная наглость! Невыносимо! — раздались голоса.

— А по-моему, прекрасная дама не так уж и рассердилась, — заметил грубоватый малый, сидевший в самом конце стола.

Ему стали хором возражать. И громче всех заспорил Робладо.

— Дон Рамон Диас, — обратился он к молодому человеку, — вы просто-напросто ничего не видели. Я стоял рядом с дамой и знаю, что она была возмущена (то была ложь, и Робладо знал это), и ее отец...

— Да, отец-то, конечно! — смеясь, воскликнул дон Рамон. — Все видели, как он обозлился. Это вполне понятно. Ха-ха-ха!

— А кто он такой, этот Карлос? — спросил один из гостей.

— Превосходный наездник, — ответил дон Рамон. — С этим и наш комендант согласится.

[1] Parbleu — чорт побери! (франц.)

Произнося эти дерзкие слова, он с понимающей усмешкой взглянул на Вискарру. Тот нахмурился в ответ.

— Вы проиграли немало денег, не правда ли? — осведомился у Вискарры священник.

— Только не Карлосу, — ответил комендант, — а тому, второму грубияну. Они, как видно, приятели. Самое скверное, что, когда держишь пари с кем-нибудь из простонародья, нет никакой надежды отыграться в следующий раз. Ведь с ними в обычное время не встречаешься.

— Но кто же он такой? — снова спросил тот же гость.

— Кто? Да просто охотник на бизонов, вот и все.

— Вот как! А разве больше вы о нем ничего не знаете? У него светлые волосы — это очень странно, ведь белокурых мексиканцев не бывает. Он не креол? Может, бискаец?

— Ни то, ни другое. Говорят, он американец.

— Американец?

— Не совсем так: его отец был американец. Но вот падре может рассказать о нем.

Итак, священника попросили развлечь компанию кое-какими подробностями из жизни охотника на бизонов. Отец его, как говорили, был американец. Странный человек, неведомо откуда и какими путями забрел он давным-давно в эту долину и тут решил осесть. Подобные случаи были редки в поселениях Новой Мексики. Но еще удивительнее, что американец был не один: его сопровождала американка, мать Карлоса, та самая старуха, которая привлекла к себе общее внимание в день святого Иоанна. Все попытки святых отцов обратить пришельца или его жену в христианство ни к чему не привели. Старый траппер (отец Карлоса был траппером) умер, как и жил, богохульником, еретиком, и все в городе были убеждены, что его вдова общалась с дьяволом. Это был позор для церкви, и отцы иезуиты уже давно изгнали бы это светловолосое семейство, но старый комендант, предшественник Вискарры, почему-то покровительствовал ему и сдерживал благие намерения рьяных служителей церкви.

— Но, кабальерос, — воскликнул иезуит, взглянув на Вискарру, — подобные еретики опасны! В их душах зреют семена мятежа, угроза общественному порядку. Когда этот светловолосый охотник является домой, он водит компанию лишь с теми, за кем и не уследишь как следует. Его всегда видят с этими подозрительными тагносами, и некоторые из них у него в услужении.

— Вот как, он водится с тагносами? — раздались голоса. — Опасная личность! Надо за ним присматривать.

Потом зашла речь о сестре охотника. Все собеседники более или менее лестно отзывались о ее красоте, и, слушая их, поминутно менялся в лице Вискарра. Этого негодяя разговор занимал куда больше, чем могли предположить гости, и у него давно готов был план действий.

Его слуги и приспешники уже взялись за дело, заботясь о том, чтобы он мог осуществить свои низкие намерения.

Потолковав о сестре охотника на бизонов, компания стала разбирать по косточкам других местных красавиц. Да и о чем им было говорить, если не о женщинах! Неудивительно, что они быстро вернулись к первоначальной теме своей беседы, и под влиянием новых бокалов вина беседа эта стала еще колоритнее.

Кончилось тем, что кое-кто совсем опьянел; час был уже поздний, гости распрощались, и некоторых пришлось даже провожать до дому. Отцам иезуитам и священнику дали в провожатые солдат, так как все трое допились до чортиков, но им это было не впервой.

Глава XIX

Комендант и его приятель Роблад о остались одни; заново наполнив стаканы, с сигарами в руках, они продолжали беседу.

— Итак, Робладо, вы и в самом деле думаете, что гарню отвечают взаимностью? Я того же мнения, иначе он не решился бы на такую дерзость.

— Теперь я в этом совершенно уверен, — ответил капитан. — Не сомневаюсь, что они виделись наедине вчера вечером. Я подходил к дому Крусес и увидел какого-то человека: он стоял у самой ограды, опираясь на нее, как будто разговаривал с кем-то во дворе. Я-то думал, что это какой-нибудь приятель дона Амбросио. Когда я был уже близко, человек отошел от ограды и вскочил на коня. Он закутался в плащ, лица я не разглядел. Но я узнал коня. Вообразите, это оказался тот самый вороной, который вчера был под охотником на бизонов! Вошел я, спросил, кто из хозяев дома; слуги отвечают: хозяин на руднике, а сеньорита ушла к себе и сегодня вечером никого не принимает. Чорт побери! Я вышел из себя, уж и не помню, что я им там сказал. Прямо невероятно! И все-таки этот нищий втихомолку свел с ней знакомство — это так же верно, как то, что я солдат.

— Да, просто не верится! Что же вы думаете предпринять, Робладо?

— Ну, о ней-то я уж позабочусь! Теперь за ней будут лучше присматривать. Я кое о чем намекну дону Амбросио. Вы ведь знаете мой секрет, полковник! Ее приданое — рудник, — вот что притягивает меня, как магнитом. Но до чего нелепо, чтобы моим соперником оказался какой-то охотник на бизонов!

Робладо громко расхохотался, но смех его прозвучал фальшиво и невесело. И вдруг новая мысль пришла ему в голову.

— А знаете, ведь наш отец Хоакин не любит семью белоголового, — продолжал он. — Я это понял по его сегодняшним намекам. Если вмешается церковь, мы без особого шума избавимся от этого охотника. Стоит только отцам иезуитам доказать, что он еретик, и они выгонят его из Сан-Ильдефонсо. Верно?

— Да, конечно, — холодно ответил Вискарра, потягивая вино. — Но если изгнать этого охотника, дорогой мой Робладо, придется изгнать и еще кое-кого. Вместе с шипами мы выдернем и розу. Вы меня понимаете?

— Вполне.

— А я этого вовсе не желаю, по крайней мере теперь. Немного погодя мы охотно расстанемся и с розой и со всеми ее шипами, кустами, корнями и прочим! — с громким хохотом докончил Вискарра.

— Да, кстати, полковник, — спросил капитан, — каковы ваши успехи? Были у нее дома?

— Нет, мой дорогой, некогда было. Не забудьте — до ее дома не близко. И вообще я намерен отложить свой визит, пока ее братец не уберется подальше. Будет гораздо удобнее ухаживать за ней в его отсутствие.

— Уберется подальше? Что это значит?

— Да то, что скоро охотник отправится в прерию. Может быть, даже на несколько месяцев. Будет там бить бизонов, надувать индейцев... ну, и прочее в том же роде.

— Ого! Это недурно.

— Как видите, милый друг, нам совершенно незачем спешить. Потерпите — впереди у нас вполне достаточно времени. Я уверен, пока возвратится наш храбрый охотник на бизонов, мы прекрасно успеем обделать наши делишки. Вы завладеете богатыми рудниками, а я...

Тут в дверь негромко постучали, и они услышали голос сержанта Гомеса; он спрашивал, нельзя ли поговорить с комендантом.

— Войдите, сержант! — крикнул полковник.

И в комнату вошел кавалерист с грубым, жестоким лицом; по всему видно было, что он только что соскочил с коня.

— Ну как, сержант? — спросил Вискарра, когда тот подошел ближе. — Выкладывайте! При капитане Робладо можете говорить все.

— Они живут в самом последнем доме, в том конце долины, полковник; отсюда миль десять, не меньше. Их там только трое: мать, сестра и брат — тот самый, вы его видели на празднике. Слуги у них тагносы, не то трое, не то четверо, они ему помогают на охоте. У него несколько мулов, быков да повозки — вот и все хозяйство. Они ему нужны для охоты. Он и сейчас собирает-

ся на охоту — уедет дня через четыре, не позже. Я слыхал, он на этот раз уедет надолго, двинется каким-то новым путем, через Льяно Эстакадо.

— Через Льяно Эстакадо?

— Так мне говорили.

— Что еще, сержант?

— Ничего, полковник. Вот только у девушки есть возлюбленный — тот самый парень, который на празднике бился с вами об заклад, вы еще ему порядком проиграли.

— Ах, чорт возьми! — воскликнул Вискарра, мгновенно помрачнев. — Вот оно что! Так я и думал. А где он живет?

— Недалеко от них, полковник. У него свое ранчо, и он, говорят, богатый... для скотовода, понятно.

— Налейте-ка себе стаканчик каталонского, сержант.

Кавалерист протянул руку, наклонил бутылку, наполнил стакан и, почтительно поклонившись офицерам, одним духом осушил его.

Потом, поняв, что он больше не нужен, отдал честь и удалился.

— Что же, — сказал полковник, — как видите, ваши дела складываются недурно.

— И ваши тоже, — ответил Робладо.

— Не совсем.

— Почему?

— Не нравится мне этот ее возлюбленный, этот скотовод. У него есть деньги, к тому же он не робкого десятка — пожалуй, доставит мне немало хлопот. Он не из тех, кого можно вызвать на дуэль, — по крайней мере, мне, при моем положении, это не к лицу. Но он коренной здешний житель, он их поля ягода — не то что охотник, — и все здесь любят его. И раз он тут замешан, дело принимает совсем другой оборот... А впрочем, не все ли равно! Еще не было случая, чтобы я потерпел неудачу. Доброй ночи, капитан!

— Доброй ночи! — ответил Робладо.

И, одновременно поднявшись из-за стола, они разошлись по своим спальням.

Глава XX

Ранчо и асиенды растянулись вдоль реки почти на десять миль от Сан-Ильдефонсо. Ближе к городу их больше; но чем дальше вниз по течению, тем они попадаются реже и тем беднее их обитатели. Фермеры и скотоводы побогаче боялись воинственных индейцев и предпочитали строиться ближе к крепости. Напротив, бедность заставляла иных быть отважными и селиться у самой границы. И так как вот уже несколько лет никто не нападал на поселение Сан-Ильдефонсо, многие мелкие фермеры и скотоводы обосновались в восьми и даже в десяти милях от города.

В полумиле от всех остальных ранчо стоял одинокий домик — последнее, самое отдаленное от города жилище в этой долине. Казалось, он был расположен за пределами той территории, которую охранял гарнизон, ибо ни один патруль сюда не заглядывал. Хозяева его, видно, верили в судьбу или в милосердие апачей — индейского племени, которое обычно совершало набеги на Сан-Ильдефонсо: дом ничем не был защищен от них. А быть может, его охраняло как раз то, что он был расположен так уединенно, вдали от всех других ранчо.

Он стоял немного в стороне от дороги и не на самом берегу реки, а поодаль, в тени утеса, — казалось, он врос в скалу.

Это бедное жилище, как и все дома в долине, да и почти повсюду в Мексике, было сложено из больших спрессованных и высушенных на солнце глыб глины. У многих лучших построек этого типа фасады белые — значит, где-нибудь рядом есть залежи гипса. В иных домах, где хозяева с большими претензиями, окна кажутся застекленными. Так оно и есть, только вместо стекол вставлены похожие на стекло сверкающие тончайшие пластинки все того же гипса — его употребляют для этой цели в разных уголках Новой Мексики.

Ранчо, о котором идет речь, не украшали ни окна, ни побелка. Оно стояло под нависшим утесом, и его темные стены почти сливались со скалой; окнами служили два отверстия, забранные несколькими деревян-

ными поперечинами; через эти отверстия в дом проникало немного света.

Однако внутри было бы почти совсем темно, если бы не дверь, обычно открытая настежь.

С дороги, проходящей по долине, дом был едва виден. Путешественник никогда бы его не разглядел, и даже острый глаз индейца мог не заметить его. Необычайная изгородь скрывала его от посторонних взглядов — необычайная, впрочем, лишь для того, кто не свыкся еще с растительностью этого отдаленного уголка земли. Изгородь была из колоннообразных кактусов. Растения эти — точь-в-точь аккуратные рифленые столбики толщиной в шесть дюймов и вышиной от шести до десяти футов. Они стояли рядом, почти вплотную, словно колья в частоколе, да притом ощетинивались во все стороны шипами, так что в просветы почти ничего не было видно. В положенный срок вершины этих живых колонн покрывались прекрасными, словно восковыми, цветами, а потом на месте цветов появлялись яркие ароматные плоды.

Лишь пройдя внутрь ограды, можно увидеть маленькое ранчо; и хоть его стены грубы, прелестный огороженный садик, весь в цвету, говорит о том, что здесь есть чья-то заботливая рука. За кактусовой изгородью другая загородка — простая невысокая стена, сложенная из необожженного кирпича, отделяет примыкающую к скале площадку. Это кораль — загон для скота, и в одном углу его сооружено нечто вроде небольшого сарая или конюшни. Иногда в этом корале стоят пять или шесть мулов да десяток быков, а в конюшне — великолепный верховой конь. Но сейчас там пусто, никого нет. Конь, мулы, быки ушли вместе со своим хозяином далеко в прерии.

Хозяин их — Карлос, охотник на бизонов. Это и есть его дом; здесь он живет со своей старой матерью и красавицей-сестрой. В этом доме жил он с самого детства.

И, однако, они всегда были чужаками в долине и в городе. Ни испанцы, ни индейцы не признавали их за своих. И те и другие отличались от этой семьи не мень-

ше, чем друг от друга. Иезуит сказал правду: Карлос и его близкие и в самом деле были американцы. Родители его поселились в долине очень давно, никто не знал, откуда они родом; знали только, что пришли они с востока, пересекли Великие Равнины. Они были еретики, и святым отцам так и не удалось присоединить их к своей пастве. Отцы иезуиты давно бы изгнали их или как-нибудь иначе расправились с этой семьей, если бы ей не покровительствовал прежний военный комендант. И к тому же простой народ всегда испытывал перед обоими какой-то суеверный страх. Позднее это чувство полностью обратилось на мать Карлоса и приняло новую форму: ее считали колдуньей, ведьмой и при встрече с ней спешили осенить себя крестным знамением. Но случалось это не часто, так как она почти не появлялась на людях. На праздник святого Иоанна ее привез Карлос, которому очень хотелось развлечь горячо любимых мать и сестру.

В той отчужденности, которая окружала их, в значительной степени было повинно их американское происхождение. Испано-мексиканцы и англо-американцы подозрительно и недружелюбно относились друг к другу еще задолго до того времени, о котором ведется рассказ. Чувства эти, порожденные национальной враждой, всячески поощряло и разжигало духовенство своими интригами и кознями. Тень предстоящих событий уже нависла над Мексикой; Америка распространила свое влияние и на Флориду и на Луизиану. Смысл происходящего был ясен, разумеется, лишь самым дальновидным, но пагубная страсть — расовая ненависть — охватила всех.

Все вокруг были предубеждены против семьи охотника на бизонов, и потому она почти не общалась с жителями долины.

Карлос и его родные поддерживали отношения главным образом с местным индейским населением — с бедняками тагносами, которые менее всех были настроены против американцев.

Войдя в жилище Карлоса, мы увидели бы светловолосую Роситу, — сидя на цыновке, она ткет шаль. Ее

ткацкий станок состоит всего из нескольких деревянных частей грубой работы. Он так примитивен, что его и станком-то не назовешь. И тем не менее длинные синеватые, параллельно натянутые нити, дрожащие при каждом прикосновении ловких пальцев девушки, скоро превратятся в прелестную шаль, которую кокетливо накинет на голову какая-нибудь городская красотка. Ни одна рукодельница в долине не умеет ткать такие шали, как сестра охотника на бизонов. Как нет среди юношей наездника, равного Карлосу, так никто не сравнится с Роситой в искусстве, которым она добывает средства к существованию.

В домике всего две комнаты — вдвое больше, чем почти во всех таких домишках. Чувство деликатности еще живо в душе сакса, и семья Карлоса жила не совсем на индейский лад.

Кухня занимает комнату побольше, и выглядит она веселее, потому что свет проникает сюда через открытую дверь. Здесь вы увидите небольшой очаг, похожий на алтарь, пять-шесть глиняных горшков, по форме напоминающих урну, несколько чашек и кубков, выдолбленных из тыквы, покатый каменный столик на коротких ножках, который служит для приготовления маисовых лепешек, несколько цыновок и бизоньих шкур (на них обычно сидят), мешок маиса, пучки сухих трав, связки красного и зеленого перца, но и только.

Это, пожалуй, единственный дом во всей долине, где глаз ваш не порадуют изображения святых. Здесь и вправду живут еретики.

Но прежде всего остального вы увидите старуху, которая сидит у огня и курит трубку. Странная она, эта старуха, и, уж конечно, судьба у нее тоже странная, но она никому еще не поведала о своем прошлом. Резкие черты исхудалого лица, побелевшие, но все еще пышные волосы, дикий блеск глаз — все необычно в ее облике. Не одним лишь темным, невежественным людям поневоле может почудиться, будто она не такая, как все. Не диво, что жители долины считают ее колдуньей.

Глава XXI

Росита стояла на полу на коленях, и маленький челнок в ее руках проворно сновал по утку. Она пела, пела и нежно и звонко, веселую песенку, которой ее научила мать, песенку, родившуюся в далеких лесах Америки; потом запела старинную романтическую испанскую песню — быть может, это был «Трубадур»; чудесная эта мелодия не потеряла своей прелести, даже в современной песенке «Не любит...». «Трубадур» был любимой балладой Роситы, и когда она бралась за бандолу и пела под звон ее струн, напоминающий звон гитары, слушатель испытывал истинное наслаждение.

Сейчас она пела, чтобы скоротать время и чтобы работалось легче, и хотя на этот раз она не аккомпанировала себе, ее серебряный голосок и без всякой другой музыки звучал нежно и ясно.

Мать отложила в сторону трубку и, как и Росита, занялась делом. Она пряла пряжу, из которой ткались шали. Если ткацкий станок Роситы был очень примитивен, то прялка была еще примитивнее — просто-напросто быстрое, неутомимо пляшущее веретено. С помощью этой нехитрой механики старая женщина вытягивала и сучила такую ровную нить, что и настоящая прядильная машина не могла бы ее перещеголять.

— Бедный наш Карлос! Раз, два, три, четыре, пять, шесть... я сделала шесть зарубок — уже шестой день он в пути. Наверно, он сейчас на Льяно Эстакадо, мама. Я надеюсь, что ему повезет и индейцы обойдутся с ним по-хорошему.

— Не тревожься, девочка. Мой храбрый сын взял с собой отцово ружье, и он умеет с ним обращаться. Да, это он умеет. Не тревожься за Карлоса!

— Но ведь он никогда еще не бывал там, мама. Вдруг он повстречается с враждебным племенем?

— Не тревожься, девочка! У Карлоса есть враги пострашнее индейцев... враги пострашнее, и они здесь, рядом с нами. Трусливые рабы! Они ненавидят нас... И здешние испанцы и креолы ненавидят нас... Испанские собаки! Они ненавидят нас за то, что мы саксы.

— Не говори так, мама! Ведь не все они наши враги. У нас есть и друзья.

Росита думала о доне Хуане.

— Немного, очень немного... И они редко навещают нас. Да и что мне до них — ведь у меня есть сын! Разве он не лучший наш друг? Нежное сердце, храброе сердце, сильная рука! Кто сравнится с моим Карлосом? И мальчик любит свою старую мать, странную старую мать... Это все они, пьяницы, думают, что она странная. А все-таки он любит свою старую мать. На что же ей тогда друзья?

Она громко расхохоталась, и в этом смехе звучало такое торжество, что сразу было видно, как гордится она своим сыном.

— А какой груз он повез, мама! Прежде он никогда не брал так много товаров. И откуда у него столько денег?

Росита в точности не знала, откуда, но в глубине души подозревала, кто именно был тот друг, что ссудил ее брата деньгами.

— Боже мой! — продолжала она. — Если он удачно продаст все эти прекрасные вещи, он будет очень богат. Он пригонит мулов, целый табун. Скорей бы уж он вернулся! Раз, два, три... шесть. Да, только шесть зарубок. А мне так хочется, чтобы эта доска уже вся была в зарубках, с обеих сторон... очень хочется!

Говоря это, Росита глядела на узкую кедровую дощечку, висевшую на стене. На дощечке видны были шесть маленьких зарубок. Она заменяла Росите и часы и календарь: каждый день, пока не вернулся Карлос, на ней прибавляется по зарубке, и сестра всегда будет знать, сколько времени прошло с тех пор, как он уехал.

Поглядев минуту-другую на кедровую дощечку и попытавшись представить себе, что зарубок уже не шесть, а семь, Росита оставила это занятие и снова принялась ткать.

А старуха тем временем отложила веретено и сняла крышку с глиняного горшка, который стоял на очаге на небольшом огне. Над горшком поднялось облако пара, и в комнате вкусно запахло: старуха тушила мелко

изрубленное вяленое бизонье мясо, крепко приправленное испанским луком и стручками красного перца.

— Жаркое готово, девочка,—сказала она, достав мясо деревянной ложкой и отведав его. — Давай обедать.

— Хорошо, мама, — ответила Росита, вставая из-за своего станка. — Сейчас я приготовлю тортильи.

Тортильи — это лепешки, которые едят только теплыми, — вернее, они вкусны лишь теплые, прямо со сковородки, поэтому их пекут в последнюю минуту, когда уже садятся за стол или даже во время еды.

Росита отодвинула горшок и поставила сковороду на угли. В другом горшке уже сварился маис. Росита сняла его и поставила рядом, на каменный столик, потом с помощью продолговатой, тоже каменной скалки быстро превратила разваренный маис в снежно-белое тесто. Отставила в сторону горшок, отложила скалку и погрузила розовые пальчики в тесто. Взяла ровно столько теста, сколько требовалось на лепешку, скатала из него шар, прихлопнула его ладонями, и получился плоский, не толще вафли, круг. Теперь оставалось только бросить его на горячую сковороду, тотчас перевернуть, еще мгновенье — и тортилья готова.

Все это требовало незаурядной ловкости, но Росита все проделала так искусно, что ясно было — она мастерица печь тортильи.

Когда на блюде поднялась изрядная стопка лепешек, Росита перестала печь; мать уже разложила жаркое по тарелкам, и обе принялись за еду, не пользуясь при этом ни ножами, ни вилками, ни даже ложками. Лепешки были еще теплые, и их можно было согнуть как угодно, они-то и заменяли все эти ухищрения цивилизации, которые в мексиканском ранчо считались совершенно лишними.

* * * * * * * *

Едва они успели покончить со своим скромным обедом, как до их слуха донесся какой-то необычный звук.

— Что это? — воскликнула Росита, вскочив на ноги и прислушиваясь.

Через открытую дверь и окна снова проник в комнату тот же звук.

— Да это труба! — сказала девушка. — Наверно, это пришли солдаты.

Она выглянула в дверь, потом подбежала к изгороди и стала глядеть сквозь щели между зелеными столбиками. Это и в самом деле были солдаты. Невдалеке, по двое в ряд, вниз по долине двигался отряд улан. Блеск их оружия и флажки на пиках придавали им вид веселый и привлекательный. В ту минуту, когда Росита увидала их, они повернули коней, перестроились и, вытянувшись в одну линию, остановились лицом к изгороди, всего в какой-нибудь сотне шагов от нее. Ясно было, что они остановились перед ранчо не случайно.

«Что им тут надо?» — сразу же подумала Росита. Отряды улан часто проходили мимо них по долине, но никогда не приближались к дому, который, как уже сказано, стоял в стороне от дороги. Что же привело сюда солдат? Что заставило их свернуть со своего обычного пути?

Не найдя ответа на эти вопросы, Росита побежала в дом и стала спрашивать мать. Но и та ничего не могла ответить ей; тогда девушка вернулась к ограде и опять стала смотреть в щелку.

В это время один из всадников, одетый наряднее других — верно, офицер, — отделился от строя и галопом поскакал к дому. Вот он уже совсем рядом, вот остановил коня у живой изгороди и поверх кактусов заглядывает во двор.

Росита увидела только шляпу с султаном и лицо, но она сразу узнала его. Это был тот самый офицер, который так беззастенчиво смотрел на нее в день святого Иоанна. Перед нею был комендант Вискарра.

Глава XXII

Офицеру, смотревшему поверх изгороди, прекрасно видна была девушка, стоявшая в маленьком садике среди цветов. Она отступила к двери и скрылась было в

доме, но обернулась, чтобы позвать Бизона — огромного волкодава, который яростно лаял и готов был кинуться на незнакомца.

Послушный ее голосу, пес, рыча, побежал в дом. Он был очень недоволен и, как видно, хотел испробовать свои зубы на ногах чужого коня.

— Благодарю вас, прекрасная сеньорита, — сказал офицер. — Вы так добры, что защитили меня от этого свирепого зверя. Хорошо, если бы в этом доме я боялся только его одного.

— Чего же еще вы боитесь, сеньор? — удивилась Росита.

— Ваших глаз, милая девушка. Они куда опаснее, чем острые зубы вашего пса, — они уже ранили меня.

Росита покраснела и отвернулась.

— Кабальеро, — сказала она, — вы, наверно, приехали сюда не для того, чтобы смеяться над бедной девушкой. Могу я спросить, что у вас за дело?

— Никакого дела, прекрасная Росита, просто я хотел увидеть вас... Нет, нет, не уходите! У меня есть дело, есть... Видите ли, у меня в горле пересохло, я хотел напиться. Вы ведь не откажетесь дать мне глоток воды, прекрасная сеньорита?

Теперь он говорил торопливо и сбивчиво, стараясь во что бы то ни стало удержать девушку, которая уже готова была оборвать этот разговор и уйти в дом. Вискарру вовсе не мучила жажда, и, уж во всяком случае, он не хотел пить, но закон гостеприимства, конечно, заставит девушку принести воды, а там он, быть может, сумеет добиться и большего.

Ничего не ответив на его льстивые речи, Росита вошла в дом и тотчас вернулась с тыквенной чашей, полной воды. Подойдя к просвету в изгороди, который служил воротами, Росита подала воду Вискарре и стала ждать, пока он напьется и вернет чашу.

Не желая показать, что его просьба была только предлогом, комендант через силу сделал несколько глотков, потом выплеснул оставшуюся воду и протянул чашу Росите. Та хотела взять ее, но Вискарра продолжал

крепко держать чашу и не сводил с Роситы дерзкого, настойчивого взгляда.

— Очаровательная сеньорита, — сказал он наконец, — вы были так добры! Нельзя ли поцеловать вашу прелестную ручку?

— Что такое, сударь? Отдайте, пожалуйста, чашу.

— Нет, сперва я заплачу за питье. Согласны?

И он бросил в чашу золотой.

— Нет, сеньор, я не могу взять деньги. Ведь я просто исполнила свой долг. Мне не нужен ваш золотой, — твердо закончила она.

— Очаровательная Росита! Вы завладели моим сердцем, почему же заодно не взять и золотой?

— Я вас не понимаю, сеньор. Возьмите, пожалуйста, ваши деньги и отдайте чашу.

— Я отдам ее только вместе с золотым.

— Тогда оставьте ее себе, сеньор, — сказала девушка, поворачиваясь, чтобы уйти. — Меня ждет работа.

— Нет, постойте, сеньорита! — воскликнул Вискарра. — Не откажите еще в одной любезности. Я хотел попросить огня для сигары. Вот, возьмите чашу! Видите, она пустая. Вы ведь простите меня за то, что я предлагал вам этот золотой?

Вискарра видел, что девушка оскорблена, и своими извинениями надеялся успокоить ее.

Росита взяла у него чашу и пошла в дом, чтобы исполнить его просьбу.

Через минуту она вновь появилась, неся на небольшом совке немного жару из очага.

Дойдя до ворот, она с удивлением увидела, что офицер спешился и привязывает коня к столбу.

— Я устал с дороги, — сказал он, когда Росита протянула ему совок. — Солнце так печет! Если позволите, сеньорита, я войду в дом и отдохну немного.

Эта новая просьба была неприятна девушке, но отказать она не могла, и через минуту, звеня шпорами и бряцая саблей, комендант вошел в дом.

Росита следовала за ним, не произнося ни слова. Ни словом не удостоила вошедшего и ее мать — она сиде-

ла в своем углу и не обратила на офицера ни малейшего внимания, даже не взглянула в его сторону. Пес, грозно рыча, стал кружить около него, но молодая хозяйка прикрикнула на пса; собака снова улеглась па цыновку, но не спускала с незваного гостя злобно сверкавших глаз.

Едва Вискарра вошел в дом, ему стало не по себе. Он видел, что ему не рады. Росита не произнесла ни единого приветливого слова, и старуха и пес ничем не проявили своего гостеприимства. Наоборот, все заставляло коменданта безошибочно чувствовать, что он здесь нежеланный гость.

Но Вискарра не привык считаться с чувствами подобных людей. Он не обращал внимания на их приязнь или неприязнь, особенно когда это мешало его удовольствиям; и, закурив сигару, он преспокойно уселся на скамью с полной непринужденностью, как у себя дома.

Некоторое время он молча курил.

Между тем Росита выдвинула ткацкий станок и, опустившись перед ним на колени, принялась за работу, словно в комнате никого чужого и не было.

— О, да как это хорошо придумано! — воскликнул офицер, делая вид, что его очень заинтересовала работа девушки. — Мне давно хотелось взглянуть, как их делают, эти шали... ведь это шаль, правда? Честное слово, очень интересно! Вот, значит, как их ткут Можете вы сделать ее за день, сеньорита?

— Да, сеньор, — был короткий ответ.

— А эта пряжа бумажная, правда?

— Да, сеньор.

— А какой милый узор! Это вы сами придумали?

— Да, сеньор.

— Я вижу, это настоящее искусство! Хотел бы я понять, как переплетаются эти нити.

Он поднялся со скамейки и, подойдя к станку, опустился на колени.

— В самом деле, до чего хитро придумано! Знаете что, милая Росита, поучите-ка и меня этому делу. Хорошо?

Старуха до этой минуты сидела неподвижно, глядя в землю, но, услышав имя дочери в устах незнакомца, вздрогнула и оглянулась на него.

— Я не шучу, — продолжал он между тем, — ведь это очень полезное искусство! Вы не могли бы меня выучить?

— Нет, сеньор, — последовал односложный ответ.

— Ну что вы! Не такой уж я тупица! Я думаю, что научусь... Кажется, надо только взять вот эту штучку, — он наклонился и положил руку на челнок так, что его пальцы касались пальцев девушки, — и вот так пропустить ее между нитей... верно?

Но тут, словно охваченный безумной страстью, он, казалось, забылся и, внезапно понизив голос, глядя на залившуюся краской девушку, продолжал:

— Росита, прелесть моя! Я люблю вас... Один поцелуй, прекраснейшая... только один поцелуй!

И прежде чем она успела увернуться, он обнял ее и крепко поцеловал в губы.

Девушка закричала, и в ответ раздался другой крик, громкий, неистовый.

Старуха, которая до этой минуты все еще сидела, согнувшись, в своем углу, вскочила и, как тигрица, кинулась на офицера. Мгновение — и ее длинные, костлявые пальцы вцепились ему в горло.

— Прочь, ведьма, прочь! — закричал он, стараясь вырваться. — Прочь, говорю! Или я зарублю тебя, проклятая... Прочь, тебе говорят!

Но старуха кричала не переставая и не выпускала его; она хватала его за горло, рвала эполеты и все, что попадало под руку.

Однако еще острее ее когтей оказались клыки громадного волкодава, который тоже сразу вскочил с места и вцепился в ногу офицера так, что тот заорал изо всех сил:

— Пошел вон!.. Эй! Сержант Гомес! На помощь! На помощь!

— Вот тебе, подлый ачупино! — кричала старуха. — Собака! Испанский пес! Зови их, зови своих трусливых слуг!.. Где мой храбрый сын? Зачем умер мой

Старуха, как тигрица, кинулась на офицера.

муж? Подлый пес оскорбил наш дом... Будь они здесь, ты не ушел бы живым, собака! Убирайся!.. Убирайся к своим красоткам, к своим девкам! Убирайся вон!..

— Проклятая фурия! Убери этого пса... убери пса!.. Эй вы, там! Гомес! Где у вас пистолеты? Пристрелите его! Скорей! Скорей!

Пустив в ход саблю, доблестный комендант наконец-то добрался до своей лошади. Сержант Гомес прикрывал его отступление.

Ноги Вискарры были порядком искусаны, но все же ему удалось кое-как взобраться в седло.

Сержант разрядил оба пистолета, но так и не попал в собаку. Видя численное превосходство врага, пес повернулся и побежал в дом.

Лая больше не было слышно, но когда комендант уже сидел в седле, из дома донесся насмешливый хохот. Такой звонкий, серебристый был этот смех, что комендант сразу понял: это смеется над ним белокурая красавица Росита.

Досаде коменданта не было предела, он с радостью приказал бы своему отряду занять ранчо, он потребовал бы головы этого пса; одно удерживало его — страх, что тогда солдаты узнают причину его позорного бегства. А испытать такое унижение ему вовсе не хотелось.

Итак, он вернулся к своему отряду, отдал команду, и все двинулись в обратный путь, в город.

Вискарра недолго ехал во главе улан; злоба и разочарование душили его, и, отдав какие-то распоряжения сержанту, он крупным галопом поскакал вперед.

Вид всадника в синем плаще, который направлялся к дому Роситы (Вискарра узнал молодого скотовода дона Хуана), разумеется, не мог успокоить разозленного коменданта. Вискарра не остановился, не заговорил, но, смерив дона Хуана злобным взглядом, продолжал путь.

Он не сбавлял хода и натянул поводья только у ворот крепости.

Лошадь, задыхаясь, тяжело водила боками — ей пришлось расплачиваться за всю горечь и злобу, которые терзали ее хозяина.

Глава XXIII

Как только снаружи все стихло, Росита выскользнула из дому и поглядела в щель изгороди. Она опять услышала, как затрубил трубач, и хотела убедиться, что незваные гости уехали.

С радостью она увидала, что уланы уже довольно далеко и направляются в другой конец долины.

Она вбежала в дом и сказала об этом матери, которая уже снова сидела в углу и невозмутимо курила свою трубку.

— Подлые негодяи! — воскликнула старуха.—Я так и знала, что они уйдут. Достаточно было старой женщины и собаки... О, был бы здесь мой храбрый Карлос! Он бы проучил этого заносчивого ачупино, показал бы ему, что мы не так уж беспомощны! Ха! Карлос бы ему показал!

— Не думай больше об этом, мамочка. По-моему, они не вернутся. Ты их напугала, ты и наш храбрый Бизон. Какой он молодец!.. Да, но я не посмотрела — может быть, он ранен, — прибавила она, поспешно оглядывая комнату. — Бизон! Бизон! Сюда, мой славный пес! Иди, у меня кое-что есть для тебя. Храбрый зверь!

Заслышав хорошо знакомый голос, пес вылез из своего убежища и, ласково заглядывая в глаза девушке, запрыгал, завилял хвостом.

Росита наклонилась, запустила руки в мохнатую шерсть и стала ощупывать и осматривать собаку, боясь обнаружить кровавый след пули. К счастью, сержант плохо целился. У пса не оказалось ни единой раны или даже царапины, и, судя по тому, как он прыгал вокруг своей молодой хозяйки, он был в добром здоровье и в прекрасном расположении духа.

Отличный пес был этот Бизон — одна из тех великолепных овчарок Новой Мексики, которые хоть и сами наполовину волки, но прекрасно охраняют овечьи отары, успешно отбивая нападения не только волков, но и свирепого мексиканского медведя. Нет на свете овчарок лучше новомексиканских, а Бизон был одним из лучших представителей этой породы.

Убедившись, что пес цел и невредим, его хозяйка встала на скамейку и, поднявшись на цыпочки, сняла с гвоздя на стене какой-то странный предмет. Это было похоже на связку каких-то кривых колбас. Но то была не колбаса, хотя по блеску собачьих глаз и радостному повизгиванью было ясно — Бизон прекрасно знает, что это такое, и с его точки зрения оно ничуть не хуже колбасы. Да, Бизона не приходилось посвящать в эту тайну — он знал, что за штука вяленая бизонина. Пес всегда любил высушенное бизонье мясо и, получив кусок, принялся за него с таким усердием, что доказал это как нельзя лучше. Прелестная Росита, все еще немного напуганная, снова подошла к изгороди, чтобы убедиться, что поблизости никого нет.

Но на этот раз тут кое-кто был; однако, увидев его, она совсем не испугалась, ничуть не бывало. При виде молодого человека в синем плаще, верхом на коне в богатой сбруе она испытала совсем иное чувство: теперь ее сердце было полно доверия.

Этот молодой всадник был дон Хуан, скотовод. Он подъехал прямо к воротам и, увидев девушку, приветливо, дружески окликнул:

— Добрый день, Росита!

И она так же дружески, приветливо отозвалась:

— Добрый день, дон Хуан!

— Как поживает сеньора, ваша матушка?

— Благодарю вас, дон Хуан! Как всегда. — И Росита звонко рассмеялась.

— Над чем это вы смеетесь, Росита? — удивился дон Хуан.

— А вы не видели доблестных солдат? — сквозь смех спросила девушка.

— Как же, видел. Сейчас на дороге я повстречал целый полк улан, они неслись к городу. А комендант ускакал от них вперед. Он несся во весь опор, как будто за ним гнались апачи. Я и вправду подумал, что они встретили индейцев: я ведь знаю — после встречи с этими господами они всегда так улепетывают.

— А как выглядел офицер? Вы ничего такого не заметили?

— Кажется, заметил. Похоже, что он продирался сквозь колючие кусты. А впрочем, я едва успел взглянуть на него — так быстро он проскакал. Зато он на меня очень сердито поглядел! Видно, все не может забыть про свои золотые, — помните, как он мне проиграл в день святого Иоанна? Ха, ха!.. Но, дорогая Росита, что же вы смеетесь? Разве солдаты были здесь? Что-нибудь случилось?

И Росита рассказала ему о посещении коменданта — о том, как он попросил воды напиться и огня, чтобы зажечь сигару, и как вошел в дом, а Бизон кинулся на него и заставил его отступить с позором, как он, искусанный, еле взобрался на коня и поскорей уехал. Однако о самых важных подробностях она умолчала. Она ничего не рассказала ни об оскорбительных речах Вискарры, ни о поцелуе. Она боялась, что, услышав об этом, дон Хуан выйдет из себя. Ведь она знала, как вспыльчив и неосторожен ее возлюбленный. Такие новости он не станет спокойно слушать — он погорячится и еще попадет из-за нее в беду. Вот почему Росита и решила утаить от него истинную причину разыгравшегося скандала. И она рассказывала лишь о забавной стороне случившегося и сама при этом от души смеялась.

Но и то немногое, что узнал дон Хуан, заставило его отнестись к делу гораздо серьезнее. Явился Вискарра, попросил напиться, потом огня для сигары, заходил в дом... Все это очень странно, но совсем не смешно, думал дон Хуан. И потом на него напала собака, искусала его... И его выгнали из дома, да еще так позорно, да еще на глазах у отряда улан!.. Вискарра, заносчивый хвастун Вискарра, великий военачальник, герой сотни битв с индейцами, битв, которых на самом деле вовсе и не было, — и вдруг над ним одержала победу собака! Нет, думал дон Хуан, это совсем не смешно. Вискарра отомстит, по крайней мере будет всеми силами этого добиваться.

Еще и другие неприятные мысли одолевали дона Хуана. Что привело коменданта в этот дом? Как отыскал он это жилище, этот прелестный уединенный уго-

лок, казавшийся ему, дону Хуану, центром вселенной? Кто указал ему дорогу? Что заставило улан свернуть с пути, изменить привычный маршрут?

Вот какие вопросы задавал себе дон Хуан. Но спрашивать об этом Роситу — значило бы обнаружить перед нею чувство, которое он предпочитал скрывать: ревность.

Да, в ту минуту его терзала ревность. Ну конечно, Росита дала Вискарре напиться, зажгла ему сигару... быть может, пригласила его войти. Еще и сейчас она такая веселая и, видно, совсем не сердится на Вискарру за этот неожиданный визит.

От этих мыслей дону Хуану стало совсем горько, и он не присоединился к веселому смеху своей возлюбленной.

Но стоило Росите пригласить его войти, как его настроение изменилось и он снова стал самим собой. Спешившись, он через садик прошел за Роситой в дом.

Девушка подсела к станку и вновь принялась за работу, а молодому человеку разрешено было опуститься на колени рядом с нею и говорить о чем ему вздумается. Она не возражала, когда время от времени он помогал ей расправить уток или рассучить спутавшуюся нить; в этих случаях руки их часто встречались и, кажется, не расставались дольше, чем это было необходимо, чтобы распутать узел.

Но никто ничего этого не замечал. Мать Роситы предавалась полуденному сну, а Бизон если и видел что-нибудь, все равно никому ничего не сказал бы — он лишь вилял хвостом и добродушно поглядывал на дона Хуана, словно всецело одобрял его поведение.

Глава XXIV

Очутившись в своей роскошной квартире, Вискарра первым делом потребовал вина. Вино подали, и комендант с мрачной решимостью стал пить бокал за бокалом. Он надеялся залить вином свою досаду и на короткий срок преуспел в этом.

Когда выпьешь вина, на душе становится легче, но только на время. Можно напиться пьяным и забыться, но надолго ли? Ревность и зависть пробудятся вновь, и очень скоро — да, еще скорее, чем вы очнетесь от опьянения. Всего вина, сколько его ни выжато из всех гроздей винограда на свете, не хватит, чтобы ревнивцу найти в нем полное забвение.

Сердце Вискарры раздирали страсти. Тут была и любовь — вернее, то чувство, которое называл любовью этот распутник, — и ревность, и гнев, вызванный тем, что с ним так невежливо обошлись, и уязвленное самолюбие: ведь со своими золотыми эполетами и роскошным султаном он считал себя неотразимым; но преобладало над всем горькое разочарование.

И разочарование это было тем сильнее, что Вискарра просто не понимал, как же теперь возобновить ухаживанье. Если он опять явится с визитом, придется, пожалуй, вновь пережить такую же неприятность, а то и похуже.

Хоть его и украшают галуны и нашивки, хоть он и важная особа, а светловолосой девушке нет до него никакого дела — это ясно. Она совсем не такая, как те девушки, которых он прежде удостаивал своим вниманием, не такая, как все эти темноокие жительницы долины. Ведь любая из них без единого слова, и даже не краснея, взяла бы его золотой — уж наверно, ни одна бы не отказалась!

Да, назад на ранчо теперь ему дороги нет. Так где же встретиться с ней, где ее увидеть? В городе она показывается редко, не бывает ни на каких увеселениях, разве что когда брат дома. Итак, где же и как увидеть ее? Положение безнадежное, нет никакой возможности исправить первый опрометчивый шаг. Будь эта девушка заключена в монастырь, и то не было бы хуже. Да что и говорить, никакой надежды! Так размышлял Вискарра.

Но даже мысленно произнося эти слова, он все-таки не верил, что надежды и в самом деле не осталось. Нет, он не намерен сразу отступиться! Чтобы он, сердцеед Вискарра, не сумел завоевать сердце какой-то полуни-

щей девчонки! Ну нет, он еще не знавал неудач — не узнает и на этот раз! Уже из одного только тщеславия он добивался бы своего, но были и еще причины для того, чтобы страсть его разгорелась. Он натолкнулся на сопротивление, задача оказалась нелегкой — от всего этого лишь возрастали его энергия и упрямство.

А тут еще ревность — она тоже подхлестывала его самолюбие.

Он ревновал к дону Хуану. Вискарра заметил его тогда, в день праздника. Он видел юношу в обществе охотника на бизонов и его сестры. Видел, как они разговаривали, выпивали, веселились все вместе. Он уже и тогда ревновал, но это было ничто по сравнению с той ревностью, какая терзала его теперь. Ведь тогда он предвкушал скорую и легкую победу. Тогда у него на душе было спокойно, не то что сейчас — сейчас, когда он потерпел неудачу и в час своего унижения повстречался все с тем же соперником... И тот направлялся к знакомому ранчо. И там его, вне всякого сомнения, радушно встретили, рассказали обо всем, что произошло... И они вместе хохотали, издеваясь над ним, Вискаррой. И... о, дьявольщина! Эта мысль была нестерпима.

Но при всем том комендант и не думал отказаться от своих намерений. Уж наверно, есть еще какие-то пути, пусть нечестные, пусть подлые, лишь бы только додуматься... Вискарра чувствовал, что тут нужен человек, способный рассуждать более хладнокровно. А где Робладо?

— Сержант! Скажите капитану Робладо, что мне надо с ним поговорить.

Капитан Робладо был самым подходящим сообщником в подобных делах. В своем отношении к женщинам оба они были подлецами, но Вискарра вел себя немного поделикатнее, в благородно-комическом духе. Он был мастер обольщать. Подобно Дон Жуану, он становился поклонником каждой хорошенькой женщины и воображал, что его победы вполне законны, тогда как Робладо не брезгал никакими средствами, лишь бы они поскорей привели его к цели. Он готов был действовать

и силой, если это выгодно и неопасно. Из них двоих худшим негодяем был, конечно, Роблало.

После того как, действуя на свой лад, комендант потерпел поражение, он готов был пойти на все, что ему ни посоветует Роблало. И, уж конечно, Роблало мог дать ему совет: ведь этот капитан отлично знал любовную стратегию и тактику как цивилизованных людей, так и диких индейцев.

Случилось так, что и сам Роблало нуждался в совете по сходному делу. Он просил руки прекрасной Каталины, и дон Амбросио дал свое согласие, но, к всеобщему удивлению, сеньорита взбунтовалась. Она не отказалась наотрез выйти за капитана Роблало. Это был бы прямой вызов, и тогда дон Амбросио, пожалуй, немедленно пустил бы в ход всю свою отцовскую власть. Но Каталина просила отца повременить, уверяя, что ей еще рано выходить замуж. Роблало и думать не мог об отсрочке, ему не терпелось разбогатеть. Но дон Амбросио внял мольбам дочери — именно это и тревожило капитана.

Быть может, под влиянием коменданта дон Амбросио изменит свое решение и поспешит с желанной свадьбой? Поэтому Роблало был бы рад и счастлив, если бы начальник оказался у него в долгу.

Придя к коменданту, Роблало выслушал подробнейший рассказ обо всем, что произошло.

— Дорогой мой полковник, вы не так взялись за дело. При вашем опыте, при вашем искусстве. . я просто поражен! Вы обрушились на них, как орел на голубятню. Так только спугнешь птиц, и тогда они надежно укроются в своем убежище. Вам совершенно незачем было ездить в это их ранчо.

— Но как бы я тогда увиделся с нею?

— У себя дома или где-нибудь в другом месте, это уж как вам угодно.

— Невозможно! Она ни за что не пришла бы!

— По вашему приглашению, конечно, нет — это я знаю.

— Тогда как же?

— Ха! Неужели вы так уж наивны? Вы что же, ни-

когда не слыхали, что на свете существуют сводни? — И Робладо расхохотался.

— Ах, да, конечно... Но, поверьте, я никогда в них не нуждался.

— Еще бы! Вы, с вашим утонченным стилем, полагаете, что они вообще не нужны. Но теперь вам придется прибегнуть к их помощи. Очень полезная публика, уверяю вас: сберегает вам время, избавляет от хлопот, ну и, кроме того, способствует успеху дела. Еще не поздно. Советую вам. Ну, а если и на сей раз вас постигнет неудача, у вас остается еще одно средство...

Не станем дольше прислушиваться к беседе этих негодяев. Достаточно сказать, что они во всех подробностях обсуждали свои мерзкие планы. Больше часа провели они за этим занятием, потягивая вино, пока наконец все не было обдумано и оставалось лишь привести замысел в исполнение.

Он и был приведен в исполнение, но результат оказался совсем не тот, которого они ждали. «Дама», которая выступала в роли сводни, вскоре свела знакомство с Роситой, но ее успех был еще более сомнителен, чем успех самого Вискарры. Нет, его и сомнительным не назовешь — тут как раз не оставалось никаких сомнений, все было ясно.

Как только она дала Росите понять, с какой целью к ней явилась, та обо всем рассказала матери, и царапины, которыми отделался комендант, не могли идти ни в какое сравнение с тем, что выпало на долю его посланницы. Не взмолись она о пощаде, ей бы не спастись от разъяренного Бизона.

Она могла бы прибегнуть к помощи закона и отомстить им, но уж такова была ее профессия, что она предпочла молча проглотить обиду.

Глава XXV

— Ну, Робладо,—спросил комендант, — что теперь?
— А вы не догадываетесь, мой дорогой полковник?
— Да не совсем, — ответил Вискарра, хотя он пре-

красно знал, что делать. До этого он додумался совсем недавно. Эта мысль пришла ему в голову в день его первого поражения, когда сердце его горело злобой и жаждой мести. И потом она возникала снова и снова. А его вопрос был совершенно излишен, ибо комендант заранее знал, каков будет ответ Роблрадо: «Действуйте силой».

Так оно и было. Роблрадо произнес именно эти слова.

— Но как?

— Возьмите нескольких солдат и ночью увезите ее. Что может быть проще? С этой недотрогой надо было с самого начала так действовать. Не бойтесь, никакой беды от этого не будет. Для них это вовсе не так ужасно. Это способ испытанный, я знавал такие случаи. Ручаюсь вам, еще не успеет вернуться охотник, как она уже со всем этим чудно примирится.

— А если нет?

— Ну, если даже нет, чего вам бояться?

— Пойдут толки, сплетни...

— Эка важность! Нет, дорогой полковник, на этот раз вы что-то слишком робки. Правда, вы уже изрядно напортили, но это совсем не значит, что и в дальнейшем вы будете действовать так же неловко. Увезти ее можно ночью. У вас тут есть комнаты, куда никому не позволено входить. Если надо, можно воспользоваться даже теми... знаете?.. где нет окон. Никакой колдун не сможет ничего проведать. Отберите людей, таких, которым вы доверяете. Вам незачем брать весь отряд, а пять-шесть золотых свяжут языки тем, кого вы возьмете с собой. Право, это не труднее, чем украсть рубашку. Украсть рубашонку — только и всего!

И негодяй захохотал, довольный грубым сравнением и еще более грубой шуткой, а комендант вторил ему.

И все же Вискарра еще не решался прибегнуть к этому крайнему средству. Но вовсе не душевное благородство было тому виной. Хотя он и не был таким же отъявленным подлецом, как Роблрадо, сейчас его сдерживали отнюдь не соображения порядочности. Вискарра всю жизнь с холодным равнодушием относился к чувствам тех, кому он причинял зло, это во-

шло у него в привычку, и колебался он сейчас совсем не потому, что его сколько-нибудь занимало, будет ли потом эта девушка счастлива или глубоко несчастна. Нет, он далек был от этих мыслей. Роблादо был прав, когда обвинил его в робости. Полковник в самом деле робел. Он просто-напросто отчаянно трусил.

Он боялся не того, что ему придется понести какое-то наказание. Слишком важной и могущественной персоной он был, а родственники намеченной жертвы слишком незначительны, чтобы стоило опасаться их. Немного дипломатии — и они, совершенно ни в чем не повинные люди, будут осуждены на смерть, и это будет выглядеть как акт правосудия. Нет ничего проще, как состряпать дело об измене, заключить человека в тюрьму и убить, особенно сейчас, когда восстание индейцев и креольская революция угрожают испанскому владычеству в Америке[1].

По-настоящему боялся Вискарра лишь толков и сплетен. Такое откровенное похищение не долго удастся держать в секрете. Рано или поздно просочатся какие-то слухи, и, уж конечно, такую скандальную историю сразу подхватят, раззвонят на всех перекрестках, весь город будет судачить. Но может случиться и кое-что похуже. Слухи могут выйти за пределы Сан-Ильдефонсо, докатиться до главной квартиры, дойти до ушей самого вице-короля! Вот этого и в самом деле боялся комендант.

Не то чтобы двор вице-короля был в те времена образцом высокой нравственности. Нет, там отнеслись бы довольно снисходительно к любому проявлению деспотизма или разврата, лишь бы все делалось втихомолку. Однако на такой вот грабеж среди бела дня едва ли посмотрели бы сквозь пальцы, хотя бы из чисто поли-

[1] Креолы — потомки первых европейских колонизаторов в странах Латинской Америки. Недовольные препятствиями, которые Испания создавала на пути экономического развития колоний, и засильем испанцев на высших должностях в колониальной администрации, они в первой половине XIX века восставали против испанских властей. Эти восстания привели к изгнанию испанцев и основанию самостоятельных республик в странах Латинской Америки.

тических соображений. Да, у Вискарры были все основания соблюдать осторожность. Он не верил, что проделку можно сохранить в тайне. Кто-нибудь из мошенников, которые помогут ему похитить девушку, в конце концов, пожалуй, еще предаст его. Правда, то будут его собственные солдаты, и случись что-нибудь, он расправится с ними по своему усмотрению, но что от этого изменится? Ведь это все равно, что запереть конюшню, когда конь уже украден.

И даже если они не предадут его, разве можно надеяться сохранить все в тайне? Прежде всего будет опасен ее разгневанный брат. Правда, сейчас он в отъезде, но зато существует еще и ревнивый поклонник, да и брат когда-нибудь вернется. Все поймут, что похищение — дело рук его, Вискарры. Его визит, приход сводни, похищение девушки — все это будет сопоставлено и все вместе отнесено на его счет. А у нее такой брат, да и жених тоже, что они не станут молчать о своих подозрениях. Можно бы и избавиться от обоих, но тогда придется идти напролом, а это слишком опасно.

Так рассуждал про себя Вискарра, то же доказывал он и капитану Робладо. И не потому, что хотел, чтобы капитан разубедил его, нет, но он надеялся, что вдвоем они додумаются до какого-то наименее рискованного средства, ибо цели своей он хотел добиться во что бы то ни стало.

И они нашли то, что искали. Мысль эта, конечно, пришла в голову капитану, который был куда более изобретателен и нагл. Со стуком поставив стакан на стол, он неожиданно воскликнул:

— Придумал, Вискарра! Ей-богу, придумал!

— Да ну? Браво!

— Если угодно, можете забавляться с вашей красоткой двадцать четыре часа кряду, и самый злой сплетник ничего худого не заподозрит. По крайней мере, теперь вам нечего бояться. Чорт возьми, какая счастливая мысль!.. Как раз то, что нужно!

— Да не томите же, капитан! Что вы надумали? Говорите скорее!

— Погодите, сперва выпью глоток вина. Хитро придумано! Не могу не выпить по этому поводу.

— Тогда пейте, пейте! — воскликнул обрадованный Вискарра, наливая вино; ему явно не терпелось услышать, что за счастливая мысль осенила его приятеля.

Роблаго залпом осушил бокал и, подсев поближе к коменданту и понизив голос, подробно изложил ему свой новый план. Идея эта, видимо, очень понравилась Вискарре. Дослушав до конца, он крикнул: «Браво!» — и вскочил с таким видом, словно получил приятнейшую весть.

Радостно возбужденный, он несколько минут шагал из угла в угол, потом громко захохотал.

— Чорт побери, да вы настоящий стратег! — воскликнул он. — Сам Великий Конде[1] не додумался бы до такой стратегии! Пресвятая дева! Более мастерского хода и не придумаешь, и я обещаю вам, капитан, — исполнение не заставит себя ждать.

— А зачем откладывать? Почему не взяться за дело сейчас же?

— Верно... Давайте сейчас же и подготовимся к этому приятному маскараду.

Глава XXVI

И тут произошли события, которые, казалось, должны были бы помешать коменданту крепости и его капитану исполнить задуманное. По крайней мере, так можно было предположить. Не прошло и суток после описанного разговора, как в городе и по всей долине разнесся слух о нападении немирных индейцев. Говорили, что индейцы — были ли то апачи, юты или команчи, никто не знал, — показались неподалеку от Сан-Ильдефонсо в полном боевом уборе.

Это, вне всякого сомнения, означало, что они могут напасть на любую часть поселения. Потом прошел но-

[1] Конде Луи де Бурбон (1621—1686), прозванный Великим, — французский полководец.

вый слух, еще более серьезный: индейцы напали на нескольких пастухов на плоскогорье, совсем близко от города; пастухам удалось спастись, но собаки их были убиты, а отары овец угнаны в горы — надежную крепость грабителей.

На сей раз вести были более определенные. Напали индейцы из племени юта, из отряда, который охотился к востоку от реки Пекос. Очевидно, перед тем как возвратиться домой, к верховьям Дель Норте, они решили совершить этот набег, суливший им немалые богатства. Пастухи ясно видели их и по боевой раскраске сразу узнали ютов.

Что на пастухов напали именно юты, было довольно правдоподобно. Совсем недавно они же совершили набег на поселения, расположенные в цветущей долине реки Таос. Юты прослышали о богатствах Сан-Ильдефонсо, вот почему они и напали. А команчи и апачи были в мире с Сан-Ильдефонсо и уже несколько лет ограничивались тем, что опустошали провинции Коагуила и Чиуауа. Жители Сан-Ильдефонсо не давали этим племенам никакого повода нарушить мир, да и индейцы ничем не обнаруживали каких-либо враждебных намерений.

В ночь после того, как похитили овец, был совершен более крупный грабеж. Это случилось уже в самом поселении. Со скотоводческой фермы, расположенной в нижнем конце долины, угнали большое стадо рогатого скота. Пастухи видели, как индейцы угоняли скот, но, испугавшись, были рады унести ноги и спрятались на ферме.

Не было совершено еще ни одного убийства, но лишь потому, что грабителям никто не сопротивлялся. И на дома индейцы еще не нападали. Быть может, то был лишь небольшой отряд, но как знать — к нему могут присоединиться другие, и тогда они, пожалуй, отважатся на более дерзкие и опасные действия.

И жителей долины и горожан охватило волнение. Всюду царил ужас. Те, кто жил в ранчо, стоявших на отлете, на ночь покидали свои жилища и искали приюта в городе или в крупных асиендах. С наступлением

темноты ворота асиенд запирались, до самого утра по плоской крыше — асотее — расхаживали караульные. Великий страх объял жителей; он был особенно силен потому, что нападение индейцев оказалось полной неожиданностью — ведь долгое время с ними поддерживались хорошие отношения.

Неудивительно, что людьми овладела тревога. У них были все основания для этого. Они прекрасно знали, что жестокость диких воинов во время набега не знает предела: индейцы убивают всех мужчин, щадят одних только молодых женщин, но лишь для того, чтобы увести их с собою и превратить в жалких, несчастных пленниц. Жители Сан-Ильдефонсо хорошо знали все это — ведь в то самое время тысячи их землячек, навсегда потерянных для своих родных и друзей, томились в плену у диких индейцев. Неудивительно, что всюду царили смятение и ужас.

Комендант, повидимому, был все время настороже. Во главе своих улан он рыскал по окрестностям и делал даже вылазки в горы. Ночью из конца в конец долины разъезжали патрули. Населению было предложено, если нападут индейцы, забаррикадировать двери и не выходить из домов. И все восхищались рвением и энергией своих защитников.

С каждым днем росла слава коменданта. Впервые ему представилась подлинно блестящая возможность показать всем, какой он храбрец, — ведь с тех пор, как он прибыл сюда, индейцы еще ни разу не нападали на Сан-Ильдефонсо. Во времена его предшественника индейцы появлялись здесь несколько раз, и всем памятно, что в этих случаях, вместо того чтобы преследовать «варваров», войска отсиживались в крепости до тех пор, пока враг не скрывался, угнав из долины весь оказавшийся под рукой скот. Нет, новый комендант действует совсем иначе. Что за храбрый офицер этот полковник Вискарра!

Волнение продолжалось несколько дней. Но так как до сих пор индейцы никого не убили, не похитили ни одной женщины и появлялись только ночью, все решили, что, повидимому, их тут слишком мало, просто ка-

кая-нибудь небольшая кучка грабителей. В противном случае они бы уже давно осмелились показаться среди бела дня и вообще причинили бы гораздо больше вреда.

Все это время мать и сестра охотника на бизонов жили, никем не охраняемые, в своем уединенном ранчо, и притом во всей долине вряд ли можно было найти семью, которая меньше боялась бы индейцев. На то были причины. Во-первых, сама жизнь приучила их почти не обращать внимания на опасность, которая приводила в ужас их менее отважных соседей. Во-вторых, индейцы, как видно, стремились захватить побольше добра, и их вряд ли могла соблазнить такая бедная хижина. Чуть выше по долине немало богатых ранчо. Нет, вряд ли индейцы нападут на таких бедняков.

Имелось и еще одно важное основание для такой уверенности — это было нечто вроде семейной тайны. Карлос торговал со всеми соседними племенами, был известен индейцам и поддерживал дружбу почти со всеми их вождями. И индейцы хорошо относились к нему: ведь он был американец. А их отношение к американцам в то время и еще много времени спустя было таково, что даже совсем малолюдные партии американских трапперов или торговцев, ничего не опасаясь, проходили по землям апачей и команчей, тогда как эти же самые апачи и команчи постоянно нападали на огромные мексиканские караваны и грабили их без пощады. Лишь много времени спустя эти племена люто возненавидели и саксов, и виноваты в этом были сами белые, которые не раз проявляли варварскую жестокость по отношению к индейцам.

Карлос же, торгуя с индейцами, никогда не забывал о своем маленьком ранчо, о родных, и он всегда уговаривал мать и сестру не бояться индейцев, когда его нет дома, уверяя, что индейцы не тронут их.

Он не поддерживал дружеских отношений лишь с хикариллами — маленьким, жалким племенем, жившим в горах, к северо-востоку от Санта-Фе. То была одна из ветвей могучего племени апачей, но держались они особняком, и у них было мало общего с великими разбойниками юга — мескалеро и «пожирателями волков».

Вот почему маленькая Росита и ее мать отнеслись к ходившим тогда слухам хоть и не совсем спокойно, но все же с меньшим страхом, чем их соседи.

Их постоянно навещал дон Хуан и снова уговаривал переселиться на время к нему: у него большой, хорошо укрепленный дом, охраняемый самим хозяином и его многочисленными пеонами. Но мать Роситы только смеялась над его страхами, и Росита, конечно, тоже отказалась принять его предложение — ей это казалось не вполне удобным и приличным.

* * * * * * * *

Приближалась ночь, третья с тех пор, как в долине пошли слухи о появлении индейцев. Мать и дочь оставили станок и веретено и уже собрались улечься на свои постели на земляном полу, как вдруг Бизон вскочил с цыновки и, яростно рыча, кинулся к двери.

Рычанье перешло в лай, да такой неистовый, что сразу стало ясно — за дверью кто-то чужой. Дверь была закрыта и заперта на засов, но старуха, даже не спросив, кто там, отодвинула засов и отворила дверь.

Едва она показалась на пороге, раздался дикий клич индейцев, и удар тяжелой дубинки опрокинул ее наземь. Несмотря на яростные атаки пса, несколько дикарей в устрашающей боевой раскраске и в перьях ворвались в дом, вопя и размахивая оружием. Не прошло и пяти минут, как они вытащили из дома кричащую от ужаса девушку и привязали ее на спину мула.

Захватив с собой то немногое, что могло представлять для индейцев хоть какую-то ценность, дикари подожгли ранчо и поспешно ускакали.

Сидя на муле, к которому ее привязали, Росита увидела пламя пожара, а ведь когда похитители выносили ее из дому, она видела мать — неподвижное тело, распростертое на пороге и, казалось, безжизненное. И вот дом в огне, уже и крыша занялась!

— Бедная моя мама! — в отчаянии бормотала девушка. — Господи! Что будет с мамой?..

* * * * * * * *

Индейцы вытащили из дома кричащую от ужаса девушку...

Почти одновременно с нападением на ранчо Карлоса или чуть позже индейцы появились перед домом дона Хуана; но, покричав и выпустив несколько стрел на асотею и в дверь, они скрылись.

Дон Хуан был полон страха за своих друзей. Как только индейцы отъехали от его фермы, он выскользнул из дому и, надеясь в темноте остаться незамеченным, отправился к хорошо знакомому ранчо.

Отойдя совсем немного, он вдруг увидел пламя пожара, и от этого зрелища кровь застыла у него в жилах.

Он не остановился. Хоть он был и пеший, но вооружен и со всех ног кинулся вперед, решив защитить Роситу или погибнуть.

Через несколько минут он уже стоял перед дверью ранчо и здесь с ужасом увидел бесчувственное тело старухи, ее страшное, мертвенно-бледное лицо, озаренное пламенем горящей крыши.

Огонь пока не подобрался к ней, но еще немного — и она сгорела бы.

Дон Хуан вынес ее в садик и в отчаянии кинулся искать и звать Роситу.

Но она не откликалась. Лишь треск пламени, вздохи ночного ветра, уханье горной совы да вой койота были ответом на его тревожный зов.

Наконец, когда у дона Хуана не осталось никакой надежды, он вернулся к распростертому телу и опустился подле него на колени, чтобы осмотреть. К его удивлению, старуха была еще жива и, после того как он смочил ее губы водой, стала понемногу приходить в себя. Страшный удар лишь оглушил ее.

Дон Хуан поднял ее на руки и с тяжелым сердцем отправился хорошо знакомой тропой к своему дому.

* * * * * * * *

Наутро слух о ночном происшествии разнесся по всему Сан-Ильдефонсо, вселяя в сердца людей еще больший ужас. Во главе многочисленного отряда комендант у всех на виду проскакал через город. После

долгих и громких разговоров и бессмысленных разъездов взад и вперед уланы как будто напали на след индейцев.

Но задолго до наступления темноты солдаты вернулись с обычным своим донесением:

— Индейцев догнать не удалось.

Они доложили, что шли по следу до самого Пекоса. Индейцы переправились через реку и двинулись дальше, к Льяно Эстакадо.

Эта последняя весть немного успокоила жителей долины: можно было предположить, что, если индейцы скрылись в этом направлении, грабежу и набегам конец. Они, верно, решили присоединиться к своему племени, которое, как все знали, охотилось где-то в той стороне.

Глава XXVII

Перед вечером Вискарра со своими разряженными уланами проехал вверх по долине: они возвращались в город после преследования индейцев.

Прошел какой-нибудь час, и на дороге показалась другая кавалькада, запыленная и усталая; она двигалась в том же направлении. Едва ли даже можно было назвать это кавалькадой: тут были вьючные мулы да быки тащили несколько повозок. Только один человек ехал на лошади; его одежда и весь вид ясно показывали, что он — хозяин каравана.

Долгий путь утомил всадника и коня, оба покрыты пылью, но все равно этого всадника узнать нетрудно: это Карлос, охотник на бизонов.

Он уже совсем недалеко от дома. Еще пять миль по этой пыльной дороге — и перед ним откроется дверь его бедного жилища. Еще час — и старая мать, милая сестра кинутся к нему в объятия, и он с нежностью прижмет их к груди.

Какая это будет неожиданность для них! Уж конечно, они не ждали его так скоро.

А как он обрадует их! Ведь ему необыкновенно повезло. Великолепные мулы, богатый груз — да это же

настоящее богатство! У Роситы теперь будет новое платье — не из грубой домотканной материи, а шелковое, настоящего привозного шелка, и мантилья, и атласные туфельки, и в следующий праздник она наденет тонкие чулки... Она будет достойной парой его другу дону Хуану. А матушке не придется больше довольствоваться маисовым напитком: она станет пить чай, кофе, шоколад — что ей больше понравится!

Их дом слишком плох и стар, его надо снести и на его месте построить новый... Нет, лучше пускай он будет конюшней для вороного, а новый дом можно построить рядом. После продажи мулов можно будет купить хороший участок земли и наладить все хозяйство.

А что мешает Карлосу стать скотоводом и сдавать землю в аренду или самому использовать ее под пастбище? Это куда более почтенное занятие; тогда он уже не будет последним человеком в Сан-Ильдефонсо. Ничто не может помешать ему. Так и надо сделать. Только прежде он еще раз побывает на плоскогорье, навестит своих друзей вако — ведь они обещали... О, их обещание и есть тот краеугольный камень, на котором основаны все его надежды!

Шелковое платье Росите, дорогие напитки старухе-матери, новый дом, пастбище — мечтать об этом так приятно! Но есть у Карлоса еще одна, самая заветная мечта, она затмевает все другие. Если он съездит еще раз в страну вако, он сможет осуществить и эту мечту.

Карлос верил, что единственная преграда, отделяющая его от Каталины, — это его бедность. Ведь ее отец, строго говоря, не из богачей. Правда, теперь-то он богат, но всего несколько лет назад он был просто бедный рудокоп, не богаче Карлоса. Прежде они были соседями, и в те далекие времена дон Амбросио вовсе не считал, что мальчик Карлос — неподходящее знакомство для маленькой Каталины.

Что же тогда он может иметь против охотника на бизонов, если охотник тоже разбогатеет? «Конечно,

ничего, — думал Карлос. — Если доказать ему, что я не беднее его, он согласится отдать за меня Каталину. А почему бы и нет? Мать говорила, что в моих жилах течет такая же кровь, как у любого благородного идальго, ничуть не хуже. И если вако сказали правду, еще одна поездка — и у Карлоса, охотника на бизонов, будет столько же золота, сколько у владельца рудника дона Амбросио!»

Всю обратную дорогу он думал об этом. Каждый день, каждый час строил он свои воздушные замки. Не проходило часа, чтобы он не покупал шелковое платье Росите, чай, кофе, шоколад — матери; он воздвигал новое ранчо, покупал пастбище, показывал отцу Каталины золото и требовал ее руки. Воздушные замки!

Чем ближе к дому, тем ярче, доступнее становились эти радужные видения, и лицо охотника все светилось счастьем. Но скоро ужас исказит его черты...

Несколько раз он готов был помчаться вперед, чтобы поскорее насладиться встречей с матерью и сестрой, но всякий раз сдерживал себя.

— Нет, — шептал он. — Лучше я останусь с мулами. Так будет торжественнее! Мы все выстроимся в ряд перед ранчо. Они подумают, что я приехал с кем-то чужим и это ему принадлежат мулы. А когда я скажу, что все это — мое, они вообразят, что я стал настоящим индейцем и вместе со своими отважными слугами совершил набег на южные провинции.

И Карлос засмеялся от удовольствия.

«Росита, сестренка! — думал он. — Теперь-то она выйдет замуж за дона Хуана. Теперь я могу дать свое согласие. Так будет лучше. Он смелый, он сумеет защитить Роситу, когда я опять уеду в прерии. Правда, это будет последняя поездка. Съезжу еще только один раз — и меня станут звать не просто Карлос, охотник на бизонов, но сеньор дон Карлос».

И при мысли, что он станет богачом и его будут называть «дон Карлос», он снова рассмеялся.

«А как странно, что я никого не встретил! — подумал он потом. — На дороге ни души! И ведь совсем не

поздно, солнце еще не скрылось за утесом. Куда же делись люди? А на дороге много свежих конских следов... Ха! Здесь побывали солдаты! Совсем недавно проехали вверх по долине... Но ведь не из-за этого же нигде не видно людей. И даже ни одного отставшего солдата! Если бы не эти следы, я бы подумал, что на Сан-Ильдефонсо напали индейцы. Только если бы апачи и вправду тут объявились, наш комендант со своими усачами никогда не посмел бы так далеко отъехать от крепости, знаю я его!.. Нет, это все-таки странно! Ничего не понимаю. Может, сегодня какой-нибудь праздник и все ушли в город?»

— Антонио, друг, ты знаешь все праздники. Сегодня праздник?

— Нет, хозяин.

— Где же весь народ?

— Я и сам не пойму, хозяин. Хоть бы кто навстречу попался...

— Вот и я не понимаю... Может, по соседству появились дикие индейцы? Как ты думаешь?

— Нет, хозяин, глядите! Вот следы улан. Час, как проехали. Где уланы, там нет индейцев.

Антонио так сказал это и так при этом посмотрел, что Карлос не мог ошибиться в истинном смысле его слов, которые сами по себе можно было бы понять и по-другому. Антонио вовсе не хотел сказать, что если уж уланы тут побывали, так индейцы не посмеют сюда сунуться, — совсем наоборот. Не «индейцев нет, потому что появились уланы», но «уланы здесь, потому что индейцы не появлялись», — вот что он хотел сказать.

Карлос понял его и в ответ разразился смехом — он ведь и сам так же думал.

На дороге попрежнему никто не показывался, и Карлоса это начинало тревожить. Он все еще не думал, что с его близкими могла случиться беда, но это безлюдье наводило на мысль об одиночестве и, казалось, сулило что-то недоброе.

И понемногу печаль закралась в душу Карлоса, завладела ею, и он уже не мог с нею справиться.

Он еще не миновал ни одного ранчо. Как уже говорилось, их дом был самый последний, если ехать вниз по долине. Но ведь жители пасли свои стада еще ниже, и в этот час они обычно гнали скот домой. А сейчас не видно ни скота, ни пастухов.

Луга по обе стороны дороги, на которых обычно паслись стада, пусты. Что бы это могло значить?

И на душе у него становилось как-то беспокойно, тревожно; эта смутная тревога все росла, пока он не достиг того места, где ему надо было свернуть.

Вот наконец и поворот. Он свернул на дорогу, ведущую к дому, миновал рощицы вечнозеленых дубов — сейчас он увидит свое ранчо.

Карлос невольно осадил коня... и так и застыл в седле; рот его приоткрылся, остановившийся взор был страшен.

Дома не было видно, его скрывала зеленая стена кактусов, но поверх нее он разглядел какую-то зловещую черную линию, а над асотеей курился странный дымок.

— Боже правый! Что это? — воскликнул он прерывающимся голосом, но тут же, не раздумывая, так вонзил шпоры в бока коню, что тот полетел стрелой.

Вот уже расстояние, отделявшее его от изгороди. осталось позади, и, соскочив с коня, охотник кинулся к дому.

* * * * * * * *

Вскоре подошел весь караван. Антонио поспешил за ограду.

Там, меж еще не остывших, почерневших от огня стен, полулежал на скамье его хозяин. Кудрявая голова Карлоса поникла; обхватив ее обеими руками, он судорожно стискивал пальцы.

Заслышав шаги, он поднял глаза, но лишь на мгновение.

— Господи! Матушка... сестра!.. — повторял он. Голова его снова поникла, он тяжело, прерывисто дышал. То был час жестоких, нестерпимых страданий: он предчувствовал страшную правду.

Глава XXVIII

Несколько минут Карлос, пораженный страшным ударом, и не пытался стряхнуть оцепенение.

Чья-то рука дружески опустилась на его плечо, и он поднял голову. Над ним склонился дон Хуан.

По лицу дона Хуана было видно, что он страдает не меньше Карлоса. Значит, надеяться не на что. И все же почти автоматически Карлос спросил:

— Мать? Сестра?

— Твоя матушка у меня, — ответил дон Хуан.

— А Росита?

Дон Хуан не ответил, по щекам его катились слезы.

— Ну, дружище, — сказал Карлос, увидав, что дон Хуан не меньше, чем он сам, нуждается в утешении, — не надо так... Я хочу знать самое худшее! Она умерла?

— Нет, нет!.. Надеюсь, она не умерла!

— Ее похитили?

— Увы, да!

— Кто?

— Индейцы!

— Ты уверен, что индейцы?

Когда Карлос это спрашивал, глаза его как-то странно блеснули.

— Совершенно уверен. Я видел их собственными глазами. Твоя матушка...

— Матушка! Что с ней?

— Сейчас она в безопасности. Она встретила дикарей в дверях, ее ударили, и она лишилась чувств и больше ничего не видела.

— А Росита?

— Никто ее не видел. Конечно, индейцы увезли ее.

— Ты уверен, дон Хуан, что это были индейцы?

— Уверен. Они почти в то же время напали на мой дом. Они еще прежде угнали у меня скот, и поэтому один из пеонов стоял на страже. Он заметил их еще издали, и мы успели запереться и приготовиться к защите. Они увидели, что мы начеку, и очень скоро ускакали. А я сразу вышел из дому и стал пробираться сюда, потому что очень боялся за твоих. Крыша уже

пылала, твоя матушка без чувств лежала на пороге. А Росита исчезла! Матерь божья, она исчезла!

И он снова заплакал.

— Дон Хуан! — твердо сказал Карлос. — Ты был другом, братом мне и моей семье. Я знаю, ты страдаешь не меньше моего. Не нужно слез! Смотри, мои глаза уже сухи. Больше я не пролью ни слезинки, может, и не усну, пока не освобожу Роситу... или не отомщу за нее. Пора приняться за дело! Расскажи мне все, что известно об этих индейцах... Поскорее, дон Хуан! Я хочу знать все!

Дон Хуан подробно пересказал разные слухи, которые ходили в те три-четыре дня, рассказал и о действиях индейцев: о том, как их впервые увидели на плоскогорье; об их встрече с пастухами и о том, как они угнали овец; об их появлении в долине и нападении на его скот — пострадало как раз его стадо; и потом все дальнейшее, что Карлос уже знал.

Он рассказал Карлосу и о том, как энергично действуют солдаты, как они в то утро шли по следу грабителей, как он со своими людьми хотел присоединиться к солдатам, но комендант не согласился на это.

— Не согласился? — переспросил Карлос.

— Да, он сказал, что мы будем только мешать солдатам. Я думаю, это потому, что он на меня в обиде. Он ведь невзлюбил меня тогда, на празднике.

— Так. Что еще?

— Уланы вернулись недавно, с час назад. Они доложили, что шли по следу до того места, где индейцы переправились через Пекос и двинулись к Льяно Эстакадо. Индейцы, видно, поскакали к Великим Равнинам, так что гнаться за ними дальше было бесполезно. Так говорят солдаты. А люди только счастливы, что дикари исчезли, и теперь не станут ни о чем беспокоиться. Я пробовал собрать отряд, чтоб погнаться за индейцами, но никто не захотел рискнуть. Я уж хотел пуститься в погоню с одними своими пеонами, хоть это и безнадежное дело, но, слава богу, вернулся ты.

— Дай-то бог, чтобы не слишком поздно было гнаться за ними по следу. Хотя нет... Ты говоришь, они

напали в полночь? Ведь не было ни дождя, ни сильного ветра — след будет свежий, как роса, и если только собака... Да, а где Бизон?

— У меня дома. Утром его не было, мы уж думали, что индейцы его убили или украли, но днем мои люди нашли его здесь, в ранчо. Он был весь в грязи и так изранен копьем, что текла кровь. Видно, индейцы забрали его с собой, но по дороге он удрал.

— Странно, очень странно... Бедная моя Росита! Бедная сестренка! Где ты сейчас? Где?.. Увижу ли я тебя когда-нибудь?.. Боже мой! Боже мой!

Ненадолго Карлос снова поддался отчаянию и застыл в прежней безнадежной позе.

Но вдруг он вскочил на ноги и, сжимая кулаки, со сверкающими глазами, закричал:

— Широки просторы прерии и еле заметен след подлых грабителей, но у Карлоса, охотника на бизонов, зоркий глаз! Я найду тебя, найду тебя, хотя бы мне пришлось искать всю жизнь!.. Не бойся, Росита! Не бойся, любимая сестра! Я приду к тебе на помощь! А если тебя обидели, — горе, горе племени, которое сделало это! — Потом, повернувшись к дону Хуану, он сказал: — Уже темно. Сегодня мы ничего не можем сделать. Дон Хуан! Друг мой, мой брат! Веди меня к ней, к моей матери...

В языке, которым говорит горе, есть своя поэзия, и этой поэзией были проникнуты слова охотника на бизонов. Но эта поэтическая вспышка быстро погасла, и он снова вернулся к суровой действительности. Все, что могло способствовать успеху погони, было трезво обсуждено и умело подготовлено. Оружие, снаряжение, конь — Карлос заботился обо всем, чтобы с рассветом можно было двинуться в путь. Кони были приготовлены и для слуг его и дона Хуана, которым предстояло сопровождать их.

На мулов навьючили провизию и все необходимое для долгого путешествия, ибо Карлос решил не возвращаться, пока не сдержит клятву — освободит сестру или отомстит за нее. Он не из тех преследователей, которых пугает малейшее препятствие. Он не соби-

рается возвращаться с докладом, что «индейцев догнать не удалось». Он твердо решил идти по следу грабителей хоть до края прерий, дойти до самой крепости индейцев, где бы она ни была.

Дон Хуан всем сердцем был с ним, ибо он не меньше Карлоса был заинтересован в исходе погони и горе его было столь же велико.

С ним были два десятка пеонов, всё верные тагносы, и хоть война не была их призванием и ремеслом, но сочувствие и искреннее стремление услужить хозяевам, к которым они были очень привязаны, делали их настоящими воинами.

Если только они успеют нагнать похитителей, за исход битвы бояться нечего. Судя по всему, что известно об этой шайке, она невелика и не слишком опасна. Будь иначе, воры не ушли бы из долины, ограничившись такой ничтожной добычей. Если догнать их, прежде чем они присоединятся к своему племени, все может еще кончиться хорошо. Их заставят вернуть награбленное и пленницу и, может быть, дорого заплатить за все беды и страдания, которых они были виною. Итак, выиграть время — вот что было важнее всего, и преследователи решили двинуться в путь с первыми лучами рассвета.

Карлос совсем не спал в эту ночь, а дон Хуан лишь изредка на минуту забывался тревожным сном. Оба не раздевались и не ложились. Карлос сидел у постели матери, которая все еще не вполне оправилась от нанесенного ей удара и бредила во сне.

Охотник сидел молча, погруженный в раздумье. Он перебирал в уме всевозможные планы и догадки. К какому племени могла принадлежать эта шайка? Это не апачи и не команчи. И тех и других он встречал, возвращаясь домой. Они держались дружелюбно и ни словом не упоминали о каких-либо столкновениях с жителями Сан-Ильдефонсо. И, кроме того, ни те, ни другие не стали бы действовать такой малочисленной кучкой. Карлос только жалел, что похитители не были ни команчами, ни апачами. Ведь узнай любое из этих племен, что похищенная девушка — его сестра, ему

тотчас вернули бы ее, в этом он не сомневался. Но нет — ни те, ни другие не имели к этому отношения. Так кто же? Юты? Дон Хуан говорил, что все в долине уверены в этом. Если так, надежда не потеряна: Карлос торговал с одной из ветвей этого могущественного и воинственного племени. Он даже в дружбе с некоторыми вождями ютов, но сейчас их здесь нет — они пошли войной на северные поселения.

И снова его мысль возвращалась к хикариллам. Это трусливое и жестокое племя, и они ему смертельные враги. Они рады бы завладеть его скальпом. И если сестра попала к хикариллам, горька будет ее участь. При одной мысли о том, что ждет тогда Роситу, Карлоса пробрала дрожь, и он вскочил, судорожно сжимая руки.

* * * * * * * *

Близилось утро. Пеоны были уже на ногах и при оружии. Оседланные лошади и мулы ждали во дворе, и дон Хуан объявил, что все готово. Карлос подошел к матери проститься. Она знаком попросила его ниже наклониться над постелью. Старуха была еще очень слаба: она потеряла много крови и говорила с трудом, еле слышно.

— Сын мой, — сказала она, когда Карлос нагнулся к ней, — знаешь ли ты, за какими индейцами ты пускаешься в погоню?

— Нет, матушка, — ответил Карлос, — но боюсь, что это хикариллы, наши враги.

— Скажи, они отращивают бороду? Носят они драгоценные перстни?

— Нет, матушка. Почему вы спрашиваете? Вы же знаете, у них нет бороды!.. Бедная матушка, — шепнул он дону Хуану, — после того страшного удара мысли ее путаются.

— Иди же по следу! — продолжала мать Карлоса, не слыхавшая его последних слов. — Иди по следу... Может быть, он приведет тебя к... — И она прошептала что-то ему на ухо.

Карлос вздрогнул, точно услышанное поразило его.

— Что?! — сказал он. — Вы так думаете, матушка?

— У меня есть подозрение, только подозрение... Но ты иди по следу, он приведет тебя... Иди по следу и убедись сам!

— Не сомневайтесь, матушка, уж я проверю.

— Прежде чем уйдешь, обещай одно: не горячись, будь осторожен!

— Не бойтесь, матушка! Я буду осторожен.

— Если это правда...

— Если это правда, я скоро вернусь. Да хранит вас бог, матушка! Кровь моя кипит... Не могу больше медлить! Да хранит вас бог! Прощайте!

Минуту спустя вереница всадников во главе с Карлосом и доном Хуаном выехала из широких ворот и свернула на дорогу, ведущую прочь из долины.

Глава XXIX

Еще не рассвело, когда отряд выехал в путь, но это не значит, что всадники поторопились сверх меры. Карлос знал, что они и в темноте могут следовать по дороге, по которой ехали накануне уланы; а когда они доберутся до места, где те повернули обратно, будет уже достаточно светло.

За пять миль от ранчо дона Хуана дорога разделялась на две: одна вела на юг — по ней накануне вечером приехал Карлос; другая отходила налево и, уже почти не сворачивая, вела к Пекосу, к тому месту, где реку можно было перейти вброд. Отпечатки копыт показывали, что солдаты вчера свернули налево.

Стало совсем светло. По этой наезженной, хорошо знакомой дороге можно было бы пуститься галопом. Но охотник не смотрел на дорогу, на ясные следы копыт, — он внимательно осматривал землю по обе стороны дороги, и потому приходилось ехать медленнее.

По обочинам дороги, как показывали следы, недавно прошло стадо. Без сомнения, это было стадо, украденное у дона Хуана, голов с полсотни. Карлос

сказал, что, судя по следам, стадо прогнали тут два дня назад, и это совпадало с временем, когда были украдены быки дона Хуана.

Вскоре отряд выехал из долины и оказался на равнине, по которой протекает Пекос. Они собирались направиться прямиком к реке, до которой оставалось еще две мили, как вдруг Бизон, бежавший впереди, круто свернул налево. Зоркий глаз Карлоса различил на земле след, по которому побежала собака. След этот отделялся от тех, что оставили уланы, и шел на север.

И Карлосу и дону Хуану показалось странным, что Бизон повернул в эту сторону: тут не было ни дороги, ни тропы; казалось, собака просто бежит по следу какого-то животного. Может быть, Бизон уже однажды проходил этой дорогой?

Карлос спешился, чтобы осмотреть следы.

— Четыре лошади и мул! — сказал он дону Хуану. — Две лошади кованы только на передние ноги, две другие и мул совсем не подкованы. На всех были всадники. Мул шел впереди... возможно, с поклажей. Нет! — прибавил он, всмотревшись еще. — Это не вьючный мул!

Чтобы разобраться во всем этом, охотнику не понадобилось и пяти минут. Почти всем его спутникам это казалось просто чудом — быть может, даже всем, кроме Антонио. И, однако, Карлос не ошибся ни в одной мелочи. Еще несколько минут он тщательно осматривал следы.

— Время совпадает, — опять обратился он к дону Хуану. — Они прошли здесь вчера рано утром, еще роса не высохла. А от твоего дома они ускакали, когда еще не наступила полночь? Ты в этом уверен?

— Уверен, — ответил скотовод. — В полночь я уже вернулся с пожара вместе с твоей матушкой. В этом я вполне уверен.

— Еще один вопрос. Как, по-твоему, дон Хуан, сколько индейцев было тогда у твоего дома? Много? Мало?

— По-моему, немного. За деревьями мы не увидали, сколько. А когда они поднимали крик, слышны бы-

ли два-три голоса зараз. И по следам похоже, что шайка была совсем маленькая. Может быть, эти самые индейцы и сожгли ваше ранчо, а потом прискакали ко мне. У них было для этого достаточно времени.

— Вот и я думаю, что это те самые, — сказал Карлос, все еще склоняясь над отпечатками копыт. — А это, наверно, и есть их следы.

— По-твоему, это они и есть? — переспросил дон Хуан.

— Да... Смотри-ка! Странно, правда?

И Карлос указал на Бизона, который снова подбежал к ним и скулил: ему явно не терпелось бежать дальше по найденному следу.

— Очень странно, — ответил дон Хуан. — Похоже, что он тут не первый раз.

— Возможно, — сказал Карлос. — Но в этом мы после разберемся. Сперва посмотрим, куда направлялись те храбрые вояки. Я хочу знать это, прежде чем свернуть с большой дороги. В путь, и поскорее!

Они пришпорили лошадей и поскакали по дороге. Охотник, как и прежде, был впереди всех. И, как прежде, он зорко осматривал землю по сторонам, проверяя, не отходит ли от дороги, по которой они едут, еще какой-нибудь след.

Время от времени дорогу, действительно, пересекала случайная тропинка, но видно было, что протоптана она уже давно, а за последнее время ни один всадник не проезжал по ней. И Карлос ехал мимо, не придерживая коня, чтобы осмотреть ее подробнее.

За двадцать минут отряд доскакал до реки Пекос и остановился у брода. Ясно видно было, что и солдаты останавливались здесь и, не перейдя реки, повернули обратно. Но стадо и верховые, сопровождавшие его, двумя днями раньше переправились на тот берег, — так сказал Карлос. Следы их отчетливо виднелись на прибрежном иле.

Карлос поехал по мелководью на другой берег. С первого взгляда он увидел, что здесь не проходил ни один солдат, только стадо в сорок или пятьдесят голов.

Карлос долго и тщательно осматривал не только илистый берег, но и открывающуюся за ним равнину, потом сделал знак дону Хуану и остальным, чтобы они тоже перешли брод.

Когда дон Хуан подъехал к нему, Карлос сказал уверенно:

— Тебе повезло! Ты можешь вернуть свое стадо.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что оно было здесь какие-нибудь сутки назад. Его гонят четверо всадников. За это время стадо не могло уйти далеко.

— А как ты все это узнал?

— Ну, это не так трудно, — спокойно сказал охотник. — У тебя угнали скот люди на тех же лошадях, которые прошли вон там... — Он указал на следы и продолжал: — Очень возможно, что мы найдем все стадо среди тех отрогов. — И Карлос показал на обрывистые кряжи — отроги Льяно Эстакадо, отходящие далеко в долину от крутого, обрывистого края плоскогорья. Отсюда, от брода, до них было миль десять.

— Так что же, поедем туда? — спросил дон Хуан.

Карлос ответил не сразу. Как видно, он еще не решил и мысленно взвешивал, какой путь избрать.

— Да, — медленно и серьезно сказал он наконец. — Лучше проверить все до конца. Может быть, все мои страшные подозрения ошибочны. И она — она тоже могла ошибиться. Оба следа еще могут сойтись.

Все это он говорил почти про себя, и дон Хуан хоть и слышал его слова, но не понял их. Он уже хотел спросить Карлоса, что это значит, но охотник внезапно пришпорил коня и, дав спутникам знак не отставать, поскакал по следу украденного стада.

Меньше чем за час они доскакали до глубокой лощины. Здесь часть долины, точно залив, далеко вдавалась между выступами высокого плоскогорья. Они въехали в это своеобразное ущелье — и необычайное зрелище представилось им. Все ущелье полно было черных стервятников. Они сотнями сидели на скалистых склонах, парили в воздухе, подскакивали по дну ущелья, хлопая огромными крыльями, точно радуясь

чему-то. Были тут и койот, и волк, и медведь гризли; они бродили по ущелью или вступали в драку, хотя драться было не из-за чего — еды с избытком хватало на всех. Несколько десятков полуобглоданных остовов валялось на земле, и, подойдя ближе, дон Хуан и его пастухи узнали остатки собственного стада.

— Говорил я тебе, дон Хуан, — произнес Карлос хриплым от волнения голосом, — но этого я не ожидал. Хитро придумано! Ведь быки могли и выбраться отсюда, вернуться домой, и тогда... А, подлый негодяй! Матушка была права — это он! Это он!

— Кто, Карлос? О чем ты говоришь? — спросил дон Хуан, озадаченный этими странными, отрывистыми восклицаниями.

— Не спрашивай сейчас, дон Хуан! Скоро я все объясню тебе... Скоро, но не сейчас. Голова моя точно в огне, и сердце... Скоро, скоро! Тайны больше нет. Я знаю все! С самого начала я подозревал... Я видел его тогда, на празднике... Я видел, какими глазами он на нее смотрел, мерзавец!.. А, деспот! Я вырву твое сердце из груди!.. Едем, дон Хуан!.. Антонио! Друзья! За мной! Едем по следу. Он совсем ясный. Я знаю, куда он приведет... Да, я знаю! Вперед!

И, вонзив шпоры в бока своего коня, охотник помчался назад, к броду.

Дон Хуан и остальные спутники, недоумевая, поскакали за ним.

У брода они не остановились. Карлос погнал коня в воду, весь отряд последовал его примеру. Не остановились они и в том месте, где следы сворачивали на север. Бизон кинулся вперед, изредка он подавал голос; всадники скакали за ним по пятам.

Не проехали они и мили, как след круто повернул — теперь он вел к городу!

На лицах дона Хуана и пеонов отразилось удивление, но охотник нимало не удивился. Он-то этого и ждал. Нет, в лице его не было изумления. В нем было нечто другое, нечто гораздо более страшное!

Глаза Карлоса глубоко ушли в глазницы и сверкали, точно грозное пламя пылало в них. Он стиснул зу-

— Она там! — сказал охотник, показывая на

бы, плотно сжал побелевшие губы и, казалось, обдумывал, а быть может, и принял уже какое-то отчаянное решение. Он почти не смотрел на следы, ему уже не надо было отыскивать дорогу. Он хорошо знал, куда едет!

Тропа пересекала топкую низину. Пробираясь по ней, Бизон весь перемазался в рыжей глине. Такая же глина пристала к его косматой шерсти, когда он прибежал накануне.

Дон Хуан сразу обратил на это внимание.

— Пес уже был здесь раньше! — сказал он.

— Знаю, — ответил Карлос. — Знаю... все знаю! Никакой тайны не осталось. Терпение, друг! Ты тоже все узнаешь, а пока дай мне подумать. У меня ни на что больше нет времени.

След все еще вел к городу. Он не вернулся в долину, а по отлогому склону поднялся на плоскогорье и шел теперь почти параллельно его отвесному краю.

— Хозяин! — сказал Антонио, поравнявшись с Карлосом. — Эти следы не индейских лошадей. Разве

крепость, высившуюся поодаль от других зданий.

что индейцы их украли. Тут были две военные лошади. Я эти следы знаю. И не простые — офицерские, по подковам вижу.

Карлос не проявил ни малейшего удивления, услыхав это, и ни слова не ответил метису. Видимо, он был поглощен своими мыслями.

Думая, что хозяин не слышал или не понял его, Антонио вновь повторил то же самое. Тогда Карлос наконец посмотрел в его сторону.

— Дорогой мой Антонио, — сказал он, — ты думаешь, я слеп? Или глуп?

Он сказал это без гнева. Антонио понял и, придержав коня, опять присоединился к остальным.

Так ехали они то вскачь, то замедляя шаг, чтобы немного передохнули усталые лошади. Так ехали они по следу, и след неуклонно вел к городу.

Наконец они достигли того места, где дорога, извиваясь, спускалась с плоскогорья в долину. По этой извилистой тропе поднимался Карлос в день святого

Иоанна, чтобы показать свое искусство наездника. Наверху, в том месте, где начинался спуск, Карлос приказал своему отряду остановиться и в сопровождении одного только дона Хуана подъехал к самому краю выступающего вперед утеса — место это называется Утес загубленной девушки. Именно здесь остановил он тогда коня.

Они подъехали к краю обрыва. Отсюда видны были вся долина и город.

— Видишь вон тот дом? — спросил охотник, показывая на громадное здание, высившееся поодаль от других, на полпути между всадниками и городом.

— Крепость?

— Да, крепость.

— Вижу. А что?

— Она там!

Глава XXX

В эту минуту по асотее шагал взад и вперед какой-то человек. Это не был часовой, хотя с обеих сторон асотеи стояло по часовому; они были вооружены карабинами, их головы и плечи виднелись над зубчатыми башнями крепости.

Человек, который расхаживал взад и вперед, был офицер, и та часть асотеи, где он прогуливался, расположенная над офицерскими квартирами, отделялась от остальной крыши стеной такой же высоты, как и весь парапет. Притом это огороженное место было священно — здесь редко раздавались грубые шаги обыкновенных солдат. Это была как бы верхняя палуба крепости.

Офицер был в полной форме, хотя и не при исполнении обязанностей, но по стилю и покрою его мундира с первого взгляда ясно было, что этот вояка — большой франт и любит во всякое время щеголять в полном параде. Он носил свои золотые галуны и пестрый мундир, как павлин — пышное оперение. То и дело он приостанавливался и окидывал взглядом свои лакированные сапоги, проверял, стройны ли у него ноги, или

любовался перстнями, которыми были унизаны его белые, холеные пальцы.

При этом он был отнюдь не красавец и не герой, но это не мешало ему воображать себя и тем и другим — Аполлоном и Марсом сразу.

А был он полковником испанской армии, комендантом крепости, ибо офицер этот был не кто иной, как Вискарра.

Вполне довольный собственной наружностью, он, как видно, был очень недоволен чем-то другим. На лице его лежала тень, которую не могло прогнать даже созерцание собственных лакированных сапог и лилейно-белых рук. Какая-то мысль тяготила его и даже заставляла порою вздрагивать и беспокойно оглядываться по сторонам.

— Да ведь это был только сон, — бормотал он. — И зачем я об этом думаю? Это был только сон.

Произнося эти отрывочные фразы, он смотрел себе под ноги, а когда поднял глаза, случайно взглянул в сторону Утеса загубленной девушки. Впрочем, нет, не случайно: ведь этот утес тоже привиделся ему во сне, и взгляд его следовал за мыслями.

В то мгновение, как взгляд его упал на вершину утеса, Вискарра вздрогнул, точно увидев перед собою страшный призрак, и невольно ухватился за парапет. Кровь отхлынула от его щек, челюсть отвисла, он быстро, прерывисто дышал.

Что же было причиной такого волнения? Быть может, силуэт далекого всадника на самой вершине утеса, четко вырисовывавшийся в бледном небе? Что в этом зрелище так испугало коменданта? А он был смертельно испуган. Послушаем его.

— Боже мой! Боже мой, это он! Его лошадь... Он!.. Совсем как в моем сне... Это он! Мне страшно смотреть на него! Не могу...

На секунду офицер отвернулся и закрыл лицо руками.

Секунда — и он опять поднял глаза. Не любопытство, но страх заставил его, точно завороженного, снова поглядеть в ту сторону. Всадник исчез. Ни лошади,

ни человека — ни единого пятнышка не видно было на фоне неба над обрывом.

— Наверно, мне опять померещилось? — все еще дрожа, спросил себя трус. — Наверно, померещилось... Там никого нет, и уж во всяком случае... Как бы он мог? Он за сотни миль отсюда! Мне просто показалось! — И он захохотал. — Что это со мной, хотел бы я знать? Тот страшный сон сбил меня с толку. Чорт побери! Не буду больше об этом думать!

И он зашагал взад и вперед еще быстрее, чем прежде, воображая, что это отвлечет его от неприятных мыслей. Но всякий раз, поворачиваясь, он невольно смотрел в сторону утеса, пытливо оглядывал весь край обрыва, и в этом взгляде был страх. Но всадник — или призрак — не появлялся больше, и Вискарра понемногу начал успокаиваться.

По каменным ступеням застучали шаги. Кто-то поднимался по лестнице.

Вот показалась голова, плечи, и на асотею шагнул капитан Робладо.

Он и Вискарра поздоровались, из чего можно было понять, что в этот день они еще не виделись. В сущности, оба только недавно встали. Час был не слишком поздний для светских людей, которые ведь не ложатся спать спозаранку. Робладо только что позавтракал и вышел на асотею, чтобы в свое удовольствие выкурить гавану.

— Да, забавный был маскарад! — расхохотался он, закуривая сигару. — Право слово! Я насилу смыл с себя краску. И охрип после всех этих воплей — за неделю голос не вернется! Ха-ха! Никогда еще девицу не покоряли и не завоевывали столь сложным, романтическим способом! На пастухов напали, овец увели и разогнали на все четыре стороны, быков угнали и перебили, как на бойне, старуху стукнули по голове, дом подпалили... Да еще разъезжали целых три дня взад и вперед, наряжались индейцами, орали до хрипоты... Сколько хлопот — и все ради какой-то простой девчонки, ради дочки отъявленной колдуньи! Ха-ха! Прямо как глава из какой-нибудь восточной сказки... из «Ты-

сячи и одной ночи», скажем. Только вот девицу не спасет никакой волшебник или странствующий рыцарь. — И Робладо снова захохотал.

Его речь разоблачила то, о чем, быть может, читатель уже догадался: что недавний набег «дикарей» был делом рук самих Робладо и Вискарры, затеянным для того, чтобы тайно похитить сестру охотника на бизонов. «Индейцы», которые угнали овец и быков, напали на асиенду дона Хуана, подожгли ранчо Карлоса и увезли Роситу, — эти «индейцы» были: полковник Вискарра, капитан Робладо, сержант Гомес и солдат по имени Хосе — еще один подчиненный полковника, доверенный и послушный его слуга.

Их было только четверо — с самого начала предполагалось, что четверых достаточно для осуществления подлого дела. Слухи и страхи, распространившиеся по долине, наделяли четверых силою четырех сотен. Притом, чем меньше посвященных в секрет, тем лучше. Так осторожно и хитро рассудил Робладо.

И действовали они весьма хитроумно. С самого начала и до конца партия была обдумана и разыграна с мастерством, достойным лучшего применения. На пастухов впервые напали наверху, на плоскогорье, чтобы убедительнее прозвучало известие о появлении враждебно настроенных индейцев. Из крепости посланы были солдаты на разведку, жителей призывали к осторожности — все для того же: чтобы больше поразить воображение. И когда после этого угнали быков, никто уже не мог сомневаться, что в долине появились дикие индейцы. Этот грабеж помог участникам гнусного маскарада убить сразу двух зайцев: осуществляя главный свой замысел, они заодно еще и подло отомстили молодому скотоводу.

Загнав его быков в ущелье и перебив их, они тоже преследовали двойную цель. Прежде всего они рады были нанести ему ущерб, но главное — они боялись, что, если оставить скот на произвол судьбы, он может найти дорогу назад, на ферму. А если бы вернулись быки, будто бы украденные индейцами, это вызвало бы подозрения. Теперь же они надеялись, что задолго до того,

как кто-нибудь случайно наткнется на место бойни. волки и стервятники сделают свое дело, и догадки придется строить на одних костях. Это было всего вероятнее. Ведь пока длится тревога, вызванная нападением индейцев, вряд ли кто-нибудь отважится заглянуть в эти места. Тут нет ни жилья, ни дороги, тут проезжают изредка одни индейцы.

Даже когда дело дошло до развязки и жертву наконец похитили, ее не повезли прямо в крепость: ведь даже и ее надо было ввести в заблуждение. И вот ее, связанную, посадили на мула, которого погонял один из негодяев, и предоставили ей смотреть, какой дорогой они едут, вплоть до того места, где надо было свернуть к городу. Здесь ей завязали глаза кожаным поясом и так привезли в крепость, и, разумеется, она не знала, далеко ли ее завезли и что это за место, где ей позволили наконец отдохнуть.

Каждый акт дьявольской драмы был задуман столь тонко и разыгран столь искусно, что это делало честь если не сердцу, то уму капитана Робладо. Он же был и главным актером во всем этом представлении.

Вискарру на первых порах одолевали кое-какие сомнения; не совесть удерживала его, а собственная неумелость и боязнь разоблачения. Ведь это могло бы серьезно повредить ему. Если раскроется такой злодейский умысел, весть о нем мгновенно облетит всю страну. И тогда он погиб.

Красноречие Робладо, вдохновляемое его низкими намерениями, взяло верх над слабым сопротивлением начальника; а раз согласившись на эту затею, он и сам находил все это очень увлекательным и забавным. Шутовские воззвания и россказни об индейцах, наводящие ужас на жителей, и хвалы, которые воздавались при этом коменданту, действующему столь доблестно и неутомимо, — все это оказалось приятным развлечением среди однообразия солдатской жизни. И в те несколько дней, что длилось нашествие «дикарей», у коменданта и капитана не было недостатка в поводах для смеха и веселья. Они так ловко все проделали, что наутро после заключительного набега грабителей и похищения Роси-

ты ни одна душа в Сан-Ильдефонсо, если не считать самих офицеров и двух их помощников, нимало не сомневалась: всему виною настоящие дикие индейцы!

Впрочем, в одной душе шевелилось подозрение, только подозрение, — в душе старухи-матери. Даже сама Росита думала, что она в руках индейцев... если она вообще могла думать.

Глава XXXI

— Да, великолепная шутка, честное слово! — с хохотом продолжал Роблодо, дымя своей сигарой. — С тех пор как мы забрались в эту чортову глушь, мне еще ни разу не случалось так позабавиться. Что ж, и на пограничном посту можно найти себе развлечение, надо только действовать умеючи. А сколько хлопот нам доставило это дело! Но, дорогой комендант, скажите-ка, строго между нами, — теперь-то вы уже можете судить, — стоило ли так хлопотать?

— Я очень жалею, что мы это сделали, — самым серьезным тоном ответил комендант.

Роблодо посмотрел ему в лицо и впервые увидел, как хмур и мрачен его собеседник. Занятый своей сигарой, он до сих пор этого не замечал.

— Вот так так! — воскликнул он. — Что случилось, полковник? Вы выглядите совсем не так, как подобает человеку в вашем положении. Вы ведь должны были провести несколько приятнейших часов! Что-нибудь неладно?

— Все неладно.

— Что такое? Вы же были у нее?

— Только на минуту, и с меня хватит.

— Не понимаю вас, дорогой полковник.

— Она сумасшедшая.

— Как — сумасшедшая?

— Да, буйная. Заговаривается так, что я в ужас пришел. Счастлив был поскорей уйти. Там остался Хосе, он за нею присматривает. Я просто не мог слушать,

как она бормочет. Поверьте, у меня пропала всякая охота оставаться.

— Ну, это пустяки! — сказал Робладо. — Через день-другой она придет в себя. Она все еще думает, что попала к дикарям, которые хотят ее убить и снять с нее скальп. Вы с успехом можете ее разуверить, как только она придет в себя. Она-то может знать правду, я тут беды не вижу. Все равно вам придется ей сказать, и чем раньше, тем лучше: больше останется времени, чтобы она успела с этим примириться. Теперь она у вас уютно пристроена в четырех стенах, и у них нет ни глаз, ни ушей, так что вы действуйте на досуге. Никто ничего не подозревает, никто и не может подозревать. Все только и думают что об индейцах, ха-ха! Говорят, этот ее поклонник, дон Хуан, хочет собрать отряд и пуститься в погоню за краснокожими! — И Робладо снова расхохотался. — Ничего у него не выйдет: с ним слишком мало считаются, и никому нет дела ни до его скота, ни до колдуньиной дочки. Будь это кто-нибудь еще, дело, пожалуй, приняло бы другой оборот. А сейчас нам нечего бояться, что все раскроется. Если бы еще появился сам охотник на бизонов...

— Послушайте, Робладо... — вдруг прервал комендант, и в голосе его прозвучало необычное волнение.

— Да? — спросил капитан, с удивлением глядя на Вискарру.

— Я видел сон... страшный сон! Вот что меня тревожит, а совсем не бред этой девушки. Проклятие! Что за страшный сон!

— Помилуйте, комендант, вы храбрый солдат — и тревожитесь из-за какого-то глупого сна! Ну-ка, что это вам приснилось? Я прекрасно умею толковать сны. Ручаюсь, у меня вы получите наилучшие разъяснения.

— Ну, слушайте, это довольно просто. Мне снилось, что я стою на Утесе загубленной девушки. Мне снилось, что я там один с Карлосом, охотником на бизонов, и что он все знает и привел меня туда, чтобы отплатить мне, чтобы отомстить за нее. У меня не было силы сопротивляться, и он подвел меня к самому краю. Кажется, мы схватились и боролись некоторое время, а потом он вы-

пустил меня и столкнул с обрыва. И вот я падаю, падаю... А наверху стоит охотник, и рядом с ним его сестра, и на самом выступе утеса — эта ужасная старая колдунья, их мать, она смеется каким-то диким, безумным смехом и хлопает в ладоши, а руки у нее длинные, костлявые... И я падаю, падаю, а дна все нет... Ужасное чувство, и конца ему не было! От этого ужаса я и проснулся. Я даже не мог поверить, что это был только сон, никак не мог отделаться от ощущения, что все это на самом деле... Ужасный сон!

— Да, но только сон. А что значит...

— Постойте, Роблადо! Я вам еще не все сказал. Через час... да нет, через каких-нибудь четверть часа я ходил здесь и думал о том, что мне приснилось, и нечаянно посмотрел туда, на утес. И там, на самом краю, стоял всадник, он был хорошо виден на фоне неба, и это был вылитый охотник на бизонов! Я узнал и коня и всадника — я хорошо помню, как он держится в седле. Я решил, что это мне мерещится. Отвел глаза на секунду, на одну секунду, потом посмотрел опять, а всадника уже нет! Он так быстро исчез... Я думаю, мне просто показалось. Там никого и не было, просто после того сна мне почудилось.

— Очень возможно, — сказал Робладо, желая успокоить приятеля. — Очень возможно и вполне естественно. Во-первых, отсюда, где мы с вами стоим, до вершины того утеса добрых три мили по прямой. На таком расстоянии вы уж никак не отличили бы этого охотника от любого другого всадника — это невозможно. Во-вторых, этот самый Карлос сейчас находится по крайней мере за пятьсот миль от кончика моей сигары и рискует своей драгоценной особой ради нескольких вонючих бизоньих шкур и нескольких десятков фунтов вяленого мяса. Будем надеяться, что кто-нибудь из его меднокожих друзей снимет с него светловолосый скальп, которым так восхищаются иные наши красотки. А ваш сон, дорогой комендант, — ну что же может быть естественнее! Вам просто не могло не присниться что-нибудь в этом роде. Вы помнили, как он гарцевал в день праздника на этом самом утесе, и думали о его сестре и по-

дозревали, надо полагать, что сеньор Карлос обошелся бы с вами не слишком нежно, знай он об этом деле и попадись вы ему в руки, — все сразу было у вас в мыслях, и все перемешалось в этом нелепом сне. И старуха тоже: если вы о ней не думали, так я думал с тех самых пор, как стукнул ее тогда, в дверях. Ну и вид у нее тогда был, век не забуду!

И негодяй расхохотался. Его не так уж забавляло это воспоминание, но он хотел изобразить все происшедшее пустой безделицей, чтобы успокоить Вискарру.

— Эка важность! — продолжал он. — Сон! Самый обыкновенный сон. Полно, дорогой друг, выкиньте это из головы!

— Не могу, Робладо. Эти мысли — точно моя собственная тень: от них не отделаешься. У меня какое-то предчувствие. Лучше бы я оставил девчонку в ее грязной лачуге! Клянусь богом, я хотел бы, чтобы она оказалась опять у себя дома. Не успокоюсь до тех пор, пока не избавлюсь от нее. Прежде я ее любил, а теперь просто ненавижу эту сумасшедшую.

— Ну-ну, друг! Скоро вы будете другое говорить. Она вам опять понравится...

— Нет, Робладо, нет! Я о ней без отвращения думать не могу — не знаю почему, но не могу. Помоги, боже, мне от нее избавиться!

— А это не так трудно, и вреда никому не будет. Она может вернуться, как пришла. Разыграем еще одну сценку маскарада, и ни одна душа не догадается. Если вы и в самом деле говорите серьезно...

— Робладо! — воскликнул комендант, хватая капитана за руку. — Никогда в жизни я не говорил серьезнее. Скажите мне, как можно отправить ее обратно, не поднимая шума? Скажите скорее, я не могу больше выносить это ужасное чувство!

— Что ж, — начал Робладо, — нам надо еще раз нарядиться индейцами, надо...

Он не договорил. Короткий стон вырвался из груди Вискарры. Глаза его, казалось, готовы были выскочить из орбит, губы побелели, крупные капли пота выступили на лбу.

Что бы это значило? Вискарра стоял у внешнего края асотеи, откуда видна была дорога, ведущая к воротам крепости. Он смотрел туда, за парапет, и протянул руку, указывая на что-то.

Робладо, стоявший далеко от парапета, почти посередине асотеи, кинулся к коменданту и взглянул в ту же сторону. По дороге, весь в поту и в пыли, галопом скакал всадник. Он был уже так близко, что Робладо узнал его лицо. Вискарра узнал его еще раньше. Это был Карлос, охотник на бизонов!

Глава XXXII

То, что сказал Карлос дону Хуану на вершине утеса, как громом поразило простодушного скотовода. До этой минуты он ничуть не сомневался, что они гонятся за индейцами. Даже то странное обстоятельство, что следы повернули назад, в долину, не раскрыло ему глаза. Он решил, что индейцы еще кого-нибудь ограбили в этих местах и преследователи услышат об этом, как только спустятся в долину.

Когда Карлос показал ему на крепость и сказал: «Она здесь!», дон Хуан сперва удивился, потом просто не поверил.

Но довольно было еще одного слова охотника и нескольких мгновений раздумья — недоверие исчезло. Страшная правда молнией озарила сознание дона Хуана; ведь и он помнил, как вел себя Вискарра в день праздника. Тотчас ему пришли на ум и появление коменданта в доме охотника и все другие обстоятельства, и он понял, что Карлос не ошибся.

Несколько минут дон Хуан не мог вымолвить ни слова — слишком мучительны были нахлынувшие на него мысли и чувства. Мучительны, как никогда! Он не страдал так даже в то время, когда был уверен, что его возлюбленная в руках диких индейцев. Тогда была еще надежда, что своеобразные законы чести, принятые у индейцев в отношении пленниц, позволят Росите избежать ужасной доли, что жених и брат успеют выручить

ее. А теперь прошло столько времени! Зная Вискарру... О господи!.. Это была ужасная мысль, она заставила молодого всадника покачнуться в седле. Он отъехал на несколько шагов, соскочил с лошади, пошатнулся и опустился на землю, охваченный нестерпимой тоской и болью.

Карлос все еще оставался на утесе и смотрел в сторону крепости. Казалось, он обдумывает план действий. Он видел часовых на зубчатых стенах, видел слоняющихся вокруг солдат в темносиних с малиновым мундирах. До него донесся зов кавалерийской трубы, когда звонкое эхо стало перекидываться от скалы к скале. И он увидел, что какой-то человек — офицер — ходит взад и вперед по асотее. Вот он остановился и заметил Карлоса...

Как раз в эту секунду Вискарра и увидел на утесе всадника, который одним своим видом так напугал его и который ему, конечно, вовсе не померещился.

— Может быть, это он, злодей? — сказал себе Карлос, глядя на офицера. — Похоже, что это он и есть. Ох, если бы я отсюда мог достать его пулей!.. Но терпение, терпение! Я ему отомщу!

С этими словами он тронул поводья и отъехал к дону Хуану. Они посовещались о том, как действовать дальше. Подозвали и Антонио, и Карлос сказал ему о своей уверенности, что Росита — пленница в крепости. Антонио не услышал ничего нового, он уже сам обо всем догадался. Он ведь тоже, как и его хозяин, был на празднике, и его зоркие глаза ничего не упустили в тот памятный день. Он тоже заметил поведение Вискарры, и задолго до того, как путники остановились здесь, возле утеса, он нашел разгадку всему, что было таинственного и непонятного в недавнем набеге индейцев. Он знал все, хозяин мог не тратить слов на объяснения.

Но ни слов, ни времени и не тратили понапрасну. Для этого слишком сильно бились сердца брата и влюбленного. Быть может, в эту самую минуту девушке, дорогой обоим, грозит опасность, быть может, она сейчас защищается от своего подлого похитителя, и если они подоспеют во-время, они спасут ее!

Эти соображения были важнее всяких планов. Да и какой тут мог быть план? Не обнаруживать себя, скрываться, тайно рыскать вокруг крепости и ждать удобного случая... Какого случая? Быть может, в бесплодном ожидании пройдет несколько дней! Дней! Когда нельзя медлить ни часа, ни минуты! Не теряя ни секунды, они должны действовать.

Но как действовать? Только в открытую — ничего другого они не могли придумать. Да неужели Карлос не смеет потребовать, чтобы ему вернули сестру?

А если их встретят отказом, ложью, увертками?.. Конечно, никакого другого ответа они не получат. Эта мысль привела обоих в ужас.

Что же еще остается делать? Если во всеуслышание объявить о подлом злодеянии, это, пожалуй, поможет. Общее сочувствие будет на их стороне... А быть может, и больше того. Быть может, жители долины, хоть они и порабощены, соберутся вокруг крепости и громко потребуют... Быть может, пленницу еще можно спасти... Эти мысли нагоняли одна другую.

— А если не спасем, — сказал Карлос, скрипнув зубами, — мы отомстим за нее. Пусть мне грозит петля, все равно ему не жить, если она обесчещена! Клянусь!

— И я даю клятву! — крикнул дон Хуан, хватаясь за рукоять своего мачете.

— Хозяин! Вы оба, послушайте! — сказал Антонио. — Вы знаете, я не трус. Я вам помощник, мое оружие, моя жизнь — все ваше. Но дело это страшное. Без осторожности только зря пропадем. Надо быть поосмотрительнее.

— Да, верно, мы должны быть осторожны. Я обещал это матушке. Но как, друзья, как? Что такое осторожность? Сидеть и ждать, пока она... О господи!

Все трое замолчали. Никто не мог ничего придумать.

В самом деле, положение было бесконечно трудное. Перед ними крепость, и в ее стенах — быть может, в какой-нибудь глухой камере — томится в плену сестра охотника на бизонов. Он знал, что она там, но как трудно будет освободить ее!

Прежде всего злодей, похитивший Роситу, будет отпираться, уверять, что ее здесь нет. Ведь если он ее выпустит, он тем самым признает свою вину. А какие доказательства может представить Карлос? Солдаты гарнизона, без сомнения, ничего не знают, за исключением двух или трех негодяев, которые помогали в этом подлом деле. И если Карлос поднимет голос, никто в городе не поверит такому обвинению против коменданта. Охотника поднимут на смех и, конечно, арестуют, и он дорого поплатится. И даже если бы он предъявил доказательства, кто из власть имущих поможет ему добиться правосудия? Военные тут — сила и закон, и жалкое подобие гражданской власти, существующей здесь, уж наверно, предпочтет стать не на его сторону, а на сторону его противника. Ему неоткуда ждать справедливости. Свои обвинения он может подкрепить лишь такими доказательствами, которых никогда не поймут и не примут в расчет все те, к кому он может обратиться. Вискарра без труда найдет какое-нибудь объяснение следам, ведущим назад, в долину, если он вообще снизойдет до того, чтобы что-то объяснять, а обвинения Карлоса объявит бредом сумасшедшего. Никто им не поверит. Именно гнусность совершенного злодейства делает его неправдоподобным.

Карлос и его товарищи хорошо понимали все это. Им неоткуда было ждать поддержки, не на что надеяться. Никто из властей не придет им на помощь и не даст удовлетворения.

Некоторое время охотник был молчалив и задумчив; наконец он вновь заговорил — и теперь уже другим тоном. Как видно, у него возник план, появилась какая-то надежда.

— Друзья! — сказал он. — Надо открыто прийти и потребовать ответа, ничего другого я не могу придумать. И надо это сделать сейчас же. Я не переживу и часа, не попытавшись выручить сестру. Ждать еще час, когда мы боимся... Нет! Медлить нельзя. Я кое-что надумал. Наверно, это не самый осторожный план, но больше раздумывать некогда. Слушайте!

— Мы ждем!

— Нам незачем всем сразу появляться у ворот крепости. Там сотни солдат, а у нас двадцать тагносов, и хоть они храбры, как львы, от такой схватки пользы не будет: силы слишком неравны. Я поеду один.

— Один?

— Да. Надеюсь, мне удастся увидеть его. Больше мне ничего не надо. Он — тюремщик Роситы, а когда тюремщик спит, узника можно освободить. Стало быть, он уснет!

Слова эти были полны значения, и говорящий невольно положил руку на рукоять ножа, заткнутого за пояс.

— Он уснет, — повторил Карлос, — и очень скоро, если судьба улыбнется мне. Что будет дальше — мне все равно: не до того мне! Если она обесчещена, не все ли мне равно — жить или умереть? Но я отомщу за нее!

— Но как ты добьешься свидания с ним? — спросил дон Хуан. — Он не захочет принять тебя. Может быть, тебе переодеться? Тогда, пожалуй, скорее удастся увидеть его.

— Нет! Не так просто мне переодеться — меня выдадут светлые волосы и кожа. И на это уйдет слишком много времени. Поверь, я не буду опрометчив. Я придумал, как дойти до него, — надеюсь, я при любых условиях его увижу. А если не удастся, не стану пока поднимать шум. Никто из этих негодяев не будет знать, зачем я на самом деле приходил. И потом я сделаю, как ты посоветуешь. А сейчас я не могу больше ждать. Я должен что-то делать. По-моему, это он сейчас ходит там, по асотее, вот почему я не могу ждать, дон Хуан. Если это он...

— А мы что будем делать? Разве мы никак не можем тебе помочь? — спросил дон Хуан.

— Может быть... если мне надо будет бежать. Поедем, я покажу вам, где меня ждать. Скорее! Сейчас каждая минута — как день. У меня голова горит, точно в огне. Едем!

Карлос вскочил в седло и погнал коня по крутой тропе вниз, в долину.

С того места, где дорога, спустившись в долину, поворачивала к крепости, она на протяжении более мили вела через густые заросли невысоких деревьев и кустарника; через них нельзя было пробраться иначе как по этой дороге.

Но были в этой чаще и тропинки, протоптанные скотом, по ним тоже можно было пересечь ее. Тропы эти хорошо знал Антонио, который прежде жил тут, по соседству. По одной из этих троп всадники могли подъехать к крепости на расстояние не больше полумили незаметно для часовых на стенах. К этому месту Антонио и повел весь отряд. Скоро они добрались до опушки и здесь, по распоряжению Карлоса, спешились, не выходя из-за кустов.

— Вы все оставайтесь тут, — сказал дону Хуану охотник. — Если я сумею уйти оттуда, я поскачу прямо сюда. Если потеряю коня, все равно вы меня еще увидите. Такое небольшое расстояние я пробегу, как олень, никто меня не догонит. А когда вернусь, скажу вам, как действовать дальше.

И вдруг, схватив дона Хуана за руку, Карлос увлек его за собою к самому краю опушки:

— Смотри, дон Хуан! Это он! Клянусь богом, это он!

Карлос показал на плоскую крышу крепости — над краем парапета виднелись чья-то голова и плечи.

— Да, это комендант, — сказал дон Хуан, тоже узнав человека на асотее.

— Довольно! Мне больше некогда разговаривать! — воскликнул охотник. — Теперь — или никогда! Если я вернусь, вы будете знать, что делать дальше. Если не вернусь — значит, я или схвачен, или убит. Оставайтесь здесь. Оставайтесь до поздней ночи — может быть, я еще выберусь оттуда. Их тюрьмы не так уж крепки. Кроме того, у меня с собой золото. Может быть, оно выручит меня. Вот и все. Прощай, верный друг! Прощай!

Стиснув руку дона Хуана, Карлос вновь вскочил в седло и тронул коня.

Он не поехал прямо к крепости — ведь тогда его слишком быстро обнаружили бы. Тропа, проложенная в зарослях, могла вывести его на главную дорогу, кото-

рая, в свою очередь, вела к воротам крепости; по этой тропе он и поехал. Антонио проводил его до самой опушки, потом вернулся к остальным.

Выехав на дорогу, Карлос пустил коня галопом и смело подскакал к широким воротам крепости. Пес Бизон бежал следом, ни на шаг не отставая.

Глава XXXIII

— Клянусь святой девой, это он! — удивленно и тревожно воскликнул Робладо. — Он и есть! Верное слово!

— Я так и знал, так и знал! — взвизгнул Вискарра. — Это он был на утесе, мне не померещилось!

— Откуда же он взялся? Ради всех святых, откуда этот малый...

— Робладо, я должен уйти! Я пойду вниз. Я не хочу встречаться с ним. Я не могу!

— Ну, полковник, пусть уж лучше он поговорит с вами. Он ведь уже видел вас и узнал. Если вы начнете избегать его, это только вызовет подозрения. Он, наверно, будет просить, чтобы мы помогли ему в погоне за индейцами, — ручаюсь, что он только за этим и пришел!

— Вы так думаете? — спросил Вискарра, немного успокоенный этим предположением.

— Не сомневаюсь! Зачем же еще? Правду он подозревать не может. Он ведь не колдун, как его мать! Никуда не уходите, и давайте послушаем, что он скажет. Разумеется, вы можете говорить с ним отсюда, с асотеи, а он пускай остается внизу. Если он начнет вести себя дерзко, — помните, он ведь уже дерзил нам обоим,—мы его арестуем и подержим часок-другой в каталажке, чтобы он немного поостыл. Надеюсь, он даст нам для этого повод. Я ведь не забыл его наглой выходки тогда, на празднике.

— Вы правы, Робладо, я останусь и выслушаю его. Так будет лучше. Я думаю, это рассеет подозрения. И потом, вы правы: он и не может ничего подозревать.

— Напротив, он сейчас попросит вас о помощи, и вы ему поможете — и совсем собьете его со следа. Он еще станет вашим другом! — И РоблaverDo расхохотался.

Это звучало правдоподобно и очень понравилось Вискарре. Он тотчас решился последовать совету капитана.

Этот торопливый разговор занял всего несколько минут — с того мгновения, как они впервые увидели всадника, и до тех пор, пока он не скрылся под стеною крепости.

Последние двести ярдов он ехал медленно и с почтительным видом, словно опасаясь, как бы не сочли дерзостью, если на пороге этого оплота власти он выставит напоказ свое искусство наездника. На красивом лице его можно было увидеть следы горя, но ничто в нем не выдавало того чувства, которое сейчас было всего сильнее в его сердце.

Подъезжая к крепости, он снял сомбреро и почтительно поклонился офицерам, чьи головы и плечи виднелись над парапетом; а в десятке шагов от крепостной стены придержал коня, снова снял шляпу и ждал, пока с ним заговорят.

— Что вам нужно? — спросил Робладо.

— Кабальеро, я хотел бы поговорить с комендантом.

Это было сказано тоном человека, который хочет попросить о чем-то. Тон этот успокоил и Вискарру и второго, более наглого негодяя, который, хоть и уверял начальника в противном, не так уж был убежден, что охотник приехал с мирными намерениями. Однако теперь он не сомневался, что первая его догадка была верна: Карлос приехал просить их о помощи.

— Это я! — отозвался Вискарра, который совсем оправился от испуга. — Я комендант. Что вы хотели мне сказать, приятель?

— Ваше превосходительство, я пришел с просьбой. — И охотник опять смиренно поклонился.

— Говорил я вам! — шепнул начальнику Робладо. — Все в порядке, полковник!

— Что ж, мой друг, — сказал Вискарра своим обычным надменно-снисходительным тоном, — послушаем вас. Если ваша просьба разумна...

— Ваше превосходительство, я прошу о большой милости, но, надеюсь, ничего неразумного в этом нет. Я уверен, если только это не помешает вашим многочисленным обязанностям, вы не откажете мне. Ведь все знают, как много времени и хлопот вы уже отдали этому делу.

— Говорил я вам! — снова пробормотал Робладо.

— Ну, ну, выкладывайте! — подбодрил просителя Вискарра. — Я ведь не могу вам ответить, пока не услышу, о чем же вы просите.

— Дело вот в чем, ваше превосходительство. Я только бедный охотник на бизонов...

— А, вы Карлос, охотник на бизонов! Знаю, знаю.

— Да, ваше превосходительство, мы встречались... в день святого Иоанна.

— Как же, как же! Припоминаю. Вы отличный наездник.

— Вы оказываете мне много чести, ваше превосходительство. Но мое уменье мне сейчас не поможет. Большое несчастье постигло меня...

— Что такое случилось? Выкладывайте!

И Вискарра и Робладо догадывались, о чем попросит охотник. Им хотелось, чтобы эту просьбу слышали солдаты, слонявшиеся без дела у ворот, поэтому сами они говорили громко, желая, чтобы и проситель повысил голос.

И Карлос тоже отвечал громко — не затем, чтобы доставить удовольствие собеседникам, нет, у него были на то свои причины. Он тоже хотел, чтобы солдаты, а главное, часовой у ворот слышали его разговор с офицерами.

— Так вот, ваше превосходительство, — продолжал он, — я живу в бедном ранчо, на самом краю поселения, со старухой-матерью и с сестрой. Прошлой ночью на них напали индейцы. Мать мою ударили так, что она упала замертво, дом подожгли, а сестру увезли с собой!

— Я слышал об этом, мой друг. Больше того, я сам пустился в погоню за дикарями.

— Знаю, ваше превосходительство. Я в это время был в прерии и вернулся только сегодня ночью.

Я слышал, что вы, ваше превосходительство, немедля погнались за дикарями, и очень благодарен вам.

— Не стоит благодарности, я только исполнял мой долг. Я сожалею о том, что случилось, и сочувствую вам. Но негодяи успели удрать, и сейчас нет надежды воздать им по заслугам. Может быть, позже, когда здешний гарнизон будет усилен. Тогда я мог бы сам устроить набег на индейцев, и, может быть, мы отыскали бы вашу сестру.

Охотнику вполне удалось своей почтительностью провести Вискарру — комендант вновь обрел всю свою самоуверенность и хладнокровие, и всякий, кто знал о случившемся не больше, чем можно было уловить из их беседы, наверняка обманулся бы, слушая его. Он прекрасно притворялся — ни речь, ни осанка не выдавали его. Но от зорких глаз Карлоса, знавшего всю правду, не укрылась дрожь губ, как ни мало была она заметна; он заметил и неуверенный взгляд Вискарры и каждую малейшую запинку в его речи.

Да, Карлос обманул его, но он-то не мог обмануть Карлоса.

— О чем же вы хотели просить? — осведомился Вискарра, посулив Карлосу так много в будущем.

— Вот о чем, ваше превосходительство: позвольте вашим солдатам еще раз пойти по следу грабителей — под вашей ли командой, чему я был бы очень рад, или под командой кого-нибудь из ваших храбрых офицеров... (При этих словах Робладо почувствовал себя польщенным.) Я буду проводником, ваше превосходительство. На двести миль кругом нет такого места, которого я не знал бы так же хорошо, как эту долину. И хоть мне самому не пристало говорить об этом, но поверьте, ваше превосходительство, я могу пойти по следу индейцев не хуже любого охотника на Равнине. Только пошлите солдат, ваше превосходительство, и обещаю вам — я приведу их к грабителям или покрою себя позором! Я не потеряю их след, куда бы он ни привел!

— О, вот как! — сказал Вискарра, многозначительно переглядываясь с Робладо.

Обоим явно стало не по себе.

— Да, ваше превосходительство, по следам я везде пройду.

— Ну, это невозможно, — возразил Роблало. — Ведь это было два дня назад. И потом, мы-то уже раз прошли по этим следам, переправились через Пекос и убедились, что к тому времени разбойники были вне пределов досягаемости. Так что это будет совершенно бесполезная попытка.

— Кабальерос! — снова обратился к обоим Карлос. — Уверяю вас, что я могу найти разбойников. Они не так уж далеко отсюда.

Комендант и капитан вздрогнули и заметно побледнели. Охотник, казалось, не обратил на это ни малейшего внимания.

— Чепуха, приятель! — с запинкой выговорил Робладо. — Они... да они теперь за сотни миль, никак не меньше... где-нибудь там, на Льяно Эстакадо, или в горах.

— Простите, капитан, что я не соглашаюсь с вами, но я уверен... я знаю, что это за индейцы, знаю, из какого они племени.

— Из какого племени? — разом переспросили офицеры; лица обоих были серьезны, в голосах слышалась легкая дрожь. — Как — из какого племени? Разве это были не юты?

— Нет, — ответил охотник, который прекрасно видел смятение своих собеседников.

— А кто же?

— Я уверен, что это не юты, — сказал Карлос. — Это, наверно, хикариллы. Они — мои заклятые враги.

— Вполне возможно! — разом согласились офицеры с явным облегчением.

— Вполне возможно! — повторил Робладо. — По описаниям очевидцев можно было думать, что это юты. Но, возможно, люди ошибались. Все были так напуганы, что ничего толком не могли рассказать. И потом, ведь индейцы показывались только по ночам.

— А почему вы думаете, что это были хикариллы? — спросил комендант, которому снова стало легче дышать.

— Отчасти потому, что их было так мало, — ответил Карлос. — Будь это юты...

— Но их было совсем не так мало. Пастухи донесли о большой шайке. Они угнали огромное стадо. Если бы это не был сильный отряд, они не посмели бы явиться в долину, это ясно.

— Я уверен, что их было немного, ваше превосходительство. Довольно эскадрона ваших храбрых солдат, чтобы захватить и грабителей и добычу.

Услыхав такие слова, малорослые уланы, слонявшиеся поблизости, выпрямились и расправили плечи, чтобы казаться повыше.

— Если только это были хикариллы, — продолжал Карлос, — мне и по следу незачем идти. Они не пошли на Равнину. Если они двинулись в ту сторону, так только затем, чтобы запутать вас, когда вы погнались за ними. Я знаю, где они сейчас: в горах.

— В горах, по-вашему? Вот как!

— Да, я в этом уверен. И не дальше, чем за пятьдесят миль отсюда. Только пошлите солдат, ваше превосходительство, и я приведу их прямо туда, куда надо. Для этого незачем идти той дорогой, по которой грабители выехали из долины, — я уверен, что это ложный след.

Комендант и Роблало отошли от парапета и несколько минут совещались вполголоса.

— Это будет неплохо выглядеть, — говорил капитан. — В сущности, вам только того и надо. Козыри сами идут вам в руки. Вы посылаете солдат по просьбе этого парня, а кто он тут такой? Ничтожество! Вы оказываете ему услугу, а заодно и себе. Ручаюсь вам, это будет прекрасно выглядеть.

— Но он будет проводником!

— И пусть его! Еще лучше: все останутся довольны. Он, конечно, не разыщет своих хикариллов... Где там! Но почему бы не потешить дурака?

— Но представьте, вдруг он нападет на наши с вами следы? На след стада!

— Он не пойдет в ту сторону. И потом, мы ведь не обязаны идти за ним, куда ему вздумается. Но он ска-

зал, что не пойдет туда, что не намерен идти по следу. Он знает, где там, в горах, гнездо этих хикариллов... Что ж, очень может быть. Разгромить их — это даже лестно. Вывесим над воротами парочку скальпов — это будет недурно выглядеть. Таких украшений еще не прибавилось за все время, что мы с вами тут сидим. Ну, что скажете? В конце концов, это просто небольшая прогулка — пятьдесят миль верхом.

— Что ж, вообще я не возражаю. Это и правда будет выглядеть недурно... Но сам я не могу поехать. Не хочу близко подходить к этому малому ни на этой прогулке, ни где-либо еще... Вы, наверно, понимаете, какое у меня чувство? — И комендант выразительно посмотрел на Робладо.

— Да, да... конечно... — ответил тот.

— Солдат поведите вы, а если вам не хочется, пошлите Гарсию или сержанта.

— Я поеду сам, — сказал Робладо. — Так будет вернее. Если охотнику вздумается пойти по каким-нибудь неподходящим следам, я уведу его в другую сторону или просто не соглашусь... Да, лучше мне поехать самому. Чорт возьми, а я буду очень рад схватиться с этими краснокожими! Надеюсь привезти вам скальпы! — захохотал Робладо.

— Когда вы думаете выступить? — спросил полковник.

— Сейчас же. Чем скорее, тем лучше. Так всем будет приятнее, и это докажет, что мы исполнены энергии и патриотизма! — И он опять расхохотался. — Вы отдайте приказания сержанту, а я пойду обрадую нашего охотника.

Робладо поспешно спустился с асотеи, и через минуту заиграл горнист. Звук трубы возвестил: «По коням!»

Глава XXXIV

Все время, пока происходил этот разговор, охотник неподвижно сидел в седле там, где он впервые остановил коня. Офицеров он больше не видел: они отошли от

края асотеи, и теперь парапет скрывал их. Но Карлос догадывался, о чем они совещаются, и терпеливо ждал.

В воротах собралось уже три или четыре десятка солдат, все они с любопытством разглядывали коня и всадника; но раздался хорошо знакомый звук трубы, и они бросились к конюшням; у ворот остался только часовой. Он, как и все солдаты, слышал разговор охотника с офицерами и догадывался, что трубач трубит недаром. Карлос был уверен, что просьбу его исполнят, хотя комендант еще не сказал ему этого.

До последней минуты он не составил определенного плана действий. Да и как мог он все обдумать, когда так много зависело от случая?

Лишь одно было ему ясно: он должен застать Вискарру одного. Хотя бы только на минуту — и этого довольно.

Он чувствовал: просить, умолять бесполезно — это будет пустой тратой времени и кончится поражением и смертью. Для мести довольно одной минуты. А мысль о том, что сестра его погибла, не оставляла Карлоса, и он жаждал мести. Что будет дальше — об этом он не думал. Если придется бежать — что ж, тут он полагался на случай и на самого себя: сил и находчивости у него хватит.

Итак, до этой минуты у него не было никакого определенного плана. Но вдруг ему пришло в голову, что комендант может сам повести отряд, выходящий на поиски. Если так, сейчас он ничего не станет предпринимать. Он будет в роли проводника, и ему представится полная возможность не только уничтожить врага, но и ускользнуть. Пусть только они выйдут на дикую, неизведанную равнину — там ему не страшны никакие уланы, будь их хоть вдесятеро больше. Никогда им не догнать его на его верном скакуне.

Солдаты собираются в поход — это он понял по сигналу трубы. Пойдет ли с ними Вискарра? — вот вопрос, который все больше тревожил Карлоса, пока он неподвижно сидел на своем коне, с нетерпением глядя вверх, на парапет.

И вот над краем стены снова появилось ненавистное лицо. На сей раз комендант выглянул, чтобы сообщить, как он воображал, радостную весть жалкому просителю. И он сообщил ее напыщенно и важно, уверенный, что оказывает охотнику величайшую милость.

Лицо Карлоса осветилось радостью, но не от известия, которое он услышал, хотя именно так подумал Вискарра, — нет: Карлоса обрадовало, что комендант, как видно, остался один на асотее. Роблadо рядом не было.

— Вы необыкновенно добры, ваше превосходительство, что оказываете такую милость ничтожному бедняку. Уж и не знаю, как вас благодарить!

— Не стоит благодарности, не стоит. Офицеру его католического величества не нужна благодарность, когда он исполняет свой долг.

При этих словах комендант гордо и с достоинством помахал рукой и, казалось, готов был удалиться. Карлос остановил его вопросом:

— И я буду иметь честь служить проводником вашему превосходительству?

— Нет, сам я не пойду с этой экспедицией, ее возглавит мой лучший офицер, капитан Робладо. Он сейчас готовится выступить. Подождите его.

И, круто повернувшись, Вискарра возобновил свою прогулку по асотее. Без сомнения, ему было не по себе от этого разговора с глазу на глаз, и он рад был распрощаться с охотником. Не стоит задаваться вопросом, почему он соизволил дать все эти объяснения, но Карлосу только и надо было знать то, что он узнал.

Он увидел, что время настало, нельзя терять ни минуты, и мгновенно решил действовать.

До сих пор он неподвижно сидел в седле. Ружье он держал, уперев прикладом в стремя, дуло прижав к плечу, так что его не заметила ни одна душа. Высокие сапоги на ногах Карлоса и серапе, наброшенное на его плечи, полностью скрывали ружье. Ускользнул от посторонних взглядов и острый охотничий нож, висевший у левого бедра Карлоса и скрытый под серапе. Это и было все его оружие.

То недолгое время, когда комендант и Роблादо совещались, Карлос не потерял даром, это было лишь кажущееся бездействие. Он тщательно осмотрел стены. Он увидел, что из самых ворот каменные ступени в массивной стене ведут вверх, на асотею. Эта лестница предназначалась для солдат, когда по долгу службы им надо было подняться на крышу крепости. Но Карлос знал, что есть еще и другая лестница, для офицеров. И хоть он никогда прежде не бывал в крепости, он правильно заключил, что она должна находиться в смежной части здания. Он заметил также, что в воротах стоит только один часовой и что каменная скамья в глубине ворот — обычное место отдыха караульных — сейчас пуста.

Значит, караульные либо внутри, в здании, либо разошлись по казармам. Надо сказать, что дисциплина в крепости были плохая. Вискарра, хотя сам щеголеватый и подтянутый, не много спрашивал с солдат. Он был слишком занят собственными удовольствиями, чтобы заботиться о чем-либо еще.

Все это наблюдательный охотник обнаружил еще прежде, чем Вискарра вторично подошел к парапету и сообщил ему о своем намерении послать солдат. И едва он опять скрылся из виду, Карлос принялся за дело.

Он неожиданно спешился и оставил коня на том же месте, где остановил его с самого начала. Он не привязал вороного ни к поперечине, ни к столбу, а лишь закинул поводья за луку седла. Он знал, что превосходно обученный скакун будет спокойно ждать его.

Ружье он все еще держал под плащом, хотя приклад, плотно прижатый к ноге, теперь был заметен постороннему взгляду. Придерживая его, Карлос направился к воротам.

Одно беспокоило Карлоса — пропустит ли его часовой? Если нет, часовой должен умереть!

Решение мгновенно принято, и, подходя к воротам, охотник под плащом берется за рукоять ножа.

К счастью для Карлоса, да и для самого часового, попытка оказалась успешной: охотник без особых затруднений миновал ворота. Часовой, неуклюжий и ленивый парень, слышал недавний разговор и теперь не

заподозрил ничего дурного. Правда, он все-таки остановил было Карлоса, но тот поспешно ответил, что ему надо кое-что сказать коменданту, который велел ему подняться на асотею. Часовой остался не вполне удовлетворен этим ответом и не очень охотно, но все же дал Карлосу пройти.

Карлос тотчас бросился к лестнице и скользнул наверх. Легко и бесшумно, как кошка, поднялся он по каменным ступеням, и, когда вышел на асотею, Вискарра, стоявший в каких-нибудь пяти-шести шагах от лестницы, не подозревал, что он здесь больше не один.

Да, это был он, Вискарра, деспот, грабитель, насильник, погубивший сестру Карлоса, похитивший ее честь. Вот он стоит в нескольких шагах от брата-мстителя, в шести футах от дула ружья, и все еще не знает о том, что ему грозит. Он отвернулся и смотрит в другую сторону, он не видит опасности.

Охотник лишь на мгновение скользнул по нему взглядом, затем обвел глазами стены, чтобы удостовериться, что наверху никого нет. Он знал, что на обеих башнях стоит по часовому, но не увидел их: они занимали посты на внешних стенах и не были видны с того места, где стоял Карлос. И больше на крыше никого, ни души. Только враг был здесь, и взгляд Карлоса вновь остановился на нем.

Карлос мог выстрелить Вискарре в спину и уже готов был это сделать, но тотчас передумал. Он пришел убить этого человека, но не так. Даже и осторожность подсказывала другой путь. Нож молчалив, он скорее даст мстителю возможность ускользнуть, когда дело будет сделано.

Подумав так, Карлос осторожно опустил приклад ружья наземь и прислонил дуло к парапету. Железо чуть слышно звякнуло о камень. Как ни слаб был этот звук, комендант услышал его, резко обернулся и вздрогнул, увидев незваного гостя.

Он попытался сделать вид, что возмущен, но заметил новое выражение, от которого за эти минуты неузнаваемо изменилось лицо охотника, и тотчас гнев уступил место страху.

— Как вы посмели явиться без спроса, сударь? — начал он. — Как вы...

— Потише, полковник! Потише, вас могут услышать!

Это было сказано негромко, сухо и решительно, тоном приказа, и подлый трус, к которому обращены были эти слова, испугался. Отчаянную и непоколебимую решимость увидел он в лице, во всем облике стоявшего перед ним человека, и это лицо ясно сказало ему: «Попробуй ослушаться — и ты умрешь!»

Выражение это подкреплялось сверкающим лезвием длинного ножа, рукоять которого уверенно сжимала рука охотника.

Вискарра весь побелел от страха. Теперь он понял, что́ все это значило. Просьба о посылке солдат была только предлогом, чтобы добраться до него, до Вискарры. Охотник выследил его, узнал, что это он во всем виноват, и теперь явился потребовать удовлетворения или отомстить за сестру. Все ужасы ночного кошмара вновь обступили Вискарру, мешаясь с ужасом, который предстал перед ним наяву.

Он не знал, что сказать, да и не в силах был говорить. Он отчаянно озирался, в тщетной надежде на помощь откуда-то со стороны. Но кругом — ни души, только серые стены, а перед ним сумрачное лицо грозного врага. Позвать бы на помощь, но это лицо, угрожающая поза... Вискарра понял, что, если крикнет, этот крик будет последним в его жизни. Наконец, задыхаясь, он выговорил:

— Что вам нужно?

— Мою сестру!

— Вашу сестру?

— Да!

— Карлос, я не знаю... Ее здесь нет... Я...

— Лжете! Она здесь, в крепости. Смотрите: пес воет там, под дверью. Почему бы это?

И Карлос показал на дверь нижнего этажа, перед которой в эту минуту вертелся и скулил Бизон, всем своим видом показывая, что он хочет войти. Солдат пытался отогнать его.

Вискарра поглядел в ту сторону. Он увидел собаку, увидел и солдата, но не посмел его окликнуть. Острое лезвие сверкало перед ним. Охотник повторил тот же вопрос:

— Почему бы это?

— Я... я не знаю...

— Опять лжете! Она вошла в ту дверь. Где она сейчас? Отвечайте! Скорее!

— Говорю вам, не знаю. Поверьте...

— Лживый негодяй! Она здесь! Я выследил тебя, я прошел всюду, где шли вы... Не помогли вам ваши хитрости. Солги еще раз — и этот нож будет у тебя в сердце! Она здесь! Где она? Где? Отвечай!

— Нет, не убивайте меня, я все скажу! Она здесь... Она... Клянусь, я не сделал ей ничего плохого! Клянусь, я не...

— Ладно, мерзавец! Стань сюда... сюда, к стене! Живее!

Охотник указал место, откуда была видна часть патио — внутреннего двора. Комендант тотчас повиновался, понимая, что иначе его ждет верная смерть.

— Прикажи, чтобы ее привели сюда. Ты знаешь, кто ее стережет. Веди себя смирно, слышишь? Попробуй только подать знак своим холопам! Одно слово, одно движение — и я проткну тебя ножом! Ну?!

— О господи, господи!.. Это погубит меня... Все узнают... Я погиб, погиб!.. Умоляю вас, сжальтесь, подождите немного! Она вернется к вам, клянусь! Сегодня же ночью!..

— Сейчас же, негодяй! Живо, действуй! Зови того, кто знает, где она. Пусть ее приведут! Быстрей, не испытывай мое терпение! Еще минута...

— Боже правый! Не убивайте меня!.. Одну минуту... постойте!.. Ага!

Последний возглас прозвучал совсем по-другому. Это был крик радости, торжества.

Комендант все время стоял лицом к лестнице, по которой поднялся Карлос, сам же охотник не смотрел в ту сторону, а потому и не заметил, что еще один человек поднялся на асотею... И вдруг чья-то сильная рука

стиснула его угрожающе поднятую руку. Он вырвал руку, круто повернулся — перед ним стоял офицер. Он узнал лейтенанта Гарсию.

— С вами я не в ссоре! — крикнул охотник. — Не вмешивайтесь!

Лейтенант, не отвечая, выхватил пистолет и хотел выстрелить ему в лицо. Карлос кинулся на него.

Грянул выстрел, на секунду дым окутал и Гарсию и охотника. И Вискарра услышал, как кто-то тяжело упал на асотею. Еще миг — и среди дыма появился второй, тот, кто остался невредим.

Это был охотник на бизонов, и с ножа, который он сжимал в руке, капала кровь.

Он кинулся к тому месту, где прежде стоял комендант, но никого там не нашел: Вискарра уже бежал по асотее ко второй лестнице.

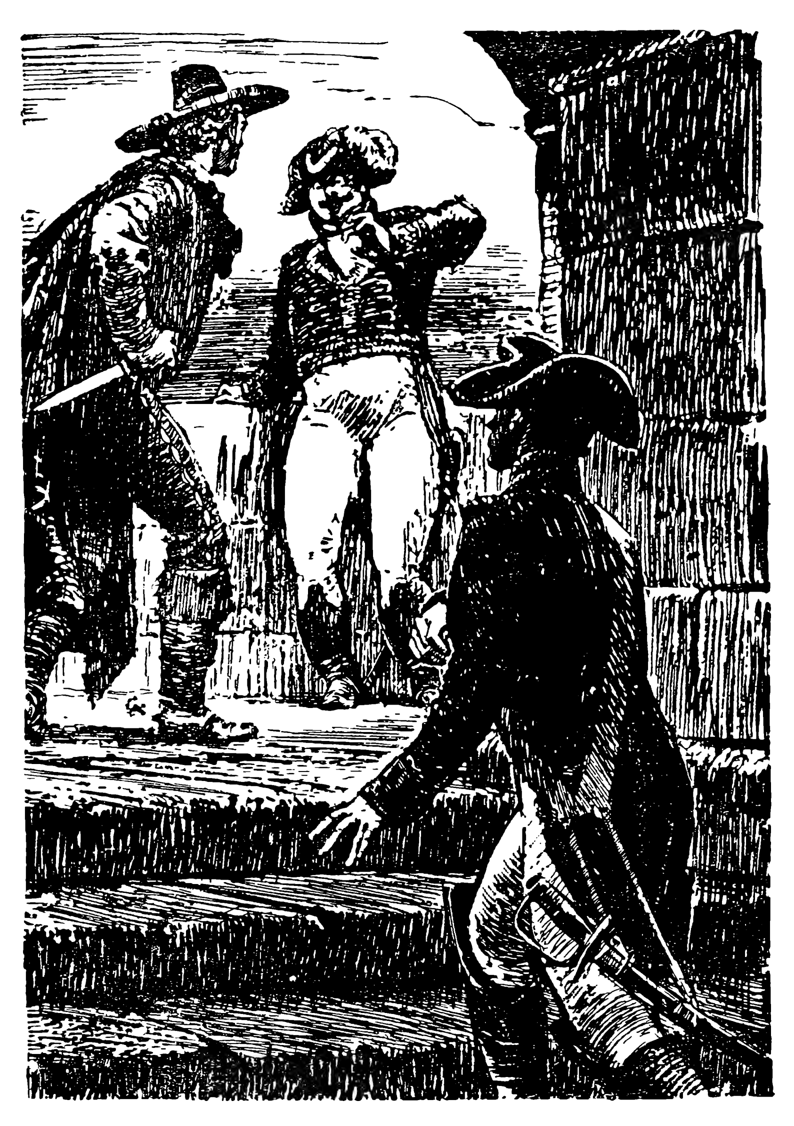
Карлос тотчас увидел, что здесь, на асотее, не догонит его—Вискарра успеет спуститься по лестнице. А бежать за ним вниз — безумие: ведь выстрел, конечно, уже переполошил всех.

Отчаяние охватило Карлоса, но лишь на миг. Сейчас же его осенила блестящая мысль — он вспомнил о своем ружье. Пожалуй, комендант еще не ушел от него!

Он схватил ружье и, отскочив в сторону, чтобы не мешал еще не рассеявшийся дым, прицелился.

Вискарра уже добежал до лестницы и начал спускаться. Только голова и плечи его виднелись над краем стены, когда что-то заставило его остановиться и оглянуться. Трус почти оправился от испуга — ведь помощь была уже совсем близка, — и он оглянулся из любопытства, чтобы посмотреть, чем кончилась схватка между охотником и Гарсией. Он хотел остановиться лишь на мгновение, но едва он повернул голову, раздался выстрел — меткая пуля настигла его, и он покатился вниз по ступеням.

Охотник видел, что пуля попала в цель, он видел к тому же, что и другой офицер мертв, слышал яростные крики внизу, и понял, что, если не убежит, не медля ни секунды, его окружат и пронзят сотней пик.



Карлос не заметил, что еще один человек поднялся на асотею...

Первая его мысль была — спуститься по той лестнице, по которой он сюда пришел. Вторая ведет во внутренний двор, а там уже полно солдат.

Он перескочил через тело лейтенанта и кинулся к лестнице.

По ней уже поднимались вооруженные люди. Путь был отрезан!

Опять он перешагнул через убитого, побежал по асотее, вскочил на парапет наружной стены и заглянул вниз.

Страшно было прыгнуть с такой высоты, но на что еще мог он надеяться? Несколько улан уже выбежали на крышу и кинулись к нему, наставив пики, другие стреляли из карабинов; пули засвистели вокруг. Раздумывать было некогда. Взгляд Карлоса упал на вороного; славный конь стоял, гордо изогнув шею, покусывая удила. «Слава богу, он еще жив!»

Вид четвероногого друга придал Карлосу силы. Прыжок — и вот он уже на земле, у подножия стены, целый и невредимый.

Пронзительным свистом он подозвал коня, вскочил в седло и через минуту уже скакал по долине.

Пули засвистели вслед, уланы торопились в погоню. Но прежде чем они сели на коней и выехали за ворота, Карлос достиг опушки зарослей и скрылся из глаз; густая листва кустарника сомкнулась позади него.

Отряд улан под предводительством Роблado и Гомеса скакал следом за Карлосом. Но когда они приблизились к зарослям, к величайшему их изумлению, над кустами появилось десятка два голов, и дикий воинственный клич раздался им навстречу.

— Индейцы! Дикари! — закричали уланы, сдерживая коней, которые в панике поворачивали назад.

Приказано было остановиться и ждать подкрепления. Весь гарнизон подняли на ноги, чащу окружили и наконец решились войти в нее. Но индейцев обнаружить не удалось, хотя следы их лошадей и разбегались по чаще во всех направлениях.

Потратив несколько часов на не слишком решительные поиски, Роблado с уланами вернулся в крепость.

Глава XXXV

Гарсия был мертв. Вискарра не умер, хотя, когда его подобрали, могло показаться, будто ему недолго осталось жить, и по всему было видно, что он безмерно боится умереть. Лицо его было залито кровью, и на щеке остался кровавый след пули. Но он был жив и все время стонал и бормотал что-то. Внятно говорить он не мог — пуля, пронзившая щеку, выбила у него несколько зубов.

Он был ранен в лицо, и только. Ни малейшая опасность не грозила ему. Однако городской врач, молодой и не слишком опытный, не сразу мог успокоить своего пациента, и несколько часов кряду Вискарра оставался отнюдь не в блаженном неведении насчет своей судьбы. Военный доктор умер незадолго перед тем, и на смену ему в гарнизон еще не прислали другого.

Величайшее волнение царило весь этот день в крепости, да и в городе, конечно, тоже. Весь Сан-Ильдефонсо всколыхнули поразительные вести; точно степной пожар, пронеслись они по всей долине.

Рассказывали о случившемся по-разному. Одни говорили, что все поселение окружили дикари, которых ведет Карлос, охотник на бизонов; что дикарей, должно быть, видимо-невидимо — ведь они открыто напали на крепость, — но все же после ожесточенной схватки, в которой было немало убитых с обеих сторон, храбрые солдаты отразили нападение; офицеры все перебиты, в том числе и комендант, и в эту ночь надо ждать нового нападения — скорее всего, на город. Так говорили одни.

Но распространился и другой слух: будто восстали мирные индейцы, и это их, а не диких воинов ведет Карлос, охотник на бизонов. Это они безуспешно пытались напасть на крепость, но опять-таки храбрые солдаты отогнали их, причем обе стороны понесли большой урон, и в том числе погибли комендант и его офицеры; и все это лишь первая вспышка грандиозного заговора, в котором принимают участие все тагносы Сан-Ильдефонсо, и, вне всякого сомнения, сегодня ночью они снова нападут!

Тем, кто задумывался над этими слухами, они казались непонятными. Чего ради воинственные индейцы атаковали крепость, вместо того чтобы двинуться на почти беззащитный город или на богатые асиенды? И почему вдруг их предводителем оказался охотник Карлос? Почему именно он — он, которому дикари принесли столько несчастий? Кто же в Сан-Ильдефонсо не знал, что они похитили сестру Карлоса! Чтобы он возглавил нашествие индейцев — нет, это казалось слишком невероятным!

Ну, а заговор, восстание? Но ведь мирные индейцы повсюду спокойно работают на полях, и те, что служат в миссии, тоже заняты своими обычными делами. И если судить по вестям из рудников, там тоже не заметно никаких признаков заговора. Из двух распространившихся в долине слухов слух о восстании тагносов с охотником во главе казался наиболее правдоподобным. Все знали, что тагносы отнюдь не были довольны своей судьбой. Но сейчас ничто не указывало на такое восстание. Все тагносы заняты были своей повседневной работой. Кто же тогда мятежники? Итак, слухи казались совершенно невероятными.

Вскоре добрая половина горожан собралась перед крепостью; и после того как из уст в уста были переданы самые разнородные версии, стало наконец известно, что же произошло на самом деле.

Но и подлинные события были не менее загадочны и непонятны, чем слухи. Какая у охотника могла быть причина напасть на офицеров гарнизона? Кто были индейцы, его спутники? Воинственные или мирные? Дикари или повстанцы?

Всего любопытнее, что и сами солдаты, принимавшие участие в воображаемой «битве», не могли ответить на эти вопросы. Одни говорили одно, другие — другое.

Многие слышали разговор Карлоса с офицерами, но, сам по себе вполне естественный, в сочетании со всеми последующими событиями этот разговор лишь окончательно запутывал и без того загадочное дело. Солдаты ничего не могли объяснить, и горожане, отпра-

вившись по домам, продолжали спорить и обсуждать эту таинственную историю. Высказывали самые разнообразные догадки. Некоторые думали, что охотник здесь только затем, чтобы от чистого сердца просить о помощи против индейцев, а с ним были просто несколько тагносов, которых он тоже звал в погоню. Комендант же сперва пообещал помочь ему, а потом отказался от своих слов, и этим вызвано было странное поведение охотника.

Было и другое предположение, собравшее больше сторонников: что охотник наметил своей жертвой капитана Робладо. Всему причиной ревность. Ведь все знали, как под конец повел себя Карлос в день праздника, и немало смеялись над ним. Ну, а когда ему не удалось напасть на Робладо, он поспорил с комендантом... и так далее.

Эта догадка, хоть и не слишком похожая на правду, была подхвачена многими, так как неизвестно было, чем же на самом деле объяснялось поведение охотника. Только четыре человека в стенах крепости да трое вне ее знали настоящую причину. Все остальные о ней и не подозревали.

И все сходились в одном — единодушно осуждали Карлоса. Петля еще слишком хороша для него, и уж когда его схватят, он получит по заслугам! Всех возмущала его безграничная неблагодарность. Ведь только днем раньше эти самые офицеры со своими храбрыми солдатами оказали ему такую услугу, погнавшись за индейцами! Должно быть, он просто сошел с ума. Наверно, старуха-мать околдовала его.

Убить лейтенанта Гарсию! Всеобщего любимца! Проклятие!

Это была правда: лейтенанта любили все жители долины, быть может, не за какие-либо добродетели, а просто за то, что он совсем не походил на старших офицеров. Он был приветлив, никому не приносил вреда, и все уважали его.

В этот вечер во всем Сан-Ильдефонсо у охотника не было ни единого друга. Впрочем, нет. Один друг у него был. Одно сердце было полно такой же любви к нему,

как и прежде, — сердце Каталины, но и она не понимала, почему он вел себя так странно.

Но каковы бы ни были причины, она знала: Карлос не может быть неправ. Что ей вся клевета, все насмешки, которыми его осыпают! Что ей за дело, если он и убил человека! Он не сделал бы этого без серьезных оснований. Должно быть, ему нанесли какое-нибудь ужасное оскорбление. Каталина глубоко верила в это. Зная благородную душу Карлоса, она не могла думать иначе. Он — господин и повелитель ее сердца — не мог совершить ничего дурного.

Весть о случившемся едва не разбила сердце Каталины. Она означала разлуку — надолго, быть может, навсегда! Теперь Карлос не осмелится больше показаться в городе и вообще в Сан-Ильдефонсо. Его изгонят в прерии, будут преследовать, точно волка или свирепого бизона, быть может, схватят и убьют!.. Горьки были ее мысли. Когда теперь она увидит его? Быть может, никогда!

Глава XXXVI

Тем временем Вискарра лежал на своем ложе и стонал не столько от боли, сколько от страха за свою жизнь.

Если бы не это, он был бы вне себя от ярости, но страх смерти вытеснил все остальные чувства.

Впрочем, если бы он был уверен в своем выздоровлении, он все равно не знал бы покоя. Его воображение было расстроено страшным сном и всем тем, что произошло после. Хотя его окружали солдаты, он все равно боялся охотника на бизонов: ему казалось, что Карлос может сделать все, что захочет, и потом уйдет безнаказанно. Даже в собственной комнате, со стражей у двери, Вискарра не чувствовал себя в безопасности — рука мстителя может настигнуть его и здесь.

Теперь он, больше чем когда-либо, хотел избавиться от нее — от той, которая была всему причиной, но он понимал, что дело это деликатное и осуществить его теперь труднее, чем когда-либо. Неизбежно узнают, по-

чему Карлос так безрассудно покушался на его жизнь. слух об этом дойдет до высокого начальства, прикажут произвести расследование, а это его погубит, если только ему не удастся оградить себя от подозрений.

Так думал Вискарра, надеясь выздороветь; когда же он начинал сомневаться в этом, мысли его становились еще мрачнее.

Он с нетерпением ждал прихода Робладо, который намекал ему на какую-то возможность все уладить. Воинственный капитан все еще обыскивал заросли. Но вот появился Гомес и доложил, что тот решил оставить поиски и возвращается в крепость.

Для Робладо же события этого дня были, напротив, скорее приятны; наблюдая за ним, всякий мог бы убедиться в этом. Что действительно огорчило его, так это рана коменданта: ведь она была не смертельна! Робладо был опытнее врача и прекрасно это знал. Они с Вискаррой были не столько друзьями, сколько сообщниками, — их связывало соучастие в преступлениях, — и любой из них без сожаления порвал бы эту дружбу в ту самую минуту, когда оказалось бы, что порвать ее выгодно. Дружба это не помешала Робладо от всей души сожалеть о том, что пуля не попала в его «друга» чуть повыше или чуть пониже — в голову или в горло. Сожаление объяснялось не злобой или ненавистью к коменданту, а попросту тем, что, случись это, он мог бы извлечь выгоду для себя. Робладо давно мечтал подняться выше по служебной лестнице. Он не отличался скромностью и лелеял надежду, что в один прекрасный день станет начальником крепости. Умри Вискарра — и он тут же получит его пост. Но Вискарре не суждено было умереть сейчас, и мысль об этом несколько омрачала радость Робладо.

Да, он радовался. Ведь он и Гарсия были врагами. Они с давних пор невзлюбили друг друга, завидовали друг другу, вот почему Робладо ничуть не жалел о смерти лейтенанта. Но сегодняшняя драма давала еще один повод для радости, повод самый существенный, больше всего отвечавший желаниям и надеждам Робладо.

Хотя попытки охотника на бизонов завоевать благосклонность Каталины казались попросту нелепыми, все, что за последнее время узнал Робладо, пробудило в нем ревность. Мало того, он был сильно встревожен. Странная девушка эта Каталина де Крусес, она не раз проявляла редкостную твердость характера — такую не купишь и не продашь, как тюк товара. В последнее время она дала им — отцу и Робладо — хороший урок. Она топнула ножкой и пригрозила, что уйдет в монастырь, в могилу, если ее станут неволить. Она не отказала Робладо, то-есть не отказала прямо, но она настаивала на отсрочке, на праве дать ответ, когда надумает сама, и дону Амбросио пришлось согласиться.

Неудивительно, что капитана одолевало беспокойство. Не то чтобы он ревновал ее, хотя по-своему он ее любил, и его самолюбие было уязвлено при мысли о таком сопернике, но он опасался решительного характера Каталины и боялся, что от него ускользнет ее великолепное приданое. Такая женщина пойдет на любое безумство. Она может и впрямь уйти в монастырь, а то и на Равнины с этим ничтожеством, с этим охотником на бизонов. Такая женщина вполне способна на подобный шаг, это очень на нее похоже. Правда, в любом случае она не сможет захватить с собой свое состояние, но не все ли равно? Ведь ему-то, Робладо, оно тогда не достанется.

Ну, а теперь нечего больше опасаться охотника на бизонов: после случившегося он капитану уже не соперник. Жизнь его под угрозой. Он не только не может встретиться с Каталиной, он не отважится даже показаться в поселении. За этим будут неусыпно следить. И Робладо радовался при мысли о том, как он будет преследовать своего соперника, поймает его и расправится с ним.

Так думал бессердечный капитан — вот почему ему доставили удовольствие события этого дня.

Обшарив заросли и проследовав за предполагаемыми индейцами до самого плоскогорья, он возвратился вместе со своими уланами в крепость, чтобы подготовиться к более длительной погоне за беглецом.

Глава XXXVII

Приход Роблало успокоил Вискарру, которого терзали бессильная злоба и страх смерти.

Разумеется, разговор шел о последнем событии — Роблало рассказал о погоне.

— И вы действительно думаете, что с этим охотником был отряд дикарей? — спросил комендант.

— Нет, — ответил Роблало. — Сперва я так думал, вернее — солдаты так думали, и их доклады меня ввели в заблуждение. А теперь я уверен, что это были не индейские воины, а его друзья тагносы. Выходит, отец Хоакин был прав — у охотника на бизонов подозрительные знакомства. Мы давно уже могли арестовать его, это был вполне подходящий повод. Ну, а теперь нам и повода не надо. Он наш, если только мы его поймаем.

— Как вы думаете действовать?

— Ну конечно, он не так-то легко дастся нам в руки. Придется порядком потрудиться, прежде чем мы его схватим. Я вернулся снарядить людей, чтобы можно было подольше не возвращаться. Негодяи выехали из долины верхней дорогой и, наверно, направились в горы. Так и Гомес думает. Мы последуем за ними и попытаемся их нагнать. Нужно немедленно сообщить во все ближайшие поселения, чтобы Карлоса схватили, если он там появится. Только едва ли он это сделает.

— Почему вы так думаете?

— Почему? Да ведь старая-то ведьма, оказывается, жива! К тому же он надеется найти сестру и, уж конечно, будет рыскать вокруг Сан-Ильдефонсо.

— Ага! Вы правы, так оно и есть. Он ни за что не оставит меня в покое, пока она...

— Тем лучше. Тем скорее нам подвернется случай его захватить. Хотя это будет совсем не так легко, дорогой полковник, поверьте мне. Он осторожнее волка, а за его чортовым конем весь наш гарнизон не угонится. Парня надо заманить в ловушку, иначе его не поймать.

— И вы придумали ловушку?

— Кое-что есть у меня на уме.

— Что же?

— Видите, я уже говорил вам — у Карлоса есть причины рыскать здесь, неподалеку. Разок-другой он, наверно, навестит старую ведьму, но не больше. Другая приманка была бы вернее.

— Вы имеете в виду ее? — Вискарра указал на комнату, в которой заперли Роситу.

— Да. Говорят, он до глупости привязан к сестре. Так вот, если бы она находилась в таком месте, куда он мог бы прийти, ручаюсь вам, он навестил бы ее. А мы устроили бы там засаду.

— В каком месте? Где? — нетерпеливо спросил Вискарра.

— Где-нибудь поблизости от их родного ранчо. Там уж ей найдут пристанище. Если вы согласитесь ее отпустить на время, вы легко вернете ее после — вам никто не помешает, когда мы разделаемся с этим Карлосом.

— Соглашусь ли я? Да ведь я только этого и хочу! Пока она здесь, мне не будет покоя. Нам с вами обоим грозит беда, если пойдут толки. Ведь если слух дойдет кое-куда, мы пропали. Разве не так?

— Да, пожалуй, тут вы отчасти правы. О смерти Гарсии нельзя не доложить, а когда узнают, начнут доискиваться причин. Нам надо сочинить собственную версию, и как можно более правдоподобную. На нас не должно пасть и тени подозрения, нельзя дать никакого повода для толков, так что хорошо бы сейчас спровадить ее.

— Но как спровадить? Вот что меня беспокоит. Если мы отправим ее домой, это вызовет еще больше подозрений. Как это объяснить? Не могут же индейцы ее вернуть! Вы говорили, у вас есть какой-то план?

— Думаю, что есть. Но сперва объясните мне, полковник, что вы имели в виду, когда называли ее сумасшедшей?

— Она помешалась. Она и теперь сумасшедшая. Мне Хосе сказал: мелет всякую чепуху, не понимает, что ей говорят. Я просто в ужасе, Роблადо!

— Она не понимает, что ей говорят? Вы уверены?

— Уверен.

— Тем лучше. Значит, не запомнит, где она сейчас и где была. Теперь я знаю, как от нее избавиться. Нет ничего проще. Она вернется домой и скажет, что была в плену у индейцев, если будет способна говорить. Ну как, удовлетворит вас это?

— Еще бы! Но как это устроить?

— Очень просто, дорогой комендант. Вот послушайте. Гомес и Хосе, как и в тот раз, нарядятся индейцами и сегодня ночью или завтра на рассвете увезут ее отсюда, а куда — это я им укажу. Куда-нибудь в горы. Дальше или ближе — не имеет значения. Утром их всех найдут, причем девушка будет связана, точно пленница. А если к тому времени рассудок к ней вернется и она сама тоже вообразит, что она их пленница, — еще лучше. Ну вот, я с солдатами преследую Карлоса и случайно наталкиваюсь на этих индейцев. Можно выстрелить по ним разок-другой на безопасном расстоянии, чтобы никого не задеть. Они удирают, бросив пленницу, мы спасаем ее и привозим обратно в город, а там уж мы ее сбудем с рук. Ха-ха-ха! Как вам нравится моя выдумка, полковник?

— Великолепно! — ответил Вискарра. Предвкушая осуществление этого плана, он, видимо, успокоился.

— Да это самого чорта собьет с толку. Мы не только отведем от себя подозрения, но и прибавим себе славы. Как же! Удачная операция против дикарей! Вызволили пленницу! Возвратили ее родным! И кого же? Сестру того самого человека, который покушался на вашу жизнь! Поверьте, комендант, даже сам охотник, если это может вас порадовать, будет одурачен. Если только она сумеет связать два слова, она поклянется, что все время была в плену у дикарей. Даже своему брату она повторит эту чепуху.

— Превосходный план! Надо все это сделать сегодня же ночью.

— Ну конечно! Как только солдаты разойдутся по казармам, Гомес может выехать с нею отсюда. Гоняться за Карлосом я сегодня не стану — говоря по совести,

не вижу в этом смысла. У нас одна возможность его захватить: расставить ему западню, девушка будет приманкой. Потом мы это устроим, вы можете больше не тревожиться. Завтра в полдень я явлюсь к вам с докладом: отчаянная схватка с хикариллами или ютами, несколько индейцев убито, освобождена пленница, солдаты доблестно сражались, рекомендую капрала такого-то повысить в чине, и так далее. — И капитан расхохотался.

Вискарра вторил ему; пожалуй, он не стал бы смеяться, если бы Робладо не успел уверить его, что рана его неопасна и через недельку-другую совсем затянется.

Свои уверения Робладо подкрепил тем, что обозвал доктора олухом и наградил его еще другими бранными эпитетами. Вот почему, освободившись от страха неминуемой смерти и от другой терзавшей его мысли, Вискарра вновь обрел душевное равновесие, которого был лишен за последние сутки. Теперь им безраздельно завладело иное желание — желание отомстить Карлосу.

* * * * * * * *

Поздно вечером, как только отзвучала вечерняя зóря и солдаты разбрелись по казармам, небольшая группа всадников выехала из ворот крепости и направилась по дороге, ведущей в горы. Всадников было всего трое. В одном из них, закутанном с головы до ног и сидящем на муле, можно было узнать женщину. Двое других в странном одеянии, причудливо разрисованные и украшенные перьями, походили на воинов-индейцев. Но то были не индейцы, а испанские солдаты, переряженные индейцами. Это сержант Гомес и улан Хосе увозили из крепости сестру охотника на бизонов.

Глава XXXVIII

Карлос уже достиг зарослей, а его преследователи еще только отъезжали от стен крепости. Гнаться за ним можно было, разумеется, лишь верхом, а на то, чтобы

оседлать коней и взять оружие, требовалось время. Поэтому Карлос уже не боялся, что его нагонят, и не стал запутывать след. Он был уверен в своем скакуне и знал, что уйдет из-под носа у преследователей и ему незачем скрываться в зарослях.

Пробираясь к ожидавшим его друзьям, Карлос уже не думал больше о собственной безопасности и тревожился только о доне Хуане и его спутниках. Он вдруг понял, в каком трудном положении они оказались. Как им удастся ускользнуть?

Не успел он пересечь и половины открытого пространства, а беспокойство о друзьях уже заглушило в нем всякий страх за собственную жизнь, и он представлял себе, что надо сделать. Он не станет углубляться в заросли, а направится сразу к тропе, ведущей на Утес загубленной девушки. Уланы поскачут той же дорогой, а тем временем дон Хуан и тагносы успеют скрыться.

Карлос воспользовался бы этим планом, если бы мог положиться на благоразумие дона Хуана, но он опасался так поступить. Дон Хуан горяч и не слишком дальновиден. Заметив, что за Карлосом погоня, он, конечно, сочтет своим долгом, как они и условились, выйти с людьми из чащи, а именно этого Карлос и не хотел. Вот почему он помчался галопом прямо туда, где дон Хуан со своими спутниками, не слезая с коней, ждали его в засаде.

— Слава богу, с тобой ничего не случилось! — воскликнул дон Хуан. — Но они гонятся за тобой. Вон они скачут, и сколько их!

— Да, — ответил Карлос, бросив взгляд назад. — Но они очень отстали.

— Что же нам делать? — спросил дон Хуан. — Рассеяться в кустах или держаться всем вместе? Ведь они скоро будут здесь.

Карлос задумался и ответил не сразу. У них было три более или менее верные возможности спастись: первая — рассеяться в зарослях, как предлагал дон Хуан; вторая — держаться вместе и немедленно отступить той же дорогой, по которой они прискакали сюда, но только не показываясь на глаза преследователям; и, нако-

нец, — не скрываться, появиться перед ними, а уж затем уходить той же дорогой. Вступить в бой при сложившихся обстоятельствах было бы безрассудно и бесполезно.

Охотник не привык долго раздумывать, он взвесил эти планы мгновенно. Первый он тотчас же отбросил. Рассеяться в чаще — значит пойти на жертвы. Лес невелик, какие-нибудь две мили в ширину, хотя и вдвое больше в длину. Солдат здесь столько, что они легко могут окружить его, и они, конечно, не преминут это сделать. Заросли прочешут вдоль и поперек, переловят половину людей, сочтут их причастными к происшествию в крепости и сурово накажут, а то и просто застрелят на месте, несмотря на то что нет никаких доказательств их вины.

Карлос применил бы второй план — попытался бы пробраться через заросли, не показавшись преследователям, но он опасался, что их настигнут до наступления ночи. Мулы под тагносами уже притомились, а у большинства солдат хорошие, быстрые кони. Если бы не это, всем им удалось бы скрыться незамеченными, и тогда дон Хуан и его люди не навлекли бы на себя подозрения в соучастии. А это было бы так важно для будущего... И, однако, о втором плане нечего было и думать. Карлос принял третий.

На эти размышления у охотника ушло вдвое меньше времени, чем у вас на то, чтобы прочитать о них. Не прошло и нескольких секунд, как Карлос ответил дону Хуану, возвысив голос настолько, чтобы его услышали и все остальные. Его ответ был приказом:

— Все до одного — вперед через заросли! Высуньтесь из кустов, но чтобы видны были только головы, плечи и луки. Испустите боевой клич! Тут же поворачивайте назад и рассейтесь во все стороны! За мной!

Наскоро отдав эти распоряжения, Карлос ринулся в заросли и вскоре вынырнул у опушки. Почти одновременно, вытянувшись в неровную линию, показались тагносы; с одной стороны их охранял дон Хуан, с другой — Антонио. Размахивая над головой луками, они

испустили воинственный боевой клич, словно и в самом деле были дикими индейцами.

Даже на небольшом расстоянии лишь наметанный глаз мог заметить, что эти индейцы — тагносы, а не дикие воины. Головы почти у всех были обнажены, длинные волосы развевались на ветру; по внешнему виду они и впрямь мало чем отличались от своих соплеменников из прерий. У всех были луки — оружие, которым и до сих пор пользуются мирные индейцы, если уж дело доходит до боя, и их боевой клич звучал не менее грозно, чем клич некоторых племен, называемых обычно «воинственными», «дикими». Многие из спутников Карлоса еще не так давно принимали участие в сражениях. Многие лишь совсем недавно стали мирными тружениками.

Их появление произвело именно тот эффект, на какой и рассчитывал охотник на бизонов. Солдаты неслись вперед беспорядочными кучками, некоторые были уже на расстоянии трехсот шагов от зарослей; теперь от неожиданности они осадили лошадей. Передние тотчас повернули бы обратно, если бы не увидели, что новый большой отряд улан выезжает из крепости.

Преследователи растерялись. Они были уверены, что в зарослях дикие индейцы и что их там несметное множество. Их уверенность подкреплялась событиями последнего времени — ведь солдаты верили, что все эти дни они как раз и гонялись за дикарями. И вот теперь те сами напали на них! Вот почему уланы остановились на равнине, ожидая подкрепления.

Карлос предвидел такое действие своей уловки. Он приказал своим товарищам без шума отойти назад, под прикрытие кустов; и вскоре все они собрались в том самом месте, где недавно стояли в засаде.

Теперь их повел через заросли Антонио — только не к Утесу загубленной девушки, а тропой, которая вела к другому подъему на плоскогорье. Когда они, отъехав на добрые три мили от своей засады, пробирались среди скал наверх, издали они увидели заросли и раскинувшуюся позади долину. На открытом пространстве перед зарослями все еще разъезжали храбрые сол-

даты; они так и не решились проникнуть в чащу, где, как они думали, притаились свирепые дикари.

Карлос и его спутники поднялись на плоскогорье, круто повернули на север и направились к ущелью, которое было примерно в десяти милях отсюда; однако, пока они пересекали прерию, позади не показался ни один преследователь.

Ущелье тянулось на восток и выходило к нижнему течению Пекоса. Это было русло потока, наполнявшееся водой только в дождливую пору, а теперь совсем пересохшее. Дно устилала мелкая галька, на которой почти нельзя различить следов: лошади лишь смещают камешки, не оставляя знаков, которые может прочитать следопыт. Здесь старые отпечатки невозможно отличить от новых.

Карлос и его спутники спустились в ущелье; они проехали миль пять-шесть вниз по пересохшему руслу и сделали привал. Привал нужен был Карлосу для того, чтобы рассказать остальным, как им действовать дальше; у него был план, который он тщательно продумал за последние час-два.

До сих пор никто из них, кроме него самого, не был скомпрометирован, и он вовсе не хотел, чтобы это случилось. Это могло ему только повредить. Дон Хуан и Антонио не показывались из зарослей, а темные лица остальных, промелькнувших на мгновение за кустами куманики, испуганные солдаты, конечно, не могли узнать. Поэтому, если дон Хуан и его пеоны вернутся домой незамеченными, для них все может окончиться благополучно. Это вполне возможно. Снаряжая свой отряд, Карлос действовал с большой осторожностью. Они выехали в тот ранний час, когда люди еще спят, и никто их не видел. А до того как распространился слух о происшествии в крепости, никто в долине не знал даже, что охотник на бизонов возвратился. Никто не видел, когда разгружали его мулов, и пас их теперь один из пеонов далеко от его ранчо. Таким образом, если бы солдаты до завтрашнего дня не появились в долине, дон Хуан и его пеоны успели бы вернуться ночью домой и приняться за свои повседневные дела, не возбу-

див ничьих подозрений. Разумеется, Роблало будет там утром, но вряд ли раньше. Надо полагать, прежде всего он отправится в погоню за ними, а эта дорога ведет в сторону, почти противоположную от дома дона Хуана. Солдатам Роблало понадобится по крайней мере целый день, чтобы следовать по всем ее извилинам. И, конечно, преследователи все равно не узнают, куда направились Карлос и его люди после привала, так как его новый план хоть кого собьет с толку.

В общем, было решено, что дон Хуан со своими пеонами возвратится домой; обратно на ранчо уйдут и пеоны Карлоса; они покроют дом новой крышей — только это и нужно было сделать после пожара, так как стены уцелели, — и останутся там, словно ничего и не случилось. Не призовут же их к ответу за дела хозяина!

О том же, где укроется теперь сам Карлос, не должен знать никто, кроме одного-двух верных друзей. Он, конечно, сумеет найти себе пристанище. И в открытой прерии и в какой-нибудь пещере в горах он все равно что дома. Он обойдется и без крыши над головой. Звездное небо ему милее, чем раззолоченный потолок какого-нибудь дворца.

Тагносам велели хранить тайну. Обошлось без клятв. Тагносы — люди не из болтливых, к тому же они знали, что их собственная безопасность, а может быть, и жизнь зависит от их молчания.

Наконец обо всем уговорились, но Карлос и его спутники задержались на привале почти до захода солнца. Потом все сели на коней и мулов и снова поскакали вниз по руслу.

Когда они отъехали примерно с милю, один из тагносов выбрался по склону из ущелья и направился через прерию к югу. Он должен был возвратиться в долину тропинкой, ведущей на окраину Сан-Ильдефонсо. Этой тропки он достигнет только к ночи, и, конечно, вряд ли кто-нибудь встретится ему: ведь вокруг рыщут «дикие» индейцы!

Немного спустя из ущелья выбрался второй тагнос и поехал почти в том же направлении, что и первый. Затем их примеру последовал еще один, потом еще

и еще... и наконец в ущелье остались только дон Хуан, Антонио и Карлос. Тагносам велели добираться домой разными дорогами, а более сметливых направили самыми запутанными тропками. И вряд ли в крепости нашелся бы такой солдат, который мог бы их выследить.

Карлос и два его спутника покинули ущелье последними, тоже повернули вправо и въехали в долину Сан-Ильдефонсо у самого ее конца. Было уже совсем темно, но все трое хорошо знали дорогу и к полуночи достигли дома молодого скотовода.

Они не решились подъехать к дому, не произведя сначала разведки. Но оказалось, что все спокойно и солдаты здесь еще не появлялись.

Карлос поспешно обнял мать, рассказал о том, что произошло за день, дал кое-какие наставления дону Хуану и, вскочив в седло, простился с ними.

За ним следовал Антонио с мулом, навьюченным съестными припасами. Они выехали из долины и направились к Льяно Эстакадо.

Глава XXXIX

На следующий день опять произошло событие, взволновавшее жителей Сан-Ильдефонсо, и без того взбудораженных рядом необычайных происшествий.

Около полудня через город в крепость возвращались уланы, посланные на поиски убийцы — так теперь называли Карлоса. Никаких следов его они не нашли, но в предгорьях натолкнулись на большой отряд воинственных индейцев. Произошла отчаянная схватка, было убито много индейцев, но, как обычно, оставшиеся в живых ухитрились унести трупы товарищей, вот почему солдаты возвратились без их скальпов. Однако они захватили гораздо более существенный трофей — молодую девушку, родом из Сан-Ильдефонсо, которую они вызволили из рук индейцев. Как полагает капитан Роблադо, доблестный начальник экспедиции, это та самая девушка, которая была похищена несколько дней назад из ранчо в дальнем конце долины.

Капитан и несколько человек, находившихся при спасенной пленнице, остались на площади, остальные вернулись в крепость.

У Робладо были свои причины избрать именно этот путь, вовсе не самый короткий, и задержаться в городе. Прежде всего он хотел сдать свою подопечную местным властям. Затем пускай все горожане своими глазами увидят, что это он ее привез: ведь она — живое доказательство того, какой великий подвиг он совершил. И, наконец, для него это удобный случай покрасоваться перед неким балконом.

Капитан осуществил все три свои намерения, но не все вышло так, как ему хотелось. Не умолкала труба, возвещая о прибытии солдат, спасенная пленница находилась среди них на виду, и конь капитана Робладо — не без помощи острых шпор — гарцевал самым невероятным образом, но все понапрасну: Каталина на балкон не вышла. Ее не видно было среди конторщиков и слуг, и когда гордый победитель отъехал от балкона, торжество на его лице сменилось угрюмым разочарованием.

Через несколько минут он спешился перед Домом капитула и передал девушку с рук на руки алькальду и другим отцам города. Эта церемония сопровождалась цветистой речью, в которой приводились некоторые потрясающие подробности спасения пленницы, выражено было сочувствие ее родителям, кто бы они ни были, а под конец оратор высказал предположение, что несчастная жертва, наверно, и есть та самая девушка, которую похитили индейцы несколько дней назад,

Все это выглядело как нельзя более правдоподобно и убедительно. Робладо, сдав свою подопечную алькальду, сел на коня и отъехал, сопровождаемый бурей восторгов; отцы города провожали его громкими славословиями, жители — рукоплесканиями и криками «viva».

— Да вознаградит вас бог, капитан! — доносилось до его слуха, когда он выбирался из толпы.

Проницательный наблюдатель заметил бы в этот миг странное выражение, промелькнувшее в уголках глаз

Робладо, — иронию и вместе с тем сильное желание рассмеяться. И действительно, доблестный капитан едва не расхохотался в лицо восторженной толпе. Он сдерживался лишь потому, что хотел насладиться шуткой вместе с комендантом — к нему он теперь спешил.

Но вернемся к пленнице.

Обступившая ее толпа жаждет удовлетворить свое любопытство. Как ни удивительно, но именно это чувство преобладает. Сочувствия почти незаметно, хотя при подобных обстоятельствах его следовало бы ожидать. Лишь очень немногие произносят: «Бедняжка!», и эти немногие — преимущественно бедные темнокожие туземки.

Хорошо одетые лавочники — испанские переселенцы и креолы, мужчины и женщины, — смотрят на девушку равнодушным взглядом или с любопытством зевак, жадных до чужой беды.

Такое равнодушие к чужому страданию вовсе несвойственно народу Новой Мексики — вернее, женщинам этой страны, — ибо если мужчины там и жестоки, то женщины добры и отзывчивы.

Поведение их могло бы показаться странным, однако в данном случае для этого были основания. Они знали, кто такая эта спасенная девушка, знали, что она сестра охотника на бизонов — сестра Карлоса-убийцы! Это и заглушало в них лучшие чувства.

Карлос навлек на себя всеобщее негодование. Местные жители называли его не иначе, как злодеем, разбойником, неблагодарным. Каков негодяй! Убить славного лейтенанта, любимца всей округи! И что могло его толкнуть на это? Наверно, ссора из-за пустяков или ревность! В самом деле, что толкнуло его на это? Какая иная причина могла быть у этого дьявола, этого белоголового еретика, если не жажда крови? Неблагодарный негодяй! Покушаться на жизнь доблестного коменданта, того самого коменданта, который не жалел сил и трудов, стараясь вырвать сестру убийцы из рук дикарей-индейцев!

И наконец комендант добился своего. Подумать только: вот она здесь, она возвратилась домой, живая

и невредимая, благодаря коменданту. Ведь это он послал своего капитана и солдат разыскивать ее — сестру человека, который чуть не убил его. Дьявол! Убийца! Разбойник! Они рады бы увидеть его на виселице. Добрый католик никогда бы так не поступил, только грешник, еретик, кровожадный американец мог это сделать! Уж он получит по заслугам, когда его поймают!

Такие чувства волновали всех жителей долины, за исключением бедных рабов — порабощенных индейцев — и нескольких креолов. Впрочем, и они не одобряли поступков Карлоса, хотя в них силен был мятежный дух и они всем сердцем ненавидели испанский режим.

Неудивительно, что при таком отношении к охотнику на бизонов несчастная девушка, его сестра, вызывала так мало сочувствия.

Никто не сомневался в том, что освобожденная пленница — его сестра, хотя лишь немногие из присутствующих знали их. Ее брат, такой знаменитый теперь, до праздника святого Иоанна был почти неизвестен горожанам. Он редко бывал в городе, а его сестра еще реже, и только очень немногие из стоявших здесь видели ее прежде. Но сходство было несомненное. Такие прелестные золотые волосы, белоснежную кожу, яркий румянец на щеках редко увидишь в Северной Мексике, хотя где-нибудь в другой части света они никого не удивят. А в объявлениях, расклеенных по стенам, описывались именно эти приметы «убийцы». Разумеется, это его сестра. К тому же здесь были люди, видевшие Роситу на празднике, где ее красота вызвала не только восхищение, но и зависть.

Росита была, как всегда, прекрасна, только румянец на ее щеках поблек и какое-то странное, дикое выражение появилось во взоре. На обращенные к ней вопросы она либо не отвечала совсем, либо что-то невнятно бормотала. Она сидела молча; лишь порой у нее вырывались какие-то бессвязные, странные возгласы; несколько раз она повторила слова «индейцы» и «дикари».

— Она помешалась, — говорили люди друг другу. — Ей кажется, что она все еще у дикарей.

Возможно, что так оно и было. Конечно, ее окружали не друзья.

Алькальд спросил, нет ли среди присутствующих ее родных или знакомых, кому он мог бы ее доверить.

Из толпы вышла какая-то простая девушка, которая только что здесь появилась: она знает бедняжку; она позаботится о ней и проводит домой.

Вместе с этой девушкой была индианка, вернее — метиска, повидимому, ее мать. Они увели спасенную пленницу. Вскоре все разошлись по домам и занялись своими обычными делами.

Росита и ее спутницы свернули в узкую улочку, прорезавшую предместье, где ютилась беднота, миновали ее и оказались за пределами города. Затем, пройдя несколько сот ярдов по глухой тропинке в зарослях, они вышли к небольшому заброшенному ранчо и там скрылись. А через несколько минут к дверям подъехала повозка, запряженная волами, которыми правил пеон.

Девушка вышла из дому, ведя Роситу за руку, и обе сели в повозку.

Они уселись на охапку сена, брошенную на дно повозки, и пеон погнал волов. Выехав из зарослей, повозка покатила по большой дороге, ведущей к последним фермам на краю долины.

Девушка смотрела на Роситу жалостливым взглядом; она помогла ей поудобнее устроиться, чтобы та как можно меньше страдала от тряски; она подбадривала ее ласковыми словами, однако говорила с нею не как с подругой или старой знакомой. Ясно было, что эта девушка никогда раньше не видела Роситу.

Когда они проезжали по глухому участку дороги, примерно в миле от города, позади показался быстро скачущий всадник. Через несколько минут он уже нагнал их. Под всадником красовался великолепный мустанг; сразу видно было, что этого коня берегут и холят — он был резвый и игривый, а бока его так и лоснились.

Всадник подъехал к повозке и велел пеону остановиться; мелодичный голос сразу же выдал во всаднике женщину, а нежные щеки, шелковистые волосы и тонкие черты лица свидетельствовали о том, что это настоящая сеньорита. Неудивительно, что на расстоянии ее можно было принять за мужчину: на плечи было накинуто простое серапе, широкие поля сомбреро почти совсем скрыли черные блестящие волосы, и сидела она в седле по-мужски, как заправский наездник-мексиканец.

— Это вы, сеньорита? — удивленно и вместе с тем почтительно сказала девушка в повозке.

— А ты не узнала меня, Хосефа?

— Нет, сеньорита. Ох, горе мне! Где же вас узнать, когда вы так нарядились?

— А как нарядилась? Самый обыкновенный костюм!

— Конечно, сеньорита, только не для такой важной сеньоры, как вы!

— Да, видно, меня никак нельзя узнать в этом наряде. Я встретила нескольких знакомых, и они мне не поклонились! — Всадница засмеялась.—Бедняжка!.. — продолжала она, вдруг изменив тон и сочувственно глядя на спутницу Хосефы. — Сколько ей пришлось выстрадать! Бедная девочка! Боюсь, что мне сказали правду. Святая дева! Как похожа...

Сеньорита не договорила. Позабыв о присутствии Хосефы и пеона, она высказала вслух свои мысли. Последние слова невольно сорвались с ее уст.

Спохватившись, она испытующе посмотрела на них обоих. Пеон был занят волами, зато лицо девушки загорелось любопытством.

— На кого похожа, сеньорита? — спросила она простодушно.

— На одного моего знакомого. Это не имеет значения, Хосефа. — Сеньорита поднесла палец к губам и многозначительно посмотрела в сторону пеона.

Хосефа, которая знала ее тайну и догадывалась, кто этот знакомый, промолчала.

Сеньорита подъехала ближе к повозке со стороны,

где сидела Хосефа, и, наклонившись к ней, прошептала:

— Оставайся там до утра, все равно ты не успеешь вернуться засветло. Останься — может быть, ты что-нибудь услышишь. Приходи пораньше, но не домой, а к заутрене. Смотри не опоздай. Я буду в церкви. Постарайся увидеться с Антонио. Отдай ему вот это. — Алмаз на золотом кольце сверкнул на мгновение в пальцах сеньориты, и тотчас Хосефа зажала его в руке. — Скажи ему, для кого, а кто послал — это ему незачем знать. Вот тебе деньги на расходы и еще немного, чтобы дать ей. Нет, лучше дай ее матери, если только она согласится принять.

На колени Хосефы упал кошелек.

— Разузнай что-нибудь. Разузнай, милая Хосефа!.. До свиданья! До свиданья!

Последние слова сеньорита произнесла второпях; повернув своего лоснящегося мустанга, она поскакала обратно к городу.

Она могла не сомневаться, что Хосефа последует ее наставлениям остаться там до утра — девушка была не меньше, чем сама сеньорита, заинтересована в этой поездке.

Хорошенькая Хосефа была невестой метиса Антонио, и удалось бы ей увидеть его или нет, она не собиралась торопиться домой. Если она увидит его, тем приятнее будет задержаться на ранчо; если же нет, она задержится в надежде на встречу.

Простая повозка, казалось, вдруг превратилась в прекрасный экипаж с рессорами и бархатными подушками — Хосефа слышала, что есть такие, хотя никогда их не видела: ведь в руках у нее кошелек, полный монет, шестой части которых хватит на все расходы, и ей предстоит встретиться с Антонио!

Сердобольная девушка перетряхнула сено, положила голову Роситы себе на колени, укрыла ее своей шалью, чтобы не пронизывала вечерняя сырость, и велела пеону трогать. Тот громко крикнул на волов, ткнул их стрекалом, и они снова потащили повозку по пыльной дороге.

— Вот тебе деньги на расходы, — сказала сеньорита.

Глава XL

Ходить к заутрене — для мексиканских сеньор модный обычай, особенно для тех из них, которые живут в больших и маленьких городах. Только забрезжит рассвет — и они выходят из широких дверей своих домов и спешат по городским улицам к церкви, где оглушительно звонит колокол. Сеньоры закутаны (богатые — в шелковые шарфы и мантильи, а кто победнее — в скромные аспидно-черные шали) так плотно, что их невозможно узнать. Каждая держит под складками переплетенную книжечку — молитвенник.

Последуем за ними в храм и посмотрим, что там происходит.

Если вы опоздаете к началу и, войдя, встанете у двери, то увидите несколько сот коленопреклоненных людей — вернее сказать, увидите их спины.

Спины эти отнюдь не одинаковы — так же, как не бывает одинаковых лиц. Они самых различных очертаний, размеров, цвета и общественного положения. Вы заметите здесь спины сеньор в мантильях; иные позволили этому элегантному одеянию соскользнуть на плечи, тогда как у других голова совсем скрыта под ним, — вот вам уже два разных стиля. Увидите вы здесь и спины миловидных простолюдинок с грациозно перекинутым назад концом шали, и спины их матерей в шали, повисшей без намека на изящество и, может быть, не совсем даже чистой. Вы разглядите и спину лавочника, едва прикрытую короткой холщовой курткой, спину водовоза, обтянутую поношенным кожаным камзолом, спину щеголя, задрапированного в мягкий нарядный шерстяной плащ, и рваное серапе бедняка, городского парии. Перед вами предстанут спины широкие и узкие, прямые и сутулые; не исключена возможность, что вы увидите и один-два горба, особенно в церкви большого города. Но в какую мексиканскую церковь вы ни зашли бы во время богослужения, я обещаю вам, что вы узрите всевозможнейшие спины. Однако они не будут расположены в каком-либо порядке, отнюдь нет. Спина сеньоры в мантилье может ока-

заться втиснутой меж двух грубых, засаленных шалей, а спина одетого в полосатое или в крапинках серапе бедняка окажется рядом с великолепным шерстяным плащом какого-нибудь франта. Я не несу ответственности за размещение всех этих спин, обещаю вам только большое их число и разнообразие.

Единственное лицо, которое, скорее всего, будет обращено к вам, — это бритая физиономия тучного патера, облаченного в полотняную сутану. Когда-то она, несомненно, была белой и чистой, но теперь у нее такой вид, словно ее кинули в корзину для грязного белья, но по какому-то недоразумению вернули, так и не выстирав. Патер столь же мало похож на праведника, как и самый закоренелый грешник его паствы. Вот он мечется по небольшому возвышению то с жезлом, то с кадилом курящегося ладана, а вот он взял и куколку — изваяние святого. Вы услышите какую-то тарабарщину из скверной латыни, которую он бормочет во время этого представления. В эти минуты вы непременно вспомните игру мистера Робина или пьесу «Великий маг», если вам довелось их посмотреть.

Вскоре до вас донесется позвякиванье колокольчика, которое удивительно преобразит все эти спины. Ненадолго вы увидите их в самом странном положении — не в вертикальном, как надлежит быть спинам, а сникнувшими и скособочившимися. Пока они будут отдыхать, возможно, мелькнет и лицо, но только в профиль, и если оно красиво, то заставит вас забыть о спине. Впрочем, тогда перед вами будет уже не спина, а скорее бок. Быть может, профиль поразит вас красотой, но, уж наверно, не набожным выражением. Вы заметите глаз, посматривающий кокетливо и лукаво, а если вы наблюдательны, то увидите и другой профиль, более грубо очерченный, к которому эти кокетливые, лукавые взгляды обращены. Это происходит в те минуты, когда спины, отдыхая, обвисают. Как они добиваются такой позы, вам покажется загадкой, анатомической головоломкой, а между тем это очень просто. Такое положение легко дается тому, кто знает, как это делается: стоит только перенести опору с колен на бедра.

Немудрено, что вы изумились, ибо, замаскированная мантильями, шарфами, шалями и юбками, эта хитрость проделывается весьма искусно.

Но вот зазвонил колокольчик — и спины снова выпрямились. Для этих богомольцев его звон то же самое, что для солдат команда «смирно». Как только он звякнет, спины, подтянувшись, мгновенно становятся на несколько дюймов выше. Патер еще раз бормочет молитву пресвятой деве и «Отче наш» и разыгрывает еще одну пантомиму, а спины остаются тем временем застывшими в неподвижности. И вдруг они снова укорачиваются, как прежде, мелькают профили, они обмениваются кивками и лукавыми взглядами, и так до тех пор, пока опять не зазвонит колокольчик. Тут патер начинает третий тур представления, за ним следует четвертый и так далее, пока богослужение не закончится.

Каждое утро, еще задолго до завтрака, повторяется в мексиканской церкви это смехотворное коленопреклонение и бормотанье молитв. Заняты этим и мужчины и женщины, хотя среди представительниц слабого пола богомолок гораздо больше, и в числе ревностных молельщиц много сеньор местного высшего света.

Что же заставляет всех этих людей вставать с постели в столь ранний час, дрожать от холода на улицах и мерзнуть в церкви? Что это — вера или суеверие? Благочестие или ханжество? Разумеется, многие из этих глупцов и в самом деле верят, что все это угодно богу: они механически преклоняют колени и твердят молитвы, а за это на них снизойдет милость господня. Однако среди самых ревностных посетителей заутрени, безусловно, много и таких, которых волнуют совсем иные чувства. В стране, где мужчины ревнивы, женщины особенно предприимчивы и хитры, этот ранний час — для них золотая пора. Ведь только на редкость ревнивый страж решится в эти холодные часы встать с постели.

Дождитесь конца представления у дверей храма. Там стоит большая чаша святой воды. Выходя из церкви, каждый погружает руку в эту чашу и окропляет

себя водой. Вот маленькая, вся в кольцах рука на мгновение окунает кончики пальцев в сосуд — и тут же ловко передает любовную записку кавалеру в плаще. Возможно, вы увидите, как богатая сеньора, тщательно закутанная в серапе, уходит из церкви в направлении, противоположном тому, откуда она пришла. Ну, а если вы столь любопытны, что пренебрежете приличиями и последуете за ней, то, пожалуй, окажетесь свидетелем запретного свидания в глухом переулке или где-нибудь в тополевой аллее.

Утро в мексиканском городе столь же богато приключениями, как и ночь.

* * * * * * * *

Едва лишь колокол церкви Сан-Ильдефонсо стал сзывать к заутрене, из ворот одного из самых больших и богатых домов города выскользнула женщина. Рассвет чуть брезжил; женщина была закутана с головы до пят, однако ее высокая, стройная фигура, достоинство и грация осанки, легкая горделивая походка выдавали важную сеньору. Подойдя к церкви, она остановилась и огляделась по сторонам. Лицо ее скрывали складки низко опущенной мантильи, но по тому, как она стояла, как поворачивала голову то вправо, то влево, ясно было, что она пристально вглядывалась в богомольцев, которые, словно тени, приближались в предрассветном сумраке. Она, несомненно, ждала кого-то и, судя по нетерпеливому взору, каким она окидывала каждого появлявшегося на площади, тот, кого она ждала, был ей очень нужен.

Наконец к церкви подошел последний богомолец. Оставаться дольше на улице не имело смысла. С видимым разочарованием сеньорита проскользнула через портал и исчезла за дверью. Еще мгновение — и она уже стояла на коленях перед алтарем, повторяя слова молитвы и перебирая четки.

Но не она последней вошла в церковь; вскоре появилась еще одна прихожанка. Когда сеньорита уже входила в храм, на дальний угол площади выехала по-

возка и там остановилась. С повозки соскочила молодая девушка; быстро перебежав через площадь, она прошла в портал. На вновь пришедшей была пунцовая юбка, вышитая кофточка и шаль — так одевается в этих краях беднота, простонародье. Девушка была простая крестьянка.

Она вошла в церковь, но, прежде чем опуститься на колени, внимательно оглядела ряды спин. На одной из них, окутанной мантильей, взгляд ее задержался. Она узнала ту самую сеньориту, о которой мы говорили. Девушка, видимо, успокоилась; проскользнув меж спин, она опустилась на колени рядом с сеньоритой так близко, что их локти почти соприкасались.

Она проделала все это совсем бесшумно, и сеньорита не заметила свою новую соседку, лишь легкий толчок в локоть заставил ее поднять голову и оглянуться. Лицо ее осветилось радостью, однако губы продолжали твердить молитву, словно ничего не произошло.

Но вот раздался сигнал, возвещавший, что можно немного отдохнуть, и две коленопреклоненные фигуры — сеньорита и простолюдинка — склонились друг к другу; руки их сблизились. Еще мгновение — и из-под шали показалась маленькая коричневая рука, из-под мантильи — нежные белые пальцы, унизанные кольцами.

Словно сговорившись, они коснулись друг друга, и хотя это длилось едва полсекунды, тонкий наблюдатель мог бы заметить, как из одной руки в другую — из коричневых пальцев в белые — проскользнула свернутая трубочкой бумажка. Но поистине лишь тонкий наблюдатель заметил бы этот маневр — он был проделан так ловко, что никто из стоящих на коленях впереди или сзади не увидел ничего предосудительного.

Обе руки тут же скрылись под накидками; прозвенел колокольчик, сеньорита и крестьянка снова выпрямились и с самым благочестивым видом стали повторять слова молитвы.

Но вот служба кончилась. Окропляя себя святой водой, девушки торопливо перекинулись несколькими словами; но вышли они из церкви врозь и разошлись в

разные стороны. Крестьянка быстро пересекла площадь и скрылась в узкой улочке. Сеньорита горделивой поступью направилась к своему дому; лицо ее сияло радостью.

Она вошла в дом и поспешила в свою комнату. Развернув маленький листок бумаги, она прочитала:

«Дорогая Каталина! Вы сделали меня счастливым. Лишь час назад я был самым несчастным человеком на свете. Я потерял сестру и думал, что лишился вашего уважения. Мне возвращено и то и другое. Сестра моя со мной, а драгоценный камень, сверкающий у меня на пальце, говорит о том, что даже клевете не удалось отнять у меня вашу дружбу, вашу любовь. Вы не считаете меня убийцей. Да, я не убийца, я — мститель. Вы узнаете обо всем. Об ужасном заговоре, жертвами которого стали я и мои родные. Жестокость этого заговора так чудовищна, что он кажется невероятным. Да, я стал его жертвой. Я больше не могу показаться в Сан-Ильдефонсо. Отныне меня будут травить, как волка, и если схватят, то расправятся со мной, как с волком. Но теперь, когда я знаю, что вы не заодно с моими врагами, мне ничего не страшно.

Если бы не вы, я ушел бы далеко отсюда. Но с вами я не в силах расстаться. Лучше я буду ежечасно рисковать жизнью, чем покину места, где вы живете, — ведь вы мне дороже всех на свете!

Сколько раз я осыпал поцелуями ваше кольцо! Этот залог любви у меня отнимут лишь вместе с жизнью.

Враги гонятся за мной, как ищейки, но я не боюсь их. Мой славный конь всегда при мне, а с ним я могу смеяться над своими трусливыми преследователями. Но я должен во что бы то ни стало еще раз прийти в город. Я должен увидеть вас, дорогая. Должен сказать вам то, чего нельзя доверить бумаге. Не откажите мне! Я приду на старое место, чтобы увидеться с вами, завтра в полночь. Не откажите, дорогая, любимая! Мне надо объяснить вам многое такое, что очень важно, и я могу это сказать только с глазу на глаз. Вы увидите, что я не убийца, что я попрежнему достоин вашей любви.

Спасибо! Спасибо за вашу доброту к моей бедной маленькой сестренке! Бог даст, она скоро поправится. До свиданья, моя любимая! К.».

Прочитав записку, прекрасная Каталина поднесла ее к губам и пылко поцеловала.

— Достоин моей любви! — прошептала она. — Да, он достоин любви королевы! Отважный, благородный Карлос!

Она снова поцеловала листок и, спрятав его на груди, неслышно вышла из комнаты.

Глава XLI

Желание Вискарры отомстить Карлосу возрастало с каждым часом. Недолго длилась радость, охватившая его, когда он избавился от страха смерти. Так же недолго радовался он, избавившись от беспокойства из-за пленницы. Его терзало совсем иное чувство. Превыше всего он ценил свою красоту — и теперь лишился ее. Он обезображен на всю жизнь!

Когда он увидел свое лицо в зеркале, сердце его запылало, как горящий уголь. И хотя он был трусом, он почти пожалел, что его не убили на месте.

Он потерял несколько зубов, но зубы можно вставить новые, а вот щека непоправимо изуродована. Пуля вырвала кусок мяса. Здесь будет отвратительный шрам, который останется навсегда.

Ужасен был вид Вискарры. Ужасны были его мысли. Глядя на то, что сделал с его лицом охотник на бизонов, он громко стонал. Он клялся отомстить. Пусть только Карлоса поймают — пытки и смерть ждут его! Смерть ему и его родным!

Порой Вискарра даже раскаивался, что отослал сестру охотника. Зачем он испугался последствий? Зачем не отомстил, убив ее? Он уже не любит эту девчонку. Ее язвительный смех до сих пор гложет его сердце. Она была причиной всех его страданий — страданий, которые прекратятся только с его жизнью, — причиной горечи и унижений, от которых он не избавится до конца

своих дней! Почему он ее не убил? Это была бы сладостная месть ее брату, едва ли не лучшая награда за пережитое.

Терзаемый этими мыслями, Вискарра метался на своем ложе, стонал в тоске и отвратительно ругался.

Карлоса надо поймать. Он, Вискарра, всеми силами будет добиваться этого. И надо схватить его живым. Незачем торопиться с наказанием. Конечно, Карлос умрет, но смерть не должна прийти мгновенно. Нет, Вискарре будут примером дикари прерий. Охотник на бизонов умрет так, как умирают пленные у индейцев: его привяжут к столбу и сожгут. Вискарра клялся в этом.

А потом — его мать. Ее считают колдуньей. С ней и надо расправиться так, как расправляются с колдуньями. В этом случае ему не придется действовать одному. Уж конечно, отцы иезуиты поддержат его. Они охотно идут на такие фанатические жестокости.

А когда сестра Карлоса останется одна на свете, за нее некому будет вступиться. Она окажется всецело в его власти. Он поступит с ней, как ему вздумается, — ему никто не станет мешать... Не любовь говорила в нем, а желание отомстить.

Вот какие дьявольские замыслы проносились в голове этого презренного негодяя.

Не меньше жаждал смерти охотника на бизонов и Робладо. Его самолюбию был также нанесен удар: он больше не сомневался в том, что Каталина серьезно увлечена этим человеком, а быть может, их уже связывает взаимная любовь и согласие. Робладо навестил ее как-то после трагического случая в крепости. Он заметил, что она держала себя совсем не так, как прежде. Теперь, когда «убийца» был так безнадежно опозорен, капитан надеялся восторжествовать над ним. Однако, хотя Каталина и не сказала ничего в защиту Карлоса — разумеется, она не смела, — она в то же время не поддержала и противную сторону и никак не показала, что возмущена его поступком. Оскорбительные эпитеты Робладо, присоединенные к тем, которыми, не скупясь, осыпал Карлоса ее отец, казалось, причиняли

ей боль. Несомненно, она вступилась бы за него, если бы осмелилась.

Робладо заметил все это во время своего утреннего визита.

Но гораздо больше он узнал о ее поведении через свою шпионку. Одна из служанок Каталины, Висенса, почему-то невзлюбила свою госпожу, предала ее и с некоторых пор сделалась пособницей своего поклонника — военного. Немного золота, посулы, да еще солдат-возлюбленный — это был Хосе, — и Висенса стала послушным орудием Робладо. Через Хосе он получал сведения о Каталине, а та ничего и не подозревала. И хотя эта система шпионажа была установлена лишь недавно, она уже принесла плоды. Робладо узнал, что Каталина ненавидит его и любит кого-то другого. Кто этот другой — Висенса не знала, но Робладо догадался без труда.

Неудивительно, что он желал смерти Карлоса, охотника на бизонов. Он жаждал его смерти не меньше, чем Вискарра.

Оба из кожи вон лезли, чтобы добиться своего. Во все стороны на розыски были посланы отряды солдат. На стенах города расклеили объявления — плод совместного творчества коменданта и его капитана, — в которых было написано, что за голову Карлоса назначена немалая награда; еще большую сумму обещали тому, кто приведет его живым.

Не остались в стороне и местные граждане; в доказательство лойяльности и усердия они тоже сочинили объявление, сообщая, что жертвуют крупную сумму, целое состояние, человеку, которому посчастливится поймать Карлоса. Объявление подписали все именитые люди города, и имя дона Амбросио красовалось одним из первых. Поговаривали даже о том, чтобы собрать добровольцев, которые уже постараются помочь солдатам, преследующим еретика-убийцу, а вернее — заработать большие деньги, назначенные за его поимку.

Вот уж действительно загадка, долго ли проживет Карлос, когда голова его оценена так высоко!

Робладо, сидя дома, обдумывал, как поймать беглеца. Он уже разослал по долине своих самых надежных шпионов и велел им днем и ночью слоняться среди жителей. Они должны были немедленно сообщить ему все, что узнают о том, где бывает Карлос или те, с кем он прежде встречался, — за это им обещали хорошо заплатить. Установили наблюдение за домом молодого скотовода дона Хуана. И хотя Вискарра и Робладо собирались с ним расправиться на особый лад, они решили пока его не трогать: так будет легче осуществить их план. Нанятые шпионы были не солдаты, а городские жители и бедные скотоводы; появление военных в той части долины, куда они обычно не заходят, могло бы расстроить замысел Вискарры и Робладо. Но и солдаты были наготове, однако они держались поодаль от ранчо Карлоса, чтобы не спугнуть птицу и не помешать ей вернуться в свое гнездо. Что ж, все это было разумно и логично.

Итак, Робладо сидел у себя дома и обдумывал, как поймать Карлоса. Стук в дверь прервал его размышления над какими-то бумагами. Это были донесения его шпионов, только что полученные в крепости и адресованные ему и коменданту.

— Кто там? — спросил он, прежде чем разрешить войти.

— Это я, капитан, — ответил резкий, визгливый голос.

Робладо, несомненно, узнал голос, так как крикнул:

— А, это ты? Входи!

Дверь отворилась, и в комнату вошел человек небольшого роста, смуглый, с плутоватым лицом куницы. У него была вертлявая, скользящая походка, и, несмотря на мундир, саблю и шпоры, вид у него был приниженный. В словах его сквозило раболепие, и честь он отдал офицеру раболепно. Именно таких и нанимают для подозрительных дел люди, подобные Вискарре и Робладо; и для этих целей он уже не раз им служил. Это был солдат Хосе.

— Ну, что скажешь? Ты видел Висенсу?

— Да, капитан. Я встретился с нею вчера вечером.

— Есть новости?

— Не знаю, новость ли это для капитана, только она сказала мне, что сеньорита отправила ее вчера домой.

— Ее?

— Да, капитан, белоголовую.

— Ага! Дальше!

— Вы ведь знаете, когда вы ушли, алькальд предложил ее любому, кто захочет взять. Так вот, вперед вышла одна девушка и сказала, что она ее знакомая. И еще была там женщина — мать этой девушки. Ее им сразу и отдали, и они увели ее в дом в зарослях за городом.

— Но там она не осталась. Я знаю, что она убралась оттуда, хотя еще не слышал подробностей. Как же это было?

— Так вот, капитан: только они вошли в дом, как подъехала повозка с возницей-тагносом, и девушка, дочка той женщины, Хосефа, забралась на повозку вместе с белоголовой, и они поехали. Но ни девушка, ни ее мать раньше не видели белоголовой. И как по-вашему, капитан: кто послал их и повозку?

— А что сказала Висенса?

— Их послала сеньорита, капитан.

— Ага! — воскликнул Робладо. — И Висенса уверена в этом?

— Это не все, капитан. Когда повозка тронулась, а может, чуть позже, сеньорита уехала из дому на своем коне. Она закуталась в простое серапе и надела на голову сомбреро, будто какая-нибудь дочь скотовода. Такой костюм, по-моему, совсем не к лицу важной сеньорите. Она поскакала окольной дорогой. Но Висенса думает, что она свернула на большую дорогу, когда проехала мимо домов, и, наверно, догнала эту повозку. Времени у нее было достаточно.

Эти сведения, видимо, произвели большое впечатление на Робладо. Он помрачнел, нахмурился, глаза его блеснули — казалось, какой-то новый план пришел ему на ум. Он помолчал, занятый собственными мыслями, потом спросил:

— Это все, Хосе?

— Все, капитан.

— Может быть, Висенса еще что-нибудь узнала. Повидай ее сегодня вечером опять. Скажи, чтобы не спускала глаз с сеньориты. Если ей удастся разведать, что они переписываются, я ей хорошо заплачу, да и тебя не забуду. Узнай подробнее о той женщине и о ее дочери. Разыщи тагноса, который их возил. Не теряй времени, Хосе. Ступай!

Угодливый солдат раболепно поблагодарил, еще раз раболепно отдал честь и скрылся за дверью.

Как только он вышел, Робладо вскочил с места и взволнованно зашагал по комнате, разговаривая сам с собой:

— Чорт возьми! Как же я об этом не подумал? Они переписываются... Ну конечно! Дьяволы! Что за женщина! Он наверняка уже все знает, если только он и сам не поверил, будто мы спасли его сестру от индейцев. Надо установить слежку за домом дона Амбросио. Может, это и будет та ловушка, в которую мы его поймаем? Любовь — более надежная приманка, чем братская привязанность. Ага, сеньорита! Если это правда, тогда у меня найдется козырь, какого вы никак не ждете. Я заставлю вас принять мои условия, не прибегая к помощи вашего глупого папаши!

Еще несколько минут Робладо обдумывал свои планы, мечтая о мести и победе, затем он вышел из комнаты и отправился к коменданту, чтобы передать ему сведения, которые только что получил от Хосе.

Глава XLII

Дом дона Амбросио де Крусес не был городским особняком. Он находился в предместье — вернее, на самой окраине города, примерно в восьмистах ярдах от площади. Стоял он одиноко, на довольно большом расстоянии от других домов. Его не назовешь виллой или коттеджем — в Мексике нет ни того, ни другого, ни даже чего-либо похожего. В этой стране на протяжении

тысячи миль, от ее северной границы до южной, архитектура однообразна и однотипна. Небольшие дома, ранчо бедняков, различаются в зависимости от трех разных климатов — жаркого, умеренного и холодного, которые, в свою очередь, зависят от высоты местности. В жарких краях — иначе говоря, на побережье и в некоторых долинах в центре страны — ранчо — это легкая постройка из камыша и жердей, крытая пальмовыми листьями. На Равнинах, лежащих выше, на плоскогорьях, — а надо сказать, что большинство населения живет именно там, — все ранчо без исключения глинобитные. На лесистых склонах гор, высоко над уровнем моря, ранчо сложены из бревен; у них широкий свисающий карниз и крыша, крытая дранкой; они нисколько не похожи на бревенчатую хижину американских глухих лесов и намного опрятнее и живописнее тех.

Это о ранчо. Как видите, тут есть некоторое разнообразие. О домах богачей этого не скажешь. На протяжении тридцати градусов широты, от одной границы Мексики до другой, и, пожалуй, по всей Испанской Америке, все они строятся на один лад. Если же вам изредка встретится дом необычной архитектуры, то, расспросив, вы узнаете, что его хозяин — иностранец: англичанин — владелец рудников, фабрикант-шотландец или же немец-коммерсант.

Все это относится лишь к домам в сельской местности. В маленьких городишках дома такие же, как и загородные, с очень небольшими изменениями. В больших же городах, хотя и там сохранились некоторые чисто мексиканские черты, архитектура зданий приближается к архитектуре европейских городов, разумеется, главным образом испанских.

Дом дона Амбросио мало чем отличался от других богатых загородных особняков. Он был похож на тюрьму, крепость, монастырь или казармы — что вам больше по душе; все же вид его заметно оживляла окраска стен — перемежающиеся красные, белые и желтые вертикальные полосы. Благодаря этому чисто восточному сочетанию веселых красок мексиканское

жилище кажется не таким угрюмым. Такой стиль широко распространен в некоторых частях Мексики.

Все линии дома очень просты. Глядя на него спереди, с дороги, вы увидите длинную стену с огромными воротами посередине и тремя или четырьмя несимметрично расположенными окнами. Окна заслонены вертикальными железными прутьями. Это оконная решетка. Ни стекол, ни переплетов в окнах нет. Ворота тяжелые, деревянные, обиты железом и запираются железными засовами. Передняя стена — в один этаж, но она возвышается над крышей, образуя парапет высотою по грудь человеку, и благодаря этому кажется выше. Так как крыша плоская, снизу парапет не виден.

Заверните за угол справа или слева. Не рассчитывайте, что вы увидите фронтон, — у таких домов его не бывает. Вместо него далеко тянется глухая стена такой же высоты, как первая вместе с парапетом; а если вы пройдете вдоль нее до самого конца и снова заглянете за угол, вы обнаружите еще одну такую же стену — она замыкает прямоугольник.

Вам так и не пришлось бы увидеть фасад дома дона Амбросио, если подразумевать под этим наиболее нарядную часть здания. Мексиканец не придает значения наружному виду своего жилища. Только из внутреннего двора — патио — пред вами предстанет фасад, и, возможно, он поразит вас своим великолепием и изысканностью. Вот тогда-то вы и сможете судить о вкусе владельца дома.

Пройдемте в патио. Привратник, отозвавшись на стук или звонок, откроет нам небольшую калитку — часть упомянутых ворот. Мы проходим через сводчатый коридор — портал, прорезающий здание, — и вот мы во дворе. Теперь перед нами настоящий фасад дома.

Двор вымощен цветными кирпичами, выложенными наподобие шахматной доски. Посередине струей бьет фонтан, бассейн его украшен орнаментом. В больших кадках, чтобы корни не повредили мостовую, растут аккуратно подстриженные деревья. По сторонам

этого двора вы увидите двери; некоторые из них застеклены и со вкусом задрапированы занавесями. Двери зала, столовой и спален расположены с трех сторон, с четвертой находятся кухня, кладовая, амбар, а также конюшня и каретный сарай.

Надо упомянуть еще об одной важной части дома: это крыша — асотея. Туда поднимаются по каменной лестнице. Крыша плоская и очень прочная, так как покрыта цементом и не боится дождя. Со всех сторон она обнесена парапетом такой высоты, что он не мешает любоваться окрестностями, но ограждает от назойливых взоров прохожих. После захода солнца или когда оно прячется за облака, асотея — самое приятное место для прогулок. По крыше дома дона Амбросио прогуливаться особенно приятно, так как она больше похожа на сад. Вокруг расставлены покрытые черным лаком горшки с редкими растениями, а зеленые ветви и яркие цветы, поднимаясь над стенами, удивительно украшают дом и снаружи.

Но это не единственный сад при жилище богатого владельца рудников. За домом раскинулся еще один, продолговатой формы, с двух сторон обнесенный высокими глинобитными стенами. Эта ограда тянется до берега реки. Вдоль реки нет забора; достаточно широкая и глубокая в этом месте, она заменяет ограду. Сад большой, а в конце его насажены еще и фруктовые деревья. Его украшают со вкусом проложенные дорожки, цветочные клумбы и зеленые беседки самой разнообразной формы и величины. Пройдясь по этому саду, можно подумать, что дон Амбросио, хотя он всего-навсего богатый выскочка, обладает изысканным вкусом — ведь такие очаровательные уголки не часто встречаются в Мексике. Но не им придуманы эти тенистые деревья и благоухающие беседки. Все это затеи его красавицы-дочери, которая проводит немало часов в тени сада.

Дону Амбросио вид рудника — огромной выемки в скале, среди груд кварца, и в глубине ее вид богатой жилы были милее всех цветов на свете. Куча слитков серебра приковала бы к себе его взор куда вернее,

чем поле, сплошь покрытое черными тюльпанами или голубыми георгинами.

Каталина совсем не походила на отца. У нее был вкус возвышенный и утонченный. Ей были чужды мысли о богатстве и спесь богачей. Она охотно отказалась бы от своего вызывавшего так много толков наследства, чтобы разделить жизнь в скромном ранчо с человеком, которого она любила.

Глава XLIII

Солнце клонилось к закату. Его огненный шар спешил поцеловать снежную вершину Сьерра-Бланка, высившуюся на западе. Белую мантию, ниспадавшую с плеч горы, окрасили розовые блики, во впадинах ущелий она становилась алой, пурпурной и от контраста с темными лесами, росшими на склонах Сьерры, казалась еще прекраснее.

В тот вечер закат был особенно яркий. На западе громоздились разноцветные облака; золото, пурпур и лазоревая синева сочетались в пышном великолепии; облака принимали самые причудливые очертания, и могло показаться, что это сияющие, восхитительные существа из какого-то иного мира. Эта картина должна была радовать глаз, развеселить сердце, полное печали, а счастливое сделать еще счастливей.

Она не осталась незамеченной. На нее устремлены были глаза, очень красивые глаза, и все же в них была печаль, никак не гармонировавшая с картиной, на которую они смотрели.

Не сияние закатного неба омрачило эти глаза. Хотя они и были устремлены на него, не о нем была печаль, отразившаяся во взоре. Не тем полно было сердце.

Обладательница этих глаз — не юная девочка, а девушка в расцвете красоты. Она стояла на асотее великолепного дома и, казалось, любовалась пышным закатом, однако размышляла она не о закате, но о вещах далеко не столь приятных.

Даже отблеск пламенного неба, падая на ее лицо, не мог рассеять пробегавшие по нему тени. Сумрак в душе оказался сильнее, чем свет внешнего мира. Тени омрачали прекрасное лицо, потому что тень окутала сердце.

И все же лицо ее было прекрасно и прекрасна фигура, высокая, величавая, с нежной грацией и мягкими очертаниями. Эта красавица была Каталина де Крусес.

Она стояла на асотее одна, окруженная лишь растениями и цветами. Склонившись над низким парапетом, она смотрела на запад и видела заходящее светило.

Порой она поднимала глаза к небу и солнцу, но чаще смотрела в глубину сада, на тенистую рощицу диких китайских деревьев, сквозь стройные стволы которых сверкала серебряная лента реки. На этой рощице ее глаза время от времени задерживались с выражением какого-то странного интереса. Неудивительно, что это место притягивало ее взор. Здесь впервые она, точно завороженная, слушала обеты любви; оно было освящено поцелуем, и в своих мечтах она вознесла его с жалкой земли в небесную высь. Неудивительно, что для нее не существовало места прекраснее. В самых прославленных садах мира, даже в раю не могло быть такого прелестного тенистого уголка, как маленькая зеленая беседка, которую она сама устроила в листве этих диких китайских деревьев.

Почему же взгляд ее так печален? Ведь в этом прибежище сегодня же ночью она встретится с тем, кто сделал для нее этот уголок священным. Почему она так печальна? Ведь, предвкушая встречу, она должна бы сиять от радости.

Временами, когда она думала о предстоящей встрече, так оно и было. Но на ум приходила и другая мысль, это она вызывала тревожное чувство, из-за нее набегали на лицо тени. Что же это за мысль?

Каталина держала в руках бандолу. Она опустилась на скамью и стала наигрывать старинную испанскую песню. Но она не в силах была справиться с собой. Мысли блуждали далеко, пальцы не слушались.

Она положила бандолу, снова встала и принялась ходить взад и вперед по асотее. Прогулка не приносила успокоения. Порой сеньорита останавливалась и, опустив глаза, казалось, над чем-то глубоко задумывалась. Потом снова начинала ходить и опять застывала на месте. И еще и еще раз, все молча, без единого слова.

Один раз она прошла вокруг асотеи, заглядывая во все уголки между растениями и цветочными горшками, словно искала что-то; но поиски не увенчались успехом, ничто не привлекло ее внимания.

Она опять села на скамью и взяла бандолу. Но, едва коснувшись пальцами струн, отложила инструмент и вскочила, словно вдруг вспомнила что-то очень важное.

— Как же я не подумала об этом? Ведь я могла уронить в саду! — прошептала она и сбежала по лесенке вниз, в патио.

Узкий коридор вел из патио в сад. Через мгновение Каталина уже шла по усыпанным песком дорожкам, поминутно наклоняясь и заглядывая за каждое деревце, за каждый кустик — всюду, где могло бы остаться незамеченным то, что она искала.

Она обшарила все уголки, потом ненадолго задержалась в зеленой беседке меж китайских деревьев — ведь это место было ей особенно мило. Но вот она покинула сад; на лице ее попрежнему тревога: видно, сеньорита не нашла того, что потеряла.

Она вернулась на асотею, опять взяла в руки бандолу и, как прежде, проведя по струнам, отложила ее, поднялась и опять заговорила сама с собой:

— Как странно! У меня в комнате ее нет... В зале, в столовой, на асотее, в саду — нигде нет... Куда она могла затеряться? О господи! Что, если она попала в руки отца? Там все так ясно, нельзя не понять... Нет, нет, нет!.. А вдруг она попала в другие руки? В руки его врагов! Там сказано: сегодня ночью... Правда, не сказано, где, но упомянуто время, а о месте нетрудно догадаться... Если бы я знала, как предупредить его! Но я не знаю, и он придет. Горе мне, теперь уже ничего нельзя предотвратить! Только бы она не

попалась врагам! Но куда же она могла затеряться? Матерь божия, куда же?..

Все это говорилось с таким волнением, что было ясно: сеньорита потеряла что-то очень для нее важное и дорогое. Это было не что иное, как записка, принесенная Хосефой, в которой Карлос писал, что придет сегодня ночью повидать Каталину. Неудивительно, что ее так встревожила потеря. Содержание записки не только могло погубить ее доброе имя, но подвергало опасности жизнь любимого ею человека. Вот почему черные тени омрачили ее лицо, вот почему она в тревожных поисках обошла весь сад и асотею.

— Придется спросить Висенсу, — продолжала она. — А очень не хочется. Я не верю ей больше. Она так изменилась! Была искренняя, честная, а стала лгуньей и лицемеркой. Уже два раза я уличила ее во лжи. Что это значит?

Каталина помолчала, словно в раздумье.

— И все-таки придется спросить ее. Может быть, она нашла бумажку, подумала, что это что-нибудь ненужное, и бросила в огонь. По счастью, она не умеет читать. Но ведь она встречается с теми, кто умеет... Да, я совсем забыла про солдата, ее дружка. Что, если она нашла записку и показала ему?.. Боже праведный!

Мысль о такой возможности была мучительна, сердце сеньориты забилось сильнее, она учащенно задышала.

— Это было бы ужасно! — продолжала она. — Хуже ничего быть не может!.. Не нравится мне этот солдат, в нем есть что-то хитрое и низкое... Говорят, он дурной человек, хотя комендант и благоволит к нему. Упаси бог, если записка у него! Нельзя терять времени. Позову Висенсу и спрошу ее.

Она подошла к парапету и крикнула вниз:

— Висенса! Висенса!

— Что, сеньорита? — раздался голос откуда-то из дому.

— Поди сюда!

— Сейчас, сеньорита.

— Быстрей! Быстрей!

Девушка в короткой пестрой юбке и белой кофточке без рукавов вышла в патио и поднялась по лестнице на крышу.

Светлокоричневый цвет кожи выдавал, что она метиска — родилась от брака индейца с испанкой. Она была недурна собой, но, взглянув на ее лицо, никто не подумал бы, что она добра, честна, приветлива: лицо это было злобное и хитрое. И держалась она дерзко и вызывающе, как человек, виновный в преступлении, которое уже обнаружено, и готовый на все. Такой тон появился у нее недавно, и ее хозяйка наряду с другими происшедшими в ней переменами заметила и это.

— Что вам угодно, сеньорита?

— Я потеряла небольшой листок бумаги, Висенса. Он был свернут трубочкой... не так, как письма, а вот так. — И она показала девушке листок, свернутый так же. — Тебе не попадалась такая бумажка?

— Нет, сеньорита, — тотчас последовал ответ.

— Может быть, ты вымела ее или бросила в огонь? Она такая неважная с виду, да и в самом деле пустяковая, но на ней рисунок, который мне хотелось переснять. Не уничтожили ее, как ты думаешь?

— Не знаю, сеньорита. Только я-то ее не уничтожала. Уж я-то ее не выметала и не бросала в огонь. Как же я выкину бумажку, раз я не умею читать? Ведь так можно выкинуть что-нибудь нужное.

Была ли правдой или ложью вторая часть ее рассуждений, но вначале Висенса сказала правду. Она не уничтожила бумажку — она ее не вымела и не сожгла.

Она отвечала прямо и простодушно, даже как будто сердясь немного, словно обижаясь, что ее заподозрили в такой небрежности.

Хозяйку ответ, казалось, удовлетворил, а заметила ли она тон Висенсы — об этом трудно судить, так как она сказала только:

— Ладно. В конце концов, это не важно. Можешь идти, Висенса.

Девушка отошла с угрюмым видом и стала спускаться по лестнице. В последнюю секунду она погля-

дела на хозяйку, уже стоявшую к ней спиной, и злобная, насмешливая улыбка искривила ее губы. Конечно, она знала о потерянной бумажке больше, чем сказала своей госпоже.

Каталина вновь устремила взор на заходящее солнце. Через несколько минут оно скроется за снеговой вершиной горы. Пройдет несколько часов, а потом — радостная встреча!

* * * * * * * *

Робладо, как и прежде, сидел у себя дома. И, как прежде, раздался негромкий стук в дверь. Опять он спросил: «Кто там?», и снова раздался ответ: «Я!» И, как прежде, он узнал голос и велел стучавшему войти. Опять, раболепно отдав честь, к офицеру подошел солдат Хосе.

— Ну, Хосе, какие новости?

— Только это, — ответил солдат, протягивая свернутый трубочкой листок бумаги.

— Что это? От кого? — поспешно спросил Робладо.

— Капитан разберется лучше меня — я ведь не умею читать. А взяли эту бумажку у сеньориты, и похоже, что там письмо. Кто-то передал его сеньорите вчера утром в церкви — так Висенса думает. Она видела: сеньорита, как вернулась от заутрени, читала его. Висенса думает, что его принесла в долину крестьянка Хосефа. Да капитан, наверно, и сам увидит...

Робладо был уже поглощен запиской, он не слыхал и половины того, что говорил Хосе. Дочитав до конца, он вскочил со стула, словно его ткнули шилом, и в волнении зашагал по комнате.

— Скорее! Скорее, Хосе! — крикнул он. — Пришли сюда Гомеса. Никому ни слова! Будь готов, ты тоже мне понадобишься. Сейчас же пришли Гомеса! Ну!

Солдат отдал честь на этот раз менее раболепно — уж очень торопился! — и стремглав выскочил из комнаты.

— Вот удача, ей-богу! — пробормотал Робладо. — Не было еще случая, чтобы влюбленный дурак не по-

пался на такую приманку! И сегодня же в полночь! У меня хватит времени, чтобы подготовиться. Если бы я только знал место! Но об этом ничего не сказано.

Он перечитал записку.

— Не сказано, чорт возьми! Какая досада! Что делать? Нельзя же действовать вслепую... Ага, знаю! Надо выследить ее! Выследить до самого места. Висенса может это сделать, а мы тем временем заляжем поблизости в засаде. Висенса скажет нам, где они встретились. Мы успеем их окружить — не сразу же они расстанутся. Мы их застигнем в минуту сладкого свиданья. Тысяча чертей! Только подумать, кто стал на моем пути — презренная собака, бизоний палач! Терпение, Робладо, терпение! Сегодня же... сегодня ночью!

Стук в дверь. Вошел сержант Гомес.

— Отбери двадцать солдат, Гомес! Лучших, слышишь! Будь готов к одиннадцати. Времени у тебя хватит, но чтобы был готов, когда я позову. Никому из чужих ни слова! Вели седлать коней, да скажи людям, чтобы помалкивали. Зарядите карабины. Будет для тебя дельце. Потом узнаешь, какое. Ступай, готовься!

Сержант, не сказав ни слова, пошел выполнять приказ.

— Вот проклятье! Знал бы я, где место, хотя бы приблизительно! Возле дома? В саду? А может, где-нибудь подальше, за городом? Вполне вероятно. Вряд ли он рискнет прийти к самому городу — тут могут узнать его или его коня. Чтоб он сдох, его конь!.. Нет, нет! Я еще заполучу этого коня, не будь я Робладо! Если бы только разузнать заранее, где они встретятся, дело было бы верное. Но нет, ничего не сказано о месте. Как же, «старое место»! Тысяча чертей! Они встречались и раньше, и, наверно, часто... часто... О!

Мучительный стон вырвался из груди Робладо, и он заметался по комнате, словно теряя рассудок.

— Сказать Вискарре сейчас, — продолжал он, — или когда уже все будет кончено? Лучше подожду. Вот будет лакомая новость к ужину! А может быть, я подам к столу гарнир из ушей охотника на бизонов!

И негодяй разразился дьявольским смехом. Потом прицепил саблю, захватил пару тяжелых пистолетов и, проверив, хорошо ли укреплены шпоры, быстро вышел из комнаты.

Глава XLIV

До полуночи оставался один час. В небе светила луна, но она уже склонилась к горизонту, и скалы, стеной замыкавшие долину с юга, отбрасывали длинную, во много ярдов, тень.

Вдоль каменного края плоскогорья, у самого его подножия, ехал к городу всадник. Ехал он осторожным шагом и время от времени бросал на дорогу беспокойные взгляды, — должно быть, чего-то опасался и хотел остаться незамеченным. Очевидно, именно поэтому он держался в тени скал, так как, приближаясь к местам, где склон был пологий и не отбрасывал тени, он останавливался и тщательно осматривался, а потом быстро проезжал это место. Если бы он не старался не попасться кому-либо на глаза, он, конечно, не жался бы к утесам, а избрал гораздо лучшую дорогу, пролегавшую совсем невдалеке.

Проехав таким образом несколько миль, всадник оказался наконец напротив города, в трех милях от него. Отсюда в город вела дорога, соединявшая его с проходом в скалах, где можно было подняться на левую половину плоскогорья.

Всадник придержал коня и некоторое время в раздумье глядел на дорогу. Решив отказаться от нее, он проехал еще с милю под тенью утесов, потом опять остановился и окинул внимательным взглядом местность справа от себя. К городу или куда-то выше вела узкая тропка. Всадник, видимо, быстро убедился, что она-то ему и нужна, повернул коня, отделился от утесов и выехал на открытое место.

В сиянии месяца стало видно, что он молод и прекрасно сложен; одет он был как скотовод; благородный вороной конь под ним весь лоснился в серебряном све-

те. Всадника нетрудно было узнать. В этой стране людей с темной кожей его белое лицо и светлые кудри, выбивавшиеся из-под полей сомбреро, не оставляли сомнения в том, кто он. Это был Карлос, охотник на бизонов. Следом бежала большая, похожая на волка собака; прежде, в тени, ее не было видно. То был пес Бизон. Чем ближе подъезжал всадник к городу, тем он становился осторожнее.

Раскинувшаяся перед ним местность, хотя и ровная, не была сплошь открытой: на его счастье, кое-где возвышались небольшими островками группы деревьев; тропка пролегала через рощицы кустарника, они выделялись то тут, то там, словно заплаты на равнине. Бесшумно, без лая, первой входила в рощу собака; всадник следовал за ней. А выехав на опушку, он снова останавливался, тщательно осматривал открытое пространство, отделявшее его от следующей рощи, и только тогда ехал дальше.

Путешествуя таким образом, он наконец оказался в нескольких сотнях ярдов от предместий города. Уже видны были стены зданий и купол церкви, сверкавший над кронами деревьев. Всадник устремил взор на стену, которая была ближе других. Он узнал ее очертания. Это был парапет над домом дона Амбросио; всадник приближался к нему сзади.

В небольшой роще, последней в долине, Карлос остановился. За ней до берега реки, которая, как уже говорилось, замыкала сад дона Амбросио, лежало открытое ровное пространство — луг, принадлежавший дону Амбросио, где обычно паслись его лошади. Их перегоняли через реку по грубо сколоченному мосту, который начинался за оградой сада; но был там и еще один мост, более легкий и тщательно сделанный, — он соединял луг и сад и предназначался только для пешеходов. По этому укромному мостику выходила из сада дочь дона Амбросио, когда ей хотелось насладиться прогулкой по чудесному лугу на другом берегу реки. Чтобы в сад не вторгались посторонние, на середине маленького мостика была запертая на замок калитка.

От рощи, где остановился Карлос, до мостика было немногим больше трехсот ярдов, и только темнота могла бы помешать его разглядеть. Но все еще сияла луна, и Карлос ясно видел высокие сваи и выкрашенную светлой краской калитку. Реки он не мог видеть, берега тут были высокие, а сад скрывали тополя и китайские деревья, росшие у самой воды.

Въехав в рощу, Карлос спешился, отвел коня в самую густую тень деревьев и оставил его там. Он не привязал коня, а только перекинул поводья через переднюю луку седла, чтобы они не волочились по земле. Он давно приучил своего благородного скакуна оставаться на месте без привязи.

Затем он подошел к краю зарослей и остановился, глядя на мостик и деревья за ним. Карлос приходил сюда не впервые, но никогда еще не испытывал он такого сильного душевного волнения, как сейчас.

Он готовился к предстоящей встрече и давал себе слово говорить откровенно, так, как никогда раньше не осмеливался. Он сделает предложение... Будет ли оно отклонено или принято? От этого зависела его судьба. Сердце его так сильно билось, что стук отдавался в ушах.

* * * * * * * *

В городе царила глубокая тишина. Жители давно уже спали, ни один луч света не пробивался из дверей или окон — все они были плотно закрыты и наглухо заперты. На улицах не было ни души, лишь несколько ночных стражей охраняли город. Закутанные в темные плащи, они сидели на лавках у домов и дремали, зажав в руке длинные алебарды, а у ног на мостовой стояли их фонари.

Глубокая тишина царила и в жилище дона Амбросио. Огромные ворота были накрепко заперты, привратник скрылся в своей сторожке, а это означало, что все обитатели уже дома. Если тишина — это сон, то здесь все спали. Однако слабый луч света проникал из-за стеклянной двери сквозь неплотно задернутые шел-

ковые занавеси и падал на мощеный двор — значит, по крайней мере один из обитателей бодрствовал. Свет шел из комнаты Каталины.

Вдруг тишину ночи разбил гулкий звон колокола. Это часы на церковной башне возвестили полночь. Едва отзвучал последний удар, как свет в комнате внезапно погас — его уже не видно было сквозь занавеси.

Вскоре тихо отворилась стеклянная дверь, и появилась плотно закутанная женская фигура. Крадучись, неуверенным шагом она скользила по теневой стороне двора. Широкий плащ не мог скрыть ее стройности и изящества, а походка пленяла грацией, несмотря на скованность и настороженность движений. Это была сеньорита.

Обойдя патио, она вошла в коридор, который вел в сад. Перед тяжелой дверью, преграждавшей выход из дома, она остановилась. Но лишь на мгновение. Из-под плаща появился ключ, и большой засов нехотя уступил нажиму женской руки. Но он не поддался бесшумно: ржавое железо заскрипело, и Каталина вздрогнула в испуге. Она даже возвратилась обратно в коридор, чтобы проверить, не услышал ли кто-нибудь шума; стоя в темном проходе, она оглядела патио. Уж не дверь ли это хлопнула, когда она возвращалась? По крайней мере, так ей почудилось, и она стояла, с тревогой глядя на двери, выходившие во двор. Но все они были плотно затворены, и дверь ее комнаты тоже: Каталина, уходя, закрыла ее. И все же сомнения не покинули сеньориту, и она вернулась к воротам не совсем успокоенная.

С опаской она отворила их и через коридор вышла в сад. Держась в тени деревьев и кустов, она вскоре достигла рощицы в конце сада. Здесь она остановилась; сквозь стволы деревьев она оглядела открытое пространство, отделявшее ее от рощи, где был теперь Карлос. Она смутно видела очертания деревьев, но и только; в тени их на таком расстоянии нельзя было разглядеть человека в темной одежде.

Каталина выскользнула из рощицы; через мгновение она уже стояла перед калиткой на середине мо-

стика, в самом высоком его месте. Здесь она опять остановилась, достала из-под плаща белый батистовый платок и, выпрямившись во весь рост, обеими руками расправила платок высоко над головой.

В воздухе носились светляки, и их огоньки сверкали на темном фоне рощи, но это не помешало Каталине заметить среди этих огоньков более яркую вспышку, словно кто-то чиркнул спичкой. Она получила ответ на свой сигнал.

Каталина опустила платок и, достав небольшой ключ, вставила его в скважину замка. Растворив калитку, она отошла обратно под тень деревьев и в ожидании остановилась.

Даже в темноте глаза ее светились любовью: она увидела, как из рощи вышел человек и направился к мостику. Человек этот был ей дороже всего на свете; она ждала его, щеки ее пылали и сердце наполнилось радостью.

Глава XLV

Каталине не почудилось, что она слышала стук захлопнувшейся двери, когда возвращалась по коридору. В эту минуту действительно закрыли дверь — ту, что вела в спальню служанок. Если бы Каталина поспешила, то увидела бы, как кто-то метнулся по двору и вошел в эту дверь. Но Каталина опоздала. Дверь уже закрылась, и кругом снова было тихо. «Видно, это почудилось мне», — подумала она.

Но нет, ей это не почудилось. Как только члены семьи разошлись по своим спальням, за дверью комнаты Каталины начали следить. С полоски света, пробивавшейся сквозь занавешенное стекло, не сводила глаз Висенса.

Еще с вечера служанка попросила разрешения ненадолго отлучиться. Ей не отказали. Она отсутствовала почти час. Солдат Хосе привел ее к Робладо, и там они обо всем уговорились.

Висенсе велено было выследить, когда сеньорита выйдет из дому, и потом пойти за ней до места тайного

свидания. Узнав, что это за место, она должна сейчас же бежать туда, где будут ее ждать Робладо и солдаты, и сразу привести их к влюбленным. Робладо решил, что это самый верный план действий, и позаботился о том, чтобы план этот осуществить.

Дверь спальни служанок находилась как раз напротив комнаты Каталины. Сквозь замочную скважину Висенса увидела, что свет погас и сеньорита проскользнула в патио. Она подождала, пока та вошла в коридор, затем, тихонько отворив дверь, прокралась за ней.

Как раз тогда, когда сеньорита отперла ворота в сад, Висенса, притаившись, стояла у стены возле входа в коридор. Услыхав, что Каталина возвращается, — ее выдал звук шагов, — хитрая шпионка метнулась обратно в комнату служанок и затворила за собой дверь.

Не сразу она отважилась выйти снова, но пришлось — ведь в замочную скважину теперь уже нельзя было ничего увидеть. Висенса все же поглядела в нее, но хозяйка не возвращалась — значит, пошла дальше в сад. И опять Висенса тихонько отворила дверь и выскользнула из спальни. На цыпочках подошла она к коридору и украдкой туда заглянула. Там уже не было темно: ворота остались открытыми, и лунный свет залил весь проход. Можно было не сомневаться, что сеньорита вышла и теперь она в саду.

В саду ли? Висенса вспомнила о мостике. Она знала, что у ее госпожи есть ключ от калитки и она нередко днем и даже ночью уходит гулять за реку. А вдруг сеньорита и на этот раз перешла мост? Теперь она уже где-нибудь далеко на том берегу... Что, если она не узнает, в какую сторону ушла ее госпожа, и испортит все дело?..

Как только эта мысль мелькнула у нее в голове, Висенса бросилась по коридору в сад и, пригнувшись, что есть духу побежала по дорожке.

Не увидев никого меж фруктовых деревьев и цветочных клумб, она стала было отчаиваться, но вид густой рощицы в конце сада ее обнадежил: вот самое подходящее место для свидания, правильно рассудила искушенная в подобных делах Висенса.

Но подойти к рощице оказалось не так-то просто. Между цветочными клумбами и этой рощей лежало открытое пространство — зеленая лужайка. Если там, в рощице, кто-нибудь есть, он непременно заметит приближающегося человека — ведь луна светит так ярко. Висенса сразу это поняла и остановилась, раздумывая, как же ей все-таки туда пробраться.

Можно, кажется, сделать только одно. Высокая стена ограды отбрасывает на лужайку полосу тени в несколько футов шириной. А что, если незаметно добраться до рощи, прячась в этой тени? Девушка решила попытаться.

С хитростью, присущей метисам, она распласталась на земле и поползла; так она достигла опушки рощи, как раз позади зеленой беседки. Здесь она остановилась, подняла голову и посмотрела сквозь листву. Она увидела то, что хотела.

Каталина стояла на мосту выше того места, где залегла метиска, и ее силуэт вырисовывался на фоне синего неба. Висенса увидела поднятый вверх белый платок и догадалась, что это сигнал. Она видела вспышку в ответ на этот сигнал, видела, как ее хозяйка отперла замок и распахнула калитку.

Хитрая шпионка не сомневалась больше, что свидание состоится в рощице, и могла бы вернуться с этими сведениями к Робладо. Но Робладо ясно приказал ей не уходить до тех пор, пока она не увидит своими глазами, что влюбленные встретились в условленном месте, поэтому она стала ждать, как они поступят дальше.

Заметив знакомый белый платок, Карлос в ответ поджег щепотку пороха. Он не стал терять времени. На мгновение подошел он к коню, шепнул ему что-то такое, что тот великолепно понял, и вышел из рощи. Бизон следовал за ним по пятам.

Дойдя до мостика, Карлос наклонился и, прошептав несколько слов собаке, отправился дальше. Собака не последовала за ним — она улеглась на берегу реки.

Еще мгновение — и влюбленные встретились.

Висенса лежала, прижавшись к земле, и издали следила за ними. Луна озаряла их лица, и при этом свете

отчетливо были видны белое лицо и вьющиеся волосы Карлоса. Девушка знала охотника на бизонов — да, это был он.

Она увидела все, что нужно было знать Робладо. Место свидания — здесь, в конце сада. Оставалось только возвратиться к офицеру и сказать ему об этом.

Она уже собралась уползти и даже приподнялась, как вдруг, к своему ужасу, увидела, что влюбленные идут через рощицу к той самой беседке, за которой она укрылась.

Они шли, казалось, прямо на Висенсу. Если бы она встала или попыталась ускользнуть, они непременно заметили бы ее.

Выбора не было — нужно было оставаться на месте по крайней мере до тех пор, пока не представится лучшая возможность убраться отсюда. И Висенса снова скорчилась под тенью листвы.

Через минуту влюбленные вошли в беседку и сели на скамью, стоявшую в этом укромном уголке.

Глава XLVI

Каталина и Карлос были так взволнованы, что несколько минут не могли вымолвить ни слова. Первой заговорила Каталина.

— Как ваша сестра? — спросила она.

— Ей лучше. Я велел отстроить наше ранчо, она теперь там. Родные стены сотворили чудо. Рассудок сразу вернулся к Росите, она только иногда немного забывается. Но я надеюсь, что она скоро поправится.

— Как я рада! Бедная девочка, сколько ей пришлось выстрадать в плену у этих грубых дикарей!

— Грубых дикарей! Да, Каталина, вы назвали их настоящим именем, хотя и не знаете, о ком говорите.

— О ком? — удивленно повторила сеньорита. Она, как и все, была уверена, что сестра Карлоса побывала в плену у индейцев.

— Отчасти из-за этого я хотел увидеться с вами сегодня. Я не мог жить, не объяснив вам своего поведе-

ния, — вы, наверно, не могли понять меня. Но теперь вы все узнаете. Слушайте, Каталина!..

Не опустив ни одной подробности, Карлос рассказал подруге об ужасном заговоре. Каталина была поражена.

— Какие злодеи! — воскликнула она. — Какая невероятная жестокость! Подумать только, что есть на свете такие изверги! Если бы это не вы мне сказали, дорогой Карлос, я не поверила бы, что возможна такая подлость! Я знала, что оба они дурные люди, я слышала об их подлых делах, но такого злодейства и вообразить не могла. Святая дева! Что за люди! Чудовища! Непостижимо!

— Теперь вы знаете, справедливо ли меня называют убийцей.

— Дорогой Карлос, не думайте об этом! Я никогда этому не верила. Я знала, вы не можете поступить несправедливо, неблагородно. Но не бойтесь! Весь свет узнает...

— Свет! — с горькой усмешкой прервал Карлос. — Для меня нет света. У меня нет дома. Даже для тех, с кем я вместе вырос, я всегда был чужой — отверженный еретик. А теперь и того хуже: я беглец, меня преследуют, за мою голову назначена награда, и немалая. По правде говоря, я никогда не думал, что так дорого стою!

Карлос засмеялся, но веселость его длилась недолго. Он продолжал:

— Свет для меня — вы, Каталина! А теперь вы останетесь для меня только в сердце. Я должен проститься с вами и уехать, уехать далеко. Здесь меня ждет смерть... нет, хуже, чем смерть. Я должен уйти. Мне придется уехать на родину моих родителей, к нашим давно забытым родственникам. Возможно, я найду себе там пристанище и друзей, но счастья нет для меня без вас и не будет никогда!

Каталина молчала, опустив полные слез глаза. Она вздрогнула от мелькнувшей у нее мысли и страшилась ее высказать. Но сейчас не время для ложной скромности и излишней робости, да это и не в ее характере.

— Карлос, ведь вы хотите, чтобы я уехала с вами?

От одного слова зависит счастье всей ее жизни и счастье любимого человека. Прочь девичью застенчивость! Она скажет, что думает!

Она наклонилась к Карлосу близко-близко, взяла его за руку и, глядя ему в глаза, сказала с нежностью, но твердо:

— Карлос, ведь вы хотите, чтобы я уехала с вами?

В то же мгновение он обнял ее и поцеловал.

— Боже мой! Возможно ли это?! — воскликнул он. — Так ли я понял? Каталина, дорогая, я хотел предложить вам это, но не смел. Я боялся. Мне казалось — это безумие. Вы всем жертвуете ради меня! Дорогая моя, дорогая, неужели это правда? Неужели вы хотите уехать со мной?

— Да, хочу! — последовал краткий, но решительный ответ.

— О боже! Я слишком счастлив! Целую неделю я так страдал и вот снова счастлив. Да, неделю тому назад я тоже был счастлив, Каталина. Я пережил удивительное приключение, оно сулило мне богатство. Я был полон надежд, я надеялся завоевать вас, Каталина... нет, дорогая, не вас — вашего отца. Я надеялся с помощью золота заручиться его согласием. Смотрите! — Карлос протянул руку, полную сверкающего металла. — Это золото. Я нашел золото. Я надеялся, что сравняюсь с вашим отцом в богатстве, а потом добьюсь его согласия. Увы, сейчас и золото не поможет... Но ваши слова возвратили мне счастье. Не думайте, что вы теряете богатство... Нет, я знаю, вы о нем и не думаете, дорогая. Я дам вам такое же — быть может, много больше. Я знаю, где можно добыть этот драгоценный мусор, и я все скажу вам, когда у нас будет для этого время. Сегодня ночью...

Каталина прервала его. Ее острый слух уловил звук, показавшийся ей странным. Что-то слегка зашуршало за беседкой, словно ветер тронул листву. Но ведь ветра не было, ни малейшего дуновения. Значит, шорох был от чего-то другого. От чего же?

Подождав секунду-другую, они вышли из беседки и пошарили в кустах, откуда, повидимому, исходил шо-

рох, но ничего не обнаружили. Они осмотрели все кругом, но нигде не было ничего, что могло бы так зашуршать. Теперь было гораздо темнее, чем тогда, когда они вошли в беседку. Луна опустилась ниже, ее серебряное сияние потускнело, но все же было еще достаточно светло, чтобы заметить любой крупный предмет на расстоянии нескольких ярдов. Каталина не могла ошибиться. Она, несомненно, слышала какой-то шорох. Может быть, это была собака? Карлос прошел на мостик. Нет, Бизон лежал там, где хозяин его оставил. Он не подходил к беседке. Что же это было? Не ящерица ли? Может быть, ядовитая змея?

Но что бы это ни было, в беседку нельзя возвращаться — они останутся снаружи. Недобрые предчувствия шевельнулись в душе Каталины: она вспомнила о потерянной записке и о том, как где-то хлопнула дверь, когда она шла сюда. Все это она торопливо рассказала своему другу.

До этого Карлос не придавал большого значения тому, что могло быть явлением естественным, — взмахнула крыльями вспугнутая ими птица, проползла змея или ящерица. Но слова Каталины заставили его насторожиться. Он сразу понял, что в этом кроется что-то дурное. Не раз он сталкивался с коварством индейцев и привык соображать быстро. Он тут же решил тщательней исследовать землю.

Он опять прошел за беседку и, опустившись на колени, внимательно осмотрел кусты и траву. Спустя мгновение он поднялся и с удивлением воскликнул:

— Клянусь, вы правы, Каталина! Здесь, несомненно, кто-то был. Кто-то лежал на этом самом месте. Только куда же он девался?.. Да ведь это была женщина! Вот след ее платья.

— Висенса! — воскликнула сеньорита. — Не иначе, как моя служанка Висенса! Смилуйся, господь! Она слышала все от слова до слова!

— Конечно! Она выследила, когда вы ушли из дому, и пошла за вами. Но что ее толкнуло на это?

— Горе мне! Один бог знает. Она так странно вела себя последнее время... Просто несносно! Карлос, доро-

гой, — продолжала сеньорита, и в голосе ее звучало уже не огорчение, а тревога, — вам нельзя здесь больше оставаться. Кто знает, что она натворит? Вдруг она позовет моего отца! А вдруг еще хуже... Святая дева! Неужели?..

Тут Каталина поспешно рассказала Карлосу о знакомстве Висенсы с солдатом Хосе и обо всем, что касалось этой девушки. Он должен уйти, нельзя медлить ни минуты!

— Хорошо, я уйду, — сказал Карлос. — Но не потому, что боюсь их. Сейчас слишком темно, чтобы стрелять из карабинов, а их сабли меня не достанут: ведь со мной мой верный конь, он мигом примчится на мой зов. Но мне и вправду лучше уйти. Тут что-то кроется. Не станет же эта девушка так стараться из одного любопытства. Я ухожу сейчас же.

Итак, Карлос принял решение. Но столько осталось недосказанного: еще раз произнести любовные клятвы, назначить час новой встречи, быть может, последней, перед тем как со всем покончить и бежать через Великие Равнины.

Не раз Карлос, уже ступив на мост, снова возвращался к Каталине: еще одно ласковое слово, еще прощальный поцелуй...

Наконец, обменявшись последним «до свиданья», влюбленные расстались. Каталина направилась к дому, а Карлос готов был перейти мост, но рычанье Бизона заставило его, насторожившись, остановиться.

Собака зарычала снова, на этот раз более грозно, а затем свирепо залаяла, предупреждая хозяина о близкой опасности.

Сперва Карлос хотел перебежать мост и мчаться к коню — тогда он успел бы во-время скрыться. Вместо этого он вернулся в рощицу, чтобы предостеречь Каталину и поторопить ее. Каталина тем временем уже вышла на лужайку, но, услышав лай собаки, остановилась. Спустя мгновение к ней подбежал Карлос. Но он не успел и слова сказать, как за оградой сада раздался конский топот — по обеим сторонам скакали всадники. Судя по беспорядочному стуку копыт, одни из них остано-

вились, другие проскакали дальше вдоль ограды. Вот подковы загремели по настилу большого моста, тотчас неистово залаяла собака, и уже между стволами деревьев видны темные силуэты всадников на другом берегу. Сад окружен!

Глава XLVII

После того как влюбленные вошли в беседку, Висенса долго еще сидела на корточках, прислушиваясь к их разговору; от нее не ускользнуло ни одно слово. Однако ее удерживал не интерес к разговору, а опасение, что ее обнаружат, если она попытается уйти. Она поступила благоразумно, потому что при лунном свете из беседки хорошо видна была лужайка, которую ей предстояло пересечь. Только тогда, когда луна зашла, у Висенсы явилась надежда скрыться незамеченной. Улучив минуту, когда влюбленные не смотрели в ее сторону, она отползла на несколько ярдов, поднялась и стремглав побежала в темноту.

Как ни странно, сеньорита услышала шелест не тогда, когда девушка отползала от беседки. Чтобы лучше спрятаться, Висенса на пути наклонила ветку, а потом отпустила ее, и ветка распрямилась, шумя листьями. Вот почему влюбленные ничего не обнаружили, хотя сразу же вышли из беседки. В ту минуту они уже не могли ни увидеть, ни услышать шпионку. Она прошмыгнула в коридор, прежде чем зашуршала ветка.

Висенса не задержалась ни на мгновение. Она не возвратилась к себе в комнату, а перебежала двор и поспешила к воротам. Крадучись прошла она портал, словно боялась разбудить привратника.

И вот Висенса уже у ворот; она достала из кармана ключ, но только не от самих ворот, а от калитки.

Ключ этот она припасла еще с вечера, зная, что он ей понадобится. Теперь она вставила его в замок и повернула с величайшей осторожностью, чтобы замок не щелкнул и не заскрипел. Так же осторожно она подняла щеколду и, открыв калитку, тихонько вышла на улицу. Медленно и бесшумно она затворила за собой ка-

литку и во весь дух побежала по дороге, ведущей к ближнему леску.

Здесь, неподалеку от дома дона Амбросио, притаились в засаде Робладо и его солдаты. Чтобы никто их не видел и ничто не нарушило его плана, Робладо привел сюда солдат поздно вечером, кружной дорогой. Здесь он поджидал теперь свою шпионку.

Девушка добралась до места и быстро рассказала офицеру все, что видела. Повторить то, что она слышала, уже не было времени. Узнав, почему она задержалась, Робладо смекнул, что нельзя терять ни минуты. Свидание может закончиться, прежде чем он нагрянет, и тогда добыча ускользнет от него.

Будь у Робладо больше времени в запасе, он действовал бы иначе. Тогда бы он отправил часть людей дорогой, пролегавшей ниже, и они подошли бы к саду прямо со стороны луга. Разумеется, он провел бы всю операцию намного спокойнее и осмотрительнее.

Однако он понимал, что, действуя верно, но медленно, может и опоздать. Нет, тут нужно торопиться, это ясно! И Робладо тотчас же отдал распоряжение своим спутникам. Людей разделили на два неравных отряда. Один должен был занять позицию вдоль садовой ограды справа, другой — слева; большему отряду было приказано оставить у стены лишь нескольких человек, остальные должны были во весь опор нестись через большой мост на другой берег и отрезать выход из сада. Видимо, именно этому отряду предстояла главная роль — им командовал сам Робладо. Он прекрасно знал, что без лестницы не взобраться на стены, — значит, если Карлос в саду, он попытается скрыться через мостик. А если бы он вздумал бежать через коридор к воротам и затем на улицу, то его перехватили бы пешие солдаты во главе с Гомесом, — Висенса должна была провести их ко входу в коридор со стороны внутреннего двора.

План был задуман неплохо. Робладо хорошо знал местность. Он нередко прогуливался здесь, и высота стен и все подступы к саду ему были великолепно известны. Конечно, если бы удалось окружить сад, преж-

де чем Карлос заметит, что подходят солдаты, можно было бы не сомневаться в успехе. Его бы убили или схватили.

Не прошло и нескольких минут после появления шпионки, как Робладо уже отдал распоряжения своим людям. А еще через пять минут они выехали из леса, пересекли небольшую полянку, отделявшую их от дома дона Амбросио, и начали окружать сад. Тогда-то и раздалось первое предостерегающее рычанье Бизона.

— Бегите! Бегите! — закричала Каталина, увидев, что Карлос возвращается. — Обо мне не думайте! Они не осмелятся посягнуть на мою жизнь! Я не совершила никакого преступления. Оставьте меня, Карлос, бегите!.. Матерь божья, вот они!

Темные фигуры выходили из коридора и устремлялись в сад. Напрямик через кусты, гремя своими саблями, они спешили к влюбленным. То были пешие солдаты. Несколько человек остались в проходе, остальные подбегали все ближе.

Сначала Карлос хотел бежать именно в ту сторону. Ему казалось, что он мог бы добежать до дома, подняться на асотею и соскочить вниз. Воспользовавшись темнотой, он вернулся бы на луг где-нибудь в дальнем его конце. Но он увидел, что коридор отрезан, и оставил эту мысль. Он посмотрел на стены ограды — нет, слишком высоки, не перелезть. Можно бы попытаться, но тем временем враги нападут на него. Надо прорваться через мост — это единственный выход. Теперь он понял, что не должен был возвращаться. Каталине не угрожала опасность — ее жизни, во всяком случае, ничто не грозило. Наоборот, для нее куда опаснее, если он останется с нею. Надо было сразу бежать через мост. Теперь он отрезан от своего коня. Он мог бы его окликнуть, благородный скакун тотчас примчится на зов, но тогда враги бросятся за ним и, возможно, поймают его. А это все равно, что лишиться собственной жизни. Нет, коня звать нельзя! Карлос не дал сигнала. Что же ему делать? Остаться с Каталиной? Но его сейчас же окружат, схватят, а то и убьют, как собаку! Ведь он и жизнь Каталины подвергнет опасности. Нет! Он должен сделать

отчаянную попытку и вырваться из сада; если возможно, достичь луга, а там...

Карлос не стал думать, что будет дальше.

— Прощайте, дорогая! — воскликнул он. — Я должен покинуть вас. Не отчаивайтесь! Если мне суждено погибнуть, я унесу с собой вашу любовь в небеса! Прощайте! Прощайте!

Поспешно вымолвив эти прощальные слова, он кинулся прочь так стремительно, что не услышал ответа.

Сеньорита опустилась на колени; сложив руки и подняв глаза к небу, она молилась о его спасении.

В несколько прыжков Карлос вновь очутился под сенью рощи. На противоположном берегу он видел своих врагов и по голосам мог судить, что их там много. Они громко разговаривали, перекликались. Карлос узнал голос Робладо: он приказывал половине улан спешиться и следовать за ним на мост. Сам он уже слез с лошади.

Карлос видел, что единственный путь к спасению — это быстро перебежать мост и прорваться через толпу. Только так он еще, пожалуй, достигнет луга и пробьет себе дорогу навстречу коню. Ну, а когда он будет в седле, пусть они попробуют его поймать! Это отчаянное решение — пробиться сквозь строй: ему грозит почти верная смерть. Но еще вернее, что его ждет смерть, если он останется здесь.

Колебаться было некогда. Несколько человек уже спешились и направились к мостику. Надо перейти мост, прежде чем они на него вступят. Вот один уже там. Его надо отбросить назад.

Взведя курок пистолета, Карлос ринулся к калитке. С другой стороны тоже приближался человек. Они встретились лицом к лицу. Их разделяла лишь калитка. И тут Карлос увидел, что противник его — сам Робладо!

Ни один не проронил ни слова. Робладо тоже держал пистолет наготове и выстрелил первым, но промахнулся. Поняв это и страшась пули противника, он попятился и крикнул солдатам, чтобы стреляли из карабинов.

Однако, прежде чем они успели выполнить приказ, раздался выстрел: охотник разрядил свой пистолет, и Робладо, испустив громкое проклятие, покатился к берегу. Карлос распахнул калитку и хотел броситься вперед, но сквозь дым и мрак разглядел направленные на него дула карабинов. Тут его осенило: нет, бежать через мост нельзя! И он привел в исполнение новую мысль, хотя за это время солдаты едва успели нажать курки карабинов.

Блеснул свет, раздался треск, а когда дым рассеялся, Карлоса уже не было на мосту. Неужели он вернулся в сад? Но нет, несколько солдат уже отрезали отступление в ту сторону.

— Он убит! — раздались крики. — Чорт побери! Он свалился в воду. Смотрите!

Все взгляды обратились на реку. Конечно, туда упал человек — об этом свидетельствовали пузырьки и расходившиеся по воде круги, но больше ничего не было видно.

— Он утонул! Он пошел ко дну! — кричали солдаты.

— Смотрите, как бы он не уплыл! — сказал кто-то.

По берегам забегали люди, пристально вглядываясь в воду.

— Не может быть! Не видно ни всплеска!

— Здесь он не мог улизнуть, — сказал солдат, стоявший немного пониже моста. — Я все время глядел на воду.

— И я тоже! — закричал другой, стоявший выше. — Мимо меня он не проплывал.

— Значит, он убит и лежит на дне!

— Давайте выудим его!

Но Робладо, который уже поднялся, — он увидел, что отделался всего лишь раной в руку, — помешал им выполнить это намерение.

— Рассыпаться по берегу! — прогремел он. — В обе стороны! Скорей, а не то он ускользнет! Торопитесь!

Все бросились выполнять приказ, как вдруг солдаты, двинувшиеся вниз по течению, остановились, изумленные. В сотне ярдов от них, согнувшись, взбирался вверх по крутому берегу человек. Еще секунда — он

выпрямился и с быстротой молнии помчался через луг к роще.

— Держи! — раздались крики. — Вон он! Святые угодники, он и есть!

В трескотне ружейных выстрелов послышался пронзительный свист. Прежде чем верховые успели тронуться, из рощи навстречу бегущему вылетел конь. Человек мгновенно прыгнул в седло, громко, презрительно рассмеялся и ускакал в темноту.

Почти все уланы вскочили на лошадей и во весь опор понеслись за ним; но после недолгой скачки по долине они отказались от погони и возвратились к своему раненому командиру.

Сказать, что Робладо был взбешен, значило бы ничего не сказать: его состояние трудно передать словами. Но ведь осталась другая жертва, и на нее он мог излить свою досаду и злобу.

Каталину захватили в саду, когда она молилась о спасении любимого человека. Ее оставили на попечении Хосе, остальные солдаты бросились на помощь преследователям Карлоса. Хосе хорошо знал охотника и, не отличаясь храбростью, вовсе не стремился участвовать в погоне.

Каталина слышала выстрелы и крики и поняла, что борьба отчаянная. Слышала она и резкий свист и презрительный смех, заглушивший все остальные звуки. И слышала, как замерли вдали крики преследователей.

Сердце ее радостно забилось. Она знала, что Карлос на свободе.

Теперь, только теперь она подумала и о себе. Она тоже замыслила бежать. Она знала, что ей предстоит выслушивать оскорбительные насмешки мерзкого начальника этих негодяев. Что делать, как избежать встречи с ним? Разве только, если уговорить Хосе! Она знала подлый нрав этого человека. Не соблазнится ли он золотом? Надо попытаться. И попытка увенчалась успехом. Против большой суммы негодяй не устоял. Он сообразил, что его не слишком сурово накажут, если он и упустит пленницу, которую можно в любое время опять захватить. За такие деньги он рискнет навлечь

на себя недовольство капитана. К тому же у капитана есть причины быть к нему снисходительным. Итак, деньги уплачены, и сеньорите позволено уйти.

Чтобы создать видимость побега, Хосе попросил ее запереть изнутри дверь своей комнаты; она выполнила это в точности.

Едва Робладо перешел мост, его встретил Хосе и, запинаясь, с трудом переводя дыхание, сообщил, что прекрасная пленница скрылась в доме. Она выскользнула и убежала. Будь это обыкновенная пленница, он, конечно, пристрелил бы ее. А догнал он ее, только когда она уже входила в комнату, и она заперла дверь перед самым его носом!

В первую минуту разъяренный Робладо хотел было взять дом приступом. Однако он одумался: это, пожалуй, покажется смешным, да и толку будет немного. Ретироваться с поля сражения побуждала его и боль в раненой руке.

Снова перешел он мост, сел с помощью солдат на коня и, собрав свое доблестное войско, двинулся обратно в крепость, предоставив разбуженному городу гадать о причинах переполоха.

Глава XLVIII

На следующее утро весь город только и говорил что о ночном происшествии. Сперва предполагалось, что индейцы совершили набег и солдаты, как всегда, их отбили. Что за доблестные защитники народа!

Потом пронесся слух, что захватили Карлоса-убийцу, а в перестрелке убили капитана Робладо. Но вскоре оказалось, что Карлос не пойман — его только ловили и чуть-чуть не поймали. Робладо дрался с ним один на один, ранил его, но преступник в темноте ускользнул, бросившись в реку. Он прострелил капитану руку, вот почему капитан не взял его в плен.

Слух этот шел из самой крепости и был близок к истине. А о ранении Карлоса присочинили, чтобы придать немного блеска поведению Робладо; но потом ста-

ло известно, что охотник на бизонов скрылся, не получив ни единой царапинки.

Люди не переставали удивляться: как же это преступник отважился подойти к городу, зная, что за голову его назначена награда? Уж наверно, у него была на это важная причина. Скоро стала известна и она — вся история выплыла наружу. То-то настал праздник для сплетников! Каталина давно была признана первой красавицей Сан-Ильдефонсо, а теперь завистливые женщины и ревнивые мужчины могли смотреть на нее свысока. Ее репутация сильно пострадала. То, что сделала она, хуже, чем неравный брак. Местная аристократия была возмущена тем, что Каталина унизила себя близостью с бедняком, чуть ли не нищим, а городская беднота, до фанатизма религиозная, осуждала ее за дружбу с «убийцей» и, что еще хуже, с «еретиком».

Случай этот вызвал необычайное волнение, едва ли не панику. Цена за голову охотника поднималась, как акции на бирже. В Доме капитула собрались на совет члены городского управления и местные тузы. Было вывешено новое объявление. Теперь за поимку Карлоса предлагалась еще бóльшая сумма, и, кроме того, всякому, кто снабдит его съестными припасами или окажет ему содействие, грозили суровой карой. А тот из граждан, кому вздумалось бы приютить охотника на бизонов под своей крышей, не только понесет положенное наказание, но и все его имущество будет конфисковано.

Не осталась в стороне и церковь. Святые отцы пугали гневом господним и грозили отлучением всякому, кто помешает вершить правосудие над еретиком-убийцей.

Вот в каком положении оказался беглец. К счастью, Карлос умел обойтись и без крыши над головой. Он был, как дома, и в просторах пустынной прерии и в скалистых ущельях в горах, где враги его умерли бы с голоду; да они и не посмели бы отправиться туда за ним. Если бы ему пришлось искать пищи и крова у жителей Сан-Ильдефонсо, на него, конечно, донесли бы и предали бы его. Но охотник так же мало нуждался в них, как дикие обитатели прерии. Ему могла служить по-

стелью и зеленая лужайка и голая скала, а раздобыть себе пищу он мог даже на бесплодной Льяно Эстакадо, и там ему не страшна была целая армия преследователей.

Дон Амбросио не принял участия в совете. Горе и гнев удержали его дома. Между ним и дочерью произошла бурная сцена. Отныне ее будут неотступно сторожить, будут держать в доме отца, как пленницу, — наказание научит ее смирению!

Невозможно описать, что чувствовали Робладо и комендант. Их душила бешеная злоба. Они едва не обезумели от разочарования, унижения, физических и душевных страданий. Весь день они не выходили из дому и только и делали, что замышляли и прикидывали, как бы вернее изловить своего заклятого врага.

Робладо столь же страстно желал добиться успеха, как и Вискарра. У обоих было достаточно оснований ненавидеть Карлоса, и оба ненавидели его всем своим существом.

Робладо больше всего терзался из-за того, что ему не удастся самому участвовать в погоне, может быть, в течение нескольких недель. Хотя рана его не была опасна, ему приходилось держать руку на перевязи, и он не мог управлять лошадью. Теперь стратегические планы его и коменданта будет выполнять кто-нибудь другой, не столь заинтересованный в поимке преступника, как они сами. Хорошо еще, что из Санта-Фе, из штаб-квартиры, прислали двух лейтенантов, а не то гарнизон на время вовсе остался бы без офицеров. Но ни один из новичков — ни Яньес, ни Ортига — не был способен поймать охотника на бизонов. Им нельзя было отказать в храбрости, Ортиге во всяком случае, но оба они совсем недавно приехали из Испании и не знали еще, как живут и воюют здесь, на границе.

Солдаты с готовностью преследовали преступника и проявляли примерное рвение. Они стремились его поймать, рассчитывая на обещанную большую награду, и всякий раз охотно шли в разведку. Однако напасть на Карлоса отважился бы только многочисленный отряд. В одиночку или вдвоем никто, не исключая хва-

леного Гомеса, не осмелился бы подойти к нему на расстояние выстрела, тем более сойтись с охотником лицом к лицу и попытаться схватить его.

Многие на собственном опыте убедились в беспримерной храбрости Карлоса, другие слышали сильно приукрашенные рассказы о ней, и в гарнизоне его так боялись, что одно лишь появление Карлоса обратило бы в бегство целый отряд.

Охотник на бизонов и в самом деле был ловок, силен и бесстрашен, а богатое воображение местных жителей еще и преувеличивало эти его качества. Мало того: и солдаты и мирные жители прониклись уверенностью, что Карлос заколдован, а потому неуязвим; ведь ему покровительствует его мать-колдунья — иными словами, ему покровительствует сам дьявол! Многие утверждали, что его не берет ни пуля, ни стрела, ни сабля, и те, кто разрядил в него карабин во время схватки на мосту, вполне этому верили. Любой из них готов был поклясться, что попал в Карлоса и непременно убил бы его, не будь он под защитой нечистой силы.

Удивительные россказни распространялись среди солдат и жителей долины. Карлос появлялся то здесь, то там, и всегда верхом на своем черном, как уголь, коне (конь тоже слыл заколдованным). Охотника видели на краю плоскогорья — он мчался во весь опор вдоль самого обрыва, он даже мог бы стряхнуть пепел своей сигары вниз, в долину. Другие встречали его ночью в зарослях, на глухих тропах, и, по их словам, лицо и руки его были красны и светились, как раскаленные уголья. Пастухи видели его наверху, на Утесе загубленной девушки, и даже внизу, в долине, однако никто не отваживался подойти близко и заговорить с ним. Все бежали от него, все уклонялись от встречи. Кто-то утверждал даже, что видел, как Карлос переходил мостик, ведущий в сад дона Амбросио, и новый град сплетен посыпался на верную Каталину. Впрочем, злопыхателей постигло горькое разочарование, ибо они услышали, что мост больше не существует — дон Амбросио велел его сломать на другой день после того, как узнал о недостойном поведении своей дочери.

Власть суеверий над невежественным населением Новой Мексики так велика, как нигде в мире. Можно сказать, что они здесь — основа религии. Отцы миссионеры, насаждавшие среди солнцепоклонников Кецалькоатля религию Рима, поощряли многие суеверия, обращая их себе на пользу. Вполне понятно, что паства не рассталась со всеми этими предрассудками, как бы ни были они нелепы. Вот почему новомексиканцы верили в колдовство и колдунов ничуть не меньше, чем в бога.

И надо ли удивляться тому, что дьявол оказался причастен к делам Карлоса, охотника на бизонов. Его искусство в верховой езде, бегство из-под носа преследователей, даже если не считать их сверхъестественными, были, конечно, необычайны и романтичны. Но жители Сан-Ильдефонсо относились к ним теперь иначе. Карлосу помогает нечистая сила: и ловкость, с какой он опрокинул быка, схватил цаплю и скакал по краю пропасти в день праздника, и то, что он ускользал невредимым от карабинов и пик, — все от дьявола!

Но странное дело: за последние дни с преступником часто сталкивались те, кто к этому вовсе не стремился, а вот тем, кому непременно хотелось с ним повстречаться, это никак не удавалось. День за днем, с утра до вечера, безуспешно рыскали по округе лейтенанты Яньес и Ортига со своими солдатами. Не видели Карлоса и многочисленные шпионы, разосланные повсюду, где он мог бы появиться. Сегодня они доносили, что видели его здесь, завтра — там. Преследователи мчались в указанное место — и всякий раз обнаруживалось, что за охотника приняли какого-нибудь скотовода на черном коне. Солдаты все снова и снова бросались по ложному следу, пока эта безуспешная погоня не изнурила вконец людей и лошадей. И, однако, эти поиски стали единственной обязанностью гарнизона: комендант и не думал отказываться от погони, пока у него оставался хоть один солдат.

Особенно зорко следили за одним местом. Днем и ночью переодетые солдаты и специально нанятые шпионы не спускали с него глаз. Это было ранчо охотника на

бизонов. Переодетых солдат и шпионов разместили вокруг таким образом, что они могли, оставаясь незамеченными, видеть все происходящее вне стен дома. Днем они занимали одни посты, ночью — другие, один тайный караул сменялся другим, и наблюдение не прерывалось ни на минуту. Однако в обязанность шпионов не входило напасть на Карлоса, если бы он появился. Они лишь должны были уведомить отряд, стоявший поблизости наготове, а уж там достаточно сил, чтобы захватить преступника.

Мать и сестра охотника жили опять в своем ранчо. Пеоны починили его и настлали крышу — задача несложная, поскольку стены не пострадали от пожара. И теперь жилище их было таким же уютным, как прежде.

Никто не беспокоил мать и сестру Карлоса — ведь они не должны были знать, что за ними неусыпно следят. Не без умысла к ним относились так терпимо: за каждым их движением зорко наблюдали. Стоило им покинуть ранчо, как за ними шли следом; а о том, что они вышли из дому, нужно было немедленно сообщить начальнику прятавшегося в засаде отряда. Суровое наказание грозило всякому, кто не выполнил бы этого строгого приказа.

Объяснялось все это очень просто. Вискарра и Робладо подозревали, что Карлос навсегда покинет эти места и возьмет с собою мать и сестру. Почему бы нет? Почему бы ему не уехать отсюда? Долина Сан-Ильдефонсо никогда уже не будет ему домом, меж тем он без труда найдет себе приют по ту сторону Великих Равнин. Здесь он навсегда предан анафеме. Только смерть может избавить его от постоянного страха за свою жизнь. Вот почему оба офицера считали, что Карлос намерен уехать в другие края. Но, конечно, он не оставит мать и сестру, пока их держат как заложниц. Он не уйдет далеко отсюда. Рано или поздно эта лиса попадется в капкан, и тогда они с ним расправятся.

Так рассуждали комендант и его капитан, и именно поэтому было строжайше приказано охранять ранчо. Его обитательницы были настоящие пленницы, хотя

они и не подозревали об этом, — по крайней мере, так думали Вискарра и Робладо.

Однако, несмотря на все их хитроумные планы, несмотря на шпионов, разведку и солдат, на обещанные награды и угрозу сурового наказания, день следовал за днем, а преступник попрежнему оставался на свободе.

Глава XLIX

Давно уже Карлоса не было ни слышно, ни видно, а те донесения, которые о нем поступали, после проверки оказывались ложными. Комендант и его собрат начали беспокоиться. Вдруг он и впрямь навсегда уехал отсюда в другие края? Этого они теперь боялись больше всего. У обоих были основания желать, чтобы он убрался подальше от этих мест, и еще совсем недавно они очень обрадовались бы такому исходу дела. Но после неудавшейся попытки схватить Карлоса оба они — и соблазнитель и охотник до приданого — уже не хотели этого. Страстное желание отомстить взяло верх над подлой любовью одного и корыстолюбием другого. Всеобщее сочувствие, вызванное их злоключениями, еще больше разжигало их ярость. Можно было не опасаться, что она когда-нибудь заглохнет. Вискарре достаточно было взглянуть в зеркало — и она вспыхивала в его груди с новой силой.

Вискарра и Робладо сидели на асотее крепости и рассуждали о том, справедливы ли их предположения.

— Он обожает свою сестру, — заметил комендант, — да и мать тоже, хоть она и карга. А все-таки, дорогой мой Робладо, каждый больше всего дорожит собственной жизнью. Дорога мне рубаха, но шкура еще дороже. Он прекрасно понимает, что если останется здесь, то рано или поздно попадется нам в руки, и знает, что́ его тогда ждет. Правда, он ловко удирал, но не всегда же ему будет так везти. Повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сложить. Негодяй хитер — уж конечно, он знает эту поговорку. Вот поэтому я и боюсь, что он все-таки убрался отсюда. Может, и не навсегда, но,

во всяком случае, не скоро покажется. Допустим, он и вернется, но как мы будем поддерживать эту вечную слежку? Она изведет самого дьявола. Она так нам надоест, как осада Гранады доброму королю Фердинанду и грязная сорочка его воинственной супруге [1]. Ей-богу, мне это уже и так опротивело!

— Хуже будет, если он удерет от нас, — возразил Робладо. — Лучше уж я буду всю жизнь за ним гоняться.

— Да, да, я тоже, капитан. Не думайте, я вовсе не намерен отказаться от слежки. Нет, чорт побери! Посмотрите на меня!

Вискарра вспомнил об изуродовавшем его шраме, и горькая гримаса еще больше обезобразила его лицо.

— А все-таки, — продолжал он, — после того, что произошло, вряд ли он оставит их здесь даже ненадолго. Вспомните, какой опасности он подвергал себя, когда пришел за сестрой.

— Конечно, — задумчиво ответил Робладо, — конечно. Меня больше всего удивляет, почему он не уехал с ними в ночь, когда вернулась Росита, в ту самую ночь... Ведь, судя по письму, он был там, в своем ранчо. Правда, чтобы подготовиться к путешествию через прерии, нужно время. В какое-нибудь наше селение он не переедет, а чтобы уехать далеко, надо подготовиться, хотя бы женщинам. Сам-то он, наверно, и в пустыне как дома, не хуже антилопы или степного волка. Но если бы он уж очень захотел, он все-таки мог бы уйти тогда и взять их с собой.

— Мы промахнулись, что в ту же ночь не послали наших людей к его ранчо, — заметил Вискарра.

— Я бы послал, если бы боялся, что он сбежит.

— Как это «если бы»? А вы не боялись? Разве нельзя было этого ожидать?

— Нисколько, — сказал Робладо.

---

[1] Испанский король Фердинанд V (1452—1516) и его жена Изабелла долгое время осаждали Гранаду — последний оплот мавров в Испании. В 1492 году Гранада пала. По преданию, Изабелла дала обет не менять рубашки, пока не будет завоевана Гранада.

— Я не понимаю вас, дорогой капитан. Как же так?

— А так, что в долине есть магнит, который притягивает его посильнее, чем мать или сестра, и я об этом знал.

— Вот оно что! Теперь я понимаю вас.

— Да! — скрипнув зубами, злобно продолжал Роблادо. — Именно она, эта бесценная красотка, которая, невзирая ни на что, будет моей женой. Ха-ха! Он не мог сбежать, не потолковав с ней. Да, разговор у них был, и одному богу известно, порешили ли они, что это их последняя встреча. Но ничего, это я за них решил, и дон Амбросио мне помог. Чорт побери, надеюсь, больше она уже не будет гулять по ночам! Нет, он не бежал. Я не допускаю этого — и по двум причинам. Прежде всего из-за нее... Любили вы когда-нибудь? Я хочу сказать, любили вы по-настоящему? — И он снова расхохотался.

— Пожалуй, был такой грех, — тоже смеясь, ответил Вискарра.

— Вот и в моей жизни тоже был такой идиотский случай. Что ж, тогда вы сами должны знать: уж если человек влюблен всерьез, его никакими канатами не оттащишь от места, где живет дама его сердца. Да, я думаю, наш охотник, хоть он ей совсем не ровня, любит и боготворит эту мою будущую супругу. Ха-ха-ха! И уж поверьте, никакая опасность, даже страх перед виселицей не заставит его уехать из Сан-Ильдефонсо, пока у него есть надежда еще на одно тайное свидание. Ну, а так как он знает, что сеньорита готова бежать ему навстречу, он эту надежду не потерял. А второе основание полагать, что он все еще скрывается неподалеку, — это то, о чем вы говорили. Вряд ли он покинет мать и сестру после всего, что произошло. Его мы не ослепили, хотя, слава господу или дьяволу, мы всем, кроме него, отвели глаза. Он знает все, Висенса подтвердила нам это. Вот почему, я уверен, он не бросит их надолго. Этот охотник хитер, как койот, он наверняка пронюхивает, где наши засады, знает насчет приманки и уж постарается не попасться нам на глаза. Никуда он далеко не ушел и через этих своих проклятых пеонов поддерживает связь с матерью и сестрой.

— Что же нам делать?

— Я уже об этом думал.

— Если мы помешаем пеонам ходить, куда им заблагорассудится, они сразу поймут, что вокруг ранчо засада.

— Конечно, комендант. Так никуда не годится!

— Вы придумали другой план?

— Отчасти.

— Так выкладывайте же!

— Вот слушайте. Кое-кто из пеонов постоянно навещает Карлоса в его логове. В этом я убежден. За ними, разумеется, следили, но они уходят только днем, и всякий раз оказывалось, что по своим обычным делам. Но есть там один, который уходит из ранчо ночью, а выследить его никак не удается. Как за ним ни шпионят, он всегда исчезает в зарослях. Вот я и думаю, что это он встречается с охотником.

— Очень похоже на то.

— Так вот, если бы нашелся кто-нибудь, кто выследил бы его или хоть напал на след... Но тут-то и загвоздка. Больше всего нам нужен теперь хороший следопыт, а во всем гарнизоне не найти ни одного.

— Но есть же в долине еще охотники, и не только на бизонов. Неужели среди них не найти подходящего?

— Конечно, охотники есть, и, говорят, никто из них не сочувствует этому преступнику. Да только боюсь, все они нам не годятся. Нам нужен такой, чтоб ему хватало и ловкости и отваги, тут чем-нибудь одним не обойтись. Они его крепко ненавидят, но и боятся тоже. Есть, правда, один, — я слышал о нем кое-что, — как раз такой человек, какой нам нужен. Он не побоится встречи не то что с Карлосом, но и с самим чортом. Ну, а насчет ловкости и всяких там индейских хитростей — так у него среди охотников репутация еще солиднее, чем у Карлоса.

— А кто он такой?

— Их даже двое, они неразлучны. Один — мулат, он прежде был в рабстве у американцев. Он беглый и, конечно, ненавидит все, что ему напоминает о его хозяевах. А нашего охотника он, говорят, ненавидит лютой

ненавистью. Отчасти все из-за тех же воспоминаний о прошлом, а отчасти потому, что завидует охотничьей славе Карлоса. Так или иначе, а нам это на руку. Его дружок тоже вроде мулата: он самбо — сын негра и индианки с побережья Матамораса или Тампико. Он давно уже в наших краях, а как он сюда попал, никто не знает. Только этот самбо и мулат с давних пор неразлучны: живут вместе, вместе охотятся и горой стоят друг за друга. Оба они здоровенные молодцы, и хитрости им тоже хватает. Но мулат у них первый — из них двоих он первый подлец. Совесть их обоих не очень-то обременяет. Словом, они-то нам и нужны.

— Тогда почему бы нам их сейчас же не заполучить?

— В том-то и беда, что сейчас их здесь нет. Они на охоте. Они понемногу прислуживают миссии: поставляют святым отцам оленину и всякую другую дичь. Теперь, видно, наши смиренные, воздержанные монахи вздумали полакомиться бизоньими языками — у них есть какой-то там особенный рецепт — и послали своих охотников за свежей дичью.

— А давно они ушли, не знаете?

— Да уж несколько недель назад, задолго до того, как возвратился Карлос.

— Тогда, может быть, они скоро вернутся?

— Очень возможно. Пожалуй, я поеду сейчас в миссию, разузнаю поточнее.

— Поезжайте. Хорошо бы нам их заполучить. По вашему описанию выходит, что эти два молодчика сто́ят всего нашего гарнизона. Не теряйте времени.

— Ни минуты не потеряю, — ответил Робладо. И, наклонившись над парапетом, крикнул: — Эй, Хосе! Коня!

Вскоре пришел вестовой и доложил, что лошадь оседлана. Робладо уже шагнул к лестнице, но тут навстречу ему над каменным полом асотеи показалась коротко остриженная голова с выбритой на темени круглой, как плешь, тонзурой. Еще мгновение — и на асотее появился сам отец Хоакин, учтивый и улыбающийся.

Глава L

Это тот самый служитель церкви, который присутствовал на праздничном обеде в крепости в день святого Иоанна. Он — старший из двух отцов иезуитов и безраздельно хозяйничает в миссии. Младший его собрат, отец Хорхе, поселился в Сан-Ильдефонсо недавно, тогда как отец Хоакин заправляет миссией почти с самого ее основания. Он здесь старожил и поэтому знает всю подноготную каждого жителя долины. К семье Карлоса, охотника на бизонов, он почему-то всегда питал глубокую неприязнь, которую и обнаружил в тот вечер на обеде у Вискарры, хотя и не объяснил, чем она вызвана. Он ненавидит «белоголовых» совсем не потому, что считает их еретиками, — отец Хоакин в душе не придает подобным вещам никакого значения, хотя всегда грозно обрушивается на отступников церкви. Его религиозное рвение — это чистейшее лицемерие и мирская хитрость. Нет такого порока, распространенного в долине Сан-Ильдефонсо, которому не предавался бы больше всех отец Хоакин. Он искусный игрок в монте и при случае не прочь смошенничать, он авторитетнейший судья в петушиных гонках и всегда готов поставить несколько золотых. Но это еще не все, чем может похвастаться святой отец. Бывая под хмельком — а это не редкость, — он любит рассказывать о своих любовных похождениях в молодости и даже совсем недавних. И хотя новообращенным при миссии полагалось бы быть темнокожими тагносами, там постоянно вертятся несколько юных метисов, мальчишек и девчонок, которых здесь называют племянниками и племянницами отца Хоакина.

Вы, наверно, считаете, что все это сильно преувеличено.

Можно ли себе представить, чтобы какой-нибудь почтенный священник пользовался уважением своей паствы, ведя такой образ жизни? И я бы так думал, если бы мне не привелось собственными глазами наблюдать нравы духовенства Мексики. Безнравственность отца Хоакина — отнюдь не исключение в среде его со-

братьев. Напротив, это явление очень распространенное, можно даже сказать — общее правило.

Итак, совсем не религиозный пыл восстановил монаха против семьи бедного охотника, ничуть не бывало. Он затаил злобу еще против покойного главы семьи: иезуиту порядком доставалось от него при прежнем коменданте.

Отец Хоакин взошел на асотею суетливый и озабоченный, ему явно не терпелось рассказать какую-то новость, и, судя по его торжествующей улыбке, он заранее предвкушал впечатление, которое произведет эта новость на слушателей.

— Добрый день, святой отец!.. Добрый день, ваше преподобие! — в один голос сказали комендант и Робладо.

— Добрый день, дети мои! — ответил иезуит.

— Вы пришли очень кстати, святой отец, — сказал Робладо. — Вы избавили меня от поездки в миссию — я как раз собирался к вам.

— Что ж, если бы вы пришли, капитан, я угостил бы вас отменным завтраком. Мы наконец получили бизоньи языки.

— Вот как! — разом воскликнули Вискарра и Робладо с таким оживлением, что отец Хоакин даже удивился.

— Ах вы, разбойники прожорливые! Понимаю, к чему вы клоните. Вы не прочь получить от меня несколько штучек. Так знайте, что вы и ломтика не получите, пока не дадите мне чего-нибудь промыть пыль в глотке. Я умираю от жажды!

Офицеры громко расхохотались:

— А чего бы вам хотелось, святой отец?

— Погодите, дайте подумать... Ага! Стаканчик того самого бордо, которое вам недавно прислали.

Принесли вина; отец Хоакин выпил залпом целый стакан и причмокнул губами как знаток, вполне оценивший достоинства напитка.

— Прекрасно! Превосходно! — воскликнул он и возвел глаза к небу, как будто все хорошее исходит оттуда и туда возвращается.

— Так вы получили бизоньи языки? — нетерпеливо спросил Робладо. — Значит, ваши охотники вернулись?

— Да, вернулись. Из-за этого я и пришел к вам.

— Великолепно! А я как раз из-за этого собирался в миссию.

— Ставлю золотой, что у нас на уме одно и то же! — объявил отец Хоакин.

— Мне невыгодно спорить, отец мой, вы всегда выигрываете.

— Бросьте! За мои новости вы с радостью отдадите золотой.

— Какие новости?.. Какие у вас новости? — подступили к нему оба офицера.

— Еще стаканчик бордо, или я задохнусь. Эта пыльная дорога хуже чистилища. Ну, вот это мне поможет!

И святой отец осушил еще один стакан вина и снова причмокнул губами.

— А теперь выкладывайте свои новости, ваше преподобие!

— Так вот, слушайте: наши охотники вернулись.

— Ну и что?

— Что? Они привезли новости.

— Какие?

— О нашем друге, охотнике на бизонов.

— О Карлосе?

— О ком же еще!

— Какие новости? Они его видели?

— Его самого не видели, но напали на его след. Они обнаружили его логово и знают, где он сейчас.

— Прекрасно! — воскликнули Вискарра и Робладо.

— Они берутся найти его в любое время.

— Великолепно!

— Вот видите, друзья мои, что у меня за новости. Можете ими воспользоваться, как вам угодно.

— Дорогой падре, — заметил Вискарра, — вы умный человек, помогите нам советом. Вы ведь знаете, как обстоит дело. Наши уланы не способны поймать этого негодяя. Что нам делать, как по-вашему?

Такое доверие очень польстило иезуиту.

— Друзья, — сказал он, привлекая к себе обоих сразу, — я уже думал об этом. На мой взгляд, вы великолепно обойдетесь и без улан. Посвятите наших двух охотников, насколько это необходимо, в свои дела, снарядите их, и пускай отправляются по следу. И если они вам не поймают этого негодяя еретика, значит, отец Хоакин ничего не смыслит в людях.

— Как раз об этом мы и думали! — воскликнул Робладо. — Ведь я из-за этого и собирался к вам!

— И вы правильно рассудили, дети мои. Я полагаю, что это самый верный путь.

— А возьмутся за это ваши охотники? Они люди свободные, они могут и не пойти на такое рискованное дело.

— Рискованное! — повторил иезуит. — Опасность не испугает их, можете мне поверить. Они храбры, как львы, и проворны, как тигры. Будьте спокойны, они не остановятся перед опасностью.

— Так вы думаете, они согласятся?

— Можете считать, что они согласились, я уже выяснил это. У них свои причины не слишком любить Карлоса, и вам не придется долго уговаривать их. Да они, наверно, уже собрались в дорогу — они ведь прочитали объявление — и, надо думать, прикинули, какое богатство сулит поимка Карлоса. Подтвердите, что они получат солидное вознаграждение, и не пройдет и трех дней, как они принесут вам уши этого охотника на бизонов или его скальп, а не то и всю тушу, если вам это больше нравится. Уж они-то его выследят, будьте покойны!

— А не послать ли с ними солдат? Карлос может быть не один. У нас есть основания полагать, что с ним метис — его правая рука, а с такой поддержкой он окажется нешуточным противником для ваших охотников.

— Вряд ли. Ведь это сущие дьяволы. Но спросите их самих. Им лучше знать, нуждаются ли они в подмоге. Это их дело, пусть они и решают.

— Послать за ними сейчас или вы сами пришлете их сюда? — спросил Робладо.

— А не лучше ли кому-нибудь из вас отправиться к ним? Такое дело не терпит огласки. Если они явятся сюда, люди, пожалуй, догадаются, о чем у вас с ними может быть разговор. А уж если до Карлоса дойдет, что эти молодцы его ищут, тогда едва ли им удастся его поймать.

— Вы правы, отец мой, — сказал Робладо. — А как нам увидеться с ними, чтобы никто об этом не узнал?

— Ничего нет проще, капитан. Отправляйтесь к ним в дом — в лачугу, вернее сказать. Они живут в хибарке среди скал. Место это глухое, вряд ли вы кого-нибудь встретите по дороге. Вам надо ехать тропой через заросли, но я дам вам проводника, он знает это место и доведет вас. Молодчики вас, должно быть, ждут: я им намекнул, чтобы они не уходили из дому на случай, если понадобятся. Будьте покойны, вы наверняка их застанете.

— А когда вы пришлете проводника?

— Он уже здесь — мой слуга поведет вас. Он внизу, во дворе, вам незачем терять время.

— Конечно, Робладо, — поддержал комендант. — Лошадь ваша оседлана, поезжайте, не откладывая.

— Еду сейчас же!.. Где ваш проводник, отец мой?

— Эстебан! Эй, Эстебан! — крикнул иезуит, наклонившись над парапетом.

— Я здесь, сеньор! — ответили снизу.

— Иди сюда! Быстро!

На асотее тотчас появился мальчик-индеец; он снял шляпу и почтительно приблизился к отцу Хоакину.

— Проводишь капитана по тропе через заросли к хижине охотников.

— Хорошо, сеньор.

— Да смотри никому ни слова об этом!

— Хорошо, сеньор.

— Если скажешь, отхлестаю плетью. Ступай!

Робладо в сопровождении мальчика спустился по лестнице, ему помогли сесть на лошадь, и он выехал из ворот крепости.

Отец Хоакин осушил еще стаканчик бордо, предложенный Вискаррой, затем вспомнил, что в миссии его

ждет роскошный завтрак, и, распрощавшись с хозяином, отправился восвояси.

Вискарра остался на асотее один. Если бы кто-нибудь был там и понаблюдал за ним, он заметил бы, что стоило Вискарре взглянуть в сторону Утеса загубленной девушки, как на лице его появлялось странное, тревожное выражение.

Глава LI

Робладо въехал в заросли; в нескольких шагах впереди его лошади рысцой бежал мальчик Эстебан. Около полумили Робладо ехал по проселочной дороге, которая вела из города к одному из проходов в скалах, затем свернул на узкую тропку, по которой, кроме охотников да пастухов, разыскивающих своих овец, почти никто не ходил и не ездил. Еще две-три мили пути, и он добрался до цели своего путешествия — жилища охотников, притулившегося у подножия утеса.

Это и в самом деле была жалкая хижина. Несколько стволов древовидной юкки, в изобилии растущей вокруг, заменяли столбы, они поддерживали односкатную крышу — вернее, навес, верхним краем примыкавший к утесу. Крыша была устлана жесткими листьями той же юкки, наваленными плотным слоем. Было там и что-то вроде двери, сделанной из досок, отщепленных от более толстых стволов юкки, и подвешенной на полосах буйволовой кожи. Окном служило отверстие со ставнем из того же материала, подобным же образом подвешенным. Стены были сплетены из виноградных лоз, вкривь и вкось скрепленных тонкими жердями и кое-как промазанных глиной. Хозяева старались тратить поменьше труда на постройку дома, поэтому четвертую стену заменяла гладкая поверхность отвесного утеса, и полоса копоти отметила на ней путь дыма, выходившего вместо трубы просто через отверстие в крыше. Дверь находилась сбоку и примыкала к утесу, окно же было вырезано в передней стене хижины, так что хозяева увидели бы всякого, кто вздумал бы прийти сюда по тропе.

Только случалось это редко: свирепые охотники почти ни с кем не водили знакомства, и жилище их было в стороне от проезжей дороги, огибавшей утесы. Хижина стояла в лощине, которая вдавалась глубоко в скалы, в нескольких сотнях ярдов от дороги. С одной стороны ее загораживали скалы, с другой скрывали еще и густые заросли.

За домом виднелся небольшой загон, кое-как сложенный из камней. Там стояли три тощих, облезлых мула и две такие же жалкие лошади. К коралю примыкало поле, вернее — то, что когда-то было полем; теперь, запущенное, заброшенное, оно поросло травой и сорняками. Впрочем, кое-где можно было обнаружить следы человеческого труда: местами в беспорядке торчали неухоженные кустики маиса, а между ними тянулись усики дынь и тыкв. Сразу видно было, что люди, поселившиеся на этой земле, ей не хозяева.

У порога лежали пять или шесть собак, больше похожих на волков; на земле под нависшей скалой валялось несколько обтрепанных вьючных седел. Два старых, потертых, рваных седла для верховой езды торчали на горизонтальном шесте; на нем же висели уздечки, связки вяленого мяса и стручки красного перца.

Войдя в этот дом, можно было увидеть двух не слишком опрятных индианок — одна месила тесто для грубого хлеба, другая жарила мясо. У самой скалы меж двух камней горел огонь, а рядом на полу были свалены в беспорядке глиняные горшки и тыквенные бутылки.

Стены этого жилища украшали луки, колчаны и шкуры животных; покрытые шкурами камни, сложенные в двух углах комнаты (там была только одна комната), служили постелью. В третьем углу стояли два охотничьих ружья, одно длинноствольное, другое испанское, с коротким стволом, и два длинных копья, а над ними висели охотничьи ножи, пороховницы, сумки и всякое другое снаряжение, необходимое охотнику Скалистых гор. Были там и сети и прочие принадлежности для рыбной ловли и охоты за мелкой дичью. Вот и вся обстановка и утварь этой лачуги. Все это Робладо

увидел бы, войди он в хижину; но он не вошел, так как те, кто был ему нужен, не сидели в четырех стенах. Мулат лежал, растянувшись на земле, а самбо, по обычаю своей родины — побережья жарких стран, — в гамаке, подвешенном меж двух деревьев.

Вид этих людей внушил бы отвращение всякому, однако Робладо он успокоил. Именно такие пособники ему и нужны! Он видел обоих и раньше, но никогда к ним не приглядывался. А теперь, глядя на их наглые, мрачные физиономии и темные мускулистые тела, он подумал: «Да, вот эти справятся с Карлосом. Внушительная парочка. Если судить по внешности, то любой без труда его одолеет — они и крупнее и плотнее его».

Мулат был повыше своего приятеля. Тот уступал ему и в силе, и в храбрости, и в проницательности. Если не считать самбо, вряд ли можно было сыскать во всей стране еще кого-нибудь с такой отталкивающей физиономией, как у мулата. Ну, а самбо — тот был ему под стать.

У мулата была тускложелтого цвета кожа, редкие усы и борода. За толстыми фиолетовыми, как у негра, губами красовалось два ряда огромных волчьих зубов. Желтоватые крапинки густо усеивали белки его ввалившихся глаз. Над глазами нависли густые черные, широко раздвинутые брови; дырами зияли вывернутые ноздри толстого приплюснутого носа. Густая копна курчавых волос, вернее — шерсти, скрывала огромные уши. На голове на манер тюрбана был повязан старый клетчатый мадрасский платок, давным-давно не приходивший в соприкосновение с мылом. Курчавые волосы, вылезавшие из-под складок тюрбана на лоб, придавали лицу мулата еще более дикое и свирепое выражение. Все в этой физиономии говорило о жестокости, наглой дерзости, коварстве и отсутствии каких бы то ни было человеческих чувств.

Одежда мулата мало чем отличалась от той, какую носят все охотники прерий. Она состояла из шкур и одеяла. Необычен был лишь головной убор — память о тех временах, когда мулат был невольником в Южных штатах.

У самбо лицо было не менее свирепое, чем у его приятеля. Отличалось оно только цветом кожи. Оно было бронзово-черным — сочетание окраски кожи двух рас, к которым принадлежали его родители. Губы у него были толстые и лоб покатый, как у негра, а индеец сказывался в волосах, почти гладких, свисавших длинными змеевидными прядями на шею и плечи. Однако его внешность обращала на себя меньше внимания, чем вид его дружка-мулата. Он носил обычную для своего племени одежду — широкие шаровары из грубой бумажной ткани и безрукавку из той же материи, грубое серапе и вместо пояса шарф. Грудь, шея, плечи и массивные темные, как бронза, руки были обнажены.

Робладо подоспел как раз к концу сценки, в которой наглядно выразился характер самбо.

Полулежа в гамаке, он наслаждался крепкой сигарой и время от времени отгонял мух бичом из сыромятной кожи. Потом окликнул одну из женщин, свою теперешнюю жену:

— Эй, девчонка! Дай мне поесть! Жаркое готово?

— Нет еще, — ответил голос из хижины.

— Тогда принеси мне маисовую лепешку и перцовку!

— Ты ведь знаешь, дорогой, перцовки нет в доме, — прозвучал ответ.

— Поди сюда! Ты мне нужна!

Женщина вышла из хижины и с явной неохотой приблизилась к гамаку.

Пока она не подошла совсем близко, самбо сидел не шевелясь, потом неожиданно взмахнул бичом, который до сих пор прятал за спиной, и изо всей силы обрушил его на плечи женщины, защищенные лишь тонкой сорочкой. Удары сыпались один за другим, пока несчастная женщина не отважилась наконец отойти на безопасное расстояние.

— Так-то, девчонка! В другой раз, когда я попрошу лепешку и перцовку, у тебя они найдутся, не правда ли, душечка?

И, снова улегшись в гамаке, дикарь разразился громовым хохотом, к которому присоединился мулат. Он

Беседа велась вполголоса, чтобы не услышали женщины.

собирался точно так же поступить и со своей дражайшей половиной, но как раз в эту критическую минуту у хижины остановился Робладо.

Оба вскочили на ноги и почтительно его приветствовали. Они знали, кто он такой. Разговор поддерживал в основном мулат — ведь из них двоих он был главный, — самбо же оставался в тени.

Беседа велась вполголоса, чтобы не услышали женщины и Эстебан. Как и советовал отец Хоакин, приятели были наняты для того, чтобы выследить охотника на бизонов и, мертвого или живого, доставить его в крепость. В первом случае их ожидало немалое вознаграждение, во втором — почти вдвое большее.

Они не пожелали помощи солдат. Это их не прельщало. Им вовсе не хотелось уменьшить щедрую награду, делить ее еще с кем-нибудь. Для двоих эта сумма была бы целым состоянием, и блестящая перспектива ее получить разжигала их стремление добиться успеха.

Покончив с этим делом, капитан поскакал обратно в крепость, а мулат и самбо стали тут же собираться на охоту за человеком.

Глава LII

Через полчаса мулат и самбо — первого звали Мануэль, второго Пепе — готовы были отправиться в путь. Сборы не отняли и половины этого времени, но добрых пятнадцать минут было затрачено на то, чтобы подкрепиться жарким и выкурить по крепкой сигаре; а лошади пока что грызли брошенные им початки кукурузы.

Но вот сигары докурены; приятели вскочили в седла и поскакали.

Мануэль был вооружен длинноствольным ружьем, какими обычно пользуются американские охотники, и ножом, тоже американским, с тяжелым крепким клинком, обоюдоострым на несколько дюймов от конца, — страшным оружием в единоборстве. И то и другое Мануэль привез с собой из долины Миссисипи, там же он научился пользоваться этим оружием.

У седла лошади Пепе болталось на ремне испанское охотничье ружье; на боку у Пепе висел большой, тяжелый нож — мачете, а за спиной — лук и колчан со стрелами. В некоторых случаях — например, когда нужно добить дичь или нанести удар, не поднимая шума, — мачете и лук удобнее, чем любое огнестрельное оружие. Из лука стреляют быстрее, чем из ружья; а если первая стрела не попала в цель, что ж, это не пуля — меньше вероятности, что она выдаст намеченной жертве врага.

Кроме этого оружия, у каждого охотника за поясом торчал пистолет, а на седельной луке висело свернутое лассо.

Позади, на крупе лошадей, они везли провизию — связки вяленого мяса и завернутые в оленью шкуру холодные маисовые лепешки. Снаряжение довершали тыквенная бутыль для воды с двумя горлышками, рожки, пороховницы и сумки. За лошадьми по пятам бежали два громадных тощих пса, такие же свирепые и дикие на вид, как и их хозяева. Один из них был волкодав местной породы, другой — испанская ищейка.

— Как поедем, Мануэль? — спросил самбо, когда они отъехали от хижины. — Напрямик к Пекосу?

— Нет, нет, вверх полезем, в обход. Увидят нас в долине — еще догадаются, за кем это мы. Ему кто-нибудь сболтнет — тогда не видать нам тех денег. Нет, поедем старой дорогой — через сухое русло к Пекосу. Дольше будет, зато вернее.

— Чорт побери! — воскликнул Пепе. — Да там крутизна — помрешь, пока влезешь. Моей бедной скотине, пожалуй, не под силу. И так выдохлась. Мы ведь сколько гонялись за бизонами!

Они пересекли заросли и по дороге, огибавшей скалы, подъехали к месту, где в отвесный склон врезалась лощина. По дну ее можно было подняться на верхнее плоскогорье. Подъем был крутой, очень трудный. Любая лошадь заартачилась бы, кроме выросшего в горах мустанга, — эти всюду карабкаются, как кошки. Даже собаки взбирались с трудом на этот почти вертикальный откос. Однако охотники спешились и, таща за со-

бой лошадей, полезли вверх; вскоре они достигли плоскогорья.

Отдышавшись немного и дав передохнуть лошадям, они опять сели в седла и поскакали галопом через прерии на север.

— Ну, Пепе, сынок... — пробормотал мулат. — Нам, может, кто попадется навстречу. Может, тут пастух гоняется за антилопой. Слышишь?

— Ага, Мануэль, понимаю.

Это были последние слова, которыми они обменялись на протяжении десяти миль. Ехали они гуськом: впереди Мануэль, следом Пепе, позади собаки. Те тоже бежали друг за дружкой — волкодав за ищейкой.

Проехав миль десять, они достигли высохшего русла реки, наискосок пересекавшего дорогу. По этому самому руслу ехали Карлос и его спутники в день, когда они бежали после происшествия в крепости. Теперь сюда спустились охотники. Как тогда Карлос, они свернули вниз по направлению к устью — к берегу Пекоса. Здесь они въехали в рощу и, спешившись, привязали коней к деревьям. Хотя лошади лишь недавно вернулись после долгого пути и сейчас пробежали еще не менее тридцати миль, они совсем не казались измученными. Несмотря на худобу, они были сильны и выносливы, как это присуще их породе, и могли бы без ущерба пробежать еще миль сто. Их хозяева прекрасно это знали, иначе они не были бы уверены в успехе своей охоты на человека.

— Как бы он не ускакал, вороной у него хорош, — заметил мулат, поглядев на мустангов. — Ничего, нагоним, а, Пепе?

— Да уж нагоним.

— Пара кляч измотает рысака, а, Пепе?

— Верно, Мануэль, измотает!

— Не хочу я надрываться, надо сделать игру полегче. Исхитримся, Пепе?

— Надеюсь, Мануэль!

— Он наверняка засел в пещере. Лучше местечка ему не найти. Не схватят, когда спит, солдатам тут в жизнь не взобраться. И назад, в долину, ему выйти

легко. Ходит взад и вперед, никакие шпионы его не углядят. Больше ему негде быть. Наверняка он в пещере с конем вместе. Только вот загвоздка: когда его поймать? А, Пепе?

— То-то и оно! Кабы знать, когда он там, а когда нет!

— Ну, это нетрудно. Устроим засаду — и все.

— Думаешь, он там бывает днем?

— Думаю, Пепе. В долину он выходит ночью, это ясно — только ночью. Может, не к себе домой, куда-нибудь по соседству. Уж наверно, он встречается с Антонио. В пещеру Антонио нельзя идти: белоголовый хитер, он идет ему навстречу. Это наверняка!

— Может, нам выследить Антонио?

— Можно, только это не годится. Тогда надо драться сразу с двоими. И не надо нам убивать Антонио. У людей нет зла на Антонио. Найдут с ним Антонио — будет хуже. Нет, сынок, хватит с нас белоголового — много дела поймать его. Помни: поймать — не убить. Пусть-ка сами убивают. На что нам выслеживать Антонио? Мы знаем, где сам. Кабы не знали, другое дело.

— А может, пойти к пещере днем, Мануэль? Что-то я плохо помню, где это.

— Миля, не меньше. Пошли бы, если он спит... А когда он спит? Может, ты скажешь?

— А если не будет спать?

— За милю увидит нас в ущелье, вскочит в седло, ускачет наверх, на плоскогорье,—ищи его тогда! Может, три дня пропадут, а может, и вовсе не найдем.

— А знаешь, Мануэль, я придумал! Пойдем к входу в ущелье, заляжем до ночи поблизости. Как станет темно, заползем туда, где поуже. Он поедет мимо — другой дороги в долину у него нет, понимаешь? — тогда мы его и подстрелим.

— Эх, ты! Да мы так потеряем половину платы! А если промахнемся в темноте? Тогда все потеряем. Ну нет! Все — или ничего! Жизни своей не пожалеем, а его надо взять живьем, только живьем!

— Ладно, тогда пускай он выедет из ущелья, — заметил Пепе. — Отъедет подальше, а мы заберемся в

пещеру. Будем ждать, пока придет обратно. Что скажешь, Мануэль?

— Неплохо придумано, сынок. Ладно, так и сделаем. Только зря соваться не будем. Сперва пускай он выедет из ущелья, тогда пойдем. Увидим, что он убрался, — и в пещеру. Так мы его наверняка захватим... Смотри, солнце садится. Пора! Поехали!

— Поехали!

Они сели на коней и выехали на берег реки. В этом месте не было брода, но что с того? Не медля ни минуты, они заставили лошадей войти в воду и поплыть; за ними последовали собаки; и вскоре все они выбрались на другой берег. Вода текла с них ручьями. Вечер был холодный, но что для таких людей жара или холод! Они не замечали своей промокшей одежды. Не задерживаясь, они поскакали прямо к отвесным скалам, в которые упиралась долина. Здесь, у подножия Льяно Эстакадо, они свернули вправо, огибая утесы.

Охотники проскакали две или три мили вдоль каменной стены и подъехали к скалистому отрогу, врезавшемуся в долину. Отходя от плоскогорья, он постепенно суживался и становился все более пологим. В конце его беспорядочно громоздились обломки скал и каменные глыбы. Здесь не было деревьев, но темные вздыбленные камни придавали этому месту какой-то взъерошенный вид. Меж камней и в расселинах скал мог бы укрыться целый отряд всадников вместе с лошадьми.

К этому выступу скалистого мыса и направился мулат. За мысом скрывалось ущелье, где находилась пещера; второй такой же кряж огораживал ущелье с южной стороны. Оно глубоко вгрызалось в скалу, а оттуда вверх, на плоскогорье, вела узкая крутая тропа. Это было то самое ущелье, где перебили стадо молодого скотовода дона Хуана. Здесь больше не видно было трупов. Стервятники, волки и медведи немало потрудились над ними, и теперь на дне ущелья валялись одни лишь кости, уже побелевшие.

Наконец охотники достигли цели путешествия. Они провели своих коней меж каменных глыб и крепко

привязали их; потом стали карабкаться по расселинам и скалам вверх и добрались до вершины хребта. Отсюда открывался вид на вход в ущелье. Он был шириною ярдов в триста, и ни человек, ни лошадь не могли бы пройти мимо Мануэля и Пепе незамеченными, разве что ночь будет уж очень темная. Но охотники надеялись на луну: при свете ее они увидят и кошку, если она вздумает проскочить в ущелье.

Облюбовав себе местечко, они залегли в засаде. Снизу, из лощины, лежащей по обе стороны хребта, никто не мог бы их увидеть. А их лошади были спрятаны среди скал.

Охотники на человека ясно представляли себе план действий. У них были основания предполагать, что Карлос, объявленный вне закона, поселился здесь, в пещере, в этом ущелье, хорошо знакомом Мануэлю. По ночам он, уж наверно, выходит отсюда, отправляется в долину — отсюда до его ранчо всего миль десять — и где-то на полпути встречается с Антонио, а тот рассказывает ему обо всем, что происходит в Сан-Ильдефонсо, и кстати передает ему съестные припасы.

Здесь они намеревались ждать, пока Карлос выедет из ущелья, потом забраться в пещеру и наброситься на него, когда он вернется. Конечно, они могли бы подкараулить его, когда он будет проезжать мимо, но они не были уверены, что им удастся его схватить. Если он будет верхом на своем коне, им его не поймать. Можно, конечно, подкрасться совсем близко и выстрелить в него, но в этом случае, как сказал мулат, есть риск, что он ускользнет.

К тому же они гнались вовсе не за его скальпом. Оба они, и в особенности Мануэль, хотели во что бы то ни стало захватить Карлоса живым и заработать двойную плату. Пусть это и труднее и опаснее, зато, если они его поймают, награда будет удвоена, а за деньги эти головорезы были готовы на все. Впрочем, они вовсе не были так отважны, чтобы стремиться к открытой схватке. Они знали безудержную храбрость белоголового и надеялись взять верх над ним, прибегнув к хитрости.

С самого начала они решили выследить его, а потом подкрасться к нему, когда он будет спать, и постепенно, в пути, обдумали план действий. В голове Мануэля этот план зрел задолго до того, как он предложил его Пепе.

Их надежды подогревались уверенностью, что жертва и не подозревает о том, кто за ним гонится. Карлос ни от кого не мог узнать об их возвращении с охоты, поэтому он не будет уж очень осторожен. Конечно, знай Карлос, что они отправились по его следу, он повел бы себя иначе, чем теперь, когда он думает, что скрывается от солдат. От солдат он в любое время спрячется где-нибудь на Льяно Эстакадо. Охотники — другое дело. Если при первой попытке им не удалось бы разделаться с ним, они выследят его и найдут, куда бы он ни ускакал.

Оба они, и Мануэль и Пепе, не сомневались: белоголовый не заподозрит, что они здесь, до той минуты, пока они его не схватят. Поэтому-то они и рассчитывали на успех.

Разумеется, они приняли меры, которые должны были обеспечить им удачу, если только их предположение правильно: Карлос сейчас в пещере и выйдет из ущелья ночью.

Скоро они это узнают. Солнце уже село. Ждать осталось недолго.

Глава LIII

Карлос действительно был в это время в пещере. После случая в крепости он поселился здесь, сделал эту пещеру своим «логовом» по тем самым причинам, о которых Мануэль говорил своему сообщнику. Она обеспечивала ему надежное убежище и при этом находилась недалеко от его друзей, от долины. Он мог спокойно выходить из ущелья ночью и возвращаться перед рассветом. Днем он спал. Здесь он мог не бояться, что его выследят солдаты. Но если бы даже и выследили, из входа в пещеру открывался вид на ущелье почти на милю, до самого устья, и кто бы ни появился с той

стороны, Карлос заметил бы его еще издали. И хотя по обе стороны ущелья вздымались неприступные утесы, у охотника была возможность бежать, если бы солдаты вошли в ущелье снизу, из долины. Как уже сказано, из ущелья вверх, на плоскогорье, вела узкая, крутая, опасная тропка. Несмотря на ее крутизну, славный вороной смело взбирался по ней, а наверху, на широком просторе Льяно Эстакадо, Карлос только посмеялся бы над своими преследователями-уланами.

Лишь в часы его сна или после наступления темноты враги могли бы подкрасться к нему. Но и этого Карлос не боялся. Он спал так же безмятежно, как если бы его окружала надежная охрана. И у него был страж — верный страж Бизон. Из последней отчаянной схватки на мосту Бизон все-таки вырвался, и хотя его искололи пиками, раны были неопасны. Как и прежде, он был рядом со своим хозяином, и когда тот спал, умный пес сидел на уступе и смотрел вниз, в ущелье.

От одного лишь вида солдатских мундиров шерсть встала бы дыбом на спине Бизона и он бы предостерегающе зарычал. Даже в темноте собака почует приближение постороннего еще за несколько сот ярдов, и это позволит хозяину во-время скрыться от самых быстроногих преследователей.

Пещера была просторная, достаточно просторная, чтобы вместить людей с их лошадьми. Кристально чистая вода стекала со скал в ее глубине в круглую, точно чаша, выемку, казалось созданную рукой человека. Но это лишь казалось. Сотворила эту чашу и наполнила ее чудеснейшей водой сама природа. В этих местах такие водоемы не редкость. В горах Вако и Гваделупских, расположенных еще южнее, часто встречаются пещеры с такими родниками.

Трудно представить себе лучший приют для беглеца, кто бы он ни был — разбойник, изгнанник, преследуемый законом, — и для Карлоса теперь это было самое подходящее убежище. Он давно знал о существовании пещеры, а кроме него, о ней знали лишь такие же охотники на бизонов, как он, да дикие индейцы.

К этому темному, мрачному ущелью жители долины никогда не приближались.

Здесь, в пещере, Карлос мог сколько угодно предаваться размышлениям, а размышления его подчас бывали очень горьки. Обо всем, что происходило в долине, ему рассказывал Антонио. Каждую ночь он виделся с Антонио в условленном месте, у Пекоса, и узнавал от него новости. Хитрый мулат Мануэль угадал верно. Если бы Антонио приходил в пещеру, его могли бы выследить и тем самым обнаружить убежище Карлоса. Вот почему охотник каждую ночь уходил отсюда, чтобы встретиться с Антонио подальше.

В городе у Антонио была ловкая помощница — ему сообщала новости Хосефа. От нее он узнал, что Каталину де Крусес держат под замком; что Робладо всего лишь ранен и уже поправляется; что на поиски Карлоса отправились отряды, возглавляемые вновь приехавшими офицерами, и что награда за его голову увеличена. О слежке, установленной за ранчо, Карлос знал давно. Эта затея, не такая уж хитрая, все же сильно досаждала ему: он не мог навещать мать и сестру. Однако через Антонио он все-таки поддерживал с ними постоянную связь. Казалось, после происшедшего ему следовало бы беспокоиться за сестру; но негодяй Вискарра еще не оправился после ранения, а кроме того, Карлос правильно рассудил, почему Роситу отпустили на свободу. За нее он не очень боялся — по крайней мере, в ближайшее время; а вскоре он увезет ее далеко, туда, где ей не будет грозить опасность.

И сейчас он ждал удобного случая. Он не сомневался: как бы ни были бдительны враги, он в любое время сумеет выкрасть мать и сестру. Но вместе с ними должна бежать и та, что дорога ему не меньше. А ее охраняют куда строже, с нее не спускают глаз!

Ради нее одной он каждый день рисковал жизнью, ради нее проводил одинокие часы в своей пещере, обдумывая всё новые безрассудно смелые планы.

Каталину держат под замком, стерегут ее неусыпно дни и ночи напролет. Как же ее освободить? Эта мысль не давала ему покоя.

Каталина поклялась, что уйдет вместе с ним. О, почему они не бежали сразу? Почему медлили? Как мог он упустить драгоценную минуту! Промедление оказалось роковым. Неужели задуманное не осуществится долгие месяцы, годы, быть может, никогда?..

Злоба врагов, презрение, с каким относились к нему в долине, мало заботили Карлоса. Он беспокоился лишь о Каталине, лишь мысль о ней неотступно тревожила его. В часы бодрствования он думал об одном — как спасти не себя, а любимую.

Можно ли удивляться, что он так ждал ночи? Можно ли удивляться, что он нетерпеливо мчался к Пекосу, к месту тайного свидания с Антонио?

Снова спустилась ночь. Карлос вывел коня на откос у выхода из пещеры, вскочил в седло и поскакал вниз по ущелью. Впереди бежал Бизон.

Глава LIV

Охотникам на человека, как они и предполагали, не пришлось долго ждать. Светила луна — на это они тоже рассчитывали. Луна была яркая, и лишь порой ее ненадолго закрывали пробегавшие по небу облака.

Однако ветра не было, воздух словно застыл. Здесь, на высоте, воздух так чист и прозрачен, что самый легкий звук слышен на большом расстоянии, каждый шорох отдается вдалеке.

Шорохи и шумы были слышны, хотя собаки и лошади охотников, приученные стоять тихо, и сами охотники не издавали ни звука. Они лежали молча, и если переговаривались, то только шопотом.

То были голоса самой природы, какие обычно раздаются в этом диком краю: захрапит бурый медведь в своей берлоге среди скал, завоет, залает койот, ухнет сова, порой пронзительно пискнет летучая мышь или крикнет козодой. Некоторое время ушей спрятавшихся охотников достигали лишь эти звуки.

Прошло полчаса, но ни на мгновение Мануэль и Пепе не дали отдыха зрению и слуху. Они смотрели то

на ущелье, то в сторону долины. Очень может быть, что их жертвы нет в пещере и днем не было, а такие люди, как они, предвидят и взвешивают всякую возможность. Если это так и если Карлос сейчас должен возвратиться в пещеру, то их план нельзя осуществить. Но Мануэль предусмотрел и такой случай: надо дать Карлосу пройти, а потом, ночью, подкрасться поближе к пещере, хорошо бы на расстояние выстрела, дождаться утра, когда белоголовый появится снова, и прострелить ему руку из ружья — этим оружием желтолицый охотник владел мастерски. Можно застрелить лошадь — и это неплохой план. Карлоса почти наверняка удастся поймать, если они убьют или ранят его коня. И приятели решили при первом же удобном случае покончить с благородным животным.

Знали они и совсем верный способ убить или захватить Карлоса, тут вряд ли возможна неудача, — конечно, если точно знать, что их жертва сейчас в пещере. Но у них были свои основания не воспользоваться этим планом.

Ничего не стоило привести отряд улан по плоскогорью и оставить его наверху, у тропки, ведущей из ущелья. Другой отряд тем временем вошел бы в ущелье из долины; а так как скалистые стены ущелья почти отвесны, Карлосу был бы отрезан путь к бегству с обоих концов. Правда, как мы уже знаем, если бы солдаты вошли только в ущелье, все дело сорвалось бы; а чтобы провести их на плоскогорье, минуя ущелье, пришлось бы затратить целый день. Но, конечно, Вискарра и Роблало ради верного успеха не пожалели бы ни времени, ни людей.

Мулат и его темнолицый приятель все это великолепно знали, однако меньше всего они думали о том, чтобы воспользоваться таким планом. Его можно было осуществить, почти не подвергая себя опасности, зато невелика была бы и плата: ведь каждый солдат потребовал бы себе равную долю обещанной награды. А Мануэлю и Пепе вовсе не хотелось с кем-то делиться наградой, если они благодаря своему опыту и смекалке поймают Карлоса. Нет, они и не думали прибегнуть к

этому способу. Оба не сомневались, что добьются своего и без посторонней помощи.

Они недолго ждали в своей засаде на скале. Через каких-нибудь полчаса и тот и другой чутким ухом уловили звук, доносившийся из ущелья: кто-то приближался к выходу в долину. Стучали лошадиные копыта по камню, осыпалась мелкая галька.

Дно ущелья устилали осколки камней, нанесенные сюда во время ливней. По этой каменистой дороге ущельем ехал всадник.

— Белоголовый, — пробормотал Мануэль. — Наверняка он.

— Верно, брат, ты угадал. Ты все его следы разгадал сразу. В пещере-то он и прячется. Мы наверняка его застукаем, когда придет обратно... А, чорт! Вот он!

Не успел Пепе договорить, как на склоне появилась высокая тень. В лунном свете охотники разглядели всадника и коня. Можно было не сомневаться: это и была намеченная жертва.

— Слушай, брат, — прошептал Пепе, — а вдруг он пройдет близко? Может, уложить коня? При таком свете не промахнешься, будем целиться в коня. Уложим его — легко захватим белоголового.

— Не годится, сынок. Его не так-то легко захватить и пешего. Уйдет в скалы, будет прятаться день за днем, все время будет начеку — намучаемся мы с ним. Старый план лучше. Пускай его едет — верней захватим, когда вернется. Тогда наверняка его захватим.

— Но, Мануэль...

— К чорту! Чего там «но»? Всегда ты спешишь. Наберись терпения, не пяться, не трусь! Вон, гляди!

Этот возглас означал, что предложение Пепе, хотя и разумное, неосуществимо: всадник проезжал так далеко, что был недосягаем для их ружей.

Он ехал посередине ущелья, держась на равном расстоянии от его откосов, и ясно было, что он выедет на открытое пространство ярдов за двести от того места, где прятались в засаде охотники.

Так оно и вышло. Через несколько минут он оказался против их укрытия и действительно не менее

На склоне появилась высокая тень. В лунном

чем в двухстах ярдах от них. Его не настиг бы выстрел из охотничьего ружья Мануэля; столь же ненадежным посланцем была бы пуля Пепе. Охотники лежали, затаив дыхание, не помышляя о стрельбе; они силой удерживали своих собак в расселине скалы, поглаживая их, чтобы успокоить.

Всадник приближался медленным шагом, с большой осторожностью. В ярком свете луны искрились блестящие части сбруи и оружия. Можно было отчетливо разглядеть и белую кожу, и статную фигуру всадника, и его великолепного коня.

— Белоголовый! — пробормотал Мануэль. — Удачно, сынок!

— А что это там, впереди? — спросил Пепе.

— Ага! Я и не заметил. Будь он проклят! Это пес. Ну конечно, пес!

— Верно, пес, провались он!

— К чорту в пекло этого пса! Я уже про него слыхал. Редкостный пес. Дьявольщина! Задаст он нам хло-

свете охотники разглядели всадника и коня.

пот! Хорошо еще, что ветер не в ту сторону. Сейчас неопасно... А, чорт! Гляди!

Всадник вдруг остановился и подозрительно посмотрел на вершину скалы, где скрывались охотники. Что-то в поведении собаки обеспокоило его.

— Будь он проклят! — опять пробормотал Мануэль. — Этот пес еще задаст нам хлопот! Наше счастье, что ветер не в ту сторону.

Ветер был совсем слабый, дул он и в самом деле со стороны всадника прямо в лицо охотникам, и это было для них удачей, не то Бизон, конечно, почуял бы их.

Их засаду и так чуть не обнаружили. Какой-то еле уловимый звук — быть может, одна из лошадей переступила ногами в траве — возбудил подозрение собаки, хотя всадник ничего не услышал. Да и собака, видимо, сразу успокоилась — она опустила морду и снова побежала вперед. Всадник последовал за ней. Через несколько минут они скрылись из виду.

— Теперь, сынок, в пещеру!

— Пошли!

Охотники спустились вниз, сели на коней и, пробравшись среди скал, въехали в ущелье. Держась в тени откоса, они поехали в дальний, узкий конец ущелья, к той тропе, по которой недавно спустился всадник. Поднимаясь по ней, они внимательно смотрели на утес справа, так как знали, что пещера должна быть на этой стороне.

Они не опасались, что оставят след и Карлос распознает его, даже если будет возвращаться днем: тропа вела по камням, и на них уже были отметины, оставленные копытами его собственной лошади. И все же Мануэль не был спокоен; время от времени он твердил не то про себя, не то обращаясь к своему приятелю:

— Будь он проклят! Задаст нам хлопот этот пес, наверняка задаст! Будь он проклят!

Наконец в каменной стене ущелья, словно черное пятно, показалось жерло пещеры. Мануэль бесшумно спешился и, оставив своего коня с Пепе, взобрался на уступ и стал внимательно разглядывать вход в пещеру. Хитрый охотник был осторожен на случай, если бы вдруг кто-нибудь оказался внутри, — он не упустил из виду и такую возможность.

Некоторое время он прислушивался у входа, потом послал в пещеру собак; они не залаяли, не заворчали, и Мануэль наконец успокоился. Он заполз туда сам, все же держась в тени скал, потом высек огонь, заслонив свет, чтобы отблеск его не падал наружу, быстро огляделся и, окончательно убедившись, что здесь никого нет, вышел и велел товарищу привести коней.

Теперь в пещеру вошли оба охотника вместе со своими лошадьми. Они обшарили все кругом и на сухом уступе обнаружили несложное хозяйство Карлоса. Серапе, небольшой топорик, чтобы колоть щепки для очага, котелок для варки пищи, две-три чашки, несколько кусков вяленого мяса и немного хлеба — вот и все, что было в пещере.

Непрошенные гости присвоили себе все то, что им пришлось по вкусу, привязали лошадей в глубине и

тщательно осмотрели каждый уголок, чтобы уже совсем освоиться в этом каменном жилище; потом они погасили огонь и, словно хищные звери, залегли, подкарауливая свою ничего не подозревающую жертву.

Глава LV

Покинув пещеру, Карлос ехал с осторожностью, вполне естественной для человека в его положении. Однако этой ночью он был особенно осмотрителен. Он зорко вглядывался в каждый кустик на пути, в каждый камень, за которым мог бы притаиться враг. Почему же сегодня он более осторожен, чем обычно? Да оттого, что в душу его закралось подозрение, и подозревал он, что на его след могли напасть те самые люди, которые так близко от него лежали сейчас в засаде.

В последние дни он часто думал об этих людях. Он хорошо знал их и знал, что оба они, а Мануэль в особенности, ненавидят его. Их могут послать на розыски, думал он, и, несомненно, они способны его выследить. Вот почему Карлос сейчас тревожился куда больше, чем прежде, когда его преследовали отряды улан с их неопытными начальниками. Если на поиски его двинутся хитрый мулат и его не менее проницательный дружок, то, конечно, пещера недолго будет служить ему убежищем и он уже не сможет так легко получать вести из Сан-Ильдефонсо.

От этих мыслей Карлосу было не по себе и стало бы еще тревожнее, не будь он уверен, что приятели охотятся сейчас далеко на плоскогорье. Он надеялся, что сумеет уладить все свои дела и уехать из этих краев до того, как вернутся Мануэль и Пепе. Но в это утро его надежды рухнули.

Он возвращался в свое убежище, когда уже рассвело. На этот раз Антонио, за которым неотступно следовали шпионы, не удалось во-время прийти в условленное место, и поэтому Карлос задержался. Возвращаясь в ущелье, он натолкнулся на свежий след, который шел с северного края плоскогорья. Здесь

прошли лошади, мулы и собаки, и по следам Карлос быстро подсчитал, сколько их было. Оказалось — как раз столько, сколько лошадей, мулов и собак у желтолицего охотника и его дружка. И Карлос понял: это их следы! Они вернулись с охоты в прериях.

Он внимательно рассмотрел следы и убедился, что его опасения справедливы. Отпечатки, оставленные одной из собак, разнились от других. Это не был след волкодава местной породы, хотя и такой же крупный. Карлос слышал, что мулат Мануэль не так давно приобрел огромную ищейку. Конечно, это и есть отпечатки ее лап.

Карлос проехал по следам охотников до того места, где они пересекали его собственную старую тропу, ведущую к ущелью. Как же он удивился, когда обнаружил, что один из всадников вместе с собаками свернул и отправился в ту сторону, куда вели следы его коня! Сомнений не могло быть: человек этот выслеживал именно его, Карлоса! Вскоре, однако, этот человек повернул обратно и продолжал прежний путь.

Карлос знал теперь, что накануне вечером здесь проезжали охотники. Он выследил бы их дальше, но наступило утро, и так как они явно направлялись к городу, он не отважился ехать в ту сторону, а вернулся в свое убежище.

Весь день его не покидали тревожные мысли, навеянные этим открытием; о том же он думал и сейчас, покинув пещеру; вот почему он соблюдал такую осторожность.

Итак, пес Бизон, выскочив из ущелья, неожиданно обернулся к скалам и тихо зарычал. Тогда и Карлос остановился и внимательно посмотрел в ту сторону. Но он не увидел ничего подозрительного; к тому же Бизон, видимо, успокоился и снова побежал вперед.

«Дикий зверь какой-нибудь», — подумал Карлос и поехал дальше.

Он выбрался на открытое место и, проскакав миль шесть-семь галопом, достиг берегов Пекоса. Здесь он свернул вниз по течению и, снова соблюдая осторож-

ность, направился к роще на берегу. Эта роща и была местом свидания.

Не доехав ярдов сто, Карлос остановился. Вперед бросилась собака; порыскав в зарослях, она возвратилась к своему хозяину. После этого он смело въехал в тень рощи, спешился там и стал под деревом, поджидая прихода вестника.

Ему не пришлось долго ждать. Через несколько минут в долине показался человек; пригнувшись, он быстро шел к роще. Ярдов за триста он остановился и тихонько свистнул. Карлос ответил на сигнал, и человек, все так же пригибаясь, подошел к нему под деревья. Человек этот был Антонио.

— За тобой следили, друг? — спросил Карлос.

— Как всегда, хозяин, но я скоро от них отделался.

— Да, теперь это будет не так легко.

— Отчего же, хозяин?

— Я знаю, что у тебя за новости: ведь желтолицый охотник вернулся?

— Чорт побери! Так оно и есть! Кто же вам сказал, хозяин?

— Утром, когда ты ушел, я наткнулся на след — их след, не иначе.

— Их и есть, хозяин. Они вернулись вчера вечером. Но у меня есть новости похуже.

— Похуже? Что такое?

— Они выслеживают вас!

— Ага, уже! Я этого ждал, но не так скоро. Откуда ты знаешь, Антонио?

— Хосефа сказала. Ее братишка прислуживает отцу Хоакину. Утром падре взял его с собой в крепость, а потом послал проводить капитана Робладо к хижине желтолицего охотника. Падре стращал мальчишку, чтобы никому не говорил про это. Да только, когда он вернулся в миссию, он пошел к матери. А Хосефа уже подозревала, что его посылали за каким-то нечистым делом, потому что он показал ей серебряную монету. Ну, она все у него и выпытала. Он не знает, про что разговаривали Робладо и охотники, только ему кажется, что они куда-то собирались. Так вот, я прикинул все

это вместе и подумал: наверно, они отправились по вашему следу, хозяин.

— Конечно, друг. Я ничуть не сомневаюсь в этом. Значит, выживут меня теперь из пещеры. Они, конечно, догадываются, где я скрываюсь. Ничего не поделаешь, придется искать себе другое убежище. Хорошо, что я во-время почуял этих негодяев и они не схватят меня, когда я буду спать. Они-то, наверно, как раз на это рассчитывают... А еще что нового?

— Да ничего такого нет. Вчера вечером Хосефа видела Висенсу с Хосе. А с сеньоритой ей так и не удалось перекинуться словечком: уж больно крепко сторожат сеньориту. Но у Хосефы есть дело к жене привратника. Завтра она ее увидит — может, что-нибудь у нее и выведает.

— Мой добрый Антонио, — сказал Карлос, кладя ему в руку монету, — отдай это Хосефе и скажи, чтобы действовала. На нее вся наша надежда.

— Не бойтесь, хозяин, — ответил Антонио усмехаясь. — Хосефа старается изо всех сил. У нее-то, я так думаю, вся надежда на меня!

Карлос засмеялся простодушным словам своего верного слуги и товарища, но тут же стал расспрашивать о другом — о своей матери и сестре, о солдатах, шпионах, о доне Хуане.

Антонио ничего нового не знал о доне Хуане. Его арестовали на следующий день после происшествия в крепости, и с тех пор он сидел за решеткой. Его обвиняли в пособничестве Карлосу и должны были судить, как только поймают охотника на бизонов.

За полчаса они обо всем переговорили. Карлос взял у Антонио свертки с едой и собрался возвратиться в свое убежище.

— Завтра приходи опять, Антонио, — сказал он на прощанье. — Если мне что-нибудь помешает прийти, жди меня послезавтра и потом в следующую ночь. Доброй ночи, друг!

— Доброй ночи, хозяин!

С этими словами друзья — ибо они были настоящими друзьями — расстались.

Антонио, низко пригнувшись, отправился в сторону долины, а Карлос, вскочив в седло, поскакал к хмурым утесам Льяно Эстакадо.

Глава LVI

Новость, которую сообщил Антонио, не могла не вызвать у Карлоса самых серьезных опасений, можно было бы сказать — страха, если бы Карлосу было знакомо такое чувство. Он стал еще осторожнее и напряженно думал о том, как же ему оградить себя от преследователей.

Если бы ему предстояло сразиться лицом к лицу с двумя сильными людьми, которые хотели поймать его, он бы не так беспокоился. Но он знал, что эти два негодяя хоть и сильны, а нападут на него лишь тогда, когда у них будут какие-нибудь преимущества перед ним. Они непременно постараются нагрянуть, когда он будет спать, или попробуют еще как-то застать его врасплох. Он должен остерегаться их уловок!

Карлос медленно ехал к ущелью, всецело поглощенный мыслями о желтолицем охотнике и его приятеле.

«Они, конечно, знают эту пещеру, — думал он. — Раз они пошли вчера по моему следу, значит, подозревают, что я скрываюсь где-то в ущелье. О том, что вышло тогда в крепости, они, уж конечно, тоже слышали. Наверно, им рассказал какой-нибудь пастух там, на плоскогорье. Так... Но что же дальше? Они поспешили в миссию. Ага! Отец Хоакин взял мальчишку с собой в крепость. Понимаю, понимаю... Падре ведь покровитель этих негодяев. Они сказали ему что-то, иначе зачем бы он в такую рань пошел в крепость? Они принесли новости, и Роблацо тут же отправился к ним. Ясно, ясно: они обнаружили мое убежище!.. Может быть, они добрались до ущелья, пока меня не было? — думал он. — Посмотрим! Что ж, времени им хватило бы, если только они отправились сразу же после разговора с Роблацо. Мальчишка так и подумал. Да, надо глядеть в оба! Пора!»

Едва эта мысль промелькнула в его сознании, Карлос остановил вороного, пригнулся к самой шее коня и стал всматриваться во тьму впереди. Он подъехал уже к входу в ущелье и почти той же дорогой, по какой недавно уезжал отсюда. Но теперь луна скрылась за тяжелыми облаками, и ее свет не рассеивал сумрака в ущелье.

«Они могут залезть поглубже в ущелье, где узко, — рассуждал он, — и дождаться, чтобы я вышел из пещеры. Это очень на них похоже. Подстеречь меня там — сущий пустяк. Может быть, сейчас они уже в ущелье».

Он задумался на минуту. Да, это вполне возможно.

«Что ж, пусть даже так, — сказал он себе. — Все равно я поеду. Бизон обежит скалы на выстрел впереди меня. Если они там залегли и он их не обнаружит, — значит, эти бестии еще хитрее, чем я думаю, а я ведь знаю — они не простачки! Ну, а если он их спугнет, я успею ускакать».

— Эй, Бизон!

Собака, остановившаяся впереди, в нескольких шагах, подбежала и посмотрела в лицо хозяину. Он подал ей знак и произнес одно только слово:

— Ищи!

Собака ринулась в ущелье. Теперь она бежала далеко впереди, обнюхивая землю. Всадник следовал за ней.

Так он подъехал к месту, где отвесные стены сходились совсем близко, их разделяли всего лишь какие-нибудь сто ярдов. По обе стороны у подножия утесов лежали большие глыбы, за которыми свободно могли притаиться люди; за ними можно было спрятать даже лошадей.

«Вот самое подходящее место для трусливого нападения, — подумал Карлос. — Здесь можно с любой стороны нанести предательский удар, даже не очень целясь. Но Бизон не подает сигнала».

— Ага!

Это короткое восклицание было ответом на чуть слышный лай собаки. Бизон наскочил на след там, где мулат и его сообщник свернули к середине ущелья. Из-

за облаков выглянула луна, и Карлос увидел, что собака мчится по ущелью ко входу в пещеру.

Хозяин позвал бы ее обратно, но ведь она не искала еще, нет ли кого за обломками скал, а без этого Карлос не решался ехать дальше. Но Бизон слишком стремительно несся вперед — он явно напал на свежий след, и Карлосу пришло на ум, что его враги сейчас в пещере.

Как только он подумал об этом, Бизон снова залаял. Его больше не было видно, но хозяин знал, что пес уже недалеко от входа в пещеру и бежит по свежему следу.

Карлос сдержал коня и прислушался. Ехать дальше он не решался. Не решался и позвать собаку. Если поблизости кто-нибудь есть, его голос услышат. Оставалось только ждать возвращения собаки или ждать до тех пор, пока он поймет, за кем Бизон погнался. В конце концов, это может быть и медведь или какой-нибудь другой дикий зверь.

Неподвижно сидел Карлос на коне, однако внезапное нападение не застигло бы его врасплох. Его верное ружье лежало поперек седла, а заряд и запал он проверил раньше. Он прислушивался к малейшему шороху, впивался взглядом в каждое темное углубление в скалах впереди и по сторонам.

Он недолго оставался в неизвестности: откуда-то из глубины ущелья донесся звук, заставивший всадника привскочить в седле. Казалось, сцепились собаки, и на мгновение Карлосу представилось, что Бизон напал на медведя. Но заблуждение тут же рассеялось: острый слух охотника уловил голоса нескольких собак, и в неистовом шуме драки он различил хриплый лай ищейки.

Ему сразу все стало ясно. Враги подстерегали его в пещере. Теперь он был уверен, что шум доносился оттуда.

Первым его побуждением было повернуть коня и скакать прочь из ущелья. Однако он остался на месте и прислушался.

Шум драки не прекращался, но теперь среди рычанья и лая собак Карлос различил голоса людей, что-то глухо и торопливо говоривших собакам и друг другу.

Вдруг все как будто успокоилось, собаки замолкли, только изредка глухо лаяла ищейка. Но вот замолкла и она.

Тишина подсказала Карлосу, что Бизон либо убит, либо убежал куда-нибудь от напавших на него людей. Ждать его больше не имело смысла. Карлос знал: если Бизон жив, он догонит хозяина. Уже не раздумывая, он повернул коня и поскакал вниз по ущелью.

Глава LVII

Карлос подъехал к выходу из ущелья и остановился, но не на открытом месте, а в тени скал, тех самых скал, за которыми еще совсем недавно скрывались в засаде его преследователи. Сидя в седле, он смотрел назад, в ущелье, и прислушивался, не гонятся ли за ним.

Вскоре он заметил, что к нему приближается какая-то тень. С радостью он узнал Бизона. И вот уже собака у стремени его лошади. Наклонившись, Карлос разглядел, что пес жестоко изранен и истекает кровью. Несколько глубоких ран зияло на боках, с плеча свисал клок шкуры, по нему сочилась красная струйка. Бизон едва ковылял; видно было, что он ослабел от потери крови.

— Друг! — сказал Карлос. — Ты спас мне сегодня жизнь, теперь мой черед — попробую спасти твою.

С этими словами он спешился, взял собаку на руки и снова взобрался в седло.

Он сидел, раздумывая, что же ему теперь делать, и зорко смотрел в ту сторону, откуда ждал преследователей.

Теперь он твердо знал, кто занял его пещеру. Лай ищейки сказал ему яснее слов: там желтолицый охотник, и с ним, разумеется, самбо. Во всей долине нет другой ищейки — значит, то лаяла собака Мануэля.

Минуты шли, а Карлос стоял неподвижно в тени скал и все раздумывал, куда бы ему направиться.

«Поеду к роще и подожду там Антонио. Они не выследят меня сегодня — ночь будет совсем темная. Все

небо затянуло облаками, луна уже не выглянет. Если они меня не найдут, я завтра смогу там скрываться весь день. Ну, а выследят — что ж, я еще издали их увижу, успею ускакать... Бедный мой Бизон, ты истекаешь кровью. Ох, какая рана! Потерпи, дружище! Вот сделаем привал, тогда подлечим тебя... Ладно, поеду к роще. Они не подумают, что я туда двинулся, ведь в этой стороне город. Да и не найдут они мой след в темноте... Ого! Что же это я? Не найдут след в темноте, как же! А про ищейку я забыл? Храни меня господь! Эти дьяволы разыщут меня, даже если ночь будет черна, как сажа. Храни меня господь!»

Лицо его омрачила тревога. Видно, тяжела была и ноша в его руках, и тяжкие мысли давили: Карлос согнулся и, казалось, впал в глубокое уныние. Впервые он, беглец, преследуемый людьми и законом, проявил признаки отчаяния.

Долго сидел он, не поднимая головы, склонившись над шеей коня. И все же он не поддался отчаянию.

Он вдруг выпрямился, словно неожиданная мысль пробудила в нем надежду. Казалось, он принял новое решение.

— Да, — сказал он себе, — я поеду туда, к роще! Мы еще проверим твою хваленую ловкость, кровопийца Мануэль! Посмотрим, посмотрим!.. Может, ты и получишь по заслугам, да только не той награды тебе хочется! Не так-то легко тебе достанется мой скальп!

С этими словами Карлос повернул коня и, устроив поудобнее Бизона, поскакал по долине.

Он ехал быстро и ни разу не оглянулся. Казалось, он спешил, хотя ему нечего было бояться, что его настигнут. Его коня никто не мог догнать, когда он несся во весь опор.

Карлос молчал; лишь изредка он обращался с ласковым словом к собаке; ее кровь стекала по ногам Карлоса, по бокам вороного. Бедный Бизон совсем ослабел и не смог бы ступить ни шагу.

— Потерпи, друг, потерпи еще немного! Скоро ты отдохнешь от этой тряски.

Уже через час Карлос достиг уединенной рощи на берегу Пекоса, той самой, где недавно они встретились с Антонио. Здесь он остановился. Он решил провести в роще остаток ночи и весь следующий день, если только ему не помешают.

В этом месте Пекос течет меж невысоких, но крутых берегов, да и на много миль вверх и вниз они все такие же. По обе стороны тоже на многие мили раскинулась ровная низина. Растительности здесь немного. Поодаль друг от друга разбросаны редкие островки деревьев, а вдоль берегов тянется узкая бахромка ив. То тут, то там она разрывается, и в просвет между деревьями видна гладь воды. В крохотных рощицах растут тополя и виргинские дубы с подлеском из акаций, иной раз по соседству стоят и кактусы.

Эти рощицы так малы и настолько отдалены одна от другой, что не мешают обозревать долину, и тот, кто скроется в любой из них, издалека увидит всадника или какой-нибудь другой крупный предмет. При свете дня враг не сможет подойти к нему незаметно — разумеется, если не спать и быть начеку. Другое дело — ночью; тогда безопасность будет зависеть от того, насколько темная настанет ночь.

Зеленый оазис, куда въехал Карлос, находился далеко от других рощиц. Отсюда больше чем на милю открывался вид на низину по обе стороны реки. Роща занимала всего лишь несколько акров, но благодаря ивам, окаймлявшим реку, казалась больше. Она была расположена у самого берега, и кромка ив словно примыкала к ней. Ивы отступили от края воды лишь на несколько футов, а роща врезалась в равнину на несколько сот ярдов.

У этой рощи была одна особенность. По самой середине деревья как бы расступились, открытое пространство покрывала ровная мурава. Полянка эта была почти круглая, ярдов сто в поперечнике. Неподалеку от одного ее края по касательной проходил берег реки. Здесь был просвет меж деревьями, и с полянки открывался вид на луга, раскинувшиеся на другом берегу. А с противоположной стороны к прилегающей

низине, словно аллейка, вел еще один просвет меж деревьями; таким образом, полоска открытого пространства как бы рассекала рощу на две, почти одинаковые по величине. Однако с низины, лежащей по обе стороны реки, можно было увидеть этот просвет лишь в том случае, если оказаться прямо против него.

Поляна, просвет между деревьями, протянувшийся ярдов на десять-двенадцать, и самая низина были совершенно ровные и гладкие; росла здесь только невысокая трава, и любой движущийся предмет был бы заметен издалека.

В роще густо разросся подлесок, преимущественно низкорослая акация. Частая сеть плюща и тянущихся вверх лиан оплела ветви могучих дубов, которые возвышались над всеми остальными деревьями. Взор не проникал в подлесок, хотя охотник, преследуя дичь, мог бы пробраться сквозь эти заросли. А ночью, даже при лунном свете, они казались сумрачными и непроходимыми.

По одну сторону полянки на сухой песчаной почве росли кактусы. Их было здесь не больше десятка, но два-три крупных, с вытянувшимися вверх мягкими, мясистыми отростками, казались почти такими же высокими, как виргинские дубы. Массивные колонны этих кактусов, так не похожих на окружающие деревья, придавали этому уголку причудливый вид. Непривычному человеку эти гигантские канделябры, столь отличные от обыкновенных кустов и деревьев, показались бы загадкой, и он не знал бы, к какому царству природы их отнести. Здесь, в этом уголке, преследуемый законом беглец рассчитывал найти себе убежище на ночь.

Глава LVIII

Карлос не ошибся, сказав, что собака сохранила ему жизнь, — во всяком случае, она сохранила ему свободу, а это, в конце концов, одно и то же. Ведь если бы умный пес не отправился вперед, Карлос вошел бы в пещеру, и его, конечно, схватили бы.

Хитрые противники предусмотрели все, для того чтобы его поймать. Лошадей они спрятали в глубине пещеры. Сами расположились за уступами скал по обе стороны от входа и, точно два тигра, готовы были прыгнуть на Карлоса, как только он покажется.

Им помогли бы и их собаки: припав к земле, они вместе со своими хозяевами приготовились броситься на ничего не подозревающую жертву.

Засада была тщательно обдумана, и пока все шло неплохо. Охотники покинули Сан-Ильдефонсо украдкой, так что их не могли увидеть; они приехали к ущелью окольным путем, с примерным терпением выждали, чтобы Карлос уехал, и лишь тогда забрались в пещеру. Все это было проделано мастерски.

Мог ли Карлос знать или хотя бы заподозрить, что они скрываются там? Им и в голову не приходило, что он узнал об их возвращении с охоты. Они прошли через долину к миссии темной ночью, выложили привезенную дичь, когда никто этого не видел, и больше в городе не показывались. Отец Хоакин велел им ждать, пока он не известит их. О том, что они вернулись, знали лишь несколько слуг в миссии, но никому из тех людей, кто мог бы сказать об этом Карлосу, ничего не было известно. Если так, рассуждали они, с чего бы ему подозревать, что они засели в его пещере? А след, оставленный ими, когда они шли по ущелью вверх, он, возвращаясь, не заметит. Он может увидеть след лишь в том месте, где дорога усеяна галькой, но на ней и днем ничего не разглядишь.

Можно ли лучше расставить ловушку? Карлос войдет в пещеру, ничего не опасаясь и, возможно, ведя своего коня в поводу. Они оба, а вместе с ними и собаки кинутся на него и свяжут, прежде чем он успеет взяться за пистолет или нож. Судьба его предрешена.

Но судьба его не была предрешена. Мануэль прекрасно это знал, вот почему он бормотал снова и снова:

— Проклятый пес! Задаст он нам хлопот, Пепе...

А Пепе в ответ злобно чертыхался: мысль о собаке беспокоила и его. До них давно дошла молва о Бизоне,

но они еще не знали, какую великолепную выучку прошел этот умный пес.

Приятели понимали, что, если первой в пещеру войдет собака, она их обнаружит и предостережет хозяина. Если в ту минуту Карлос еще не подъедет близко, засада обречена на неудачу. А вот если пес останется позади, тогда все сойдет гладко. Даже если он прибежит одновременно с хозяином, а значит, не предупредит его заранее, они успеют выскочить и подстрелить коня или седока.

Вот как рассуждали эти два мерзких негодяя, поджидая Карлоса.

Они еще не засели у входа в пещеру. Они успеют занять намеченные места, когда почуют опасность А пока они стоят в тени скал, глядя вниз, в ущелье. Возможно, что ждать им придется долго, поэтому они подкрепились — уничтожили весь скромный запас провизии, оставленной Карлосом в пещере. Чтобы не озябнуть, мулат накинул себе на плечи только что присвоенное одеяло. Тыквенная фляга с вином, которую они принесли с собой, помогла им не скучать в ожидании. Лишь мысль о Бизоне, мелькая порой в сознании желтолицего охотника и его темнокожего приятеля, омрачала их веселье.

Они ждали свою жертву совсем не так долго, как рассчитывали.

Им почему-то казалось, что Карлос ускакал далеко, к самому Сан-Ильдефонсо, а там, пожалуй, его задержат какие-нибудь дела, и он вернется лишь перед рассветом.

Но задолго до полуночи, пока они строили эти предположения, Мануэль, не сводивший глаз с ущелья, вдруг привскочил и дернул приятеля за рукав:

— Гляди, Пепе, вон! Вон он, белоголовый!

И мулат показал на тень, которая приближалась со стороны равнины к узкому концу ущелья. В полутьме она была едва видна, но все же можно было различить очертания человека верхом на лошади.

— Чорт бы его побрал! Он самый... Ч-чорт! — ответил Пепе, вглядевшись в темноту.

— Прячься, сынок! Придержи собак... Назад! Прячься! Я подстерегу снаружи... Тише!

Они еще раньше уговорились, кому где стоять, и Пепе тотчас занял свое место. Мануэль, ухватив ищейку за загривок, остался у входа в пещеру, но через минуту приподнялся, явно встревоженный.

— Дьявол! — пробормотал он. — Дьявол!.. Говорил я — все пропало... Держись, Пепе! Пес напал на наш след!

— А, чорт! Что же делать?

— В пещеру... Скорей!.. Там его и прикончим.

Оба кинулись в пещеру и замерли в ожидании. Наспех они составили новый план действий: они схватят собаку Карлоса, как только она вбежит к ним, и постараются придушить.

Но им это не удалось. Подойдя ко входу в пещеру, Бизон остановился у выступа и принялся громко лаять.

Раздосадованный Мануэль вскрикнул и, выпустив ищейку, с ножом в руке ринулся на Бизона. Тут же прыгнула вперед и ищейка, и псы сцепились в отчаянной схватке. Она плохо кончилась бы для ищейки, но в следующее мгновенье все четверо — Мануэль, Пепе, ищейка и волкодав — напали на Бизона, пустив в ход ножи и зубы. Ему нанесли несколько тяжелых ран, и бедный пес, чувствуя, что ему не справиться сразу с четырьмя противниками, благоразумно отступил за скалы.

Его не стали преследовать: негодяи все еще надеялись, что Карлос ни о чем не догадается и подойдет к пещере. Но надежды их быстро рассеялись. В полумраке они увидели, как всадник повернул коня и поскакал прочь из ущелья.

Несколько минут под сводами пещеры гулко звучали возгласы досады, богохульства, непристойная брань.

Наконец негодяи немного поостыли; ощупью добрались они до своих лошадей и вывели их из пещеры. Здесь они остановились и опять дали волю злобной досаде; потом принялись обдумывать, как же действовать дальше.

Гнаться тут же за Карлосом не имело смысла: пока они выберутся на равнину, он, конечно, ускачет от них на много миль.

Долго еще охотники ругались и осыпали Бизона проклятиями. Наконец это утомило их, и они опять задумались над тем, как быть.

Пепе считал, что ночью идти дальше бесполезно: до наступления утра им все равно не нагнать Карлоса; а вот станет светло, тогда будет легче его выследить.

— Дурак ты, Пепе! — ответил Мануэль на эти рассуждения. — Станет светло — он увидит нас... Так мы все дело испортим. Эх, ты!

— Как же теперь?

— Дьявол! А ищейка на что? Она и ночью поскачет по следу. Не уйдет белоголовый.

— Так ведь он когда остановится? Миль за десять, не ближе! Значит, ночью нам его не догнать.

— Опять ты дурак, Пепе! Миль за десять? Нет, ближе! Про ищейку-то он не знает, не думает, что мы его выследим. Наверняка ближе остановится. Только вот пес у него сущий дьявол! Кабы не пес...

— Чорта с два! Пес теперь нам не помеха.

— Почему это?

— Почему? Да потому, что я пырнул его ножом. Уж ты мне поверь, он свое отбегал.

— Дьявол! Хорошо бы так... Хорошо бы... За это и двух золотых не жалко. Кабы не этот пес, белоголовый уже был бы наш. Кабы не пес, мы бы его до рассвета захватили. Скоро он остановится. Про нас-то он не знает и про ищейку не знает... Остановится, вот увидишь. Клянусь богом, дело верное!

— Как так, Мануэль? Думаешь, он не уйдет далеко?

— Нипочем не уйдет! Никуда он не уйдет!.. Скоро мы его выследим. Дождемся, чтобы заснул, подберемся к нему... Только вот этот пес... Ничего, подберемся.

— Про пса не думай, он нам не помеха. Я так пырнул его ножом — дай ему бог двадцать минут прожить, а уж больше где там! Когда найдем белоголового, так одного, без собаки, уж ты мне поверь.

— Хорошо бы... Что ж, попробуем, сынок. Поехали!

Мануэль тронул поводья и начал спускаться со скалы в ущелье. Пепе и собаки двинулись за ним.

Глава LIX

Подъехав к месту, где они в последний раз видели всадника, Мануэль спешился и подозвал ищейку. Он сказал собаке несколько слов и знаком послал ее по следу. Ищейка поняла, что от нее требуется, опустила морду к земле и бесшумно побежала вперед. Мануэль опять взобрался в седло, и оба охотника пришпорили коней и поскакали вперед, чтобы не отстать от собаки.

Они видели ее, хотя луна скрылась. Светлорыжая шерсть ищейки выделялась на темном фоне зелени, к тому же здесь не росли ни кусты, ни высокая трава, в которой собаки не было бы видно. Притом, как и приказал хозяин, она шла по следу не торопясь, хотя запах был еще совсем свежий и она могла бы бежать намного быстрее. Ищейка была обучена ночью выслеживать медленно и не поднимать шума, поэтому не раздавалось характерного для этой породы глухого отрывистого лая.

Прошло не меньше двух часов, прежде чем впереди показалась роща, где укрылся Карлос. Едва увидев ее, Мануэль пробормотал:

— Гляди, сынок! Собака ведет в лес, гляди! Ставлю монету, что белоголовый там, будь он проклят! Наверняка там!

Когда они подъехали к роще ярдов на пятьсот-шестьсот — она все еще лишь смутно виднелась во мраке ночи, — желтолицый охотник окликнул ищейку и велел ей держаться позади. Он был уверен, что Карлос либо в самой роще, либо где-то по соседству. В любом случае ничего не стоит снова напасть на его след. Если их жертва в роще, — а, судя по возбуждению собаки, так оно и было, — тогда не нужна больше сноровка ищейки. Настало время принять другие меры.

Отклонившись от прямого пути, Мануэль поехал по кругу, неизменно держась на одном и том же расстоянии от опушки рощи. Спутник ехал позади, с ним были собаки.

Так они оказались напротив естественной аллейки, рассекавшей рощу, и вдруг им в глаза ударил яркий свет. Изумленные охотники остановились. Они достигли того места, откуда была видна лужайка. Посреди нее горел большой костер!

— Говорил я тебе! — воскликнул Мануэль. — Вон он спит, дурак! И не думал, что его ночью выследят... Холода-то не любит — какой развел огонь! Не ждет беды... Знаю я эту прогалину — хитрое место, только с двух концов костер видно. Ага, вон и лошадь!

В отсвете костра был ясно виден стоявший неподалеку вороной.

— Чорт побери! — продолжал охотник. — Не думал я, что белоголовый такой дурак. Гляди! Ведь это он спит там! Наверняка он!

Там, куда показывал Мануэль, у костра виднелось что-то темное. Похоже было, что это вытянулся спящий.

— Святая дева, так и есть! — подтвердил Пепе. — Разлегся у самого костра. Вот дурак! Ясно, он думал — в такую темень мы его не выследим.

— Тише ты! Пса нет, белоголовый — наш! Хватит болтать, Пепе! За мной!

Мануэль двинулся не прямо к роще, а несколько ниже, к берегу реки. И охотники, не обмениваясь больше ни словом, пустили коней вскачь.

Их жертва была теперь в таком месте, что лучшего и пожелать нельзя, и они торопились воспользоваться случаем. Оба хорошо знали эту рощу, так как не раз, укрываясь в ней, стреляли оленей.

Охотники выехали на берег, спешились и, привязав лошадей и собак к ивам, направились в сторону рощи.

Теперь они не были так осторожны, как раньше. Они не сомневались, что жертва спит, растянувшись у костра. Дурень! — думали они. Но как он мог подозре-

вать, что они здесь появятся? Самый прозорливый человек считал бы себя здесь в безопасности. Ничего удивительного, что он лег спать, — уж наверно, он устал. И неудивительно, что он разложил костер: ночью сильно похолодало, в такую погоду без огня не уснешь. Все казалось совершенно естественным.

Они подошли к опушке рощи и, не раздумывая, заползли в кустарник.

Ночь была тихая, ветерок едва касался листвы — малейший шорох в кустах можно было услышать с любого края полянки. Тихое журчание воды далеко на быстрине, легкая зыбь и плеск у берега, порою вой степного волка да унылый зов ночной птицы — вот и все звуки, которые доносились до слуха.

И все же, хотя эти двое продирались сквозь густой подлесок, ни один звук не выдал их приближения. Лист не шелохнулся, не подогнулась ветка, не хрустнул сучок под рукой или коленом — ничто не выдало присутствия человека в темном кустарнике. Эти люди знали, как пролезть сквозь заросли. Они приближались неслышно, точно змеи, скользящие в траве.

На полянке царила глубокая тишина. На самой середине пылал костер, ярким пламенем озарявший все вокруг. Неподалеку стоял великолепный конь, славный вороной охотника на бизонов; в отсвете костра его нетрудно было узнать. А еще ближе к огню виднелось распростертое тело самого охотника, который, должно быть, спал. Так и есть — это его дорожная сумка, сомбреро, сапоги и шпоры. С шеи лошади свешивается лассо, и конец его, уж наверно, обмотан вокруг руки спящего. Все это можно было. заметить с первого взгляда.

Лошадь вздрогнула, ударила копытом оземь, но вот она снова стоит спокойно.

Что же ей почудилось? Не подкрадывается ли дикий зверь?

Нет, это не дикий зверь; тот, кто появился, опаснее зверя.

Из кустов, растущих вдоль южного края полянки, выглянуло лицо — лицо человека. Оно показалось на

мгновение и сразу же скрылось в листве. Его нетрудно узнать. Тот, кто увидел бы это лицо в сиянии пылающего костра, заметив, что оно желтое, мигом догадался бы, чье оно. Это лицо мулата Мануэля.

Ненадолго оно прячется в листве, потом появляется снова, и рядом с ним показывается еще одно лицо, более темное. Оба обращены в одну сторону. Две пары глаз устремлены на простертую у костра фигуру: человек, видимо, все еще безмятежно спит. В их глазах сверкает злобное торжество. Ну, теперь победа обеспечена! Наконец-то жертва в их власти!

И опять лица исчезают. Минуту не видно и не слышно, что в кустах люди. Но вот снова высунулась голова мулата, только уже в другом месте, ниже, у самой земли, там, где кустарник не так густ.

А еще через мгновение из зарослей появляется и туловище, оно медленно выползает на полянку. Потом выползает и второй охотник. Вот уже оба они неслышно подбираются по траве к спящему. Распластавшись на животе, они движутся, словно две огромные ящерицы, один по следу другого.

Впереди Мануэль. В правой руке его зажат длинный нож, в левой он держит ружье.

Они движутся медленно, с величайшей осторожностью, но готовы мгновенно ринуться вперед, если жертва проснется и заметит их.

Спящий невозмутимо лежит между ними и пламенем. Тело его отбрасывает длинную тень на траву. Для большей безопасности охотники заползают в эту тень и, скрытые ею, движутся дальше.

Вот Мануэль уже в трех футах от распростертого тела; он весь подобрался и встает на колени, готовясь прыгнуть вперед. Яркий свет падает на его лицо, и он весь на виду. Его час настал.

Точно бич, щелкает выстрел, яркая вспышка пронизывает пышную крону виргинского дуба, растущего у прогалины. Мануэль внезапно вскакивает на ноги, с диким криком протягивает руки вперед, шатаясь, делает шаг-другой и, выронив нож и ружье, падает прямо в костер.

Вскочил и Пепе. Он уверен, что стрелял человек, прикинувшийся спящим. Стремительно бросается он к распростертому телу и с отчаянной решимостью вонзает ему в бок лезвие ножа.

И тотчас с воплем ужаса он отскакивает назад. Не задерживаясь, чтобы помочь упавшему приятелю, он мчится через полянку и скрывается в кустах, а тот, что лежит у костра, попрежнему недвижим.

Но вот по ветвям дуба, откуда раздался выстрел, спускается темная фигура; над лужайкой звучит пронзительный свист, и конь, волоча по земле лассо, бросается к дереву.

Прямо с дуба на спину лошади прыгает полуголый человек с длинным ружьем в руке. Еще мгновение — и человек и лошадь исчезают в прогалине меж деревьев. Всадник во весь опор мчится по долине.

Глава LX

Кто же все-таки лежал у костра? Это не был Карлос, охотник на бизонов. Но ведь это его одежда — его плащ и шляпа, его сапоги со шпорами!

И, однако, сам Карлос не лежал у костра. Нет, это он, полуголый, соскочил с дерева и ускакал на вороном коне. Загадка!

Мы расстались с ним два часа назад, когда он подъехал к опушке рощи. Чем же он был занят это время? Вот тут-то и кроется разгадка.

Достигнув рощи, Карлос проехал вглубь, на полянку; там он остановил коня и спешился. Поглядев с состраданием на Бизона, он осторожно положил его на мягкую траву, но раны собаки так и остались неперевязанными. Сейчас у хозяина не было для этого времени: ему предстояло заниматься другими делами.

Карлос ослабил уздечку и оставил коня пастись, а сам принялся за выполнение замысла, который созрел у него в голове, пока он сюда ехал.

Прежде всего нужно было разжечь костер — в такую холодную ночь он вполне уместен. В подлеске

Охотники неслышно подбирались к спящему у костра человеку.

нашлись сухие ветви и сучья; Карлос притащил их, сложил на середину полянки, и вот уже разгорелось пламя, освещая все вокруг. В красных отсветах гигантские кактусы казались колоннами, высеченными из камня; на них был теперь обращен взор Карлоса.

Он подошел к ним и принялся ножом срезать самый крупный кактус; скоро великан рухнул наземь. Тогда Карлос рассек ствол и большие отростки на части различной длины и оттащил их к костру. Неужели он собирается бросить их в огонь? Ведь эта сочная зеленая груда только притушит пламя, а не сделает его ярче.

Но у Карлоса вовсе не было такого намерения. Напротив, он разложил эти куски на траве в нескольких футах от костра, разложил хитро, обдуманно; получилось нечто, величиной и очертаниями похожее на человеческое тело. Два цилиндрических куска пригодились для бедер, два других — для рук, вытянутых, точно у спящего; изогнутый отросток зеленого канделябра заменил приподнятое плечо. И когда Карлос покрыл эту фигуру своим широким плащом, она стала удивительно напоминать отдыхающего или спящего на боку человека.

Однако произведение — ибо это, конечно, произведение искусства — еще не завершено: недостает головы и ног ниже колен. Но скоро и они оказались на месте. Карлос сделал из травы шар и положил его над плечами; с помощью шарфа и шляпы этот ком стал похож на то, что он должен был заменить, — на человеческую голову. Нахлобученная на него шляпа почти закрывала его; можно было подумать, что спящий надел ее так, чтобы уберечь лицо от сырости или москитов.

Оставалось лишь доделать ноги, но с этим пришлось повозиться. Ведь охотники обычно спят, вытянув ноги к огню, — значит, они должны оказаться на самом виду и выглядеть так, чтобы никто не заподозрил подделки.

Все эти подробности Карлос обдумал раньше, поэтому он, не теряя ни минуты, продолжал работу. Он снял свои кожаные сапоги и пристроил их под небольшим углом к ляжкам из кактуса так, что край широкого

плаща их немного прикрыл. Огромные шпоры он оставил на сапогах — они блестели в ярком пламени костра и были видны издалека.

Еще несколько штрихов — и чучело готово.

Тот, кто его смастерил, отошел на самый край полянки и, обходя ее вокруг, разглядывал чучело со всех сторон. Он остался доволен. В самом деле, никто не усомнился бы: это спит путник, который так устал, что улегся, даже не сняв шпор.

Карлос вернулся к костру и тихим свистом подозвал коня. Он вывел его ближе к огню и привязал повод к луке седла. Прекрасно обученный конь тотчас перестал щипать траву: он знал, что теперь надо тихо стоять на месте, пока его не освободит рука хозяина или знакомый сигнал, которому он привык повиноваться. Потом Карлос развернул привязанное к кольцу на удилах лассо. Свободный конец веревки он протянул к лежащей у костра фигуре и спрятал под край плаща, чтобы казалось, будто спящий держит его в руке.

И опять охотник на бизонов обошел вокруг полянки, разглядывая фигуру посередине, и снова, повидимому, остался доволен. Затем он притащил из кустов новую охапку сухого валежника и бросил в огонь.

Но вот он поднял глаза кверху, точно изучая деревья, растущие вокруг полянки. Взгляд его задержался на огромном дубе. Дуб рос у самой прогалины, и его длинные горизонтальные ветви протянулись над поляной. Это дерево с пышной вечнозеленой кроной, увитое лианами и поросшее длинным густым мхом, стояло, как огромный тенистый шатер, самое высокое из всех и самое развесистое. Это был поистине патриарх рощи.

— Как раз то, что нужно, — глядя на него, пробормотал Карлос. — В тридцати шагах — расстояние подходящее. Через прогалину они не войдут, конечно, этого можно не опасаться. Ну, а если и войдут... Но нет, они пойдут берегом, под ивами. Да, наверняка... Ну, теперь займемся Бизоном.

Он посмотрел на собаку, все еще лежавшую там, где он ее оставил.

— Бедняга! — огорченно сказал он. — Досталось ему... Рубцы от их подлых ножей останутся на всю жизнь. Что ж, может быть, он доживет еще до того часа, когда будет отомщен. Очень может быть! Но куда же мне его девать?

После минутного раздумья он продолжал:

— Чорт возьми! Я теряю время. Прошло полчаса, не меньше. Если они погнались за мной, они уже близко. Этот их длинноухий зверь, конечно, способен выследить меня — надеюсь, он не ошибется. Но куда девать Бизона? Если я привяжу его к дереву, он будет лежать спокойно, бедное животное! Ну, а вдруг они пойдут прогалиной? Навряд ли, конечно. Я бы не пошел на их месте. Но допустим, они все-таки пойдут с той стороны. Тогда они увидят собаку и заподозрят неладное. Им еще взбредет в голову посмотреть наверх, и тогда... Нет, нет, это не годится! Надо придумать что-нибудь другое.

Он подошел к дубу и стал внимательно разглядывать нижние ветви. Видимо, он нашел то, что искал. Теперь он знал, как поступить.

— Вот это годится, — пробормотал он. — Я положу собаку на лозы. Переплету их еще немного и покрою мхом.

Ухватившись за ветви, он вскочил на дерево.

Он сдернул несколько лиан и соединил ими развилину сучьев, так что получилось подобие площадки, потом набрал несколько охапок мха и устлал им эту площадку, сплетенную из лиан.

Когда все было готово, Карлос соскочил с дерева, поднял Бизона и осторожно положил на мох; собака лежала не шевелясь.

Теперь пора подумать о том, как пристроиться самому. Сделать это нетрудно: нужно лишь сесть прочно и удобно, укрыться поглубже в листве и держать наготове ружье.

И Карлос стал устраиваться: уселся на толстом суку, ноги поставил на другой, на третью ветвь оперся локтями. В развилине лежал ствол ружья, руки охотника крепко сжимали приклад.

Карлос тщательно осмотрел ружье. Разумеется, оно было заряжено. Ну, а вдруг от ночной росы отсырела затравка? Он отвинтил крышку полки, ногтем большого пальца выковырял порох и всыпал новый запас из своей пороховницы. Потом разровнял его, позаботившись, чтобы часть пороха попала в канал и дошла до заряда. Затем он занялся кремнем — проверил, крепок ли он, осмотрел края. Видимо, все было в порядке, и Карлос снова пристроил ружье в развилине сука.

Охотник на бизонов был не из тех, кто полагается на слепой случай, — люди его ремесла верят в мудрость предусмотрительности. Надо ли удивляться тому, что сейчас он был особенно осмотрителен! Пренебрежение даже к мелочам могло оказаться роковым. Осечка ружья могла стоить ему жизни. Неудивительно, что он заботливо осмотрел кремень и проверил, сухой ли порох.

Позицию он выбрал удачно. Отсюда открывалась взору вся полянка. Появись на ней хотя бы кошка — и ту нельзя было бы не заметить.

Чуть ли не целый час сидел Карлос в немой тревоге, глядя на окруженную кустами зеленую полянку.

И наконец он был вознагражден за терпеливое ожидание. Он увидел желтое лицо, выглянувшее из кустов, и чуть было сразу не выстрелил в него. Он даже прицелился, но тут лицо снова скрылось.

Он подождал еще немного — и вот яркий свет костра озарил лицо Мануэля, поднявшегося на колени. Тогда палец нажал курок, и меткая пуля Карлоса пробила голову его коварного врага.

Глава LXI

Пепе скрылся в зарослях почти в ту же секунду, когда Карлос вскочил на коня и ускакал по прогалине. На полянке не осталось ни живой души.

Громадное тело лежало с протянутыми вперед руками, одна — прямо на пылающих угольях костра. Своей тяжестью она примяла хворост и заслонила свет. Но

все же света было достаточно, чтобы озарить страшное лицо, испещренное багровыми пятнами. Туловище, ноги, руки недвижимы — столь же недвижимы, как чучело, лежащее рядом. Желтолицый охотник мертв! Жаркое пламя лижет его руку, готово пожрать ее, но он не ощущает боли. Огонь не страшен мертвецам!

Но где же остальные? Они ведь бросились в разные стороны. Не бегут ли они друг от друга?

Пепе направился туда, откуда появился. Но уходил он совсем не так, как пришел. Скрывшись за завесой листвы, он не остановился — он несся так, словно совсем обезумел от страха. Трещат и ломаются сучья, громко шуршат листья, он бежит через рощу напролом, не разбирая дороги. Но вот уже и эти звуки стихли, замер вдалеке и топот лошади Карлоса.

Где же они теперь, Пепе и Карлос? Удрали они друг от друга? Казалось бы, так оно и есть — ведь они разошлись в разные стороны.

Но нет, это не так. Пепе, по всей вероятности, жаждал как можно скорее убраться подальше от этого места; его противник хотел другого. Правда, он ускакал из рощи, но это не было бегством.

Зная Пепе, Карлос нисколько не сомневался в том, что от его храбрости и следа не осталось. Безмерный ужас охватил чернокожего охотника, когда он неожиданно, да еще при таких загадочных обстоятельствах, лишился дружка. Не скоро он оправится от этого ужаса. Он будет думать только об одном — как бы ему удрать. Это Карлос знал.

Он тотчас сообразил, откуда подошли враги, — разумеется, с южной стороны рощи. Оттуда он и ждал их, и когда он вглядывался в чащу кустарника, его внимание привлекал больше всего именно тот край рощи. Они думали, что оттуда всего безопаснее подойти к нему, — так предположил Карлос, и он оказался прав.

Из опасения, что стук копыт может его спугнуть, они, конечно, оставили своих коней где-нибудь в стороне, подумал затем Карлос и тоже не ошибся. Верным оказалось и еще одно его предположение: Пепе мчится

сейчас к лошадям. Карлос понял это, увидев, что его враг ринулся в заросли.

Так оно и было. После таинственной гибели своего приятеля и вожака Пепе и не помышлял о поединке с Карлосом. Скорее к лошадям, пуститься наутек — только этого он хотел! Быть может, Карлос не погонится за ним тотчас же и под покровом темной ночи он успеет скрыться.

Но он ошибся: Карлос для того и поскакал вперед, чтобы помешать ему удрать. Он тоже решил добраться до лошадей.

Выехав из рощи, Карлос повернул направо и поскакал по опушке, а когда доехал до места, откуда видна была река, осадил вороного — ему надо было перезарядить ружье.

Подняв ружье вертикально, он потянулся за пороховницей. К его удивлению, рука не нащупала ее. Он осмотрелся — пороховница пропала! Не было и перевязи, на которой она висела у него через плечо. Видимо, когда он прыгал с дерева, тесьма зацепилась за ветку, и пороховница там и осталась.

Раздосадованный неудачей, Карлос хотел было повернуть коня и скакать обратно, как вдруг увидел на равнине темную фигуру, скользящую вдоль ив, окаймлявших речку. Конечно, это удирает Пепе, кто же еще!

Карлос в нерешительности остановился. Пока он съездит за пороховницей и перезарядит ружье, противник может ускользнуть. Лошади, должно быть, недалеко, и он ускачет. Днем Карлос без труда догнал бы его и конного, но в такую темную ночь, пожалуй, не догонишь. Если Пепе ускачет на пятьсот ярдов вперед, его уже не будет видно.

Это очень встревожило Карлоса. У него были веские причины желать смерти Пепе. Не одно лишь вполне естественное желание отомстить, но и благоразумие подсказывало: от этого человека надо избавиться. Эти наемные убийцы преследовали Карлоса так предательски, что пробудили в нем жажду мести. К тому же беглец знал: у него будет опасный враг, пока жив хоть один из этих негодяев. Нет, Пепе не должен убежать!

Карлос колебался недолго. Возвращаться за пороховницей — значит упустить противника. Эта мысль заставила его решиться. Он бросил ружье на землю и, пришпорив коня, во весь опор понесся по равнине в сторону реки. А через несколько секунд он уже настиг удирающего врага.

Увидев, что он отрезан от лошадей, Пепе остановился, словно готовясь к бою. Но Карлос не успел еще спешиться, как Пепе снова пал духом; прорвавшись сквозь заросли ивняка, он бросился в воду.

На это Карлос не рассчитывал. Он уже соскочил с коня и теперь стоял растерянный и огорченный. Неужели враг ускользнет? Как быть: снова сесть на коня или догонять его пешком?

Карлос быстро решился: конечно, пешком! Он кинулся в густой ивняк следом за Пепе, выбрался на берег и на мгновение остановился у самой воды. Как раз в эту минуту враг вылез на противоположный берег и сломя голову побежал по низине. И снова Карлос подумал: не лучше ли погнаться за ним верхом? Но берега здесь высокие, коню, пожалуй, не взобраться, в этом месте реку не перейти вброд. Некогда и пробовать, дорога́ каждая минута.

— Уж наверно, он бегает не быстрее меня, — прошептал Карлос. — Значит, в погоню! — И он бросился в воду.

В несколько взмахов он переплыл речку, тотчас взобрался на берег и помчался вслед за врагом.

К этому времени Пепе опередил его ярдов на двести, но когда он пробежал следующие двести, Карлоса отделяло от него уже не больше ста ярдов. Где там было Пепе тягаться с белоголовым! Карлос бежал чуть ли не вдвое быстрее, чем его охваченный ужасом враг, хотя тот напрягал все силы, понимая, что дело идет о жизни и смерти.

Погоня не длилась и десяти минут.

Вот Карлос уже совсем близко. Пепе слышит за спиной его шаги. Бежать дальше — напрасный труд. Как и прежде, Пепе остановился, готовый отчаянно защищаться.

Еще мгновение — и они оказались лицом к лицу в каких-нибудь десяти футах друг от друга.

Оба вооружены длинными ножами — это их единственное оружие. Даже в тусклом свете видно, как сверкают лезвия.

Враги не успели даже передохнуть. Обменявшись гневными возгласами, они ринулись друг на друга и сцепились в ожесточенной схватке.

Это была очень недолгая схватка. Она завершилась в несколько секунд. Тела противников переплелись, закружились в единоборстве — и вот уже один тяжело опрокинулся наземь. Раздался стон. Это голос Пепе. Это он упал!

Поверженное тело минуту извивалось на земле, приподнялось, упало снова, еще несколько раз передернулось и застыло неподвижно, скованное смертью.

Карлос наклонился, вглядываясь. На свирепое и злобное лицо его врага смерть уже наложила свою печать. Все было кончено. У победителя не оставалось больше сомнений.

Он отвернулся от неподвижного тела и пошел обратно к реке.

Потом Карлос нашел пороховницу, поднял ружье и, перезарядив его, отправился на поиски лошадей.

Вскоре он отыскал их. Пуля была послана в голову ищейки, вторая — в другую собаку, больше похожую на волка, лошади отвязаны и отпущены на свободу.

Покончив с этим, Карлос снова возвратился на полянку. Он снял Бизона с дерева, подошел к костру и остановился у тела Мануэля. Огонь пылал особенно ярко — его питала человеческая плоть.

С омерзением отвернувшись от этого зрелища, Карлос собрал свою одежду, опять сел в седло и поскакал к ущелью.

Глава LXII

Прошло уже три дня с тех пор, как желтолицый охотник и его приятель отправились на розыски Карлоса. Те, кто их послал, с нетерпением ждали вестей. Они

нисколько не сомневались в ретивости своих наемников — обещанная награда была залогом успеха, и они были уверены, что Карлос будет пойман. Все трое — Робладо, Вискарра и иезуит — считали, что при такой награде иначе и быть не может. И все же им не терпелось получить от охотников известие — если не о том, что беглец уже схвачен, то хотя бы, что его видели или напали на его след.

Однако, поразмыслив, святой отец и офицеры стали думать, что вряд ли они получат какие-нибудь вести от охотников. Надо ждать, пока те возвратятся сами — с жертвой или без нее.

— Конечно, охотники гонятся за ним по пятам, — заметил монах, — и пока они этого негодяя еретика не схватят, мы о них ничего не услышим.

Как же потрясла эту милую троицу новость, принесенная в Сан-Ильдефонсо одним пастухом! Он нашел два мертвых тела и узнал в них Мануэля и Пепе.

Пастух рассказал, что видел эти тела, растерзанные волками и стервятниками, неподалеку от рощи у Пекоса, и так как он хорошо знал этих людей, то по остаткам их одежды и снаряжения догадался, кто они такие.

Он нисколько не сомневался, что это были мулат и самбо — охотники миссии.

Сперва это «таинственное убийство», как его называли, казалось необъяснимым, если только не предположить, что его совершили дикие индейцы. Жителям долины не было известно, что охотников послали на розыски Карлоса. Их обоих здесь знали, но мало кто интересовался, куда и зачем они ездят. Они жили и охотились далеко от поселения, там, куда никто и не заглядывал. Местные жители полагали, что они, как всегда, отправились на охоту и на них напали кочующие индейцы.

В рощу снарядили отряд улан, их повел туда пастух, и они вернулись с совершенно иным объяснением случившегося.

Охотники, утверждали они, убиты совсем не стрелами индейцев, а оружием белого человека. Притом их ло-

щади остались целы, а собак прикончили — на берегу лежат их скелеты.

Ясно, что индейцы тут ни при чем. Индейцы увели бы с собой собак и лошадей и, уж конечно, сняли бы с мертвецов все, что представляет хоть какую-нибудь ценность. Индейцы? Нет, это не их рук дело.

Кто же все-таки совершил убийство? Об этом можно было легко догадаться. Там, где нашли скелеты собак, земля была мягкая, и на ней остались следы копыт еще одной лошади, кроме лошадей убитых охотников. Нашлись люди, которые распознали, чьи это следы. То были следы хорошо известного всем вороного коня, принадлежащего Карлосу, охотнику на бизонов.

Итак, преступление совершил Карлос. Многие знали, что он не в ладах с Мануэлем. Наверно, они встретились и повздорили, а может быть, — это еще вероятнее, — Карлос набрел на Мануэля и Пепе, когда они спали у костра, незаметно подкрался и расправился с ними. Мануэля он застрелил на месте, и тот упал в огонь — труп его наполовину сгорел. Второй охотник пытался скрыться, но кровожадный преступник настиг его и прикончил.

На голову всеми осужденного Карлоса посыпались новые проклятия. При упоминании его имени люди крестились и произносили либо молитву, либо ругательства; матери пугали им непослушных детей. Имя Карлоса, охотника на бизонов, вселяло больший ужас, чем слухи о нашествии индейцев.

Среди жителей Сан-Ильдефонсо усилилась вера в сверхъестественное. Теперь почти никто уже не сомневался, что мать Карлоса колдунья и, конечно, все эти дела ее сын совершал при ее помощи и по ее наущению.

Никто не надеялся больше, что его схватят или убьют. Разве это возможно? Кто сумеет связать этого дьявола и передать его в руки правосудия? Да, никто больше не верил, что его удастся поймать.

Нашлись даже такие, которые всерьез советовали схватить его мать-колдунью и сжечь ее на костре. Пока она жива, доказывали они, никакая погоня Карлосу ни-

почем. Вот если ее отправить на тот свет, тогда удастся наказать и убийцу.

Весьма вероятно, что эти советчики и одержали бы верх — на их стороне было большинство, и к тому же их открыто поддерживали отцы иезуиты. Однако, прежде чем общественное мнение окончательно созрело для того, чтобы могло совершиться такое страшное жертвоприношение, новое событие круто изменило ход дела.

* * * * * * * *

В воскресенье утром, когда люди выходили из церкви, на площадь прискакал, весь в пыли и в поту, всадник. На нем был мундир сержанта улан, и все сразу узнали сержанта Гомеса.

В несколько минут его окружила толпа зевак. Несмотря на воскресный день, со всех сторон раздались громкие возгласы ликования. Вверх полетели шляпы, крики «viva» потрясали воздух.

Что же за новость возвестил Гомес? Новость и вправду необычайная: преступник пойман!

Да, это правда. Карлоса схватили, и теперь он в руках солдат. Его захватили не силой и не хитростью. Всему виною предательство. Его предал один из его же людей.

А случилось это вот как. Отчаявшись получить известие от Каталины, Карлос решил увезти из Сан-Ильдефонсо мать и сестру. Он приготовил для них временное жилище в глуши, далеко от поселения, там, где его враги не смогут их настигнуть, а сам хотел вернуться в долину, как только позволят обстоятельства.

Он знал, что за его матерью и сестрой неусыпно следят и увезти их отсюда совсем не просто. Но он все же сумел бы добиться своего, если бы его не предали. Один из пеонов, сопровождавших его в последний раз на охоту, теперь выдал его врагам.

Карлос был на ранчо и торопливо собирался в далекий путь. Своего коня он оставил неподалеку, в зарослях. К несчастью, с ним не было Бизона. Верный пес

еще не оправился от ран, полученных в схватке в ущелье, иначе он караулил бы возле ранчо. Теперь Карлосу пришлось поручить это пеону.

Робладо и Вискарра еще раньше подкупили этого негодяя. И он, вместо того чтобы охранять своего хозяина, поспешил с доносом к его врагам. Дом окружили солдаты. Карлос отчаянно сопротивлялся, несколько человек убил, но в конце концов враги одолели его и захватили.

Почти тотчас же после появления Гомеса звук трубы возвестил о приближении отряда улан, и вскоре они вступили на площадь. Среди них, под удвоенной охраной, надежно связанный, ехал верхом на муле пленник.

Слух о таком необычайном событии распространился очень быстро, и площадь заполнила любопытная толпа, жаждущая увидеть знаменитого охотника на бизонов.

Но Карлос был здесь не единственный, на кого люди глазели с любопытством. За ним через площадь провели еще двух пленниц, и одна из них вызывала не меньшее любопытство зевак, чем сам преступник. Эта пленница — его мать. Сотни глаз смотрели на нее со злобой и страхом, ее провожали к тюрьме градом насмешек и угроз.

— Смерть колдунье! Смерть! — кричали изверги, когда она проходила мимо.

Даже рассыпавшиеся по плечам волосы и полные слез глаза ее молоденькой спутницы, ее дочери, не тронули сердца фанатичной толпы. Нашлись и такие, которые кричали:

— Смерть обеим — смерть матери и дочери!

Страже пришлось поспешно втолкнуть пленниц в дверь тюрьмы, чтобы разъяренная толпа не накинулась на них.

По счастью, Карлос этого не видел. Ему даже не было известно, что они арестованы. Он надеялся, что мать и сестру оставили на ранчо, не причинив им вреда, и враги мстят лишь ему одному. Он не знал еще о дьявольских замыслах своих преследователей.

Глава LXIII

Пленниц заключили в городскую тюрьму, Карлоса же для верности увезли в крепость и посадили на гауптвахту.

Ночью к нему явились гости. Комендант и Робладо не могли устоять перед подлым желанием насладиться местью.

Осушив свои стаканы, они вместе с компанией веселых собутыльников вошли в камеру и стали издеваться над связанным узником. Полупьяные посетители осыпали его ругательствами и оскорблениями, какие только могла изобрести их фантазия.

Карлос долго терпел все это молча. Наконец, выведенный из себя очередной грубой остротой Вискарры, он не сдержался и сказал что-то насчет перемен в лице коменданта. Это привело негодяя в бешенство, и он бросился на связанного пленника с кинжалом в руке. Он, конечно, убил бы Карлоса, если бы Робладо и остальные его не удержали. Приятели напомнили ему, что, убив Карлоса, он лишит их обещанного развлечения. Только это и обуздало Вискарру, однако он утихомирился лишь тогда, когда ударил беззащитного пленника несколько раз кулаком по лицу.

— Пусть мерзавец живет! — сказал Робладо. — Завтра мы устроим ему веселенькое представление.

Пьяные головорезы, пошатываясь, вышли из камеры, предоставив узнику размышлять над тем, что за «представление» ему обещано.

Больше ему ничего и не оставалось делать. Карлос прекрасно понимал, что с ним расправятся. Он не надеялся на милость военных или гражданских судей. Его смерть и будет представлением, думал он. Всю ночь он терзался мучительной тревогой — не за себя, а за тех, кто был ему дороже собственной жизни.

В узенькую бойницу мрачной камеры заглянуло утро. И больше никого пленник не видел. Свирепые тюремщики не сказали ему ни слова утешения, не бросили сочувственного взгляда, не принесли ни воды, ни пищи. Друг не справился о нем. Казалось, во всем мире

нет сердца, которое тревожно забилось бы при мысли о нем.

Настал полдень. Карлоса вывели, вернее — выволокли из крепости. Его окружили солдаты. Куда они его поведут? На казнь?

Глаза ему не завязали. Он видел, что его ведут через город на площадь. Там необычайное скопище народу. Толпа запрудила и площадь и все асотеи, откуда она видна. Казалось, в городе собрались все жители долины. Тут и владельцы асиенд, и скотоводы, и рудокопы, и кого только нет! Но почему они здесь? Их привлекло, должно быть, из ряда вон выходящее событие. По всему видно — они ждут какого-то необычайного зрелища. Быть может, представления, которое обещал Робладо? Но что же это за представление? Уж не хотят ли его пытать в присутствии всего этого сборища? Очень может быть...

Он шел, и огромная толпа глумилась над ним. Его провели через площадь и втолкнули в городскую тюрьму.

В камере на грубой скамье, стоявшей у стены, можно было отдохнуть. Несчастный повалился на скамью — сидеть выпрямившись ему не позволяли связанные руки и ноги.

Он остался один. Сопровождавшие его солдаты вышли из камеры и заперли его на замок. Он знал, что несколько человек остались за дверью — слышны были их голоса и бряцанье сабель. Действительно, двоих оставили на страже. Остальные разбрелись и смешались с толпой, заполнившей площадь.

* * * * * * * *

Несколько минут Карлос лежал без движения, без мысли. Душа его оцепенела от горя. Впервые в жизни он поддался отчаянию.

Это чувство было мимолетным, и снова мысль его заработала, но надежда не вернулась. Говорят, надежда уходит только вместе с жизнью — нет, это неверно. Он все еще жил, а надежда умерла. Он не мог надеяться, что ему удастся бежать: его слишком хорошо стерегли.

Озлобленные враги, убедившись на опыте, что его нелегко поймать, не оставили ему ни малейшей возможности ускользнуть. А надеяться на помилование или на сострадание Карлосу и в голову не приходило.

Но мысль его снова работала.

Как только ключ поворачивается в замке и узник остается один, он прежде всего обводит взглядом стены своей темницы, словно проверяя, правда ли, что он в заточении. Повинуясь этому вполне естественному побуждению, Карлос поглядел на стены. Небольшое оконце — вернее, амбразура пропускала свет: камера была не в подземелье. Оконце находилось высоко, но, став на скамью, можно было посмотреть, куда оно выходит. Карлос, однако, не проявил любопытства и попрежнему лежал неподвижно. Он видел, что стены его темницы не каменные, они сложены из необожженного кирпича и при этом не толстые — это видно было по амбразуре. Такие стены не слишком прочны. Решительный человек, будь у него острый инструмент и время, без особого труда мог бы пробить стену и выбраться отсюда. Так размышлял Карлос. Но он подумал и о том, что у него нет ни острого инструмента, ни времени. Через несколько часов, а может быть, и через несколько минут его, конечно, поведут из этой тюрьмы на эшафот.

Смерть его не страшила, не страшила даже пытка — он ждал, что ему уготовано именно это. Для него была пыткой мысль о вечной разлуке с матерью и сестрой, с гордой, благородной девушкой, которую он любил; его терзала мысль, что никогда больше он их не увидит.

Неужели никак нельзя дать им знать о себе? Неужели нет у него друга, который передал бы им его последнее слово, его предсмертную мысль? Нет, никого!

Временами косой луч, прорезавший камеру, пропадал, и в комнате становилось темно — что-то снаружи заслоняло амбразуру. То было лицо какого-нибудь любопытного зеваки, забравшегося на плечи приятелей, чтобы взглянуть на узника.

Амбразура была над головами толпы. С площади доносились грубая брань и оскорбления, и притом обра-

щенные не к одному Карлосу, но и к тем, кто был ему дорог, — к его матери и сестре. Он прислушивался с горечью и с тревогой. Почему о них так много говорят? Слов он не мог разобрать, но в гуле голосов снова и снова различал имена матери и сестры.

Так пролежал он на скамье около часа. Потом дверь отворилась, и в камеру вошли Вискарра и Робладо. Их сопровождал Гомес.

Узник подумал, что час его настал. Теперь его поведут на казнь. Но он ошибся. Сейчас у них была другая цель. Они пришли насладиться его душевной мукой.

Офицеры недолго задержались в камере.

— Ну, приятель, — начал Робладо, — мы обещали устроить тебе сегодня представление. Слово мы держать умеем. Так вот, все готово, представление скоро начнется. Взбирайся на скамью и посмотри в окошко. Площадь хорошо видна отсюда — не беспокойся, бинокль тебе не понадобится. Вставай! Не теряй времени! Увидишь кое-что занятное.

Робладо разразился хриплым смехом, ему вторили комендант и Гомес. Не дожидаясь ответа, все трое вышли из камеры и приказали караульному снова запереть дверь.

Их приход и слова Робладо озадачили Карлоса. Что все это значит? Представление, и при этом он — зритель? Какое еще может быть представление, если не его казнь? Что же это значит?

Некоторое время он пытался понять, о чем же это говорил Робладо, и наконец ему показалось, что он нашел ключ.

— Ага! — пробормотал он. — Дон Хуан... Вот оно что! Мой бедный друг! Они и его приговорили к смерти, и он должен умереть раньше меня. Они хотят, чтобы я видел его казнь. Изверги! Нет, не доставлю им такого удовольствия — не буду смотреть! Останусь здесь.

И он снова опустился на скамью, решив, что не встанет с места. Порой он шептал:

— Бедный дон Хуан! Верный друг... Друг до гроба. Да, до гроба. Ведь он за меня умирает, за меня... Дорогой друг, дорогой!..

Размышления узника внезапно прервались. Чье-то лицо заслонило амбразуру, и грубый голос крикнул:

— Эй ты, Карлос, бизоний палач! Погляди-ка сюда! Чорт побери, зрелище того стоит! Гляди на свою мамашу, на колдунью! Вон она красуется! Ха-ха!

Если бы его ужалила ядовитая змея, ударил враг, Карлос не вскочил бы так стремительно. Он забыл о том, что руки и ноги у него связаны, и упал на пол; с трудом поднялся он на колени.

Теперь он был осторожнее; хоть и не сразу, но ему удалось встать на ноги. Он взобрался на скамью и, прильнув лицом к амбразуре, выглянул наружу.

Кровь застыла у него в жилах и крупные капли пота выступили на лбу, когда он увидел, что́ происходит на площади. Душа его исполнилась ужасом, и ему показалось, что чья-то рука сжала его сердце и давит железными пальцами.

Глава LXIV

Середина площади опустела — ее оцепили солдаты. Толпы людей, прижатые к стенам домов, стояли по сторонам, запрудили балконы и асотеи. Ближе к середине площади расположились офицеры, алькальд, должностные лица и местная знать. Почти все они были в мундирах, и при других обстоятельствах именно они привлекли бы к себе взоры толпы. Но сейчас куда больший интерес возбуждала другая группа, и на нее-то с напряженным вниманием были обращены все взгляды.

Она занимала угол площади напротив тюрьмы, как раз напротив оконца, в которое смотрел Карлос. На этой группе сразу же остановился его взгляд. Больше ничего он уже не видел — ни толпы, ни сдерживающих ее солдат, ни важного начальства и разряженной знати, — он видел лишь тех, что стояли напротив его окна. Он не мог отвести от них глаз.

Там было два осла, лохматые бурые ослики, покрытые попонами из черной саржи, свисающими до самых ног. На каждом осле волосяной недоуздок; конец его

держит темнокожий погонщик в причудливой одежде из той же черной материи. За спиной каждого еще один погонщик, так же странно одетый, с плетью из бизоньей кожи. Подле каждого осла стоит еще и один из отцов иезуитов, держа в руках неотъемлемые принадлежности своего ремесла — молитвенник, четки и распятие. Вид у них деловитый: они находятся при исполнении служебных обязанностей. Но каких? Слушайте же!

Ослы оседланы. На каждом из них живое существо — человек. Всадники сидят не свободно, нет — они связаны. Ноги их стянуты веревками, обмотанными вокруг щиколоток, а чтобы спина оставалась согнутой, руки привязаны к деревянному ярму, надетому на шею осла. Головы их опущены, и лица обращены к стене, — толпа их пока еще не видит.

Они обнажены. Достаточно одного взгляда, чтобы понять — это женщины. Последние сомнения рассеются при виде их длинных распущенных волос; седые у одной, золотистые у другой, они закрывают щеки пленниц и свисают на шеи ослов. Но одну из них нетрудно узнать и без этого. Она сложена, как Венера. Даже взгляд скульптора признал бы ее безупречной. На другую наложили печать годы. Она сморщена, костлява, худа, и на нее неприятно смотреть.

О боже! Что за зрелище для Карлоса, охотника на бизонов! Эти всадницы поневоле — его мать и сестра! Он узнал их мгновенно, с первого взгляда.

Если бы сердце его пронзила стрела, боль не была бы острее. С уст его сорвался сдавленный стон — единственный звук, который выдал его страдания. Потом он умолк. Лишь судорожное, отрывистое дыхание говорило о том, что он жив. Он не упал, не лишился чувств. Он не отступил от окна. Точно изваяние, стоял он, как стал с самого начала, прижавшись грудью к стене, чтобы тверже держаться на ногах. Глаза его, застывшие, неподвижные, прикованы к несчастным женщинам.

На середине площади Роблада и Вискарра — наконец они торжествуют! Они увидели его в амбразуре. Он их не видел: в эти минуты он забыл об их существовании.

Процессия направилась к третьему углу

На церковной башне ударил колокол и смолк. Это был сигнал, возвестивший начало гнусной церемонии.

Погонщики отвели ослов от стены и остановились друг за другом, боком к площади. Теперь лица женщин были частично обращены к толпе, но их почти закрывали распущенные волосы. Приблизились иезуиты. Каждый избрал себе жертву. Они пробормотали над пленницами какие-то невнятные слова, помахали перед их лицами распятием и, отойдя на шаг, шепнули что-то негодяям, стоявшим сзади.

Те с готовностью отозвались на сигнал. Взявшись поудобнее за рукоятку, каждый полоснул плетью по обнаженной спине женщины.

Плети опускались неторопливо и размеренно, ударам велся счет. Каждый удар оставлял свой рубец на коже. На молодой женщине они были заметнее; не то чтобы их наносили с большей силой, но алые полосы отчетливее выделялись на белой, мягкой и нежной коже.

площади. Ужасная пытка возобновилась.

Как ни странно, женщины не кричали. Девушка вся сжалась и тихонько всхлипывала, но ни один стон не сорвался с ее губ. А старуха даже не шелохнулась, ничто не выдало ее мук.

Когда каждая получила по десять ударов, с середины площади раздался голос:

— С девушки хватит!

Толпа подхватила возглас, и тот, на обязанности которого было наносить удары младшей жертве, свернул свою плеть и отступил. Второй продолжал свое дело до тех пор, пока не отсчитали двадцать пять ударов.

Потом грянул оркестр. Ослов провели по краю площади и остановили на следующем углу.

Музыка смолкла. Святые отцы снова забормотали и замахали распятием. Настал черед палачей, но на этот раз только один из них выполнял свою роль. Толпа потребовала, чтобы девушку избавили от плетей, однако она все еще сидела на осле в той же унизительной, позорной позе.

Старухе отсчитали еще двадцать пять ударов. Снова загремела музыка, и процессия направилась к третьему углу площади. Ужасная пытка возобновилась. Потом двинулись к четвертому, последнему углу площади. Здесь казнь завершилась: старуха получила сто ударов — все положенное число.

* * * * * * * *

Церемония окончена. Толпа окружила несчастных. Их стражи ушли, и они предоставлены самим себе.

Но на лицах людей нет сострадания, одно лишь любопытство. То, что произошло у них перед глазами, почти не вызвало сочувствия в сердцах этого сброда. Фанатизм сильнее жалости. Кто станет заботиться о колдунье и еретичке!

И все же нашлись такие, что позаботились о них. Нашлись руки, которые развязали веревки, растерли мученицам лбы, накинули на плечи шали, смочили водой губы этих безмолвных жертв — безмолвных потому, что обе они были без сознания.

Здесь оказалась и простая повозка. Как она сюда попала, никто не знал и никто не интересовался этим. Надвигались сумерки, и люди, удовлетворив любопытство и к тому же проголодавшись, стали расходиться по домам. Дюжий возница и два темнокожих индейца, которыми распоряжалась какая-то молодая девушка, уложили несчастных в повозку; потом возница взобрался на свое место, и повозка тронулась. Девушка и помогавшие ей индейцы пошли сзади.

Они миновали предместье и по окольной дороге, пересекавшей заросли, подъехали к уединенному ранчо, тому самому, куда однажды уже привозили Роситу. Ее и на этот раз увезла Хосефа.

Страдалиц внесли в дом. Вскоре заметили, что одна больше уже не страдает. Дочь привели в сознание, и она увидела, что ее мать мертва.

Старухе растирали виски, смачивали губы, терли руки — все было напрасно. Мать не услышала отчаянного крика дочери. Смерть унесла ее в иной мир.

Глава LXV

Карлос смотрел на страшное зрелище из оконца в камере. Мы сказали, что он смотрел молча. Это не совсем так. Время от времени, когда окровавленная плеть тяжелее опускалась на спину жертвы, из груди его вырывался сдавленный стон — невольное выражение безмерной муки.

Вид Карлоса явственней, чем голос, выдавал сжигавшее его нестерпимое пламя. Лицо его приводило в ужас тех, кто случайно или из любопытства бросал взгляд на оконце. Мускулы окаменели, остановившиеся глаза обведены темными кругами, за сжатыми губами стиснуты зубы, на лбу блестят крупные капли пота. Казалось, он больше не дышит и в лице его не осталось ни кровинки. Оно было бледно, как смерть, и недвижимо, словно высеченное из мрамора.

Со своего места Карлос мог видеть только два угла площади — тот, где чудовищное истязание началось, и тот, где были отсчитаны следующие двадцать пять ударов. Затем процессия скрылась из виду, но хотя страшное зрелище уже не терзало его взор, Карлос не почувствовал облегчения. Он знал, что истязание продолжается.

Он отошел от окошка. Теперь он принял решение — он решил покончить с собой. Чаша страдания переполнилась, больше он не в силах вынести. Смерть избавит его от мучений. Надо умереть.

Но как лишить себя жизни?

У него нет оружия, а если бы даже и было, со связанными руками он все равно не мог бы им воспользоваться.

Что, если размозжить голову о стену?

Взглянув на глинобитные стены, он понял, что не достигнет цели. Он лишь оглушит себя, но не убьет. А потом снова пробудится для страшной жизни.

В поисках способа покончить с собой он обвел глазами камеру.

Ее пересекала балка. Она проходила так высоко, что на ней мог бы повеситься самый рослый человек. Будь

у него свободны руки и найдись тут веревка, он мог бы это сделать. Впрочем, веревка есть, и достаточно длинная: его руки связаны обмотанной несколько раз полосой сыромятной кожи.

Карлос подумал об узлах. Как же он удивился и обрадовался, когда обнаружил, что они растянулись и ослабли! Горячий пот, проступивший на руках, размочил сыромятную кожу, и она стала мягкой и податливой. Не помня себя, едва не обезумев от того, что ему пришлось увидеть, Карлос безотчетными резкими движениями растянул ремни на несколько дюймов. Теперь он сразу почувствовал, что их можно развязать, и принялся за это со всей силой и энергией человека, которому терять нечего. Если бы ему связали руки впереди, он перегрыз бы ремень зубами, но руки были крепко связаны за спиной. Он стал их тянуть и дергать изо всех сил.

Нет в мире людей, которые обращались бы с веревками и ремнями так ловко, как испанцы. Индейцы не могут тягаться с ними в этом искусстве; узел, завязанный даже самым ловким моряком, покажется неуклюжим в сравнении с тем, который сделают они. Никто не умеет так надежно сковать узника без помощи железа. И Карлос был связан превосходно.

Но человека, обретшего сверхъестественную силу и полного решимости, не удержать веревками из пеньки или из кожи. Дайте такому человеку достаточно времени — и он освободится. Карлос знал, что ему нужно только время.

Благодаря тому, что сыромятная кожа размокла, много времени не потребовалось. Не прошло и десяти минут, как ремни соскользнули с запястий, и руки узника оказались на свободе.

Он стал перебирать пальцами ремень, чтобы его распутать. На одном конце он сделал петлю и, взобравшись на скамью, второй конец привязал к балке. Затем накинул петлю на обнаженную шею, рассчитал длину, на какой она должна висеть, когда затянется под тяжестью тела, и, став на край скамьи, уже готов был прыгнуть...

«Взгляну на них еще раз — и умру, — подумал Карлос. — Бедные мои... в последний раз!»

Он стоял почти напротив оконца. Чтобы увидеть площадь, нужно было лишь слегка наклониться, и Карлос наклонился.

Он не увидел их; но толпа теперь смотрела в тот угол площади, что примыкал к тюрьме. Скоро ужасная казнь кончится. Может быть, когда их поведут отсюда, он их увидит. Он подождет — это будет его последняя минута...

Что же это такое? Боже, это...

Он услышал свист плети, прорезавшей воздух. Он услышал или вообразил, что слышит тихий стон. Толпа молчала, до него доносился малейший звук.

«Боже милосердный, неужели нет милосердия? Бог отмщения, услышь меня!.. Ага, отмщение! Что же это я, глупец этакий, задумал самоубийство? Да ведь руки мои свободны — разве я не могу выбить дверь, сломать замок? Мне грозит всего лишь смерть от их оружия, а может быть...»

Он сорвал с шеи петлю и хотел было отойти от окна, как вдруг что-то тяжелое ударило его по лбу, чуть не оглушив.

Сперва Карлос подумал, что это камень, брошенный снизу каким-нибудь негодяем, но непонятный предмет, упав на скамью, глухо звякнул.

Карлос посмотрел вниз и при тусклом свете разглядел что-то продолговатое. Он быстро нагнулся и поднял аккуратно перевязанный, завернутый в шелковый шарф пакетик.

Карлос поспешно развязал сверток и поднес к свету. Тут были кошелек, полный золотых монет, нож и сложенный листок бумаги.

Карлос прежде всего взял бумагу. Солнце село, и в камере стало темно, но у окошка было еще достаточно света, чтобы прочитать записку. Он развернул ее и стал читать:

«Вас должны казнить завтра. Мне не удалось узнать, оставят ли вас на ночь здесь или уведут обратно в крепость. Если вы останетесь в тюрьме, тогда все хорошо.

Посылаю вам два оружия. Воспользуйтесь любым или обоими. Стены можно пробить. На воле вас будет ждать верный человек. Если же вас поведут в крепость, попытайтесь бежать по дороге — другой возможности не будет. Мне незачем советовать вам быть мужественным и решительным, вам — воплощению решимости и мужества. Бегите к ранчо Хосефы. Там вы встретите ту, что готова теперь разделить с вами и опасности и вашу свободу. До свидания! Друг сердца моего, до свидания!»

Подписи не оказалось.

Но Карлосу она и не была нужна — он прекрасно знал, кем написана записка.

— Отважная, благородная девушка! — прошептал он, пряча записку на груди, под охотничьей рубашкой. — Я буду жить для тебя! Эта мысль возвращает мне надежду, дает новые силы для борьбы. Если я умру, то не от руки палачей. Нет, мои руки свободны. Пока я жив, их больше не свяжут! Только смерть заставит меня сдаться!

Узник сел на скамью и торопливо развязал ремни, которые все еще стягивали его ноги. Потом снова вскочил и, зажав в руке нож, принялся шагать по камере, при каждом повороте кидая угрожающий взгляд на дверь. Он решил прорваться мимо стражей, и видно было, что он готов наброситься на первого, кто войдет к нему.

Несколько минут он метался по камере, словно тигр в клетке.

И вдруг он остановился, захваченный какой-то новой мыслью. Подобрал только что сброшенные ремни и, сев на скамью, снова замотал их вокруг лодыжек, но так ловко и хитро, что замысловатый узел мог развязаться от одного рывка. Нож спрятал за пазуху, куда раньше положил кошелек. Потом он снял с балки веревку из сыромятной кожи и, скрестив руки за спиной, так обмотал запястья, что, казалось, они накрепко связаны. После этого он улегся на скамью. Лицо его было обращено к двери, и он лежал неподвижно, словно крепко спал.

Глава LXVI

В нашей стране холодных чувств, любви расчетливой и корыстной мы не можем понять и, пожалуй, даже не верим в возможность безрассудно отважных поступков, какие в других краях порождает сильная страсть.

У испанских женщин любовь нередко обретает глубину и величие, каких не знают и никогда не испытывают народы, у которых к этому чувству примешивается торгашество. У этих возвышенных натур она часто превращается в истинную страсть, беззаветную, безудержную, глубокую, которая поглощает все другие чувства, заполняет всю душу. Дочерняя преданность, привязанность к родному дому, моральный и общественный долг отступают перед ней. Любовь торжествует над всем.

Такова была природа и сила любви, горевшей в сердце Каталины де Крусес.

Против нее восстала дочерняя привязанность, на чашу весов были брошены положение в обществе, богатство и многое другое, но любовь перевесила. Повинуясь ей, Каталина решила оставить все.

Приближалась полночь, и в доме дона Амбросио было темно и тихо. Хозяин отсутствовал. Вискарра и Робладо устроили в крепости грандиозное пиршество, и сливки общества были приглашены туда. Среди гостей был и дон Амбросио. В этот час он пировал и веселился в крепости.

Это был праздник не для дам, вот почему там не было Каталины. Его устроили без подготовки, наспех — надо же отметить события истекшего дня! Офицеры и священники пребывали в наилучшем расположении духа и не пожалели усилий, чтобы пирушка удалась на славу.

В городе царила тишина, и в доме дона Амбросио, казалось, все замерло. Привратник в ожидании хозяина задержался у входа, но он сидел на скамье в подворотне и, видимо, дремал.

За ним следили те, кому было на руку, чтобы он спал.

Широкие двери конюшни распахнуты. В проеме можно разглядеть силуэт человека. Это конюх Андрес.

В конюшне нет света. Но если бы горел свет, в стойлах видны были бы четыре оседланные и взнузданные лошади. И еще одно странное обстоятельство: у всех лошадей копыта плотно обмотаны грубой шерстяной тканью. Конечно, это сделано не зря!

От ворот не виден вход в конюшню. Но конюх порой выходит вперед и украдкой выглядывает из-за угла. Должно быть, он наблюдает за привратником. Некоторое время он прислушивается, затем возвращается на прежнее место, к темному входу конюшни.

Тонкий луч света прорывается сквозь занавеси на дверях одной из комнат — из спальни сеньориты. Но вот свет внезапно погас. Вскоре дверь бесшумно отворилась, и за порог скользнула женщина. Держась тени, падавшей от стены, она направилась к конюшне, подошла к открытым дверям и вполголоса окликнула:

— Андрес!

— Я здесь, сеньорита, — ответил конюх, шагнув ближе к свету.

— Все оседланы?

— Да, сеньорита.

— И копыта обмотаны?

— Все до одного, сеньорита.

— Что же нам делать с ним? — кивнув в сторону ворот, с беспокойством продолжала сеньорита. — Пока не вернется отец, он не уйдет, а потом будет уже слишком поздно. Святая дева!

— А может, и привратника убрать, как девушку? Я с ним справлюсь.

— Да, Висенса... Как же ты от нее избавился?

— Связал ее, заткнул ей рот, да и запер в саду, в сторожке. Уж поверьте, сеньорита, она оттуда не выберется, пока ее кто-нибудь не найдет. Ее можно не бояться. Только скажите — я и привратника так же упрячу.

— Нет, нет, нет! Кто откроет папе ворота? Нет, это не годится. — Она задумалась. — А вдруг он выйдет из тюрьмы, а лошадей еще не будет? Его хватятся, пого-

нятся за ним, поймают... Он выйдет оттуда, я уверена, что выйдет! Сколько же ему понадобится времени? Наверно, немного. Он быстро развяжет веревки. Я знаю, он умеет, он мне как-то говорил... Пресвятая дева! Может быть, он уже на свободе и ждет меня! Надо торопиться!.. Да, привратник... Ага!

Она вскрикнула и порывисто обернулась к Андресу. Видимо, ее осенила какая-то мысль.

— Андрес! Добрый Андрес, слушай! Мы все устроим.

— Слушаю, сеньорита.

— Так вот. Ты проведешь лошадей кружной дорогой, через сад. Сможешь ты переправить их через реку?

— Дело нехитрое, сеньорита.

— Вот и хорошо! Веди их через сад... Постой!

Она взглянула на длинную аллею, ведущую в сад; аллея протянулась как раз напротив ворот и была оттуда видна. Если привратник не будет спать, он непременно увидит, что по ней ведут четырех лошадей, хоть ночь и темная.

Но вот Каталина снова оживилась — наверно, она придумала, как обойти это препятствие.

— Вот что, Андрес! Иди к воротам и посмотри, не спит ли привратник. Иди смело. Если он спит, очень хорошо. А если нет, заведи с ним разговор. Попроси его выпустить тебя через калитку. Выманн его на улицу, а там как-нибудь задержи его. Я сама выведу лошадей.

Этот план годился, и конюх приготовился к дипломатической встрече с привратником.

— А немного погодя проберись вслед за мной в сад. Смотри не оплошай, Андрес! Я удвою твою награду. Ты ведь поедешь со мной, чего тебе бояться?

— Сеньорита, да я для вас жизни не пожалею!

Золото всемогуще. Золото заставило стойкого Андреса изменить старой дружбе, лишь бы угодить госпоже. За золото он готов был задушить привратника на месте.

А тот не спал; по обычаю испанских привратников, он лишь дремал. Андрес пустил в ход свой стратегический план — угостил привратника сигарой, а через несколько минут тот, ничего не подозревая, вышел вместе

с ним за ворота, и оба они стояли на улице и покуривали.

По гудению их голосов Каталина поняла, что все в порядке. Она вошла в темную конюшню и, проскользнув к одному из коней, взяла его под уздцы и вывела. Она быстро отвела его в сад и привязала к дереву. Потом она возвратилась и вывела из конюшни второго коня и третьего; и вот наконец и четвертый привязан в саду.

Каталина опять вернулась во двор. Она закрыла конюшню, заперла дверь своей комнаты и, бросив взгляд в сторону ворот, проскользнула обратно, вглубь сада. Ей оставалось лишь сесть на свою лошадь и, держа в поводу вторую, ждать Андреса.

Она ждала недолго. Андрес точно рассчитал время. Через несколько минут он появился в саду; закрыв за собой калитку, он присоединился к своей хозяйке.

Их уловка великолепно удалась. Привратник ничего не заподозрил. Андрес пожелал ему доброй ночи, пробормотав, что собирается лечь спать.

Теперь дон Амбросио может возвращаться, когда ему вздумается. Как обычно, он пройдет к себе в спальню. Только утром он узнает, чего лишился.

Сняли материю, обмотанную вокруг копыт лошадей, и, без лишнего шума войдя в воду, переправили всех четырех через реку. Выбравшись на другой берег, всадники сначала поехали по направлению к скалам, но вскоре свернули на тропку в зарослях, ведущую к низине. Этой дорогой они приедут к ранчо Хосефы.

Глава LXVII

Лежа на скамье, Карлос внимательно оглядел свою темницу, выискивая место, где легче всего можно бы пробить стену. Он уже знал, что стены сложены из необожженного кирпича, и хотя они достаточно крепки, чтобы держать здесь обыкновенного злоумышленника, человек, вооруженный подходящим оружием и решимостью выйти на свободу, без особого труда может их пробить. Для этого хватило бы двух часов. Но

как работать два часа, чтобы никто не заметил этого и не помешал? Вот над чем пришлось поразмыслить узнику.

Одно ясно: сейчас начинать нельзя, надо подождать смены часовых.

Карлос рассудил верно. До тех пор, пока не сменится стража, он будет попрежнему лежать на скамье, словно крепко связанный. Он знал, что часовые должны сдать его смене, а новые обязаны проверить, в камере ли он, и, следовательно, они заглянут сюда. По его расчетам, смены караула не придется долго ждать — новые часовые скоро явятся.

Одно тревожило Карлоса: оставят ли его на ночь в тюрьме или же для большей безопасности уведут обратно в крепость? Если его поведут туда, то не останется ничего другого, — так советовала и Каталина, — как сделать отчаянную попытку бежать дорогой. В крепости, на гауптвахте, его будут окружать каменные стены. О том, чтобы пробить такую стену, нечего и думать.

Конечно, его могут увести туда. Но почему, собственно, им беспокоиться, что он удерет из тюрьмы, крепко связанный, как они полагают, безоружный, охраняемый бдительными стражами? Нет. Никому и в голову не придет, что он может бежать. Наконец, гораздо удобнее продержать его эту ночь здесь, в тюрьме. Она рядом с площадью, где его должны казнить, и казнь, без сомнения, назначена на завтра. Вон как раз перед тюрьмой уже возведена виселица.

Отчасти из этих соображений, отчасти потому, что они были заняты более приятными делами, офицеры действительно решили оставить его в городской тюрьме, но Карлос об этом не знал.

Впрочем, он был готов ко всему. Если его поведут обратно в крепость, он при первом же удобном случае, рискуя жизнью, попытается бежать. Если же его оставят в тюрьме, он дождется прихода караульных, а когда они уйдут, начнет пробивать стену. Допустим, его застанут за работой — что ж, тогда остается одно: он бросится на часовых и прорвется сквозь их строй.

Его побег не был делом безнадежным. Совсем не так легко удержать под стражей человека, полного решимости и к тому же вооруженного ножом, человека, которого может остановить только смерть. Такой человек порой вырывается на свободу, даже если он окружен легионом врагов. А у Карлоса было куда больше надежды на успех. Ведь он силен и отважен, большинство его врагов пигмеи в сравнении с ним. Да и храбростью они не отличаются. Карлос знал: стоит им увидеть, что руки у него развязаны и он вооружен, как они тут же кинутся в стороны. Надо, конечно, опасаться, что они начнут стрелять из карабинов. Однако он надеялся, что и в этом случае ему повезет, ибо солдаты не могли похвастать меткостью в стрельбе; к тому же темная ночь укроет его.

Больше часа пролежал он на скамье, мысленно перебирая все возможности обрести свободу. Его размышления прервал шум на площади. Это к тюрьме подошла новая группа солдат.

Сердце Карлоса тревожно забилось. Не затем ли они пришли, чтобы отвести его в крепость? Очень возможно. Он ждал, с мучительным нетерпением прислушиваясь к каждому слову.

К его большой радости, оказалось, что это смена караула. Из их разговора он узнал, что приказано держать его всю ночь в тюрьме. Именно это ему и хотелось услышать.

Вскоре дверь отперли, и вошли несколько улан. У одного был в руке фонарь; при свете его они оглядели Карлоса, не поскупившись при этом на оскорбительную брань. Они увидели, что он надежно связан. Потом все ушли, предоставив его самому себе. Конечно, дверь снова заперли, и камера погрузилась во мрак.

Карлос лежал неподвижно, пока не удостоверился, что солдаты удалились. Он слышал, как у двери располагаются новые часовые, потом голоса остальных замерли вдалеке.

Теперь можно было приступить к делу. Он поспешно сорвал с рук и с ног веревки, достал спрятанный на груди нож и принялся долбить стену.

Место он выбрал в самом дальнем углу от двери, в задней стене камеры. Он не знал, куда она выходит, однако можно было предполагать, что за ней начинается равнина.

То была не крепостная тюрьма, а обыкновенная легкая постройка, куда городские власти заключали незначительных преступников. Что ж, тем скорее он может рассчитывать на то, что пробьет стену.

Она легко поддавалась под ножом. Ведь это была всего лишь глина с примесью соломы, и хотя кирпичи были уложены толщиною не меньше чем в двадцать дюймов, Карлосу удалось за час продолбить дыру, через которую можно было вылезть. Он, наверно, сделал бы это еще быстрее, но ему пришлось работать осторожно и как можно тише. Дважды ему почудилось, что караульные собираются войти в камеру, и оба раза он вскакивал и стоял с ножом в руке, готовый броситься на них. К счастью, воображение обманывало его — в камеру никто не входил. Вот уже все готово, и узник с удовольствием ощутил холодный воздух, ворвавшийся через отверстие.

Он прекратил работу и прислушался. С этой стороны тюрьмы не доносилось ни звука. Кругом было темно и тихо. Карлос просунул голову в отверстие и выглянул. Хотя ночь была темная, он разглядел бурьян и кактусы, росшие у самой стены. Вот удача — нигде ни души!

Карлос расширил отверстие и с ножом в руке выполз наружу. Осторожно, неслышно он поднялся на ноги. Кроме высокого, густо разросшегося бурьяна, кактусов и алоэ, ничего не было видно. Он оказался далеко от жилья, на выгоне. Он был на свободе!

Укрываясь за кустами, Карлос стал красться к равнине. Словно из-под земли перед ним выросла чья-то тень, и тихий голос произнес его имя. Он узнал Хосефу. Они перекинулись несколькими словами, и девушка неслышно пошла вперед; Карлос последовал за нею.

Они вошли в заросли и по узкой тропке обогнули город. Ранчо Хосефы было на окраине с противополож-

ной стороны; через полчаса они уже входили в это скромное жилище.

Еще мгновение — и Карлос склонился над бездыханным телом матери.

Смерть матери для него не была неожиданностью. Такой конец он предвидел. Нервы его были уже напряжены до предела после того, что он видел утром. Бывает так, что одно несчастье заслоняет другое и вытесняет его из сердца. Но перенесенное Карлосом страдание не могло потускнеть перед еще большим. Горе поразило его так жестоко, что он словно окаменел.

Теперь с ним рядом была та, которая хотела облегчить ему горе, — его самоотверженная спасительница.

Но не время было предаваться скорби. Карлос поцеловал холодные губы матери, поспешно обнял сестру и любимую.

— Лошади есть? — спросил он.

— Они здесь, за деревьями.

— Идем! Нельзя терять ни минуты, надо уходить отсюда. Идем!

С этими словами он закутал тело матери в серапе и, взяв его на руки, вышел из дома.

Его спутницы уже ждали там, где спрятаны были лошади.

Карлос увидел, что коней пять. Радость блеснула в его глазах, когда он узнал своего вороного. Его разыскал Антонио. Он и сам тоже был здесь.

Вот уже все на лошадях: Росита и Каталина, Антонио и конюх Андрес. А сам Карлос со своей ношей на верном скакуне.

— Вниз по долине, хозяин? — спросил Антонио.

Карлос в раздумье помолчал.

— Нет, — сказал он наконец. — Той дорогой они погонятся за нами. Поедем мимо Утеса загубленной девушки. Им не придет в голову, что мы станем взбираться по скалам. Ты поведешь нас через заросли, Антонио, — ты лучше всех знаешь ту тропу. Вперед!

И всадники тронулись в путь. Скоро они были уже за пределами города и ехали по извилистой тропе, ко-

торая вела к утесу. Лошади шли гуськом через заросли; седоки не проронили ни слова, не переговаривались даже шопотом.

Спустя час они достигли крутого подъема среди скал и, не задерживаясь, все так же молча, гуськом поехали дальше, пока не выбрались наверх. Карлос велел Антонио вести остальных на плоскогорье, а сам остался позади.

Когда они отъехали, Карлос поворотил коня и поскакал к утесу. На самом краю он остановился — перед ним как на ладони лежал Сан-Ильдефонсо. Во мраке ночи долина казалась огромным кратером потухшего вулкана. Внизу, в городе и в крепости, словно последние вспышки еще не остывшей лавы, мерцали огни.

Конь стоял неподвижно. Всадник поднял на руках тело матери, открыл бледное лицо ее, словно хотел, чтобы и она увидела эти огни.

— Матушка! Матушка! — крикнул он голосом, хриплым от скорби. — О, если бы хоть на мгновение, на одно короткое мгновение эти глаза могли видеть, эти уши слышать, ты была бы свидетельницей моей клятвы! Клянусь, я отомщу за тебя! С этого часа все свои силы, все время, душу и тело я отдаю мести. Отомстить!.. Нет, это не то слово! Это не месть, а правосудие, это суд над преступниками, над гнуснейшими убийцами, каких видел мир! Но они не уйдут от кары. Дух моей матери, услышь меня! Они не уйдут от кары! Я отомщу за твою смерть, полной мерой воздам за твои муки! Празднуйте, банда негодяев! Пируйте и веселитесь! Час расплаты близок — ближе, чем вы думаете. Я ухожу, но я вернусь! Немного терпения — и вы еще увидите меня. Да! Вы еще будете стоять лицом к лицу с Карлосом, охотником на бизонов!

Карлос поднял правую руку и угрожающе протянул ее вперед, лицо его загорелось огнем мстительного торжества.

Словно движимый тем же порывом, конь его дико заржал, потом по знаку хозяина круто повернул и ускакал с утеса.

Глава LXVIII

Досмотрев до конца позорную церемонию на площади, Вискарра и Роблादо возвратились в крепость.

Как уже сказано, возвратились они не одни — они пригласили на обед именитых людей города: священника, отцов иезуитов, алькальда и прочих. Офицеров поздравляли с поимкой Карлоса, это событие надо было отпраздновать. Комендант и его капитан, главный виновник торжества, решили веселиться. Вот почему в крепости шел пир горой.

Стоит ли переводить Карлоса на гауптвахту? Пускай остается на ночь в городской тюрьме. Чего бояться? Не удерет же он! Ведь он так крепко связан и находится под надежной охраной.

Завтра наступит последний день его жизни. Завтра его враги с удовольствием увидят, как он будет умирать. Завтра комендант и Робладо насладятся местью.

Впрочем, Вискарра наслаждался уже и сегодня. Он отомстил за презрение, с каким отнеслась к нему сестра Карлоса, хотя это он крикнул на площади палачу: «Хватит!» Не сострадание побудило его вмешаться. Нет, его слова были вызваны отнюдь не гуманными чувствами.

Намерения Вискарры были коварны и гнусны. Завтра брата Роситы уберут с дороги, и тогда...

Но ни вино, ни музыка, ни громкий смех и шутки не могли отвлечь коменданта от одной горькой мысли. Ведь зеркало на стене снова и снова отражало его обезображенное лицо. Да, победа Вискарры была куплена дорогой ценой, жалким было его торжество.

Робладо — тот блаженствовал. Среди гостей был дон Амбросио, и сидели они рядом.

Вино сделало сговорчивым владельца рудников. Он был любезен и щедр на обещания. Его дочь, сказал он, раскаивается в своем опрометчивом поступке, теперь она безучастна к судьбе Карлоса. Пусть Робладо не теряет надежды.

Возможно, что у дона Амбросио были основания верить в свои слова. Быть может, Каталина, чтобы лучше

скрыть свой отчаянный замысел, дала ему для этого повод.

Вино лилось рекой, и гости коменданта пировали вовсю. Пели песни, произносили тосты и патриотические речи. Было уже за полночь, а веселье не утихало.

В разгар пирушки кто-то предложил, чтобы привели узника. Эта нелепая затея пришлась по вкусу полупьяной компании. Многим любопытно было поближе увидеть охотника на бизонов, который стал так знаменит.

Предложение поддержали сразу несколько человек, и комендант согласился. Почему бы не доставить удовольствие гостям? Да и самому Вискарре, так же как и Робладо, понравилась эта мысль. Сейчас они лишний раз надругаются над ненавистным врагом.

Итак, позвали сержанта Гомеса, послали его за Карлосом, и пирушка продолжалась.

Однако, против всяких ожиданий, кончилась она очень скоро. В комнату ворвался сержант Гомес и громко объявил:

— Пленник исчез!

Если бы среди гостей взорвался снаряд, они не бросились бы врассыпную с такой быстротой. Переполох произошел невообразимый; все повскакали с мест, опрокидывая столы и стулья; стаканы и бутылки полетели на пол.

Через минуту в комнате не осталось ни одного человека. Одни кинулись по домам проверять, целы ли их семьи, другие побежали к тюрьме, чтобы воочию убедиться, что сержант сказал правду.

Вискарра и Робладо едва не лишились рассудка. Они бушевали и проклинали все на свете. Всему гарнизону тотчас приказали стать под ружье.

Через несколько минут чуть ли не все солдаты крепости вскочили на коней и помчались к городу.

Тюрьму окружили.

Вот дыра, через которую удрал узник. Но как он развязал веревки? Кто передал ему оружие?

Караульных допрашивали и пороли, пороли и допрашивали, но ничего от них не добились. Они ведь только

тогда узнали, что узник сбежал, когда за ним пришел Гомес с солдатами.

На поиски во все стороны разослали небольшие отряды, но что они могли сделать ночью? Обыскали все дома, а какой в этом толк? Едва ли охотник остался в городе. Конечно, он снова умчался куда-нибудь на Равнины!

Ночные поиски ни к чему не привели; отряд, посланный вниз по долине, возвратился наутро, не обнаружив никаких следов Карлоса или хотя бы его сестры и матери. О том, что еретичка умерла этой ночью, в городе уже знали, но куда девалось ее тело? Уж не ожила ли она и помогла узнику бежать? Что же, очень возможно!

Утром, попозже, на это загадочное событие пролился какой-то свет. Дон Амбросио, который накануне отправился на покой, не потревожив дочери, ждал ее к завтраку. Что же это она не является в положенный час? Отец рассердился, потом забеспокоился и наконец послал за нею. Но на стук в дверь ее спальни не последовало ответа.

Взломали дверь, вошли в комнату — и что же? Никого нет, постель не смята: сеньорита сбежала!

Ее надо найти! Где конюх? Где лошади? Догнать ее и вернуть!

Бросились к конюшне, открыли ее. Нет конюха, нет лошадей — они тоже исчезли!

Святые угодники! Какой скандал! Мало того, что дочь дона Амбросио помогла преступнику удрать, она бежала и сама, и теперь они вместе! «Неслыханно!» — говорили все в один голос.

Наконец напали на след лошадей. По следу отправился большой отряд улан, и с ними конные жители долины. Отпечатки копыт вели на плоскогорье, затем к Пекосу. Беглецы переправились через реку. Дальше след терялся. Всадники разъехались в разные стороны по сухой гальке, и следов уже нельзя было различить.

После нескольких дней бесплодных поисков преследователи возвратились. Послали новый отряд, но и этот вернулся ни с чем. Обыскали каждый уголок, где Карлос мог бы найти себе убежище: старое ранчо, ро-

щи на берегу Пекоса, нагрянули даже в ущелье, обшарили пещеру — нигде никаких признаков беглеца и его спутников! Оставалось лишь предположить, что они покинули Сан-Ильдефонсо.

Это предположение подтвердилось, и все перестали наконец теряться в догадках. Дружественные команчи, заглянувшие в долину, рассказали, что Карлос встретился им на плоскогорье. Его сопровождали две женщины и несколько слуг с мулами, навьюченными продовольствием. Охотник на бизонов сказал команчам, что он отправляется в далекое путешествие — на другую сторону Великих Равнин.

Эти сведения были точны, и никто в них не усомнился. Карлос нередко говорил о своем намерении уехать в страну американцев. Туда-то он и направился и, вероятнее всего, осядет там на берегах Миссисипи. Теперь его никто не нагонит. Больше его здесь не увидят — вряд ли он когда-нибудь опять покажется в поселениях Новой Мексики.

* * * * * * * *

Прошли месяцы. Кроме того, что рассказали команчи, о Карлосе и его близких ничего не было слышно. И хотя ни его, ни тех, кто ушел с ним, не позабыли, о них перестали повсюду говорить. У жителей Сан-Ильдефонсо были и другие дела; а в последнее время произошли события столь значительные, что они почти вытеснили память о знаменитом беглеце.

Поселению грозил набег ютов. Этого не миновать бы, но тут на ютов, в свою очередь, напало другое воинственное племя и разбило их. Поражение ютов предотвратило набег на долину в этом году, но опасность на будущее осталась.

А затем над Сан-Ильдефонсо нависла еще одна угроза: ждали мятежа тагносов — мирных индейцев, составлявших здесь большинство населения. Во многих поселениях их братья восстали, и им удалось сбросить испанское иго. Могли ли и тагносы Сан-Ильдефонсо не мечтать о восстании, о свободе?

Однако благодаря предусмотрительности властей заговор в Сан-Ильдефонсо был пресечен в корне. Вожаков схватили, допросили с пристрастием, осудили и расстреляли. Скальпы убитых вывесили на воротах крепости в назидание их темнокожим соотечественникам, которым ничего больше не оставалось, как смириться.

Эти трагические события во многом способствовали тому, что охотник на бизонов и его дела были преданы забвению. Конечно, кое у кого в Сан-Ильдефонсо были веские основания его помнить, но большинство перестало думать о нем и его близких. Все слышали и поверили, что беглец давным-давно пересек Великие Равнины и теперь находится под защитой своего народа на берегах Миссисипи.

Глава LXIX

Что же все-таки сталось с Карлосом? Правда ли, что он пересек Великие Равнины? Неужели он так и не вернулся? Что случилось с поселением Сан-Ильдефонсо?

Эти вопросы пришлось задать, так как человек, рассказывавший легенду, замолк. Взор его блуждал по долине, порой устремлялся на Утес загубленной девушки, порой останавливался на поросших сорной травой руинах. Глубокое волнение охватило рассказчика — вот почему он умолк.

Его слушатели начали догадываться о судьбе, постигшей Сан-Ильдефонсо, и с нетерпением ждали конца. Спустя некоторое время рассказчик продолжал:

— Да, Карлос вернулся. Что произошло с Сан-Ильдефонсо? Вот те руины вам ответят. Сан-Ильдефонсо пал. Хотите знать, как это случилось? Это страшная повесть — повесть о крови и мести. Карлос отомстил.

Охотник на бизонов вернулся в долину Сан-Ильдефонсо, но вернулся не один. Он привел с собою пятьсот воинов, краснокожих воинов, которые избрали его своим предводителем, своим белым вождем. Это были непокоренные индейцы племени вако. Они знали, какое

зло причинили ему враги, и поклялись отомстить за него.

Стояла осень, поздняя осень — самая прекрасная пора на американских равнинах, когда разрумяниваются дикие леса и природа словно отдыхает от ежегодных тяжких трудов, и все живое, насладившись роскошным пиром, который она так щедро приготовила для своих детей, кажется умиротворенным и счастливым.

Была ночь, ярко светила осенняя луна, та самая луна, чей круглый диск и серебряные лучи прославлены в песнях жатвы по всей земле.

Лучи ее не менее ослепительно падали на дикие просторы Льяно Эстакадо, хотя там жатвы никогда и не ведали. Предостерегающее рычанье овчарки разбудило одинокого пастуха, дремавшего возле затихшего стада. Приподнявшись, он настороженно огляделся. Что там — волк или медведь, или, может быть, рыжая пума? Нет, это не зверь. Нечто совсем иное увидел пастух, окинув взором прерию... Увидел — и содрогнулся.

По прерии двигалась длинная цепь темных силуэтов. То были силуэты лошадей с их седоками. Лошади шли гуськом — морда одной касалась крупа другой. Направлялись они с востока на запад. Голова колонны была уже совсем близко, а конец терялся вдалеке, и пастух его не видел.

Вскоре войско приблизилось. Всадники проходили в двухстах шагах от того места, где лежал пастух. Они скользили плавно и бесшумно. Не звякали удила, не звенели шпоры, не бряцали сабли. Слышались лишь глухие удары о землю неподкованных копыт да порой ржанье нетерпеливого коня, который тут же умолкал, сдерживаемый седоком. Они проходили неслышно — неслышно, как тени. Озаренные полной луной, они казались призраками.

Пастух дрожал от страха, хотя и знал, что это не призраки. Он прекрасно знал, кто они, и понимал, что означает это нескончаемое шествие. Индейские воины двинулись в поход. В ярком свете луны он хорошо разглядел их. Он видел, что здесь одни только мужчины. До пояса и ниже бедер они обнажены, грудь и руки их

раскрашены, и при них лишь луки, колчаны и стрелы. Сомнений не оставалось: это дикие индейцы вступили на тропу войны.

Но удивительнее всего показался пастуху вождь, который ехал впереди этого молчаливого отряда. Он не походил на остальных ни одеждой, ни снаряжением, ни цветом кожи. Пастух увидел, что вождь — белый!

Впрочем, изумление пастуха быстро прошло. Он был человек смышленый. Это он нашел когда-то трупы желтолицего охотника и его дружка. Ему припомнились события того времени. После недолгого раздумья он решил, что этот белый вождь не кто иной, как Карлос, охотник на бизонов. И пастух не ошибся.

Прежде всего он подумал о спасении собственной жизни и замер, боясь шелохнуться. Но не успели воины пройти мимо, как у него возникли другие мысли. Индейцы на тропе войны! Они идут к городу, и ведет их Карлос, охотник на бизонов! Ему пришла на ум история изгнанника, он вспомнил все подробности. Ну конечно, Карлос возвращается в Сан-Ильдефонсо для того, чтобы отомстить своим врагам!

Отчасти из чувства патриотизма, отчасти в надежде на вознаграждение пастух решил помешать Карлосу. Он поспешит в долину и предупредит гарнизон!

Едва всадники проехали мимо, он вскочил на ноги и готов был мчаться в крепость. Но он просчитался. Разведчики, которых предусмотрительно разослал белый предводитель, давно уже заметили и окружили пастуха вместе с его стадом, и его тут же схватили. Половина стада пошла на ужин тем самым людям, которых он собирался выдать.

До того места, где им встретился пастух, белый вождь и его спутники ехали хорошо знакомой дорогой — дорогой торговцев с индейцами. Здесь предводитель свернул и, не сказав ни слова, повел воинов наперерез по прерии. Бесшумно и послушно следовала за ним бесконечная цепь всадников, словно ползла, извиваясь, гигантская змея.

Еще через час они достигли края Великой Равнины — места, так хорошо знакомого их вождю. Оно воз-

высилось над ущельем, в котором он не раз укрывался от врагов. Луна, попрежнему сиявшая ослепительно ярко, была теперь низко над горизонтом, и свет ее не достигал дна ущелья. Оно лежало в глубокой тени. Спуск был труден, но только не для таких людей, да еще с таким проводником.

Сказав несколько слов ближайшему воину, белый вождь направил коня в расселину и исчез в тени скал.

Воин передал приказ следующему и вслед за Карлосом скрылся во мраке. Так, одного за другим, бездна поглотила пятьсот всадников.

Некоторое время до слуха доносился непрерывный частый топот — удары двух тысяч копыт о скалы и мелкие камни. Но шум этот постепенно замирал, и наконец все стихло. Люди и лошади ничем не выдавали своего присутствия в ущелье. Слышались одни лишь голоса диких зверей и птиц, в чье убежище вторглись непрошенные гости, — жалобный плач козодоя, вой волка да пронзительный крик орла.

* * * * * * * *

Прошел еще день. Снова взошла луна, и гигантская змея, что весь день пролежала свернувшись в ущелье, неслышно выскользнула из его устья и потянулась через долину реки Пекос.

Вот она уже достигла реки и переправляется на другой берег. Среди всплесков и брызг лошади одна за другой идут бродом, затем колонна скользит дальше.

Из долины Пекоса она поднялась на ту часть плоскогорья, с которой открывается вся долина Сан-Ильдефонсо.

Небольшой привал, вперед посланы разведчики, и колонна снова движется.

А когда луна скрылась за снежной вершиной Сьерра-Бланки, голова колонны достигла Утеса загубленной девушки. Последний час предводитель ехал медленно, словно ждал, пока зайдет луна. Свет ее теперь не нужен. Для того, что должно совершиться, больше подходит тьма.

Разведчики, посланные осмотреть дорогу, возвратились. Узким проходом среди скал белый вождь ведет свой отряд вниз. Еще полчаса — и пятьсот всадников неслышно скрываются в зарослях.

Посреди чащи метис Антонио отыскивает поляну. Здесь воины соскакивают с коней и привязывают их к деревьям. Они нападут на врагов пешие.

* * * * * * * *

Час ночи. Луна скрылась, и перистые облака, отражавшие ее свет, с каждой минутой становятся темнее. Теперь уже ничего не разглядишь в двадцати шагах. Черной и мрачной кажется громада крепости на фоне свинцового неба. Не виден на башне часовой; лишь время от времени разносится его пронзительный окрик: «Слушай!» — значит, он на своем посту. На окрик отвечает часовой у ворот, и снова воцаряется тишина. Гарнизон спит крепко, безмятежно спят и стражи у ворот, растянувшись на каменной скамье.

В крепости не опасаются внезапного нападения: ведь нет никаких слухов о набегах индейцев, с соседними племенами отношения мирные, заговорщики-тагносы уничтожены. К чему излишняя предосторожность? Для обычной охраны гарнизона вполне хватит одного часового у ворот и другого — на асотее. Еще бы! Обитателям крепости и не мерещится, что враг близок.

«Слушай!» — снова пронзительно кричит страж на стене. «Слушай!» — отвечает ему другой, у ворот.

Но оба они беспечны и не слишком чутко прислушиваются; они не замечают, как к стенам, распластавшись по земле, словно огромные ящерицы, ползут какие-то темные тени. Медленно и неслышно движутся они в траве, неуклонно приближаясь к воротам крепости. Возле часового горит фонарь, он отбрасывает свет на некоторое расстояние. Но что толку — часовой их не видит!

Наконец какой-то шорох достигает его слуха. С губ его готовы слететь слова: «Кто идет?» — но смерть останавливает их. Разом натянуты шесть луков, шесть стрел впиваются в грудь часового. Сердце его пронзено,

и он падает, не издав даже стона. Поток темных тел вливается в открытые ворота. Захваченная врасплох стража умирает, не успев схватиться за оружие.

Гремит боевой клич вако, сотни темнокожих воинов бурным потоком хлынули во внутренний двор.

Они заполняют патио, осаждают двери казарм. Солдаты, охваченные паникой, выбегают в одних рубашках и падают, пронзенные стрелами своих темнокожих противников. Со всех сторон раздается треск карабинов и пистолетов, но те, кто стрелял, умирают, не успев перезарядить свое оружие.

* * * * * * * *

Это была страшная битва, хоть длилась она и недолго. Все смешалось: крики, стоны, выстрелы; звучный голос мстителя-вожака и дикий боевой клич его соратников; треск дерева, когда взламывали или срывали с петель двери, лязг мечей, свист стрел, грохот карабинов... Да, это была поистине страшная битва!

Но вот она кончилась. Наступила почти полная тишина. Воины больше не оглашают воздух своим устрашающим кличем. Их враги, солдаты, уничтожены. Все казармы очищены, не забыли ни одной, а их недавние обитатели, все в крови, лежат кучами среди двора или у дверей. Все они убиты на месте.

Впрочем, нет, не все. Двое остались в живых, двоих пощадили. Вискарра и Робладо все еще живы.

Теперь к деревянным дверям здания сваливают груды щепок и поджигают их. К небу вздымаются клубы дыма и полотнища багрового пламени. Огонь подбирается к массивным еловым балкам асотеи; они загораются, трещат и падают во двор. Вскоре от крепости остаются лишь дымящиеся развалины...

Но краснокожие воины не стали ждать, пока сгорит крепость. Месть их вождя еще не завершена. Он должен отомстить не только солдатам. Он поклялся отомстить и жителям долины. Поселение Сан-Ильдефонсо должно быть уничтожено!

* * * * * * * *

И Карлос сдержал свою клятву. Прежде чем взошло солнце, город был охвачен пламенем. Стрелы, копья и томагавки совершили свое дело: мужчины, женщины, дети сотнями гибли под крышами своих пылающих домов.

Кроме индейцев-тагносов, лишь немногие остались в живых, они и рассказали о страшной бойне. Лишь нескольким белым, в их числе злополучному отцу Каталины, позволили уйти в другие поселения и взять с собой остатки имущества.

За какие-нибудь двенадцать часов все поселение Сан-Ильдефонсо — город, крепость, миссия, асиенды и ранчо — перестало существовать. Не стало и жителей этой прекрасной долины.

* * * * * * * *

Всего только полдень. Развалины Сан-Ильдефонсо еще дымятся. Его обитатели мертвы, но здесь есть люди. На площади сотни темнокожих воинов, они выстроены квадратом. Перед ними посреди площади разыгрывается необычайная сцена, еще одно действие драмы: завершается месть их вождя.

На ослах, связанные, сидят два человека. С них сняли одежду, и их обнаженные спины выставлены напоказ перед молчаливыми зрителями. Но хотя на этих двоих больше нет развевающихся сутан, их нетрудно узнать по коротко остриженным волосам и выбритым тонзурам.

Это отцы иезуиты из миссии.

Глубоко врезается плеть в обнаженные тела, иезуиты громко стонут и извиваются от боли и страха. Они горячо просят и молят своих мучителей прекратить жестокую порку, но их никто не слушает.

На эту казнь смотрят двое белых. Один из них Карлос, охотник на бизонов, другой — скотовод дон Хуан.

Напрасно стараются святые отцы вызвать в них жалость. Им не растрогать этих двух людей — их сердца окаменели.

— Вспомните мою мать, вспомните мою сестру! — сквозь зубы отвечает Карлос.

— Да, недостойные священники, вспомните! — добавляет дон Хуан.

Снова взлетает плеть и снова опускается на спины, и так до тех пор, пока все четыре угла площади не стали свидетелями наказания.

Ослов подводят к церкви — она почернела от копоти, крыша обрушилась, — связывают их голова к голове; зрителям видны только спины седоков.

В стороне протянулась цепочка воинов, их луки натянуты, и по сигналу град стрел со свистом прорезает воздух. Страданиям святых отцов настал конец: обоих нет больше в живых.

* * * * * * * *

Я подхожу к последнему действию страшной драмы; нет слов, чтобы его описать. Все предыдущее тускнеет перед ужасом этой сцены. Она разыгрывается на вершине Утеса загубленной девушки. В этом месте часть плоскогорья узким, длинным мысом врезается в долину, здесь Карлос столь блестяще выдержал испытание в день святого Иоанна.

И сейчас будет снова показано искусство верховой езды. Но как не похожи на прежних участники, как не похожи зрители!

На лошадях сидят два человека. Это всадники поневоле — они привязаны к седлам. Их руки не сжимают поводья — они связаны за спиной, а ноги стянуты сыромятным ремнем, проходящим под брюхом лошади. Для того чтобы всадники прочно и неподвижно держались в седле, их привязали еще и другими ремнями, идущими от крепких кожаных поясов к передней луке и к крупу лошади. Таким образом, лошадь не может сбросить седока, не скинув и седла, а этому помешает прочная подпруга. Все предусмотрено: эти всадники не вылетят из седел, не показав своего искусства.

Но не по доброй воле они это сделают. Чтобы убедиться в этом, стоит только посмотреть на их лица.

Ужасны чувства, явственно написанные на этих лицах: самое низкое, трусливое малодушие, самое беспросветное отчаяние.

Люди эти — средних лет, оба офицеры в полной парадной форме. Но и без того нетрудно узнать в них смертельных врагов Карлоса — Вискарру и Робладо. Только теперь они уже не противники Карлоса — они его пленники.

Но для чего же их посадили на лошадей таким странным образом? Что за комедия должна здесь разыграться?.. Комедия? Как бы не так!

Смотрите: лошади под этими седоками — дикие мустанги. Смотрите: голова каждого мустанга обмотана куском грубой ткани, и он ничего не видит.

Для чего? Сейчас вы это узнаете.

Каждого коня с трудом удерживает индеец-тагнос. Мустанги стоят на Утесе загубленной девушки, перед выступом, который выдается вперед.

В ту же сторону обращены и лица выстроившихся в ряд воинов-индейцев. Они безмолвны. Ничем не нарушается зловещая тишина. Впереди на вороном коне — вождь, и к нему прикованы все взоры, словно люди ждут от него сигнала. Лицо его бледно, но сурово и непоколебимо. Месть еще не завершилась.

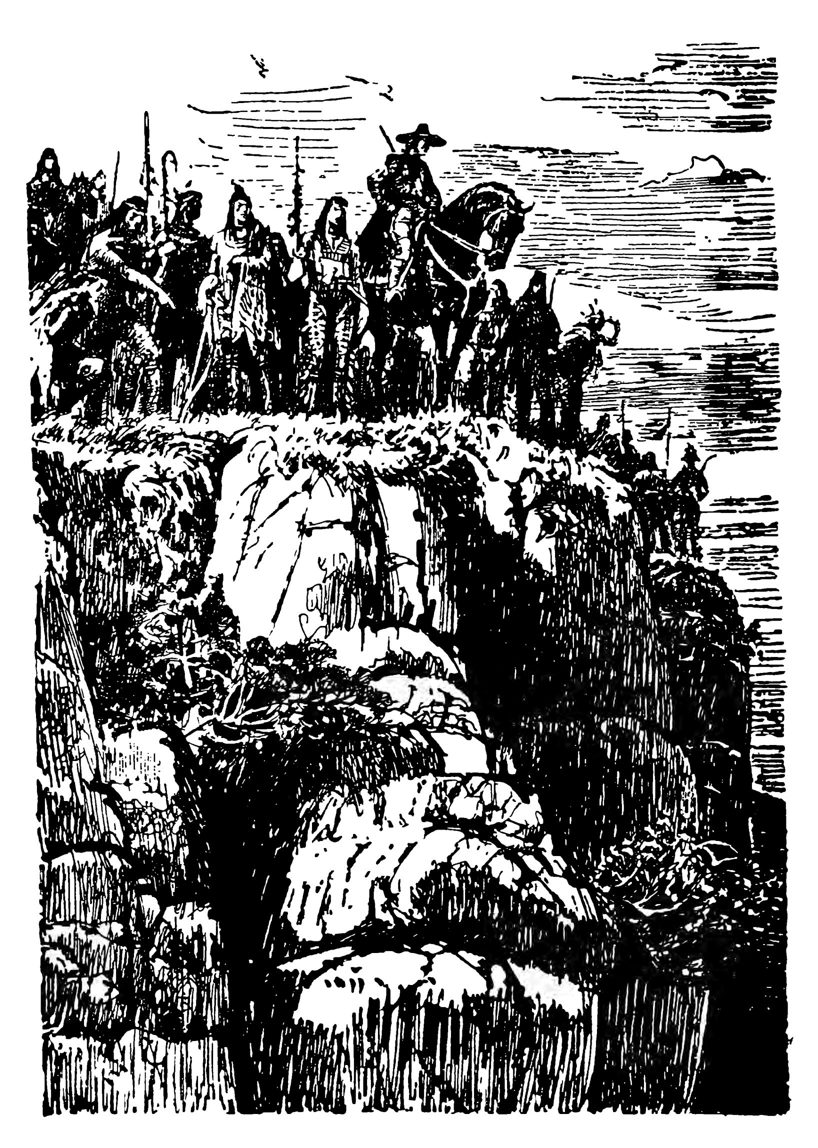
Он и его жертвы не обмениваются ни единым словом. Все уже сказано. Они знают свою участь.

Они сидят к нему спиной, они его не видят; но в устремленном на него взоре обоих тагносов, удерживающих лошадей, какое-то странное выражение. Чего они ждут? Ждут знака.

Взмахом руки, в молчании, подан знак. Тагносы, отпустив мустангов, отскакивают в сторону. Еще знак — и воины, пришпорив своих коней, с диким криком несутся вперед.

Вот уже их копья вонзаются в крупы мустангов, и ничего не видящие лошади скачут к выступу утеса...

Вопль смертельного ужаса, вырвавшийся у седоков, тонет в криках преследователей. Еще мгновение — и все кончено. Перепуганные мустанги сорвались с утеса, увлекая своих седоков в вечность.



Белый вождь и воины безмолвно стояли у края пропасти.

Темнокожие воины сгрудились у края обрыва и безмолвно смотрят друг на друга.

Вперед метнулся всадник; сдержав коня у самого края, он посмотрел вниз, в пропасть. Это белый вождь.

Он глядит на бесформенную груду, лежащую внизу. Люди и лошади недвижимы — они мертвы, смяты, раздроблены, разбиты... Страшное зрелище!

Карлос глубоко вздохнул, словно огромная тяжесть свалилась наконец с его сердца. Потом обернулся к другу.

— Дон Хуан! — произнес он. — Я сдержал слово: она отомщена!

* * * * * * * *

Заходящее солнце видело длинную цепь воинов-индейцев: один за другим они выезжали из долины и направлялись к Льяно Эстакадо. Но они уходили не так, как пришли. Они возвращались из Сан-Ильдефонсо в родные края с награбленным добром, которое они считали своей законной военной добычей.

Впереди попрежнему ехал охотник на бизонов, и рядом с ним — скотовод дон Хуан. Только что разыгравшиеся страшные события омрачили их лица, но эти тени рассеивались, когда всадники мысленно уносились в будущее. В конце пути обоих ждали радостные встречи.

Карлос недолго оставался со своими друзьями-индейцами. Взяв золото, которое они ему когда-то обещали, он двинулся дальше на восток и там, в Луизиане, на Ред-Ривер, развел плантацию. С ним были красавица-жена, сестра, дон Хуан и несколько старых слуг, и он прожил многие годы в мире и благоденствии.

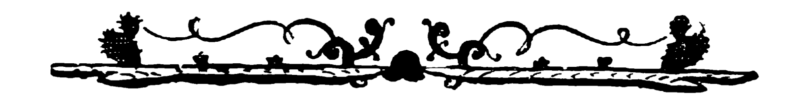
Время от времени он отправлялся на охоту в страну своих старых друзей вако, которые неизменно были ему рады и попрежнему называли его своим белым вождем.

А о Сан-Ильдефонсо с тех пор ничего больше не было слышно. В этой прекрасной долине так и не основали новых поселений. Тагносы, освобожденные от сетей рабства, которыми опутали их отцы иезуиты, с

великой радостью отказались от навязанной им полуцивилизации. Иные обосновались в других поселениях, большинство же возвратились к прежним обычаям — они снова стали охотниками прерий.

Возможно, что в другие времена судьба Сан-Ильдефонсо вызвала бы больший интерес, но описанные нами события произошли в исключительный период испано-американской истории. Как раз в ту пору на всем Американском континенте владычество Испании быстро клонилось к упадку, и падение Сан-Ильдефонсо было всего лишь эпизодом среди многих не менее драматических событий. Примерно в то же время пали Гран-Квивира, Або, Чилили и сотни других поселений и городов. У каждого из них своя история, своя кровавая повесть — быть может, куда более интересная, чем та, которую мы здесь рассказали.

Лишь случай привел нас к прекрасной долине Сан-Ильдефонсо, случай столкнул нас с человеком, который помнил ее легенду — легенду о белом вожде.



ПОСЛЕСЛОВИЕ
К РОМАНУ «БЕЛЫЙ ВОЖДЬ»

Перевернута последняя страница романа, и читатель, полюбивший его героев, волновавшийся за их судьбу, вероятно задаст вопрос: действительно ли существовал в Мексике городок Сан-Ильдефонсо, в котором произошли столь драматические события?

Ответ на этот вопрос дает сам автор. Ведь не случайно, начиная свое повествование о приключениях храброго охотника за бизонами Карлоса, Майн Рид подчеркивает, что это легенда, услышанная им в Мексике. Об этом же говорят и последние слова романа.

Значит ли это, что все описанное в романе «Белый вождь» является плодом писательской фантазии? Отнюдь нет. Столкновение Карлоса с его врагами — испанским комендантом крепости Вискаррой и капитаном Робладо, с католическими священниками Хоакином и Хорхе, его любовь к прекрасной Каталине, дочери богатого владельца рудников, — все это происходит в определенных исторических условиях и в известной степени отражает ту реальную обстановку, которая сложилась в Мексике в конце XVIII — начале XIX века.

Это была эпоха, когда могущественная в прошлом испанская империя находилась накануне своей гибели. Дни колониального господства Испании на Американском континенте были сочтены.

Несмотря на несметные богатства, притекавшие из многочисленных американских колоний, Испания оставалась эконо-

мически отсталой, феодальной страной. Ей уже не под силу было соперничать с другими быстро развивающимися капиталистическими государствами. Рядом с испанской колонией Мексикой возникло, сбросив с себя оковы британского владычества, молодое государство — Североамериканские Соединенные Штаты.

Испанский королевский двор был озабочен только одним — выкачивать из своих колоний в Америке золото, как можно больше золота. Во имя золота коренное население Мексики подвергалось самой чудовищной эксплуатации. Один испанский историк писал, что дороги около рудников в Мексике были так усеяны трупами и скелетами индейцев, погибших от голода и непосильного труда, что нельзя было пройти, не ступая по человеческим костям.

Среди испанской администрации в Мексике процветало взяточничество, казнокрадство. Власть была доверена жадным, беспринципным и жестоким людям, которые думали только о собственном обогащении и собственных удовольствиях. Именно таких представителей испанской администрации и вывел Майн Рид в своем романе в образах Вискарры и Роблодо. Верным помощником колонизаторов была католическая церковь. Духовенству принадлежали огромные пространства земли, и оно эксплуатировало местное население ничуть не менее жестоко, чем помещики. Ленивые, алчные и продажные монахи, вроде падре Хоакина и Хорхе, обманывали и обирали индейцев.

Большинство поместий — асиенд — и рудников принадлежало креолам — потомкам испанских колонизаторов. Получая огромные доходы, они вели праздную, паразитическую жизнь, увлекаясь охотой, картами, боями быков, конскими состязаниями.

Развертывая перед читателями увлекательную и романтическую историю своих героев, Майн Рид очень скупо и вскользь говорит об основном населении Мексики — о нищих и бесправных индейцах и метисах. И все-таки в романе есть ощущение того, что все события происходят на фоне растущего недовольства народных масс. Недаром комендант крепости все время беспокоится, как бы охотник за бизонами Карлос не поднял бунта среди порабощенных индейцев.

История дополнит нам то, чего не досказал Майн Рид в своем романе. Эпоха, к которой относится действие романа «Бе-

лый вождь», отмечена неоднократными попытками индейцев сбросить с себя ненавистное испанское иго. Крупные восстания индейцев имели место в 1761 и 1767 годах. Индейцам удавалось разбивать испанские отряды, посланные на их усмирение, но в конце концов сказывалось превосходство испанцев в вооружении и военной организованности. Испанцы жестоко расправлялись с восставшими. Головы вождя восстания 1767 года индейца Педро Сория Вильяроля и его сподвижников были надеты на пики для устрашения индейцев.

Начало XIX века принесло новый подъем революционного движения. В 1810 году вспыхнуло крупнейшее восстание мексиканского народа под руководством героя национально-освободительной борьбы Мигеля Идальго, бедного священника села Долорес. Собрав своих прихожан, он обратился к ним с призывом: «Братья! Хотите быть свободными людьми? Хотите идти на борьбу, чтобы отобрать у ненавистных испанцев земли, отнятые у наших предков триста лет назад?» Этот призыв Идальго имел громадный успех. Вооруженные ножами и пиками, индейцы двинулись под предводительством Идальго в поход. Число восставших достигло вскоре ста тысяч человек. Всюду на своем пути они возвращали индейцам помещичьи земли и освобождали рабов. Правительственные войска были разбиты в нескольких сражениях. Форты и гарнизоны сдавались один за другим.

Но аристократы-креолы, принимавшие участие в восстании, так как их экономические интересы приходили в столкновение с интересами Испании, испугались за свои поместья и перешли на сторону испанцев. Армия Идальго была разбита, сам он был расстрелян.

После гибели Идальго во главе восставших стал Хосе Мария Морелос. Его отряды заняли значительную часть Мексики. В 1813 году Морелос созвал Национальный конгресс, на котором были провозглашены независимость Мексики, запрещение рабства, конфискация крупных поместий.

Испанцам совместно с креолами-помещиками удалось разбить Морелоса. В 1815 году он был расстрелян.

Долго еще после этого продолжалась борьба. Испанцы одерживали победы и терпели поражения. Насквозь прогнившая испанская колониальная империя не в силах была удержать свои заокеанские владения и теряла их одно за другим.

В 1821 году последний вице-король подписал акт о независимости Мексики, и в 1823 году была провозглашена республика.

Но завоевание независимости почти не улучшило положения трудящихся масс. Попрежнему сохранились громадные земельные владения помещиков и католической церкви, попрежнему трудились на полях нищие и бесправные пеоны.

Следует сделать еще одну историческую поправку к роману Майн Рида. Писатель кое-где намекает, что освободителями мексиканского народа будут американцы. В действительности же Соединенные Штаты Америки уже тогда лелеяли захватнические планы в отношении Мексики.

В 1846 году после провокационного налета американских войск на территорию Мексики началась война, о которой даже американский генерал Грант, будущий президент США, писал: «Эта война явилась одной из самых несправедливых войн, которые когда-либо вела сильная нация против слабой».

Несмотря на колоссальное преимущество американской армии в войсках и вооружении, мексиканский народ героически сопротивлялся. До сих пор в Мексике чтут память героев, погибших при защите Чапультепека — бывшей летней резиденции вице-королей.

В 1848 году мексиканское правительство было вынуждено подписать мирный договор, по которому приблизительно половина территории Мексики перешла к Соединенным Штатам.

История этой грабительской войны была хороша известна Майн Риду, ибо сам он, будучи лейтенантом 1-го нью-йоркского полка волонтеров, сражался в рядах американской армии и был ранен при штурме Чапультепека.

События этой войны послужили Майн Риду темами нескольких его произведений («Стрелки в Мексике», «Вождь гверильясов»). Но война в этих романах служит лишь фоном для романтических приключений героев, и в них не приходится искать исторически верную картину.

Ценность многих романов Майн Рида, в том числе и «Белого вождя», заключается для нас в захватывающих, увлекательных приключениях его живо и ярко обрисованных героев — смелых, благородных людей, сражающихся за правду и справедливость.

А. Наркевич

КВАРТЕРОНКА
ИЛИ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
НА
ДАЛЬНЕМ
ЗАПАДЕ

Перевод с английского

В *Курелла и Е. Шишмаревой*

Редактор *Р. Гальперина*

N
S
Гринджерс
Пристань
„Красавица"
„Магнолия"
Сахароварня
Плантация Гайара
Хлопковое дерево
Река Миссисипи
Плантация Безансонов
Конюшня
Дорога в Новый Орлеан
КАРТА окрестностей плантации БЕЗАНСОНОВ

Читатель!

Перед тобой роман, и ничего более

Не считай автора книги ее героем.

Глава I

ОТЕЦ ВОД

Отец вод! Я славлю твой могучий бег. Подобно индусу на берегах священной реки, склоняю я пред тобою колена и возношу тебе хвалу!

Но как несходны чувства, которые нас одушевляют! Индусу воды желтого Ганга внушают благоговейный трепет, олицетворяя для него неведомое и страшное грядущее, во мне же твои золотистые волны будят светлые воспоминания и связуют мое настоящее с прошлым, когда я изведал столько счастья. Да, великая река! Я славлю тебя за то, что ты дала мне в прошлом. И сердце замирает от радости, когда при мне произносят твое имя!

Отец вод, как хорошо я знаю тебя! У твоих истоков я шутя перескакивал через тоненькую струйку, ибо в стране тысячи озер, на вершине Hauteur de terre, ты бежишь крохотным ручейком. На лоно вскормившего тебя голубого озерка спустил я берестяной челн и отдался на волю плавному течению, устремившему меня на юг.

Я плыл мимо берегов, где на лугах зреет дикий рис, где белая береза отражает в зеркале твоих вод свой серебристый стан и тени могучих елей купают в твоей глади свои остроконечные вершины. Я видел, как индеец чипева рассекал твои хрустальные струи в легком каноэ, как лось-великан стоял в твоей прохладной воде и стройная лань мелькала среди прибрежной травы. Я внимал музыке твоих берегов — крику ко-кови, гоготу ва-ва — гуся, трубному гласу большого северного лебедя. Да, великая река, даже в далеком северном крае, на твоей суровой родине, поклонялся я тебе!

* * * * * * * *

Всё вперед и вперед плыву я, пересекая один за другим градусы широты и климатические пояса.

И вот я стою на твоем берегу, там, где ты прыгаешь по скалам и зовешься водопадом святого Антония и бурным, стремительным потоком прокладываешь себе дорогу на юг. Как изменились твои берега! Хвойные деревья исчезли, и ты нарядился в яркий, но недолговечный убор. Дубы, вязы и клены сплетают шатром свою листву и простирают над тобой могучие руки. Хотя леса твои попрежнему тянутся без конца и края, девственной природе приходит конец. Взор с радостью встречает приметы цивилизации, слух жадно ловит ее звуки. Среди поваленных деревьев стоит бревенчатая хижина, живописная в своей грубой простоте, а из темной чащи леса доносится стук топора. Над поверженными исполинами гордо качаются шелковистые листья кукурузы, и золотые ее султаны сулят богатый урожай. Из-за зеленых крон деревьев вдруг выглянет церковный шпиль, и молитва возносится к небу, сливаясь с рокотом твоих волн.

* * * * * * * *

Я снова спускаю челн на твои стремительные волны и с ликующим сердцем плыву вперед и вперед, на юг. Я проплываю теснины, где ты с ревом пробиваешь себе путь, и восхищенно всматриваюсь в причудливые скалы, которые то отвесной стеной поднимаются ввысь, то расступаются и мягкими изгибами вырисовываются на синеве небес. Я смотрю на нависшую над водой скалу, прозванную «Наядой», и на высокий утес, на округлой вершине которого в далекие годы солдат-путешественник разбивал свою палатку.

Я скольжу по зеркальной поверхности озера Пепин, любуясь его зубчатыми, похожими на крепостную стену берегами.

С волнением гляжу я на дикий утес «Прыжок любви», чьи обрывистые склоны часто отвечали эхом на веселые песни беззаботных путешественников, а однажды эхо повторило скорбный напев — предсмертную песнь Веноны, красавицы Веноны, которая ради любви пожертвовала жизнью.

* * * * * * * *

Вперед несется мой челн, туда, где безграничные прерии Запада подступают к самой реке, и взор мой с радостью скользит по их вечнозеленым просторам.

Я замедляю ход своего челна, чтобы посмотреть на всадника с разрисованным лицом, скачущего вдоль твоего берега на диком коне, и полюбоваться на гибких дакотских девушек, купающихся в твоих хрустальных струях, а затем — снова вперед, мимо «Скалистого карниза», мимо богатых рудами берегов Галены и Дюбюка и воздушной могилы смелого рудокопа.

Вот я достиг того места, где бурный Миссури яростно бросается на тебя, как будто хочет повлечь за собою по своему пути. С утлого суденышка я слежу за вашим поединком. Жестокая короткая схватка, но ты побеждаешь, и отныне твой укрощенный соперник вынужден платить тебе золотую дань, вливаясь в твое могучее русло, и ты величественно катишь свои воды вперед.

* * * * * * * *

Твои победоносные волны несут меня все южнее. Я вижу высокие зеленые курганы — единственный памятник древнего племени, некогда обитавшего на твоих берегах. Но сейчас передо мной встают поселения другого народа. Сверкающие на солнце колокольни и купола вздымают в небо острые свои шпили, дворцы стоят на твоих берегах, а другие, пловучие, дворцы качаются на твоих волнах. Впереди виден большой город.

Но я не задерживаюсь здесь. Меня манит солнечный юг, и, вновь доверившись твоему течению, я плыву дальше.

Вот широкое, как море, устье Огайо и устье другого крупнейшего твоего притока, знаменитой реки равнин.

Как изменились твои берега! Ни нависших скал, ни отвесных утесов. Ты прорвался сквозь сковавшие тебя горные цепи и теперь широко и свободно прокладываешь себе путь через собственные наносы. Ты сам в минуту буйного разгула создал свои берега и можешь прорвать их, когда тебе вздумается. Теперь леса вновь окаймляют тебя — леса исполинов: раскидистые платаны, высокие тюльпанные деревья, желто-зеленые тополя поднимаются уступами от самой воды. Леса стоят на твоих берегах, и на своей широкой груди ты несешь остовы мертвых деревьев.

* * * * * * * *

Я проношусь мимо последнего твоего большого притока, пурпурные воды которого лишь слегка окрашивают твои волны. Плыву вниз по твоей дельте, вдоль берегов, прославленных страданиями Де Сото [1] и смелыми подвигами Ибервиля [2] и Ла Салля [3].

---

[1] Де Сото Эрнандо (1500—1542) — испанский исследователь, которому приписывается открытие Миссисипи в 1541 году.

[2] Ибервиль Пьер (1661—1706) — французский исследователь Северной Америки, основавший в 1698 году французскую колонию Луизиану.

[3] Ла Салль Рене Робер Кавелье (1643—1687) — французский путешественник, первым проплывший по Миссисипи до самого устья.

Тут душу мою охватывает беспредельное восхищение. Лишь человек с каменным сердцем, бесчувственный ко всему прекрасному, способен взирать на тебя здесь, в этих южных широтах, не испытывая священного восторга.

Сказочные картины, сменяя одна другую, как в панораме, развертываются передо мной. Нет на земле пейзажа прекраснее. Ни Рейн с его замками на скалах, ни берега древнего Средиземного моря, ни острова Вест-Индии — ничто не может сравниться с тобой. Ни в одной части света нет такой природы, нигде мягкое очарование не сочетается столь гармонично с дикой красотой. Однако взор не встречает здесь ни скал, ни даже холмов; лишь темные кипарисовые чащи, опушенные серебристыми мхами, служат фоном картине, и они не уступают в величавости гранитным утесам.

Лес уже не подходит вплотную к твоим берегам. Его давно свалил топор поселенца, и на смену ему пришли золотистый сахарный тростник, белоснежный хлопок и серебристый рис. Лес отступил назад и теперь лишь издали украшает картину. Я вижу тропические деревья с широкими блестящими листьями — пальмы сабаль, аноны, водолюбивую ниссу, катальпу с крупными трубчатыми цветами, душистый стиракс и магнолию с ее восковыми лепестками. С листвой этих прекрасных туземок смешивают свою листву и сотни чудесных пришельцев: апельсин, лимон и фиговое дерево, индийская сирень и тамаринд, оливы, мирты и бромелии, а поникшие ветви вавилонской ивы составляют разительный контраст с прямыми стеблями гигантского сахарного тростника и копьевидными листьями высокой юкки.

Окруженные этой пышной растительностью, стоят виллы и роскошные усадьбы самой разнообразной архитектуры, столь же разнообразной, как и национальность населяющих их людей. Да, разнообразной, ибо на твоих берегах живут люди самых различных наций, и все они принесли тебе свою дань, украсив тебя дарами славной всемирной цивилизации.

Прощай, отец вод!

* * * * * * * *

Хоть я не родился под этим благодатным южным небом, но провел здесь долгие годы и люблю эту страну даже больше, чем свою родину. Здесь прожил я дни светлой юности, возмужал и провел бурные годы зрелости, и воспоминания об этих годах, полных неувядаемой романтики, никогда не изгладятся из моей памяти. Здесь мое юное сердце впервые познало Любовь — первую, чистую любовь. Неудивительно, что страна эта всегда будет окружена для меня немеркнущим сиянием.

Читатель, выслушай историю этой любви!

Глава II

ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ В НОВОМ ОРЛЕАНЕ

Как многие юнцы, вырвавшиеся из колледжа, я тяготился жизнью в отчем доме. Мной овладела жажда путешествий; я мечтал увидеть мир, знакомый мне пока только по книгам.

Вскоре мне удалось осуществить мою мечту. Без всякого сожаления смотрел я, как холмы моей родины скрываются за темными волнами, не тревожась о том, увижу ли я их когда-нибудь снова.

Хоть я и вышел из стен классического колледжа, я не чувствовал никакой склонности к классическим знаниям.

За десять лет, проведенных над напыщенными гиперболами Гомера, однообразными стихами Вергилия и скучными нескромностями Горация Флакка, я не проникся тем восхищением перед классической литературой, какое испытывают — или притворяются, что испытывают, — почтенные ученые с очками на носу.

Я не создан, чтобы жить в мире отвлеченных идей или в мечтаниях о прошлом. Я люблю окружающую меня реальную жизнь. Пускай дон-кихоты разыгрывают трубадуров среди развалин старинных замков, а жеманные барышни посещают места, воспетые в путеводителях. Что до меня, то я равнодушен к романтике

прошлого. В современном Вильгельме Телле я вижу лишь наемника, готового продать силу своих мускулов любому тирану, а живописный лаццарони, при ближайшем знакомстве, представляется мне обыкновенным мелким воришкой. Глядя на разрушающиеся стены Афин и развалины Рима, я замечаю лишь бесприют ность и голод. Я не любитель живописной нищеты. Меня не трогают романтические лохмотья.

А между тем именно жажда романтических приключений заставила меня покинуть родной дом. Меня увлекало все яркое и необыкновенное, ибо я был в том возрасте, когда человек больше всего влюблен в романтику. Да я и сейчас не изменился. Теперь я старше годами, но час разочарования для меня еще не наступил и, думаю, никогда не наступит. В жизни много романтического — это не иллюзия. Романтика живет не в светских гостиных с их нелепыми обычаями и глупыми церемониями; она не носит блестящих мундиров и сторонится безвкусных придворных празднеств. Звезды, ордена и титулы ей чужды. Пурпур и позолота убивают ее.

Романтику надо искать в других местах — среди великой и могучей природы, хотя и не только там. Ее можно найти среди полей и дубрав, среди скал и озер, так же как и на людных улицах больших городов. Ибо родина ее в человеческих сердцах — сердцах, которые охвачены высокими стремлениями и бьются в груди у людей, жаждущих Свободы и Любви.

Итак, я устремился не к старым классическим берегам, а в более молодые и полнокровные страны. В поисках романтики я отправился на запад. И я нашел ее и упивался ею под ярким небом Луизианы.

* * * * * * * *

В январе 18 . . года я ступил на землю Нового Света, на землю, политую английской кровью. Любезный шкипер, который перевез нас через Атлантический океан, доставил меня на берег в своей шлюпке. Я стремился осмотреть места, где происходили последние историче-

ские сражения; в ту пору я увлекался военной историей. Но мне хотелось осмотреть поле боя в Новом Орлеане не из простого любопытства. Я придерживался мнения, считавшегося в то время еретическим, что мирные люди, вынужденные взяться за оружие, сражаются в иных случаях не хуже наемников-профессионалов и что длительная военная муштровка не служит непременным залогом победы. История войн при поверхностном изучении как будто опровергает это мнение; оно противоречит также и свидетельствам военных. Однако свидетельства профессионалов не имеют большого значения в этом вопросе. Разве можно найти хоть одного военного, который не старался бы выставить свое искусство в самом героическом свете? Кроме того, властители мира не жалели сил, чтобы ввести свои народы в заблуждение. Надо же им было найти какое-то оправдание для той чудовищной обузы, какой для нас является «регулярная армия».

Мое желание увидеть поле боя на берегах Миссисипи [1] имело прямое отношение к интересовавшему меня вопросу. Эта военная операция служила веским доводом в мою пользу, ибо на этом месте шесть тысяч человек, никогда не слышавших команды: «Напра...во!», победили, разбили наголову и, можно сказать, почти стерли с лица земли прекрасно вооруженную и обученную армию, вдвое превосходившую их числом.

После того как я побывал на месте этой битвы, мне довелось и самому участвовать во многих боях. И теорию, которую я в то время отстаивал, я впоследствии проверил на опыте. Вера в военную муштру — это заблуждение, а сила регулярной армии — иллюзия.

* * * * * * * *

---

[1] 8 января 1815 года, уже после подписания Гентского договора, завершившего англо-американскую войну 1812—1814 годов, у Нового Орлеана произошло сражение, в котором малочисленная и плохо организованная американская армия нанесла поражение регулярным английским войскам.

Через час я уже бродил по улицам Нового Орлеана, не думая больше о войне.

Мысли мои приняли другое направление. Передо мной, словно в панораме, развертывалась кипучая жизнь Нового Света во всей ее свежести и многообразии, и, вопреки принятому мною решению nil admirari — ничему не удивляться, — я невольно с удивлением озирался вокруг.

Одной из первых неожиданностей, поразивших меня, можно сказать, еще на пороге моей жизни за океаном, было открытие, что я ни на что не годен. Я мог сослаться на свой аттестат и сказать: «Вот доказательство моей учености — я удостоен высшей награды в колледже». Но на что он мог мне пригодиться? Те отвлеченные науки, которым меня учили, не имели никакого применения в реальной жизни. Моя логика была просто болтовней попугая. Моя классическая ученость лишь загромождала мою память. И я был так же плохо подготовлен к жизненной борьбе, к труду на благо своему ближнему и самому себе, как если бы изучал китайские иероглифы.

А вы, бездарные учителя, пичкавшие меня синтаксисом и стихосложением, — вы, конечно, назвали бы меня неблагодарным, если бы я высказал вам все возмущение и презрение, которое охватило меня, когда я оглянулся назад и убедился, что десять лет жизни, проведенных под вашей опекой, пропали для меня даром, что я глубоко заблуждался, воображая себя образованным человеком, а на самом деле ровно ничего не знаю.

* * * * * * * *

Итак, с некоторым запасом денег в кармане и очень небольшим запасом знаний в голове я бродил по улицам Нового Орлеана, удивленно озираясь вокруг.

Но вот прошло полгода, а я ходил по тем же улицам уже почти без денег в кармане, но зато изрядно пополнив запас своих знаний. За эти шесть месяцев я приобрел значительно больший жизненный опыт, чем за последние шесть лет моей жизни.

Этот опыт обошелся мне недешево. Взятые мною в дорогу деньги быстро исчезли в водовороте ресторанов, театров, маскарадов и «квартеронских балов». Немалую долю я оставил и в том банке, который называется «фараоном» и не выплачивает вкладчикам ни капитала, ни процентов.

Я даже боялся подсчитать все мои расходы. Но в конце концов я пересилил себя и подвел итог. Оказалось, что после оплаты счета в гостинице у меня остается ровно двадцать пять долларов! На двадцать пять долларов я должен был жить, пока напишу домой и получу ответ, то-есть не меньше трех месяцев, — ведь это было в ту пору, когда еще не знали больших океанских пароходов.

Полгода я храбро грешил. Теперь я был полон раскаяния и хотел исправиться. Я даже охотно поступил бы на службу. Но вся моя школьная премудрость, которая не помогла мне сберечь кошелек, была теперь бессильна пополнить его вновь. Во всем этом кипучем городе я не мог найти занятия, к которому был бы пригоден.

Без друзей, приунывший, немного пресыщенный и довольно сильно обеспокоенный своим ближайшим будущим, я слонялся по улицам. С каждым днем у меня оставалось все меньше знакомых. Я не встречал их больше в увеселительных заведениях, где они обычно собирались. Куда же они пропали?

В их исчезновении не было ничего таинственного. Наступила середина июня, стояла изнурительная жара, и с каждым днем ртуть в градуснике поднималась все выше. Температура доходила до 100 градусов по Фаренгейту. Через неделю-другую можно было ожидать ежегодного, хотя и нежеланного, гостя, по прозвищу «Желтый Джек», которого одинаково боялись и старый и малый. Страх перед желтой лихорадкой выгонял все высшее общество из Нового Орлеана, и оно, подобно перелетным птицам, устремлялось на север.

Я не храбрее других. У меня не было никакого желания познакомиться с этим страшным болотным дьяволом, и я считал, что мне тоже лучше убраться подоб-

ру-поздорову. Для этого стоило только сесть на пароход и отправиться вверх по течению, в один из городов, куда не проникает тропическая малярия.

В то время одним из самых привлекательных северных городов считался Сент-Луис, и я надумал отправиться туда, хотя и не имел представления, на что буду там существовать, так как моих средств хватало ровно на дорогу.

Сказав себе, однако, что из двух зол надо выбирать меньшее, я твердо решил ехать в Сент-Луис. Итак, я собрал свои пожитки и поднялся на борт парохода «Красавица Запада», отходившего в далекий «Город на холмах».

Глава III

«КРАСАВИЦА ЗАПАДА»

В назначенное время я был на борту парохода. Но оказалось, что, понадеявшись на аккуратность здешних пароходов, я пришел слишком рано, чуть ли не за два часа до отплытия.

Однако я не даром потратил время — я провел его с пользой, изучая своеобразное строение судна, на которое взошел. Я сказал «своеобразное», ибо пароходы, плавающие по Миссисипи и ее притокам, совершенно не похожи на пароходы других стран и даже на те, что плавают по рекам Восточных штатов.

Это чисто речные пароходы, они не могут выходить в открытое море, хотя некоторые из них и осмеливаются плавать вдоль техасского берега от Мобила до Галвестона.

Корпус у них построен так же, как и у морских судов, но значительно отличается глубиной трюма. У этих судов такая мелкая осадка, что остается очень мало места для груза, а палуба поднимается всего на несколько дюймов над ватерлинией. Когда же судно тяжело загружено, вода доходит до самого фальшборта. Машинное отделение находится на нижней палубе; там же установлены и большие чугунные паровые кот-

лы с широкими топками, так как эти суда ходят на дровах. Там же из-за тесноты трюма размещают и бо́льшую часть груза; по всей палубе вокруг машин и котлов навалены кипы хлопка, бочки с табаком и мешки с зерном. Таков груз на судне, идущем вниз по течению. На обратном пути пароход везет уже другие товары: ящики с различной утварью, сельскохозяйственные орудия, модную галантерею, доставленную на пароходах из Бостона, кофе в кулях из Вест-Индии, рис, сахар, апельсины и другие продукты тропических стран.

На корме отведено место для беднейшей части путешественников, так называемых «палубных пассажиров». Здесь вы никогда не увидите американцев. Некоторые пассажиры — ирландские поденщики, другие — бедные немецкие эмигранты, направляющиеся на отдаленный Северо-Запад, а в основном — негры, иногда свободные, а чаще всего рабы.

Чтобы покончить с описанием корпуса, скажу еще, что постройка судна с такой мелкой осадкой очень разумна. Это делается для того, чтобы оно могло идти по мелководью, весьма обычному на этой реке, особенно в периоды засухи. Вот почему чем меньше осадка, тем лучше. Один капитан на Миссисипи, хвастаясь своим судном, уверял, что, если выпадет сильная роса, он берется провести его даже через прерии.

Если у парохода на Миссисипи лишь очень небольшая часть скрыта под водой, то можно сказать обратное о его надводной части. Представьте себе двухэтажный дощатый дом длиною около двухсот футов, выкрашенный в ослепительно белый цвет; представьте вдоль второго этажа ряд окошек с зелеными переплетами, или, вернее, дверей, открывающихся на узкий балкон; представьте себе плоскую или полукруглую крышу, покрытую просмоленным брезентом, а на ней ряд люков для верхнего света, словно стекла в парнике; представьте себе два огромных черных цилиндра из листового железа, каждый десяти футов в диаметре и чуть ли не ста футов высотой, возвышающихся, как башни, — это дымовые трубы парохода; сбоку — цилиндр поменьше, или труба для выпускания пара, а впереди, на

самом носу корабля, длинный флагшток с развевающимся звездным флагом, — представьте себе все это, и вы будете иметь некоторое понятие о том, что такое пароход на Миссисипи.

Войдите внутрь — и в первую минуту вас поразит неожиданное зрелище. Вы увидите роскошный салон длиной около ста футов, украшенный богатыми коврами и красиво обставленный. Вы отметите изящество обстановки, дорогие кресла, диваны, столы и кушетки; красоту расписанных и отделанных позолотой стен; хрустальные люстры, спускающиеся с потолка; по обеим сторонам салона десятки дверей, ведущих в отдельные каюты, и громадные раздвижные двери из цветного или узорчатого стекла, за которыми находится запретное святилище — дамский салон. Короче говоря, вы увидите вокруг богатство и роскошь, к которым вы совершенно не привыкли, путешествуя по Европе. Вы только читали о подобной обстановке в какой-нибудь волшебной сказке или в «Тысяча и одной ночи».

И все это великолепие порой находится в досадном противоречии с поведением того общества, которое тут расположилось, ибо в этом роскошном салоне встречаются грубые невежи наравне с изысканными джентльменами. Вы можете с удивлением увидеть сапог из свиной кожи, положенный на столик красного дерева, или черный от никотина плевок, измазавший узор на дорогом ковре. Но это случается редко, и теперь — еще реже, чем в описанные мною дни.

* * * * * * * *

Осмотрев внутреннее помещение «Красавицы Запада», я вышел на палубу. Здесь, на носу корабля, было оставлено свободное пространство, обычно называемое тентом, — прекрасное место для отдыха мужской части пассажиров. Верхняя палуба, на которой расположены каюты, выдается тут вперед; ее поддерживают колонки, опирающиеся на нижнюю палубу. Крышей ей служит штормовой мостик, выдвинутый вперед, как и палуба, и укрепленный на тонких деревянных стойках;

он защищает эту площадку от солнца и дождя, а небольшие перила делают ее совершенно безопасной. Спереди и с боков она открыта, что дает возможность пассажирам осматривать окрестности, а легкий ветерок во время хода судна навевает прохладу; вот почему тент — излюбленное место пассажиров. Для их удобства здесь стоят кресла и разрешается курить.

Только человек, совсем равнодушный к кипучей жизни толпы, отказался бы понаблюдать за ней час-другой на набережной Нового Орлеана. Усевшись в кресло и закурив сигару, я решил посвятить некоторое время этому интересному занятию.

Глава IV

ПАРОХОДЫ-СОПЕРНИКИ

Та часть набережной, которая была у меня перед глазами, именовалась «портом». Штук двадцать или тридцать судов стояло у деревянных причалов. Некоторые пароходы только что пришли с верховьев реки и выгружали свои товары и пассажиров, очень немногочисленных в это время года. Другие, осаждаемые суетящейся толпой, разводили пары, тогда как остальные, казалось, были покинуты своими экипажами и капитанами, которые, наверно, в это время веселились в шумных ресторанах и кабачках. Изредка показывался франтоватый конторщик в синих хлопчатобумажных брюках, белом полотняном пиджаке, дорогой панаме, в батистовой рубашке с пышным жабо и брильянтовыми запонками. Такой расфранченный джентльмен появлялся на несколько минут у одного из опустевших судов, вероятно, чтобы заключить какую-нибудь сделку, и спешил обратно в город, где его ждали более интересные занятия.

Особое оживление на берегу было заметно против двух крупных пароходов. Один из них был тот, на котором я собирался отплыть. Второй, как я прочел на штурвальной рубке, назывался «Магнолия». Это судно

также готовилось к отплытию, о чем говорили суета на палубе, яркий огонь в топках и клубы вырывающегося со свистом пара.

На набережной разгружали последние подводы; пассажиры, боясь опоздать, спешили с шляпными картонками в руках; по сходням тащили ящики, сундуки, тюки, катили бочки; конторщики, вооружившись блокнотами и карандашами, считали и записывали груз; все это свидетельствовало о скором отплытии парохода. Совершенно такая же сцена происходила и перед «Красавицей Запада».

Поглядев на эти приготовления, я вскоре заметил, что между командами пароходов происходит что-то не совсем обычное. Суда стояли у соседних причалов, и матросы, слегка повысив голос, могли переговариваться между собой, что они сейчас и делали. По некоторым долетевшим до меня фразам и презрительному тону, каким они были сказаны, я понял, что «Магнолия» и «Красавица Запада» были пароходами-соперниками. Вскоре я услышал, что они должны отчалить почти одновременно и собираются устроить гонки.

Я знал, что так называемые «первоклассные» пароходы нередко вступают здесь в подобные состязания, а «Магнолия» и ее соперница относились к этой категории. Оба были пароходами «высшего класса» и по величине и по богатству отделки; оба совершали одинаковые рейсы от Нового Орлеана до Сент-Луиса; наконец, обоими командовали опытные и популярные речные капитаны. Все это неизбежно делало их соперниками, и чувства эти разделяли обе команды, от капитана до слуги-невольника.

Что касается судовладельцев и капитанов, то их соперничество основано на расчете. Победившее судно завоевывает себе популярность среди публики. «Самый быстроходный» пароход становится и самым модным, и хозяин может быть уверен, что списки его пассажиров будут всегда заполнены, несмотря на высокую плату за проезд, ибо у американца есть такая слабость: он готов истратить последний доллар, лишь бы потом говорить, что путешествовал на самом фешенебельном

пароходе, так же как в Англии многие любят кстати и некстати упоминать о том, что они путешествовали в «первом классе». Тщеславие свойственно не одной какой-нибудь нации, это явление повсеместное.

Предстоящие гонки между «Красавицей Запада» и «Магнолией» разожгли дух соперничества не только среди команд этих судов, — возбуждение передалось и пассажирам. Кажется, многие из них так же увлекаются этими гонками, как англичане скачками. Некоторых, без сомнения, привлекал спортивный азарт, но скоро я заметил, что большинство держит денежные пари.

— «Красавица» должна победить! — кричал за моей спиной какой-то детина с золотыми запонками. — Ставлю двадцать долларов на «Красавицу»! Хотите пари, незнакомец?

— Нет, не хочу, — ответил я довольно сердито, так как он позволил себе бесцеремонно положить руку мне на плечо.

— Что ж, как хотите! — ответил он. — Ваше дело. — И. обращаясь к другому, закричал: — «Красавица» победит, ставлю двадцать долларов! Двадцать долларов на «Красавицу»!

Сознаюсь. в ту минуту я предавался довольно грустным размышлениям. Я первый раз пускался в плавание на американском пароходе, и мне вспомнились многочисленные рассказы про взорвавшиеся котлы, пробоины в корпусах и судовые пожары. Я слышал, что гонки нередко приводят к подобным катастрофам, и у меня были основания верить этим рассказам.

Некоторые из пассажиров, наиболее трезвые и рассудительные, разделяли мои опасения; кое-кто даже говорил, что надо попросить капитана не разрешать гонок. Однако они знали, что останутся в меньшинстве, и ничего не предпринимали.

Больше из любопытства, чем из боязни, я все же решил пойти к капитану и спросить, каковы его намерения. Оставив свое место под тентом, я спустился по сходням и поднялся на набережную, где находился капитан.

Глава V

ПРЕЛЕСТНАЯ ПОПУТЧИЦА

Не успел я заговорить с капитаном, как заметил приближающуюся к пристани карету, выехавшую, повидимому, из французского квартала города. Это был красивый экипаж, которым правил хорошо одетый плотный кучер-негр; когда экипаж подкатил поближе, я увидел, что в нем сидит молодая изящная дама.

Не знаю почему, но у меня появилось предчувствие, а может быть, и тайное желание, чтоб эта незнакомка оказалась моей попутчицей. Вскоре я узнал, что она и вправду хочет ехать на нашем пароходе.

Карета подкатила к берегу, и я увидел, как дама обратилась с вопросом к одному из стоявших поблизости пассажиров, а тот указал ей на нашего капитана. Догадавшись, что речь идет о нем, капитан подошел к экипажу и поклонился. Я стоял тут же, рядом, и слышал каждое слово.

— Мсье, вы капитан «Красавицы Запада»? — спросила дама по-французски.

Капитан немного знал этот язык, так как постоянно общался с креолами.

— Да, мадам, — ответил он.

— Я хотела бы уехать на вашем пароходе.

— Я буду счастлив служить вам, мадам... Мистер Ширли, у нас найдется свободная каюта? — обратился он к подошедшему стюарду.

— Это не важно, — сказала дама, прерывая его. — Мне каюта не нужна. Вы дойдете до моих плантаций еще до полуночи, и я не собираюсь спать на пароходе.

Слова «мои плантации», повидимому, произвели впечатление на капитана. Человек вообще не грубый, он стал еще более любезным и внимательным. Владелец плантаций в Луизиане такое лицо, с которым нельзя обращаться небрежно, тем более, если это молодая и очаровательная дама. Кто мог быть с нею неучтивым! Во всяком случае, не капитан Б., командир паро-

Догадавшись, что речь идет о нем, капитан

хода «Красавица Запада». Самое название его судна опровергало подобное предположение.

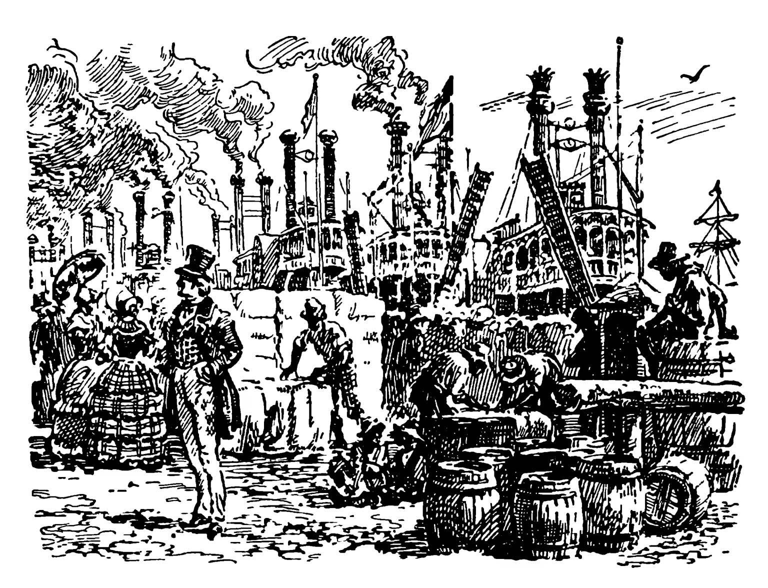
Вежливо улыбаясь, он спросил, куда должен доставить столь драгоценный груз.

— В Бринджерс, — ответила дама. — Мое поместье расположено немного ниже по течению, но там неудобная пристань, а у меня много груза, так что мне лучше высадиться в Бринджерсе.

И владелица кареты указала на вереницу груженных ящиками и бочками подвод, которые только что подъехали и остановились позади ее экипажа.

Вид этого груза произвел еще более благоприятное впечатление на капитана, который был частично и собственником судна. Он стал рассыпаться в любезностях перед своей новой пассажиркой и выразил готовность выполнить все, что она пожелает.

— Мсье капитан, — сказала прекрасная дама приветливым, но серьезным тоном, все еще не выходя из



подошел к экипажу и поклонился даме.

кареты, — я должна поставить вам одно непременное условие.

— Пожалуйста. Скажите, какое?

— Вот какое. Я слышала, что ваш пароход собирается устроить гонки с другим судном. Если это правда, я не могу быть вашим пассажиром.

У капитана вытянулось лицо.

— Однажды во время гонок я едва не погибла и твердо решила не подвергать себя больше такой опасности.

— Сударыня... — начал капитан и замялся.

— Ну что ж! — воскликнула дама. — Если вы не можете поручиться, что не устроите гонок, я подожду другого парохода.

Капитан стоял несколько секунд, опустив голову. Он, видимо, колебался. Принять условие — значило отказаться от предвкушаемого удовольствия и азарта гонки, от победы, на которую он рассчитывал, и от вы-

год, которые она ему сулила. Вдобавок все решат, что он не надеется на скорость своего судна и боится, что будет побежден, а это даст сопернику возможность всюду хвастаться и уронит капитана в глазах команды и пассажиров, — все они уже слышали о предстоящих гонках. С другой стороны, как отказаться исполнить просьбу этой дамы, по правде говоря, далеко не безрассудную, а если вспомнить, что ей принадлежит большое количество груза, то даже очень благоразумную, тем более что дама — богатая владелица плантации на «французском берегу» и может осенью послать с его пароходом несколько сот бочек сахара и столько же тюков табака, когда он пойдет в Новый Орлеан. Все эти соображения, как я уже сказал, весьма подкрепляли просьбу дамы. Я думаю, что по зрелом размышлении капитан Б. пришел именно к такому выводу, ибо после минутного колебания обещал исполнить эту просьбу, хотя и без большой охоты. Решение это, видимо, стоило ему некоторой борьбы, но все же расчет победил, и он сказал:

— Я принимаю ваше условие, сударыня. Судно не будет участвовать в гонках. Даю вам слово!

— Довольно! Благодарю вас! Я вам очень обязана, господин капитан. Будьте добры принять на судно мой груз. Карету я тоже беру с собой. Вот мой управляющий... Подите сюда, Антуан!.. Он присмотрит за всем. А теперь скажите, пожалуйста, капитан, когда вы думаете отчалить?

— Минут через пятнадцать, не больше.

— Вы в этом уверены, капитан? — спросила она с лукавой улыбкой, показывающей, что ей известно, с какой точностью ходят здешние пароходы.

— Совершенно уверен, мадам, — ответил капитан, — вы можете на это положиться.

— Тогда я не буду мешкать.

Сказав это, она легко соскочила с подножки кареты и, опершись на руку, любезно предложенную капитаном, прошла с ним на пароход; он проводил ее в дамский салон, где она и скрылась от восхищенных взглядов, не только моих, но и других пассажиров.

Глава VI

УПРАВЛЯЮЩИЙ АНТУАН

Я был очень заинтересован появлением этой дамы. Меня не столько поразила ее красота, хотя она была замечательно красива, сколько что-то в ее манерах и осанке. Мне трудно передать свое впечатление, но в ее обращении сквозила какая-то прямота, говорившая о самообладании и смелости. В ее поведении не было ничего вызывающего, но чувствовалось, что это беспечное создание, веселое, как летний день, способно, если понадобится, проявить редкую силу воли и мужество. Эту женщину назвали бы красавицей в любой стране. С красотой у нее сочеталось изящество манер и одежды, говорившее о том, что она привыкла бывать в светском обществе. К тому же она казалась очень молодой — ей было не больше двадцати лет. Хотя в Луизиане климат и способствует раннему созреванию, и креолка в двадцать лет часто выглядит, как англичанка на десять лет старше ее.

Замужем ли она? Мне казалось это маловероятным; к тому же она вряд ли сказала бы «моя плантация» и «мой управляющий», будь у нее дома кто-то близкий, разве что она его очень мало уважала — вернее, даже если бы этот «кто-то» был для нее просто «никто». Она могла бы быть вдовой, очень молоденькой вдовой, но и это казалось мне малоправдоподобным. На мой взгляд, она совсем не походила на вдову, и не было никаких признаков траура ни в ее одежде, ни в выражении лица. Капитан, правда, называл ее «мадам», но он, очевидно, незнаком с ней, так же как и с французскими обычаями, иначе в таком неясном случае он назвал бы ее «мадемуазель».

Хотя я был в ту пору еще незрелым, «зеленым» юнцом, как говорят американцы, я все же относился к женщинам с некоторым интересом, особенно если находил их красивыми. В данном случае мое любопытство объяснялось многими причинами. Во-первых, дама была на редкость привлекательна; во-вторых, меня заинтересовали ее манера говорить и те факты, которые

я узнал из ее беседы с капитаном; в-третьих, если я не ошибался, она была креолкой.

Мне еще очень мало приходилось общаться с этими своеобразными людьми и хотелось узнать их поближе. Я слыхал, что они не расположены раскрывать свои двери перед заезжими англосаксами, особенно старая «креольская знать», которая и поныне считает своих англо-американских сограждан чем-то вроде захватчиков и узурпаторов. Такая неприязнь укоренилась с давних времен. В наши дни она постепенно отмирает.

Четвертой причиной, подстегнувшей мое любопытство, был брошенный на меня дамой пристальный взгляд, в котором светилось больше, чем простое внимание

Не спешите осудить меня за эту догадку. Сначала выслушайте меня. Я ни одной минуты не воображал, будто в этом взгляде сквозило восхищение. Мне это и в голову не приходило! Я был слишком молод в то время, чтобы тешить себя такими выдумками. К тому же я находился в самом плачевном положении. Оставшись с пятью долларами в кармане, я чувствовал себя очень неважно. Мог ли я воображать, что такая блестящая красавица, звезда первой величины, богатая владелица плантации, управляющего и толпы рабов, снизойдет до меня и станет заглядываться на такого бесприютного бродягу, как я?

Говорю истинную правду: я не обольщал себя подобными надеждами. Я решил, что с ее стороны это простое любопытство и больше ничего.

Она заметила, что я иностранец. Моя наружность, светлые глаза, покрой одежды, быть может, какая-то неловкость в моих манерах подсказали ей, что я чужой в этой стране, и возбудили в ней минутный интерес, самый невинный интерес к иностранцу, вот и все.

Однако ее взгляд еще больше разжег мое любопытство, и мне захотелось узнать хотя бы имя этого необыкновенного создания.

«Разузнаю у ее управляющего», — подумал я и направился к нему.

Это был высокий, худощавый седой француз, хорошо одетый и такой почтенный с виду, что его можно было принять за отца молодой дамы. Он держался с большим достоинством, что свидетельствовало о его долгой службе в знатной семье. Подойдя к нему, я понял, что у меня очень мало надежды на успех. Он был непроницаем, как рак-отшельник. Наш разговор был очень короток, его ответы односложны.

— Мсье, разрешите спросить, кто ваша хозяйка?

— Дама.

— Совершенно верно. Это сказал бы всякий, кто имел удовольствие видеть ее. Но я спрашиваю, как ее имя.

— Вам незачем знать его.

— Конечно, если у вас есть причина держать его в тайне.

— Чорт возьми!

Этими словами, которые он пробормотал про себя, закончился наш разговор, и старый слуга отвернулся, наверно называя меня в душе «назойливым янки».

Затем я обратился к черному кучеру, но и тут потерпел неудачу. Он вводил своих лошадей на пароход и, не желая мне отвечать, ловко увертывался от моих вопросов, бегая вокруг лошадей и притворяясь, что поглощен своим делом. Я не сумел выведать у него даже имя его госпожи и отошел совсем обескураженный.

Однако скоро случай помог мне узнать ее имя. Я вернулся на пароход и, снова усевшись под тентом, принялся наблюдать за матросами, которые, засучив рукава своих красных рубах и обнажив мускулистые руки, перетаскивали груз на судно. Это был тот самый груз, который только что прибыл на подводах, принадлежащих незнакомой даме. Он состоял главным образом из бочек со свининой и мукой, большого количества копченых окороков и кулей с кофе.

«Припасы для ее большого поместья», — подумал я.

В это время на сходни стали вносить груз совсем иного вида: кожаные чемоданы, портпледы, шкатулки из розового дерева, шляпные картонки и т. д.

«Ага, вот ее личный багаж», — решил я, продолжая дымить сигарой. Следя за погрузкой этих вещей, я случайно заметил какую-то надпись на большом кожаном саквояже. Я вскочил с кресла и подошел поближе. Взглянув на надпись, я прочел:

«Мадемуазель Эжени Безансон».

Глава VII

ОТПЛЫТИЕ

Последний удар колокола... Члены клуба «Не можем уехать» [1] устремляются с парохода на берег, сходни втаскивают, кому-то из зазевавшихся провожающих приходится прыгать на берег, чалы втягивают на борт и свертывают в бухты, в машинном отделении дребезжит звонок, громадные колеса крутятся, сбивая в пену бурую воду, пар свистит и клокочет в котлах и равномерно пыхтит, вырываясь из трубы для выпускания пара, соседние суда покачиваются, стукаются друг о друга, ломая кранцы, их сходни трещат и скрипят, а матросы громко переругиваются. Несколько минут продолжается это столпотворение, и наконец могучее судно выходит на широкий простор реки.

Пароход берет курс на север; несколько ударов вращающихся плиц — и течение побеждено: гордый корабль, подчиняясь силе машин, быстро рассекает волны и движется вперед, словно живое существо.

Бывает иногда, что пушечный выстрел возвещает о его отплытии; порой его провожают в дорогу звуки духового оркестра; но чаще всего с парохода раздается живая мелодия старой матросской песни, исполняемой хором грубых, но стройных голосов его команды.

Лафайет и Карролтон скоро остаются позади; крыши невысоких домов и складов скрываются за горизонтом, и только купол храма святого Карла, церковные

[1] В Новом Орлеане существовал в то время клуб, объединяющий людей, которых дела задерживали в городе даже в самое жаркое время года. *(Примеч. автора.)*

шпили да башни большого собора еще долго виднеются вдалеке. Но и они постепенно исчезают, а пловучий дворец плавно и величаво движется меж живописных берегов Миссисипи. Я сказал — живописных, но этот эпитет меня не удовлетворяет, хоть я и не могу подобрать другого, чтобы передать мое впечатление. Мне следовало бы сказать «величественных и прекрасных», чтобы выразить свое восхищение этими берегами. Я смело могу назвать их самыми красивыми на свете.

Я не смотрел на них холодным взором равнодушного наблюдателя. Я не умею отделять пейзаж от жизни людей — не только далекой жизни прошлых поколений, но и наших современников. Я смотрел на развалины замков на Рейне, и их история вызывала во мне отвращение к прошлому. Я смотрел на построенные там новые дома и их жителей и снова чувствовал отвращение, теперь уже к настоящему. В Неаполитанском заливе я испытал то же чувство, а когда бродил за оградой парков, принадлежащих английским лордам, я видел вокруг лишь нищету и горе, и красота их казалась мне обманом.

Только здесь, на берегах этой величественной реки, я увидел изобилие, широко распространенное образование и всеобщий достаток. Здесь почти в каждом доме я встречал тонкий вкус, присущий цивилизованным людям, и щедрое гостеприимство. Здесь я мог беседовать с сотнями людей независимых взглядов, людей, свободных не только в политическом смысле, но и не знающих мещанских предрассудков и грубых суеверий. Короче говоря, я мог здесь наблюдать если и не совершенную форму общества — ибо такой она будет лишь в далеком будущем, — то наиболее передовую форму цивилизации, какая в наши дни существует на земле.

Но вот на эту светлую картину ложится густая тень, и сердце мое сжимается от боли. Это тень человека, имевшего несчастье родиться с черной кожей. Он раб!

На минуту все вокруг словно тускнеет. Чем мы можем восхищаться здесь, на этих полях, покрытых золотистым сахарным тростником, султанами кукурузы и белоснежным хлопком? Чем восторгаться в этих пре-

красных домах, окруженных оранжереями, среди цветущих садов, тенистых деревьев и тихих беседок? Все это создано по́том и кровью рабов!

Теперь я больше не восхищаюсь. Картина утратила свои яркие краски. Передо мной лишь мрачная пустыня. Я задумываюсь. Но вот постепенно тучи рассеиваются, кругом становится светлей. Я размышляю и сравниваю. Правда, здесь люди с черной кожей — рабы; но они не добровольные рабы, и это, во всяком случае, говорит в их пользу.

В других странах, в том числе и моей, я вижу вокруг таких же рабов, причем их гораздо больше. Рабов не одного человека, но множества людей, целого класса, олигархии. Они не холопы, не крепостные феодала, но жертвы заменивших его в наше время налогов, действие которых столь же пагубно.

Честное слово, я считаю, что рабство луизианских негров менее унизительно, чем положение белых невольников в Англии. Несчастный чернокожий раб был побежден в бою, он заслуживает уважения и может считать, что принадлежит к почетной категории военнопленных. Его сделали рабом насильно. Тогда как ты, бакалейщик, мясник и булочник, — да, пожалуй, и ты, мой чванливый торговец, считающий себя свободным человеком! — все вы стали рабами по доброй воле. Вы поддерживаете политические махинации, которые каждый год отнимают у вас половину дохода, которые каждый год изгоняют из страны сотни тысяч ваших братьев, иначе ваше государство погибнет от застоя крови. И все это вы принимаете безропотно и покорно. Более того, вы всегда готовы кричать «Распни его!» при виде человека, который пытается бороться с этим положением, и прославляете того, кто хочет добавить новое звено к вашим оковам.

И сейчас, когда я пишу эти строки, разве человек, который презирает вас, который в течение сорока лет — всю свою жизнь — был вашим постоянным врагом, не стал вашим самым популярным правителем? Когда я пишу эти строки, яркие фейерверки ослепляют ваши глаза, хлопушки и шутихи услаждают ваш слух,

и вы вопите от радости по поводу заключения договора, единственная цель которого — лишь крепче стянуть ваши цепи. А всего год тому назад вы горячо приветствовали войну, которая была так же противна вашим интересам, так же враждебна вашей свободе. Жалкое заблуждение! [1]

И сейчас я с еще большей уверенностью повторяю то, что говорил себе тогда: честное слово, рабство луизианских негров менее унизительно, чем положение белых невольников в Англии!

Правда, здесь черный человек — раб, и три миллиона людей его племени находятся в таком положении. Мучительная мысль! Но горечь ее смягчает сознание, что в этой обширной стране все же живет двадцать миллионов свободных и независимых людей. Три миллиона рабов на двадцать миллионов господ! В моей родной стране как раз обратная пропорция. Быть может, мой вывод неясен, но я надеюсь, что кое-кто поймет его смысл.

* * * * * * * *

Ах, как приятно оторваться от этих волнующих и горьких мыслей для спокойных размышлений, навеянных природой! Как отрадно мне было отдаться множеству новых впечатлений, наблюдая жизнь на берегах этой величавой реки! Даже теперь я с удовольствием вспоминаю о них; и когда я думаю о далеком прошлом, о местах, которые, быть может, мне никогда уж не придется увидеть, я нахожу утешение в своей верной и ясной памяти, и ее магическая сила вызывает перед моим умственным взором прежние знакомые картины со всеми их живыми красками, со всеми переливами изумруда и золота.

---

[1] Автор имеет в виду английского реакционного государственного деятеля Пальмерстона (1784—1865) — в течение долгих лет министра иностранных дел и премьер-министра Англии. Он был проводником колонизаторской политики, вдохновителем многих захватнических войн, в том числе Крымской кампании 1853—1856 годов, закончившейся подписанием 30 марта 1856 года Парижского мира.

Глава VIII

БЕРЕГА МИССИСИПИ

Как только мы отчалили, я поднялся на штормовой мостик, чтобы лучше видеть места, по которым мы проезжали. Здесь я был один, так как молчаливый рулевой, стоявший в своей стеклянной будке, вряд ли мог сойти за собеседника.

Вероятно, читателю будет интересно узнать, что ширину Миссисипи часто преувеличивают. Здесь она достигает примерно полумили, иногда и больше, случается — и меньше. (Эту среднюю ширину она сохраняет на расстоянии более тысячи миль от своего устья.) Скорость ее течения равна трем-четырем милям в час, вода желтоватая, с чуть красноватым оттенком. Желтую окраску дает ей Миссури, тогда как более темный оттенок появляется после впадения в нее Ред-Ривер — Красной реки.

Поверхность реки густо покрыта плывущим по течению лесом; тут и отдельные деревья и большие скопления вроде плотов. Наскочить на такой плот довольно опасно для парохода, и рулевой старается их обойти. Иногда плывущий под водой ствол ускользает от его взора, и тогда сильный удар в нос судна сотрясает весь корпус, пугая неопытных пассажиров. Но опаснее всего коряги. Это вырванные с корнем деревья, намокшие и отяжелевшие. Их тяжелые корни опускаются на дно и застревают в иле, который крепко держит их на месте. Более легкая вершина с обломанными ветвями всплывает на поверхность, но течение не дает дереву выпрямиться и держит его в наклонном положении. Если вершина выступает из воды, опасность невелика, разве лишь в очень темную ночь. Но если она опустилась на один-два фута под воду, тогда коряга очень страшна. Пароход, идущий над ней против течения, почти наверняка погиб. Корни дерева, прочно засевшие в тине, не дают ему сдвинуться с места, а острые крепкие сучья пробивают обшивку судна, и оно может затонуть буквально в несколько минут.

Есть еще так называемый «пильщик»: это дере-

во, застрявшее на дне подобно коряге, но качающееся вверх и вниз по воле течения и напоминающее движения пильщика за работой — отсюда и его название. Судно, напоровшееся на такое дерево, иногда застревает на его сучьях, а бывает, и разламывается пополам от собственной тяжести.

По течению плыло много предметов, заинтересовавших меня. Стебли сахарного тростника, видимо уже отжатые в давильне (в сотне миль выше по течению я бы их не встретил), листья и початки кукурузы, тыквенные корки, пучки хлопка, доски от забора, иногда труп какого-нибудь животного с сидящим на нем ястребом или летающим вокруг черным стервятником.

Я находился в широтах, где водятся аллигаторы, но здесь эти большие ящеры встречаются редко — они предпочитают болотистые заводи или реки с дикими берегами. В быстром течении Миссисипи и на ее возделанных берегах путешественник редко увидит крокодила.

Пароход приближался то к одному, то к другому берегу. Они тут наносного и сравнительно недавнего происхождения. Это полоса земли шириной от сотни ярдов до нескольких миль, которая постепенно понижается, так что иногда кажется, будто река течет по вершине длинного гребня. Дальше лежит пойма — заболоченная равнина, каждый год затопляемая рекой и состоящая из озер и топей, покрытых осокой и камышом. В некоторых местах эти дикие болота и трясины простираются миль на двадцать, а то и больше. Там, куда весенние воды доходят только во время разлива, равнина покрыта темными, почти непроходимыми лесами. Между обработанной полосой земли вдоль берега и широкой поймой темной стеной тянутся леса, образуя как бы задний план всего пейзажа и заменяя собой горные цепи, характерные для других стран. Эти леса состоят главным образом из гигантских кипарисов. Однако здесь встречаются и другие деревья, распространенные в этих краях, как, например, стираксовое дерево, виргинский дуб, рожковое дерево, нисса, тополь и многочисленные виды магнолий и дубов. Подлесок из карликовых пальм и разные виды

тростника образуют густые заросли, а с ветвей деревьев свешивается длинной бахромой испанский мох — странный паразит, придающий лесу мрачный характер.

Между лесом и рекой лежат обработанные поля. В некоторых местах река течет на несколько футов выше их уровня, но поля защищены дамбой — искусственной насыпью, возведенной на обоих берегах, которая тянется на несколько сот миль от устья.

Тут выращивают сахарный тростник, рис, табак, хлопок, индиго и кукурузу. На полях работают партии черных невольников в полосатых и ярких одеждах, чаще всего голубого цвета. Я вижу большие фургоны, запряженные мулами или быками: они выезжают с полей или медленно двигаются вдоль берега. Вижу, как стройный креол в хлопчатобумажной куртке и яркосиних штанах скачет верхом на небольшой испанской лошадке по прибрежной дороге. Вон богатая усадьба плантатора, окруженная апельсиновыми рощами, большой дом с зелеными жалюзи, прохладными верандами и красивой оградой. Дальше — огромный сарай для сахарного тростника или навес для табака, или склад для хлопка; а возле них множество чистеньких деревянных хижин, сбившихся в кучу или растянувшихся в ряд, словно купальни на модном курорте.

Теперь мы плывем мимо плантации, куда съехались гости и идет шумное веселье—повидимому, это местный праздник. В тени деревьев стоит много оседланных лошадей, среди них немало под дамскими седлами. На веранде, на лужайке перед домом и в апельсиновой роще гуляют мужчины и дамы в нарядных платьях. Слышится музыка, пары танцуют на открытом воздухе. И я невольно завидую этим счастливым креолам и их беззаботной жизни аркадских пастушков.

* * * * * * * *

Картины одна другой живописнее проходят у меня перед глазами, разворачиваясь в красочную панораму. Захваченный этим зрелищем, я на время забыл про Эжени Безансон.

Глава IX

ЭЖЕНИ БЕЗАНСОН

Нет, неправда, я не забыл Эжени Безансон. Ее нежный образ не раз мелькал в моем воображении, и я невольно связывал его с местами, мимо которых мы проезжали и где она, наверно, родилась и выросла. А веселый праздник, в котором принимало участие много девушек-креолок, снова напомнил мне о ней, и, спустившись со штормового мостика, я вошел в салон, надеясь опять увидеть заинтересовавшую меня незнакомку.

Однако сначала меня постигло разочарование. Большая стеклянная дверь в дамский салон была закрыта, и хотя в общем салоне было много дам, но среди них не оказалось прелестной креолки. Дамское отделение, расположенное на корме судна, считается святилищем, куда допускаются только те мужчины, у кого там есть знакомые, да и то лишь в определенные часы.

Я не принадлежал к числу таких счастливцев. Среди более сотни пассажиров судна я не знал ни одной души — ни мужчины, ни женщины; к счастью или к несчастью, но и меня никто не знал. При таких обстоятельствах мое появление в дамском салоне считалось бы нарушением приличий; поэтому я уселся в общем салоне и принялся наблюдать моих спутников.

Это была очень смешанная публика. Тут собрались богатые торговцы, банкиры, биржевые маклеры и комиссионеры из Нового Орлеана с женами и дочерьми, каждое лето уезжавшие на север, чтобы укрыться от желтой лихорадки и отдаться более приятной эпидемии — жизни на модном курорте. Были и владельцы хлопковых и кукурузных плантаций, расположенных выше по течению реки, возвращавшиеся домой, и мелкие торговцы из северных городов, и плотогоны. В холщовых штанах и красных фланелевых рубахах они сплавляли плоты за две тысячи миль вниз по течению и теперь возвращались обратно, разодетые в новенькие костюмы из черного сукна и белоснежные рубашки. Какими щеголями вернутся они домой, к истокам Солт-Ривер, Камберленда, Ликинга или Майами! Были здесь и

креолы, старые виноторговцы из французского квартала, со своими семьями; костюмы их отличались живописностью: пышные жабо, собранные у пояса панталоны, светлые прюнелевые башмаки и массивные драгоценности.

Попадались тут и расфранченные приказчики, которым разрешили покинуть Новый Орлеан на жаркие месяцы, и еще более богато одетые молодые люди, в костюмах из тончайшего сукна, в белоснежных рубашках с кружевными жабо, особенно крупными брильянтами на запонках и толстыми перстнями на пальцах. Это были так называемые «охотники». Они собрались вокруг стола в курительной комнате; один из них вытащил уже из кармана новенькую колоду карт, выдававшую их истинную профессию.

Среди них я заметил и того детину, который так развязно предлагал мне держать пари. Он несколько раз прошел мимо меня, бросая в мою сторону взгляды, которые никак нельзя было назвать дружелюбными.

Наш знакомец управляющий тоже сидел здесь. Не думайте, что должность дворецкого или управляющего лишала его права находиться в салоне первого класса. На американских пароходах нет салона второго класса. Миссисипи — это далекий запад, и тут не знают такого разделения.

Надсмотрщики с плантаций обычно — люди грубые, этого требует их профессия. Однако этот француз был явным исключением. Он казался очень почтенным старым господином. Мне нравилась его внешность, и я чувствовал к нему симпатию, хотя он, видимо, не разделял моих чувств.

* * * * * * * *

Кто-то из присутствующих пожаловался на москитов и попросил открыть дверь в дамский салон. Несколько человек — и дамы и мужчины — поддержали эту просьбу. Это ответственное дело доверялось лишь стюарду. Обратились к нему. Просьба была обоснованна, а потому ее следовало удовлетворить, и вскоре двери в «рай» рас-

крылись. Легкий сквозной ветерок подул вдоль длинного салона от носа к корме судна; не прошло и пяти минут, как в нем не осталось ни одного москита, кроме тех, что укрылись от сквозняка в каютах. Для пассажиров это было большим облегчением.

Стеклянную дверь разрешили держать открытой, что было приятно для всех, но особенно для кучки расфранченных приказчиков, которые могли теперь беспрепятственно осматривать внутренность «гарема». Многие из них, как я заметил, воспользовались этой возможностью; они не глазели туда открыто, так как это сочли бы дерзостью, но искоса посматривали в святилище или, делая вид, будто читают, бросали туда взгляд поверх книги, или ходили взад и вперед по салону и, приближаясь к запретной границе, как бы невзначай заглядывали внутрь. У некоторых там, видимо, были знакомые, однако не такие близкие, чтобы это давало им право войти; другие были не прочь завязать знакомство, если представится случай. Я перехватил несколько выразительных взглядов, а иногда и ответных улыбок, свидетельствующих о взаимном понимании. Часто нежная мысль передается без слов. Язык порой приносит нам горькое разочарование. Не раз бывал я свидетелем того, как он разрушал совсем уже созревший молчаливый договор двух любящих сердец.

Меня забавляла эта безмолвная пантомима, и я сидел несколько минут, наблюдая ее. Поддавшись общему любопытству, я и сам время от времени невольно заглядывал в дамский салон. Я вообще люблю наблюдать. Все новое интересует меня, а эта жизнь в салоне американского парохода была мне совершенно незнакома и казалась очень занятной. Мне хотелось ближе познакомиться с ней. Быть может, меня интересовало и еще кое-что: я надеялся снова увидеть молодую креолку Эжени Безансон.

Мое желание вскоре исполнилось: я увидел ее. Она вышла из своей каюты и прогуливалась по салону, изящная и оживленная. Теперь на ней не было шляпы; ее густые золотистые волосы были уложены на китайский манер — прическа, принятая и у креолок. Пыш-

ные волосы, собранные тяжелым узлом на затылке, оставляли открытыми благородный лоб и стройную шею, что ей очень шло. Белокурые волосы и светлая кожа почти не встречаются у креолов. Обычно волосы у у них черные, а кожа смуглая; но Эжени Безансон составляла редкое исключение.

Несмотря на кокетливое, почти легкомысленное выраженпе ее лица, чувствовалось, что за этой внешностью скрывается сильный характер. Она была прекрасно сложена, а лицо ее хоть и не отличалось классической правильностью черт, однако принадлежало к тем лицам, на которые нельзя смотреть без восхищения.

Повидимому, она знала некоторых своих попутчиц, так как непринужденно разговаривала с ними. Впрочем, женщины быстро сходятся, а француженки — особенно.

Нетрудно было заметить, что говорившие с ней пассажирки относились к ней с уважением. Быть может, они уже узнали, что ей принадлежит изящный экипаж с лошадьми. Весьма возможно!

Я продолжал следить за этой интересной дамой. Я не мог назвать ее девушкой, ибо, несмотря на свою молодость, креолка производила впечатление особы, имеющей жизненный опыт. Держалась она очень свободно и, казалось, могла распоряжаться собой и всем, что ее окружает.

«Какой у нее беззаботный вид! — подумал я. — Эта женщина не влюблена!»

Не могу объяснить, что привело меня к такому заключению и отчего оно доставило мне удовольствие, однако это было так. Почему? У нас с ней не было ничего общего. Она стояла настолько выше меня, что я едва осмеливался на нее взглянуть. Я считал ее каким-то высшим существом и лишь изредка бросал на нее робкие взгляды, как смотрел бы на красавицу в церкви. Конечно, у нас с ней не было ничего общего. Через час уже стемнеет, а ночью она сойдет на берег, и я больше никогда ее не увижу. Я буду думать о ней еще час или два, а может, и день, и чем больше буду сидеть и смотреть на нее, как глупец, тем дольше буду думать.

Я сам плел себе сети, зная, что стану вздыхать о ней и после того, как она сойдет на берег.

Тут я решил бежать от этих чар и вернуться к своим наблюдениям на штормовом мостике. Еще один взгляд на прелестную креолку — и я уйду.

В эту минуту она опустилась в кресло, так называемую качалку, и ее движения еще раз подчеркнули красоту и пропорциональность ее сложения. Оказавшись лицом к открытой двери, она в первый раз взглянула в мою сторону. И, клянусь, она опять посмотрела на меня так же, как и в первый раз! Что означал этот странный взгляд, эти горящие глаза? Она не сводила с меня пристального взора, а я не смел отвечать ей тем же.

*   *   *   *   *   *   *   *

С минуту ее глаза были прикованы ко мне и смотрели не отрываясь. Я был слишком молод в ту пору, чтобы понять их выражение. Позже я сумел бы его разгадать, но не тогда.

Наконец она встала со своего места с недовольным видом, словно досадуя не то на себя, не то на меня, круто повернулась и, отворив дверь, вошла в свою каюту.

Мог ли я чем-нибудь оскорбить ее? Нет! Ни словом, ни жестом, ни взглядом! Я не произнес ни звука, даже не пошевелился, и мой застенчивый взор никак нельзя было назвать дерзким.

Я был очень озадачен поведением Эжени Безансон и, в полной уверенности, что никогда больше ее не увижу, поспешил уйти из салона и снова забрался на штормовой мостик.

Глава X

НОВЫЙ СПОСОБ ПОДНИМАТЬ ПАРЫ

Время близилось к закату; огненный диск опускался за черную стену кипарисов, опоясавшую равнину с запада, и бросал на реку золотистый отблеск. Прогуливаясь взад и вперед по обтянутой брезентом крыше, я

смотрел на эту картину, любуясь ее сверкающей красотой.

Но вскоре мои мечтания были прерваны. Взглянув на реку, я увидел, что нас догоняет большой пароход. Густой дым, валивший из его высоких труб, и яркий огонь в топках показывали, что он идет на всех парах. Как его размеры, так и громкое пыхтенье говорили о том, что это первоклассный пароход. То была «Магнолия». Она шла очень быстро, и вскоре я увидел, что она нас нагоняет.

В ту же минуту до меня донесся снизу разноголосый шум. Громкие, сердитые выкрики сливались с шарканьем и топаньем многих ног, бегущих по дощатой палубе. К этой суматохе примешивались и более резкие женские голоса.

Я сразу догадался, что это значит. Переполох был вызван появлением парохода-соперника.

До этого времени о соперничестве пароходов почти забыли. Как команда судна, так и пассажиры уже знали, что капитан не собирается устраивать гонки, и хотя этот «выход из игры» вначале вызвал громкое осуждение, однако постепенно общее недовольство улеглось.

Команда была занята укладкой груза, кочегары — дровами и топками, игроки — картами, а пассажиры — своими чемоданами или свежими газетами. Второй пароход отплывал позже, его потеряли из виду, и мысли о гонке вылетели у всех из головы.

Появление соперника сразу всех взбудоражило. Картежники бросили недосданную колоду карт, надеясь начать более азартную игру; читатели поспешно отложили книги и газеты; пассажиры, рывшиеся в своих чемоданах, быстро захлопнули крышки; а прелестные пассажирки, сидевшие в качалках, вскочили с мест; все выбежали из кают и столпились на корме.

Штормовой мостик, на котором я стоял, был лучшим местом для наблюдения за приближавшимся судном, и вскоре многие пассажиры присоединились ко мне. Но мне захотелось посмотреть, что делается на верхней палубе, и я спустился вниз.

Креолка не сводила с меня пристального взора.

Войдя в общий салон, я увидел, что он совсем опустел. Все пассажиры, и дамы и мужчины, высыпали на палубу и, столпившись вдоль бортов, с тревогой смотрели на подходившую «Магнолию».

Я нашел капитана под тентом, на носу парохода. Его окружала толпа чрезвычайно возбужденных пассажиров. Все они кричали наперебой, стараясь убедить его ускорить ход судна.

Капитан, видимо пытаясь отделаться от этих назойливых просителей, расхаживал взад и вперед по палубе. Бесполезно! Куда бы он ни направился, его тотчас окружала толпа людей, приставая все с той же просьбой; некоторые даже умоляли его «ради всего святого» не дать «Магнолии» их обогнать.

— Ладно, капитан! — кричал один. — Если «Красавица» сдрейфит, пусть не показывается больше в наших местах, так и знайте!

— Правильно! — кричал другой. — Уж я-то в следующий раз поеду только на «Магнолии»!

— «Магнолия» — вот быстроходное судно! — воскликнул третий.

— Еще бы! — подхватил первый. — Там не жалеют пара, сразу видно!

Я пошел вдоль борта по направлению к дамским каютам. Их владелицы теснились у поручней и были, видимо, не менее взволнованы происходящим, чем мужчины. Я слышал, как многие из них выражали желание, чтобы гонка состоялась. Всякая мысль о риске и опасности вылетела у всех из головы. И я уверен, что, если бы вопрос о гонке был поставлен на голосование, против нее не нашлось бы и трех голосов. Признаюсь, что я и сам голосовал бы за гонку; меня заразило общее возбуждение, и я уже не думал о корягах, «пильщиках» и взрывах котлов.

С приближением «Магнолии» общее возбуждение росло. Было совершенно ясно, что через несколько минут она догонит, а вскоре и опередит нас. Многие пассажиры не могли примириться с этой мыслью, кругом слышались сердитые возгласы, а иногда и злобные проклятия. Все это сыпалось на голову бедного ка-

питана, так как пассажиры знали, что его помощники были за состязание. Один капитан «праздновал труса».

«Магнолия» была уже у нас за кормой; ее нос слегка отклонился в сторону; она явно собиралась нас обойти.

Вся ее команда деловито сновала по палубе. Рулевой стоял наверху в рулевой рубке, кочегары суетились около котлов; дверцы топок накалились докрасна, и яркое пламя высотой в несколько футов вырывалось из громадных дымовых труб. Можно было подумать, что судно горит.

— Они топят окороками! — закричал один из пассажиров.

— Верно, чорт побери! — воскликнул другой. — Смотрите, вон перед топкой их навалена целая куча!

Я посмотрел в ту сторону. Это была правда. На палубе перед пылающей топкой лежала гора каких-то темнокоричневых предметов. По их величине, форме и цвету можно было заключить, что это копченые свиные окорока. Мы видели, как кочегары хватали их один за другим и бросали в пылающие жерла топок.

«Магнолия» быстро догоняла нас. Ее нос уже поравнялся с рулевой рубкой «Красавицы». На нашем судне волнение и шум все увеличивались. С нагонявшего нас судна слышались насмешки пассажиров, и от этого страсти разгорались еще больше. Капитана заклинали принять вызов. Мужчины осаждали его; казалось, вот-вот начнется драка.

«Магнолия» продолжала идти вперед. Она шла уже с нами наравне, нос с носом. Прошла минута в глубоком молчании. Пассажиры и команды обоих судов следили за их движением, затаив дыхание. Еще минута — и «Магнолия» вырвалась вперед!

Громкий, торжествующий крик раздался с ее палубы, а затем на нас посыпались насмешки и оскорбления.

— Бросайте конец — мы возьмем вас на буксир!

— Где уж вашему ковчегу угнаться за нами!

— Да здравствует «Магнолия»! Прощай, «Красавица»! Прощай, старая развалина! — вопили пассажиры «Магнолии» среди взрывов оглушительного смеха.

Я не могу передать вам, какое унижение испытывали все, кто был на борту «Красавицы». Не только команда, но и пассажиры, все как один, переживали это чувство. Я и сам испытывал его гораздо сильнее, чем мог себе представить.

Никому не нравится быть в лагере побежденных, хотя бы он и оказался там случайно; кроме того, всякий невольно поддается общему порыву. Настроение окружающих — быть может, в силу какого-то физического закона, которому вы не можете противиться, — сразу передается и вам. Даже когда вы знаете, что ликование нелепо и бессмысленно, вас пронизывает какой-то ток, и вы невольно примыкаете к восторженной толпе.

Я помню, как однажды, охваченный таким порывом, присоединил свой голос к крикам толпы, во всю глотку приветствовавшей королевский кортеж. Прошла минута, возбуждение мое остыло, и я устыдился своей слабости и податливости.

И команда и пассажиры, видимо, считали, что капитан, при всем своем благоразумии, сделал большой промах. Кругом стоял ужасный шум, и крики: «Позор!» — неслись по всему судну.

Бедный капитан! Все это время я не сводил с него глаз. Мне было его очень жалко. Я был, вероятно, единственным пассажиром, кроме прелестной креолки, знавшим его тайну, и я не мог не восхищаться, с какой рыцарской стойкостью он держит свое слово.

Я видел, как пылали его щеки и гневно сверкали глаза. Если бы его попросили дать это обещание сейчас, он, надо думать, не согласился бы даже за все перевозки по Миссисипи.

В эту минуту, стараясь укрыться от осаждавших его пассажиров, он проскользнул на корму через дамский салон. Но и тут его сейчас же заметили и атаковали представительницы прекрасного пола, не уступавшие в настойчивости мужчинам. Некоторые насмешливо кричали, что никогда больше не сядут на его пароход, другие обвиняли его в неучтивости. Подобные обвинения могли хоть кого вывести из себя.

Я пристально следил за капитаном, чувствуя, что наступает решительный момент. Что-то должно было произойти.

Выпрямившись во весь рост, капитан обратился к толпе осаждавших его дам:

— Сударыни! Я и сам был бы счастлив, если бы мог удовлетворить вашу просьбу, но перед отъездом из Нового Орлеана я обещал... я дал честное слово одной даме...

Но тут любезная речь капитана была прервана молодой особой, которая бросилась к нему с криком:

— Ах, капитан! Дорогой капитан! Не позволяйте этому мерзкому пароходу обойти нас! Дайте больше пару и обгоните его! Умоляю вас, дорогой капитан!

— Как, сударыня?! — ответил пораженный капитан. — Ведь это вам я дал слово не устраивать гонок. А вы...

— Боже мой! — воскликнула Эжени Безансон, ибо то была она. — И правда! Я совсем забыла!.. Ах, дорогой капитан, я возвращаю вам ваше слово... Увы! Надеюсь, что еще не поздно! Ради всего святого, постарайтесь его обогнать! Слышите, как они издеваются над нами?

Лицо капитана просияло, но сразу опять омрачилось.

— Благодарю вас, сударыня, — возразил он. — К сожалению, должен сказать, что теперь уж нет надежды обогнать «Магнолию». Мы с ней в неравном положении. Она бросает в топки копченые окорока, которые заготовила на этот случай, а я после того, как обещал вам не участвовать в гонках, не погрузил ни одного. Бессмысленно начинать гонку только на дровах, разве что «Красавица» гораздо быстроходнее «Магнолии», но мы этого не знаем, так как никогда не испытывали ее скорость.

Положение казалось безвыходным, и многие дамы бросали на Эжени Безансон враждебные взгляды.

— Окорока! — воскликнула она. — Вы сказали — копченые окорока, дорогой капитан? Сколько вам нужно? Хватит двухсот штук?

— О, это больше, чем надо, — ответил капитан.

— Антуан! Антуан! Подите сюда! — закричала она старику-управляющему. — Сколько окороков вы погрузили на пароход?

— Десять бочек, сударыня, — ответил управляющий, почтительно кланяясь.

— Десяти бочек хватит, правда? Дорогой капитан, они в вашем распоряжении!

— Сударыня, я уплачу за них, — сказал капитан с просветлевшим лицом, загораясь всеобщим воодушевлением.

— Нет, нет, нет! Расходы я беру на себя. Это я помешала вам сделать запасы. Окорока были куплены для моих людей на плантации, но они им пока не нужны. Мы пошлем за другими... Ступайте, Антуан! Идите к кочегарам! Разбейте бочки! Делайте с ними что хотите, только не дайте этой противной «Магнолии» нас победить!.. Смотрите, как они радуются! Ну ничего, мы их скоро обгоним!

С этими словами горячая креолка бросилась к поручням парохода, окруженная толпой восхищенных пассажирок.

Капитан сразу ожил. Рассказ об окороках мгновенно облетел весь пароход и еще больше разжег возбуждение и пассажиров и команды. В честь молодой креолки прогремело троекратное «ура», что очень удивило пассажиров «Магнолии», которые уже несколько минут наслаждались своим торжеством и обгоняли нас все больше и больше.

На «Красавице» все горячо взялись за работу. Выкатили бочки, выбили у них днища, окорока свалили на палубу перед топками и стали кидать их в огонь. Чугунные стенки топок скоро покраснели, давление пара увеличилось, пароход дрожал от усиленной работы машин, судовой звонок надрывался, давая сигналы, колеса вертелись все быстрей, и пароход заметно увеличил скорость.

Надежда на успех угомонила пассажиров. Крики смолкли, и наступила относительная тишина. Слышались отдельные замечания о скорости пароходов, заклю-

чались новые пари, а кое-кто еще вспоминал историю с окороками.

Все взоры были устремлены на реку и пристально следили за расстоянием между пароходами.

Глава XI

ГОНКА ПАРОХОДОВ НА МИССИСИПИ

Тем временем уже совсем стемнело. На небе не было ни луны, ни звезд. В низовьях Миссисипи ясные ночи выпадают не так-то часто. Туман, поднимающийся с болот, обычно заволакивает ночное небо.

Однако для гонки света было достаточно. Желтоватая вода блестела светлой полосой на фоне темных берегов. Фарватер был широкий, а рулевые обоих судов, «старые речные волки», прекрасно знали каждый проток и каждую мель на реке.

Пароходы-соперники ясно видели друг друга. Можно было и не вывешивать никаких фонарей, хотя на гафеле каждого судна горел сигнальный огонь. Окна кают на обоих судах были залиты светом, а отблеск огня из топок, где ярко пылали окорока, ложился на водную гладь длинной сверкающей полосой.

На том и на другом пароходе пассажиры выглядывали из окон кают или стояли, свесившись за борт, всячески выражая свой живой интерес.

К тому времени, как «Красавица» развела пары, «Магнолия» опередила ее не меньше чем на полмили. Ничтожное расстояние, если один пароход значительно быстроходнее другого, но когда суда идут с почти равной скоростью, его очень трудно преодолеть. Поэтому прошло довольно много времени, прежде чем команда «Красавицы» убедилась в том, что мы нагоняем «Магнолию». Это довольно трудно определить на воде, когда одно судно следует за другим. Пассажиры поминутно задавали вопросы команде судна и друг другу и строили всевозможные предположения на эту интересную тему.

Наконец капитан заявил, что мы нагнали «Магнолию» на несколько сот ярдов. Его слова вызвали бурную радость, впрочем не вполне единодушную, так как на борту «Красавицы» нашлись и такие отступники, которые держали пари за «Магнолию».

Прошел еще час, и всем стало ясно, что наше судно нагоняет соперника, ибо между ними осталось уже меньше четверти мили. Четверть мили на спокойной воде — небольшое расстояние, и пассажиры обоих судов могли громко переговариваться между собой. Этим сейчас же воспользовались пассажиры «Красавицы», чтобы отплатить своим противникам. На них посыпались насмешки, и все их прежние оскорбления были возвращены с лихвой.

— У кого есть поручения в Сент-Луис? Мы скоро там будем и готовы вам услужить! — кричал один.

— Ура, «Красавица»! Вот это молодчина! — вопил другой.

— Хватит ли вам скороков? — спрашивал третий. — Мы можем дать вам взаймы несколько штук!

— Что отвечать, если нас спросят, где вы задержались? — кричал четвертый. — Мы скажем — в Черепашьей гавани!

Громкий взрыв хохота встретил эту шутку.

Приближалась полночь, но ни один человек на обоих пароходах и не помышлял об отдыхе. Увлеченные гонкой пассажиры и думать забыли о сне. Все, и мужчины и женщины, стояли на палубе или поминутно выходили из кают взглянуть на ход состязания. От возбуждения у пассажиров, как видно, пересохло в горле, и многие уже были навеселе. Команда не отставала от них, и даже капитан был не совсем трезв. Никто не осуждал его за это, мысль об осторожности вылетела у всех из головы.

* * * * * * * *

Приближается полночь. Машины лязгают и грохочут, а пароходы все идут вперед. Кругом стоит густой мрак, но никого это не смущает. Ярко пылают топки; над высокими трубами полыхает багровое пламя; пар

гудит и воет в котлах; громадные плицы колес сбивают в пену темную воду; деревянный каркас судна дрожит и стонет от напряжения, а пароходы рвутся вперед.

Наступает полночь. Теперь между пароходами остается всего каких-нибудь двести ярдов. «Красавица» уже качается на волнах «Магнолии». Еще десять минут — и ее нос поравняется с кормой соперницы! Еще двадцать минут — и торжествующий крик на ее палубе прокатится вдоль берегов.

* * * * * * * *

Я стоял около капитана и поглядывал на него с некоторой тревогой. Мне было неприятно, что он так часто спускается в буфет и уже сильно захмелел. Он только что вернулся на свое место у рулевой рубки и пристально смотрел вперед. На правом берегу реки, примерно в миле перед нами, показалось несколько мерцающих огоньков. Увидев их, он вздрогнул и воскликнул с сердцем:

— Чорт возьми! Ведь это Бринджерс!

— Да-а, — протянул рулевой из-за его плеча. — Быстро мы добрались до него, прямо сказать.

— Боже мой! Теперь я проиграю гонку!

— Почему? — спросил тот, не понимая. — При чем здесь гонка?

— Я должен тут пристать. Мне придется... Я должен высадить даму, которая дала нам окорока!

— Вон оно что! — отозвался флегматичный рулевой. — А ведь чертовски жалко! — добавил он. — Ну что ж, раз надо, так надо... Ах, будь ты проклят! Ведь мы вот-вот обставили бы их. Верно, капитан?

— Ничего не поделаешь, — ответил капитан. — Поворачивай к берегу.

Отдав этот приказ, он быстро спустился вниз. Видя, как он возбужден, я последовал за ним. На палубе против рубки стояла кучка дам, среди которых была и молодая креолка.

— Сударыня, — сказал, обращаясь к ней, капитан,—несмотря ни на что, мы все-таки проиграем гонку!

— Почему? — спросила она удивленно. — Вам не хватает окороков?.. Антуан! Вы достали все, что было?

— Нет, сударыня, — возразил капитан, — не в этом дело. Благодарю вас за щедрость. Но вы видите эти огоньки?

— Вижу. Так что же?

— Это Бринджерс.

— Вот как! Уже?

— Да. Здесь я должен вас высадить.

— И из-за этого проиграете гонку?

— Конечно.

— Тогда, разумеется, я не сойду здесь на берег. Что для меня один день? Я не так стара, чтобы бояться потерять лишний день понапрасну. Ха-ха-ха! Я не допущу, чтоб вы из-за меня погубили репутацию вашего прекрасного судна! И не думайте приставать, дорогой капитан! Довезите меня до Батон Ружа, а утром я вернусь домой.

Вокруг послышались крики одобрения, а капитан бросился обратно к рулевому, чтобы отменить свое приказание.

* * * * * * * *

«Красавица» попрежнему следует за «Магнолией», и между ними попрежнему около двухсот ярдов. Грохот машин, гудение пара, удары плиц по воде, треск обшивки и крики людей на палубе сливаются в оглушительный концерт.

Вперед мчится «Красавица», вперед, вперед — и, несмотря на все усилия «Магнолии», догоняет ее. Ближе, еще ближе — и вот ее нос сравнялся с кормой соперницы. Вот он уже против рулевой рубки, вот уже против штормового мостика, вот против конца верхней палубы! Теперь их огни сливаются в одну линию и вместе отражаются в воде — они идут нос с носом!

Еще минута — «Красавица» вырывается еще на фут вперед, капитан машет фуражкой, и громкий крик торжества раздается над рекой.

* * * * * * * *

Этот крик не успел отзвучать. Едва он разнесся в полуночной тиши, как его прервал оглушительный взрыв, словно целый пороховой склад взлетел на воздух. Он потряс небо, землю и воду! Раздался треск, во все стороны посыпались доски, люди с пронзительными криками взлетели вверх, дым и пар застлали все кругом, и ужасный вопль сотен голосов раздался во мраке ночи.

Глава XII

СПАСАТЕЛЬНЫЙ ПОЯС

Сотрясение неслыханной силы сразу же объяснило мне причину катастрофы. Я решил, что у нас взорвались паровые котлы, и не ошибся.

В момент взрыва я стоял около своей каюты. Если бы я не держался за поручни, то, наверно, вылетел бы от толчка за борт. Сам не сознавая, что делаю, я вернулся, шатаясь, в каюту, а из нее прошел через другую дверь в общий салон.

Здесь я остановился и огляделся вокруг. Вся передняя часть судна была окутана дымом, и в салон врывался горячий, обжигающий пар. Боясь, что он настигнет меня, я бросился на корму, которая, к счастью, была обращена к ветру, сдувавшему с нее опасный пар.

Машина теперь умолкла, колеса не вращались, выпускная труба перестала пыхтеть, но вместо этого шума слышались другие ужасные звуки. Крики, ругань, проклятия мужчин, пронзительные вопли женщин, стоны раненых с нижней палубы, мольбы о помощи сброшенных в воду и тонущих людей — все сливалось в отчаянный вопль. Как он был не похож на тот ликующий крик, который только что звучал на устах тех же людей!

Дым и пар скоро начали рассеиваться, и я мог разглядеть, что делается на носу парохода. Там был полный хаос. Курительная комната, буфет со всем его содержимым, передний тент и правая сторона рулевой рубки совсем исчезли, как будто под ними взорвалась

мина, а высокие трубы опрокинулись и лежали на палубе. С первого взгляда я понял, что капитан, рулевой и все, кто находился в этой части парохода, погибли.

Эти мысли мгновенно пронеслись у меня в голове, и я не стал на них задерживаться. Я чувствовал, что остался цел и невредим, и моим первым естественным побуждением было постараться спасти свою жизнь. Я сохранил присутствие духа и понимал, что второго взрыва быть не может, но видел, что пароход серьезно поврежден и сильно накренился набок. Долго ли он продержится на воде?

Не успел я задать себе этот вопрос, как тотчас же получил ответ. Рядом послышался отчаянный крик:

— О боже! Мы тонем! Тонем!..

Вслед за ним раздался другой крик: «Пожар!» — и в ту же минуту длинные языки пламени вырвались из глубины судна и взметнулись высоко вверх, до самого штормового мостика. Было ясно, что судно недолго будет нашим убежищем: нам предстояло либо сгореть на нем, либо пойти с ним ко дну.

Все мысли оставшихся в живых устремились к «Магнолии». Я тоже посмотрел ей вслед и увидел, что она дала задний ход и прилагает все усилия, чтобы скорей повернуть обратно; однако она уже была от нас на расстоянии нескольких сот ярдов. Когда наш пароход собирался пристать к Бринджерсу, он повернул в сторону от «Магнолии», и хотя в момент катастрофы они стояли на одной линии, их разделяла широкая полоса воды. Теперь «Магнолия» находилась от нас за добрую четверть мили, и было ясно, что пройдет немало времени, пока она приблизится к нам. Сможет ли искалеченная «Красавица» продержаться это время на воде?

С первого взгляда я убедился, что нет. Я чувствовал, как палуба опускается подо мной все ниже и ниже, а пламя уже угрожало ее корме; огненные языки лизали деревянную отделку роскошного салона, и она вспыхивала, как солома. Нельзя было терять ни минуты! Оставалось либо самому броситься в воду, либо пойти ко дну вместе с судном, либо сгореть. Иного выхода не было.

Вы, вероятно, думаете, что я был смертельно испуган. Однако вы ошибаетесь. Я совсем не боялся за свою жизнь. И не потому, что отличался необыкновенной храбростью, а потому, что надеялся на свои силы. Довольно беспечный по натуре, я никогда не был фаталистом. Мне не раз случалось спасаться от смерти благодаря присутствию духа, сильной воле и находчивости. Поэтому я не был суеверным, не верил в судьбу и не полагался на «авось», и если не ленился, то принимал необходимые меры предосторожности, чтобы избежать опасности.

Именно так я и поступил на этот раз. В моем чемодане лежало очень простое приспособление, которое я обычно вожу с собой: спасательный пояс. Я всегда держу его сверху, под рукой. Требуется не больше минуты, чтобы надеть его, а в нем я не боялся утонуть в самой широкой реке и даже в море. Уверенность в этом, а вовсе не исключительная храбрость придавала мне спокойствие.

Я побежал обратно в свою каюту, открыл чемодан и через секунду уже держал в руках пробковый пояс. Еще секунда — и я надел его через голову и прочно завязал шнурки.

Надев пояс, я остался в каюте и решил не выходить из нее, пока судно не накренится еще ближе к воде. Оно погружалось очень быстро, и я был уверен, что мне недолго придется ждать. Дверь, ведущую в салон, я запер на ключ, а другую оставил приоткрытой, но крепко держал ее за ручку.

Я недаром прятался в каюте: мне не хотелось попадаться на глаза охваченным паникой пассажирам, которые, не помня себя, метались по палубе, — я боялся их гораздо больше, чем реки. Я знал, что стоит им увидеть спасательный пояс, как они тотчас окружат меня, и тогда у меня не останется никакой надежды на спасение: десятки несчастных бросятся за мной в воду, будут цепляться за меня со всех сторон и потащат за собой на дно.

Я знал это и, крепко придерживая дверь, стоял и молча смотрел в щель.

Глава XIII

Я РАНЕН

Не прошло и нескольких минут, как перед моей дверью остановились какие-то люди и я услышал знакомые голоса.

Взглянув в щель, я тотчас узнал их: это были молодая креолка и ее управляющий.

Нельзя сказать, что они вели связный разговор, — это были лишь отрывочные восклицания смертельно испуганных людей. Старик собрал несколько стульев и трясущимися руками пытался связать их вместе, чтобы сделать какое-то подобие плота. Вместо веревки у него был носовой платок и несколько шелковых лент, которые его хозяйка сорвала со своего платья. Если бы ему и удалось связать плот, он, пожалуй, не выдержал бы и кошки. Это была жалкая попытка тонущего человека «схватиться за соломинку». С первого взгляда я понял, что такой плот и на минуту не отсрочит их гибели. Стулья были из тяжелого палисандрового дерева и, вероятно, пошли бы ко дну от собственной тяжести.

Эта сцена привела меня в смятение. Она разбудила во мне самые противоречивые чувства. Передо мной стоял выбор — спасать себя или оказать помощь ближнему. Если бы я не надеялся при этом сберечь и свою жизнь, боюсь, что я послушался бы инстинкта самосохранения.

Но, как я уже говорил, за себя я не боялся, и передо мной стоял лишь вопрос: удастся ли мне, не рискуя собой, спасти жизнь и этой даме? Я быстро все обдумал. Спасательный пояс был очень мал, он не мог выдержать нас обоих. Что, если я отдам его ей, а сам поплыву рядом? Я мог бы иногда браться за него — мне этого достаточно, чтобы долго продержаться на воде. Ведь я хороший пловец. Далеко ли до берега?

Я посмотрел в ту сторону. Пылающее судно бросало вокруг яркий свет и далеко освещало реку. Я ясно видел темный берег. До него было не меньше четверти мили, да еще предстояло одолеть сильное течение.

«Конечно, я доплыву до берега, — подумал я. — Но будь что будет, а я попытаюсь спасти ее».

Не скрою, что у меня были и другие соображения, когда я составил этот план. Должен сознаться, что к благородным побуждениям примешивалось и желание разыграть перед ней героя. Будь Эжени Безансон не молода и красива, а стара и безобразна, пожалуй... боюсь, что я оставил бы ее на попечение Антуана с его плотом из стульев. Так или иначе, а я решился, и мне было некогда раздумывать, из каких побуждений.

— Мадемуазель Безансон! — позвал я из-за двери.

— Кто-то зовет меня! — воскликнула она, быстро оборачиваясь. — Боже мой! Кто здесь?

— Сударыня, я хочу...

— Проклятие! — сердито пробормотал старик, когда увидел меня: он решил, что я хочу завладеть его плотом. — Проклятие! Плот не выдержит двоих, сударь.

— Он не выдержит и одного, — возразил я. — Сударыня, — продолжал я, обращаясь к его хозяйке, — эти стулья не спасут вас, а скорее потопят. Вот, возьмите. Это спасет вам жизнь. — Тут я снял и протянул ей спасательный пояс.

— Что это? — быстро спросила она, но сразу все поняла и воскликнула: — Нет, нет, нет! Что вы, сударь! Спасайте себя! Себя!

— Я надеюсь доплыть до берега и без пояса. Наденьте его, сударыня! Скорей! Скорей! Время не ждет. Через несколько минут судно пойдет ко дну. «Магнолия» еще далеко, к тому же она побоится подойти вплотную к горящему судну. Смотрите, какое пламя! Огонь приближается к нам... Скорей! Позвольте завязать вам пояс.

— Боже! Боже! Благородный незнакомец...

— Ни слова больше! Вот так... Готово! Теперь прыгайте в воду! Не бойтесь! Прыгайте и держитесь подальше от судна. Вперед! Я прыгну вслед за вами и помогу вам. Скорей!

Испуганная девушка послушалась моих настойчивых уговоров и прыгнула в воду. В следующую секунду

В ответ он крикнул страшное проклятье, и в ту же

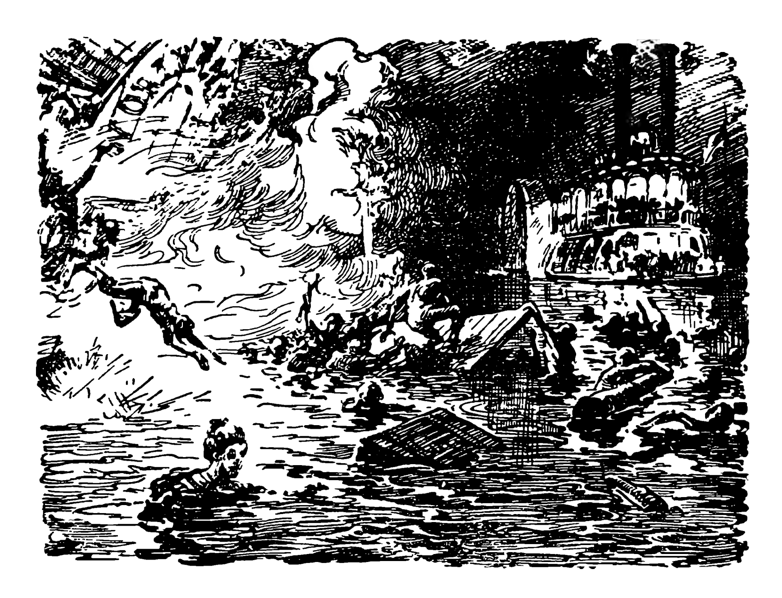
я увидел, как она показалась на поверхности реки; ее светлое платье выделялось на темном фоне воды.

Тут я почувствовал, как кто-то схватил меня за руку. Я обернулся: это был Антуан.

— Простите меня, благородный юноша! Простите меня! — воскликнул он, и слезы потекли у него по щекам.

Я не успел ответить ему, как увидел, что какой-то человек бросился к борту, с которого только что спрыгнула креолка. Он пристально смотрел на нее и, наверно, заметил спасательный пояс. Его намерения были ясны для меня. Он уже собирался прыгнуть в воду, когда я подбежал к нему. Я схватил его за ворот и оттащил назад. Тут пламя осветило его лицо, и я узнал наглого молодчика, который предлагал мне держать пари.

— Не спешите, сэр, — сказал я ему, все еще крепко держа его за ворот.



секунду в его поднятой руке сверкнул охотничий нож.

В ответ он крикнул страшное проклятие, и в ту же секунду в его поднятой руке сверкнул охотничий нож. Он выхватил его так неожиданно, что я не успел увернуться и почувствовал, как холодная сталь вонзилась мне в руку. Однако удар был не смертелен, и прежде чем негодяй успел замахнуться второй раз, я, как говорят боксеры, «двинул» его по скуле так, что он перелетел через стулья, а нож выпал из его руки. Я поднял нож и секунду колебался, не отомстить ли этому головорезу, однако мои лучшие чувства взяли верх, и я выбросил нож за борт.

Не теряя времени, я и сам прыгнул в воду. Пламя уже охватило рулевую рубку, у которой мы стояли, и жара становилась невыносимой. Бросив последний взгляд на судно, я увидел, что Антуан и мой противник дерутся среди стульев.

Белое платье служило мне путеводным сигналом, и я поплыл за ним.

Течение уже отнесло девушку довольно далеко от тонувшего судна.

Я быстро сбросил в воде пиджак и башмаки, а так как был одет очень легко, то остальная одежда не стесняла моих движений. Сделав несколько взмахов, я поплыл совершенно свободно вниз по течению, следуя за белым платьем. Иногда я поднимал голову над водой и оглядывался назад. Я еще опасался, как бы тот негодяй не поплыл вслед за нами, и готов был сразиться с ним в воде.

Через несколько минут я уже оказался возле моей подопечной.

Сказав ей несколько ободряющих слов, я взялся одной рукой за ее пояс, а другой греб, стараясь направить ее к берегу.

Таким образом, мы двигались к суше по диагонали, так как течение довольно быстро сносило нас вниз. Этот путь показался мне долгим и тяжелым; если б он длился еще дольше, я, наверно, не добрался бы до берега.

Наконец мы были уже недалеко; но, по мере того как мы приближались к цели, мои движения становились все слабее, и левая рука в последнем судорожном усилии сжимала пробковый пояс.

Однако я помню, как мы добрались до земли; как я с большим трудом карабкался по откосу, а моя спутница поддерживала меня; помню, как перед нами вырос большой дом, — мы вышли на берег как раз против него; помню, как я услышал слова:

— Вот удивительно! Ведь это мой дом! В самом деле, мой дом!

Я помню, как шел по дороге и легкая рука поддерживала меня, как вошел в ворота и попал в прекрасный сад со скамейками, статуями и благоухающими цветами; помню, как из дома выбежало много слуг с фонарями, и тут я увидел, что руки у меня в крови и с рукава капает кровь. Помню еще испуганный женский крик:

— Он ранен!..

И больше ничего не помню.

Глава XIV

ГДЕ Я?

Когда я очнулся, было совсем светло. Яркое солнце заливало золотистым светом мою комнату, и косые тени на полу показывали, что сейчас либо раннее утро, либо скоро наступит вечер. Однако из сада слышалось пение птиц, и я решил, что должно быть утро.

Я лежал на низкой изящной кушетке без полога, но вместо него мою постель окружала тончайшая сетка от москитов. Белоснежные простыни из тонкого полотна, блестящее шелковое покрывало, мягкий, покойный матрац подо мной — все свидетельствовало о том, что я лежу на роскошном ложе. Но я не мог наслаждаться его удобством и изяществом, так как пришел в себя от сильной боли.

Вскоре я припомнил все события прошлой ночи — они промелькнули передо мной одно за другим. До той минуты, когда мы достигли берега и выбрались из воды, я помнил все совершенно ясно. Но что было потом, я не мог восстановить в памяти. Какой-то дом, широкие ворота, сад, деревья, цветы, статуи — все смешалось у меня в голове.

Мне казалось, что среди всей этой путаницы передо мной встает необыкновенно прекрасное лицо — лицо молодой девушки. В нем было что-то чарующее. Но я не знал, видел ли я эту девушку наяву или она пригрезилась мне во сне. Черты этого лица стояли перед моими глазами так четко и ясно, что, будь я художником, я мог бы их нарисовать. Но я помнил только лицо — больше ничего! Я вспоминал его, как куритель опиума вспоминает свои грезы или как человек, видевший во время опьянения прекрасное лицо и только его сохранивший в памяти. Как ни странно, но я не связывал этот образ со своей ночной спутницей: он ничем не напоминал мне Эжени Безансон!

Была ли среди пассажирок на судне хоть одна, похожая на это видение? Нет, я не мог припомнить ни одной. Ни одна из них не возбудила во мне даже мимолетного интереса, за исключением креолки. Но черты

этого воображаемого или виденного мною лица не имели с ней ничего общего. Это был совершенно иной тип.

В моей памяти вставала волна блестящих черных волос, вьющихся на лбу и спадающих на плечи крупными кольцами. Из этой темной рамы выступали черты, достойные резца великого скульптора. Нежный, красиво очерченный пунцовый рот, прямой, изящный нос с тонкими ноздрями, темные дуги бровей, глаза, окаймленные длинными ресницами, — это лицо, как живое, стояло передо мной, и оно ничем не напоминало черты Эжени Безансон. Даже цвет лица был совсем другой. Кожа, не молочно-белая, как у креолки, хотя такая же прозрачная, отличалась смуглым оттенком, который придавал румянцу на щеках более теплую окраску. Лучше всего я запомнил или представлял себе глаза, большие, темно-карие, округлой формы; главная их прелесть заключалась в выражении, непонятном для меня, но пленительном. Они были очень блестящие, но не сверкали и не искрились, а скорее напоминали теплое сияние самоцвета. Их взгляд не обжигал, но светился.

Несмотря на ноющую боль в руке, я довольно долго лежал, любуясь этим очаровательным образом, и спрашивал себя: живая ли это девушка или только сон? Неожиданная мысль пришла мне в голову. Я подумал, что, если бы это видение было живым существом, я мог бы забыть ради него Эжени Безансон, несмотря на романтическое приключение, с которого началось наше знакомство.

Однако боль в руке в конце концов отогнала чудный образ и вернула меня к действительности. Откинув покрывало, я с удивлением увидел, что рана моя перевязана, и, повидимому, опытным хирургом. Успокоившись на этот счет, я осмотрелся кругом, чтобы понять, где я нахожусь.

Комната, где я лежал, была невелика, и сквозь сетку от москитов мне нетрудно было разглядеть, что она обставлена богато и со вкусом. В ней стояла легкая, главным образом камышовая мебель, а пол устилали тонкие цыновки из морской травы с яркими узорами. На окнах висели занавески из камки и муслина, под

цвет стенам. Посреди комнаты стоял стол с богатой инкрустацией, а у стены — другой столик, поменьше, на котором возле узорной чернильницы лежали перья и бювар; рядом с ним стояли полки красного дерева, уставленные книгами. Камин украшали дорогие часы, а за его решеткой виднелись каминные щипцы с серебряными ручками тонкой чеканной работы. В это время года камин, конечно, не топили. Мне было бы душно даже под сеткой от москитов, но большая стеклянная дверь, а против нее широкое окно были открыты настежь, так что по комнате гулял легкий ветерок, проникавший и сквозь мою сетку.

Этот ветерок приносил в комнату чудесный аромат из сада. В окно и в открытую дверь я видел тысячи всевозможных цветов: красные, розовые и белые розы, редкостные камелии, азалии и жасмин, сладко пахнущее китайское дерево; а дальше я разглядел восковые листья и похожие на крупные лилии цветы американского лавра. Я слышал пение множества птиц и тихий равномерный плеск — повидимому, журчание фонтана. Больше до меня не доносилось ни звука.

«Неужели я здесь один?» Я еще раз внимательно осмотрелся вокруг. Да, должно быть, один. Я не увидел ни одного живого существа.

Меня удивила одна особенность моей комнаты. Казалось, она стоит на отлете и не сообщается ни с каким помещением. Единственная дверь, которую я видел, так же как и доходившее до полу окно, вела прямо в сад, полный цветов и кустарников. Повидимому, рядом со мной никто не жил.

Сначала мне это показалось странным, но, поразмыслив, я понял, в чем дело. Американские плантаторы часто строят в стороне от большого жилого дома маленький павильон или летний домик и обставляют его со всеми удобствами и даже с роскошью. Иногда он служит комнатой для гостей. Вероятно, я находился в таком домике.

Во всяком случае, я был под гостеприимным кровом и попал в хорошие руки. В этом не могло быть никакого сомнения. Моя постель и все, что меня окружало — на-

пример, приготовления к завтраку, замеченные мною на столе, подтверждали это. Но кто был моим хозяином? Или хозяйкой? Быть может, Эжени Безансон? Она, кажется, сказала что-то вроде: «Вот мой дом». Или мне это только померещилось?

Я лежал, размышляя и напрягая свою память, но так и не мог понять, чьим гостем я оказался. Однако у меня все же было смутное чувство, что я попал в дом к моей ночной спутнице.

Под конец я начал беспокоиться и, будучи очень слаб, почувствовал даже некоторую обиду, что меня оставили совсем одного. Я бы позвонил, но около меня не оказалось колокольчика. В эту минуту послышался звук приближающихся шагов.

Пылкие читательницы! Вы, наверно, вообразите, что шаги эти были легки и неслышны, что ножки в маленьких шелковых туфельках едва касались сыпучей гальки, чтобы не потревожить сон спящего больного; вы вообразите, что среди пения птиц, журчания фонтанов и упоительного аромата цветов в дверях появилось прелестное создание и я увидел нежное личико с большими кроткими глазами, устремленными на меня с немым вопросом. Вы, конечно, вообразите все это — не сомневаюсь! Но вы жестоко ошибетесь: на самом деле было совсем не так.

Шаги, которые я услышал, были тяжелы, и через минуту на пороге моей комнаты показалась пара грубых башмаков из крокодиловой кожи, больше фута длиной, и остановилась прямо перед моими глазами.

Я немного поднял глаза и увидел две ноги в широких синих холщовых штанах, а взглянув еще повыше, — могучую грудь под полосатой бумажной рубахой, затем две крепкие руки, широкие плечи и наконец лоснящуюся физиономию и курчавую голову черного, как смоль, негра.

Голову и лицо я увидел последними. Но на них мой взгляд задержался всего дольше. Я снова и снова всматривался в негра и наконец, несмотря на сильную боль в руке, разразился неудержимым смехом. Если бы я умирал, я и то, кажется, не мог бы остаться серьезным.

В физиономии этого черного пришельца было что-то до крайности комичное.

Это был высокий, коренастый негр, черный, как уголь, с белыми, как слоновая кость, зубами и такими же сверкающими белками. Но меня поразило не это, а странная форма его головы, а также очертания и размеры его ушей. Голова у него была круглая, как шар, и густо обросла мелкими крутыми завитками черной шерсти, такими плотными, что казалось, будто они приросли к голове обоими концами, словно ворс. А по бокам этого шара торчало два громадных, оттопыренных, как крылья, уха, придававших голове невероятно забавный вид.

Вот что заставило меня рассмеяться; и хоть это было очень неучтиво, я не мог бы сдержаться даже под страхом смерти.

Однако мой посетитель, видимо, нисколько не обиделся. Наоборот, его толстые губы тотчас растянулись в широкую, добродушную улыбку, открыв два ряда ослепительных зубов, и он разразился таким же громким смехом, как и я.

Как видно, он был очень добродушен. И хоть его уши были похожи на крылья летучей мыши, но по характеру он ничем не напоминал вампира. Круглое черное лицо Сципиона Безансон, как звали моего посетителя, было воплощением доброты и веселья.

Глава XV

СТАРЫЙ ЗИП

Сципион заговорил первым:

— Добрый день, молодой масса! Старый Зип очень рад, что вы уже здоровы. Он очень рад!

— Сципион, так тебя зовут?

— Да, масса, — Зип, старый негр. Доктор велел ему ухаживать за белым господином. Тогда будет довольна молодая мисса, белые люди, черные люди — все будут довольны! Ух-х!

Последнее восклицание, один из тех гортанных возгласов, какие часто издают американские негры, больше всего напоминало фырканье гиппопотама. Оно значило, что мой собеседник кончил говорить и ждет от меня ответа.

— А кто это «молодая мисса»? — спросил я.

— Боже милостивый! Разве масса не знает? Та самая молодая дама, которую он спас, когда загорелся пароход. Боже ты мой! Как здорово масса плавает! Переплыли половину реки! Ух-х!

— А теперь я в ее доме?

— Ну конечно, масса, вы в летнем домике. Ведь большой-то дом в другом конце сада. Но это все равно, масса.

— А как я попал сюда?

— Бог мой! Неужто масса и этого не помнит? Да ведь старый Зип принес его сюда вот на этих самых руках! Масса и молодая госпожа вышли на берег прямо у ворот нашего дома. Мисса закричала, и черные люди выбежали и нашли их. Белый масса был весь в крови, он упал, а она приказала отнести его сюда.

— А потом?

— Зип вскочил на самую быструю лошадь, на Белую Лисицу, и поскакал за доктором, скакал, как дьявол! Ну, а доктор, конечно, приехал и перевязал руку молодому масса. Но как... — продолжал Сципион, вопросительно глядя на меня, — как молодой масса получил эту большую гадкую рану? Доктор тоже спрашивал, а молодая мисса сама ничего не знала.

По некоторым соображениям я решил пока не удовлетворять любопытства моей черной сиделки и лежал несколько минут, размышляя. Действительно, моя спутница не знала о моем столкновении с тем негодяем. Да, а как Антуан? Добрался он до берега? Или... Но Сципион предвосхитил вопрос, который я собирался задать.

— Ах, молодой масса, — сказал он, и лицо его омрачилось, — мисса Жени в большом горе сегодня, и все люди в большом горе. Масса Тони, бедный масса Тони!

— Ты говоришь об управляющем Антуане? Что с ним? Он не вернулся домой?

— Нет, масса, боюсь, что он никогда, никогда не вернется! Все люди боятся, что он утонул. Люди ходили в деревню, ходили по берегу вниз и вверх, всюду ходили. Нет Тони... Капитан взлетел кверху, прямо в небо, а пятьдесят пассажиров ушли на дно. Другой пароход вытащил нескольких человек, несколько доплыли до берега, как молодой масса. Но нет масса Тони, нигде нет масса Тони!

— Ты не знаешь, умел он плавать?

— Нет, масса, совсем не умел. Я знаю: он один раз упал в заводь, и старый Зип вытащил его. Нет, он совсем, совсем не плавал.

— Тогда боюсь, что он погиб.

Я вспомнил, что наше судно затонуло прежде, чем «Магнолия» подошла к нему. Я видел это, обернувшись, когда плыл. Те, кто не умел плавать, наверно, погибли.

— И бедный Пьер. И Пьер тоже.

— Пьер? Кто это?

— Кучер, масса. Вот кто.

— А, помню! Ты думаешь, и он утонул?

— Боюсь, что и он, масса. Старый Зип очень жалеет Пьера. Он был хороший негр, этот Пьер. Но масса Тони, масса Тони... все люди жалеют масса Тони!

— У вас любили его?

— Все любили его — белые люди, черные люди, — все его любили! Мисса Жени тоже любила. Он всю жизнь жил у старого масса Сансона. По-моему, он был опекуном мисса Жени, или как это называется... Боже милостивый! Что будет теперь делать молодая мисса? У нее нет больше друзей. А старая лиса Гайар — очень нехороший...

Тут Сципион внезапно умолк, словно спохватился, что слишком распустил язык.

Названный им человек и определение, которое дал ему негр, сразу возбудили мое любопытство, особенно его имя.

«Если это тот самый, — подумал я, — Сципион дал ему меткое прозвище. Но он ли это?»

— Ты говоришь про адвоката Доминика Гайара? — спросил я, помолчав.

Сципион вытаращил свои круглые глаза, сверкая белками, удивленный и испуганный, и сказал, запинаясь:

— Да, так зовут этого господина. Молодой масса знает его?

— Очень немного, — ответил я, и мой ответ, видимо, его успокоил.

По правде говоря, я никогда не видел Гайара, но, живя в Новом Орлеане, случайно слышал о нем. У меня было небольшое приключение, в котором он принял косвенное участие и, надо сказать, сыграл некрасивую роль. Я сохранил острую неприязнь к этому человеку, который, как уже упоминалось выше, был адвокатом в Новом Орлеане. Это был, несомненно, тот самый Гайар, о котором говорил Сципион. Фамилия слишком редкая, чтобы ее носили два столь похожих человека. Кроме того, я слышал, что у него плантация где-то выше по течению реки, — в Бринджерсе, как я теперь припомнил. Все говорило за то, что это он. Если у Эжени Безансон не осталось друзей, кроме него, тогда Сципион был прав, говоря, что у нее нет больше друзей.

Слова Сципиона не только затронули мое любопытство, но вселили в меня смутную тревогу. Незачем говорить, что я был сильно заинтересован юной креолкой. Человек, спасший жизнь другому, притом красивой женщине, да еще при таких необычайных обстоятельствах, не может оставаться равнодушным к ее дальнейшей судьбе. Любовь ли пробудила во мне этот интерес?

Сердце мое, к моему удивлению, ответило: нет! На пароходе мне казалось, что я почти влюблен в эту девушку, а теперь, после романтического приключения, которое должно было бы усилить это чувство, я совершенно спокойно вспоминал события прошлой ночи и сам удивлялся своей холодности. Я потерял много крови—уж не вытекло ли вместе с ней и мое зарождавшееся чувство? Я пытался объяснить себе это странное явление, но в то время я делал еще только первые шаги в познании человеческого сердца. Любовь была для меня неведомой страной.

Одно удивляло меня: когда я пытался представить себе лицо креолки, передо мной с необыкновенной четкостью вставали черты другого лица из мира моих грез.

«Как странно, — думал я, — опять это прелестное видение! Плод моей больной фантазии. Ах, чего бы я не дал, чтобы этот образ оказался живым существом!»

Теперь я не сомневался: я не был влюблен в Эжени Безансон, однако и не относился к ней равнодушно. Чувство мое было дружбой, и интерес, который я испытывал, — дружеским участием. Это чувство было так сильно, что я тревожился за нее и мне хотелось узнать побольше о ней и ее делах.

Сципион не отличался скрытностью; не прошло и получаса, как он рассказал мне все, что сам знал о ней.

Эжени Безансон была единственной дочерью и наследницей плантатора-креола, умершего около двух лет тому назад; некоторые считали его очень богатым, другие уверяли, что дела его сильно расстроены. Надзор за всем своим поместьем он завещал Доминику Гайару вместе с управляющим Антуаном. Обоих назначили опекунами молодой девушки. Гайар был адвокатом Безансона, а Антуан — его старым слугой. Антуан всегда пользовался исключительным доверием своего хозяина, а в последние годы стал скорее его другом и компаньоном, чем слугой.

Через несколько месяцев Эжени Безансон достигнет совершеннолетия, но велико ли будет ее наследство, этого Сципион не знал. Он знал только, что после смерти ее отца Гайар, главный распорядитель всего имущества, давал ей очень много денег, сколько бы она ни пожелала, и ни в чем ее не ограничивал; что она была очень щедра и даже расточительна и, как выразился Сципион, «швырялась золотыми долларами, словно это простые камешки».

И Сципион принялся рассказывать мне о блестящих балах, которые она давала на своей плантации, а также о том, как дорого обходилась жизнь «молодой мисса» в городе, где она проводила бо́льшую часть зимы. Всему этому можно было легко поверить. Судя по тому, что мне пришлось наблюдать на пароходе, у меня

создалось впечатление, что Сципион совершенно правильно описал свою госпожу. Натура пылкая и увлекающаяся, великодушная и несдержанная, легкомысленная в своих тратах, живущая только настоящим, не думая о будущем, — такая наследница была находкой для недобросовестного опекуна.

Я видел, что бедный Сципион очень привязан к своей хозяйке; при всем своем невежестве он подозревал, что все это расточительство не доведет ее до добра.

— Я очень боюсь, масса, — сказал он, качая головой, — что так не может продолжаться всегда, всегда. Даже сам Колониальный банк и тот лопнет, если вечно швырять деньги на ветер.

Когда Сципион дошел в своем рассказе до Гайара, он закачал головой еще выразительней. У него были, очевидно, какие-то подозрения насчет этого человека, но он не хотел их высказывать. Я узнал достаточно, чтобы убедиться, что этот Доминик Гайар и есть тот самый адвокат, который жил в Новом Орлеане на *** улице. У меня не осталось никаких сомнений, что это он. Юрист по профессии, но на самом деле биржевой спекулянт, дающий деньги в кредит, то-есть попросту ростовщик, он был, кроме того, богатым плантатором, чье большое поместье граничило с поместьем Безансонов, и имел более сотни рабов, с которыми обращался крайне жестоко. Все это совпадало с тем, что я слышал о положении и характере известного мне Доминика Гайара. Несомненно, это он.

Сципион рассказал мне о нем еще кое-какие подробности. Он был советчиком и товарищем старика Безансона «на его беду», как выразился Сципион; верный негр думал, что Безансон сильно пострадал от этого знакомства.

— Масса Гайар не раз обманывал старого хозяина. Он надувал его много-много раз, можете поверить Зипу, — сказал он.

Еще я узнал от него, что Гайар проводит летние месяцы в своем поместье, что он каждый день бывает в «большом доме», где живет мадемуазель Безансон и

где он чувствует себя как дома, а ведет себя так, «будто все принадлежит ему и он хозяин всей плантации».

Мне казалось, что Сципион еще что-то знает об этом человеке, что-то определенное, но не хочет мне говорить. Ну что ж, вполне понятно — мы были слишком мало знакомы. Я видел, что он терпеть не может Гайара, но мне трудно было решить, потому ли, что он хорошо его знает, или в нем говорит инстинктивное чувство, очень сильно развитое у несчастных рабов, которым запрещено рассуждать.

Однако в его рассказе было слишком много фактов, чтобы считать это чувство инстинктивным. Он, видимо, действительно многое знал. Кто-то должен был сообщить ему эти сведения. От кого он их получил?

— Кто рассказал тебе все это, Сципион?

— Аврора, масса.

— Аврора?!

Глава XVI

ДОМИНИК ГАЙАР

Я сразу почувствовал сильное, почти страстное желание узнать, кто такая Аврора. Почему? Быть может, это необычное, красивое имя прозвучало особенно приятно для моего саксонского уха? Нет. Или это благозвучное слово вызвало у меня мифологические ассоциации, воспоминания о первых розовых лучах восходящего солнца или о нежном сиянии северной зари? Может быть, именно эти представления возбудили во мне такой необъяснимый интерес к имени «Аврора»?

Однако прежде чем я успел разобраться в этом или задать Сципиону еще вопрос, в дверях показались два человека; не говоря ни слова, они вошли в комнату.

— Это доктор, масса, — прошептал Сципион и отошел в сторону, пропуская ко мне вошедших.

Мне нетрудно было догадаться, который из них доктор. Я сразу узнал его по внешности; я так же безошибочно определил, что высокий бледный человек, внимательно смотревший на меня, — врач, как если бы он

держал в одной руке диплом, а в другой — дверную дощечку со своей фамилией.

Доктору было лет сорок; его приятное, спокойное лицо нельзя было назвать красивым, но зато оно выражало ум и сердечную доброту. Его предки, вероятно, прибыли сюда из Германии, но американская жизнь — вернее, политический строй смягчил жесткие черты — отпечаток, наложенный веками европейского деспотизма, — и возвратил его лицу врожденное благородство. Позже, когда я лучше узнал американцев, я сказал бы, что он житель Пенсильвании, и так оно и было. Передо мной был воспитанник одной из крупных медицинских школ Филадельфии — доктор Эдвард Рейгарт. Это имя подтвердило мое предположение о его немецком происхождении.

Как бы то ни было, мой доктор с первого же взгляда произвел на меня приятное впечатление.

Совсем иное чувство охватило меня, когда я взглянул на его спутника. Я сразу почувствовал к нему неприязнь, презрение, отвращение, ненависть! У него было чисто французское лицо, но не благородная внешность старого сурового гугенота; не был он похож и на таких наших современников, как Роллан или Гюго, как Араго или Пиа [1]; у него была одна из тех физиономий, какие сотнями встречаются возле биржи и за кулисами Оперы или злобно пялятся на вас из-под тысяч солдатских киверов. Чтобы кратко определить его внешность, я скажу, что он больше всего напоминал лисицу. Право, я не шучу: сходство было поразительное. Те же хитрые, бегающие глазки, тот же внезапный пронзительный взгляд, свидетельствующий о скрытом притворстве, о крайнем себялюбии и звериной жестокости.

Итак, спутник доктора был поистине лисой в человеческом образе со всеми ее ярко выраженными чертами. Мы со Сципионом полностью сошлись в его оценке, ибо у меня не было ни малейшего сомнения, что передо мной Доминик Гайар. Да, это был он.

---

[1] Автор называет выдающихся французских писателей и политических деятелей своего времени.

Он был небольшого роста и худощав, но, видимо, из тех, кто может крепко постоять за себя. В нем чувствовались гибкость и коварство хищника и такие же повадки. Свои хитрые раскосые глазки он почти все время держал опущенными. Черные и блестящие, как у ласки, они были выпуклы, но не круглы, а скорее конусообразны, и зрачок казался как бы вершиной тупого конуса. Лицо его постоянно кривилось в усмешке, и это придавало ему циничное и презрительное выражение. Тот, кто знал за собой какую-нибудь ошибку, слабость или вину, мог бы подумать, что она известна Доминику Гайару и что он насмехается над ним. Когда Гайар узнавал о каком-нибудь несчастье, случившемся с другим, его улыбка становилась еще более язвительной, а маленькие выпуклые глазки блестели с явным удовольствием. Он любил только себя и ненавидел своих ближних.

У него были жидкие прямые черные волосы и темные мохнатые брови; бороды он не носил, и на его мертвенно-бледном лице выделялся огромный нос, похожий на клюв попугая. Одежда Гайара говорила о его профессии и состояла из темного сюртука и черного шелкового жилета, а на шее вместо галстука у него был повязан широкий черный бант. На вид ему было лет пятьдесят.

Доктор пощупал у меня пульс, спросил, как я спал, посмотрел мой язык, снова пощупал пульс, а затем дружески посоветовал мне лежать как можно спокойнее. Он объяснил, что я еще очень слаб, так как потерял много крови, но он надеется, что через несколько дней я снова окрепну и буду здоров. Сципиону было поручено следить за моим питанием и приготовить мне на завтрак жареного цыпленка, чай и гренки.

Доктор не спросил меня, как я был ранен. Сначала мне это показалось странным, но потом я решил, что он просто не хочет меня тревожить. Он, верно, боялся, что воспоминания о событиях прошлой ночи взволнуют меня. Но я так беспокоился за Антуана, что не хотел молчать, и спросил, есть ли какие-нибудь известия о нем. Нет, они ничего не слыхали. Он, несомненно, погиб.

Я сообщил им, при каких обстоятельствах расстался с ним, и, конечно, рассказал о моем столкновении с наглым пассажиром, который ранил меня. При этом от меня не ускользнуло странное выражение, с каким Гайар выслушал мой рассказ. Он слушал меня чрезвычайно внимательно, а когда я упомянул о плоте из стульев и заметил, что Антуан и минуты не продержался бы на воде, мне показалось, что темные глазки адвоката сверкнули злобной радостью. Без сомнения, лицо его выражало скрытое торжество, на которое противно было смотреть. Быть может, я не заметил бы этого или, во всяком случае, не разгадал, если бы не рассказ Сципиона. Но теперь я безошибочно понимал Гайара, и хотя он несколько раз лицемерно воскликнул: «Бедный Антуан!» — я прекрасно видел, как он втайне торжествует при мысли, что старый управляющий утонул.

Когда я кончил свой рассказ, Гайар отвел доктора в сторону, и они несколько минут разговаривали вполголоса. До меня долетали лишь отдельные слова. Доктору было, видимо, все равно, слышу ли я его, тогда как его собеседник старался говорить тихо. По ответам доктора я понял, что Гайар хочет отправить меня в гостиницу ближайшего селения. Он ссылался на «неудобное положение», в котором окажется молодая девушка — Эжени Безансон — одна в доме с чужестранцем, молодым человеком, и так далее и тому подобное.

Доктор считал эти соображения неосновательными и не хотел меня увозить. Сама мадемуазель Безансон не хочет этого, даже и слышать не желает! Добрый доктор Рейгарт считал «неудобное положение» сущим вздором. В гостинице нет необходимых удобств; кроме того, она переполнена другими пострадавшими. Тут говоривший понизил голос, и я мог уловить только отдельные слова: «иностранец», «не американец», «потерял все свое имущество», «друзья далеко», «в гостинице не примут постояльца без денег». На это Гайар ответил, что готов взять на себя все расходы.

Последнюю фразу он нарочно сказал громко, чтобы я ее услышал. Я был бы благодарен ему за подобное предложение, если бы не подозревал, что за его велико-

душием кроется какое-то тайное намерение. Но доктор решительно возражал против этого плана.

— Это невозможно, — сказал он. — Начнется жар... Большой риск... Не возьму на себя такую ответственность! Скверная рана. Большая потеря крови... Должен остаться здесь, хотя бы первое время... Можно перевезти в гостиницу дня через два, когда он окрепнет.

Обещание перевезти меня через два дня как будто удовлетворило лису-Гайара или он убедился, что ничего другого сейчас нельзя сделать, и совещание закончилось.

Гайар подошел попрощаться со мной, и я снова заметил насмешливый блеск в его маленьких глазках, когда он сказал мне несколько притворно-любезных фраз. Он не подозревал, с кем он говорит. Если бы я назвал свое имя, его бледные щеки, быть может, окрасились бы в более яркий цвет и он поспешил бы удалиться. Но осторожность удержала меня, и когда доктор спросил, кого он имеет удовольствие лечить, я прибегнул к простительной хитрости, к которой прибегали многие славные путешественники, и назвался вымышленным именем. Я воспользовался девичьей фамилией моей матери и представился как Эдвард Рутерфорд.

Повторив, чтобы я лежал спокойно и не пытался вставать с постели, доктор прописал мне кое-какие лекарства и, указав, как их принимать, откланялся. Гайар вышел раньше него.

Глава XVII

АВРОРА

Сципион отправился на кухню за чаем, гренками и цыпленком, а я остался на время один. Я лежал, думая об этом посещении и особенно о разговоре между доктором и Гайаром; некоторые из услышанных фраз встревожили меня. Доктор вел себя совершенно естественно и как истый джентльмен, но я не сомневался, что у его собеседника есть какой-то коварный замысел.

Откуда эта тревога, это горячее желание поскорее выпроводить меня в гостиницу? Очевидно, у него была очень веская причина, если он предлагает оплатить все расходы; насколько я слышал, этот человек никогда не отличался щедростью.

«Чем объяснить его желание поскорей избавиться от меня?» — спрашивал я себя.

«Ага, знаю! Догадался! Я понял его тайные замыслы! Эта хитрая лиса, коварный адвокат, так называемый опекун, наверно, сам влюблен в свою подопечную! Что из того, что она молода, богата, хороша собой, настоящая красавица, а он стар, уродлив, низок и противен! Он-то себя не считает таким. А она? Что ж! Он все-таки может надеяться. Иной раз сбываются и более безрассудные мечты. Он знает жизнь — он юрист. Ему известно все, что ее окружает, — он ее опекун. Все ее дела в его руках. Он ее наставник, поверенный, казначей — словом, распоряжается всеми ее делами. С такой властью чего не добьешься! Он хочет одного: либо жениться на ней, либо ее ограбить. Бедная девушка! Как мне жаль ее!»

Странно, но я испытывал только жалость. У меня не было другого чувства к ней, и я не мог понять почему.

* * * * * * * *

Но тут пришел Сципион и прервал мои размышления. За ним вошла девочка лет тринадцати; она несла тарелки и блюда с едой. Это была Хлоя, дочь Сципиона, но не такая черная, как ее отец. У нее были желтая кожа и миловидное личико. Как объяснил мне Сципион, мать «малютки Хло» — так он называл дочь — мулатка, а «наша Хло — вылитая мамаша. Ха-ха-ха!»

Веселый смех Сципиона показывал, что он очень доволен и горд своей хорошенькой светлокожей дочкой.

Хлоя, как и всякая женщина, была ужасно любопытна; ее круглые глаза, сверкая белками, все время бросали взгляды на белого чужестранца, спасшего жизнь ее госпоже, и она чуть не перебила все чашки и тарелки. Боюсь, что если бы я не вступился, Сципион выдрал бы

ее за уши. Забавная болтовня и жесты отца и дочки, их своеобразные манеры, да и вообще все особенности жизни рабов живо заинтересовали меня.

Несмотря на слабость, у меня был хороший аппетит. Я ничего не ел на пароходе; увлеченные гонкой пассажиры почти все забыли про ужин, и я в том числе. Теперь, увидев приготовления к завтраку, я почувствовал сильный голод и отдал должное стряпне матушки Хлои, которая, по словам Сципиона, заправляла всей кухней. Чай подкрепил меня, а искусно поджаренный цыпленок с рисом, казалось, влил свежую кровь в мои жилы. Если бы не боль в руке, я чувствовал бы себя совсем здоровым.

Отец и дочь убрали со стола, и вскоре Сципион вернулся, так как ему велели находиться при мне.

— А теперь, Сципион, — сказал я, как только мы остались одни, — расскажи мне об Авроре.

— О Роре, масса?

— Да. Кто такая Аврора?

— Бедная невольница, масса, такая же, как и старый Зип.

Смутный интерес, который я чувствовал к Авроре, сразу угас.

— Невольница? — повторил я разочарованно.

— Это служанка мисса Жени, — продолжал Сципион. — Она причесывает ее, одевает, сидит с ней, читает ей вслух, все делает...

— Читает ей? Как! Невольница?

Мой интерес к ней снова ожил.

— Да, масса, она самая — Рора. Я сейчас объясню. Старый масса Сансон был очень добрый к нам, неграм, и многих научил читать. И Рору тоже. Он научил ее читать, писать и многим-многим вещам, а молодая мисса Жени научила ее музыке. Рора — ученая девушка, очень ученая! Она знает очень много вещей, совсем как белые люди. Играет на пьянине, играет на гитаре. Гитара — она похожа на банджо, и старый Зип тоже умеет на ней играть. Да, он тоже. Ух-х!

— А в остальном Аврора такая же бедная раба, как и все вы, Сципион?

— О нет, масса, она совсем не такая, как все. И живет она совсем не так, как другие негры. Она не делает тяжелой работы и сто́ит куда дороже — целых две тысячи долларов!

— Стоит две тысячи долларов?

— Да, масса, две тысячи, и ни центом меньше!

— Откуда ты знаешь?

— Да ведь многие хотели ее купить. Масса Мариньи хотел купить Рору, и масса Кроза — тоже, и еще американский полковник с того берега, — и все они давали две тысячи. А старый хозяин только смеялся. Он говорил, что не продаст ее ни за какие деньги.

— Это было еще при старом господине?

— Да-да... Но потом был еще один, хозяин речного судна, он хотел сделать Рору служанкой в дамском салоне. Он грубо говорил с ней. Мисса очень сердилась и прогнала его. Масса Тони очень сердился и прогнал его. И капитан очень сердился и ушел. Ха-ха-ха!

— А почему Аврору так дорого ценят?

— О-о! Она очень хорошая девушка, очень-очень хорошая девушка, но... — тут Сципион запнулся, — но...

— Да?

— Мне кажется, масса, что не в этом дело.

— А в чем же?

— Сказать по правде, масса, я думаю, те люди, что хотели ее купить, были плохие люди.

Он выразился очень деликатно, но я понял его намек.

— Если так, Аврора, должно быть, очень красива. Верно, друг Сципион?

— Старый негр ничего не смыслит в этом, масса, но люди говорят — и белые и черные люди, — что она самая красивая квартеронка [1] во всей Луизиане.

— Вот как! Она квартеронка?

— Да, это так, масса, так оно и есть. Она цветная девушка, но вы бы этого не сказали: она такая же белая,

---

[1] Квартерон или квартеронка (от латинского слова «кварта» — четверть) — человек по деду или бабушке негритянского происхождения.

как сама мисса Жени. Мисса тоже говорила это много-много раз, но я вам скажу — между ними очень большая разница: одна — богатая госпожа, другая — бедная невольница, такая же, как старый Зип. Ай-яй, совсем как старый Зип! Купи ее, продай ее — все равно!

— Ты можешь описать мне Аврору, Сципион?

Я задал ему этот вопрос не из простого любопытства: у меня была на то серьезная причина. Мое ночное видение все еще преследовало меня, передо мной стояли загадочные черты этого прелестного лица, не принадлежащего по типу ни к кавказской, ни к индийской, ни к монгольской расе. Быть может... Возможно ли?..

— Ты можешь описать ее, Сципион? — повторил я.

— Описать ее, масса? Вы хотите, чтобы Зип описал ее? Мо... могу.

Я не рассчитывал на очень ясное описание, но думал, что по каким-нибудь отдельным чертам смогу определить, похожа ли эта девушка на мое видение. В моей памяти этот образ запечатлелся так отчетливо, как если бы я и сейчас видел его перед собой. Я сразу пойму, похожа ли Аврора на него.

— Так вот, масса, некоторые люди говорят, что она гордая, но это потому, что они завидуют ей. Это правда, есть такие негры. Но она совсем не гордая со старым Зипом, уж это правда. Она разговаривает с ним, и много рассказывает ему, и учит старого негра читать, старую Хлою — тоже, и малютку Хло, и...

— Я просил тебя описать ее наружность, Сципион.

— О! Описать ее наружность?.. Это значит — на кого она похожа?

— Ну да. Какие у нее волосы, например? Какого цвета?

— Черные, масса, черные, как сапог.

— Они прямые?

— Нет, масса, что вы! Ведь она квартеронка.

— Значит, вьющиеся?

— Не такие, как вот эти, — тут Сципион показал на собственную голову, покрытую крутыми завитками, — а длинные и, люди говорят, похожи на волны.

— Понимаю. Они спадают ей на плечи?

— Вот-вот, масса, на спину и на плечи.
— И пышные?
— Что это значит, масса?
— Густые, пушистые.
— Боже мой! Такие густые, как хвост старого енота!
— Ну, а глаза?

Глаза молодой квартеронки Сципион описал довольно сбивчиво, однако он сделал одно удачное сравнение, которое меня удовлетворило: «Они большие и круглые, а блестят, как у лани». Описание носа никак ему не давалось, но после нескольких наводящих вопросов я выяснил, что нос у нее маленький и прямой. Брови, зубы, цвет лица были описаны им очень правдоподобно, а про щеки он сказал: «Красные, как персик».

Как ни забавно было данное негром описание, мне совсем не хотелось смеяться. Я был слишком заинтересован и слушал каждую подробность с волнением, которое и сам не мог объяснить. Наконец портрет был закончен, и я пришел к выводу, что Сципион описал мое ночное видение. Когда он замолчал, я горел желанием увидеть эту прелестную, бесценную квартеронку.

Вдруг раздался звонок.

— Зипа зовут, масса. Ему звонят из дома. Он сейчас же вернется назад.

С этими словами Сципион вышел от меня и побежал к дому.

Я лежал и думал о странном, можно сказать—романтическом положении, в котором оказался. Еще вчера, даже этой ночью я был бедным странником, не имеющим и доллара за душой, и не знал, под чьим кровом найду себе приют. А сегодня я — гость прекрасной дамы, молодой, богатой, свободной, ее больной гость, уложенный в постель на неопределенное время; за мной ухаживают и обо мне заботятся.

Эти мысли вскоре сменились другими. Их вытеснили воспоминания о моем видении, и я стал сравнивать его с портретом квартеронки, данным Сципионом. Чем больше я думал, тем больше находил в них сходства. Да и как бы я мог так ясно представить себе ее лицо, если

бы никогда его не видел? Это почти невозможно. Я должен был видеть ее. Почему бы и нет? Когда я потерял сознание и меня подобрали, разве она не могла находиться среди окружавших меня людей? Это было весьма возможно и все объясняло. Но точно ли она была там? Надо спросить Сципиона, когда он вернется.

Длинная беседа с ним утомила меня, так как я был еще слаб и истощен. Несмотря на яркое солнце, светившее в мою комнату, я начал дремать, а через несколько минут откинулся на подушку и крепко заснул.

Глава XVIII

КРЕОЛКА И КВАРТЕРОНКА

Я проспал, вероятно, около часа. Затем что-то разбудило меня, но я продолжал лежать неподвижно, еще в полузабытьи, и впечатления внешнего мира с трудом доходили до моего сознания. Это были приятные впечатления. В воздухе был разлит нежный аромат, я слышал слабый шелест шелка, что говорило о присутствии нарядных дам.

— Он просыпается, мадемуазель, — тихо произнес нежный голос.

Я открыл глаза и взглянул на говорившую. Первую минуту мне казалось, что сон мой продолжается. Передо мной стояло мое ночное видение: прелестное лицо, черные волнистые волосы, блестящие глаза, изогнутые брови, нежный, красиво очерченный рот, яркий румянец — я снова увидел ее!

«Это сон? Нет, она дышит, она шевелится, она говорит!»

— Видите, мадемуазель, он смотрит на нас! Он проснулся!

«Так это не сон, не видение! Это она — Аврора!»

Я, видимо, еще не совсем пришел в себя и спросонок разговаривал вслух. Но только последние слова я произнес так громко, что их можно было расслышать. Вслед за ними раздалось восклицание, которое оконча-

тельно разбудило меня. Тут я увидел две женские фигуры, стоявшие у моей постели. Они с удивлением смотрели друг на друга. Одна была Эжени, другая, без сомнения, Аврора.

— Он зовет тебя! — с удивлением сказала госпожа.

— Он зовет меня! — с таким же удивлением повторила невольница.

— Но откуда он знает твое имя?

— Не могу сказать, мадемуазель.

— Ты уже была здесь раньше?

— Нет, только сейчас...

— Очень странно! — сказала Эжени, поворачиваясь и вопросительно глядя на меня.

Теперь я совсем проснулся и понял, что невольно говорил вслух. Мне надо было объяснить, как я узнал имя квартеронки, но при всем желании я не знал, что сказать. Признаться о чем я думал, когда эта фраза сорвалась с моих губ, — значило поставить себя в очень глупое положение; ничего не говорить — значило позволить мадемуазель Безансон строить всевозможные догадки. Надо было что-то выдумать, без маленькой хитрости никак не обойтись.

Надеясь, что мадемуазель Безансон заговорит первая и подскажет мне какой-нибудь ответ, я пролежал несколько минут, не разжимая рта. Я сделал вид, что рука беспокоит меня, и повернулся на постели. Но она как будто не заметила моего движения и, все так же удивленно глядя на меня, повторила:

— Как странно, что он знает твое имя!

Мои неосторожные слова произвели на нее сильное впечатление. Я не мог дольше молчать и, снова повернувшись к ней, сделал вид, что только теперь заметил ее. Я выразил радость, что ее вижу, и поблагодарил за гостеприимство.

Расспросив меня о моем здоровье, она сказала:

— Но откуда вы знаете имя Авроры?

— Авроры? — ответил я. — Вам кажется странным, что я знаю ее имя? Сципион так мастерски нарисовал мне ее портрет, что я узнал ее с первого взгляда. Вот она!

Я открыл глаза... Передо мной стояло мое ночное видение.

И я указал на квартеронку, которая немножко отступила назад и стояла молча, с удивлением глядя на меня.

— Вот как! Сципион говорил вам о ней?

— Да, сударыня. У нас с ним был сегодня очень длинный разговор. Он много рассказывал мне о жизни на плантации. Я уже познакомился и со старой Хлоей, и с малюткой Хло, и со многими вашими людьми. Ведь я новичок в Луизиане, и все это меня живо интересует.

— Я рада, что вы так хорошо себя чувствуете, мсье, — ответила Эжени, как будто удовлетворенная моим объяснением. — Доктор уверяет, что вы скоро совсем поправитесь. Благородный чужестранец! Я слышала, где вы получили вашу рану. Это из-за меня! Вы меня защищали! Ах, как мне отблагодарить вас? Чем отплатить за спасение моей жизни?

— Вам не за что благодарить меня, сударыня. Я только выполнил свой долг. Спасая вас, я не подвергался большой опасности.

— Не подвергались опасности, сударь? Вы дважды рисковали жизнью! Вам угрожал нож убийцы и смерть на дне реки. Но уверяю вас, моя благодарность не уступит вашему великодушию. Так велит мне сердце! Увы, мое бедное сердце полно благодарности и печали.

— Да, сударыня, я понимаю, — вы горюете о потере верного слуги.

— Нет, сударь, не слуги, а друга. Скажите лучше — верного друга! После смерти отца он стал мне вторым отцом. Все мои заботы были его заботами, все мои дела находились в его руках. Я не знала никаких тревог. А теперь — увы! — я не ведаю, что меня ждет.

Но тут голос ее изменился, и она взволнованно спросила:

— Вы говорили, что в последнюю минуту видели, как он боролся с ранившим вас негодяем?

— Да, и больше я не видел ни того, ни другого.

— Значит, нет никакой надежды! Через несколько минут пароход затонул. Ах! Бедный Антуан! Бедный Антуан!

Она горько заплакала; я и раньше заметил на лице ее следы слез. Я ничем не мог утешить ее. Да я и не пытался. Ей было лучше выплакаться. Только слезы могли принести ей облегчение.

— И кучер Пьер, один из моих самых преданных слуг, тоже погиб. Я очень жалею и его. Но Антуан был другом моего отца и моим другом. Ах, какое горе, какое горе! Одна, без друзей. А мне скоро будут так нужны друзья! Бедный Антуан!

Она плакала, говоря это. Аврора была тоже вся в слезах. И я, глядя на них, не мог удержаться, и, как бывало в детские годы, слезы закапали у меня из глаз.

Наконец Эжени прервала эту грустную сцену. Справившись со своим горем, она подошла ко мне и сказала:

— Мсье, боюсь, что теперь я буду очень невеселой хозяйкой. Мне нелегко забыть моего друга, но я уверена, что вы мне простите, если я иногда поддамся своей печали. А пока до свидания. Я скоро опять навещу вас и послежу, чтобы за вами был хороший уход. В этом домике вы будете вдали от шума, и ничто вас не потревожит. Конечно, это нехорошо, что я сегодня ворвалась к вам. Доктор не велел вас беспокоить, но я... я не могла больше ждать... Я должна была увидеть моего спасителя и высказать ему свою благодарность. Прощайте, прощайте!.. Идем, Аврора!

* * * * * * * *

Я остался один и задумался об этом посещении. Я чувствовал искреннюю дружбу к Эжени Безансон, даже больше, чем дружбу, — горячую симпатию, и я не мог отделаться от ощущения, что ей грозит какая-то беда и что над этой юной головкой, вчера еще такой беззаботной и веселой, сегодня собирается грозная туча.

Да, я чувствовал к ней расположение, дружбу, симпатию, но больше ничего. Почему я не полюбил ее, такую молодую, красивую, богатую? Почему?

Потому что я полюбил другую. Я полюбил Аврору!

Глава XIX

ЛУИЗИАНСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Кому могут быть интересны подробности жизни больного, прикованного к своей постели? Никому, разве что самому больному. Моя жизнь была очень однообразна и наполнена всякими мелочами, ее скучное течение оживляло лишь появление любимой девушки. В эти минуты мое уныние сразу проходило, а постылая комната казалась мне раем.

Увы! Эти посещения длились всего несколько минут, а промежутки между ними тянулись часами. Эти долгие часы казались мне сутками... Дважды в день навещала меня моя прелестная хозяйка со своей служанкой. Но ни та, ни другая никогда не приходила одна.

Это очень стесняло меня, а порой приводило в отчаяние. Я разговаривал с креолкой, тогда как все мысли мои были заняты квартеронкой, с которой я мог лишь обмениваться взглядами. По здешним обычаям, мне не полагалось разговаривать с невольницей, однако все условности мира не могли помешать мне вести с ней безмолвный, но выразительный разговор.

Но и тут мне приходилось все время сдерживать себя. Я мог лишь украдкой бросать на нее восхищенные взгляды, так как боялся себя выдать. Во-первых, я опасался, что квартеронка неправильно истолкует их и не ответит на мою любовь. Во-вторых, что креолка слишком хорошо поймет меня и это вызовет ее гнев и возмущение. Я совершенно не думал, что могу возбудить ее ревность, это мне и в голову не приходило. Эжени была серьезна, приветлива и дружелюбна со мной, но в ее спокойном поведении и сдержанном голосе не было никаких признаков любви. Трагическое происшествие и тяжелая утрата, повидимому, резко изменили ее характер. Она как будто совсем потеряла свою беззаботность и жизнерадостность. Из веселой девушки она сразу превратилась в серьезную женщину. Она была все так же красива, но я смотрел на нее, как на прекрасную статую. Ее красота ничего не говорила моему сердцу, занятому более редкой и своеобразной красотой. Креол-

ка не любила меня, и, как ни странно, эта мысль не задевала моего самолюбия, а, наоборот, радовала меня.

Совсем другое дело, когда я думал о квартеронке! Любит ли она меня? Вот вопрос, на который я мучительно жаждал ответа. Она всегда сопровождала свою хозяйку, когда та навещала меня, но я не обменялся с ней ни единым словом, хотя сердце мое стремилось поведать ей свою тайну. Я даже боялся, что мои страстные взгляды выдадут меня. Если б мадемуазель Эжени узнала о моей любви, она была бы возмущена. Как! Влюбиться в невольницу! В ее невольницу!

Я понимал ее чувства — ведь она жила в стране, где черная кожа делала человека отверженным. Но что мне до этого? Что мне за дело до обычаев и предрассудков, которые я всегда презирал в душе? Тем более теперь. Ведь любовь всех равняет! Перед лицом Любви знатность теряет свое пустое обаяние, а громкие титулы становятся лишь пошлыми кличками. Одна только Красота достойна поклонения.

Что до меня, то я не побоялся бы сказать о своей любви всему свету; его презрение ничуть не трогало меня. Меня останавливало другое: учтивость, которой я должен был отплатить за гостеприимство и дружбу, и менее благородное, но очень разумное желание соблюдать осторожность. Я оказался в чрезвычайно сложном положении и прекрасно это понимал. Я знал, что, даже если квартеронка разделяет мое чувство, его нужно хранить в глубокой тайне. Если бы мне предстояло ухаживать за знатной молодой девушкой, наследницей громадного состояния, которая находится под неусыпным надзором строгой наставницы или целой армии сторожей, для меня было бы детской игрой справиться с окружающими ее препятствиями. Писать сонеты и карабкаться на стены — пустая забава по сравнению с борьбой против страстей и предрассудков целого народа.

Передо мной стояла очень трудная задача. Путь моей любви, повидимому, будет тернистым путем.

* * * * * * * *

Несмотря на однообразие жизни в четырех стенах, дни моего выздоровления прошли для меня довольно приятно. Меня окружали всеми удобствами, всем, что могло доставить мне удовольствие. Мороженое, прохладительные напитки, прекрасные цветы, редкие фрукты — я ни в чем не знал недостатка. Что касается моих трапез, то благодаря кулинарному искусству подруги Сципиона Хлои я познакомился с такими изысканными креольскими блюдами, как «гумбо» — отварная рыба с пряностями, жареные лягушки, горячие вафли, тушеные помидоры, а также со многими другими деликатесами луизианской кухни. Я даже не отказался съесть кусочек жареного опоссума, изготовленного собственными руками Сципиона, и однажды рискнул попробовать ломтик енота, но это было всего один раз, и то я почувствовал, что и одного раза более чем достаточно.

Сципион же без всяких колебаний поглощал этих своеобразных представителей лисьей породы и мог уничтожить добрую половину такого зверя за один присест.

Постепенно я познакомился с нравами и обычаями жителей луизианских плантаций. Старый Зип был моим наставником и постоянным собеседником. Когда мне надоедало болтать с ним, к моим услугам были книги, стоявшие на полках в моей комнате, главным образом французские. Среди них я нашел почти все, что было написано о Луизиане; повидимому, составитель этой небольшой библиотеки был человеком весьма сведущим. Там же я нашел и прелестный роман Шатобриана [1], а также историю дю Пратца [2]. Прочитав роман, я убедился что в нем не хватает той правдивости, которая составляет, по-моему, главную прелесть всякого художественного произведения и которой не может достигнуть автор, пытающийся изобразить события и нравы, известные ему только понаслышке.

---

[1] Имеется в виду роман французского писателя Ф. Г. Шатобриана (1768—1848) «Атала» (1801). Действие его происходит в девственных лесах Америки.

[2] Дю Пратц Ле Даж (умер в 1775 году) — французский путешественник по Америке, автор «Истории Луизианы» (1758).

Что касается историка, то его книга была полна наивных преувеличений, характерных для писателей того времени. Это можно сказать решительно обо всех старых авторах, писавших об Америке, будь то англичане, испанцы или французы, — они описывали двухголовых змей, крокодилов длиной в двадцать ярдов или удавов такой величины, что они заглатывали всадника вместе с лошадью. Трудно понять, как эти авторы, рассказывая подобные небылицы, пользовались доверием читателей. Однако не следует забывать, что естественные науки находились тогда еще в младенческом состоянии, и никто не мог проверить эти «рассказы очевидцев».

Больше всего заинтересовали меня приключения и печальная судьба Ла Салля, и я очень удивлялся, что американские писатели не постарались осветить жизнь этого доблестного рыцаря, а также один из самых ярких эпизодов в истории своей страны, такой же интересной, как и ее природа.

«Ах, до чего же тут красиво!» — воскликнул я, когда в первый раз сел у окна и окинул взглядом открывшийся передо мной пейзаж.

Окно в моей комнате, как и все окна в креольских домах, доходило до самого пола. Когда я уселся в низком кресле перед распахнутым окном и откинул тонкие занавески, передо мной открылся широкий вид на равнину.

Это была великолепная картина! Ее яркие краски показались бы неправдоподобными, если бы их воспроизвел живописец. Мое окно выходило на запад, и величественная река катила передо мной свои желтые воды, сверкавшие на солнце, как чистое золото. На том берегу реки тянулись обработанные поля, на которых плавно качались высокие стебли сахарного тростника, резко выделяясь на фоне более темной зелени табачных плантаций. На этом берегу, недалеко от меня, стоял красивый дом, похожий на итальянскую виллу, с зелеными жалюзи и широкими верандами. Он был окружен апельсиновыми и лимонными деревьями, и их желтовато-зеленая листва весело блестела на солнце. Вокруг не видно было гор — их нет в Луизиане, но высокая темная

стена кипарисов, окаймлявшая западный край равнины, напоминала далекую горную цепь.

Я находился в очень живописном уголке — в обнесенном оградой парке поместья Безансонов. Здесь я мог рассмотреть ближайшие растения и определить породу деревьев и кустарников, окаймлявших аллеи. Я видел магнолию с большими белыми, словно восковыми цветами, напоминающую огромную гвианскую «нимфу». Некоторые из ее цветов уже осыпались, и на их месте виднелись красные, как кораллы, шишки с семенами — пожалуй, не менее красивые, чем цветы.

Рядом с магнолией, королевой западных лесов, соперничая с ней красотой и благоуханием и не уступая ей в славе, росло другое иноземное дерево, привезенное сюда с Востока и давно прижившееся в этой стране. Его широкие перистые листья с двойной окраской — темного и светлозеленого цвета, его сиреневые цветы, висящие длинными кистями на концах ветвей, его желтые, похожие на вишни плоды, кое-где уже заменившие цветы и даже созревшие, — все ясно говорило о том, что это за дерево. Оно принадлежало к породе «медоносных деревьев» и называлось «индийская сирень», или «гордость Китая». Названия, данные этому прекрасному дереву в разных странах, свидетельствуют о том, как высоко его ценят. «Дерево превосходства» — поэтично назвали его в Персии, на его родине; «райское дерево» — говорили в Испании, куда оно было привезено. Таковы многообразные названия этого дерева.

Я видел здесь еще много деревьев, и местных и иноземных. Раньше других я заметил катальпу с серебристой корой и трубчатыми цветами, маклюру с блестящими темными листьями, красное тутовое дерево с густой, тенистой листвой и длинными малиновыми плодами, похожими на шипы. Из экзотических деревьев я видел апельсины, лимоны, вест-индские и флоридские гуавы с листьями, похожими на листья самшита; тамариск, густо покрытый мелкими листиками и усеянный пышными метелками бледнорозовых цветов; гранаты, считающиеся символом демократии, «королеву,

которая носит свою корону на груди», и знаменитое фиговое дерево, не имеющее цветов; здесь оно не нуждалось в подпорках и гордо поднималось вверх, достигая тридцати футов высоты.

Нельзя считать иноземными и такие растения, как юкка с пучками острых, торчащих во все стороны листьев, или разнообразные кактусы, ибо они не чужды луизианской земле и встречаются среди растительного мира соседних областей.

Пейзаж, который я наблюдаю из окна, оживляет присутствие людей. Поверх кустарника выступают белые ворота парка, а за ними видна дорога, идущая вдоль берега. Хотя деревья местами скрывают ее от меня, я все же вижу в просветы, как по ней идет и едет народ. Креолы обычно носят голубые костюмы; на них соломенные шляпы, так называемые «пальметто», или более дорогие панамы с широкими полями, защищающими их от солнца. Время от времени скачет верхом негр; голова у него повязана чем-то вроде чалмы, ибо мадрасский клетчатый головной убор очень похож на турецкий, но куда легче и красивее. Иногда проезжает открытый экипаж, и я мельком вижу молодых дам в легких кисейных платьях. Я слышу их звонкий смех и знаю, что они едут на какой-нибудь веселый праздник. Мимо проходят и рабы с дальних сахарных плантаций, они часто поют хором; по реке иногда с шумом проплывет пароход, а чаще тихо скользит плоскодонная баржа или плот, на котором видны плотогоны в красных рубашках...

Все это проходит у меня перед глазами, доказывая, что жизнь здесь бьет ключом.

Еще ближе, перед моим окном, летает множество птиц. Пересмешник свистит на вершине высокой магнолии, а его родная сестра — красногрудка, опьяненная плодами мелии, — отвечает ему нежной песней. Иволга прыгает с ветки на ветку среди апельсинов, а красный кардинал, расправив свои пунцовые крылья, порхает среди зарослей кустарника. Иногда промелькнет маленькая «рубиновая шейка», или колибри, блеснув в воздухе, как драгоценный камень. Она чаще всего кру-

жит над красными, не имеющими запаха цветами американского каштана или над крупными трубчатыми цветами бигнонии.

* * * * * * * *

Такой вид открывался из окна моей комнаты. Мне казалось, что я никогда не видел более красивого пейзажа. Правда, я не был беспристрастным наблюдателем. Любовь туманила мне глаза, и, вероятно, все представлялось мне в розовом свете. Я не мог смотреть вокруг, не думая о прекрасной девушке, и не хватало только ее присутствия, чтобы все окружающее показалось мне верхом совершенства.

Глава XX

МОЙ ДНЕВНИК

Чтобы внести некоторое разнообразие в свою монотонную жизнь, я начал вести дневник. Дневник больного, не выходящего из своей комнаты, конечно, не богат событиями. В моем было больше размышлений, чем фактов. Я привожу несколько выдержек из него не ради их особого интереса, а потому, что, написанные в ту пору, они правдиво передают мои мысли и кое-какие мелкие происшествия, случившиеся за время моей жизни в поместье Безансонов.

* * * * * * * *

12 июля. Сегодня я могу сидеть и даже немного писать. Стоит сильная жара. Она была бы невыносима, если бы не легкий ветерок, освежающий мою комнату и наполняющий ее ароматом цветов. Этот ветерок дует с Мексиканского залива и пролетает над озерами Борнь, Поншартрен и Морена. Я нахожусь в сотне миль от залива, вверх по течению реки, но эти большие внутренние моря соединяются с дельтой Миссисипи, и во время прилива море катит свои волны почти до Нового

Орлеана и даже еще дальше к северу. От Бринджерса можно быстро добраться до морской воды, если идти прямо через болота.

Морской ветер — большое благодеяние для населения Нижней Луизианы. Если бы не его освежающее дыхание, жить в Новом Орлеане летом было бы почти невозможно.

* * * * * * * *

Сципион сказал мне, что на плантацию прибыл новый надсмотрщик. Очевидно, его прислал «масса Доминик», так как он явился с письмом от Гайара. Это весьма вероятно.

Новоприбывший произвел не очень приятное впечатление на Сципиона. По его словам, он из «белой голи», да притом еще янки. Я заметил, что негры часто относятся с неприязнью к «белой голи», как они называют людей, не имеющих ни земель, ни рабов. Самая кличка уже выражает пренебрежение, и когда негр называет так белого, тот считает это достаточным основанием для того, чтобы немедленно пустить в ход ременную плеть или «отполировать ему шкуру» палкой.

Среди рабов распространено убеждение, будто самые жестокие надсмотрщики — это уроженцы Новой Англии, или янки, как их называют на Юге. Это прозвище, которым иностранцы презрительно именуют всякого американца, в Соединенных Штатах имеет более узкое значение, и когда его употребляют как обидную кличку, оно обозначает только уроженцев Новой Англии. Обычно же ему придается шутливо-патриотический оттенок, и в этом смысле каждый американец с гордостью называет себя янки. Но у южных негров «янки» — бранное слово; в их представлении это человек без денег, низкий и злой. Для них это прозвище означает грубую брань, побои и всякие издевательства. Странно сказать, но для них слово «янки» — символ хлыста, колодок и бесчеловечного обращения. Это тем более удивительно, что штаты Новой Англии — колыбель пуританизма, где исповедуется самая суровая религия и строгая мораль.

Но странным это кажется только на первый взгляд. Один южанин так объяснил мне это явление: «Как раз в тех странах, где распространены пуританские взгляды, больше всего процветают всевозможные пороки. Поселения Новой Англии — оплот пуританизма — поставляют наибольшее число мошенников, шарлатанов и пройдох, позорящих имя американца, и это неудивительно: таково неизбежное следствие религиозного ханжества. Истинную веру подменяют чисто внешним благочестием и формальным соблюдением обрядностей, и люди забывают о долге перед своим ближним; сознание долга отходит на второй план, и им пренебрегают».

Такое объяснение показалось мне убедительным.

* * * * * * * *

14 июля. Сегодня мадемуазель Эжени два раза заходила ко мне; ее, как всегда, сопровождала Аврора.

Наши беседы нельзя назвать непринужденными, они всегда как-то натянуты и длятся очень недолго. Эжени попрежнему грустна, в каждом ее слове слышится печаль. Сначала я думал, что она горюет по Антуану, но пора бы уж ей примириться с этой утратой. Мне кажется, дело не в этом. Ее гнетет еще какая-то забота. А я принужден постоянно себя сдерживать. Присутствие Авроры смущает меня, и я с трудом веду обычный незначительный разговор. Аврора не принимает в нем участия, она стоит возле двери или позади своей госпожи, почтительно слушая. Когда я пристально смотрю на нее, ее длинные ресницы тотчас опускаются и не дают мне заглянуть ей в душу. О, как мне высказать ей свое чувство?

* * * * * * * *

15 июля. Сципиону недаром не понравился надсмотрщик. Первое впечатление его не обмануло. По двум-трем мелким фактам, которые мне рассказали, я убедился, что этот человек — плохая замена доброму Антуану.

Кстати, о бедном Антуане: пронесся слух, будто его тело было выброшено на берег вместе с пловучим ле-

сом ниже нашей плантации, но оказалось, что это ошибка. Там действительно нашли тело, но не управляющего, а какого-то бедняги, которого постигла такая же участь. Интересно знать, утонул ли негодяй, ранивший меня.

В Бринджерсе нашли приют еще много пострадавших. Некоторые умерли от ран и ожогов, полученных на пароходе. Самая мучительная смерть — от ожогов паром. Иные думали, что отделались пустяком, а теперь они доживают последние дни. Доктор рассказал мне много страшных подробностей.

Один из кочегаров был ужасно изуродован: ему оторвало нос. Он понимал, что дни его сочтены, однако потребовал, чтобы ему дали зеркало. Когда его желание исполнили, он взглянул на себя, разразился дьявольским смехом и воскликнул: «Ах, будь ты проклят! Ну и безобразный же выйдет из меня покойник!»

Такая бесшабашность характерна для здешнего речного люда. Еще не перевелись потомки Майка Финка [1], много представителей этого дикого племени и до сих пор еще бороздят воды широких западных рек.

* * * * * * * *

20 июля. Сегодня мне гораздо лучше. Доктор обещает, что через неделю я уже смогу выходить из комнаты. Это меня очень радует, хотя неделя кажется долгим сроком для того, кто не привык сидеть взаперти. Однако книги помогут мне скоротать время. Честь и слава людям, писавшим книги!

* * * * * * * *

21 июля. Сципион не изменил своего мнения о новом надсмотрщике. Его зовут Ларкин. Негр говорит, что его прекрасно знают в Бринджерсе и называют «Билл-бандит» — прозвище, по которому можно судить о его

---

[1] Майк Финк (1770—1822) — герой многочисленных легендарных рассказов. Был лодочником на реках Огайо и Миссисипи; славился как непобедимый драчун, меткий стрелок, хвастун и повеса.

характере. Многие невольники, работающие в поле, жаловались Сципиону на его жестокость и говорили, что он становится хуже с каждым днем. Он никогда не расстается с ременной плетью и уже раза два пускал ее в ход самым зверским образом.

Сегодня воскресенье, и, судя по шуму в негритянском поселке, там веселятся вовсю. Я вижу, как разодетые в пестрые платья негры гуляют по дороге вдоль реки. Мужчины — в белых касторовых шляпах, длиннополых синих сюртуках и белых рубашках с огромными жабо, а женщины — в цветастых ситцевых платьях, а иногда даже в пестрых шелках, словно они собрались на бал. У многих в руках шелковые зонтики, конечно, самых ярких оттенков. Глядя на них, можно подумать, что жизнь этих рабов не так уж тяжела; однако стоит посмотреть на ременную плеть мистера Ларкина, как это впечатление сразу исчезает.

* * * * * * * *

24 июля. Сегодня мне особенно бросилась в глаза тайная печаль, которая омрачает лицо Эжени. Теперь я убежден, что ее грусть вызвана не смертью Антуана. Еще какая-то другая забота удручает ее. Нынче она снова бросила на меня такой же загадочный взгляд, какой я заметил в день нашей первой встречи. Но он был так мимолетен, что я не понял его значения, тем более что и глаза мои и сердце были заняты другой.

Аврора смотрит на меня уже не так робко и, кажется, с интересом прислушивается к моим словам, хотя они обращены не к ней. Так ли это? Если бы я мог с ней поговорить, это немножко успокоило бы мое сердце, которому все труднее переносить это вынужденное молчание.

* * * * * * * *

25 июля. Несколько негров из поселка вчера проштрафились. Они получили разрешение побывать в городе и вернулись очень поздно. Билл-бандит все утро

жестоко порол их всех подряд, и они ушли от него, обливаясь кровью. Для надсмотрщика-новичка он проявляет уж слишком большую прыть, но Сципион где-то слышал, что такая работа ему не внове. Их госпожа, конечно, ничего не знает об этой дикой расправе.

* * * * * * * *

26 июля. Доктор обещает выпустить меня из дому через три дня. Я все больше уважаю этого человека, особенно с тех пор, как узнал, что и он недолюбливает Гайара. Он даже его и не лечит. В поселке есть другой доктор, который лечит Гайара и его рабов, а также негров с плантации Безансонов. Но он был в отлучке, поэтому ко мне позвали Рейгарта. В силу врачебной этики, а также по моей просьбе меня не передали другому врачу, и Рейгарт продолжает лечить меня. Я видел его коллегу, он как-то заходил ко мне с доктором Рейгартом и показался мне достойным другом Гайара.

Рейгарт не так давно приехал в Бринджерс и быстро завоевал уважение местных плантаторов. Правда, многие из них, особенно наиболее крупные, держат собственных медиков и платят им большие деньги. Им невыгодно пренебрегать здоровьем своих рабов, и поэтому здесь часто лечат их лучше, чем лечат «белую голь» во многих европейских странах.

Я попытался выведать у доктора что-нибудь об отношениях между Гайаром и Безансонами. Разумеется, я мог касаться этой темы только намеками и узнал очень немного. Доктор по характеру замкнутый человек, к тому же излишняя болтливость не вяжется с его профессией и могла бы повредить ему в глазах здешних жителей. Он либо очень мало знает об этих делах, либо делает вид, что мало знает; однако по некоторым его словам я заключил, что последнее вернее.

— Бедная молодая леди, — сказал он, — совсем одна на свете! У нее, кажется, есть тетка или какая-то родственница в Новом Орлеане, но нет мужчины, который занялся бы ее делами. Повидимому, все в руках у Гайара.

Я узнал от доктора, что отец Эжени считался прежде одним из самых крупных плантаторов на побережье, что он был известным хлебосолом и дом его был открыт для всех. В поместье балы и празднества постоянно сменяли друг друга, особенно в последние годы. Это расточительство продолжалось и после его смерти, и Эжени Безансон попрежнему принимает гостей своего отца с отцовской щедростью. У нее очень много поклонников, но доктор не слышал, чтобы она кому-нибудь из них оказывала предпочтение. Гайар был близким другом Безансона. Почему — никто не мог сказать. Трудно было найти людей, столь противоположных по своему характеру. Некоторые считали, что их дружба похожа на отношения кредитора с должником.

Сведения, полученные мною от доктора, подтверждают рассказы Сципиона. Они также подтверждают мои догадки, что над головой молодой креолки собираются тучи, такие темные, какие никогда не омрачали ее юность, пострашнее даже, чем гибель Антуана.

* * * * * * * *

28 июля. Сегодня у нас был Гайар, я хочу сказать — в большом доме. Впрочем, он бывает у мадемуазель Эжени почти каждый день; но сегодня Сципион рассказал мне нечто новое и очень странное. Несколько рабов, избитых новым надсмотрщиком, пожаловались своей госпоже, а она заговорила об этом с Гайаром. Он же ответил ей, что «эти негодяи получили по заслугам, да еще не все сполна», а затем решительно поддержал негодяя Ларкина, которому явно покровительствует. Эжени молча выслушала его.

Сципион узнал это от Авроры. Его рассказ очень знаменателен.

Бедный Сципион поделился со мной еще своей личной бедой. Он заметил, что надсмотрщик заглядывается на его малютку Хло. Каков негодяй! Неужели это правда? У меня кровь кипит от негодования! О рабство!

* * * * * * * *

2 августа. Я снова услышал кое-что о Гайаре. Он был в большом доме и сидел у мадемуазель Эжени гораздо дольше, чем всегда. О чем они могли говорить? Неужели ей приятно его общество? Нет, быть не может! Зачем же эти частые посещения, эти долгие беседы? Если она выйдет замуж за этого человека, мне очень жаль ее. Бедная жертва — ибо она, конечно, станет его жертвой. Видно, у него какая-то власть над ней, если он смеет так себя вести. Он держится на плантации, как хозяин, говорит Сципион, и приказывает всем, словно господин. Все боятся его и «погонялу», как называют негры негодяя Ларкина. Больше всех боится его Сципион, который видел, как тот опять приставал к маленькой Хлое. Бедняга! Он просто в отчаянии. И вполне понятно, если даже закон лишает его права защитить честь собственной дочери. Я обещал ему поговорить с мадемуазель Эжени, но, судя по рассказам, боюсь, что она так же бессильна, как и сам Сципион.

* * * * * * * *

3 августа. Сегодня я первый раз вышел из комнаты. Прошелся по плодовому саду и среди цветников. Под апельсиновыми деревьями я встретил Аврору, собиравшую золотистые плоды; но с ней была маленькая Хлоя, державшая корзинку. Чего бы я не дал, чтобы встретить Аврору одну! Увы, я мог только обменяться с ней несколькими словами, а затем она ушла.

Аврора поздравила меня с тем, что я уже могу выходить, и как будто обрадовалась, увидев меня, — так мне показалось. Она была прелестна, как никогда. Срывая апельсины, она разгорячилась, яркий румянец играл на ее щеках, и темные глаза сияли, как сапфиры. Ее грудь вздымалась и опускалась, а легкое платье не скрывало благородных линий ее фигуры.

Я был очарован изяществом ее походки, когда она удалялась от меня. На ходу ее стан грациозно покачивался, что объяснялось характерной для женщин ее племени склонностью к полноте. Она очень женственна и прекрасно сложена. У нее маленькие, изящные руки, а

легкие ножки, кажется, едва касаются земли. Восхищенный, я долго смотрел ей вслед. И когда я вернулся в свою одинокую комнату, любовь моя разгорелась еще сильнее.

Глава XXI

ПЕРЕЕЗД В ГОСТИНИЦУ

Я думал о моем кратком свидании с Авророй, с радостью вспоминал несколько сказанных ею ласковых слов и был счастлив, предвкушая, что теперь, когда я могу выходить в сад, наши встречи участятся, как вдруг в разгар моих сладких мечтаний в дверях моей комнаты, загораживая свет, выросла чья-то темная фигура.

Я поднял глаза и увидел ненавистное лицо Доминика Гайара.

Это было его второе посещение с того дня, как я попал на плантацию. Что ему надо от меня?

Я недолго ждал разгадки, так как мой посетитель, не извинившись за свое внезапное вторжение, приступил прямо к делу.

— Сударь, — сказал он, — я отдал распоряжение о вашем переезде в гостиницу в Бринджерсе.

— Вот как? — ответил я с возмущением, таким же резким тоном, как и он. — А кто, позвольте вас спросить, поручил вам эту заботу?

— А... а... — пробормотал он, слегка смущенный моим суровым приемом. — Простите, сударь, быть может, вы не знаете, что я доверенное лицо, друг и опекун мадемуазель Безансон и... и...

— Значит, мадемуазель Безансон желает, чтобы я переехал в Бринджерс?

— Гм... По правде сказать, это не совсем ее желание, но, видите ли, дорогой сэр, дело очень деликатное. Если вы останетесь здесь теперь, когда вы уже почти поправились, — с чем я вас, конечно, поздравляю, — вы... вы...

— Продолжайте, сэр!

Аврора собирала золотистые ягоды.

— Ваше пребывание здесь при данных обстоятельствах дало бы, вы сами понимаете, сэр... дало бы повод для разных толков среди соседей. Оно могло бы показаться неприличным...

— Постойте, господин Гайар! Я уже вышел из возраста, чтобы слушать ваши наставления.

— Простите, сэр. Я не хотел вас учить, но я... Поймите меня, я, как опекун молодой девушки...

— Довольно, сэр! Я вас прекрасно понял. Ради своих личных целей, каковы бы они ни были, вы хотите, чтобы я поскорее покинул плантацию. Ваше желание будет исполнено. Я уеду отсюда, хотя и не затем, чтобы вам угодить. Уеду сегодня же вечером.

Поняв скрытое значение моих слов, он вздрогнул, как от электрического тока. Лицо его побледнело, а брови нахмурились. Я коснулся тайных струн его души, и это было ему явно неприятно. Однако старый пройдоха тут же овладел собой и, словно не заметив моих намеков, сказал с лицемерным огорчением:

— Сэр, я очень сожалею, но это необходимо. Вы понимаете, мнение общества... суетного, назойливого общества...

— Избавьте меня от нравоучений, сэр! Вы добились своего, и в вашем обществе здесь больше не нуждаются.

— Гм... — пробормотал он. — Мне очень жаль, что вы так отнеслись к моим словам, очень жаль... — И, сказав еще несколько бессвязных слов, он удалился.

Я подошел к двери, чтобы взглянуть, куда он пойдет от меня. Он направился прямо к дому. Я видел, как он в него вошел.

Это посещение застало меня врасплох, хотя и не было для меня полной неожиданностью. После слышанного мною разговора Гайара с доктором все это можно было предвидеть. Однако я не думал, что мне придется так скоро покинуть плантацию. Я собирался прожить здесь еще неделю-другую и переехать в гостиницу, когда окончательно поправлюсь.

Я был огорчен по многим причинам. Меня возмущало, что этот негодяй пользуется здесь такой властью,

ибо я был уверен, что мадемуазель Безансон не причастна к моему изгнанию. Наоборот, она была у меня всего несколько часов назад и ни словом не обмолвилась о моем отъезде. Быть может, она знала о нем, но не хотела со мной говорить? Нет, вряд ли. Я не заметил никакой перемены в ее обращении. Она была так же приветлива, так же беспокоилась о моем здоровье, так же заботилась о моих удобствах, пище, обо всех мелочах моей жизни, как и всегда. Она, конечно, не предвидела той внезапной перемены, о которой говорил Гайар. Подумав, я пришел к убеждению, что он даже не посоветовался с ней. Какова же власть этого человека, если он может заставить ее нарушить законы гостеприимства! Мне было больно думать, что это прелестное создание находится во власти такого негодяя.

Но другая мысль была для меня еще мучительней — мысль о разлуке с Авророй. Конечно, мне и в голову не приходило, что я расстаюсь с ней навсегда. Нет! Иначе я не уступил бы так легко. Гайару пришлось бы силой выгнать меня из дому. Разумеется, я не думал, что переезд в гостиницу лишит меня возможности бывать на плантации сколько мне захочется. Если бы не эта уверенность, я был бы действительно глубоко огорчен.

В сущности, переезд мало изменит мое положение. Навещая их как знакомый, я буду чувствовать себя более независимо, чем когда жил у них в доме. Быть может, мне станет даже легче встречаться с той, кого я люблю. Я могу приезжать сюда так часто, как мне вздумается. У меня останутся те же возможности увидеть ее. Я жаждал только одного — свидания наедине с Авророй, а затем — либо блаженство, либо разбитые надежды!

Однако в ту минуту меня тревожили и другие заботы. На что я буду жить в гостинице? Поверит ли хозяин мне на слово и захочет ли ждать, пока я получу деньги из дому? Платье у меня было, хоть я и получил его таинственным путем. Однажды, проснувшись утром, я нашел его у своей постели. Я не стал расспрашивать, откуда оно, предпочитая поговорить об этом позже. Но

как мне быть с деньгами, откуда их достать? Неужели попросить в долг у мадемуазель Безансон? Или занять у Гайара? Трудное положение!

Но тут я вспомнил о докторе Рейгарте. Я представил себе его спокойное, приветливое лицо.

«Вот выход! — подумал я. — Он мне поможет!» Казалось, мои мысли передались ему, так как в ту же минуту вошел мой милый доктор, и я поведал ему все свои затруднения.

Я не ошибся в нем. Он тотчас положил на стол свой кошелек, предложив взять из него столько денег, сколько мне нужно.

— Меня очень удивляет желание Гайара поскорее удалить вас отсюда, — сказал он. — Тут кроется не только беспокойство о репутации молодой девушки. Нет, что-то другое. Но что?

Доктор говорил, словно обращаясь к самому себе и ища ответа в собственных мыслях.

— Я очень мало знаю мадемуазель Безансон, — продолжал он, — иначе я счел бы своим долгом докопаться, в чем тут дело. Но Гайар — ее опекун, и если он настаивает, чтобы вы уехали, то, пожалуй, вам следует исполнить его желание. Она, кажется, не вправе даже распоряжаться собой. Бедняжка! Боюсь, что за всем этим скрывается крупный долг. А если так, она скоро попадет в худшую неволю, чем все ее рабы. Бедная девушка!

Рейгарт был прав. Если бы я остался, это могло бы только повредить ей. Я согласился с ним.

— Я хотел бы сейчас же уехать, доктор.

— Моя коляска стоит у ворот. Пожалуйста, я могу доставить вас в Бринджерс.

— Спасибо! Это как раз то, о чем я хотел вас попросить. С радостью принимаю ваше предложение. У меня сборы короткие — через несколько минут я буду готов.

— А я, пожалуй, пойду в большой дом и предупрежу мадемуазель Безансон о вашем отъезде.

— Будьте так добры. Гайар, наверно, еще там?

— Нет. Я встретил адвоката недалеко от ворот, он

шел домой. Думаю, она теперь одна. Я поговорю с ней и вернусь за вами.

Доктор оставил меня и направился к дому. Вскоре он вернулся и передал мне все, что узнал. Он был очень удивлен тем, что услышал от мадемуазель Безансон. Час тому назад Гайар сказал ей, что я заявил ему о своем желании переехать в гостиницу. Она очень удивилась, так как я ни словом не заикнулся об этом во время нашей последней беседы. Сначала она не хотела и слышать о моем отъезде, но Гайар привел веские доводы, чтобы убедить ее в разумности такого шага; доктор от моего имени тоже настаивал на этом. В конце концов она согласилась, хотя и очень неохотно. Сообщив мне все это, доктор прибавил, что она ждет меня.

Сципион провел меня в гостиную. Мадемуазель Эжени сидела на диване, но, когда я вошел, встала и пошла мне навстречу. Я увидел слезы на ее глазах.

— Правда ли, сударь, что вы собираетесь покинуть нас?

— Да, сударыня. Я уже совсем здоров. Я пришел поблагодарить вас за радушное гостеприимство и попрощаться с вами.

— Гостеприимство! Ах, сударь, какое же это гостеприимство, если я позволяю вам так скоро покинуть нас! Я хотела бы, чтобы вы остались, но... — Тут она смутилась. — Но вы не должны считать себя здесь чужим, даже если переедете в гостиницу. Бринджерс очень близко. Обещайте, что вы будете постоянно бывать у нас — каждый день!

Мне незачем говорить, что я охотно и с радостью дал это обещание.

— Теперь, когда вы дали слово, мне будет не так грустно с вами расстаться. До свиданья!

Она протянула мне руку на прощанье, а я взял ее нежные пальчики и почтительно поцеловал. Глаза ее снова наполнились слезами, и она отвернулась, чтобы их скрыть.

Я был уверен, что, будь на то ее воля, она не разрешила бы мне уехать. Она была не из тех, кто боится сплетен и пересудов. Нет, тут крылась другая причина.

Я вышел в прихожую и с тревогой огляделся вокруг. Где она? Неужели я не услышу от нее ни слова на прощанье? В это время боковая дверь тихонько приоткрылась. Сердце бурно забилось у меня в груди. Аврора! Я не решался говорить громко, меня услышали бы в гостиной. Взгляд, шопот, быстрое пожатие руки — и я вышел. Но ее ответное пожатие, хотя очень слабое и робкое, наполнило мое сердце радостью, и я направился к воротам гордым шагом победителя.

Глава XXII

АВРОРА МЕНЯ ЛЮБИТ!

«Аврора меня любит!»

К этому заключению я пришел значительно позже того дня, когда покинул плантацию и переселился в Бринджерс. А с того времени прошел уже целый месяц.

Жизнь моя за этот месяц вряд ли интересна для моего читателя, хотя каждый ее час, полный надежды и тревоги, до сих пор живет в моей памяти. Когда сердце полно любви, каждый пустяк, связанный с этой любовью, представляется важным и значительным, и память хранит мысли и события, которые в другое время скоро бы забылись. Я мог бы написать целый том о моей жизни за этот месяц, и каждая его строка была бы интересна для меня, но не для вас. Поэтому я и не написал его и даже не привожу здесь моего дневника за это время.

Я попрежнему жил в гостинице в Бринджерсе и быстро набирался сил. Чаще всего я гулял по полям или по дороге вдоль реки, катался на лодке и удил рыбу в тихих заводях или охотился в зарослях камыша и кипарисовых лесах; иногда я проводил время, играя в биллиард, который вы найдете в каждой луизианской деревне.

Я подружился с доктором Рейгартом и, когда он не был занят практикой, проводил время с ним.

Его книги тоже стали моими друзьями, и по ним я впервые познакомился с ботаникой. Я стал изучать растительность окружающих лесов и вскоре научился с первого взгляда определять породу каждого дерева: исполинские кипарисы, символ печали, с высокими пирамидальными стволами и широко раскинувшимися мрачными темнозелеными кронами; ниссы, эти водяные нимфы, с длинными нежными листьями и плодами вроде олив; персимон, или «американский лотос», с ярко-зеленой листвой и красными, похожими на сливы плодами; величавая магнолия и ее сородич — высокое тюльпанное дерево; рожковое дерево и из того же семейства белая акация с тройными шипами и легкими перистыми листьями, почти не дающими тени; платаны с гладкими стволами и широко раскинутыми серебристыми ветвями; стираксовое дерево, по которому стекают золотистые капли; ароматный и целебный сассафрас и красный лавр с запахом корицы; различные породы дубов, во главе которых стоит величественный вечнозеленый виргинский дуб, растущий в южных лесах; красный бук с висячими кистями; тенистая крушина с широкими сердцевидными листьями и черными ягодами и, наконец, последнее, но не менее интересное дерево — любящий воду тополь. Таковы леса, покрывающие наносную почву луизианской равнины.

Область, изобилующая этими лесами, простирается выше тех мест, где растут пальмы, однако и здесь встречаются некоторые их разновидности — например, латании и саговые пальмы разных пород, так называемые «пальметто»; местами они образуют густой подлесок и придают всему лесу тропический характер.

Я изучал и паразитов этого растительного царства: огромные черные узловатые лианы толщиной с древесный ствол; стелющийся камыш с красивыми, похожими на звездочки цветами; мускатный виноград с темно-красными гроздьями; бигнонии с трубчатыми цветами; густые бамбуковые заросли; душистую сальсапарель и многие другие.

Меня интересовали и разные виды культурных растений — источник богатства этой страны, — такие, как

сахарный тростник, рис, кукуруза, табак, хлопок и индиго. Все они были мне незнакомы, и я с интересом изучал их особенности и способы разведения.

Можно подумать, что весь этот месяц я бездельничал, но в действительности он был самым плодотворным за всю мою жизнь. За этот короткий месяц я получил больше полезных знаний, чем за многие годы обучения в колледже. Но, главное, я узнал то, что было для меня дороже всего на свете: я узнал, что Аврора меня любит!

Я узнал это не из ее уст — она ни слова не сказала мне, и все же я был уверен, что это так, уверен, как в том, что я живу. Никакие знания на свете не могли дать мне такой радости, как одна эта мысль!

* * * * * * * *

— Аврора меня любит! — так воскликнул я однажды утром, отправляясь из Бринджерса на плантацию.

Я бывал там раза три в неделю, а случалось, и чаще. Иногда я встречал у них гостей, друзей мадемуазель Эжени· иногда заставал ее одну или вдвоем с Авророй. Но ни разу мне не удалось остаться с Авророй наедине. Ах, как я жаждал такого случая!

Официально я, конечно, приходил в гости к мадемуазель Эжени. Я не смел искать свидания с ее невольницей.

Эжени была попрежнему грустна; теперь мне уж никогда не случалось видеть ее такой оживленной, как раньше. Она бывала подчас очень печальна и никогда не смеялась. Я не был поверенным ее тревог и потому мог только догадываться об их причинах. Однако я не сомневался, что виной всему Гайар.

Последнее время я мало слышал о нем. В общественных местах он явно избегал встреч со мной, а я никогда не заходил в его владения. Я заметил, что мало кто из соседей уважал его, кроме тех, кто преклонялся перед его богатством. Удалось ли ему добиться успеха в своих ухаживаниях за Эжени, я не знал. В обществе их союз считали «вполне возможным», хотя никто его

не одобрял. Я очень сочувствовал молодой креолке, но и только. Конечно, не будь я так влюблен в Аврору, судьба ее хозяйки волновала бы меня гораздо больше.

«Да, Аврора меня любит!» — повторял я про себя, выезжая на береговую дорогу.

Я ехал верхом. Великодушный Рейгарт отдал в мое распоряжение прекрасную верховую лошадь, и она горячилась подо мной, словно ей передавалось мое страстное нетерпение.

Мой хорошо выезженный конь и сам знал дорогу, так что я бросил поводья, предоставив ему бежать как вздумается, а сам отдался своим мыслям.

Я любил квартеронку, любил горячо и преданно. И она тоже любила меня. Она не высказывала своей любви словами, но я сумел ее разгадать. Мимолетный взгляд, движение, вздох — вот что убедило меня.

Любовь научила меня своему особому языку. Мне не надо было никаких посредников, никаких слов, чтобы понять, что я любим.

Эти мысли бесконечно радовали меня и наполняли мое сердце восторгом, но вскоре их сменили другие, гораздо менее приятные.

Кого я люблю? Невольницу! Правда, прекрасную невольницу, но все же рабу. Весь мир поднимет меня на смех. Вся Луизиана будет смеяться надо мной — нет, не смеяться, а презирать и преследовать меня. Одно желание сделать ее моей женой вызовет насмешки и оскорбления: «Как! Жениться на невольнице! Этого не потерпят законы нашей страны!» Жениться на квартеронке, даже будь она свободна, — значило навлечь на себя гонения. Меня, вероятно, изгнали бы из страны, а может быть, засадили бы в тюрьму.

Все это я знал, но меня это нисколько не тревожило. Что значило для меня осуждение всего света по сравнению с любовью к Авроре? Ровно ничего. Конечно, я глубоко сокрушался, что Аврора невольница, но совсем по другой причине. Как освободить ее? Вот вопрос, который волновал меня.

До сих пор я мало над этим задумывался. Пока я не убедился, что любим ею, мне казалось, что это дело

далекого будущего. Но теперь, когда я поверил в ее любовь, все силы моей души сосредоточились на одной мысли: «Как освободить ее?» Будь она обыкновенной невольницей, ответ был бы очень прост. Хоть я и не был богат, однако у меня хватило бы средств на то, чтобы купить себе живого человека.

В моих глазах Авроре, конечно, цены не было. Но что думает об этом ее молодая хозяйка? До сих пор она никому не хотела продавать мою невесту. Но даже если можно оценить девушку на деньги, согласится ли мадемуазель Эжени продать ее мне? Какая нелепая просьба: продать мне ее невольницу, чтобы я мог жениться на ней! Как отнесется к этому Эжени Безансон?

Даже мысль о предстоящем разговоре пугала меня, но время для него еще не приспело.

«Надо прежде повидаться с Авророй наедине, спросить ее, любит ли она меня, а затем, если она согласна быть моей женой, я сумею всего добиться. Я еще не знаю, каким путем, но моя любовь преодолеет все препятствия. Она придаст мне несокрушимую силу, мужество и решимость. Я сломаю все преграды. Я уговорю или сокрушу всех моих противников. Я смету все, что станет между мною и моей любовью! Аврора, я спешу к тебе!»

Глава XXIII

НЕОЖИДАННОСТЬ

Вдруг лошадь моя громко заржала, прервав мои размышления. Я взглянул вперед, чтобы узнать, в чем дело, и увидел, что приближаюсь к плантации Безансонов. Из ворот выехала коляска. Лошади бежали рысью, экипаж свернул на дорогу и помчался прочь от меня; вскоре он скрылся в облаке пыли.

Я узнал коляску мадемуазель Безансон. Хоть я и не успел разглядеть, кто в ней сидел, однако заметил, что это были дамы.

«Наверно, мадемуазель Эжени с Авророй», — подумал я.

Должно быть, они меня не заметили за высокой оградой, а выехав за ворота, сразу повернули.

Я был очень разочарован. Значит, я спешил напрасно, и мне оставалось только вернуться обратно в Бринджерс.

Я уже натянул поводья, собираясь повернуть, когда мне пришло в голову, что я мог бы догнать их и перекинуться с ними несколькими словами. Если мне удастся обменяться взглядом с Авророй, это уже вознаградит меня за мою скачку. Я пришпорил лошадь и помчался вперед.

Поравнявшись с воротами, я увидел Сципиона. Он запирал их, пропустив коляску.

«Ага! Вот у кого я узнаю, за кем собираюсь скакать», — решил я и, придержав лошадь, подъехал к нему.

— Боже милостивый! Как шибко скачет молодой масса! Словно всю жизнь не слезал с седла! Ух!

Не обращая внимания на этот комплимент, я торопливо спросил, дома ли его госпожа.

— Нет, масса, она только что уехала. Она отправилась к масса Мариньи.

— Одна?

— Да, масса.

— С ней, наверно, и Аврора?

— Нет, масса. Она уехала одна. Рора осталась дома.

Если бы Сципион следил за мной, он заметил бы, какое впечатление произвели на меня его слова, ибо я уверен, что изменился в лице. Сердце запрыгало у меня в груди, кровь прилила к щекам.

«Аврора дома, она одна!»

Впервые за все это время мне представился такой счастливый случай, и я невольно выдал свою радость.

К счастью, негр ничего не заметил, ибо даже верному Сципиону я не мог доверить своей тайны.

Не без труда овладев собой, я осадил свою лошадь, которая рвалась вперед, и нечаянно повернул слишком круто. Сципион подумал, что я собираюсь возвратиться в Бринджерс.

— Неужели масса хочет уехать и ни минутки не отдохнет у нас? Мисса Жени нет дома, но Рора — она осталась. Рора даст масса стакан кларета, а старый Зип приготовит прохладительное питье. Сегодня очень-очень жарко! Ух-х!

— Твоя правда, Сципион, — сказал я, делая вид, что сдаюсь на его уговоры. — Сведи мою лошадь на конюшню, я немного отдохну.

И, сойдя с лошади, я отдал поводья Сципиону, а сам прошел в ворота.

От ворот до дома было шагов сто, если идти по широкой аллее, ведущей прямо к подъезду. Но были еще две боковые дорожки, которые вились между кустарниками и небольшими деревьями — лаврами, миртами и апельсинами. Того, кто шел по одной из этих дорожек, нельзя было увидеть из дома, пока он не подойдет вплотную к окнам. Обе дорожки, минуя главный вход, вели к низкой веранде. Поднявшись на нее по нескольким ступенькам, вы могли войти прямо в дом, ибо окна, как это принято у креолов, доходили до самого пола.

Войдя в ворота, я свернул на одну из этих боковых дорожек и не спеша направился к дому. Я выбрал более длинный путь и шел медленно, чтобы успеть справиться с волнением. Я слышал громкие удары своего сердца, и мне казалось, что, торопясь к желанной цели, они обгоняют мои шаги. Наверно, я лучше владел бы собой даже под дулом пистолета.

Долгое ожидание этой встречи, непредвиденная удача, предвкушение великого счастья — свидания наедине с той, кого я любил, — все это привело в смятение мои чувства. Неудивительно, что я немного потерял голову.

Сейчас я увижу Аврору наедине, и только любовь будет нашим свидетелем. Я выскажу ей все свободно, без помех. Услышу ее голос, ее нежные признания... Я обниму ее и прижму к своей груди! Я буду пить слезы с ее глаз, целовать ее румяные щеки, ее коралловые губы! Я буду говорить и слушать слова любви! О, я упьюсь этими сладостными минутами!

Меня ожидало безграничное счастье. Неудивительно, что я был глубоко взволнован и тщетно пытался усмирить свои чувства.

Я подошел к дому сбоку и поднялся на веранду. Ее устилали цыновки из морской травы, и я в своих легких башмаках двигался по ней почти неслышно. Я приближался к гостиной; ее два больших окна доходили, как я говорил, до самого пола.

Я поравнялся с одним из них, но тут что-то заставило меня остановиться. В гостиной слышались голоса, и я сразу узнал голос Авроры.

«Она с кем-то разговаривает. С кем же? С маленькой Хлоей? Или с ее матерью? А может, с кем-нибудь из слуг?»

Я прислушался.

«О боже! Это говорит мужчина!.. Но кто же? Сципион? Нет, Сципион не мог еще вернуться из конюшни. Это не он. Кто нибудь из слуг? Жюль — дровосек? Батист — рассыльный? Нет, говорит не негр. Это голос белого человека. Неужели надсмотрщик?»

Когда эта мысль мелькнула у меня в голове, я почувствовал словно укол в сердце; это была не ревность, но что-то похожее на нее. Скорее возмущение, чем ревность. Пока я ведь еще не услышал ничего такого, что могло бы вызвать у меня ревность. То, что он подле нее и разговаривает с ней, — еще не повод для ревности.

«Вот как, мой прыткий «погоняла», — подумал я, — твое увлечение маленькой Хлоей уже прошло! И неудивительно. Кто будет заглядываться на звезды, когда на небе светит полная луна? Хоть ты и грубый скот, однако не слепой. Я вижу, ты тоже не зеваешь и ждешь удобного случая прийти в гостиную».

Но — тсс...

Я снова прислушался. Сначала я остановился из деликатности, не желая внезапно появляться перед открытым окном, через которое было видно все, что делается в комнате. Я хотел дать знать о моем приближении каким-нибудь шумом — покашливаньем или шарканьем ног. Но теперь мои намерения изменились. Я не мог удержаться и стал подслушивать.

Говорила Аврора.

Она, должно быть, стояла далеко от окна или говорила очень тихо, ибо я не мог разобрать ее слов. До меня доносился лишь ее серебристый голос. «Она, наверно, на другом конце комнаты», — подумал я.

Но вот она замолчала. Я ждал ответа на ее слова. Может быть, по ответу я пойму, о чем она говорила. Мужской голос будет, наверно, громче, и мне удастся...

Но — тсс...

Я услышал только голос, но не слова. Этот голос был мне слишком хорошо знаком! Узнав его, я вздрогнул, как от укуса змеи. То был голос Доминика Гайара!

Глава XXIV

СОПЕРНИК

Не могу вам описать, как потрясло меня это открытие. Я стоял, словно пораженный громом, не в силах двинуться и как бы потеряв сознание. Если бы даже Гайар говорил очень громко, я все равно не услышал бы его: изумление оглушило меня.

Негодование, которое поднялось во мне при мысли, что это говорит грубиян Ларкин, было ничто по сравнению с тем чувством, какое охватило меня теперь. Пусть Ларкин молод и красив — правда, по описанию Сципиона этого нельзя было сказать, — но даже если это и так, я не боялся его соперничества. Я верил, что сердце Авроры принадлежит мне, и знал, что надсмотрщик не имеет никакой власти над ней. Он распоряжался рабами, трудившимися в поле и на усадьбе, и был их полновластным хозяином. Но на Аврору его власть не распространялась. Не знаю почему, но с квартерснкой всегда обращались совсем иначе, чем с другими рабами на плантации. Не светлая кожа и не красота были причиной особого отношения к ней. Красота, правда, часто облегчает тяжелое положение невольницы, но в то же время готовит ей еще более жестокую участь. Однако доброе отношение к Авроре,

насколько я мог судить, не имело с этим ничего общего. Ее заботливо воспитывали вместе с мадемуазель Эжени, и она получила такое же образование, как и ее молодая хозяйка, которая обращалась с ней скорее как с сестрой, чем как с невольницей. Никто не мог приказывать ей, кроме ее госпожи. «Погоняла» не имел с ней ничего общего, поэтому я не боялся, что он будет преследовать ее.

Но когда я услышал голос Гайара, у меня возникли самые худшие опасения. В его власти была не только невольница, но даже и ее госпожа. Ухаживая за мадемуазель Эжени, как я думал до сих пор, он, конечно, не был слеп и к редкой красоте Авроры. Этому гнусному негодяю, вероятно, не чужды любовные увлечения. Низкое часто тянется к прекрасному. Чудовище может воспылать страстью к красавице.

Час, который Гайар выбрал для своего визита, тоже вызывал подозрение. Он явился как раз тогда, когда мадемуазель Эжени уехала! Быть может, он пришел еще при ней и остался в доме после ее отъезда? Едва ли. Сципион не подозревал, что он тут, иначе он сказал бы мне об этом. Негр знал, что я терпеть не могу Гайара и не хочу встречаться с ним. Он, конечно, предупредил бы меня.

«Нет, он, несомненно, пришел сюда украдкой, — подумал я. — Он пробрался окольным путем, через свою плантацию, и, дождавшись, когда коляска уехала, проскользнул в дом, чтобы застать квартеронку одну». Едва эта мысль промелькнула у меня в голове, как я уже не сомневался, что он был здесь не случайно, а пришел с тайной целью. Он явился сюда ради Авроры. Я был в этом уверен.

Когда я опомнился от первого потрясения, все чувства проснулись во мне с новой силой. Нервы мои были напряжены, слух обострился. Я подошел как можно ближе к открытому окну и стал слушать. Это было недостойно, я согласен, но когда имеешь дело с таким негодяем, то и сам невольно теряешь достоинство. Обстоятельства заставили меня совершить неблаговидный поступок, и я стал подслушивать. Но ведь это бы-

ла простительная ревность влюбленного, и я прошу не судить меня слишком строго.

Я слушал. Усилием воли я сдерживал бешеные удары сердца и слушал, затаив дыхание. Возможно, что голоса стали громче или разговаривающие подошли ближе к окну, но теперь я различал каждое слово. Повидимому, они были в нескольких шагах от меня. Говорил Гайар.

— А этот молодчик не вздумал ухаживать за твоей хозяйкой?

— Откуда мне знать, мсье Доминик? Во всяком случае, я никогда этого не замечала. Мне кажется, он очень скромный джентльмен, и мадемуазель Эжени такого же мнения. Я не слышала из его уст ни слова о любви. Нет, ни единого слова!

Послышался глубокий вздох.

— Пусть он только посмеет, — воскликнул Гайар с угрозой, — пусть посмеет намекнуть мадемуазель Эжени о своей любви или даже тебе, Аврора, — и ему не поздоровится! Он живо забудет сюда дорогу, этот жалкий авантюрист! Можешь не сомневаться!

— Ах, мсье Гайар! Вы этим очень огорчите мою госпожу. Вспомните — ведь он спас ей жизнь! Она ему бесконечно благодарна. Она постоянно говорит об этом, и ее опечалит, если господин Эдвард перестанет бывать у нас. Я знаю, что это очень ее опечалит!

В голосе Авроры слышалось волнение, почти мольба, прозвучавшая музыкой в моих ушах. Казалось, ее тоже огорчит, если господин Эдвард перестанет бывать у них.

Должно быть, такая мысль пришла и Гайару, но ему она, видимо, не доставила удовольствия. Он ответил вопросом, в котором слышались раздражение и насмешка:

— А может быть, это огорчит и еще кого-нибудь? Тебя, например? Ну конечно! Ведь так? Ты влюблена в него? Проклятье!

Последнее слово он прошипел в ярости; он, видимо, бесился и страдал — страдал от жгучей ревности.

— Ах, сударь! — воскликнула Аврора. — Что вы говорите! Я влюблена? Ведь я только бедная раба! Увы!

И смысл ее слов и ее тон больно задели меня. Однако я надеялся, что это лишь уловка любви, хитрость, которую я охотно прощал ей. На Гайара ее слова произвели приятное впечатление, и голос его сразу смягчился и повеселел.

— Ты — раба, красавица Аврора? Нет, в моих глазах ты королева! Раба? Ты сама виновата, что осталась невольницей. Тебе известно, кто может дать тебе свободу. Может и хочет — хочет, Аврора!

— Пожалуйста, не говорите об этом, господин Гайар! Я уже сказала вам, что не могу слушать такие разговоры. Повторяю: не могу и не хочу!

Твердость ее голоса обрадовала меня.

— Что ты, прелестная Аврора! — взмолился Гайар. — Не сердись на меня! Я не могу иначе! Я не могу не думать о твоем счастье. Ты будешь свободна, перестанешь быть рабой капризной хозяйки...

— Мсье Гайар, — воскликнула Аврора, прерывая его, — не говорите так о мадемуазель Эжени! Это неправда, она вовсе не капризна. Что, если бы она услыхала...

— Проклятье! — закричал Гайар, снова переходя на угрожающий тон. — Пускай слышит! Какое мне дело до нее? Все считают, что я ухаживаю за ней. Ха-ха-ха! И пусть себе считают! Дурачье! Скоро они узнают, что это совсем не так. Ха-ха-ха! Они думают, что я езжу сюда ради нее. Ха-ха-ха!.. Нет, Аврора, любимая моя, я приезжаю не ради нее, а ради тебя — тебя, Аврора, моя любовь, моя...

— Мсье Гайар, повторяю вам...

— Дорогая Аврора, скажи, что ты полюбишь меня, скажи только одно слово! Скажи — и ты не будешь больше рабой! Ты будешь так же свободна, как твоя госпожа. У тебя будет все: платья, драгоценности, развлечения — все, что пожелаешь! Мой дом будет весь к твоим услугам, ты будешь распоряжаться в нем, как хозяйка, как если бы ты была моей женой...

— Довольно, сударь! Перестаньте! Вы оскорбляете меня! Я вас больше не слушаю!

Голос ее звучал решительно и возмущенно. Ура!

— Что ты, дорогая моя, любимая Аврора! Не уходи! Выслушай меня!..

— Я вас не слушаю, сударь. Я все расскажу мадемуазель Эжени...

— Скажи мне хоть слово, хоть одно слово любви! Один поцелуй, Аврора! На коленях молю тебя!..

Я услышал, как он упал на колени, а затем шум борьбы и громкое, возмущенное восклицание Авроры.

Тут я решил, что пришло время действовать, и в два прыжка очутился в комнате, посреди которой стоял на коленях пылкий кавалер. Он крепко держал девушку за руки и пытался привлечь к себе. Аврора же, стараясь вырваться — а она была довольно сильна, — быстро тащила за собой по ковру своего страстного обожателя. Вид у него был уморительный.

Когда я вошел, он не видел меня и узнал о моем присутствии по громкому смеху, который я не мог бы сдержать даже под страхом смерти. Я продолжал хохотать и после того, как он отпустил свою жертву и вскочил на ноги; я смеялся так громко, что не расслышал ругательств и угроз, которыми он осыпал меня в ответ.

— Что вам здесь надо? — были первые слова, которые я разобрал. — Что вам здесь надо?

— Ну, а мне незачем спрашивать вас об этом, мсье Гайар. Я и сам вижу, что вам надо. Ха-ха-ха!

— Я спрашиваю вас, — повторил он еще более злобно: — что вам здесь надо?

— Мне ничего не надо, мсье, — ответил я все так же насмешливо, — вернее, мое дело не похоже на ваше.

Мой намек, казалось, привел его в ярость.

— В таком случае, чем скорей вы уберетесь отсюда, тем лучше! — закричал он, свирепо сдвинув брови.

— Лучше для кого? — спросил я.

— Для вас! — ответил он.

Я уже начал терять терпение, хотя держал себя в руках.

— Сударь, — сказал я, подходя к нему вплотную, — я впервые слышу, что дом мадемуазель Безансон

Я поднял хлыст, но Гайар не стал дожидаться удара.

принадлежит Доминику Гайару. Если бы это было так, я гораздо меньше уважал бы святость этого крова. Вы же совсем не уважаете его. Вы оскорбили эту молодую девушку, эту молодую леди, так как она достойна этого звания не меньше, чем самая знатная особа в вашей стране. Я был свидетелем вашего низкого поведения и слышал ваши гнусные предложения...

Гайар вздрогнул, но не сказал ни слова. Я продолжал:

— Вы не джентльмен, сударь, и недостойны встретиться со мной, как равный, с оружием в руках. Хозяйки этого дома сейчас нет. Вы здесь такой же гость, как и я. Так вот: даю вам слово, что, если вы не уберетесь отсюда через десять секунд, я отстегаю вас хлыстом!

Я говорил решительно и хладнокровно.

Гайар видел, что я не шучу и готов сдержать свое слово.

— Вы мне дорого за это заплатите! — прошипел он. — И увидите, что в нашей стране нет места шпионам.

— Вон!

— А вы, достойный образец добродетельной квартеронки, — добавил он, бросая злобный взгляд на Аврору, — помните: наступит день, когда вы будете менее щепетильны. Тогда у вас не будет такого любезного защитника.

— Еще слово — и...

Я поднял хлыст, но Гайар не стал дожидаться удара и, поспешно юркнув в дверь, спустился с веранды. Я вышел за ним, желая убедиться, что он ушел. Дойдя до конца веранды, я посмотрел в сад. Поднявшийся вдруг птичий гомон указывал, что кто-то пробирается сквозь кустарник.

Тем не менее я подождал, пока не открылись ворота. Вскоре над оградой показалась голова человека, идущего по дороге. Я сразу узнал уличенного соблазнителя.

Но стоило мне отвернуться от него и направиться в гостиную, как я уже забыл о его существовании.

Глава XXV

ЧАС БЛАЖЕНСТВА

Всегда приятно, если кто-нибудь выражает вам благодарность, но во сто крат приятнее читать ее в глазах любимой и слышать из любимых уст!

Когда я входил в комнату, сердце мое трепетало от радостного волнения. Аврора бросилась благодарить меня в самых трогательных и пылких выражениях. И не успел я ответить ей, не успел протянуть руку, чтобы удержать ее, как она подбежала и упала передо мной на колени. Она благодарила меня от всего сердца.

— Встаньте, дорогая Аврора! — воскликнул я и, взяв ее за руку, подвел к дивану. — Мой поступок того не стоит. Всякий на моем месте сделал бы то же самое.

— Ах, мсье, далеко не всякий! Вы не знаете этой страны. Кто станет здесь защищать бедную невольницу? Понятия о рыцарской чести, которыми тут так чванятся, не распространяются на нас. Мы, презираемое всеми племя, стоим вне законов чести и покровительства. Ах, благородный чужестранец! Вы даже не подозреваете, чем я вам обязана!

— Не называйте меня чужестранцем, Аврора! Правда, нам редко удавалось поговорить, но мы так давно знаем друг друга, что вы не должны считать меня чужим. Я хотел бы, чтобы вы относились ко мне как к близкому человеку.

— Близкому? Я не понимаю вас, сударь! — Ее большие карие глаза смотрели на меня с немым вопросом.

— Да, близкому... Я хочу сказать, Аврора, что вы не должны остерегаться меня, что вы можете быть искренни со мной и считать меня своим другом, братом.

— Что вы, сударь! Вас — моим братом? Вы белый, вы джентльмен, знатный, образованный! А я... О боже! Кто я? Раба... Раба, которую каждый готов обидеть. Боже, боже, за что ты послал мне такую тяжкую долю! — И она закрыла лицо руками.

— Аврора! — воскликнул я; ее отчаяние давало мне надежду. — Аврора, выслушайте меня. Выслушайте вашего друга, вашего...

Она отняла руки от лица и подняла голову. Ее полные слез глаза пристально посмотрели в мои, и я снова прочел в них вопрос.

В эту минуту у меня мелькнула мысль: «Долго ли мы будем одни? Нам могут помешать. И мне не представится другого случая объясниться с ней. Мне нельзя терять ни минуты. Я должен сейчас же сказать ей все».

— Аврора, — начал я, — мы в первый раз остались наедине. Я страстно ждал этой встречи. Я должен сказать вам несколько слов — только вам одной.

— Мне одной, сударь? О чем?

— Аврора, я вас люблю!

— Меня? Ах, сударь, это невозможно!

— Не только возможно, Аврора, — это правда. Выслушайте меня. Я полюбил вас с первого взгляда, даже еще раньше, потому что вы жили в моем сердце еще до того, как я осознал, что видел вас... С той минуты я полюбил вас чистой и горячей любовью, а не той низменной страстью, какую вы только что отвергли. Это чувство безраздельно владеет моим сердцем. Днем и ночью я думаю только о вас, Аврора! Я вижу вас во сне и целый день храню в душе ваш образ. Не думайте, что любовь моя холодна, потому что я сейчас так трезво говорю с вами. Я должен держать себя в руках. Я пришел к вам с твердым, обдуманным намерением, вот почему я могу спокойно говорить о своей любви. Я уже сказал вам, Аврора, что люблю вас. И повторяю: я вас люблю всем сердцем, всей душой!

— Вы любите меня? Ах, бедная девушка!

Ее последние слова прозвучали так странно, что я невольно замолчал. Казалось, что это горестное восклицание относится не к ней, а к кому-то другому.

— Аврора, — продолжал я, — я все сказал вам. Я был чистосердечен. Будьте и вы откровенны со мной. Скажите, вы любите меня?

Я задал бы этот вопрос с бо́льшей тревогой, если бы не был уже наполовину уверен в ответе.

Мы сидели рядом на низком диване. Я не успел еще договорить, как почувствовал, что ее легкие пальчики коснулись моей руки и нежно сжали ее. Когда я замол-

чал, ее головка опустилась ко мне на грудь, и она прошептала:

— Я тоже... с первого взгляда!

Мои руки обвились вокруг ее стана, и несколько минут мы сидели молча. Истинная любовь не нуждается в объяснениях. Горячий поцелуй, глубокий взгляд, нежное пожатие руки или объятие понятны без слов. Долгое время мы обменивались лишь бессвязными восклицаниями. Мы были слишком счастливы, чтобы говорить. Мы молчали — говорили наши сердца.

* * * * * * * *

Однако сейчас было не время и не место слепо отдаваться радостям любви, и вскоре осторожность заставила меня прийти в себя.

Надо было о многом условиться и обсудить дальнейшие планы, чтобы упрочить наше только что расцветшее счастье. Мы знали, какая пропасть разделяет нас сейчас. Мы понимали, что нам предстоит долгий и тернистый путь, прежде чем мы достигнем вершины счастья. Несмотря на минутное блаженство, будущее наше было темно и полно опасностей. Тревожные мысли вскоре развеяли наши сладкие грезы.

Аврора теперь не боялась моей любви. Она никогда бы не заподозрила меня в обмане. Она не сомневалась, что я хочу жениться на ней. Любовь и благодарность внушили ей полное доверие ко мне, и мы говорили с такой откровенностью, какая возникает лишь после многолетней дружбы. Но надо было торопиться. Каждую минуту нас могли прервать. Мы не знали, когда снова встретимся. Приходилось быть очень краткими.

Я объяснил Авроре мое положение: через несколько дней я должен получить деньги, которых, надеюсь, хватит, чтобы осуществить мое намерение. Какое намерение? Выкупить мою невесту!

— А тогда, — закончил я, — нам остается только обвенчаться, Аврора!

— Увы! — ответила она со вздохом. — Даже будь я свободна, мы не могли бы обвенчаться здесь. Разве вы

не знаете, что жестокии закон преследует нас, даже когда считается, что мы свободны?

Я отрицательно покачал головой.

— Мы не можем с вами пожениться, — продолжала она печально, — если вы не поклянетесь, что в ваших жилах тоже течет африканская кровь.

Трудно поверить, что такой закон существует в христианской стране.

— Не думайте об этом, Аврора, — сказал я, стараясь утешить ее. — Мне ничего не стоит дать такую клятву. Я возьму золотую шпильку из ваших волос, проколю эту голубую жилку на вашей прекрасной руке, выпью каплю вашей крови и дам нужную клятву!

Аврора улыбнулась, но через минуту ее лицо снова омрачилось.

— Полно, дорогая Аврора! Прогоните ваши грустные мысли! Зачем нам венчаться именно здесь? Мы можем уехать в другое место. Есть другие страны, такие же прекрасные, как Луизиана, и церкви, такие же красивые, как собор архангела Гавриила, где мы можем обвенчаться. Мы уедем на север, в Англию, во Францию — все равно куда. Пусть это вас не тревожит!

— Меня тревожит не это.

— А что же, дорогая?

— Ах, я боюсь...

— Не бойтесь, скажите мне.

— Что вам не удастся...

— Что не удастся, Аврора?

— Стать моим хозяином... купить меня!..

И бедняжка опустила голову, словно стыдясь своего положения. Горячие слезы брызнули у нее из глаз.

— Почему вы так думаете?

— Потому что уже многие пытались меня купить. Они давали много денег, гораздо больше, чем вы предполагаете, но из этого ничего не вышло: им не продали меня. Ах, как я была благодарна мадемуазель Эжени! Она всегда была моей защитницей. Она не хотела расставаться со мной. Как я была счастлива тогда! Но теперь... теперь совсем другое дело. Теперь как раз наоборот.

— Ну, так я дам еще больше. Я отдам все мое состояние. Этого, наверно, хватит. Раньше вас хотели купить с дурными целями, такими, как у Гайара. Ваша хозяйка знала об этом и потому не соглашалась.

— Это правда. Но она откажет и вам. Я так боюсь!

— Нет, я во всем сознаюсь мадемуазель Эжени. Я скажу ей, что у меня самые честные намерения. Я вымолю у нее согласие. И я уверен, что она мне не откажет. Если она мне благодарна...

— Ах, — воскликнула Аврора, прерывая меня, — она вам очень благодарна, вы даже не знаете, как благодарна! И все же она никогда не согласится, никогда! Вы не знаете всего... Увы, увы!

Из глаз ее снова брызнули слезы, она склонилась на диван, и густые кудри скрыли от меня ее лицо.

Ее слова озадачили меня, и я уже хотел просить у нее объяснения, когда услышал шум подъезжающей коляски. Я бросился к открытому окну и взглянул поверх апельсиновой рощи. Над деревьями показалась голова, и я узнал кучера мадемуазель Безансон. Коляска подъехала к воротам.

Я был так взволнован, что не хотел встречаться с ней, и, наспех попрощавшись с Авророй, вышел из комнаты. С веранды я увидел, что если пойду по главной аллее, то могу столкнуться с мадемуазель Эжени. Я знал, что к конюшне можно пройти через боковую калитку и оттуда есть дорога в лес. Таким образом, я мог добраться до Бринджерса кружным путем. Спустившись с веранды, я прошел через эту калитку и направился к конюшне.

Глава XXVI

НЕГРИТЯНСКИЙ ПОСЕЛОК

Вскоре я вошел в конюшню, где моя лошадь приветствовала меня радостным ржаньем. Сципиона там не было.

«Он, наверно, занят, — подумал я. — Должно быть, встречает свою госпожу. Не беда, я не буду его звать.

Лошадь оседлана, я сам взнуздаю ее. Жаль только, что Сципион не получит обычной мелочи на чай». Взнуздав лошадь, я вывел ее за ворота и вскочил в седло.

Дорога, которую я выбрал, вела в негритянский поселок, а затем через поля в густой кипарисовый лес. Там ее пересекала тропинка, которая снова выходила к береговой дороге. Я много раз ездил по этой тропинке и хорошо ее знал.

Негритянский поселок находился примерно в двухстах ярдах от господского дома: пятьдесят или шестьдесят небольших чистеньких хижин стояло по обе стороны широкой дороги. Все хижины были как две капли воды похожи одна на другую, и перед каждой из них росла большая магнолия или красивое китайское дерево с густой кроной и душистыми цветами. В тени этих деревьев множество негритят с утра до вечера возилось в пыли. Они были всех возрастов, от крошечных ползунков до голенастых подростков, и всевозможных оттенков — от светлокожих квартеронов до черных бамбара, на коже которых, как острили американцы, «даже уголь оставляет светлые пятна». Если не считать толстого слоя пыли, ничто не прикрывало их наготу, ибо они целый день бегали голышом. Эти черные и желтые пострелята с утра до вечера копошились перед хижинами, играя стеблями сахарного тростника, арбузными корками и кукурузными кочерыжками, такие же счастливые и беззаботные, как какой-нибудь маленький лорд в своей увешанной коврами детской, среди дорогих заграничных игрушек.

В негритянском поселке вам бросаются в глаза воткнутые перед многими хижинами высокие шесты или крепкие стебли тростника, на которых насажены громадные пустые желтые тыквы с пробитой сбоку дырой.

Это домики красных стрижей, самой красивой породы американских ласточек, которых очень любят здешние негры, как когда-то любили и краснокожие обитатели этих мест.

Вы увидите, что на стенах хижин висят гирляндами длинные связки зеленого и красного стручкового перца,

а кое-где и пучки сухих лекарственных трав, которыми пользуется «негритянская медицина». Их повесила сюда какая-нибудь тетушка Феба, или тетушка Клеопатра, или бабушка Филис; а при виде восхитительного кушанья, которое может изготовить любая из них, взяв описанные выше красные и зеленые стручки и сдобрив их разными пахучими травами, растущими в маленьком огороде возле хижины, у самого тонкого гурмана потекут слюнки.

На стенах некоторых хижин вы увидите и шкуры представителей животного царства: кролика, енота, опоссума или серебристой лисы, иногда мускусной крысы и даже болотной «дикой кошки», или рыси. Хозяин хижины, на которой сушится шкура рыси, становится героем дня, ибо рысь — самый редкий зверь, встречающийся теперь на берегах Миссисипи. Вы не увидите здесь шкур кугуара и лани; хотя эти животные и водятся в ближних лесах, но они недоступны для негритянского охотника, которому запрещено пользоваться огнестрельным оружием. Более мелких животных, о которых мы говорили, можно изловить и без ружья, и шкуры, висящие около хижин, — это трофеи многих ночных охот, добыча, принесенная каким-нибудь Цезарем, Сципионом, Ганнибалом или Помпеем. Слыша в негритянском поселке все эти имена, вы можете вообразить себя в древнем Риме или Карфагене.

Однако этим носителям громких имен никогда не доверяют такого опасного оружия, как карабин. Своими успехами на охоте они обязаны только собственной ловкости; оружием им служат лишь палка да топор, а вместо гончей собаки — простая дворняжка. Многочисленные представители этой породы валяются в пыли вместе с негритянскими ребятишками и, видимо, чувствуют себя не менее счастливыми, чем они. Охотничьи трофеи развешаны на стенах домов не для украшения. Нет, их повесили просушить, а потом заменят другими, а эти отнесут на продажу. В воскресенье, когда дядя Сиз или Зип, дядя Хэнни или Помп в праздничной одежде отправятся в город, каждый из них захватит с собой сверток со шкурками. Они зайдут потолковать к

лавочнику, а тот выложит им «пик»[1] за мускусную крысу, «бит» (испанский реал) за енота и «четвертак» за лису или «кошку», после чего четыре дяди-охотника обменяют полученные монеты на всякого рода гостинцы для четырех оставшихся дома тетушек; эти «излишества» служат дополнением к обычному рациону риса со свининой, который получают негры на плантации.

Такова нехитрая экономика негритянского поселка.

Войдя в негритянскую деревню (негритянский поселок при крупной плантации можно вполне назвать деревней), вы можете сами наблюдать эти мелкие подробности ее жизни. Они видны и невооруженному глазу.

Вы увидите также стоящий на отшибе дом надсмотрщика. В поместье Безансонов он находился на краю поселка, фасадом к проезжей дороге.

Дом был, конечно, совсем в другом роде, с претензией на архитектуру: двухэтажный, с жалюзи на окнах и с верандой.

Невысокая ограда оберегала его от вторжения негритянских ребятишек, однако страх перед ременной плетью делал эту предосторожность совершенно излишней.

Когда я подъехал к поселку, мне сразу бросилось в глаза его своеобразие; дом надсмотрщика, возвышавшийся над маленькими лачугами, казалось, сторожил и оберегал их, словно наседка выводок цыплят.

Большие красные ласточки стрелой носились взад и вперед, на минуту замирали у входа в свои домики-тыквы и с веселым щебетом: «Туить-туить-туить», улетали прочь. Весь поселок был наполнен ароматом китайских деревьев и магнолий, который далеко разносился вокруг.

Подъехав еще ближе, я услышал смутный гул голосов, мужских, женских и детских, с характерными для негритянской речи интонациями. Я заранее представлял себе уже не раз виденную мной картину: мужчи-

---

[1] Пик — мелкая серебряная монета стоимостью в 6,25 цента.

ны и женщины заняты разными домашними делами; одни, сидя перед своими хижинами в тени деревьев, отдыхают после полевых работ (в этот час они уже окончены) или, собравшись кучками, весело болтают между собой; другие чинят у порога рыболовные сети или силки, с помощью которых надеются поймать «большую кошку» или выловить в тихой заводи «буйвол-рыбу»; кое-кто из мужчин колет дрова, вытаскивая их из общей большой поленницы, а длинноногие подростки относят их в хижины, где черные тетушки готовят вечернюю трапезу.

Эта патриархальная картина навела меня на размышления о кое-каких преимуществах «единовластия» в деревне, если не в образе рабовладельца, то в духе Раппа [1] и «социальных экономистов».

«Вот как при таком патриархальном строе можно обходиться без сложного государственного аппарата, — говорил я себе. — Как это просто и мило и вполне достигает цели!»

Да, конечно. Но я проглядел одно обстоятельство — несовершенство человеческой природы: проглядел возможность, даже вероятность, увы, чаще всего неизбежность превращения патриарха в деспота.

Но что это? Громкий голос... вернее, крик.

Крик радости? Нет, напротив, в нем слышится страдание. Болезненный стон, крик смертельной муки. Другие долетавшие до меня голоса звучали взволнованно, даже зловеще и не были похожи на обычный деревенский гомон.

Снова раздался этот крик смертельной муки, еще громче и протяжней. Он слышался из негритянского поселка. В чем дело?

Я пришпорил свою лошадь и галопом поскакал в деревню.

---

[1] Рапп Георг (1757—1847) — немецкий эмигрант в США. В 1804 году основал колонию «Гармония», члены которой должны были соблюдать равенство, общность имущества и безбрачие. В 1823 году «Гармония» была продана знаменитому социалисту-утописту Роберту Оуэну. Взамен нее Рапп основал колонию «Экономия».

Глава XXVII

«ДЬЯВОЛЬСКИЙ ДУШ»

Через несколько секунд я выехал на широкую дорогу между двумя рядами хижин и, натянув поводья, осмотрелся вокруг.

Зрелище, которое я увидел, мигом развеяло мои мечты о патриархальной идиллии. Передо мной была картина тирании и пыток — сцена из трагической жизни рабов.

На самом краю поселка, в стороне от дома надсмотрщика, за оградой виднелось большое здание — сахароварня. Внутри ограды стоял огромный насос высотой в десять футов с водоотливом на верхнем конце. Насос снабжал водой сахароварню, куда вода стекала по узкому жолобу. Под насосом был устроен помост высотой в два-три фута, чтобы человек, качающий воду, мог достать до его ручки.

Я сразу обратил внимание на этот помост, так как мужчины обступили его плотным кольцом, а женщины и дети, столпившись вдоль ограды, смотрели туда же.

Все собравшиеся казались мрачными и подавленными, их лица выражали жалость и испуг. Я слышал ропот, короткие восклицания и всхлипывания, свидетельствующие об общем сочувствии кому-то, кто страдает. Я видел сурово сдвинутые брови, говорившие о жажде мести. Но таких было немного; у большинства лица выражали лишь ужас и покорность.

Нетрудно было догадаться, что услышанный мною крик раздавался среди тех, кто стоял вокруг насоса, и, взглянув туда, я сразу понял, в чем дело. Здесь наказывали кого-то из рабов.

Сбившиеся в кучу люди заслоняли от меня несчастного раба, но я увидел над их головами обнаженного по пояс негра Габриэля, стоявшего на площадке и изо всех сил качавшего воду.

Габриэль был высокий и очень сильный негр бамбара; на плечах у него было выжжено по клейму «королевской лилии». Этот человек свирепого вида отличался, как мне говорили, жестоким и грубым нра-

вом; его боялись не только негры, но даже белые, которым приходилось иметь с ним дело. Сейчас наказывали не его — наоборот, он, видимо, служил орудием пытки.

Да, это наказание было настоящей пыткой, я хорошо знал его.

Жолоб, проводящий воду, был отодвинут; жертва стояла под насосом, на том месте, куда падала струя воды. Несчастного крепко привязали к кольям, так, что он не мог пошевелиться, и струя непрерывно лилась ему на темя.

«И это пытка?» — спросите вы. Вы, может быть, не верите? Вы думаете, что это вовсе не так мучительно? Просто купанье, холодный душ — и ничего больше!

Вы правы. Первые полминуты это просто холодный душ, но дальше... Поверьте, струя расплавленного свинца или частые удары обухом по голове причиняют не больше страданий, чем эта непрерывно падающая струя холодной воды. Это невыносимая пытка, жестокое истязание! Недаром его прозвали «дьявольским душем»!

Но вот снова раздался крик смертельной муки, от которого кровь застыла у меня в жилах.

Как я уже говорил, сначала я не видел жертвы этой пытки. Но когда я подъехал ближе, негры поспешно расступились, как будто хотели сделать меня свидетелем происходящего. Все они знали меня и, наверно, заметили, что я от души сочувствую их обездоленному народу.

Тут мне открылась ужасная сцена; увидев ее, я вздрогнул. Пытали высокого, очень темного негра. Рядом с ним стояли, обнявшись, пожилая мулатка и молоденькая девушка — мать и дочь — и горько рыдали. Я слышал их крики и причитания, несмотря на громкий плеск воды и отделявшее меня от них расстояние. Я узнал их с первого взгляда: это были малютка Хлоя и ее мать!

Я быстро перевел глаза на несчастную жертву. Струя воды падала ему на голову и плотной завесой закрывала лицо, но по большим, торчащим, как крылья, ушам я сразу узнал, кто он. Это был Сципион.

И снова я услышал крик смертельной муки, такой скорбный и долгий, словно он вырвался из глубины его души.

Я не стал дожидаться, чтобы он замолк. Меня отделяла от страдальца дощатая ограда. Ну так что ж? Ни минуты не раздумывая, я повернул лошадь, чтобы дать ей разбег, пришпорил ее, и она, как птица, перелетела через ограду. Не останавливаясь и не слезая с лошади, я подскакал к помосту, поднял хлыст и со всего размаха ударил Габриэля по обнаженной спине. Негр завопил, бросил ручку насоса, словно она была из раскаленного железа, и, спрыгнув с помоста, с воем бросился к своей хижине.

В толпе негров послышались одобрительные возгласы; но моя лошадь, разгоряченная неожиданным прыжком, храпела и рвалась вперед, так что прошло несколько минут, прежде чем я успокоил ее. Тут я заметил, что негры внезапно притихли и ропот одобрения сменила зловещая тишина. Я услышал, как те, что стояли ближе, бормотали, чтобы я поостерегся, как будто опасаясь за меня. Кто-то крикнул:

— Ларкин, Ларкин! Берегитесь, масса! Он идет сюда!

Тут за моей спиной послышалось отвратительное ругательство. Я обернулся. Да, это был надсмотрщик.

Он только что вышел из задних дверей своего дома; все это время он наблюдал за пыткой из своего окна.

Мне до сих пор не приходилось встречаться с ним. Ко мне приближался человек с грубым и жестоким лицом, франтовато, но безвкусно одетый, с тяжелым бичом в руке. Он весь побелел от ярости и, повидимому, собирался напасть на меня. При мне не было другого оружия, кроме тонкого хлыста, но я приготовился к защите.

Он бежал, выкрикивая страшные проклятия.

Поравнявшись с моей лошадью, он остановился и проревел:

— Как ты смеешь, чорт тебя дери, совать нос в мои дела? Кто ты такой, будь ты проклят?! Разве ты...

Вдруг он разом оборвал свой крик и уставился на меня. Я смотрел на него с таким же удивлением, так как узнал в нем моего противника на пароходе. Это был герой с охотничьим ножом! В то же мгновение и он узнал меня. Он остолбенел от неожиданности, но тут же пришел в себя.

— Провались ты к дьяволу! — закричал он, приходя в еще большее бешенство. — Так это ты? К чорту бич! У меня есть для тебя кое-что получше!

С этими словами он выхватил из кармана пистолет и взвел курок, целясь мне в грудь.

Я был верхом, и лошадь моя не стояла на месте, иначе он, наверно, сразу выстрелил бы в меня; но когда пистолет блеснул в его руке, лошадь взвилась на дыбы и прикрыла меня своим телом.

Как я сказал, у меня не было никакого оружия, кроме хлыста. К счастью, это был крепкий хлыст с тяжелой кованой рукояткой. Я быстро перевернул его в руке и, когда передние копыта моей лошади вновь коснулись земли, глубоко вонзил ей шпоры в бока; она сделала громадный скачок вперед. Теперь я оказался прямо против моего противника; когда лошадь прыгнула, он отступил назад и не успел снова прицелиться. Прежде чем он навел на меня пистолет, я изо всей силы ударил его рукояткой хлыста по голове, и он, согнувшись, свалился на землю. Падая, он спустил курок, но пуля, к счастью, вонзилась в землю между копытами моей лошади, никого не задев. А пистолет отлетел в сторону и упал недалеко от него.

Поистине мне повезло: я во-время пришпорил лошадь, а она сделала точный прыжок. Если бы я промахнулся, мне не удалось бы снова его ударить. Пистолет был двуствольный, притом позже оказалось, что у Ларкина есть и второй такой же.

Надсмотрщик лежал неподвижно, как мертвый, и я начал бояться, не убил ли я его. Это грозило бы мне тяжелыми последствиями. Хотя я и не нападал на него, а защищался, но кто бы это доказал? Свидетельства всех окружавших меня людей, вместе взятые, не стоили клятвы одного белого человека, а уж в данном слу-

Лошадь сделала громадный скачок вперед.

чае они ровно ничего не стоили. Если принять во внимание, что́ было поводом нашего столкновения, их свидетельство могло скорее повредить мне, чем помочь. Да, трудное положение...

Сойдя с лошади, я подошел к лежавшему на земле Ларкину, которого окружили негры. Они расступились передо мной. Став на колени, я осмотрел его голову. Кожа была рассечена, и из раны сочилась кровь, но череп был невредим.

Убедившись в этом, я успокоился. И в самом деле, не успел я подняться с колен, как с облегчением увидел, что Ларкин, которого спрыснули холодной водой, начинает приходить в себя. Тут я заметил у него за пазухой второй пистолет. Я вытащил его, поднял тот, что лежал на земле, и взял их себе.

— Когда он очнется, передайте ему, — сказал я, — что, если он вздумает еще раз на меня напасть, у меня тоже будет оружие.

и я оказался прямо против моего врага.

Затем я приказал отнести его домой, а сам занялся его жертвой. Бедный Сципион! Он перенес такую страшную пытку, что еще долго не мог объяснить мне, за что был так жестоко наказан. Но когда он наконец рассказал, в чем дело, кровь закипела во мне от возмущения.

Сципион застал Ларкина за деревней около сарая, куда тот тащил маленькую Хлюю; девочка кричала и вырывалась. Возмущенный отец, понятно, заступился за дочку и ударил надсмотрщика. За это, согласно закону, негру могли отрубить руку. Но белый негодяй побоялся дать огласку этому делу, чтобы не повредить себе, и предпочел заменить законное наказание доморощенной пыткой под насосом.

Первым моим побуждением, когда я услышал эту гнусную историю, было вернуться на плантацию, рассказать все мадемуазель Безансон и убедить ее в необходимости избавиться от этого негодяя, чего бы ей

это ни стоило. Но, поразмыслив, я изменил свое намерение. Я подумал, что лучше поеду завтра утром, чтобы решить дело, гораздо более важное для меня. Завтра я хотел говорить с ней об Авроре.

«Я могу начать разговор с бедного Сципиона, — подумал я.—Это будет вступлением к более важной теме».

Пообещав моему старому приятелю заступиться за него, я вскочил в седло и тронулся в путь, провожаемый горячо благодарившими меня неграми.

Пока я ехал шагом по деревне, женщины и девушки-подростки выбегали из хижин и, хватаясь за стремена, целовали мне ноги.

На минуту я даже забыл о пылкой любви, все это время наполнявшей мое сердце. Ее место заняло спокойное, сладостное счастье — счастье от сознания, что я совершил доброе дело.

Глава XXVIII

ГАЙАР И БИЛЛ-БАНДИТ

Покинув негритянский поселок, я раздумал ехать кружным путем. Теперь мадемуазель Безансон, наверно, узнает о моем посещении, и не важно, увидят ли меня из дома. Я был разгорячен не меньше, чем моя лошадь, и нам ничего не стоило преодолеть любое препятствие. Итак, я повернул обратно, перескочил через две-три ограды, пересек хлопковое поле и выехал на береговую дорогу.

Вскоре лошадь моя успокоилась, и я поехал медленней, размышляя о только что происшедших событиях.

Я был уверен, что Гайар устроил этого негодяя на плантацию с какой-то тайной целью. Знали ли они друг друга раньше, я не мог сказать, но подобные люди инстинктивно находят и с первого слова понимают друг друга; вполне возможно, что Гайар и подобрал его только после кораблекрушения.

На пароходе, судя по тому, с каким азартом Ларкин держал пари, я думал, что он просто шулер; возможно,

что в последнее время он и занимался этим. Однако несомненно, что ему и раньше приходилось «погонять» негров; во всяком случае, он не был новичком в этом деле.

Странно, что он столько времени служил на плантации и ничего не знал обо мне. Впрочем, это объяснялось очень просто: пока я жил у мадемуазель Эжени, он ни разу не встречался со мной. Кроме того, он, вероятно, и не подозревал, что она — та самая дама, чьим спасательным поясом он хотел завладеть. Это предположение было вполне правдоподобным, так как на судне были и другие дамы, спасавшиеся при помощи стульев, кресел и пробковых поясов. Вероятно, он не видел мадемуазель Эжени до того, как она спрыгнула в воду, и потому не мог теперь ее узнать.

Причина моей болезни была известна только мадемуазель Эжени, Авроре и Сципиону, которому приказали не болтать об этом с неграми. Кроме того, надсмотрщик, будучи на плантации человеком новым, почти не видел свою хозяйку и получал все распоряжения от Гайара; к тому же это был невежественный и тупой детина.

Вероятнее всего, до нашей встречи он не подозревал, что я его бывший противник на судне, а Эжени Безансон та дама, за которой он было погнался. Он, конечно, слышал, что я живу на плантации, но считал, что я просто пассажир с потерпевшего аварию парохода, раненый или ошпаренный, каких очень много подобрали на берегу; не было почти ни одного дома у реки, где не приютили бы какого-нибудь раненого или захлебнувшегося человека. Вдобавок он был очень занят своими делами, или, вернее, делами Гайара, ибо я не сомневался, что между ними существует какой-то тайный сговор. Как он ни туп, у него есть качества, которые его хозяин мог оценить дороже ума и которыми сам не обладает: грубая сила и наглость. Он, конечно, нужен Гайару, иначе тот не держал бы его здесь.

Теперь он узнал меня и, видимо, не скоро забудет. Станет ли он искать случая мне отомстить? Да, несомненно, но, вероятно, каким-нибудь тайным, подлым

способом. Я не боялся, что он нападет на меня открыто. Я был уверен, что он чувствует себя побежденным и трусит. Мне уже приходилось встречать таких людей, и я знал, что, потерпев поражение, они тотчас поджимают хвост. Это был не смельчак, а наглец.

Я не боялся открытого нападения. Но мне могла угрожать тайная месть, а может быть, и преследование закона.

Вас, вероятно, удивит, что мне пришла в голову мысль о законе? Но это так, и у меня для этого были основания.

* * * * * * * *

Узнав тайные цели Гайара, раскрыв его гнусные намерения завладеть Авророй и встретившись с Ларкином, я понял, что настало время действовать. Меня охватила тревога, и я решил, что должен как можно скорее поговорить с мадемуазель Безансон о том, что больше всего волновало меня, — о выкупе Авроры. Теперь, когда мы с Авророй открылись друг другу и, можно сказать, обручились, нельзя было терять даром и часа.

Я подумал было вернуться назад и уже повернул свою лошадь, но снова заколебался. Меня взяло сомнение. Я опять повернул лошадь и поехал в Бринджерс, решив, что возвращусь завтра рано утром.

Въехав в селение, я отправился прямо в гостиницу. На столе в своей комнате я нашел письмо с чеком на двести фунтов стерлингов. Его переслал мне Новоорлеанский банк, получивший для меня деньги из Англии. В письме сообщалось, что через несколько дней мне вышлют еще пятьсот фунтов. Я почувствовал большое облегчение, получив эти деньги, так как мог теперь уплатить свой долг Рейгарту, что и сделал с большим удовольствием в тот же день.

Я провел ночь в сильной тревоге и почти не сомкнул глаз. И неудивительно: завтра решалась моя судьба. Что принесет мне этот день — счастье всей жизни или отчаяние? Тысячи надежд и опасений осаждали меня;

моя участь зависела от предстоящего разговора с Эжени Безансон. Я ждал этого разговора с еще бо́льшим волнением, чем вчерашнего свидания с Авророй, быть может, потому, что теперь я меньше надеялся на благоприятный исход.

Рано утром, как только можно было нанести визит, не нарушая приличий, я был уже в седле и скакал к плантации Безансонов.

Выезжая из селения, я заметил, что встречные смотрят на меня с каким-то особым интересом.

«Видно, им известно о моем столкновении с надсмотрщиком, — подумал я. — Наверно, негры уже всё разболтали. Такие вещи быстро узнаются».

Однако мне показалось, что люди глядят на меня отнюдь не дружелюбно. Неужели меня осуждают за то, что я защищался? Обычно победитель в подобном столкновении вызывает всеобщее сочувствие, тем более в верной рыцарским традициям Луизиане. Почему же эти люди косо смотрят на меня? В чем я провинился? Я ударил хлыстом человека, которого все считают наглецом, и сделал это, лишь защищаясь. По местным понятиям, мой поступок должен был вызвать всеобщее одобрение.

Тогда почему же... Впрочем, понял! Вот в чем дело: я стал между белым и черным. Я заступился за негра и не дал наказать его. Вот что могло быть причиной этой враждебности. Возможно, была и другая, хотя и нелепая причина. В окрестностях ходили слухи, что я «в близких отношениях с мадемуазель Безансон» и будто в один прекрасный день «этот выскочка», которого никто не знает, похитит богатую наследницу.

Нет такого уголка на земле, где подобная удача не вызвала бы зависти. Соединенные Штаты не были исключением из общего правила, и я знал, что из-за этих глупых сплетен на меня косятся многие молодые плантаторы и щеголеватые торговцы, слоняющиеся по улицам Бринджерса.

Я ехал, не обращая внимания на эти враждебные взгляды, и скоро забыл и думать о них. Душа моя была полна тревоги перед предстоящим свиданием, и такие мелочи не трогали меня.

Джени, конечно, уже знает о вчерашнем происшествии. Интересно, что она думает о нем? Я был уверен, что негодяя надсмотрщика навязал ей Гайар. Вряд ли он мог нравиться ей. Вопрос в том, хватит ли у нее смелости, вернее — будет ли в ее власти прогнать его даже после того, как она узнает, что он за негодяй. Вот в чем я сомневался.

Я горячо сочувствовал бедной девушке. Я был уверен, что она должна Гайару очень крупную сумму и этим он держит ее в руках. Все, что он говорил вчера Авроре, лишь подтверждало мои догадки. Кроме того, до Рейгарта дошли слухи, что Гайар недавно подал в суд ко взысканию долга, и его иск удовлетворен новоорлеанским судом; ему не ставят никаких препятствий, и он может в любой момент потребовать наложения ареста на все ее имущество или на значительную его часть, покрывающую нужную сумму. Все это Рейгарт рассказал мне накануне вечером; его сообщение еще больше встревожило меня и заставило особенно спешить с выкупом Авроры.

Пришпоривая коня, я скакал галопом и вскоре подъехал к плантации. У ворот я спешился. Здесь никого не оказалось, чтобы принять у меня лошадь, но в Америке на это не обращают внимания, и садовая решетка или просто ветка часто заменяют конюха.

Вспомнив об этом обычае, я привязал лошадь к ограде и направился к дому.

Глава XXIX

«ОНА ВАС ЛЮБИТ!»

Вполне понятно, что я снова вспомнил моего вчерашнего противника. Встречу ли я его? Вряд ли. Знакомство с моим хлыстом, вероятно, вызвало у него такую головную боль, что он несколько дней не выйдет из дому. Однако я был готов к неожиданной встрече. За пазухой у меня лежал его двуствольный пистолет, которым я решил воспользоваться, если он нападет на ме-

ня. Первый раз в жизни я носил запрещенное оружие, но в те времена таков был обычай в этой стране, обычай, которому следовали девятнадцать из двадцати встречных на улице — плантаторы, торговцы, адвокаты, врачи и даже священники! Итак, я приготовился, и меня не пугала встреча с Биллом-бандитом. И если сердце мое билось слишком часто, а походка была не очень уверенной, то это только из-за предстоящего разговора с его госпожой.

Я вошел в дом, изо всех сил стараясь подавить свое волнение. Мадемуазель Эжени была в гостиной. Она встретила меня спокойно и непринужденно. К моему удивлению и удовольствию, она казалась веселей, чем обычно, и я заметил многозначительную улыбку на ее лице. Я даже подумал, что она довольна вчерашним происшествием, ибо, несомненно, знала о нем. Я это ясно видел.

Авроры не было в гостиной, и я был рад, что ее нет. Я надеялся, что она совсем не придет или хотя бы не скоро. Я был смущен. Я не знал, как начать разговор, как приступить к вопросу, который так давно лежал у меня на душе. Мы перекинулись несколькими незначительными фразами, а затем заговорили о вчерашних событиях. Я все рассказал ей, все, за исключением сцены с Авророй. О ней я умолчал.

Некоторое время я колебался, говорить ли ей, кем оказался ее надсмотрщик. Когда она узнает, что это тот самый негодяй, который ранил меня и, если бы не мое вмешательство, погубил бы ее, она, конечно, настоит на том, чтобы его прогнали, чего бы это ей ни стоило.

На минуту я задумался о последствиях такого шага. «Если этот негодяй останется подле нее, она никогда не будет в безопасности, — подумал я. — Лучше ей отделаться от него раз навсегда». И я решился рассказать ей все. Она была потрясена; несколько минут она сидела, сжав руки, в безмолвном отчаянии. Наконец она простонала:

— Гайар... Гайар... Это все он, все он... Боже мой! Боже мой! Где мой отец? Где Антуан? О боже, сжалься надо мной!

Выражение ее прелестного, омраченного горем лица глубоко тронуло меня. Она была похожа на ангела скорби, печального, но прекрасного.

Я пытался успокоить ее, говоря обычные слова утешения. Конечно, я не знал всех причин ее горя, однако она внимательно выслушала меня, и, кажется, мои слова были ей приятны.

Тогда, набравшись храбрости, я решился спросить, что ее так угнетает.

— Мадемуазель Эжени, — сказал я, — простите мою смелость, но вот уже некоторое время я наблюдаю... вернее, замечаю, что какая-то тайная печаль удручает вас...

Она посмотрела на меня с молчаливым удивлением. Я немного растерялся, заметив этот странный взгляд, а затем продолжал:

— Простите меня, мадемуазель Эжени, если я слишком смело говорю с вами, но, уверяю вас, мои намерения...

— Продолжайте, сударь, — ответила она спокойным, печальным голосом.

— Я заговорил об этом потому, что, когда имел удовольствие впервые познакомиться с вами, вы держали себя иначе... можно сказать, совершенно не так, как сейчас...

Она взглянула на меня и ответила мне лишь печальной улыбкой. Я на минуту умолк, а потом продолжал:

— Когда я впервые заметил в вас эту перемену, мадемуазель Эжени, я объяснял ее горем по погибшему верному слуге и другу.

Она снова грустно улыбнулась.

— Но с тех пор прошло уж много времени, а ваше горе...

— Вы замечаете, что горе мое все не проходит?

— Да.

— Вы правы, сударь, это так.

— Поэтому я и решил, что есть какая-то другая причина вашей печали, и невольно стал искать ее...

Я снова встретил ее удивленный, испытующий взгляд и замолчал. Но вскоре я опять заговорил, желая высказаться до конца:

— Простите, что я вмешиваюсь в ваши дела, но позвольте мне спросить вас... Мне кажется, что причина вашего несчастья Гайар?

Она вздрогнула, услышав мой вопрос, и сильно побледнела. Но в следующую минуту овладела собой и ответила спокойно, но со странным выражением лица:

— Увы, сударь, ваши подозрения справедливы лишь отчасти... О боже, помоги мне!—вдруг воскликнула она, и в голосе ее прозвучало отчаяние. Затем, сделав над собой усилие, она продолжала другим, более спокойным тоном: — Пожалуйста, сударь, оставим этот разговор. Я обязана вам жизнью и глубоко благодарна. Если бы я знала, как отплатить вам за ваше великодушие и вашу... вашу дружбу! Быть может, когда-нибудь вы все узнаете... Я и сейчас сказала бы вам, но тут... тут есть еще причина, и я... нет, я не могу!

— Мадемуазель Эжени, умоляю вас, не думайте, что это лишь праздный вопрос. Я спросил не из пустого любопытства. Поверьте, у меня были благородные побуждения...

— Я знаю, сударь, знаю... Но лучше оставим эту тему. Прошу вас, поговорим о чем-нибудь другом.

О другом! Мне не нужно было искать новую тему для разговора — стоило только дать волю своему чувству. Это чувство, переполнявшее мое сердце, само просилось наружу. И в быстрых, бессвязных словах я поведал ей о своей любви к Авроре.

Я подробно описал историю моей любви с первой встречи, когда я принял ее за видение, до последнего объяснения, когда мы дали друг другу слово.

Эжени сидела на низком диване против меня, но из застенчивости я говорил, не поднимая глаз. Она слушала, не прерывая меня, и мне казалось, что это добрый знак.

Но вот я кончил и с замиранием сердца ждал от нее ответа, как вдруг услышал глубокий вздох, затем глухой стук и сразу поднял глаза. Эжени лежала на полу. Она была в обмороке.

Быстро нагнувшись, я поднял ее и уложил на диван. Затем повернулся, собираясь позвать кого-нибудь на

помощь, но в ту же минуту дверь отворилась, и кто-то вбежал в комнату. Это была Аврора.

— Боже мой! — воскликнула она. — Вы убили ее! Она вас любит! Она вас любит!

Глава XXX

ТРЕВОЖНЫЕ ДУМЫ

Эту ночь я снова провел без сна. Что теперь с Эжени? Что с Авророй?

Всю ночь меня осаждали мысли, в которых радость причудливо переплеталась с грустью. Любовь квартеронки наполняла меня радостью, но, увы, при мысли о креолке меня охватывала глубокая грусть. Теперь я не сомневался, что Эжени меня любит, однако это чувство не только не радовало меня, но, напротив, вызывало во мне горячую жалость. Только низкая, тщеславная душа может упиваться такой победой, только жестокое сердце может радоваться любви, которую не в состоянии разделить! Я этого не мог. Я был глубоко огорчен.

Я старался восстановить в памяти все, что произошло между мной и Эжени Безансон со времени нашего знакомства. Я допрашивал свою совесть: был ли я в чем-либо виноват перед ней? Пытался ли я словом, взглядом или поступком вызвать ее любовь? Произвести на нее особое впечатление, которое в таком увлекающемся сердце часто переходит в глубокое чувство? Может быть, еще на пароходе? Или после? Я вспомнил, что, когда впервые увидел ее, я смотрел на нее с восхищением. Вспомнил, что заметил в ее взгляде странный интерес ко мне, и приписал его простому любопытству или чему-то в этом роде. Тщеславие, которое не чуждо мне, как и всякому другому, не заговорило во мне тогда, не объяснило, что значит этот нежный взгляд, не подсказало, что это росток любви, который может превратиться в пышный цветок. Моя ли вина, что этот роковой цветок распустился?

В ту же минуту дверь отворилась, и в комнату вбежала Аврора.

Я подробно вспомнил все, что произошло между нами за это время. Вспомнил все события на пароходе и последнюю трагическую сцену. Но я не мог припомнить ни взгляда, ни слова, ни поступка, за который мог бы осудить себя. Я допросил свою совесть, и она сказала мне, что я не виноват.

И дальше — после той ужасной ночи, после того как таинственное лицо с блестящими глазами, словно видение, промелькнуло в моем затуманенном сознании, я был не повинен ни в одном низменном помысле. В дни моего выздоровления, за все время, проведенное на плантации, я ни в чем не мог себя упрекнуть. Я выказывал Эжени Безансон только глубокое уважение и больше ничего. Втайне я чувствовал к ней искреннюю симпатию, особенно после того, как заметил происшедшую в ней перемену и боялся, что зловещая туча грозит ее счастью. но не высказывал их. Бедная Эжени! Я и не подозревал, что это за туча! Не подозревал, как она черна.

Несмотря на то что я не чувствовал за собой вины, я очень страдал. Если бы Эжени Безансон была заурядной женщиной, я отнесся бы к этому более легко. Но как перенесет боль неразделенной любви это благородное сердце, такое пылкое и чувствительное? Какой это для нее ужасный удар! Быть может, особенно тяжелый потому, что соперницей оказалась ее собственная невольница.

Так вот какой поверенной открыл я свою тайну! Вот кому поведал я историю моей любви! Ах, зачем я сделал это признание? Какую боль я причинил прекрасной и несчастной девушке!

Все эти печальные мысли осаждали меня; но были и другие, не менее горькие, хотя они и шли из другого источника. Каковы будут последствия моей откровенности? Как все это отразится на нашей участи — моей и Авроры? Как поступит Эжени? Как отнесется ко мне? И к Авроре, своей невольнице?

Она не ответила на мое признание. Ее безмолвные уста не произнесли ни слова на прощанье. С минуту я смотрел на ее неподвижное тело. Но Аврора кивнула

мне, чтобы я уходил, и я покинул их в полном смятении, не сознавая, куда иду.

Что же будет теперь? Я с дрожью думал об этом. Гнев, вражда, месть?

Может ли эта чистая, благородная душа питать такие чувства?

«Нет, — думал я, — Эжени Безансон слишком добра, слишком женственна, она на это не способна. Могу ли я надеяться, что она пожалеет меня, так же как я жалею ее? Или не могу? Ведь она креолка и унаследовала горячую кровь своих предков. Если в ней вспыхнет ревность и жажда мести, ее благодарность может угаснуть, а любовь превратится в ненависть. Ее собственная невольница!»

Ах, я прекрасно понимаю все значение подобных отношений, но не сумею вам объяснить их до конца. Вам не понять этого страшного неравенства. Представьте себе унизительный брак помещика-аристократа с дочерью его холопа или знатной дамы с ее безродным лакеем и подумайте, какое возмущение, какой скандал вызовет этот редкий случай. Но все это ничто в сравнении с отвращением и ужасом, которые вызовет белый, вступивший в законный брак с невольницей. Не важно, что у нее белая кожа, не важно, что она красавица, даже такая красавица, как Аврора, — тот, кто захочет жениться на ней, должен увезти ее подальше от родины, подальше от тех мест, где ее знают. Взять ее в наложницы — другое дело! Подобная связь простительна. Южное «общество» готово признать рабыню-наложницу, но никак не рабыню-жену: это немыслимо, чудовищно, этого общество не потерпит.

Я знал, что умница Эжени стоит выше предрассудков своего класса, но даже и от нее трудно было ожидать, что она не посчитается с предрассудком, запрещающим жениться на рабе. Да, надо поистине обладать сильным духом, чтобы сбросить с себя оковы, в которых держат человека воспитание, привычки, обычаи, весь жизненный уклад. Несмотря на характер Эжени, несмотря на ее привязанность к Авроре, я не мог на это надеяться.

Аврора была ее наперсницей, ее подругой, но все же и ее рабой!

Я дрожал при мысли о будущем. Я дрожал, ожидая новой встречи с Эжени. Впереди я видел лишь опасности и мрак. У меня была только одна надежда, одна радость — любовь Авроры!

* * * * * * * *

Я поднялся с постели после бессонной ночи. Быстро одевшись, я машинально проглотил свой завтрак. Но что было делать дальше? Ехать на плантацию и попытаться снова увидеть Эжени? Нет, не сейчас. У меня не хватало смелости. Пусть пройдет день-другой, и тогда я поеду. Быть может, Эжени пришлет за мной? Быть может... Во всяком случае, лучше переждать несколько дней. Ах, какими долгими будут они для меня!

Общество людей было мне невыносимо. Я избегал разговоров, хотя заметил, как и накануне, что привлекаю всеобщее внимание и, очевидно, служу предметом пересудов среди завсегдатаев бара и моих знакомых по биллиарду. Чтобы избежать их, я не выходил из своей комнаты и пытался убить время за книгой.

Но вскоре мне надоела эта жизнь отшельника, и на третье утро я взял ружье и отправился в лес.

Вскоре я шагал между рядами высоких пирамидальных кипарисов, густая, непроницаемая зелень которых смыкалась надо мной, закрывая небо и солнце. Сумрак, царивший в лесу, отвечал моему настроению, и я шел, погруженный в свои мысли, не замечая, куда иду.

Я не искал дичи. Я и не думал об охоте. Ружье болталось у меня за плечом. Енот, который обычно выходит только ночью, в этом темном лесу встречается и среди дня. Я видел, как этот зверек прятал свою добычу в заводи и скользил между стволами кипарисов. Я видел, как опоссум пробирался по упавшему тополю, а рыжая белка, мелькая, словно яркий огонек, прыгала, распушив хвост, на высоком тюльпанном дереве. Я видел крупного болотного зайца, скакавшего по краю густых камышовых зарослей, и еще более заманчивая дичь —

быстрая лань дважды промелькнула передо мной, выскочив из темной чащи деревьев. Попался на моем пути и дикий индюк в пышном наряде из блестящих перьев; а когда я шел по берегу речной протоки, мне много раз представлялся случай подстрелить голубую или белую цаплю, дикую утку, тонкого ибиса или длинноногого журавля. Даже сам царь этого пернатого царства — белоголовый орел, с громким клекотом летавший над верхушками громадных кипарисов, был не раз на выстрел от меня.

Однако двустволка попрежнему висела у меня за плечом, я даже ни разу не прицелился из нее. Никакая охота не шла мне на ум и не могла отвлечь от мыслей, занятых тем, что было для меня важнее всего на свете — квартеронкой Авророй.

Глава XXXI

СОН

Погруженный в свои думы и любовные мечты, я шел наугад, не отдавая себе отчета, куда и сколько времени я иду.

Я очнулся, увидев впереди широкий просвет, и вскоре, выйдя из тенистого леса, неожиданно оказался на красивой поляне, залитой солнечным светом и усыпанной цветами. В этом диком саду, пестревшем венчиками всех оттенков, бросались в глаза бигнонии и яркие головки диких роз. Деревья вокруг поляны тоже стояли все в цвету. Это были различные виды магнолий; на некоторых крупные, похожие на лилии цветы уже сменились не менее заметными яркокрасными шишками с семенами, и воздух был напоен их пряным, но приятным ароматом. Тут же росли и другие цветущие деревья, и их благоухание смешивалось с ароматом магнолий. Не менее интересны были и медовая акация с ее мелкими перистыми листьями и длинными красновато-коричневыми плодами, и виргинский лотос с продолговатыми янтарно-желтыми ягодами, и своеобразная

маклюра с крупными, похожими на апельсины околоплодниками, такими же, как у многих тропических растений.

Осень начала уже понемногу хозяйничать в лесу, и яркие мазки ее палитры проступали на листве американского лавра, сумака, персимона, ниссы и других представителей американских лесов, которые любят наряжаться в пестрые уборы, прежде чем сбросить свою листву. Кругом все переливалось желтым, оранжевым, красным, малиновым цветами и всевозможными их оттенками. Эти сочные краски, пылая под яркими лучами солнца, создавали необыкновенно живописную картину. Она напоминала скорее пышную театральную декорацию, чем живую природу.

Несколько минут я стоял как зачарованный. На фоне этой природы мои любовные мечты как будто стали еще ярче. Если бы Аврора была здесь, если бы она могла любоваться природой, гулять со мной по цветущей поляне, сидеть подле меня в тени магнолий, я был бы бесконечно счастлив. На всей земле не найти лучшего уголка. Вот истинный приют любви!

Вскоре я и правда увидел влюбленную парочку: два прелестных голубка — символ нежной любви — сидели рядышком на ветке тюльпанного дерева, и их бронзовые шейки вздувались, издавая нежное воркованье.

Ах, как я завидовал этим милым созданиям! Как бы мне хотелось быть на их месте! Быть вдвоем среди ярких цветов и сладких ароматов, весь день посвящая любви, и так всю жизнь!

Им не понравилось мое вторжение, и, заметив меня, они взмахнули крылышками и упорхнули. Вероятно, они испугались блестевшего за моим плечом ружья. Но им нечего было бояться: я не собирался их обижать, не хотел нарушать их блаженство.

Впрочем, нет, они меня не боялись, а то улетели бы подальше. Они просто вспорхнули на соседнее дерево и там, снова усевшись рядом, продолжали свою нежную беседу. Занятые своей любовью, они совсем забыли обо мне. Я подошел поближе, чтобы понаблюдать за этими хорошенькими птичками — олицетворением предан-

ности и любви. Я бросился на траву и смотрел, как они трогательно целуются и воркуют. Я завидовал их счастью.

Мои нервы были много дней в постоянном напряжении, и теперь наступила естественная реакция: я почувствовал страшную усталость. В прогретом солнцем воздухе было что-то усыпляющее, в нем был разлит дурманящий аромат цветов. Он успокоил мою тревогу, и я крепко уснул.

* * * * * * * *

Я проспал, наверно, не больше часа, но за это время видел много снов. В моем дремлющем сознании одна картина сменяла другую... Не все они были одинаково отчетливы, но в них все время присутствовали два образа, очень ясные, с хорошо знакомыми мне чертами: Эжени и Аврора.

В этих снах появлялся и Гайар, и свирепый надсмотрщик, и Сципион, и приятное лицо Рейгарта, и кто-то, похожий на верного Антуана. Даже несчастный капитан погибшего парохода, и сама «Красавица Запада», и «Магнолия», и наша катастрофа — все проходило передо мной с мучительной четкостью.

Но не все мои видения были тягостны. Некоторые, напротив, наполнили меня радостью. Вдвоем с Авророй бродил я по цветущим лугам и говорил с ней о нашей любви. Та самая поляна, на которой я лежал, привиделась мне и во сне.

Но странно: мне снилось, будто Эжени тоже была с нами и что она тоже счастлива; что она дала согласие на мой брак с Авророй и даже помогла нам упрочить наше счастье.

В этом сне Гайар был моим злым духом, он пытался отнять у меня Аврору. Мы вступили с ним в поединок, но тут мой сон внезапно оборвался...

* * * * * * * *

Передо мной возникла новая картина. Теперь моим злым духом была Эжени. Мне снилось, что она отверг-

ла мою просьбу, отказалась продать Аврору. Я видел ее ревнивой, враждебной и мстительной. Она осыпала меня проклятиями, а мою невесту угрозами. Аврора рыдала... Это было мучительное видение.

* * * * * * * *

Картина снова изменилась. Мы с Авророй были счастливы. Она была свободна, она стала моей, мы были женаты. Но наше счастье омрачала темная туча: Эжени умерла.

Да, умерла. Мне казалось, что я склонился над ней и взял ее за руку. Внезапно ее пальцы обхватили мою кисть и сжали в долгом пожатии. Ее прикосновение было мне неприятно, и я постарался высвободиться, но не мог. Холодная, липкая рука крепко схватила мои пальцы, и, как ни напрягал я свои силы, я не мог вырваться. Вдруг я почувствовал острую боль от укуса, и в ту же минуту холодная рука разжалась и выпустила мою.

Однако боль разбудила меня, и я невольно взглянул на свою руку, которая продолжала болеть. Да, несомненно, она была укушена, и с нее капала кровь!

Ужас охватил меня, когда я услышал рядом громкое «с-скр-р-р...» — звук, издаваемый гремучей змеей. Я оглянулся и увидел длинное, извивающееся тело, быстро уползающее от меня в густой траве.

Глава XXXII

УКУС ЗМЕИ

Моя боль не была сном, кровь на руке была настоящей. Теперь я не спал. Меня укусила гремучая змея!

В ужасе вскочил я на ноги. Еще не придя в себя, я машинально поднял руку и выдавил кровь из ранки. На кисти был лишь небольшой надрез, как от тонкого ланцета, и из него вытекло только несколько капель крови.

Такая царапина не испугала бы и ребенка, но я, взрослый человек, был в смертельном страхе: я знал, что этот маленький прокол сделан страшным инструментом — ядовитым зубом змеи — и что через час я должен умереть!

Первым моим побуждением было броситься за змеей и убить ее, но прежде чем я успел опомниться, она уже скрылась из виду. Неподалеку лежал толстый ствол огромного тюльпанного дерева с прогнившей сердцевиной. Без сомнения, тут и было убежище змеи, и прежде чем я успел подбежать к нему, я увидел, как ее длинное скользкое тело с ромбовидными пятнами скрылось в его темном отверстии. Я еще раз услышал громкое «с-скр-р-р...» — и змея исчезла. В ее треске слышалось торжество, словно она дразнила меня.

Теперь я не мог ее достать, но если бы даже я убил ее, это ничуть бы мне не помогло. Ее смерть не остановила бы действия яда, уже проникшего в мою кровь. Я прекрасно знал это, но мне все же хотелось ее убить. Я был взбешен и жаждал мести.

Но таково было лишь первое чувство. Вскоре оно перешло в ужас. Было что-то жуткое в поведении и остром взгляде этой гадины; ее непонятное нападение, затем бегство и исчезновение наполнили меня темным, суеверным страхом, словно это был перевоплотившийся злой дух.

Несколько минут я стоял как потерянный... Но, снова почувствовав боль от укуса и увидев на руке кровь, я пришел в себя. Надо было немедленно действовать, сейчас же достать противоядие. Но какое?

Я был полным невеждой в этой области. Ведь я учился в классическом колледже! Правда, последнее время я немного занимался ботаникой, но успел познакомиться только с деревьями, растущими в лесу, а из них ни одно не обладало такими целебными свойствами. О травах же, корнях или кустарниках, которые могли бы мне помочь, я ничего не знал. В лесу могло быть полно всяких средств от змеиного яда, а я умер бы, не воспользовавшись ими. Да, я мог бы лежать среди зарослей змеиного корня и умирать в страшных мучениях, до послед-

него своего вздоха не подозревая, что сок примятого мной скромного растения через несколько часов изгнал бы яд из моей крови и вернул бы мне жизнь и здоровье.

Но я не стал терять времени на размышления об этих средствах спасения. Я думал только об одном — как можно скорее добраться до Бринджерса. Вся моя надежда была на Рейгарта.

Я подхватил ружье и, снова углубившись в темный кипарисовый лес, нервно зашагал обратно. Я шел так быстро, как только мог, но от пережитого мною ужаса, должно быть, ослабел — колени мои дрожали и ноги подкашивались.

Однако я стремился вперед, не обращая внимания на свою слабость и ни на что кругом и думая только, как скорей добраться до Бринджерса и до Рейгарта. Я перескакивал через поваленные деревья, пробирался сквозь заросли камыша, сквозь густой подлесок из пальметто; ветви преграждали мне путь, рвали на мне одежду, царапали лицо. Вперед, через тинистые ручейки, через вязкие болота, через топкие пруды, кишащие отвратительными тритонами и громадными лягушками, которые сопровождали каждый мой шаг хриплым кваканьем, казавшимся мне зловещим. Вперед!

«Но куда я иду? Где тропинка? Где мои прежние следы? Тут их нет. Здесь тоже нет. Великий боже! Неужели я потерял дорогу? Потерял! Потерял!»

Эта мысль, как молния, сверкнула в моем мозгу. Я взволнованно осмотрелся по сторонам. Я внимательно оглядел землю кругом. Я не видел ни тропинки, ни других следов, кроме тех, что я только что оставил. Никаких признаков, напоминающих мой прежний путь! Я сбился с дороги! Сомненья нет — я заблудился!

Меня охватила дрожь отчаяния. При мысли о близкой гибели кровь леденела в жилах. И неудивительно: если я заблудился — значит, я погиб! Достаточно одного часа: за это время яд сделает свое дело. И меня найдут лишь волки да стервятники. О боже!

Теперь я еще яснее понял весь ужас моего положения, так как вспомнил, что мне говорили, будто в это время года — в начале осени — змеиный яд особенно

опасен и действует с наибольшей быстротой. Бывали случаи, что смерть наступала в течение часа.

«Боже милостивый! — подумал я. — Через час меня уже не станет!» Я невольно застонал.

Опасность подстегнула меня, и я снова бросился на поиски. Я повернул назад и пошел по своим следам; это лучшее, что я мог сделать, так как под темным сводом леса не было никакого просвета, который указал бы мне, что я приближаюсь к плантациям. Я не видел ни клочка голубого неба, предвещавшего близость лесной опушки, такой желанной для заблудившегося в лесу. Даже небо над моей головой было скрыто словно темной завесой, и когда я обращался к нему с молитвой, глаза мои видели только густую, мрачную зелень кипарисов, с которых свисала траурная бахрома испанского моха.

Мне оставалось либо идти обратно и попробовать отыскать потерянную тропинку, либо идти вперед, положившись на волю случая.

Я выбрал первое. Снова я продирался сквозь заросли камыша и густой подлесок, снова переходил вброд топкие протоки и увязал в илистых болотах.

Но не прошел я назад и ста ярдов, как опять начал сомневаться. Я вышел на более высокое и сухое место, где не отпечатались мои следы, и не знал, куда идти. Я бросался то туда, то сюда, но не находил своего прежнего пути. Я растерялся и окончательно запутался. Увы, я снова заблудился!

Заблудиться в лесу при обыкновенных обстоятельствах было бы не так страшно; проблуждать час-другой, даже провести ночь под деревом, не подкрепившись на сон грядущий, не испугало бы меня. Но теперь я был в совершенно ином положении, и мысль об этом не давала мне покоя. Скоро яд отравит мою кровь. Казалось, что я уже чувствую, как он растекается у меня по жилам.

Надо бороться, надо искать выход! Я снова бросился вперед, теперь уж наудачу. Я пытался идти все прямо, но тщетно. Толстые стволы хвойных деревьев вставали на моем пути, и мне приходилось все время обходить их, так что скоро я снова потерял направление. Но я все шел, то устало перебираясь через ручьи, то увязая в

болотах, то перелезая через поваленные деревья. По пути я вспугивал тысячи обитателей дремучего леса, и они провожали меня разноголосым криком. Пронзительно пищала цапля; ухала болотная сова; громадные лягушки громко квакали; отвратительный аллигатор ревел, раскрывая свою длинную пасть, и сердито уползал с моей дороги; порой мне казалось, что он вот-вот повернется и бросится на меня.

«Ура! Я вижу свет! Вон небо!»

Пока только маленькое голубое пятнышко — круглое пятнышко не больше тарелки. Но вы не можете себе представить, как я обрадовался этому маленькому просвету! Он был для меня то же, что маяк для заблудившегося моряка.

Там, должно быть, опушка леса! Да, сквозь деревья уже проникал солнечный свет, и постепенно лес все расступался передо мною. Несомненно, впереди — плантации. Выйдя из лесу, я быстро пересеку поля и доберусь до селения. Тогда я спасен! Рейгарт, наверно, знает, как бороться с ядом, и даст мне нужное лекарство.

С бьющимся сердцем, напрягая зрение, я спешил к светлой прогалине. Голубое пятно становилось все больше, появились новые просветы, лес становился все реже, я уже был недалеко от опушки.

С каждым шагом почва становилась суше и тверже, а деревья меньше. Причудливо разросшиеся корни кипарисов теперь не мешали мне быстро двигаться вперед. Я шел среди тюльпанных деревьев, кизила и магнолий. Деревья росли не так часто, их зелень была светлее, а тень не такая густая. И вот наконец я миновал последние заросли подлеска и вышел на солнечную поляну.

Горестный крик сорвался с моих губ, крик отчаяния. Я вышел к тому месту, откуда ушел, — я снова очутился на той же поляне!

Теперь я уже не пытался идти дальше. Усталость, разочарование и горе сломили мои силы. Я подошел, шатаясь, к лежащему на земле стволу, тому самому, в котором скрылся мой пресмыкающийся враг, и сел совсем убитый.

Казалось, мне суждено умереть на этой прелестной поляне, среди ярких цветов, среди живописной природы, которой я так недавно любовался, — на том самом месте, где я получил свою роковую рану...

Глава XXXIII

БЕГЛЕЦ

Человек не хочет расставаться с жизнью, пока не испытает все средства себя спасти. Каким бы сильным ни было отчаяние, однако есть люди, дух которых оно не может сломить. Впоследствии при подобных обстоятельствах я не поддался бы отчаянию, но тогда я был еще молод и неопытен.

Однако мое подавленное состояние длилось недолго. Вскоре я снова овладел собой и решил еще раз попытаться спасти свою жизнь.

У меня не было никакого плана, я хотел просто еще раз попробовать выбраться из лабиринта зарослей и болот и выйти к селению. Я подумал, что мне удастся определить направление с того места, откуда я в первый раз вышел на поляну. Однако и в этом я не был уверен. Я забрел сюда, не обращая внимания, как и куда иду. Прежде чем лечь и заснуть, я обошел поляну кругом. Возможно, что я уже кружил возле нее, прежде чем ее увидел, — ведь я все утро бродил по лесу.

Когда эти мысли пронеслись у меня в голове, я готов был снова прийти в отчаяние, но вдруг вспомнил, что кто-то говорил мне, будто табак — сильное средство против змеиного яда. Странно, что это не пришло мне в голову раньше. Впрочем, это было понятно, так как до сих пор я думал только о том, как мне добраться до Бринджерса.

Сначала, не полагаясь на собственные знания, я надеялся лишь на доктора. И только увидев, что не могу рассчитывать на его помощь, стал думать о том, что в силах сделать сам. И тут я вспомнил про табак.

Я поспешно вытащил портсигар. К моей радости, в нем оставалась еще одна сигара, и, вынув ее, я принялся разжевывать табак. Как я слышал, в таком виде его следовало приложить к ране. Во рту у меня пересохло, но от горького табака он скоро наполнился слюной, и, пересиливая тошноту, я быстро разжевал сухие листья в кашицу, пропитанную крепким никотином.

Положив эту влажную массу на свою кисть, я втер ее в ранку. Теперь я заметил, что рука моя сильно опухла до самого локтя и боль в ней все усиливалась. О боже мой! Яд уже действовал, быстро и неотвратимо! Мне казалось, что я чувствую, как огонь разливается по моим жилам.

Хотя я и приложил никотиновую примочку к руке, но слабо верил в ее действие, так как только мельком слышал о ее целебных свойствах. Вероятно, думал я, это одно из тысячи народных средств, которыми пользуются доверчивые люди. Только отчаяние заставило меня прибегнуть к нему.

Оторвав рукав своей рубашки вместо бинта, я обвязал руку, а затем повернулся и снова двинулся в путь. Но, не сделав и трех шагов, остановился как вкопанный. Прямо против меня на краю поляны стоял человек.

Он, очевидно, только что вышел из леса, к которому я направлялся, и теперь остановился, удивленный, увидев человека в таком глухом месте. Я встретил его радостным криком.

«Вот кто выведет меня отсюда! Вот мой спаситель!» — подумал я.

Каково же было мое удивление, огорчение, возмущение, когда он быстро отвернулся от меня, бросился в кусты и исчез.

Я был поражен его странным поведением. Я успел только мельком взглянуть на него и заметил, что это негр и что у него испуганное лицо. Но чем же я мог его напугать?

Я закричал ему, чтобы он остановился и вернулся назад. Я звал его сначала умоляющим, а потом строгим и угрожающим тоном. Но тщетно: он не остановился, не обернулся. Я слышал, как трещали ветки, когда он

продирался сквозь чащу, и с каждой минутой эти звуки все удалялись.

В этом человеке я видел единственное свое спасение. Мне нельзя было его упускать, и я бросился следом за ним.

Если я могу положиться на что-нибудь, так это на быстроту моих ног. А в те годы даже индейский бегун не мог бы меня обогнать, не то что неуклюжий, большеногий негр. Я знал, что стоит мне только его увидеть, как он уже не уйдет от меня, но в этом-то и заключалась трудность. Пока я раздумывал, он успел убежать довольно далеко и теперь скрылся из виду в чаще леса.

Но я слышал, как он, словно дикий кабан, ломится сквозь кустарник, и по этому треску продолжал гнаться за ним.

Я уже немного утомился от долгой ходьбы по лесу, но сознание, что жизнь моя зависит от того, настигну ли я негра, вливало в меня свежие силы, и я мчался за ним, как гончая собака. К несчастью, успех зависел не только от моего проворства, иначе эта гонка закончилась бы очень скоро. Трудность была в том, что мне приходилось продираться сквозь кусты, обегать толстые деревья, все время бороться с хлеставшими меня ветвями и то и дело пускаться в обход.

Но вот наконец я увидел его. Мелкий подлесок кончился. Из черной, топкой земли торчали только громадные стволы кипарисов, и далеко впереди под темными сводами деревьев я увидел негра, который попрежнему со всех ног удирал от меня. К счастью, на нем была светлая рубашка, иначе я не разглядел бы его в густой тени. Впрочем, он только промелькнул передо мной далеко впереди.

Лес здесь был не такой частый и заросли не преграждали мне путь. Теперь все зависело от быстроты, и не прошло и пяти минут, как я уже нагонял его, умоляя, чтобы он остановился.

— Стой! — кричал я. — Стой, ради бога!

Но негр ничего не отвечал. Он даже не повернул головы и продолжал бежать, разбрызгивая грязь.

Я повторил свою угрозу: — Стой, или я стреляю! —

— Стой! — продолжал я кричать во всю силу моих уставших легких, задыхаясь от бега. — Стой, друг! Что ты бежишь от меня? Я не сделаю тебе ничего плохого!

Но и эти слова не произвели на него никакого впечатления, он будто ничего не слышал. Мне показалось, что он еще ускорил свой бег или, может быть, вышел из болота и бежал теперь по твердой почве, а я как раз попал в топь. Расстояние между нами стало как будто увеличиваться, и я испугался, что он снова скроется от меня. Я знал, что от него зависит моя жизнь. Если он не выведет меня из леса, я погибну ужасной смертью. Он должен показать мне дорогу. Хочет он или не хочет, но я заставлю его!

— Стой! — крикнул я еще раз. — Стой, или я буду стрелять!

Я вскинул ружье. Оба ствола были заряжены. Это не было пустой угрозой: я действительно решил выстрелить, не для того, чтобы убить его, но чтобы остановить.

Негр остановился и круто повернулся ко мне лицом.

Конечно, я мог ранить его, но что мне оставалось делать? У меня не было выбора, я не знал другого средства спасти свою жизнь. Я повторил свою угрозу:

— Стой, или я стреляю!

Я выкрикнул это с такой яростью, что негр не мог сомневаться в моем намерении. Повидимому, он понял это, так как внезапно остановился и круто повернулся ко мне лицом.

— Стреляй, проклятый белый! — крикнул он. — Но если промахнешься — берегись! Тогда прощайся с жизнью, чорт тебя побери! Видишь этот нож? Стреляй же, и будь ты проклят!

Он стоял прямо против меня, смело подставив под пулю свою широкую грудь; в его поднятой руке сверкал нож.

Я сделал несколько шагов и подошел к нему вплотную; тут я вдруг узнал этого человека: передо мной стоял негр Габриэль, жестокий бамбара.

Глава XXXIV

НЕГР ГАБРИЭЛЬ

Могучая фигура негра, его угрожающая поза, горящие, налитые кровью глаза, выражение отчаянной решимости, белые, сверкающие зубы — все придавало ему свирепый вид. В другое время я побоялся бы встречи с таким страшным врагом; ведь я считал его врагом: я помнил, как ударил его, и не сомневался, что и он помнит об этом. Я был уверен, что сейчас он готовится мне отомстить — отчасти за тот удар, отчасти выполняя приказание своего трусливого хозяина. Он, наверно, выслеживал меня в лесу; возможно, ходил за мной весь день, выжидая удобного случая для нападения.

Но почему же тогда он бежал? Может быть, боялся напасть на меня открыто? Ну конечно, его пугала моя двустволка.

Однако он мог подкрасться ко мне, когда я спал, и... Ах! Это восклицание невольно вырвалось у меня, когда неожиданная догадка молнией мелькнула в моей голове. Габриэль, как я слышал, был заклинателем змей, он приручал даже самых ядовитых и подчинял своей воле. Не он ли подослал ко мне змею, когда я заснул, и заставил ее укусить меня?

Как ни странно, но такое предположение в ту минуту показалось мне возможным; больше того, я поверил, что это именно так. Я вспомнил странное поведение змеи, необыкновенную хитрость, с какой она скрылась от меня, и ее коварное, ничем не вызванное нападение, несвойственное гремучей змее. Все эти мысли вихрем пронеслись в моей голове и убедили меня в том, что роковой укус был не случайным и что всему виной Габриэль — заклинатель змей.

Эти размышления не заняли и десятой, даже сотой доли того времени, которое я потратил, чтобы рассказать вам о них. Убеждение в виновности Габриэля возникло во мне мгновенно, тем более что все предшествующие события были еще совсем свежи в моей памяти. Пока я думал об этом, негр не успел даже переме-

нить свою угрожающую позу, а я — свое удивленное выражение лица.

И почти с такой же быстротой я понял, что ошибаюсь. Я увидел, что мои подозрения несправедливы. Я напрасно обвинял человека, стоявшего передо мной.

Поведение его вдруг резко изменилось. Поднятая рука упала, с лица исчезло свирепое выражение, и он сказал самым мягким тоном, какой только мог придать своему грубому голосу:

— О-о! Это вы, масса — друг черных? Вот чорт! А я-то думал — это проклятый янки-погоняла!

— Так вот почему ты бежал от меня?

— Ну да, масса, только потому.

— Значит, ты...

— Я беглый, масса, вот в чем дело: я беглый негр. Вам это можно сказать. Габриэль верит вам, он знает — вы друг бедных негров. Посмотрите-ка сюда!

Он приподнял желтую рубаху, висевшую на нем клочьями, повернулся и показал мне свою обнаженную спину.

Это было страшное зрелище! Рядом с клеймом «королевской лилии» и другими старыми шрамами виднелись совсем свежие раны. Темная спина была вся исполосована длинными вздувшимися багровыми рубцами, словно покрыта толстой сетью. Кожа была местами темнофиолетового цвета от кровоподтеков, а кое-где, там, куда попадал скрученный конец ременной плети, выступало обнаженное мясо. Старую рубаху покрывали бурые пятна запекшейся крови, брызгавшей из его ран во время наказания. Мне было больно смотреть на него, и я невольно воскликнул:

— Ох, бедняга!

Мое сочувствие, видимо, тронуло суровое сердце негра.

— Да, масса, — продолжал он, — вы тоже ударили меня хлыстом, но это ничего! Габ не сердится на вас. Габ не хотел лить воду на старого Зипа. Он был очень рад, когда молодой масса прогнал его прочь!

— Как, тебя насильно заставили качать воду?

— Ну да, масса. Янки-погоняла заставил. И хотел

заставить опять. А Габ отказался еще раз поливать старого Зипа. И вот что он сделал с моей спиной, будь он проклят!

— Тебя отстегали за то, что ты отказался наказывать Сципиона?

— Да, масса Эдвард, так оно и было. Видите, как отстегали! Но я... — Тут он остановился в нерешимости, и лицо его снова стало жестоким. — Но я отомстил этому янки, будь он проклят!

— Как — отомстил? Что ты ему сделал?

— Немного, масса: сбил его с ног. Он свалился, как бык под топором. Вот месть бедного негра. Теперь я беглый негр — и это тоже месть. Ха-ха! Они потеряли хорошего негра: нет хорошего работника для хлопка, нет хорошего работника для сахарного тростника. Ха-ха!

Грубый смех, которым беглец выражал свою радость, удивил меня.

— Значит, ты сбежал с плантации?

— Да, масса Эдвард, так оно и есть. Габ никогда не вернется назад. — И он добавил с силой: — Никогда не вернется назад живой!

Он с суровым и решительным выражением прижал руку к своей широкой груди. Я понял, что неправильно судил об этом человеке. Я знал о нем только от его врагов — белых, которые его боялись. Несмотря на свирепое выражение лица, у него было благородное сердце. Его отстегали за то, что он отказался наказывать своего товарища — раба. Он возмутился против своего жестокого тирана и сбил его с ног. Поступая так, он рисковал заслужить еще гораздо более страшное наказание — он рисковал жизнью!

Для этого надо было иметь большое мужество. Только жажда свободы могла вдохнуть в него такое мужество, та жажда свободы, которая заставила швейцарского патриота прострелить шапку Геслера [1].

---

[1] Геслер Герман — ландфохт (наместник) швейцарских кантонов Швиц и Ури, посланный императором Альбрехтом, чтобы подчинить эти кантоны австрийскому владычеству. По преданию, был убит в 1307 году национальным швейцарским героем Вильгельмом Теллем.

Глядя на негра, который стоял передо мной, скрестив на могучей груди сильные, мускулистые руки, выпрямив стан и откинув голову, с суровой решимостью во взоре, я был поражен величием его осанки и подумал, что у этого человека под рваной одеждой из грубого холста бьется мужественное и благородное сердце.

Глава XXXV

ЛЕКАРЬ ОТ ЗМЕИНОГО УКУСА

Несколько мгновений я с восхищением смотрел на смелого негра, на этого героического раба. Я мог бы долго любоваться им, но жгучая боль в руке напомнила мне о грозившей опасности.

— Ты проведешь меня в Бринджерс? — поспешно спросил я его.

— Не смею, масса.

— Не смеешь? Почему?

— Масса забыл. Я — беглый негр. Белые люди поймают Габа. Они отрубят ему руку.

— Как? Отрубят тебе руку?

— Да, верно, масса. Такой закон в Луизиане. Белый человек бьет негра — все смеются, все кричат: «Бей проклятого негра! Бей его!» Негр бьет белого человека — ему отрубают руку. Габ очень-очень хочет помочь масса Эдварду, но он не смеет ходить на опушку. Белые люди два дня ищут его. Они послали по его следам собак и охотников за неграми. Я думал, масса из их шайки, вот почему я бежал.

— Если ты не выведешь меня из лесу, мне придется умереть.

— Умереть? Умереть?! Почему масса так говорит?

— Я заблудился и не могу найти дороги из лесу. Если я не отыщу доктора через двадцать минут, я погиб! О боже!

— Доктора? Масса Эдвард болен? Что с вами? Скажите Габу. Если так надо, он отведет друга негров и не побоится рисковать жизнью. Что болит у молодого масса?

— Смотри, меня ужалила гремучая змея...

И, развязав руку, я показал ему ранку и опухоль.

— О-о! Да, масса говорит правду. Это зубы гремучей змеи. Доктор не годится. Табак тоже не годится. Габ — лучший доктор от гремучей змеи. Идем скорей, молодой масса!

— Как! Значит, ты выведешь меня?

— Габ будет лечить вас, масса.

— Ты?

— Да, масса. Говорю вам — доктор не годится, ничего не знает. Он не будет лечить, а будет убивать. Верьте мне, старый Габ — он знает, он вылечит. Идем скорей, масса, нельзя ждать!

В ту минуту я совсем забыл, что Габриэль славился как заклинатель змей и лекарь от ядовитых укусов, хотя только что думал об этом. Теперь я снова все вспомнил, но с совсем иным чувством.

«Разумеется, — подумал я, — у него есть опыт, он знает противоядия и умеет их применять. Это тот самый человек, который мне нужен! Он сказал правду: доктор не поможет мне».

Я и сам не был раньше уверен, что доктор спасет меня, и бежал к нему, считая, что это моя последняя надежда.

«Габриэль, заклинатель змей, — вот нужный мне человек. Какое счастье, что я встретил его!»

Эти мысли мгновенно пронеслись у меня в голове, и я сказал без колебаний:

— Веди меня! Я пойду за тобой.

Куда он меня поведет? Что будет делать? Где найдет противоядие? Как станет меня лечить?

На все эти лихорадочные вопросы я не получил ответа.

— Верьте мне, масса Эдвард, идите за мной! — вот все, что сказал негр, поспешно пробираясь между деревьями.

Мне оставалось только следовать за ним.

Пройдя несколько сот ярдов по болоту между кипарисами, я увидел впереди просвет. Значит, мы приближаемся к прогалине; к ней, верно, и направляется мой

проводник. И я не удивился, когда, выйдя из лесу, мы снова оказались на поляне — на той же роковой поляне.

Как изменилась она теперь в моих глазах! Мне был неприятен заливавший ее яркий солнечный свет, пестрота цветов резала глаза, их аромат вызывал у меня тошноту.

Впрочем, мне это, наверно, только казалось. Мне было дурно совсем по другой причине. Яд отравил мою кровь. Он огнем разливался у меня по жилам. Я чувствовал мучительную жажду, невыносимая тяжесть давила мне грудь, я дышал с трудом — все это были явные признаки отравления змеиным ядом.

Возможно, что я преувеличивал свои ощущения. Я знал, что меня укусила ядовитая змея, и моя фантазия разыгралась. Чувства мои обострились, и я страдал так, словно болезнь уже овладела мной.

Мой спутник велел мне сесть. Ходить нехорошо, сказал он. Надо ждать спокойно и терпеливо. И он снова просил меня «верить Габу». Я решил терпеть, хотя и не мог быть спокойным: мне угрожала слишком большая опасность.

Однако я послушался его. Я сел на ствол поваленного тюльпанного дерева, тот самый дуплистый ствол, в тени густого кизила. Собравшись с духом, я молча дожидался указаний моего черного лекаря. Он отошел от меня и медленно бродил по поляне, не отрывая глаз от земли, словно что-то разыскивая. Наверно, какую-нибудь траву, которая должна тут расти.

Нечего и говорить, что я следил за его движениями с напряженным вниманием. Ведь моя жизнь зависела от результата его поисков: его успех или неудача означали для меня жизнь или смерть.

Как у меня забилось сердце, когда я увидел, что он наклонился, что-то рассматривая, а затем нагнулся еще ниже, как будто хотел вырвать что-то из земли. Радостное восклицание сорвалось с его губ, и я невольно ответил ему радостным криком. Забыв его просьбу сидеть смирно, я вскочил с места и бросился к нему.

Когда я подбежал, он стоял на коленях и окапывал ножом какое-то растение, повидимому собираясь вы-

тащить его с корнем. Это было небольшое травянистое растение с прямым стеблем, продолговатыми копьевидными листьями и небольшой кисточкой из малозаметных белых цветочков. Тогда я еще не знал, что это и есть знаменитый змеиный корень.

Негр быстро взрыхлил вокруг него почву и, вытащив его, отряхнул корни от земли. Я увидел, что на нем было много жестких кривых корневых разветвлений, чуть потолще корней сальсапарели. Они были покрыты черной корой и не имели запаха. В волокнах этих корней находилось противоядие от змеиного укуса, их сок должен был спасти мне жизнь!

Ни минуты не было потрачено на изготовление лекарства; в рецепте моего лекаря не было ни замысловатых иероглифов, ни латинских названий. Он просто сказал: «Жуйте!» — и положил мне в руку кусок очищенного от коры корня. Так я и сделал. Не прошло и минуты, как корень превратился у меня во рту в кашицу и я стал глотать его целебный сок.

Сначала у него был сладковатый привкус, который вызвал у меня легкую тошноту. Но по мере того как я жевал, он становился едким и обжигающим и начал щипать мне десны и горло.

Тем временем негр сбегал к ручью, наполнил один из своих грубых башмаков водой и, вернувшись, смыл с моей руки табачный сок. Он разжевал несколько листьев того же растения в мягкую массу, положил ее на ранку и снова завязал мне руку.

Теперь все, что можно было сделать, было сделано. И Габриэль сказал мне, чтобы я спокойно ждал и не боялся.

* * * * * * * *

Очень скоро все мое тело покрылось испариной, и я стал дышать глубже и свободней. Кроме того, я чувствовал сильную тошноту, и если бы проглотил немного больше этого сока, меня бы, наверно, стошнило, так как змеиный корень, если принимать его в больших дозах, сильное рвотное средство.

Но из всех ощущений, которые я испытывал в ту минуту, самым сильным было радостное чувство, что я спасен.

Странно, но это чувство сразу охватило меня, и я был уверен, что оно меня не обманывает. Я больше не сомневался в искусстве моего лекаря.

Глава XXXVI

ЗАКЛИНАТЕЛЬ ЗМЕЙ

Вскоре мне пришлось увидеть еще одно доказательство необыкновенных способностей моего нового приятеля.

Я ликовал, как всякий человек, неожиданно и почти чудом спасенный от смертельной опасности, как человек, который едва не утонул или уцелел на поле боя, — словом, вырвался из когтей смерти. Это было блаженное ощущение. Я чувствовал глубокую благодарность к моему спасителю и готов был обнять своего черного спутника, как родного брата, несмотря на его свирепый вид.

Мы уселись рядом на поваленном дереве и весело болтали, если можно так сказать о людях, чье будущее туманно и полно опасностей. Увы, таким оно было для нас обоих. Жизнь не баловала меня в последнее время, а его... Что ждало впереди бедного невольника?

Однако даже среди несчастий душа наша подчас отдается минутным радостям. Природа не допускает, чтобы горе длилось беспрерывно, и иногда человек должен стряхнуть с себя свои заботы. Такая минута наступила сейчас для меня. Радость и благодарность наполняли мое сердце. Я полюбил этого негра, этого беглого раба, и был в ту минуту счастлив в его обществе.

Мы, естественно, заговорили о змеях и средствах против их укусов, и он рассказал мне много интересного о жизни пресмыкающихся. Всякий натуралист мог бы позавидовать этому часу, проведенному мною в обществе негра Габриэля.

Во время нашего разговора мой собеседник вдруг спросил, убил ли я укусившую меня змею.

— Нет, — ответил я, — она уползла.

— Уползла? Куда уползла, масса?

— Спряталась в пустом стволе, том самом, на котором мы сейчас сидим.

Глаза негра заблестели от удовольствия.

— Чорт возьми! — воскликнул он вскакивая. — Масса говорит — змея тут, в этом стволе? Вот тут? — повторил он. — Если эта гадина и вправду здесь, Габ мигом достанет ее!

— Но как? У тебя же нет топора.

— Этому негру не нужен топор.

— Так как же ты доберешься до змеи? Ты хочешь поджечь дерево?

— Хо! Огонь нехорошо. Этот чурбан будет гореть целый месяц. Огонь нехорошо: дым увидят белые люди. Габ — беглый негр, за ним сразу прибегут собаки. Негру нельзя зажигать огонь!

— Как же тогда?

— Подождите, масса Эдвард, сейчас увидите. Негр позовет змею, и она сама выползет к нему. Пожалуйста, масса, сидите смирно и ничего не говорите: старая гадина слышит каждое слово.

Теперь негр говорил шопотом и неслышно скользил вокруг ствола. Я сидел, не двигаясь, и молча следил за движениями моего странного приятеля.

Неподалеку были молодые заросли американского бамбука. Габриэль срезал ножом несколько побегов и, заострив их концы, воткнул в землю против отверстия в стволе. Он поставил их в ряд, один к одному, словно струны на арфе, но тесней. Затем срезал в лесу молодое деревце и, очистив от веток, оставил только длинную палку с развилиной на конце. Взяв в одну руку эту палку, а в другую — расщепленный кусок тростника, он лег во всю длину на поваленный ствол, так что лицо его оказалось над самым отверстием. Частокол из бамбука был прямо против него, и, вытянув руку, он мог до него дотронуться. На этом закончились приготовления, и негр приступил к «колдовству».

Положив возле себя палку с развилиной, он стал водить взад и вперед расщепленным концом тростника поперек частокола из бамбуковых палок. Этим он производил звук, очень похожий на громкое «с-скр-р-р...» гремучей змеи, так что человек, не знающий, кто его производит, принял бы его за змеиный треск. Звук был так похож, что негр рассчитывал обмануть даже змею. Однако он, видно. не думал, что одного этого средства достаточно. При помощи наскоро сделанной свистульки из копьевидных листьев тростника он в то же время подражал писку и щебету, который издает красный кардинал, когда сражается со змеей, с опоссумом или другим своим врагом.

Такой писк часто приходится слышать в чаще американского леса, когда страшная змея заберется в гнездо виргинского соловья.

Уловка оказалась очень удачной. Через несколько минут из отверстия выглянула ромбовидная голова змеи. Ее раздвоенное жало то и дело высовывалось из пасти, а узкие темные глазки сверкали от ярости. Слышался звук ее трещотки — повидимому, она собиралась принять участие в схватке.

Она почти целиком выползла из норы, но тут заметила обман и повернулась, чтобы уползти обратно. Однако гремучие змеи на редкость неповоротливы, и прежде чем она успела скрыться, негр опустил раздвоенную палку ей на шею и пригвоздил ее к земле.

Ее длинное отвратительное тело беспомощно извивалось в траве, пытаясь высвободиться. Это была змея необычайной для своей породы величины, длиной около восьми футов, и такая толстая, как рука Габриэля. Даже он удивился ее размерам и сказал мне, что первый раз видит такую.

Я надеялся, что он сейчас же положит конец ее попыткам вырваться и убьет ее. Желая ему помочь, я взялся за ружье.

— Нет, масса! — воскликнул он умоляющим тоном. — Ради бога, не надо стрелять! Масса забыл, что бедный негр — беглый!

Я понял его и опустил ружье.

— И потом, масса, я вам что-то покажу. Масса любит интересные вещи — он хочет посмотреть фокусы большой змеи?

Я ответил утвердительно.

— Тогда, пожалуйста, масса, подержите палку. Негр видел очень интересное растение, только что видел здесь очень редкое растение. Вон там, в тростнике. Держите крепко, масса, я пойду принесу его.

Взяв в руки палку, я плотно прижал ее к земле и не без страха смотрел на отвратительную гадину, которая корчилась и извивалась у моих ног. Мне нечего было бояться: развилина держала змею за шею, и она не могла поднять голову, чтобы ужалить меня. Хотя она и была очень велика, опасны были только ее зубы, так как гремучие змеи, в отличие от удавов, не обладают большой силой.

Габриэль вошел в кусты и вскоре вернулся обратно. Он держал в руке какое-то растение, также вырванное с корнем. Это была трава совсем другого вида. У нее были сердцевидные листья с острыми концами, изогнутый стебель и темнокрасные цветы.

Когда негр подошел ко мне, я увидел, как он взял в рот несколько листьев и корешков этого растения и стал их жевать. Что он собирается делать?

Я недолго оставался в недоумении. Подойдя к змее, он нагнулся над ней и выплюнул ей на голову сок этой травы. Затем, взяв у меня из рук раздвоенную палку, поднял ее и отбросил в сторону.

К моему ужасу, змея была теперь свободна, и я, не теряя времени, отскочил назад и вскарабкался на ствол.

Но мой спутник не двинулся с места; он снова наклонился над змеей, взял в руку отвратительную гадину, спокойно поднял с земли и обвил ее вокруг своей шеи, словно это была простая веревка.

Змея не пыталась его укусить. Она даже не пробовала вырваться у него из рук. Казалось, она замерла и была не в силах причинить ему ни малейшего вреда.

Поиграв со змеей несколько минут, негр бросил ее на землю. Но и теперь она не пыталась скрыться.

Наконец заклинатель змей с торжеством повернулся ко мне и сказал:

— Ну, масса Эдвард, теперь я за вас отомщу! Смотрите сюда!

С этими словами он поднял змею и сдавил ей шею большими пальцами так, что она широко разинула пасть. Мне были прекрасно видны ее страшные зубы и ядовитые железы. Затем, поднеся ее голову к своим губам, он выплюнул черный сок ей в самое горло и снова бросил ее на землю.

До сих пор он не причинил ей никакого вреда; все, что он проделывал с ней, не могло убить такую живучую тварь, как змея, и я думал, что она сейчас же уползет. Но нет, она не пыталась двинуться с места, кольца ее тела ослабли, и она лежала вытянувшись, без движения, только иногда по телу ее пробегала легкая судорога. Не прошло и двух минут, как эта дрожь прекратилась; змея казалась мертвой.

— Она издохла, масса, — ответил негр на мой вопросительный взгляд, — совсем умерла.

— А что это за растение, Габриэль?

— О, это хорошая трава, масса, это редкая трава, очень редкая. Поешьте этой травы — и никакая змея вас не тронет. Вы видели? Это трава заклинателя змей.

Ботанические познания моего черного спутника дальше этого не шли. Через несколько лет мне, однако, удалось определить его «волшебную» траву; это оказалась Aristolochia Serpentaria — растение, прославленное в трудах Мутиса [1] и Гумбольдта [2].

Мой спутник велел мне разжевать несколько корешков; хотя он вполне полагался на первое средство, однако считал, что не вредно лишний раз застраховать себя от опасности. Он превозносил лечебные свойства новой травы и сказал, что дал бы мне ее вместо змеи-

---

[1] Мутис Хосе Селестино (1732—1808) — ботаник, исследователь флоры Южной Америки.

[2] Гумбольдт Александр Фридрих Вильгельм (1769—1859) — знаменитый немецкий естествоиспытатель и путешественник. В 1799—1804 годах путешествовал по Америке.

ного корня, но не надеялся ее найти, так как она очень редко встречается в этих краях.

Я охотно исполнил его просьбу и проглотил немного соку и этого растения. Как и у змеиного корня, он был едкий и немного обжигающий, с привкусом камфарного спирта. Но тогда как у первого не было никакого запаха, у второго был довольно сильный аромат, напоминающий валерианку.

Я сразу почувствовал себя лучше — облегчение наступило почти немедленно. Прошло немного времени, и опухоль моя совсем опала, так что если бы не повязка на руке, я уже забыл бы, что меня укусила змея.

Глава XXXVII

ЗАМЕТАЕМ СЛЕДЫ

С тех пор как мы вышли на поляну, прошло немного больше часа, но теперь она уже не казалась мне зловещей. Яркие цветы снова радовали глаз, и я с удовольствием вдыхал их аромат. Пение птиц и жужжание насекомых вновь ласкали мой слух, а на ветке попрежнему сидели голубок и голубка, воркуя: «Ко-ко-а...», и повторяя нежные признания в любви.

Я мог бы еще долго просидеть на этой прелестной поляне, любуясь красотой природы; но дух наш бодр, плоть же немощна: я почувствовал, что проголодался, и вскоре голод начал не на шутку мучить меня.

Как мне помочь этой беде? Где бы найти чем подкрепиться? Я не мог просить моего спутника вывести меня на плантацию, после того как узнал, насколько это опасно для него. Габриэль говорил правду: он рисковал лишиться руки, а быть может, и жизни. Он не мог надеяться на снисхождение, тем более что у него не было влиятельного хозяина, который, ради собственной выгоды, чтобы не держать раба-калеку, заступился бы за него.

Если бы негр вышел на открытое место, его могли бы увидеть и, еще того хуже, спустить на него собак. Та-

кой способ ловить беглых негров был тогда довольно распространен, и среди белых людей находились негодяи, которые сделали это своей профессией. Так утверждал мой спутник. И вскоре я на собственном опыте убедился, что он прав.

Мне очень хотелось есть, но что было делать? Я не мог найти дорогу сам. Я боялся, что снова заблужусь и буду вынужден ночевать в лесу. Как же быть?

Я повернулся к своему спутнику. Некоторое время он молчал, погруженный в свои мысли. Его беспокоило то же, что и меня. Верный товарищ, он не забыл обо мне.

— Вот, масса, о чем думает негр, — сказал он мне наконец. — Он думает: когда солнце зайдет, он проводит вас, тогда он не боится. Габ выведет вас прямо на береговую дорогу. Масса надо ждать, когда зайдет солнце.

— Но...

— Масса проголодался? — спросил он, перебивая меня.

Я кивнул.

— Да, Габ знает. Тут нечего есть, кроме этой старой змеи. Масса не станет есть змею, а Габ съест. Зажарит ее ночью, когда дыма от костра не видно над лесом. Есть место, где он жарит их, масса увидит. Габ верит масса Эдварду. Он сведет его в берлогу беглого негра.

Тем временем негр отрезал змее голову, связал тонким прутиком шею с хвостом, поднял скользкое тело и, перекинув его через плечо, встал, готовый идти.

— Теперь пойдем, масса, — сказал он. — Пойдем со старым Габом. Он даст вам поесть. — С этими словами он повернулся и пошел в кусты.

Я поднял ружье и последовал за ним. Мне больше ничего не оставалось. Пытаться отыскать дорогу самому было бесполезно, уже две мои попытки ни к чему не привели. А спешить мне было некуда. Будет даже лучше, если я вернусь домой ночью: благоразумнее не показываться на глаза в изорванном и испачканном кровью платье, чтобы не привлекать к себе внимания.

Поэтому я охотно последовал за беглецом, готовый разделить с ним его убежище до захода солнца.

Мы прошли молча несколько сот ярдов. Негр озирался вокруг, словно что-то разыскивая. Но он не смотрел на землю, глаза его скользили по деревьям, и я понял, что он ищет не дорогу.

Вдруг он что-то пробормотал и свернул в сторону. Я пошел за ним. Вскоре он остановился под высоким деревом и стал внимательно разглядывать его ветви.

Это была скипидарная сосна, насколько я понимал в ботанике. Я определил это по ее шишкам и светлозеленым иглам. Зачем он здесь остановился?

— Масса Эдвард скоро увидит, — ответил он на мой вопрос. — Пожалуйста, масса, подержите змею. Только чтобы она не касалась земли, а то проклятые собаки учуют ее.

Я взял у него ношу и, держа змею повыше над землей, как он просил, стоял и молча смотрел на него.

У скипидарной сосны прямой голый ствол и пирамидальная вершина; часто ветви у нее начинают расти на высоте пятидесяти футов от земли. Однако у этой сосны на высоте двадцати футов торчали из ствола небольшие отростки; на них висели крупные зеленые шишки длиной до пяти дюймов. Повидимому, их-то и хотел достать мой спутник, хоть я не мог понять, для чего.

Раздобыв длинный шест, он стал сбивать им шишки вместе с веточками, на которых они висели. Сбив столько шишек, сколько ему было нужно, он отбросил свой шест. Что же дальше? Я следил за ним с возрастающим интересом.

Он собрал в кучу и шишки и ветки, но, к моему удивлению, откинул шишки в сторону — видимо, они были ему не нужны — и оставил только молодые красновато-коричневые побеги, росшие на самом конце веток и густо покрытые смолой. Это наиболее смолистое из всех деревьев данной породы, у него очень сильный запах, а отсюда и его название.

Набрав полные руки молодых побегов, мой спутник сел и крепко натер ими подошвы и верха своих грубых

башмаков. Затем он подошел ко мне, нагнулся и сделал то же самое и с моими.

— Теперь, масса, все в порядке. Проклятые собаки не учуют старого Габа. Идем, масса Эдвард! Идем со мной!

Сказав это, он снова перекинул змею через плечо и пошел вперед, предоставив мне следовать за ним.

Глава XXXVIII

ПИРОГА

Вскоре мы опять вошли в кипарисовый лес. Здесь уже почти не было подлеска. Темные деревья росли очень часто и вытеснили все другие растения; их зонтичные вершины были оплетены седоватым мохом, который свисал плотной бахромой и не пропускал солнечных лучей, иначе эту плодородную почву покрывал бы цветущий ковер. Но мы находились сейчас в местах ежегодных разливов, где выживают лишь немногие растения.

Между тем я почувствовал, что мы приближаемся к воде. Почва опускалась почти неприметно, но сырой, затхлый запах болота, громкое кваканье лягушек, крик болотной птицы и рев аллигатора указывали на близость стоячей воды — озера или пруда.

Чуть спустя мы и в самом деле вышли на берег пруда; перед нами была лишь небольшая часть его, так как, насколько хватал глаз, кипарисы росли прямо из воды и так густо, что местами их могучие стволы касались друг друга. Кое-где над водой торчали черные корни, их фантастические очертания напоминали каких-то страшных водяных чудовищ и придавали всей картине сказочно-жуткий характер. Затененная сверху вода казалась черной, как чернила, а тяжелый воздух был полон удушливых испарений. Такая картина могла бы дать Данте краски для его «Ада».

Дойдя до этого мрачного пруда, мой спутник остановился. Перед нами лежало громадное поваленное дере-

во, росшее раньше на самом берегу, а теперь протянувшее свою верхушку далеко в воду. Ветви его уцелели, и засохшие растения-паразиты густо обвивали их, напоминая разбросанные охапки сена. Некоторые ветки были под водой, но бо́льшая часть высоко торчала над ее поверхностью. Мой спутник остановился у корней этого дерева.

Минуту он поджидал меня; как только я подошел, он взобрался на поваленный ствол и, сделав знак рукой, чтобы я следовал за ним, двинулся по дереву к его верхушке.

Я тоже вскарабкался на ствол и, осторожно балансируя, чтобы не упасть в воду, пошел за ним.

У вершины было много толстых сучьев, и мы, с трудом перелезая через них, двигались вперед. Я думал, что мы уже подходим к нашему убежищу.

Но нет, мой спутник остановился, и тут, к своему удивлению, я увидел на воде маленькую пирогу; она была спрятана под мохом и так хорошо укрыта, что ее невозможно было увидеть ниоткуда, кроме того места, где мы стояли.

«Так вот зачем мы лезли по этому дереву!» — подумал я, поняв, что наш путь еще не окончен.

Негр отвязал челнок и кивком пригласил меня садиться.

Я шагнул в утлое суденышко и сел. Он последовал за мной и, хватаясь за ветви дерева, повел под ними лодку, пока не достиг чистой воды. Тогда он взялся за весло, и под его размеренные взмахи мы бесшумно заскользили по темной воде.

Первые двести-триста ярдов мы плыли очень медленно. Толстые корни и тесно стоявшие деревья то и дело преграждали нам путь, и приходилось пробираться между ними с большой осторожностью. Но я видел, что мой спутник ловко ведет свое суденышко и владеет веслом, как истый индеец. Он считался искусным охотником за енотами и рыбаком и в своих походах, должно быть, научился управлять пирогой.

Это было самое необыкновенное путешествие в моей жизни. Пирога плыла по воде, более похожей на чер-

нила. Ни один солнечный луч не проникал сюда. Вокруг царил таинственный полумрак.

Мы скользили по темным коридорам между могучими черными стволами, которые вздымались, словно колонны, поддерживая высокий свод из тесно сплетенных ветвей. С этой живой кровли свешивались плакучие бромелии, иногда они спускались до самой воды и касались наших лиц.

Однако мы не были здесь единственными живыми существами, даже в этом ужасном месте имелись свои обитатели. Тут нашли себе надежное убежище аллигаторы; нам не раз попадались в полумраке эти чудовища, то ползущие вдоль поваленного дерева, то карабкающиеся на торчавшие из воды корни кипарисов, то медленно и бесшумно плывущие в черной воде. Были тут и большие водяные змеи; они переплывали от дерева к дереву, поднимая на воде легкую рябь, или лежали, свернувшись в клубок, на выступающих из воды корягах. Болотная сова бесшумно парила, распластав свои крылья, большие темные летучие мыши носились в погоне за добычей — комарами и мошками. Иногда они пролетали совсем близко, чуть не задевая наши лица, обдавая нас своим отвратительным запахом, и громко щелкали челюстями, что напоминало звуки кастаньет.

Эти не виданные мною картины природы захватили меня, но я не мог побороть какого-то смутного страха. Мне невольно вспомнились знакомые образы из классической литературы. Здесь воплотились видения римских поэтов. Мне казалось, будто я плыву по Стиксу и мой перевозчик — это страшный Харон [1].

Вдруг впереди мелькнул светлый луч. Еще несколько взмахов весла — и наша пирога была уже вся освещена солнцем. Я вздохнул с облегчением.

Теперь перед нами открылось широкое водное пространство, что-то вроде круглого озера. В действитель-

---

[1] Стикс — в древнегреческой мифологии река подземного царства, через которую перевозчик Харон переправлял на челноке души умерших.

Еще несколько взмахов весла — и

ности именно здесь и начиналось озеро, а та часть, которую мы проплыли, была лишь поймой, и все место, покрытое лесом, в другие времена года совсем высыхало. Этот же водоем был слишком глубок, чтобы в нем могли расти любящие болотистую почву кипарисы.

Озеро было не очень велико, всего около полумили в диаметре, и со всех сторон окружено замшелым лесом, который высился вокруг, как серая стена. Группа таких же деревьев на самой середине озера издали казалась островом.

Это уединенное место не отличалось тишиной. Наоборот, жизнь здесь била ключом. Очевидно, озеро служило излюбленным местом сбора самых разнообразных представителей пернатого царства, населяющих обширные луизианские болота. Тут были белые цапли, белые и красные ибисы, журавли, красные фламинго и редко встречающаяся безобразная анхинга, которая плавает, глубоко погрузив в воду свое тело и выставив

наша пирога была освещена солнцем.

на поверхность узкую, словно змеиную, головку. Неуклюжий белый пеликан, владыка здешних мест, стоял, высматривая в воде свою добычу. Поверхность озера кишела водоплавающей птицей — там были утки, гуси, лебеди; над ними кружили стаями кроншнепы и чайки и, свистя крыльями, проносились кряквы.

Но не только водяные птицы облюбовали это уединенное озеро. Рыболов, высоко поднявшись в воздух, вдруг камнем падал вниз, выхватывал из воды несчастную рыбешку, подплывшую слишком близко к ее поверхности, и уносил свою добычу, для того чтобы тут же уступить ее более сильному орлану. Вот те многочисленные пернатые создания, которых я увидел, когда мы выплыли на это дикое озеро, и я с большим интересом наблюдал за ними. Эта яркая картина из жизни природы произвела на меня необыкновенное впечатление, чего нельзя было сказать про моего спутника. Для него все это было не ново и не интересно, и он плыл,

не обращая внимания на привычное зрелище. Не останавливаясь и не глядя вокруг, он легко погружал в воду весло, направляя пирогу к островку.

Еще несколько взмахов весла, и, подплыв к нему, наша лодка снова скрылась в тени деревьев. Но, к моему удивлению, оказалось, что это совсем не остров. То, что я принял за группу деревьев, был один громадный кипарис, росший на мели посреди озера. Его раскидистые ветви заросли седоватым мохом, который длинной бахромой свисал до самой воды и затенял пространство величиной в пол-акра. Ствол кипариса был необыкновенно толст у основания; со всех сторон его поддерживали крепкие ответвления, словно подпоры, уходившие в воду, и одно это дерево занимало пространство величиной с небольшой дом. Между подпорами оставались свободные проходы, и когда мы приблизились к великану-кипарису, я увидел большое темное дупло — повидимому, внутри ствол был пуст.

Мой спутник направил пирогу в один из этих проходов, и вскоре ее нос ударился о дерево. Я увидел вырезанные в стволе грубые ступеньки, ведущие к дуплу. Негр указал мне на них. Пронзительные крики испуганных птиц мешали мне расслышать его слова, но я понял, что он предлагает мне подняться по ним. Я послушался и, выйдя из лодки, стал карабкаться по стволу.

Так я добрался до отверстия, в которое мог пролезть человек, и, протиснувшись внутрь, оказался в дупле. Мы достигли нашей цели — тут было убежище беглого негра.

Глава XXXIX

ДУПЛО

В дупле было темно, и вначале я ничего не мог разглядеть. Вскоре, однако, глаза мои немного привыкли к темноте, и я принялся осматривать это необыкновенное жилище.

Прежде всего меня удивили его размеры. В нем мог поместиться добрый десяток людей, и не только стоя,

но даже сидя. От высокого пирамидального ствола остались только тонкие стенки, а вся его сердцевина прогнила. Из осыпавшейся трухи образовался пол; он приходился выше уровня воды и был твердый и сухой. Посередине дупла я увидел кучку золы и угли от костра; рядом лежала подстилка из мягкого сухого моха, как видно служившая постелью. Брошенное на нее старое одеяло подтверждало мою догадку.

Здесь не было никакой мебели. Грубый кипарисовый чурбан заменял стул, а стола вообще не было. Тот, кто сделал это дупло своим жилищем, повидимому, не нуждался в удобствах. Однако он обзавелся самым необходимым. Когда глаза мои совсем освоились с полумраком, я увидел много предметов, которых сначала не заметил: глиняный горшок для стряпни, большую выдолбленную тыкву для воды, жестяную кружку, старый топор, снасти для рыбной ловли и кое-какую старую, поношенную одежду.

Но мое внимание больше привлекало другое — съестные припасы: изрядный кусок жареной свинины, громадная маисовая лепешка, несколько вареных кукурузных початков и почти целая жареная курица. Все это лежало на большом блюде, вырезанном из тюльпанного дерева, какие я часто видел в хижинах негритянского поселка. Рядом с этим блюдом лежало несколько больших темнозеленых шаров и желтых шаров поменьше — арбузов и дынь, которые могли оказаться очень недурным десертом.

Все эти наблюдения я сделал, пока мой спутник привязывал пирогу к дереву. Я уже все разглядел, когда он вошел.

— Ну, масса, вот она — берлога старого Габа. Проклятым охотникам за неграми сюда не добраться!

— Да у тебя настоящий дом, Габриэль! Как тебе удалось отыскать такое место?

— Габ давно знает это место, масса. В старом кипарисе прятался не один беглый негр. И Габ тоже прятался тут. Он и раньше убегал. Он убегал, когда жил у прежнего хозяина—Хикса, раньше чем его купил масса Сансон. Но он никогда не бегал от масса Сансона. Ста-

рый хозяин был добрый с черными, и масса Антуан тоже добрый. А сейчас бедный негр совсем не может больше терпеть: новый надсмотрщик—он очень сильно бьет, он бьет, пока не польется кровь, он привязывает к столбу, ставит под насос, стегает ременной плетью и тяжелым бичом, он делает все, что захочет! Будь он проклят! Я никогда не вернусь назад, никогда!

— Но как же ты будешь жить дальше? Не можешь же ты всегда оставаться здесь! Где ты добудешь себе пищу?

— Ничего, масса Эдвард, не бойтесь! У Габа всегда хватит еды. У бедного беглеца есть друзья на плантации. Да вдобавок он и сам возьмет все, что нужно, чтобы не умереть с голоду. Ха-ха-ха!

— О-о!

— Но Габу незачем воровать сейчас. Он берет только дыни и кукурузу. Смотрите, что старый Зип притащил ему. Прошлой ночью Зип пришел на опушку и принес все это добро... Ох, масса, простите меня! Я совсем забыл — вы очень голодный. Ешьте свинину, ешьте курицу. Ее сготовила Хлоя — очень вкусная курица. Ешьте, масса!

С этими словами он поставил передо мной деревянное блюдо со всем, что на нем было. Наша беседа на время прервалась, так как и я и мой спутник с большим рвением набросились на еду. С полчаса мы усиленно наполняли свои желудки, причем арбузы и дыни оказались восхитительным десертом. Наконец мы утолили голод, уничтожив бóльшую часть припасов моего спутника.

После обеда мы долго беседовали, не отказав себе и в удовольствии покурить. Среди запасов Габа оказалось несколько пучков сухих листьев табака, а кукурузная кочерыжка с воткнутым в нее стеблем тростника служила нам трубкой, и мы с наслаждением затягивались, словно курили самую ароматную гаванскую сигару.

Я был глубоко благодарен моему спасителю и чувствовал горячий интерес к его судьбе, а потому заговорил с ним о его дальнейших намерениях. У него не было

определенных планов, хотя он подумывал о том, чтобы как-нибудь добраться до Канады или Мексики, а не то бежать из Нового Орлеана на пароходе.

Мне пришла в голову одна мысль, но я не хотел говорить ему о ней, так как не был уверен, удастся ли мне ее осуществить. Все же я попросил его не покидать этого убежища, не повидавшись со мной, и обещал, что постараюсь найти ему доброго хозяина.

Он охотно согласился исполнить мою просьбу, и так как время близилось к закату, я стал готовиться к возвращению домой.

Мы сговорились о сигнале, которым я мог бы вызвать его с пирогой, когда захочу повидаться с ним; после чего сели в пирогу и тронулись в обратный путь.

Переплыв озеро и спрятав лодку под упавшим деревом, мы углубились в лес.

Но теперь мне было легко идти за Габриэлем; по пути он делал зарубки на деревьях и указывал на другие приметы, по которым я мог один найти дорогу к нему.

Не прошло и часа, как мы вышли на опушку. Тут негр отправился на какое-то условленное свидание, а я повернул к деревне по дорожке, которая шла между двумя изгородями, так что мне уже не угрожала опасность сбиться с пути.

Глава XL

ПЕРЕСУДЫ В ГОСТИНИЦЕ

Когда я вернулся в деревню, было еще не очень поздно. Я осторожно пробирался по улицам к гостинице, стараясь никому не попадаться на глаза. К несчастью, чтобы подняться к себе в комнату, мне надо было пройти через бар. Время близилось к ужину, и постояльцы уже толпились у стойки и на крыльце.

Мое изорванное платье, закапанное кровью и перепачканное илом, привлекало всеобщее внимание. Прохожие бросали на меня удивленные взгляды, а иногда поворачивались и смотрели мне вслед. Постояльцы

гостиницы останавливали меня и допытывались, где я был. Кто-то крикнул мне:

— Хэлло, мистер! Уж не сцепились ли вы с дикой кошкой?

Я ничего не отвечал. Быстро взбежав по лестнице, я заперся у себя в комнате и наконец отделался от любопытных.

В колючих зарослях я сильно исцарапался и нуждался в перевязке. Пришлось послать за доктором Рейгартом. К счастью, он оказался дома и тотчас же поспешил ко мне. Войдя в комнату, он остановился, с удивлением разглядывая меня.

— Дорогой мой Эдвард, где вы были? — спросил он наконец.

— В болотах.

— А что значит ваше изорванное платье, эти ссадины и кровь?

— Царапины от колючек — больше ничего.

— Но где же вы были?

— В болотах.

— В болотах? Но кто же привел вас в такой жалкий вид?

— Меня укусила гремучая змея.

— Как?! Гремучая змея? Вы шутите?

— Нет, истинная правда. Но я принял противоядие. Меня уже вылечили.

— Какое противоядие? Вылечили? Чем? Кто дал вам противоядие?

— Друг, которого я встретил в болотах.

— Друг в болотах! — воскликнул Рейгарт со все возрастающим удивлением.

Я чуть не забыл о том, что должен хранить тайну, и понял, что говорю слишком неосторожно. Любопытные глаза заглядывали в щели моей двери, жадные уши ловили каждое слово.

Хотя жители Миссисипи и не отличаются особым любопытством, что́ бы ни рассказывали о них болтливые туристы, но мой растерзанный вид и нежелание объясниться могли возбудить любопытство и у самых равнодушных людей. Взволнованные постояльцы тол-

пились в коридоре у дверей моей комнаты, спрашивая друг у друга, что со мной случилось, и делясь своими домыслами. Я ясно слышал их, хотя они этого и не знали.

— Он, верно, дрался с пантерой, — сказал один.

— С пантерой или с медведем, — заметил другой.

— Уж какой ни на есть дикий зверь, а он оставил на нем свою метку.

— Это тот самый парень, который свалил Билла-бандита?

— Тот самый.

— Он что, англичанин?

— Не знаю. Он из Англии, а уж англичанин ли, ирландец или шотландец — кто его знает! Лучше с ним не связываться. Чорт возьми! Он уложил Билла-бандита на месте, можно сказать, голыми руками, каким-то хлыстом, и отобрал у него пару пистолетов. Ха-ха-ха!

— Здорово!

— Такой парень шутя справится с дикой кошкой. Я думаю, он убил рысь, вот что!

— Наверно, так оно и есть.

Я думал, что своей стычкой с Биллом-бандитом наживу себе врагов среди этих людей. Но по всему разговору и по тону собеседников было ясно, что это не так. Хотя, быть может, они и были немного задеты тем, что иностранец, да еще такой юнец, как я, победил одного из их приятелей, однако эти лесные люди не слишком держались друг за друга, а грубияна Ларкина явно недолюбливали. Если бы я отхлестал его по другому поводу, я, несомненно, заслужил бы всеобщее одобрение. Но я защищал негра — я, иностранец, и к тому же англичанин! Этого мне не могли простить. Вот что мешало моей популярности, вот почему меня считали в этих местах подозрительным человеком.

Все эти пересуды забавляли меня, пока я дожидался прихода Рейгарта, однако я не придавал им большого значения.

Но вдруг чье-то громкое замечание заставило меня насторожиться:

— Говорят, он увивается за мисс Безансон.

Теперь я заинтересовался. Я подошел к двери и, приложив ухо к замочной скважине, стал слушать.

— Вернее, за ее плантацией, — заметил другой, после чего раздался многозначительный смех.

— Ну что ж, — послышался третий голос, звучавший очень самоуверенно, — тогда он гоняется за тем, чего не получит.

— Как? Почему? — раздалось несколько голосов.

— Он, может, и получит молодую леди, — продолжал тот же внушительный голос, — но плантации ему не видать, как своих ушей.

— Почему? Что вы хотите сказать, мистер Моксли? — снова спросило несколько голосов.

— То, что говорю, джентльмены, — ответил прежний голос и снова повторил свои слова тем же самоуверенным тоном: — Молодую леди он, может, и получит, но плантации ему не видать.

— О, значит, это правда? — воскликнул новый голос. — Она несостоятельная должница? Да? А старик Гайар?..

— Скоро завладеет плантацией.

— Вместе с неграми?

— Со всеми потрохами. Завтра шериф наложит арест на все имущество.

В ответ раздались удивленные возгласы, в которых слышалось осуждение и сочувствие:

— Бедная девушка! Какая жалость!

— Нечего удивляться! После смерти старика она швыряла деньги направо и налево.

— Говорят, он ей вовсе не так много оставил. Бо́льшую часть имения он заложил сам...

Но тут приход доктора прервал этот разговор и избавил меня от жестокой пытки.

* * * * * * * *

— Вы говорите, что встретили друга среди болот? — снова спросил он.

Я не решался ответить ему, помня о толпе за дверью, и сказал тихим, серьезным тоном:

— Дорогой друг, у меня было приключение в лесу. Как видите, я сильно поцарапан. Полечите мои ссадины, но не расспрашивайте меня о подробностях. По некоторым причинам я ничего не могу сказать вам сейчас. Потом я все расскажу. А пока...

— Хорошо! Хорошо! — прервал меня доктор. — Не волнуйтесь. Дайте мне взглянуть на ваши раны.

Добрый доктор замолчал и занялся моими царапинами.

В другое время перевязка этих болезненных ссадин была бы довольно мучительна, но только что услышанные новости так сильно взволновали меня, что я не чувствовал боли.

Я был в смертельной тревоге. Я горел нетерпением расспросить Рейгарта о делах на плантации, о судьбе Эжени и Авроры. Но я не мог, так как мы были не одни. Хозяин гостиницы и слуга-негр вошли в комнату, чтобы помочь доктору. Я не решался заговорить об этом в их присутствии, и мне пришлось сдерживать нетерпение, пока с перевязкой не было покончено и они не ушли.

— Скажите, доктор, что это толкуют о мадемуазель Безансон?

— Разве вы ничего не знаете?

— Только то, что услышал сейчас от этих болтунов за дверью. — И я передал Рейгарту слышанный мною разговор.

— А я думал, вам известны все эти новости. Я даже считал, что они-то и были причиной вашего долгого отсутствия, хотя и не представлял себе, какое вы имеете к ним отношение.

— Я ничего не знаю, кроме того, что случайно услышал здесь. Ради бога, расскажите мне все! Значит, это правда?

— Совершенная правда, к сожалению.

— Бедная Эжени!

— У Гайара была закладная на все имение. Я давно это подозревал и боялся, что он ведет нечестную игру. Гайар подал ко взысканию и, говорят, уже введен в права владения. Теперь все принадлежит ему.

— Все?

— Все, что находится на плантации.

— А невольники?

— Тоже, разумеется.

— Все... все... и Аврора?

Я не сразу решился задать ему этот вопрос. Рейгарт не подозревал о моих чувствах к Авроре.

— Вы говорите о квартеронке? Конечно, и она вместе со всеми. Она такая же невольница, как и остальные. Ее продадут.

«Такая же невольница! Продадут вместе со всеми!» Однако я не высказал этого вслух.

Не могу выразить, в какое смятение повергли меня его слова. Кровь бросилась мне в голову, и я с трудом удержался от гневного восклицания. Но как я ни боролся с собой, я, видно, не мог скрыть своего волнения, ибо всегда спокойные глаза Рейгарта с удивлением остановились на мне. Однако если доктор и угадал мою тайну, он был великодушен и не задавал мне вопросов.

— Значит, все невольники будут проданы? — пробормотал я снова.

— Без сомнения, все пойдет с торгов — таков закон. Надо полагать, Гайар и купит плантацию, ведь она граничит с его землей.

— Гайар! О негодяй! А что же будет с мадемуазель Безансон? Неужели у нее нет друзей?

— Я слышал о какой-то тетке, у которой есть небольшое состояние. Она живет в городе. Должно быть, Эжени будет теперь жить у нее. У тетки, кажется, нет детей, и Эжени — единственная наследница. Впрочем, не могу поручиться, что это так. Знаю только по слухам.

Рейгарт говорил спокойным, сдержанным тоном. Мне даже сначала показался странным этот тон, но я понял причину его сдержанности. У него было ложное представление о моих чувствах к Эжени. Однако я не хотел разуверять его.

«Бедная Эжени! У нее двойное горе. Неудивительно, что она так изменилась в последнее время! Неудивительно, что она была так печальна!»

Все это я подумал про себя.

— Доктор, — сказал я вслух, — мне необходимо поехать на плантацию.

— Только не сегодня.

— Сегодня, сейчас!

— Дорогой мой Эдвард, вы не должны этого делать!

— Почему?

— Это невозможно, я не могу вам разрешить. У вас начнется горячка. Это может стоить вам жизни!

— Но...

— Нет, нет! Я и слушать вас не стану! Уверяю вас, вам грозит горячка. Вы не должны выходить из комнаты хотя бы до завтра. Утром — другое дело. Сегодня это невозможно.

Мне пришлось подчиниться, хотя я отнюдь не был уверен, что, оставшись дома, выбрал лучший способ спастись от горячки. Причина ее была во мне самом, а вовсе не в опасном ночном воздухе.

* * * * * * * *

Сердце колотилось у меня в груди, кровь прилила к голове, сознание затуманилось.

«Аврора — невольница Гайара! Ха-ха-ха! Его раба! Гайар — Аврора! Ха-ха-ха! Это его я схватил за горло. Нет! Это змея! Ко мне! Помогите! Помогите! Воды, воды! Я задыхаюсь!.. Нет, это Гайар! Я держу его! Опять не он — это змея! О боже! Она обвилась вокруг моей шеи! Она душит меня! Помогите! Аврора! Любимая! Не уступай ему!»

«Я умру, но не уступлю!»

«Я так и знал, благородная девушка! Я иду к тебе на помощь!»

Как она бьется в его руках! Прочь, дьявол, прочь! Аврора, ты свободна! Свободна! Ангелы небесные!

* * * * * * * *

Таковы были мои сны в эту ночь — лихорадочный бред помутившегося рассудка.

Глава XLI

ПИСЬМО

Всю ночь я то впадал в забытье, то просыпался, то бредил, то вновь приходил в себя.

Ночь не принесла мне отдыха, и утром я проснулся, почти не освеженный. Некоторое время я лежал, припоминая все события вчерашнего дня, и думал, что же теперь предпринять. Наконец я решил тотчас же ехать на плантацию и собственными глазами убедиться, что там происходит. С этим решением я встал.

Одеваясь, я случайно взглянул на стол и увидел письмо. На нем не было марки, и оно было надписано женским почерком; я сразу догадался, от кого оно.

Разорвав конверт, я прочел:

«Сударь!

Сегодня, по законам Луизианы, я стала совершеннолетней, но нет на свете женщины несчастнее меня. Солнце, осветившее день моего совершеннолетия, осветило и мое разорение!

Я собиралась устроить ваше счастье: доказать вам, что умею быть благодарной. Увы! Это уже не в моей власти. Я больше не владелица плантации Безансонов и не хозяйка Авроры. Я потеряла все: Эжени Безансон теперь нищая. Ах, сударь! Это печальная история, и я не знаю, к чему она приведет.

Но увы! Есть несчастья еще более тяжкие, чем потеря состояния. Такая потеря может со временем возместиться, но тоска неразделенной любви — любви сильной, единственной и чистой, как моя, — длится долго, быть может, вечно.

Знайте, сударь, что в горькой чаше, которую мне суждено испить, нет ни капли ревности или упрека. Я одна виновата в постигшем меня несчастье.

Прощайте, сударь! Прощайте и будьте счастливы! Нам лучше больше не встречаться. О, будьте счастливы! Ни одна моя жалоба никогда не коснется вашего слуха и не омрачит вашего светлого счастья. Отныне только стены монастыря Сакре-Кёр будут свидетелями горя несчастной, но благодарной

Эжени»

Письмо было написано накануне. Я знал, что это день ее рождения: вчера она стала совершеннолетней.

«Бедная Эжени, — думал я, — ее счастье ушло вместе с беззаботной юностью! Бедная Эжени!»

Слезы катились у меня из глаз, когда я читал это письмо. Я поспешно вытер их и, позвонив слуге, приказал оседлать мою лошадь. Быстро одевшись, я вышел. Лошадь стояла уже у крыльца. Я вскочил на нее и поскакал к плантации.

Выехав из деревни, я вскоре нагнал двух всадников; они держали путь в том же направлении, что и я, но только не так спешили. Одеты они были, как обычно одеваются плантаторы, и неискушенный наблюдатель принял бы их за местных землевладельцев. Однако в их наружности было что-то, делавшее их не похожими ни на плантаторов, ни на торговцев, ни вообще на людей, которые занимаются одной из распространенных здесь профессий. Я судил не по одежде, а по тому особому отпечатку, который трудно определить словами, но по которому легко распознать служителей закона. Даже в Америке, где они не носят форменной одежды или специальных значков, я сразу замечал этот отпечаток и думаю, что мог бы узнать полицейского в любом штатском платье.

У людей, о которых я говорю, это особое выражение сразу бросилось мне в глаза, и я подумал, что это констебли или представители шерифа. А между тем, проезжая мимо, я успел только мельком взглянуть им в лицо и в другое время не обратил бы на них внимания.

Я не поклонился этим людям, но заметил, что мое появление их заинтересовало. Обернувшись назад, я увидел, что они подъехали вплотную друг к другу и о чем-то оживленно беседуют, а по их жестам догадался, что разговор идет обо мне.

Вскоре я ускакал далеко вперед и перестал о них думать. Я спешил на плантацию, еще не зная, что предпринять.

Я выехал по первому побуждению, надеясь только скорей узнать, что там делается, либо от Эжени, либо от самой Авроры.

Так ничего и не обдумав, я доехал почти до самой плантации. Теперь я немного придержал коня, чтобы собраться с мыслями. Я даже на минуту остановился. Здесь речной берег делал небольшой изгиб, и дорога как бы срезала его. Эта часть берега была не возделана и не огорожена. Свернув к реке, я остановил лошадь у воды и сидел, не слезая с седла, погруженный в раздумье.

Я старался составить какой-нибудь план действий. Что мне сказать Эжени? Что — Авроре? Захочет ли Эжени видеть меня после того, что она написала? В своем письме она сказала мне «прощайте», но сейчас было не время соблюдать какие-то церемонии. А если она не захочет, удастся ли мне повидаться с Авророй? Я должен видеть ее. Кто может мне помешать? Мне надо так много сказать ей! Сердце мое было переполнено. Только разговор с нареченной мог принести мне облегчение.

Так и не приняв никакого решения, я снова повернул коня и, пришпорив его, поскакал по береговой дороге.

Подъехав к плантации, я увидел у ворот двух верховых лошадей. Я сразу узнал лошадей тех всадников, которых обогнал на дороге. Они опередили меня, пока я стоял на берегу реки. Теперь седоков не было видно: они, должно быть, вошли в дом.

Лошадей держал негр. Это был мой старый друг Зип.

Я подъехал и заговорил с ним, не слезая с седла. Мне хотелось узнать, кто эти люди.

Его ответ меня не удивил. Предположение мое оправдалось. Это были блюстители закона — местный шериф и его помощник. Незачем было спрашивать, по какому делу они приехали, я и сам догадался.

Я только спросил Сципиона о подробностях. Он коротко рассказал мне все, что знал, а я слушал, не прерывая его. Шериф наложил арест на дом и все имущество; Ларкин пока попрежнему управляет негритянским поселком, но скоро всех негров продадут; Гайар постоянно бывает здесь, а «мисса Жени уехала».

— Уехала? Куда?

— Не знаю, масса. Наверно, в город. Она уехала этой ночью.

— А...

Я на минуту остановился, сердце мое бешено колотилось.

— А Аврора? — спросил я с усилием.

— Рора тоже уехала, масса. Она уехала вместе с мисса Жени.

— Аврора уехала?!

— Да, масса, она уехала, истинная правда.

Я был крайне удивлен тем, что он мне сообщил, меня поразил этот таинственный отъезд. Эжени уехала ночью! Вместе с Авророй! Что это значит? Куда они поехали?

Но сколько я ни расспрашивал Сципиона, мне не удалось раскрыть эту тайну. Он ничего не знал о делах своей госпожи, ничего, кроме того, что касалось негритянского поселка. Он слышал, что его самого, его жену и дочь, малютку Хло, как и всех его товарищей-негров, отправят в город и продадут с торгов на невольничьем рынке. Отъезд был назначен на следующий день. О продаже с аукциона уже дали объявление в газетах. Вот и все, что он знал. Нет, не все. У него была еще новость для меня. Это истинная правда, он слышал, как об этом говорили белые люди — Ларкин, Гайар и работорговец, который теперь занимался их продажей. Речь шла о квартеронке. Ее должны были продать вместе со всеми.

Кровь закипела во мне, когда я услышал рассказ Сципиона. Нечего и говорить, что я верил ему. Все подробности разговора звучали в его передаче вполне правдоподобно. Не могло быть никаких сомнений, что он говорит правду.

Плантация Безансонов утратила для меня всякую привлекательность. Да и в Бринджерсе мне больше нечего было делать. Новый Орлеан — вот куда я теперь стремился.

Дружески простившись со Сципионом, я повернул коня и поскакал обратно. Благородное животное чув-

ствовало мою тревогу и мчалось галопом. Эта бешеная скачка была под стать бушевавшим во мне чувствам.

Через несколько минут я уже передал свою лошадь конюху и, поднявшись к себе в комнату, стал готовиться к отъезду.

Глава XLII

ПЛОВУЧАЯ ПРИСТАНЬ

Теперь я ожидал только парохода, который доставил бы меня в Новый Орлеан. Я знал, что долго ждать не придется. Ежегодная эпидемия пошла на убыль, в городе должна была возобновиться обычная деловая жизнь и начаться сезон развлечений. Пароходы, ушедшие на север, уже побывали на всех притоках Миссисипи и, нагруженные дарами щедрой долины этой могучей реки, устремились к великому южному пакгаузу американской торговли.

Пароход мог прийти со дня на день, вернее — с часу на час.

Я решил отплыть с первым же из них.

Гостиница, в которой я жил, да и сама деревня находились на порядочном расстоянии от пристани; ее отнесли подальше от реки из разумной предосторожности. Здесь, как и на тысячи миль вверх и вниз по течению, берега Миссисипи поднимаются всего на несколько футов над ее уровнем, вода день за днем подмывает грунт, и красноватый поток подчас уносит целые пласты прибрежной земли.

Казалось бы, что такая неустанная работа воды должна со временем непомерно расширить ложе реки. Но нет: под действием течения, образованного новой излучиной, то, что снесено на одном берегу, отлагается на другом, и река сохраняет свою первоначальную ширину. Это примечательное явление размыва и отложения наблюдается от устья Огайо до устья самой Миссисипи, хотя далеко не всюду в одинаковых масштабах. В иных местах разлив происходит столь стремительно, что в несколько дней вода может унести не только

часть поселка, но и целую плантацию. Нередко также во время весеннего паводка своенравная река бросается наперерез собственной излучине и в течение нескольких часов образует новое русло, куда и устремляет свои воды. Представьте себе, что в глубине излучины расположена плантация, а иногда даже три-четыре, — и вот в один прекрасный день хозяин, который лег спать в полной уверенности, что он прочно обосновался на материке, утром просыпается на острове. В ужасе видит он перед собой красно-бурый поток, который мчится мимо, отрезая его от суши. Теперь без парома, который обойдется недешево, ему уже не попасть в соседнюю деревню; не попасть на рынок и фургонам, нагруженным гигантскими кипами хлопка и бочками с табаком и сахаром. Случись еще раз подобное вторжение — и свирепая река унесет, пожалуй, самого хозяина и дом, а заодно и несколько сот его полуголых негров. В страхе перед грозящей гибелью человек бросает родной очаг и переселяется куда-нибудь выше или ниже по течению, где, как ему кажется, он будет надежнее защищен от неожиданной напасти.

Из-за причуд Миссисипи трудно найти в ее низовьях безопасное место для жилья. На протяжении почти пятисот миль от устья только изредка встречаются небольшие, годные для заселения возвышенности, но искусственная насыпь восполняет этот недостаток и обеспечивает здешним городам и плантациям сравнительную безопасность.

Как я уже сказал, моя гостиница стояла несколько в стороне, и прибывший с верховьев пароход, подойдя к пристани, мог отчалить, прежде чем меня успели бы предупредить. Нагруженное и не заинтересованное в фрахте судно не станет здесь долго задерживаться, а харчевня на Миссисипи—не лондонская гостиница, где вы можете смело положиться на исполнительного коридорного. Шансов на то, что Самбо разбудит вас во-время, не больше одного на сто, ибо сон его крепче вашего.

Я давно убедился в этом и теперь, боясь пропустить пароход, решил расплатиться и, забрав свои пожитки, заблаговременно отправился на пристань.

Мне не угрожала опасность провести ночь под открытым небом. Настоящей пристани здесь не было, зато стоял огромный остов давно уже отслужившего парохода.

Эта махина, пришвартованная к берегу крепкими канатами, представляла отличную пристань, а ее просторные палубы, салоны и каюты служили складом для всякого рода грузов. Старое судно с успехом выполняло и то и другое назначение и было известно под названием «пловучей пристани».

Было уже поздно, около полуночи, когда я поднялся на его борт. Даже последние замешкавшиеся здесь местные жители уже давно разошлись; ушел и хозяин складов. Сонный негр был единственным человеческим существом, которое попалось мне на глаза. Он сидел в отгороженном стойкой углу нижней палубы. Перед ним стояли весы с гирями, лежал большой моток толстой бечевки, кухонный нож и прочие необходимые для торговли предметы, которые вы можете встретить в любой мелочной лавке. Позади, на полках, были расставлены бутылки с разноцветными напитками, стаканы, ящики с галетами, сыр из «Западных резерваций», кадки с прогорклым маслом, пачки жевательного табака и дешевых сигар — словом, обычный ассортимент бакалейной лавочки. Остальная часть просторного помещения была завалена товарами в самой разнообразной таре: в кипах, мешках, бочках и ящиках. Одни грузы прибыли из дальних краев через Новый Орлеан и направлялись вверх по реке, другие — щедрые дары земли — шли в обратном направлении, к устью Миссисипи, чтобы переплыть через Атлантический океан в трюмах огромных кораблей. На нижней палубе буквально негде было ступить, и, озираясь кругом, я тщетно искал места, где бы улечься и хоть немного соснуть. При свете я, вероятно, нашел бы себе укромный уголок, но сальная свеча, вставленная в бутылку из-под шампанского, сильно оплыла и едва освещала царивший здесь хаос. Все же слабые отблески огня, игравшие на черном лице единственного здешнего обитателя, помогли мне до него добраться.

— Что, дядюшка, дремлете? — спросил я, подходя к стойке.

Американский негр никогда не позволит себе ответить вам грубо, тем более на вежливый вопрос. Мое приветливое обращение, видимо, затронуло чувствительную струнку в душе чернокожего, и в ответ на мои слова лицо его расплылось в благодушную улыбку. Он не спал, и мой вопрос был задан с единственной целью завязать разговор.

— Ах, боже ты мой, да это масса Эдвард! Дядя Сэм знает вас. Вы не обижаете черный народ. Чем могу служить, масса Эдвард?

— Да вот еду вниз, в Новый Орлеан, и хочу дождаться здесь парохода. Говорили, какой-то будет сегодня ночью.

— Обязательно будет, масса Эдвард, обязательно! Хозяин тоже ждет. Как раз сегодня ночью должен прийти один пароход с Ред-Ривер — «Хоума» или «Чоктума».

— Отлично! Так вот, дядя Сэм, если у вас здесь найдется свободная половица футов в шесть длиною и вы не откажетесь разбудить меня, как только появится пароход, эти полдоллара будут ваши.

При виде серебряной монеты глаза дядюшки Сэма округлились от удовольствия и еще ярче засверкали его и без того яркие белки. Недолго думая он схватил бутылку с торчавшей в ней свечкой и, лавируя между тюками и ящиками, повел меня к трапу. Мы поднялись на вторую, так называемую пассажирскую палубу и очутились в салоне.

— Вон как много места, масса Эдвард! Жаль, нет кровати. Но если масса не прочь поспать на мешках с кофе, Сэм очень рад, очень. Я вам свечу оставлю, у меня есть внизу другая. Доброй ночи, масса Эдвард, доброй ночи! Я разбужу, разбужу, не беспокойтесь.

С этими словами добродушный негр поставил свечу на пол и направился к трапу, а я остался один со своими мыслями.

При тусклом свете сальной свечи я оглядел свою спальню. Как сказал дядя Сэм, здесь и вправду

места хватало. Когда-то это было помещение для пассажиров, но перегородку между дамским и общим салоном убрали, и сейчас оно представляло собой один огромный зал, более ста футов длиной. Я стоял почти на середине, и оба конца его, уходя вдаль, терялись где-то в темноте. Каюты по обе стороны зала и даже двери с узорчатым стеклом остались нетронутыми; одни были наглухо заколочены, другие прикрыты или распахнуты настежь. Роспись и позолота на потолке и стенах салона потемнели и облупились, и только над аркой входа в общий салон ярко блестела золотом надпись: «Султанша», свидетельствовавшая о том, что я нахожусь в остове одного из самых прославленных пароходов, когда-либо бороздивших воды Миссисипи.

Странные мысли бродили в моей голове, когда я стоял, осматриваясь, в этом разоренном зале. Безмолвный и пустынный, он навевал такое гнетущее чувство одиночества, какого не испытаешь и в самой глухой лесной чащобе.

Не слышно было ни одного привычного звука — ни стука машин, ни пыхтенья вырывающегося пара, ни гула мужских голосов или звонкого смеха; не видно было привычных предметов — блестящих канделябров, длинных, сверкающих хрусталем столов, и эта тишина, это отсутствие праздничного убранства в когда-то роскошном зале усиливали впечатление заброшенности. Казалось, что стоишь среди развалин древнего монастыря или на старом кладбище.

Мебели тут не осталось никакой. На полу лежали только грубые джутовые мешки с кофе, любезно предложенные мне Сэмом вместо постели.

Осмотрев свою необычную спальню, давшую столь странное направление моим мыслям, я стал подумывать о том, чтобы лечь. Здоровье мое еще недостаточно окрепло, и я сильно устал. Мешки с кофе манили меня. Я притащил их с полдюжины, сложил в ряд и, растянувшись на спине, накрылся плащом. Кофейные зерна, подавшись под тяжестью моего тела, оказались довольно удобным ложем, и не прошло пяти минут, как я уснул.

Глава XLIII

КРЫСЫ

Спал я, должно быть, час, а то и больше. Когда я лег, мне не пришло в голову взглянуть на часы, а когда проснулся, было уже не до того. Но что прошло никак не меньше часа, я мог заключить по величине огарка.

Этот час был одним из самых страшных в моей жизни. Я видел отвратительный сон. Однако я неправ, называя это сном. То не было сновидением, хотя тогда мне казалось, что я сплю и все это мне лишь грезится.

Но слушайте!

Как уже было сказано, я лег на спину и натянул свой широкий плащ до самого подбородка. Открытыми оставались только лицо да сапоги. Один мешок я подложил себе вместо подушки под голову так, что мне хорошо было видно все мое распростертое на мешках тело и торчавшие из-под плаща носки сапог. Свечу я поставил прямо перед собой в ногах, и пол был мне виден на расстоянии нескольких ярдов. Я повторяю, что заснул сразу же. По крайней мере, так мне показалось, да и сейчас кажется, хотя глаза у меня были открыты и я ясно видел перед собой и свечу и ту часть пола, которую она освещала. Я старался закрыть глаза, но не мог; не мог и переменить положение и лежал, глядя на язычок пламени и светлый круг на полу. Вскоре мне представилось странное зрелище. В темноте предо мной вдруг заплясало несколько крохотных светящихся точек. Сперва я принял было эти точки за светлячков, которых множество в здешних местах, но как могли они попасть в закрытое помещение? И потом, они кружились у самого пола, а не в воздухе, что было уже совсем странно.

Огоньков становилось все больше и больше. Теперь их было не меньше сотни, и, что всего удивительнее, они двигались как бы парами. Нет, это не могли быть светляки!

На меня напал страх, я вдруг почувствовал, что эти движущиеся над полом бесчисленные огненные точки таят в себе опасность. Но что бы это могло быть?

Едва я задал себе этот вопрос, как тут же получил на него ответ, нисколько, правда, меня не успокоивший. Меня вдруг словно осенило: каждая пара этих горящих точек — глаза!

Догадаться, что это глаза крыс, не представляло труда, но это было для меня слабым утешением. Вы, возможно, посмеетесь над моим страхом, но я скажу вам без шуток, что, если бы, проснувшись, я увидел перед собой готовую к прыжку пантеру, я испугался бы не больше. Я слышал немало рассказов, да и сам был очевидцем наглых набегов и кровожадных подвигов крыс в Новом Орлеане, где в то время они расплодились в неимоверном количестве, и теперь один вид их вызывал во мне чувство омерзения и ужаса. Но всего ужаснее было то, что они надвигались на меня все ближе и ближе, а бежать от них я не мог. Да, не мог! Мои руки и ноги как бы налились свинцом, и я не в силах был пошевельнуться.

Тогда-то я и подумал, что все это мне грезится.

«Ну конечно, — рассуждал я, ибо еще не лишился способности рассуждать, — это мне только снится. Но какой ужасный, отвратительный сон! Проснуться бы поскорей! Вот он, настоящий кошмар! Так всегда и бывает. Хоть бы я пальцем мог пошевельнуть! Господи!»

Эти мысли действительно мелькали в моем мозгу. Такое состояние бывало у меня и раньше, когда я находился во власти кошмара. Но с тех пор как я узнал способ отгонять эти мучительные сны, они уже меня не пугали.

Однако теперь я не мог этого сделать. Я лежал, как покойник, которому не закрыли глаза. Мне казалось, что я сплю. Но спал я или нет, самое страшное было еще впереди.

Продолжая вглядываться в темноту, я заметил, что количество мерзких животных продолжает быстро расти. Вот они достигли освещенного пространства, и я видел уже их тельца, покрытые бурой шерсткой. Они заполонили все кругом. Пол кишел ими, и они колыхались, как волны, гонимые ветром. Отвратительное зрелище!

Крысы подступали все ближе. Я уже различал их длинные мордочки с серыми щетинистыми усами, их острые зубы, видел их злобные, колючие глазки.

Все ближе!.. Они взбираются на мешки, они уже шныряют по моему телу... Они гоняются друг за другом в складках моего плаща, они грызут мои сапоги... Ужас! Ужас! Они хотят сожрать меня!..

Их мириады! Они всюду! Мне не видно, что делается справа и слева от меня, но я знаю, что они здесь. Я слышу их пронзительный писк, воздух пропитан запахом этих гнусных тварей. Я задыхаюсь от него. Ужас!.. Ужас!.. «О милосердый боже, пробуди меня от этого страшного сна!..»

Таковы были мои мысли и чувства в эти минуты. Я прекрасно сознавал все, что происходило, и потому был уверен, что это сон.

Я делал нечеловеческие усилия, чтобы проснуться, чтобы пошевелить рукой или ногой. Но тщетно: ни один мускул не повиновался мне, каждый нерв моего существа оцепенел. Кровь застыла в жилах.

Мне казалось, что эта пытка длится уже целую вечность. Я леденел при мысли, что они съедят меня живьем. Правда, кровожадные зверьки пока накинулись только на мой плащ и сапоги, но ужас мой не знал пределов. Я ждал, что вот-вот они вопьются мне в горло...

Но что-то отпугивало их от моего лица. Уж не пристальный ли взгляд моих широко открытых глаз? Не это ли удерживало их от нападения? Несомненно! Крысы копошились вокруг меня, взбираясь даже на грудь, но не решались приблизиться к моему лицу.

Не знаю, как долго удерживал бы их этот спасительный для меня страх, потому что мучения мои неожиданным образом кончились.

Свеча догорела, огарок с громким шипеньем провалился в горлышко бутылки, и наступила темнота.

Омерзительные животные, испуганные внезапным переходом от света к тьме, со страшным писком бросились врассыпную. Я слышал только торопливый топот лапок по дощатому полу.

Можно было подумать, что именно свет магически действовал на меня и держал в железных тисках кошмара. Как только свеча погасла, ко мне вернулись силы. Вскочив на ноги, я схватил плащ, стал неистово размахивать им вокруг себя и закричал во весь голос.

Я обливался холодным потом и чувствовал, что волосы у меня встали дыбом. Но я все еще был уверен, что видел сон. Только когда перепуганный Сэм со свечой в руках явился на мой крик, я по плачевному состоянию своего плаща и сапог убедился в том, что меня в самом деле посетили эти мохнатые гости и что все это происходило наяву.

Я бросился вон из салона и, завернувшись в плащ, как мог устроился на палубе.

Глава XLIV

«ХОУМА»

Я недолго сидел на пристани. Вскоре до меня донеслось хриплое пыхтенье, вдали показались огни топок, бросавшие на воду багровый отсвет, затем послышалось хлопанье пароходных плиц, бьющих по бурой воде Миссисипи, звон колокола, громкие слова команды, передаваемой от капитана его помощнику, а от него — матросам, и минут через пять пароход «Хоума», идущий с Ред-Ривер, подошел вплотную к старой «Султанше».

Я взбежал по сходням, бросил на палубу свой багаж, поднялся наверх и уселся под тентом.

Десятиминутная суматоха, тяжелое топанье ног по сходням и палубе — одни пассажиры спешили сойти на берег, другие торопились на пароход, — пронзительные гудки, грохот огромных поленьев, бросаемых в топку; в промежутке — громкая команда, взрыв раскатистого смеха в ответ на грубую шутку и сдержанный шопот прощанья... Десять минут шума и суеты, и снова звон большого колокола, возвещающий об отплытии.

Я уселся в кресло возле стойки тента, почти у самого борта. Отсюда видны были сходни, соединявшие пароход с пловучей пристанью, которую я только что покинул.

Рассеянно и равнодушно смотрел я на суматоху внизу. Если я и думал о ком-нибудь, то предмет моих мыслей был не здесь, и самое воспоминание о нем заставляло меня отворачиваться от этих суетящихся людей и устремлять свои взоры на левый берег реки. Быть может, эти мимолетные взгляды сопровождались вздохами, но когда я отводил глаза, мои мысли не останавливались ни на чем определенном, и мелькавшие передо мной люди казались мне тенями.

Вдруг что-то вывело меня из глубокой апатии. Мой взгляд случайно упал на две человеческие фигуры, стоявшие на пловучей пристани, но не вблизи мостков, где фонарь бросал яркий свет на торопливо бегущих пассажиров, а в отдаленном углу, под тентом. Я не различал ни их лиц, ни фигур под черными плащами, но по их позам, по тому, что они старались держаться подальше от света, и по их явно взволнованному шопоту я решил, что это влюбленные. Сердце подсказало мне это заключение, и я уже не искал другого.

«Да, это влюбленные! Счастливые влюбленные! Впрочем, нет, не такие уж счастливые: их ждет разлука. Очевидно, юноша — начинающий конторщик или торговец — уезжает в город на зимний сезон. Ну так что ж! Весной он вернется и снова пожмет эти тонкие пальчики, обнимет этот прелестный стан, повторит те же ласковые слова, которые после долгого молчания прозвучат еще нежнее... Счастливый юноша! Счастливая девушка! Что значит печаль вашего прощания перед той жестокой разлукой, что выпала на мою долю! Аврора! Аврора!.. О, если бы ты была свободна! Если бы ты была дочерью знатных людей! Не потому, что я любил бы тебя больше — больше, чем я люблю, любить невозможно! — но я мог бы смелее домогаться твоей любви, лелеял бы надежду... А сейчас — увы! — между нами разверзлась бездна, нас разделяет пропасть со-

диального неравенства! Но и она не разъединит наши сердца! Любовь преодолеет все!..» Ах!..

— Хэлло, мистер! Что случилось? Кто-нибудь упал за борт?

Я не обратил внимания на этот грубый оклик. Жгучая боль сжала мне сердце, из груди вырвался невольный крик, который и дал повод к этому вопросу.

Пожав друг другу руки и обменявшись поцелуем, молодая чета рассталась. Юноша быстро взбежал по сходням. Я даже не посмотрел на него, когда он прошел мимо, освещенный ярким светом фонаря. Он меня не интересовал. Я не мог отвести глаз от девушки. Мне хотелось увидеть, как поведет она себя в последнюю минуту расставанья.

Убрали сходни. Прозвучал колокол. Мы отчаливали.

В это мгновение закутанная в плащ женская фигура выступила из тени, отбрасываемой тентом. Девушка хотела поймать прощальный взгляд возлюбленного. Сделав несколько шагов, она очутилась у самого края пловучей пристани, там, где горел фонарь. Соломенная шляпка, завязанная под подбородком на манер капора, съехала на затылок. Луч света упал на ее лицо, скользнул по волнам черных волос, сверкнул в чудесных глазах.

Боже милосердый, глаза Авроры!..

Неудивительно, что я крикнул отчаянным голосом:

— Это она!

— Что вы сказали? Женщина за бортом? Где? Где?

Человек был встревожен не на шутку. Услышав мой крик, он, очевидно, счел его ответом на свой предыдущий вопрос, а мой взволнованный вид подтверждал его предположение, что какая-то женщина упала в воду.

Стоявшие поблизости пассажиры расслышали его слова и передали их соседям. Тревога распространилась по судну с быстротой лесного пожара. Пассажиры выбегали из кают и салонов и мчались к переднему тенту с криком: «Кто? Как? Где?» Кто-то громко крикнул: «Человек за бортом! Женщина!»

Я-то знал причину этой нелепой тревоги и потому даже не оглянулся. Мои мысли были заняты другим.

Первая вспышка отвратительного чувства — ревности — поглотила все мое существо, и я не обращал внимания на то, что творится вокруг.

Не успел я разглядеть лицо девушки, как судно, развернувшись против течения, заслонило ее от меня. Я кинулся вперед, к трапу. Но тут рулевая рубка загородила мне вид на берег. Это меня не остановило. Я решил залезть на нее. Взбудораженные пассажиры оттеснили меня, и прошло немало времени, прежде чем мне удалось забраться на покатую крышу рубки. А когда мои усилия увенчались наконец успехом, было поздно: пароход отошел на несколько сот ярдов. Я видел издали пловучую пристань с ярко горящими фонарями, различал даже фигуры стоящих на ней людей, но уже не видел той, которую искал мой взор.

Разочарованный, я перешел на штормовой мостик, который почти соприкасался с крышей рулевой рубки. Там я надеялся остаться наедине со своими горькими мыслями.

Но и в этом было мне отказано. Снова послышались громкие голоса, топот тяжелых сапог и быстрые шаги женщин, и в то же мгновение поток пассажиров хлынул на штормовой мостик.

— Вот этот джентльмен! Вот он! — раздался чей-то голос.

В один миг возбужденная толпа окружила меня.

— Кто упал за борт? Кто? Где? — посыпались вопросы.

Я, разумеется, сразу понял, что вопросы относятся ко мне и что пора наконец объясниться и прекратить эту беспричинную панику.

— Леди и джентльмены! — сказал я. — Мне ничего не известно о том, что кто-то упал за борт. Почему вы обращаетесь ко мне?

— Хэлло, мистер! — вскричал виновник переполоха. — Разве вы не сказали...

— Ничего я не говорил.

— Но я же спрашивал вас, не упал ли кто за борт?

— Спрашивали.

— И вы ответили мне...

— Ничего не ответил.

— Будь я проклят, если вы не сказали не то: «Вот она!», не то: «Это она!» или что-то в этом роде.

Я повернулся к говорившему, который, как я заметил, начинал уже терять доверие пассажиров.

— Мистер, — произнес я ему в тон, — очевидно, вы никогда не слыхали о человеке, который нажил огромное состояние, занимаясь исключительно своими собственными делами.

Моя реплика положила конец переполоху. Она была встречена взрывом хохота, который нанес моему противнику полное поражение, и он, немного покипятившись и покричав, отправился в бар, чтобы утопить обиду в стаканчике спиртного.

Публика постепенно разошлась по каютам и салонам, и я снова остался один на штормовом мостике.

Глава XLV

РЕВНОСТЬ

Любили вы когда-нибудь девушку простого звания? Прелестную юную девушку, которой предназначен самый скромный удел, но чья блистательная красота уничтожает всякую мысль о социальном неравенстве? Пословица «Перед любовью все равны» стара, как мир. Любовь смиряет гордые сердца, учит высокомерных снисхождению, но главное ее свойство — все возвышать и облагораживать. Она не превратит принца в простолюдина, но зато превратит простолюдина в принца.

Взгляните на вашу богиню, когда она хлопочет по дому. Вот она возвращается от колодца с кувшином воды. Босая, идет она по хорошо знакомой тропинке, и эти нежные ножки в их целомудренной наготе не могли бы быть прекраснее даже в самых изящных атласных или шелковых туфельках. И разве не тускнеют перед блеском ее черных растрепавшихся кудрей золотые шпильки и драгоценные диадемы, венки из цветов и жемчужные нити, украшающие затейливые при-

чески светских дам, гордо восседающих в ложах бельэтажа? Она несет свой глиняный кувшин с такой грацией, будто ее голову венчает золотая корона, и каждый ее жест, каждое движение достойны резца ваятеля или кисти художника. Ее простое холщовое платьице в ваших глазах милее самого роскошного туалета из лионского бархата. Но что вам ее наряд! Вас привлекает не оправа, а жемчужина, заключенная в ней.

И вот девушка исчезает в хижине, в своем убогом жилище. Убогом? В ваших глазах оно уже отнюдь не убого. Эта маленькая кухонька с табуретами и столом из некрашеного дерева, с сосновой полкой, где в порядке выстроились кружки, чашки и расписные тарелки, с выбеленными стенами, увешанными дешевыми литографиями — на одной изображен солдат в красном мундире, на другой матрос в синей рубашке, — эта хижина, крошечный храм, посвященный пенатам бедняка, вдруг озаряется светом, придающим ей такой блеск и великолепие, перед которыми меркнут раззолоченные гостиные богачей. Маленький, увитый зеленью домик с низкой кровлей превратился во дворец. Свет любви преобразил его! Это рай, и рай запретный. Да, при всем вашем богатстве и власти вы с вашей изысканной внешностью, громкими титулами, безукоризненным костюмом и лаковыми сапожками не посмеете переступить его порога.

И как вы завидуете смельчаку, отважившемуся войти туда! Как вы завидуете и франтоватому подмастерью и этому детине в холщовой рубахе, который громко хлопает кнутом и беспечно насвистывает, будто идет за плугом, хотя благоговейный трепет перед прекрасным видением должен был бы сковать его уста! Пусть он неуклюж, как медведь, но вас гложет ревность, и вы готовы убить его за милые улыбки, которые, как вам кажется, она расточает именно ему.

Возможно, что эти улыбки ничего не значат, что они выражают только доброту ее сердца, дружбу и невинное кокетство, но вы не можете подавить в себе зависть и подозрение. А если она улыбается не без причины, если это улыбка любви и простая девушка сдела-

ла своим избранником молодого подмастерья или этого увальня с кнутом — вас ждут самые ужасные страдания, какие только знает человеческое сердце. Это не простая ревность. Это гораздо более мучительное чувство, потому что оно отравлено ядом уязвленного самолюбия. О, его нелегко пережить!

Такие именно муки испытывал я, шагая взад и вперед по штормовому мостику. Счастье еще, что пассажиры все разошлись. Я не в силах был скрывать обуревавшие меня чувства. Мой вид и дикая жестикуляция выдали бы меня и дали бы повод к насмешкам и шуткам. Но я был один. Рулевой в своей стеклянной будке меня не замечал. Он сидел ко мне спиной, устремив пристальный и зоркий взгляд на воду, и был слишком поглощен песчаными отмелями, корягами и плывущими по реке бревнами, чтобы обращать внимание на мои безумства.

То была Аврора! В этом я нисколько не сомневался. Я не мог ошибиться, не мог спутать ее ни с кем. Только она одна на свете обладала столь пленительной, но, увы, пагубной красотой!

Но кто же он? Какой-нибудь городской сердцеед? Молодой приказчик? Служащий на плантации? Кто? Быть может, — при этой мысли сердце во мне дрогнуло, — он тоже принадлежит к гонимой расе? Может быть, это негр, мулат или квартерон — словом, раб? Иметь соперником раба! Соперником? Он — ее счастливый избранник! Подлая кокетка! Как мог я поддаться ее чарам, принять ее лукавство за простодушие, ее лицемерие — за искренность!

* * * * * * * *

Но кто же он? Я обыщу весь пароход и найду его! К сожалению, я не видел его лица и не заметил, как он одет. Когда они расстались, я смотрел только на нее. В темноте я не мог хорошенько его разглядеть, а когда он проходил мимо фонаря, я даже не взглянул в его сторону. Нелепо думать, что я разыщу его. Как узнаешь его в толпе пассажиров?

Я спустился вниз, прошел через салон к переднему тенту, обошел палубу. Я всматривался в каждое лицо с таким вниманием, что это могло показаться дерзостью. Все молодые, красивые мужчины возбуждали во мне ревность, и я пристально изучал их. Таких среди пассажиров оказалось несколько человек, и я старался угадать, кто сел в Бринджерсе. Некоторые, судя по всему, сели недавно, но это было, в сущности, лишь предположение, и мои поиски счастливого соперника не увенчались успехом.

Расстроенный своей неудачей, я вернулся обратно на штормовой мостик, но едва я туда поднялся, как меня осенила новая мысль. Я вспомнил, что всех невольников должны были отправить на рынок с первым пароходом. Не с нашим ли они едут? Я видел, как целую толпу негров — мужчин, женщин и детей — гнали вверх по сходням. Тогда я не обратил особого внимания на эту картину, так как ее можно было наблюдать ежедневно и ежечасно. Мне и в голову не приходило, что это могли быть невольники с плантации Безансонов.

Если это действительно они, еще не все потеряно. Пусть Аврора не с ними, но это ничего не значит. Хотя она такая же раба, ее вряд ли могли заставить ехать на палубе. Когда я увидел ее на пловучей пристани, сходни были уже убраны — значит, она осталась. Мысль, что невольники Безансонов находятся на нашем пароходе, успокоила меня. Я стал надеяться, что мои опасения напрасны.

«Почему?» — спросите вы. Да просто потому, что юноша, который так нежно прощался с Авророй, мог быть ее братом или близким родственником. Я не знал, есть ли у нее родные, но это было возможно, к тому же истерзанное ревностью сердце жадно цеплялось за любую догадку.

«Надо положить конец мучительным сомнениям», — решил я и, прервав свою прогулку, поспешил вниз, на пассажирскую палубу, а оттуда по главному трапу на нижнюю, где стояли котлы. Ловко лавируя между грудами мешков с кукурузой и бочками с сахаром, то ныряя под колесный вал, то карабкаясь на гигантские ки-

Я добрался до кормовой части палубы. Здесь были

пы хлопка, я добрался до кормы, отведенной для палубных пассажиров, где бедные ирландские и немецкие иммигранты ютятся бок о бок с чернокожими рабами юга.

Я не ошибся. Вот их добродушные черные лица. Здесь были все: и старый Зип, и тетушка Хлоя, и малютка Хло, и новый кучер Ганнибал, и Цезарь, и Помпей — словом, все, кого ждал страшный невольничий рынок.

Я не сразу подошел к ним. Свет падал в ту сторону, и, пользуясь этим, я несколько мгновений рассматривал их, прежде чем они заметили меня. Это было печальное сборище. Не слышно было ни смеха, ни задорных шуток, как бывало, когда они после долгого дня работы усаживались отдохнуть на пороге своих лачуг. Здесь царили печаль и уныние. Даже маленькие дети, которые обычно не задумываются над тем, что их ждет, казалось, прониклись тревожным настроением стар-

все, кого ждал страшный невольничий рынок.

ших. Они не возились, не шалили. Они даже не играли, а сидели притихшие и молчаливые. Эти маленькие рабы уже знали достаточно, чтобы страшиться за свое будущее и трепетать при одном слове «невольничий рынок».

Все были подавлены. И немудрено: они привыкли к доброму обращению и теперь боялись очутиться во власти жестокого надсмотрщика. Никто не знал, где он окажется завтра и какой деспот будет его господином. Но это еще не все, их ждало горшее испытание. Друга разлучат с другом, родных разметают по разным плантациям, и кто знает, суждено ли им будет когда-нибудь свидеться! С болью в сердце, с мучительной тоской глядел теперь муж на жену, брат — на сестру, отец — на сынишку, мать — на своего беспомощного малютку.

Как тяжело было смотреть на этих несчастных, видеть их страдания, читать следы душевной тревоги на

каждом лице, думать о той несправедливости, которую один человек, прикрываясь законом, вправе причинять другому, попирая все законы человеческого сердца! О, как тяжело было смотреть на эту картину!

Единственное, что смягчало мою боль, — это сознание, что я своим появлением хоть ненадолго рассеял их печаль. Меня встретили радостными возгласами и улыбками, и эти улыбки согнали с их лиц суровую тень. Будь я даже их спасителем, и тогда я не мог бы рассчитывать на более горячий прием.

Среди пылких изъявлений радости слышались и страстные мольбы купить их, стать их господином, и торжественные обещания преданно служить мне. Увы, они не знали, какие муки доставляла мне в эту самую минуту мысль о том, удастся ли мне спасти ту, которую я так страстно мечтал выкупить.

Я старался казаться веселым, ободрить и утешить их, тогда как сам нуждался в утешении.

Между тем я напряженно всматривался в окружавшие меня лица. Здесь горело два фонаря, так что было довольно светло. Среди молодых мужчин оказалось несколько мулатов, и я подозрительно приглядывался к каждому. Как трепетало при этом мое сердце! О радость! Я не находил никого, кто был бы достоин ее любви. Но все ли здесь? Сципион уверял, что все — все, кроме Авроры.

— А где Аврора? — спросил я. — Ты слышал что-нибудь о ней?

— Нет, масса! Говорят, Рора уехала в город. Ее отправили туда в карете, не на пароходе. Так мне рассказывали.

Мне показалось это странным. Отведя негра в сторону, я спросил:

— Скажи, Сципион, нет ли среди вас каких-нибудь родственников Авроры? Сестер, братьев, родных или двоюродных?

— Нет, масса, нету! Ей-богу, никого нету! Рора почти такая же белая, как мисса Жени, а здесь все чернокожие или смуглые. Рора — она квартеронка, а у нас все мулаты. Родных у Роры никого нет.

Я был удивлен и испуган. Ко мне вернулись прежние подозрения, и вновь вспыхнула ревность.

Сципион не мог мне объяснить этой тайны. Его ответы на другие мои вопросы тоже не помогли ее разгадать, и я вернулся наверх с тяжелым чувством растерянности.

Меня поддерживала только мысль, что я ошибся. Вероятно, это все-таки была не Аврора.

Глава XLVI

ДЖУЛЕП ПО ПОСЛЕДНЕМУ СЛОВУ НАУКИ

Люди пьют, чтобы потопить в вине заботы и горе. Спиртные напитки, принятые в надлежащей дозе, способны заглушить и физическую и нравственную боль — правда, только на время. Но нет таких физических и нравственных мук, которые было бы труднее укротить, чем терзания ревности. Надо много и долго пить, прежде чем смоешь этот разъедающий сердце яд.

Однако и бокал вина может принести какое-то облегчение, и я прибегнул к этому средству. Я знал, что действие его кратковременно и что мученья мои скоро возобновятся, но даже такая недолгая передышка была мне желанна. Уж слишком тяжело было оставаться наедине со своими мыслями.

Я не из тех, кто мужественно переносит боль. Сколько раз я прибегал к вину, желая успокоить ноющий зуб! Таким же точно способом я решил успокоить и жестокие страдания сердца. Лекарство было под рукой, и притом любое — на выбор.

В одном углу курительного салона помещалась роскошная буфетная стойка, уставленная шеренгами графинов и бутылок с этикетками и серебряными пробками, стаканами, горками лимонов; тут же стояли ступки для сахара и пряностей, висели пучки благоухающей мяты, красовались душистые ананасы, бокалы с соломинками, через которые тянут мятный джулеп, кобблер с хересом и другие не менее изысканные напитки.

И над всем этим великолепием царил бармен. Но не подумайте, что это был какой-нибудь субъект из породы официантов, испитой, с землистыми щеками и нечистой кожей, это сомнительное украшение всех английских отелей, которое одним своим видом способно отбить всякий аппетит. Напротив: представьте себе щеголя, одетого по последней моде — разумеется, по моде своей страны и своего сословия, то-есть людей на Миссисипи. При исполнении обязанностей он не носит ни сюртука, ни жилета, но рубашка его достойна особого описания: она из тончайшего полотна ирландских мануфактур, слишком тонкого, чтобы его могли носить те, кто ткет, а такой прекрасной работой не может похвалиться даже первоклассный лондонский поставщик с Бонд-стрита. В манжетах золотые запонки, в пышных складках жабо на груди сверкают брильянты. Из-под отложного воротничка виднеется черная лента, повязанная спереди бантом а ля Байрон; впрочем, тут уж скорее повинно жаркое тропическое солнце, чем желание подражать поэту-мореплавателю. Поверх рубашки он носит шелковые, искусно вышитые подтяжки с массивными золотыми пряжками. Шляпа-панама, сплетенная из ценной травы с островов Океании, венчает его напомаженные кудри. Таков наш бармен с парохода. О нижней половине его туловища говорить не стоит: эта часть бармена невидима, она закрыта стойкой.

Словом, это отнюдь не подобострастно ухмыляющийся холуй, а франтоватый, весьма самоуверенный модник; ему нередко принадлежит буфет со всем его содержимым, и ведет он себя столь же независимо, как стюард или даже сам капитан.

Я еще не подошел к буфету, а уж на стойке оказался стакан, и молодой человек бросил в него несколько кусочков льда. А ведь мы еще не обменялись с ним ни единым словом. Он не стал дожидаться заказа, прочтя в моих глазах твердое намерение выпить.

— Кобблер?

— Нет, — сказал я, — мятный джулеп.

— Прекрасно! Я приготовлю вам такой джулеп, что на ногах не устоите.

— Спасибо. Вот это как раз мне и нужно.

Тут бармен поставил рядом два больших бокала. В один он насыпал ложку сахарной пудры, бросил туда ломтик лимона, ломтик апельсина, несколько веточек зеленой мяты, затем пригоршню толченого льда, добавил треть стакана воды и наконец большую стеклянную стопку коньяку. Покончив с этим, он взял в обе руки по бокалу и стал переливать содержимое из одного в другой с такой скоростью, что лед, коньяк, лимон и все прочее находились как бы во взвешенном состоянии между двумя сосудами. Заметим, что расстояние между бокалами было по меньшей мере два фута. Это искусство, которое дается лишь долгой практикой, составляло, как видно, предмет особой профессиональной гордости бармена и неотъемлемую принадлежность его ремесла. После многократных эволюций джулепу наконец разрешено было остаться в одном из двух бокалов и украсить собою стойку.

Теперь надлежало завершить творение. От ананаса был отрезан тонкий ломтик, затем этот ломтик зажали между большим и указательным пальцами, перегнули его пополам и ловким круговым движением протерли им края бокала.

— Новейшая орлеанская мода, — заметил с улыбкой бармен, заканчивая манипуляцию.

Последняя процедура имела двоякое назначение. Ломтик ананаса не только снимал налипшие на стекло остатки сахара и кусочки мяты, но, пуская сок, добавлял свой аромат к напитку.

— Новейшая орлеанская мода, — повторил бармен. — Последнее слово науки.

Я кивнул в знак одобрения.

Наконец джулеп был готов — это явствовало из того, что бокал пододвинули ко мне по мраморной стойке.

— Соломинку? — последовал краткий вопрос.

— Да, пожалуйста.

В бокал была опущена соломинка, и, зажав ее губами, я стал жадно втягивать в себя, быть может, самый упоительный из всех алкогольных напитков — мятный джулеп.

После первого же глотка я почувствовал его действие. Пульс стал ровнее, лихорадка улеглась, кровь спокойнее потекла по жилам, а сердце будто погрузилось в струи Леты[1]. Облегчение наступило почти мгновенно, и я не понимал, как раньше до этого не додумался. На душе у меня, правда, все еще было скверно, но теперь я знал, что нашел безотказное средство утешения. Пусть действие его будет временным, но я был рад и этому. И, припав к соломинке, я стал жадно, большими глотками втягивать в себя божественный напиток и втягивал его до тех пор, пока звон потревоженных соломинкой кусочков льда о дно бокала не оповестил меня о том, что джулеп иссяк.

— Еще один, пожалуйста!

— Вам понравилось?

— Чрезвычайно!

— Я же вам говорил. Смею вас уверить, сударь, что на нашей посудине вам смешают мятный джулеп не хуже, если не лучше того, что подают в Сент-Чарльзе или на Веранде.

— Великолепная штука!

— Могу вам предложить кобблер с хересом — тоже язык проглотите.

— Не сомневаюсь, но я не люблю хереса, предпочитаю вот это.

— Вы правы. Я лично — тоже. А ананас — это новинка, и я нахожу — новинка удачная.

— И я нахожу.

— Возьмите другую соломинку.

— Спасибо.

Бармен был на редкость любезен. Я полагал, что любезность эта вызвана моими похвалами его джулепу. Но, как я установил потом, дело было не в этом. В Луизиане люди не так-то податливы на дешевую лесть. Я был обязан его хорошему мнению о моей особе совершенно иной причине — тому, что я так ловко осадил назойливого пассажира! Возможно также, что

[1] Лета — в древнегреческой мифологии река забвения в подземном царстве. Ее вода заставляла души умерших забывать перенесенные на земле страдания.

ему стало известно, как я проучил подлеца Ларкина. Весть о подобного рода «подвигах» очень быстро распространяется на Миссисипи, где такие качества, как сила и мужество, ценятся превыше всего. Посему в глазах бармена я был лицом, которое можно удостоить вниманием, и за дружеской беседой с ним я проглотил второй джулеп, а затем попросил и третий.

Аврора была на время забыта, а если образ ее вдруг всплывал в моем воображении, то не вызывал уже прежней горечи. Иногда я снова видел сцену прощания, но поднимавшаяся в душе боль постепенно притуплялась, была не так невыносима, как прежде.

Глава XLVII

ПАРТИЯ В ВИСТ

Посередине курительного зала стоял стол, за которым сидели человек пять-шесть. Примерно столько же стояло позади, заглядывая им через плечо.

Жесты и сосредоточенные лица этих людей, а также характерное хлопанье по столу, звон долларов и частые возгласы: «туз», «валет», «козырь», свидетельствовали о том, что здесь идет карточная игра. То был юкр.

Мне давно хотелось узнать эту весьма распространенную в Америку игру, поэтому я подошел поближе и стал наблюдать за игроками. Один из них был мой давешний приятель, поднявший ложную тревогу. Он сидел ко мне спиной и не сразу меня заметил.

Двое или трое игроков были превосходно одеты. На них были сюртуки из тончайшего сукна, жабо из самого дорогого батиста, в манишках сверкали драгоценные запонки, на руках — драгоценные перстни. Но руки выдавали их. Они яснее всяких слов говорили, что эти господа не всегда носили столь изящные безделушки. Никакое туалетное мыло не могло смягчить грубую, шершавую кожу, ни уничтожить мозолей — следов тяжелого труда.

Что из того! Мозоли на руках не мешают быть джентльменом. На далеком Западе происхождение не играет большой роли, и простой деревенский парень может здесь стать президентом.

Но что-то во внешности этих джентльменов, чего я не могу даже определить словами, заставляло усомниться в том, что они джентльмены. А между тем в их манерах не чувствовалось ни высокомерия, ни глупого чванства. Напротив, из всех сидящих за столом они казались наиболее благовоспитанными. Играли они необычайно сдержанно и спокойно. И, возможно, именно эта чрезмерная сдержанность, невозмутимость и внушили мне какие-то неясные подозрения. Настоящие джентльмены из Теннеси или Кентукки, а также молодые плантаторы из долины Миссисипи и французские креолы из Нового Орлеана вели бы себя иначе. Хладнокровие и выдержка, полное спокойствие при объявлении козыря, ни тени досады при проигрыше доказывали, во-первых, что это люди бывалые, а во-вторых, что юкр для них не новинка. Вот и все, что мне удалось заключить по их внешнему виду. Это могли быть врачи, адвокаты или просто праздные люди — категория, нередко встречающаяся в Америке.

В то время я еще слишком плохо знал далекий Запад, чтобы отнести их к определенной общественной группе. Кроме того, в Соединенных Штатах и, в частности, на Западе нет того различия в одежде и внешности, которая в Старом Свете выдает принадлежность к той или иной профессии. Вы встретите священника в синем фраке с блестящими пуговицами; судью в таком же фраке, но зеленом; врача в белом полотняном пиджаке, а булочника — одетым с ног до головы в тонкое черное сукно. Там, где каждый человек притязает на звание джентльмена, он старается не подчеркивать свою профессию ни одеждой, ни чем-либо еще. Даже портной никак не выделяется в толпе своих сограждан-клиентов. Страна характерной одежды лежит дальше на юго-запад — я имею в виду Мексику.

Некоторое время я стоял и присматривался к игрокам и игре. Если бы я не был знаком с особенностями

денежного обращения на Западе, я бы предположил, что игра идет на огромные суммы. По правую руку каждого игрока рядом с небольшими столбиками серебра достоинством в один, половину и четверть доллара лежала груда банковых билетов. Так как мой глаз привык к купюрам в пять фунтов стерлингов, то куши могли показаться мне огромными, но я уже знал, что эти внушительных размеров банкноты с эффектной гравировкой и водяными знаками — всего-навсего обесцененные ассигнации стоимостью от одного доллара до шести с четвертью центов. Тем не менее ставки были далеко не маленькие, и часто за одну партию из рук в руки переходили суммы в двадцать, пятьдесят и даже сто долларов.

Я заметил, что виновник ложной тревоги тоже участвовал в игре. Он сидел ко мне спиной и, казалось, был так поглощен юкром, что даже не оборачивался. Как одеждой, так и всем своим видом он сильно отличался от остальных. На нем была белая касторовая шляпа с широкими полями и просторная, со свободными рукавами куртка. Он походил не то на зажиточного фермера из Индианы, не то на торговца свининой из Цинциннати. Чувствовалось, однако, что ему не впервые совершать путешествия по реке и он уже не раз бывал на Юге. Вероятно, мое второе предположение было правильно — он и впрямь был торговцем свининой.

Один из описанных мною элегантных джентльменов сидел против меня. Он все время проигрывал крупные суммы, которые переходили в карман моему торговцу свининой или фермеру. Отсюда следовало, что в картах везет не тому, кто лучше одет, и это внушало простым людям желание, в свою очередь, попытать счастья.

Я даже невольно проникся сочувствием к элегантному джентльмену — уж очень ему не везло. Да и трудно было не восхищаться самообладанием, с каким он принимал очередной проигрыш.

Но вот он поднял глаза и испытующе посмотрел на стоящих вокруг. Он, видимо, решил выйти из игры. Его взгляд встретился с моим:

— Не желаете ли, молодой человек, сыграть? Если угодно, можете занять мое место. Мне сегодня не везет, и я уж ни за что не отыграюсь. Придется бросить.

При этих словах его партнеры, в том числе и торговец свининой, оглянулись в мою сторону. Я ждал, что он сейчас же накинется на меня, но ошибся. К моему удивлению, торговец свининой дружески меня окликнул.

— Хэлло, мистер! — закричал он. — Надеюсь, вы на меня не сердитесь?

— Нисколько! — ответил я.

— И хорошо делаете. Я ведь не хотел вас обидеть. Думал, кто-то за борт свалился. Будь я проклят, если вру!

— Я и не обиделся, — подтвердил я, — и в доказательство прошу вас выпить со мной.

Несколько бокалов джулепа и желание забыться настроили меня на общительный лад; к тому же этот искренний тон подкупил меня, и я простил торговцу свининой его невольную вину.

— Идет! — согласился обладатель белой шляпы. — К вашим услугам, незнакомец! Но только разрешите мне угостить вас. Видите ли, я тут малость выиграл, так это уж мое дело вспрыснуть мировую.

— Не возражаю.

— Ну, значит, опрокинем по стаканчику. Плачу за всех. Что вы на это скажете, друзья? — обратился он к присутствующим.

Ему ответили одобрительными возгласами.

— Вот и отлично! А ну-ка, буфетчик, поднеси всей честной компании!

С этими словами торговец свининой подошел к буфету и бросил на стойку несколько долларов. Все, кто стоял поближе, последовали за ним, причем каждый старался как можно громче выкрикнуть название своего любимого напитка. Кто требовал джинслингу, кто коктейля или кобблера, джулепа и прочих замысловатых смесей.

В Америке не принято пить вино маленькими глотками, сидя за столом: здесь пьют стоя, вернее — на ходу. Будь вино холодным или горячим, смешанным или неразбавленным — американец глотает его залпом, а

потом возвращается на место и там курит сигару или жует табак до нового приглашения: «Ну-ка, опрокинем по стаканчику!»

Все выпили, и игроки снова уселись вокруг стола. Джентльмен, предложивший уступить мне свое место, отказался участвовать в игре. Ему сегодня не везет, повторил он, больше он не намерен играть.

Может быть, кто-нибудь сядет вместо него? И все игроки повернулись ко мне.

Я поблагодарил своих новых знакомых, но отказался наотрез. В юкр я никогда не играл и не имею о нем никакого представления, объяснил я, если не считать того, что я успел усвоить, наблюдая за их игрой.

— Ну, это никуда не годится! — заявил торговец свининой. — Как же это мы останемся без партнера? Пожалуйста, мистер Чорли, — так вас, кажется, зовут? (Эти слова были обращены к джентльмену, покинувшему свое место.) Что же вы нас подводите? Вы расстраиваете всю игру.

— Если я снова сяду, — возразил Чорли, — я окончательно проиграюсь. Нет, не желаю рисковать.

— Но, может быть, этот джентльмен играет в вист? — предложил другой, указывая на меня. — Ведь вы, сэр, англичанин, а ваши соотечественники все мастера играть в вист.

— Да, в вист я играю, — ответил я довольно опрометчиво.

— Вот и прекрасно!.. Что вы скажете насчет виста? — спросил тот же джентльмен, обратившись к сидящим за столом.

— Ну, в вист я не игрок, — недовольно заявил торговец свининой. — Да уж, так и быть, рискну, просто чтобы не расстраивать компанию.

— А я уверен, что вы играете не хуже меня, — сказал предложивший вист.

— Да я и не помню, когда играл. Но раз нельзя составить партию в юкр — пожалуй, попробую...

— Однако позвольте... Если вы затеваете вист... — прервал его джентльмен, отказавшийся от юкра, — если вы затеваете вист, я не прочь при-

мкнуть к вам — может быть, хоть сейчас повезет. И если джентльмен не возражает, я буду рад иметь его своим партнером. Как вы правильно изволили заметить, сэр, англичане знатоки по части виста. Их национальная игра, насколько мне известно.

— Это нам, пожалуй, невыгодно, мистер Чорли, — заметил специалист по окорокам. — Но поскольку вы предлагаете и мистер Хэтчер... Хэтчер, если не ошибаюсь?

— Да, меня зовут Хэтчер, — ответил поклонник виста, к которому относился этот вопрос.

— Если мистер Хэтчер согласен, — продолжала белая шляпа, — то и я не пойду на попятный, чорт меня побери!

— О! Мне решительно все равно, — сказал Хэтчер, махнув рукой, — лишь бы играть.

Надо заметить, что я никогда особенно не увлекался картами, а тем более не играл систематически, но в силу некоторых обстоятельств сносно играл в вист и знал, что не всякий меня обыграет. Если партнер у меня достойный, то, уж конечно, мы сильно не пострадаем, а, судя по всему, этот знал свое дело. Кто-то из стоявших рядом успел шепнуть мне, что он дока по этой части.

Потому ли, что на меня нашел какой-то бесшабашный стих, потому ли, что меня толкало тайное побуждение, которое особенно окрепло впоследствии, потому ли, что меня попросту одурачили и приперли к стене, но я дал согласие, и мы с Чорли стали играть против Хэтчера и торговца свининой.

Партнеры сели за стол друг против друга, карты перетасовали, роздали, и игра началась.

Глава XLVIII

ИГРА ПРЕРВАНА

Первые две или три партии мы играли по маленькой — всего по доллару. Это предложение исходило от Хэтчера и торговца свининой, которые не желали рис-

ковать, ибо давно не играли в вист. Зато оба усиленно бились об заклад с моим партнером Чорли и любым желающим. Спорили, на какой будет открыт козырь, на масть, на «онёр» и на «решающую взятку».

Первые две партии мы с Чорли выиграли без труда. Я заметил, что наши противники допустили несколько грубых промахов, и решил, что мы их заткнем за пояс. Чорли не преминул заявить об этом, словно мы играли не на интерес, а ради того, чтобы отличиться друг перед другом. Немного погодя, когда мы выиграли еще одну партию, он снова стал бахвалиться.

Торговец свининой и его партнер начинали мало-помалу злиться.

— Не идет карта, и все! — с обиженным видом оправдывался последний.

— Что это за карта! — подтвердила касторовая шляпа. — Хоть бы раз сдали что-нибудь путное. Ну, вот опять!

— Опять дрянь? — с мрачным видом осведомился его партнер.

— Хуже нельзя! Тут и на картофельные очистки не выиграешь.

— А ну, джентльмены! — вмешался мой партнер Чорли. — Нельзя ли без разговоров? Неудобно все-таки!

— Эх! — воскликнул торговец свининой. — Если на то пошло, хотите, я вам свои карты открою? Все равно ни одной взятки.

И опять выиграли мы!

Это еще больше раздосадовало наших противников, и они предложили удвоить ставку. Мы согласились, и игра продолжалась.

Снова мы с Чорли оказались в выигрыше, и торговец свининой спросил своего партнера, согласен ли он повысить ставку. Тот поколебался немного, словно сумма показалась ему чересчур уж высокой, но в конце концов согласился. Нам, выигрывавшим раз за разом, тем более неловко было отказываться, и мы снова, по образному выражению Чорли, «загребли всю казну».

Ставку опять удвоили и, возможно, продолжали бы и дальше увеличивать в той же пропорции, если бы я наотрез не отказался играть на таких условиях. Я знал, сколько у меня денег, и понимал, что, если ставки будут расти с такой головокружительной быстротой, а счастье вдруг переменится, я сяду на мель. Все-таки я согласился увеличить ставку до десяти долларов, и мы продолжали игру.

Хорошо, что мы во-время остановились, потому что с этой минуты счастье от нас отвернулось. Мы чуть ли не всякий раз проигрывали, и это при ставке в десять долларов! Кошелек мой заметно съежился. Еще немного, и я проигрался бы в пух.

Мой партнер, который до сего времени играл хладнокровно, вдруг начал горячиться, проклинал карты и ту несчастную минуту, когда сел за этот «паршивый вист». То ли от волнения, то ли по другой причине, но играл он теперь из рук вон плохо. Несколько раз с непонятной опрометчивостью скидывал не ту карту и делал неправильные ходы. По всей видимости, наши неудачи так обескуражили его, что он зарывался, играл все небрежнее и, казалось, совсем не думал, к каким плачевным результатам может привести подобная невнимательность. Признаюсь, я удивился, так как всего час назад он на моих глазах с завидным спокойствием проигрывал в юкр куда более значительные суммы.

Я бы не сказал, что нам не везло. Карта нам шла неплохая, и несколько раз мы, несомненно, могли бы выиграть, если бы мой партнер проявил бо́льшее искусство. Но из-за его промахов мы продолжали проигрывать, и вскоре более половины имевшихся у меня денег благополучно перекочевало в карманы Хэтчера и торговца свининой.

Вероятно, туда последовали бы и остатки моих капиталов, если бы наш вист не был прерван, и притом весьма загадочным образом.

Мы услышали вдруг какие-то возгласы, идущие, по-видимому, с нижней палубы, потом два пистолетных выстрела, словно на выстрел ответили выстрелом, и секунду спустя кто-то закричал:

— Господи, человека застрелили!

Карты выпали у нас из рук, каждый, вскакивая из-за стола, схватил свою ставку, и игроки, и те, кто ставил на них, и просто зрители — все повалили к передним и боковым дверям салона. Одни побежали вниз, другие полезли на штормовой мостик, кто кинулся на корму, кто на нос, и все наперебой кричали: «Что такое? Что случилось? Кто стрелял?.. Убит?» А в этот шум еще врывался отчаянный визг дам, забившихся в свои каюты. Тревога, вызванная криком: «Женщина за бортом», не шла ни в какое сравнение с теперешним переполохом. Но странно: ни убитого, ни раненого так и не удалось обнаружить. Не удалось отыскать и того, кто стрелял или хотя бы видел стрелявшего. Выходило, что никто не стрелял и никого не застрелили!

Что все это могло означать? И кто же тогда крикнул, что кого-то застрелили? Никто ничего не знал. Чудеса, да и только! Осмотрели с фонарем все уголки и закоулки парохода, но нигде не нашли ни убитого, ни раненого, ни даже следов крови. Кончилось тем, что пассажиры посмеялись и решили, что кто-то над ними подшутил. Во всяком случае, так уверял торговец свининой, довольный, что на этот раз всех всполошил не он.

Глава XLIX

«ОХОТНИКИ» НА МИССИСИПИ

Тайна загадочного происшествия открылась мне задолго до того, как улеглась суматоха. Только я один да непосредственный виновник переполоха знали, что произошло на самом деле.

Когда поднялась стрельба, я выбежал под тент и перегнулся через перила. Мне показалось, что крики, предшествовавшие стрельбе, донеслись с носовой части нижней палубы, где помещались котлы, хотя выстрелы прозвучали как будто гораздо ближе.

Большинство пассажиров устремились в боковые двери и стояли теперь, сбившись в кучу, на палубе, так

что я, окруженный непроницаемой завесой мрака, был здесь один или, во всяком случае, почти один. Несколько секунд спустя какая-то темная фигура оперлась на перила подле меня и дотронулась до моего локтя. Я повернулся и спросил, с кем имею честь говорить и чем могу служить. Мне ответили по-французски:

— Я ваш друг, мсье, и хочу оказать вам услугу.

— Мне знаком ваш голос. Так, значит, это кричали вы...

— Да, это я крикнул.

— И вы же...

— Я же и стрелял.

— Так, значит, никто не убит?

— Насколько мне известно, никто. Я стрелял в воздух и к тому же холостыми патронами.

— Рад слышать это, мсье. Но чего ради, позвольте вас спросить, вы...

— Единственно для того, чтобы оказать вам услугу, как я уже говорил.

— Но, помилуйте, какая же это услуга: палить из пистолета, насмерть перепугать всех пассажиров?

— Ну, беда невелика. Они быстро оправятся от испуга. Мне нужно было поговорить с вами наедине, и я не мог придумать иного способа оторвать вас от ваших новых знакомых. Стрельба из пистолета была лишь маленькой военной хитростью. Как видите, она удалась.

— А, так, значит, это вы, мсье, шопотом предостерегали меня, когда я садился играть в карты?

— Да. И разве мое предсказание не оправдалось?

— Пока что — да. И, значит, это вы стояли напротив меня в углу салона?

— Я.

Последние мои два вопроса нуждаются в некотором пояснении. Когда я уже согласился сесть за вист, кто-то дернул меня за рукав и шепнул по-французски:

— Не играйте, мсье! Вас наверняка обыграют.

Я обернулся и увидел, что от меня отошел какой-то неизвестный мне молодой человек. Но я не был уверен, что именно он дал мне этот благой совет, и, как известно, ему не последовал.

— Я ваш друг, мсье, и хочу оказать вам услугу.

Потом, во время игры, я заметил того же самого молодого человека; он стоял против меня, держась самого отдаленного и темного угла салона. Несмотря на полумрак, я видел, что он не спускает с меня глаз и внимательно следит за игрой. Уже одно это могло привлечь внимание, но еще больше заинтриговало меня выражение его лица; и всякий раз, когда сдавали карты, я пользовался случаем, чтобы взглянуть на загадочного незнакомца.

Это был хрупкий с виду юноша чуть ниже среднего роста, лет, вероятно, не более двадцати, однако разлитая по его лицу грусть несколько его старила. Черты лица у него были мелкие, тонко очерченные, нос и губы, пожалуй, даже чересчур женственны. На щеках играл слабый румянец, черные шелковистые волосы, по тогдашней излюбленной креолами моде, ниспадали пышными локонами на шею и плечи. И склад лица, и манера одеваться, и французская речь, — я был уверен, что именно он обратился ко мне в салоне, — говорили о том, что юноша креол. Во всяком случае, костюм его был именно таким, какие носят креолы: блуза из сурового полотна, но сшитая не на обычный французский лад, а на манер креольской охотничьей куртки, со множеством складок на груди и красиво драпирующаяся на бедрах. К тому же качество ткани — тончайшее неотбеленное льняное полотно — показывало, что юноша скорее заботился об изысканности туалета, чем о его практичности. Панталоны молодого человека были из великолепной голубой хлопчатобумажной материи производства опелузских мануфактур. Собранные у пояса в крупную складку, они кончались у щиколоток разрезом, украшенным длинным рядом пуговиц, которые при желании можно было застегнуть. Жилета на нем не было. Вместо этого на груди топорщилось пышное кружевное жабо. Обут он был в прюнелевые, отделанные лаком светлокоричневые башмаки на шелковой шнуровке. Широкополая панама завершала этот поистине южный наряд.

Но ни в головном уборе, ни в обуви, ни в блузе и панталонах не было ничего кричащего. Все гармониро-

вало одно с другим, и все полностью отвечало требованиям моды, принятой тогда на Нижнем Миссисипи. Так что не наряд юноши привлек мое внимание — такие костюмы мне приходилось видеть чуть ли не ежедневно. Значит, дело было не в этом. Нет, не платье пробудило во мне интерес к нему. Может быть, тут сыграло роль то обстоятельство, что он — или, во всяком случае, мне так почудилось — подал мне шопотом совет. Но и это было не главное. Что-то в самом его лице приковало мое внимание. Я даже подумал было: уж не встречал ли я его раньше? При более ярком свете я, возможно, в конце концов вспомнил бы, но он стоял в тени, и мне никак не удавалось его хорошенько рассмотреть.

Когда же я снова поднял глаза, его уже не было в углу салона, и несколько минут спустя раздались выстрелы и крики на палубе...

— А теперь, мсье, разрешите узнать, почему вы непременно желаете говорить со мной и что вы имеете мне сообщить?

Непрошенное вмешательство юнца начинало меня раздражать. Да и кому приятно, чтобы его ни с того ни с сего отрывали от партии виста, даже проигранной!

— Я желаю говорить с вами, ибо принимаю в вас участие. А что имею вам сообщить, вы сейчас узнаете.

— Принимаете во мне участие! Но чем я обязан, позвольте вас спросить?

— Хотя бы уже тем, что вы иностранец, которого собираются обобрать. Что вы — «карась».

— Как вы сказали, мсье?

— Нет, нет, не сердитесь на меня! Я сам слышал, что вас называли так между собой ваши новые знакомые. И если вы опять сядете играть с ними, боюсь, что вы оправдаете этот почетный титул.

— Это, в конце концов, нестерпимо, мсье! Вы попросту вмешиваетесь не в свое дело!

— Вы правы, мсье, это не мое дело, но оно ваше и... ах!

Я уже собирался было покинуть несносного юношу и вернуться к прерванной партии виста, но грустная

нотка, вдруг прозвучавшая в его голосе, заставила меня изменить мое решение, и я остался.

— Но вы так мне ничего и не сказали.

— Нет, сказал. Я предупредил вас, чтобы вы не садились за карты, если не хотите проиграться. И могу лишь повторить свой совет.

— Правда, я проиграл какие-то пустяки, но ведь отсюда вовсе не следует, что счастье не переменится. Тут уж скорее можно винить моего партнера — он играет из рук вон плохо.

— Ваш партнер, насколько я понимаю, один из опытнейших картежников на Миссисипи. Если не ошибаюсь, я уже встречал этого джентльмена.

— А, так вы его знаете?

— Немного. Вернее, знаю кое-что о нем. А вы-то его знаете?

— Впервые вижу.

— А остальных?

— Я никого из них не знаю.

— Значит, вам неизвестно, что вы играете с «охотниками»?

— Нет, но я рад это слышать. Я и сам немного охотник и, вероятно, не меньше, чем они, люблю собак, лошадей, хорошие ружья.

— Мсье, вы, как видно, меня не поняли. Охотник в вашей стране и «охотник» на Миссисипи — это не одно и то же. Вы охотитесь на лисиц, зайцев, куропаток. А дичью для таких господ, как эти, служат «караси», или, вернее, их кошелек.

— Так, стало быть, я играю с...

— С профессиональными картежниками — пароходными шулерами.

— Вы в этом уверены, мсье?

— Совершенно уверен. Мне часто приходится ездить в Новый Орлеан, и я не раз встречал эту компанию.

— Позвольте, но один из них — бесспорно фермер или торговец — скорее всего, торговец свининой из Цинциннати, у него и выговор такой.

— Фермер... торговец... Ха-ха-ха! Фермер без земли, торговец без товара! Мсье, этот нарядившийся под фер-

мера старикан — самый «дошлый», как выражаются янки, то-есть самый ловкий шулер на всей Миссисипи, и таких здесь немало, могу вас уверить.

— Но они просто случайные попутчики, а один из них даже мой партнер. Я не представляю, как...

— Случайные попутчики! — перебил мой новый знакомец. — Вы думаете, они только что встретились? Да я сам видел всех троих дружков и за тем же занятием почти всякий раз, как плавал по реке. Конечно, они разговаривают между собой, будто впервые видят друг друга. Но это у них заранее условлено, чтобы лучше обманывать таких, как вы.

— И вы в самом деле думаете, что они жульничали?

— Когда ставки поднялись до десяти долларов, несомненно.

— Но как?

— Да очень просто: иногда ваш партнер нарочно ходил не с той карты...

— Так вот оно что! Теперь понимаю. Пожалуй, вы правы.

— Впрочем, это даже необязательно. Будь у вас честный партнер, все равно кончилось бы тем же. У ваших противников разработана целая система знаков, с помощью которых они сообщают друг другу, какие у них карты — масть, достоинство и так далее. Вы не обратили внимания, как они держали руки, а я обратил. Когда они кладут один палец на край стола, это значит один козырь, два пальца — два козыря, три — три, и так далее. Согнутые пальцы указывают, сколько среди козырей онёров, поднятый большой палец — туз. Таким образом, оба ваших противника знали, какие карты у них на руках. Чтобы обыграть вас, третьего помощника, собственно, и не требовалось.

— Какая подлость!

— Конечно, подлость, и я бы предостерег вас раньше, будь хоть малейшая возможность. Сделать это в открытую, назвать их в лицо шулерами, не подвергая себя опасности, я не мог. И я прибег к хитрости. Господа эти не какие-нибудь мелкие плуты. Каждый из них

счел бы себя оскорбленным и вступился бы за свою честь. Двое из этих господ — известные бретёры. По всей вероятности, меня бы завтра же вызвали на дуэль и пристрелили. Да и вы вряд ли поблагодарили бы меня за мое вмешательство.

— Я вам чрезвычайно признателен, сударь. Вы меня окончательно убедили. Но как вы посоветуете мне поступить теперь?

— Примириться с проигрышем и бросить игру, только и всего. Все равно вам не отыграться.

— Как! Позволить им насмеяться над собой? Дать себя безропотно ограбить? Я сяду с ними снова, я буду следить и...

— Это неблагоразумно. Я повторяю, мсье, — они не только шулеры, но известные бретёры, и не трусливого десятка. Один, как раз ваш партнер, это уже доказал, отправившись за триста миль, чтобы драться с джентльменом, который якобы оклеветал его, на самом же деле сказал о нем чистую правду. И в довершение всего убил своего «обидчика». Уверяю вас, мсье, что вы ничего не добьетесь, затеяв с ними скандал, разве только, что вас продырявят пулей. Вы иностранец и не знаете здешних нравов. Послушайтесь доброго совета и сделайте, как я вам сказал. Оставьте им эти деньги. Время уже позднее. Ступайте к себе в каюту и не думайте больше о проигрыше.

Возможно, на меня подействовало волнение, вызванное ложной тревогой, или же наша несколько необычная беседа, а также прохладный речной воздух, но, так или иначе, хмель прошел, и в голове у меня прояснилось. Я не сомневался теперь, что молодой креол говорит правду. Его манера, тон, приведенные им доказательства окончательно меня убедили.

Я был ему очень признателен за услугу, которую он оказал мне, рискуя очень и очень многим, ибо даже самая хитрость, к которой он прибег, могла иметь для него неприятные последствия, если бы кто-нибудь видел, как он разряжал свой пистолет в воздух.

Но почему он это сделал? Почему он принял во мне такое живое участие? Открыл ли он мне истинную при-

чину? Действовал ли он из рыцарских побуждений? Я много слышал о великодушии и благородстве французских креолов в Луизиане, и вот яркое тому доказательство. Как уже сказано, я был глубоко благодарен юноше и решил последовать его совету.

— Я поступлю, как вы сказали, мсье, но при одном условии, — ответил я.

— Каком, разрешите полюбопытствовать?

— Дайте мне ваш адрес, чтобы в Новом Орлеане я мог возобновить знакомство с вами и доказать вам свою признательность.

— Увы, мсье, у меня нет адреса.

Я смутился. Печаль, с которой он произнес эти слова, не оставляла сомнений; я почувствовал, что какое-то большое горе гнетет это юное и великодушное сердце.

Не мне было спрашивать о причине, да еще сейчас. Однако, терзаемый собственным тайным горем, я теперь глубже сочувствовал горю других и видел, что передо мной стоит человек, над головой которого сгустились тучи. Ответ его смутил меня и поставил в довольно затруднительное положение. Наконец я сказал:

— Тогда, может быть, вы окажете мне честь посетить меня? Я остановлюсь в отеле «Сен-Луи».

— Очень буду рад.

— Завтра?

— Завтра вечером.

— Я буду вас ждать. Спокойной ночи, мсье.

Мы раскланялись и разошлись по своим каютам.

Я повалился на койку и через десять минут уже спал, а еще через десять часов пил кофе в отеле «Сен-Луи».

Глава L

ГОРОД

Мне по душе сельская жизнь. Я страстный охотник и страстный рыболов. Но если поглубже вникнуть, весьма вероятно, окажется, что страсть моя имеет более чистый источник — любовь к самой природе. Я вы-

слеживаю лань, потому что следы приводят меня в чащу леса. Я иду за форелью вдоль ручья, потому что она ведет меня по краю тенистых заводей в тихие уголки, где редко ступает нога человека. Но едва я попадаю в их уединенный приют, как мой охотничий пыл гаснет; удочка так и остается воткнутой в землю, ружье в небрежении валяется рядом со мной, и я отдаюсь высокой радости — созерцанию природы. Ибо мало кто любит лес, как люблю его я.

И все же не стану отрицать, что первые часы, проведенные в большом городе, всегда имели и будут иметь для меня неизъяснимую прелесть. Вам становится вдруг доступен целый мир новых удовольствий, вам открывается бездна еще не испытанных наслаждений. Душу очаровывают изысканные утехи. Красота и пение, вино и танцы расточают перед вами свои соблазны. Любовь, а то и страсть вовлекает вас в самые сложные и запутанные романтические приключения, ибо романтика живет и в городских стенах. Ее подлинная родина — человеческое сердце, и лишь донкихотствующие мечтатели могут воображать, что пар и цивилизация враждебны высоким взлетам поэзии. Благородство дикаря — лишь бессодержательный софизм. Как ни живописны его лохмотья, они часто прикрывают продрогшее тело и пустой желудок. Хоть я и веду жизнь солдата, но предпочитаю веселый грохот фабрики грому пушечной канонады, и заводская труба с султаном черного дыма, на мой взгляд, неизмеримо прекраснее, чем крепостная башня с горделиво реющим над ней, но недолговечным флагом. Шум бьющих по воде пароходных плиц — самая сладостная для меня музыка, и для моего слуха гудок железного коня прекраснее ржанья холеной кавалерийской лошади. Палить из пушек может и племя мартышек, но чтобы управлять могучей стихией пара, нужны люди.

Я предвижу, что подобные мысли не найдут отклика в надушенных будуарах и пансионах для благородных девиц. Современные дон кихоты будут поносить грубого писаку, который осмелился поднять руку на рыцаря в доспехах и пытался его обесчестить, сорвав у

него с головы украшенный перьями шлем. Даже с самыми нелепыми предрассудками и предубеждениями человек расстается неохотно. Да и автору, признаться, пришлось выдержать жестокую внутреннюю борьбу. Нелегко было ему отказаться от гомеровской иллюзии и поверить, что греки были обыкновенные люди, а не полубоги; нелегко было признать в шарманщике и оперном певце потомков героев, воспетых Вергилием[1]; и тем не менее, когда я в дни своей мечтательной юности устремился на Запад, я был глубоко убежден, что меня ждет страна прозы, а страна поэзии остается позади.

Счастье еще, что любовь к охоте и звон золота, звучащий в слове «Мексика», привели меня в эти края. Однако не успел я высадиться на прославленный берег, где ступала некогда нога Колумба[2] и Кортеса[3], как сразу же понял, что это и есть истинная родина поэзии и романтики. В этой стране — стране долларов, которая именуется прозаической, — я ощутил дух истинной поэзии, но не в книгах, а в самых совершенных образцах человеческого тела, в благороднейших порывах человеческой души, в горах и реках, в птице, дереве, цветке.

В том самом городе, который по вине недобросовестных и предубежденных путешественников всегда представлялся мне каким-то лагерем отщепенцев, я обнаружил чудесных людей, прогресс, не чурающийся наслаждений, культуру, увенчанную духом рыцарства. Прозаическая страна! Народ, жадный до долларов! Смею утверждать, что на ограниченном пространстве, где расположился полумесяцем Новый Орлеан, можно найти большее разнообразие человеческих типов и характеров, нежели в любом равном ему по населению городе земного шара. Под благодатным небом этого края

---

[1] Вергилий (70—19 гг. до н. э.) — знаменитый римский поэт.

[2] Колумб Христофор (1451—1506) — знаменитый генуэзский мореплаватель, открывший в 1492 году Америку.

[3] Кортес Фернан (1485—1547) — испанский конкистадор, завоеватель Мексики.

человеческие страсти достигают наивысшего и полного развития. Любовь и ненависть, радость и горе, скупость, честолюбие расцветают здесь пышным цветом. Но и нравственные добродетели вы встретите во всей их чистоте. Ханжеству тут не место, и лицемерие должно прибегать к самой тонкой игре, чтобы избежать разоблачения и суровой кары. Талант встречается здесь на каждом шагу, так же как и неутомимая энергия. Глупый и ленивый не уживаются в этом водовороте кипучей деятельности и наслаждений.

Не меньшее разнообразие представляет этот любопытный город и по своему этническому составу. Пожалуй, нигде в мире вы не увидите на улицах такой пестрой толпы. Заложенный французами, перешедший к испанцам, «аннексированный» американцами, Новый Орлеан представляет конгломерат этих трех наций. Однако здесь встречаются представители почти всех цивилизованных и так называемых «диких» народов. Турок в тюрбане, араб в бурнусе, китаец с обритым теменем и длинной косой, черный сын Африки, краснокожий индеец, смуглый метис, желтый мулат, оливковый малаец. изящный креол и не менее изящный квартерон заполняют его тротуары и сталкиваются с мужественными северянами — немцем и галлом, русским и шведом, фламандцем, янки, англичанином. Население Нового Орлеана — это удивительная человеческая мозаика, пестрая и разномастная смесь.

И вправду, Новый Орлеан — крупнейший современный город и больше похож на столицу, чем многие города Европы и Америки со значительно превосходящим населением. В Новом Орлеане нет ничего захолустного, как легко убедиться, пройдясь по его улицам. В витринах магазинов выставлены только первоклассные товары самой лучшей выработки. На его проспектах возвышаются похожие на дворцы отели. Роскошные кафе гостеприимно распахивают перед вами свои двери. Его театры — это величественные по архитектуре храмы, на сцене которых вы можете посмотреть хорошо исполненную драму на французском, немецком или английском языках, а с открытием зимнего сезона послушать выра-

зительную музыку итальянской оперы. Если же вы поклонник Терпсихоры[1], Новый Орлеан особенно придется вам по вкусу.

* * * * * * * *

Я знал, сколько возможностей предоставляет Новый Орлеан любителю развлечений. Знал, где искать эти удовольствия, и все же не искал их. После долгого пребывания в деревне я приехал в город, не помышляя о городских удовольствиях, — случай, редкий даже для самых солидных и степенных людей. Маскарады, квартеронские балы, драма, сладостные мелодии оперы утратили для меня всю свою прелесть. Никакое развлечение не способно было меня развлечь. Одна мысль владела мною безраздельно — Аврора! И эта мысль вытеснила все прочие.

Я не знал, на что решиться.

Поставьте себя на мое место, и вы согласитесь, что положение мое и в самом деле было незавидным. Во-первых, я был влюблен, влюблен без памяти в прекрасную квартеронку! Во-вторых, ее, предмет моей страсти, должны были продать с публичных торгов! В-третьих, я ревновал — и еще как ревновал! — ту, что могли продать и купить, словно кипу хлопка или мешок сахара! В-четвертых, я даже не был уверен, в моей ли власти будет ее купить. Кто знает, пришло ли уже письмо моего банкира в Новый Орлеан! Океанских пароходов тогда еще не существовало, и почту из Европы доставляли весьма неаккуратно. Если письмо запоздает, я пропал! Кто-нибудь другой завладеет тою, что мне дороже всего на свете, станет ее господином и полновластным повелителем. Я холодел при одной этой мысли и гнал ее прочь от себя.

А потом, если даже письмо придет во-время, хватит ли присланной суммы? Пятьсот фунтов стерлингов — пятью пять — это две с половиной тысячи долларов. Оценят ли в две с половиной тысячи то, чему нет цены?

---

[1] Терпсихора — в древнегреческой мифологии одна из муз, покровительница танцев

Я сомневался. Мне было известно, что примерная цена негра была в то время тысяча долларов. Заплатить вдвое большую сумму могли разве только за какого-нибудь сильного мужчину — искусного механика, хорошего кузнеца, умелого цырюльника.

Но то была Аврора! Я слышал немало историй о поистине фантастических суммах, которые платили за такой «товар», — о мужчинах с тугими кошельками и дурными намерениями, которые, не считаясь ни с чем, всё надбавляли и надбавляли цену, чтобы перебить его у другого такого же развратника.

Подобные мысли были бы мучительны и для стороннего наблюдателя. Каково же было мне! Трудно выразить, что я испытывал. А если деньги и прибудут вовремя, если даже их окажется достаточно, если мне в самом деле посчастливится стать «владельцем» Авроры, что из того? Что, если мои ревнивые подозрения оправдаются? Что, если она меня не любит? В самом деле, было от чего лишиться рассудка. Мне будет принадлежать лишь ее тело, а сердце и душа будут отданы другому. Страшный удел — быть рабом рабыни!

Но зачем вообще помышлять о ее покупке? Зачем лелеять в душе мучительную страсть, когда, сделав над собой героическое усилие, я мог бы навсегда избавиться от му́ки? Аврора недостойна жертвы, которую я готов принести ей. Нет, она обманула меня, бесстыдно обманула! Зачем же хранить верность клятве, пусть даже скрепленной словами горячей любви? Почему не бежать отсюда, не попытаться скинуть с себя наваждение, терзающее ум и сердце? Почему?

В спокойные минуты, быть может, и сто́ит задуматься над такими вопросами, но сейчас это было для меня невозможно. Я не ставил их себе, хотя они и проносились тенями в моем мозгу. В том состоянии, в каком я пребывал, меньше всего думают об осторожности. Благоразумию нет места. Я все равно не внял бы холодным советам рассудка. Тот, кто страстно любил, поймет меня. Я решил поставить на карту все: свое состояние, доброе имя и самую жизнь, лишь бы владеть той, которую я боготворил.

Глава LI

КРУПНАЯ РАСПРОДАЖА НЕГРОВ

— «Пчелу», сударь?

Официант, поставив на столик чашку ароматного кофе, подал мне свежий номер газеты.

На одной стороне широкой газетной полосы название было набрано по-французски: «L'Abeille», а на оборотной — по-английски: «The Bee». Текст тоже печатался на двух языках — французском и английском.

Я машинально взял из рук официанта газету, не собираясь, да и не испытывая ни малейшего желания читать, и так же машинально стал скользить взглядом по колонкам. И вдруг выделенное жирным шрифтом объявление бросилось мне в глаза. Оно попалось мне на французской стороне газетного листа:

ANNONCE!

VENTE IMPORTANTE DE NÈGRES!

Вне всякого сомнения, это были они. Объявление меня не удивило, я ждал этого.

Я обратился к переводу на оборотной стороне, чтобы лучше понять его смысл. Да, там тоже зловеще чернели слова:

КРУПНАЯ РАСПРОДАЖА НЕГРОВ!

Я стал читать дальше:

ИМУЩЕСТВО ПРОДАЕТСЯ ЗА ДОЛГИ.
ПЛАНТАЦИЯ БЕЗАНСОНОВ!

Бедная Эжени!

И дальше:

«Сорок сильных и здоровых негров различного возраста, знающих полевые работы. Несколько хорошо обученных слуг, кучер, повара, горничные, возчики. Партия миловидных мальчиков и девочек мулатов в возрасте от десяти до двадцати лет»... и т. д., и т. п.

Далее следовал подробный перечень. Я прочел его:

«№ 1. Сципион, 48 лет. Сильный негр 5 футов 11 дюймов роста. Может вести хозяйство, ходить за лошадьми. Здоров, физических изъянов не имеет.

№ 2. Ганнибал, 40 лет. Темный мулат 5 футов 9 дюймов роста. Хороший кучер. Здоров. Не пьет.

№ 3. Цезарь, 43 года. Негр. Пригоден для полевых работ. Здоров...» и т. д.

У меня не хватило терпения читать эти возмутительные подробности. Я лихорадочно пробежал глазами всю колонку. Вероятно, я нашел бы ее имя быстрее, если бы у меня так не тряслись руки; лист газеты прыгал, строки расплывались. Но вот и оно, самое последнее в списке. Почему же ее поместили последней? Не все ли равно! Вот ее описание:

«№ 65. Аврора, 19 лет, квартеронка. Миловидна, умелая экономка и швея».

Вот уж поистине тонкий портрет — коротко и выразительно!

«Миловидна»! Ха-ха-ха! «Миловидна»! Невежественный скот, автор перечня, и самое Венеру назвал бы «миловидной девчонкой». Проклятье! Но мне было не до шуток. Это осквернение самого прекрасного, самого для меня священного, самого дорогого не могло сравниться ни с какой самой жестокой пыткой. Кровь закипала в жилах, грудь теснило от страшного волнения.

Газета выпала у меня из рук, и я низко склонился над столом, до боли сцепив пальцы. Будь я один, я наверно бы застонал. Но вокруг были люди — я сидел в ресторане большого отеля. И если бы окружающие знали причину моих страданий, они, конечно, подняли бы меня на смех.

Прошло несколько минут, прежде чем я собрался с мыслями. Оглушенный прочитанным, я сидел в каком-то отупении.

Наконец я очнулся, и первая моя мысль была: действовать! Теперь, больше чем когда-либо, я хотел купить красавицу-рабыню и избавить ее от гнусного рабства. Куплю ее и отпущу на волю. Верна она мне или нет — все равно. Мне не нужна ее благодарность.

Объявление бросилось мне в глаза.

Пусть выбирает сама. Пусть признательность не неволит ее сердца и она распорядится собой по собственной воле. Любви из благодарности я не приму. Такая любовь недолговечна. Пусть она повинуется велению своего сердца. Если я завоевал его — хорошо. Если нет, если она отдала его другому, — я примирюсь со своим горем. Но зато Аврора будет счастлива.

Сила любви меня преобразила и подсказала эти благородные решения.

Так будем же действовать!

Но когда состоится это отвратительное торжище, эта «крупная распродажа»? Когда выведут на аукционный помост мою нареченную и я буду свидетелем этого позорного зрелища?

Я схватил газету, желая выяснить время и место аукциона. Оказывается, я хорошо знал это место — ротонду биржи Сен-Луи. Она непосредственно примыкала к отелю и находилась всего в двух десятках шагов от ресторана, где я сейчас сидел. Там помещался невольничий рынок. Но на какое число назначен аукцион — вот что важно, вот что всего важнее! Странно, как я об этом раньше не подумал! Что, если распродажа состоится в один из ближайших дней и письмо к тому времени еще не придет? Я старался отогнать от себя мрачные мысли. Вряд ли такую крупную распродажу назначат раньше чем через неделю или хотя бы через несколько дней. А если объявление печатается уже не первый раз? Негров ведь могли привезти и в самую последнюю минуту.

Еле сдерживая дрожь, я стал искать глазами объявление. Но вот и оно. И я с ужасом прочел:

«Завтра, в двенадцать часов дня!»

Я посмотрел, от какого числа газета. Да, это был утренний выпуск. Посмотрел на висевшие на стене часы: стрелки стояли на двенадцати. В моем распоряжении оставались только сутки!

Боже мой, что, если письмо еще не пришло!

Я вытащил кошелек и машинально пересчитал его содержимое. Не знаю даже, почему я это сделал. Мне было хорошо известно, что в кошельке всего-навсего

сто долларов: «охотники» сильно меня пообчистили. Закончив счет, я горько усмехнулся: «Сто долларов за квартеронку! Миловидна, хорошая экономка, и так далее и тому подобное! Сто долларов! Кто больше?» Аукционист вряд ли даже пожелает объявить такую сумму.

Все теперь зависело от почты из Англии. Если она еще не прибыла или не прибудет до утра, я буду бессилен что-либо сделать. Без письма к моему новоорлеанскому банкиру я не добуду и пятидесяти фунтов, если даже продам или перезаложу все, что у меня есть, — часы, драгоценности, платье. О займе я и не помышлял. Кто даст мне в долг? Кто ссудит незнакомцу такую крупную сумму? Разумеется, никто. У Рейгарта не могло быть таких денег, даже если бы и оставалось время снестись с ним. Нет, не было никого, кто бы захотел и мог прийти мне на помощь. Во всяком случае, такого человека я не знал.

Стой! А мой банкир? Блестящая мысль — банкир Браун! Добрый, великодушный Браун из английского банкирского дома Браун и К°, который с любезной улыбкой выплачивал мне деньги по переводам. Он мне поможет! Он не откажет мне! Как я не подумал об этом раньше? Ну конечно, если письмо не пришло, я скажу, что жду его со дня на день, сообщу ему сумму перевода, и он ссудит меня деньгами.

Но уже первый час. Нельзя терять ни минуты! Сейчас он у себя в конторе. Прямо отсюда пойду к нему.

Схватив шляпу, я выбежал из отеля и поспешил к банкирскому дому Браун и К°.

Глава LII

БРАУН И К°

Банкирский дом Браун и К° находился на Кэнел-стрит. От биржи Сен-Луи на Кэнел-стрит можно пройти через рю Конти, идущую параллельно рю Рояль. Последняя — излюбленное место прогулок веселых

креолов-французов, совершенно так же, как Сент-Чарльз-стрит — американцев.

Вас, быть может, удивит это смешение французских и английских названий улиц. Дело в том, что Новый Орлеан имеет одну довольно редкую особенность: он состоит из двух различных городов — французского и американского. Точнее сказать, даже трех, ибо там имеется еще и испанский квартал, совершенно отличный от двух других, на перекрестках которого вы прочтете слово «калье», что по-испански значит «улица», как, например: калье де Касакальво, калье дель Обиспо и т. д. Эта особенность объясняется историческим прошлым Луизианы. Французы колонизировали ее в начале восемнадцатого столетия, и, в частности, Новый Орлеан был основан в 1717 году. Луизиана принадлежала французам вплоть до 1762 года, затем была уступлена Испании, во владении которой оставалась почти полвека — до 1798 года, после чего снова перешла к французам. Пять лет спустя, в 1803 году, Наполеон продал эту богатейшую страну американскому правительству за пятнадцать миллионов долларов — выгодная сделка для братца Джонатана [1] и, повидимому, не столь удачная для Наполеона. Впрочем, Наполеон не прогадал. Дальновидный корсиканец, вероятно, понимал, что Луизиана недолго останется собственностью Франции. Рано или поздно американцы водрузили бы свой флаг над Новым Орлеаном, и уступчивость Наполеона только избавила Соединенные Штаты от войны, а Францию — от унижения.

Этой сменой хозяев и объясняется своеобразие Нового Орлеана и его населения. Черты всех трех наций ощущаются в его улицах и зданиях, в облике, обычаях и одежде жителей. И ни в чем национальные особенности не проявились столь резко, как в архитектурных стилях. В американской части города вы видите высокие, в несколько этажей, здания с рядами окон по всему фасаду — здесь легкость и изящество сочетаются с

---

[1] Братец Джонатан — прозвище американцев, так же как «дядя Сэм».

прочностью и удобством, что типично для англо-американцев. А для французского характера столь же типичны небольшие одноэтажные деревянные домики, выкрашенные в светлые тона, с зелеными балюстрадами и открывающимися, как двери, окнами, за которыми колышутся воздушные тюлевые занавески.

Угрюмой торжественности испанцев отвечают массивные и мрачные здания из камня в пышном мавританском стиле, которые и поныне встречаются на многих улицах Нового Орлеана. Великолепным образцом этого стиля может служить собор — памятник испанского владычества, который будет стоять и тогда, когда испанское и французское население города давно уже будет поглощено и растворится, пройдя обработку в перегонном кубе англо-американской пропаганды. Американская часть Нового Орлеана лежит выше по течению реки и известна под названием предместья святой Марии и Благовещения. Кэнел-стрит отделяет это предместье от французского квартала, так называемого старого города, где живут по большей части креолы — французы и испанцы.

Еще несколько лет назад численность французского и американского населения была примерно одинакова. Теперь англо-американский элемент явно преобладает и быстро поглощает все остальные. Со временем ленивый креол должен будет, как видно, уступить свое место более энергичному американцу — иными словами, Новый Орлеан американизируется. Прогресс и цивилизация от этого выиграют, хотя, быть может, на взгляд ревнителей сентиментальной школы, в ущерб поэтическому и живописному.

Итак, Новый Орлеан распадается на два совершенно не схожих между собой города. И в том и в другом имеется своя биржа, свой особый муниципалитет и городские власти; и в том и в другом есть свои кварталы богачей и любимый проспект, или променад, для щеголей и бездельников, которых немало в этом южном городе, а также свои театры, бальные залы, отели и кафе. Но что всего забавнее — достаточно пройти несколько шагов, и вы уже переноситесь из одного мира в другой.

Пересекая Кэнел-стрит, вы как бы попадаете с Бродвея на парижские бульвары.

И по своим занятиям жители этих двух кварталов резко отличаются друг от друга. Американцы торгуют предметами первой необходимости. Это владельцы складов продовольствия, хлопка, табака, леса и всевозможного сырья. Тогда как предметы роскоши — кружева, драгоценности, туалеты и шляпки, шелк и атлас, ювелирные изделия и антикварные редкости — проходят через искусные руки креолов, унаследовавших сноровку и вкус своих парижских предков. Во французском квартале немало и богатых виноторговцев, составивших себе состояние ввозом вин из Бордо и Шампани, ибо красное вино и шампанское особенно щедро льются на берегах Миссисипи.

Между двумя этими нациями идет глухое соперничество. Сильный, энергичный кентуккиец делает вид, что презирает веселых, легкомысленных французов, а те, в свою очередь — особенно старая креольская знать, — смотрят свысока на чудачества северян, так что стычки и столкновения между ними не редкость. Новый Орлеан по праву может именоваться городом дуэлей. В разрешении вопросов чести кентуккийцы встречают в креолах достойных противников, не уступающих им ни в мужестве, ни в искусстве. Я знаю немало креолов, имеющих на своем счету несметное число дуэлей. Оперная дива или танцовщица в зависимости от своих достоинств или, вернее, недостатков сплошь и рядом становится причиной десятка, а то и больше поединков. Маскарады и балы квартеронов тоже часто служат ареной ссор между разгоряченными вином молодыми повесами — завсегдатаями подобных увеселений. Словом, не думайте, что жизнь в Новом Орлеане бедна приключениями. К этому городу меньше всего подходит эпитет «прозаический».

* * * * * * * *

Но такого рода мысли не шли мне на ум, когда я направлялся к банкирскому дому Браун и К°. Голова моя

была занята другим, и я с бьющимся сердцем невольно все ускорял и ускорял шаг.

До банка было довольно далеко, и я мог на досуге взвесить все возможности. Если письмо и перевод прибыли, я сразу же получу деньги, и, как я полагал, сумму достаточно крупную, чтобы выкупить свою невесту-невольницу. Ну, а если нет, что тогда? Ссудит ли меня Браун деньгами? И каждый раз на этот вопрос отвечало тревожное биение сердца. Положительный или отрицательный ответ означал для меня жизнь или смерть.

И все-таки я был почти уверен, что Браун меня выручит. Неужели широко улыбающееся лицо добродушного Джона Буля [1] вдруг омрачится и я услышу суровый отказ? Я не мог себе этого представить. Слишком многое зависело от его ответа. И потом, он ведь может не сомневаться, что деньги будут возвращены ему не далее как через несколько дней, даже, возможно, через несколько часов. Нет, он не откажет! Что значит для него, человека, ворочающего миллионами, ссуда в пятьсот фунтов! Он, конечно, не откажет. Не может отказать.

Переступая порог дома, хозяин которого ворочал миллионами, я был исполнен самых радужных надежд, а уходил от него с горьким разочарованием. Письмо еще не прибыло, и Браун отказал.

Я был молод и неопытен и не знал ни корыстного расчета, ни холодной учтивости делового мира. Что банкиру моя неотложная нужда? Что ему мои горячие просьбы? Открой я ему, почему и для какой цели мне понадобились деньги, это ничего бы не изменило. Он отказал бы мне с той же холодной улыбкой, даже если бы от его ответа зависела моя жизнь.

Стоит ли передавать во всех подробностях наш разговор? Он был достаточно краток. Мне с вежливой улыбкой сообщили, что письмо еще не получено. А когда я заикнулся о займе, со мной не стали церемониться. Добродушная улыбка мигом сошла с кирпичной физиономии Брауна. «Нет, так дела не делаются. К сожале-

---

[1] Джон Буль — шутливое прозвище англичан.

нию, ничем не могу помочь». И это все! По его тону я понял, что беседа окончена. Я мог бы умолять. Мог бы открыть ему, для чего мне нужны деньги, но лицо Брауна не располагало к откровенности. Впрочем, это и к лучшему. Браун только посмеялся бы над моей сердечной тайной, и сегодня же весь город смаковал бы за чашкой чая забавную историю.

Но, так или иначе, письмо не пришло, и Браун отказался ссудить меня нужной суммой.

Надежды мои рухнули, и я с отчаянием в душе поспешил обратно в отель.

Глава LIII

ЭЖЕН д'ОТВИЛЬ

Весь остаток дня я потратил на розыски Авроры. Но мне ничего не удалось узнать о ней, даже приехала ли она в город.

Я заглянул в бараки, где временно поместили негров, но там Авроры тоже не оказалось. Ее либо еще не привезли, либо устроили в другом месте. Никто ее не видел, никто о ней ничего не знал.

Разочарованный и усталый от бесплодной беготни по раскаленным и пыльным улицам, я возвратился в свой отель.

Я ждал вечера. Ждал Эжена д'Отвиля — так звали моего нового знакомого.

Этот молодой человек меня сильно заинтересовал. Наша короткая встреча пробудила во мне удивительное чувство доверия. Он доказал мне свое дружеское расположение и поразил знанием жизни. Несмотря на свою молодость, он представлялся мне человеком необыкновенно проницательным. И мне почему-то казалось, что он придет мне на помощь. Не было ничего удивительного в том, что он так молод и вместе с тем так многоопытен: американцы рано развиваются, особенно уроженцы Нового Орлеана. В пятнадцать лет креол — уже взрослый мужчина. И, конечно, д'Отвиль — пови-

димому, мой сверстник — знал жизнь неизмеримо лучше, чем знал ее я, чья юность прошла в стенах старинного колледжа.

Тайное предчувствие подсказывало мне, что он хочет и может мне помочь. Как? — спросите вы. — Ссудив мне нужную сумму?

Нет! У меня сложилось впечатление, что у него самого совсем нет или очень мало денег — слишком мало, чтобы выручить меня. Иначе на мой вопрос, где найти его в Новом Орлеане, он не дал бы такого ответа. Что-то в его интонации говорило мне, что он остался не только без средств, но даже без крова. Может быть, это уволенный клерк, решил я, или бедный художник. Одет он, правда, хорошо, даже изысканно, но одежда ровно ничего не значит, тем более на пароходах, курсирующих по Миссисипи.

Итак, я нисколько не обольщался на его счет, и все же, как это ни странно, мне казалось, что он может выручить меня. И мне не терпелось сделать его поверенным своей тайны — тайны своей любви, своих мучений.

Быть может, не только это побуждало меня открыться ему.

Тот, кто сам испытал горе, знает, какое облегчение приносит искреннее слово участия. Дружеское участие целительно и сладко. Как бальзам, смягчает душевную боль добрый совет друга.

Слишком долго таил я свою печаль и теперь жаждал излить кому-нибудь душу. Кто в чужой стране разделит горе иностранца? Я не посмел ничего сказать даже доброму Рейгарту. Кроме самой Авроры, одной только Эжени, бедной Эжени, была известна моя тайна. Но лучше бы она не знала ее!

Теперь я решил облегчить свое сердце, доверившись юному Эжену, — какое странное совпадение! Может быть, беседа с ним хоть немного утешит меня, хоть немного облегчит мое сердце.

Я ждал вечера. Вечером обещал он прийти. Ждал с нетерпением, не сводя глаз со стрелки часов и негодуя на маятник, неторопливо отбивающий секунды.

Д'Отвиль не обманул меня. Наконец он пришел. Я услышал его серебристый голос... вот и он сам передо мной.

Когда он вошел в комнату, меня снова поразили его печальный вид, бледность и сходство с кем-то, кого я знал раньше.

В комнате было душно и жарко. Лето медлило уходить. Я предложил прогуляться. Беседовать можно и на открытом воздухе, а ярко сиявшая луна осветит нам путь.

Когда мы выходили из отеля, я протянул своему гостю портсигар. Но он отказался от сигары, заявив, что не курит.

«Удивительно! — подумал я. — Креолы все, как правило, заядлые курильщики. Еще одна странность в характере моего нового приятеля!»

Мы прошли по рю Рояль и свернули по Кэнелстрит в сторону болота. Потом пересекли рю де Рампар и вскоре очутились за чертой города.

Впереди показались какие-то строения, но не дома — во всяком случае, не жилища живых. Бесчисленные купола с крестами, разбитые колонны, белевшие в свете луны памятники свидетельствовали о том, что перед нами город мертвых. Это было знаменитое новоорлеанское кладбище, то самое кладбище, где покойников-бедняков топят в жидкой грязи, а богатеев — что, впрочем, вряд ли лучше — провяливают в горячем песке.

Ворота были отворены. Мрачная торжественность этого места манила меня, она гармонировала с моим настроением. Спутник мой не возражал, и мы вошли.

Долго бродили мы среди могильных плит, статуй, памятников, миниатюрных часовенок, колонн, обелисков, саркофагов, высеченных из белоснежного мрамора, огибали свеженасыпанные холмики, говорившие о недавней утрате и недавнем горе, и старые могилы, украшенные свежими цветами — символ не увядшей еще любви и привязанности, — и наконец уселись на замшелую могильную плиту, над которой печально раскачивала длинные свои ветви вавилонская ива.

Глава LIV

УЧАСТИЕ ВЗАМЕН ЛЮБВИ

По дороге мы говорили о самых незначительных предметах: о моей встрече с шулерами на пароходе, об «охотниках» Нового Орлеана, о лунной ночи.

Пока мы не забрели на кладбище, пока не уселись рядом на могильной плите, я молчал о том, что владело всеми моими помыслами. Но теперь пришло время открыться, и полчаса спустя Эжен д'Отвиль уже знал историю моей любви. Я поведал ему все, что произошло со мной, начиная с моего отъезда из Нового Орлеана и вплоть до нашей встречи на пароходе. Подробно рассказал о своей беседе с банкиром Брауном и о долгих и бесплодных поисках Авроры.

Он терпеливо выслушал мою исповедь до конца и прервал меня только один раз, когда я стал описывать мое объяснение с Эжени и драматическую развязку этой сцены. Мой рассказ, видимо, не только сильно заинтересовал его, но и глубоко тронул. Я слышал, как он всхлипывал, видел при свете луны его залитое слезами лицо.

«Великодушный юноша, — думал я. — Как близко принимает он к сердцу горе совершенно чужого ему человека!»

— Несчастная Эжени! — прошептал он. — Неужели вам ее не жаль?

— Не жаль! Ах, мсье, вы не представляете себе, как я ее жалею! Никогда эта сцена не изгладится из моей памяти! С какой радостью я предложил бы Эжени свое сочувствие, дружбу, принес бы любую жертву, если бы они могли что-нибудь возместить и что-нибудь поправить! Одно только не в моей власти — дать ей свою любовь. Всей душой сокрушаюсь я об этой благородной девушке, мсье д'Отвиль. И я отдал бы всё, лишь бы залечить рану, которую нанес невольно. Но она, конечно, забудет свою несчастную страсть и со временем...

— О нет, никогда! Никогда! — прервал д'Отвиль с горячностью, которая поразила меня.

— Но почему вы так думаете?

— Почему? Потому что знаю по собственному опыту. Хоть я и молод, но пережил уже нечто подобное... Бедная Эжени! Такие раны не залечиваются. Она никогда не оправится! Никогда!

— Бедняжка! Мне жаль ее, жаль ото всей души.

— Тогда почему бы вам не разыскать ее и не сказать ей об этом?

— Зачем? — спросил я, несколько удивленный подобным предложением.

— Быть может, ваше сочувствие хоть немного утешило бы ее.

— Что вы! Напротив. Мне кажется, это было бы жестоко.

— Вы ошибаетесь, мсье. Неразделенную любовь легче перенести, если встречаешь теплое участие. Ведь сердце исходит кровью, натолкнувшись на высокомерное презрение и злорадную жестокость. Для ран любви дружеское участие — подлинный бальзам. Поверьте мне! Я чувствую, я знаю, что это так.

Последние слова он произнес с убежденностью, показавшейся мне даже несколько странной.

«Загадочный юноша! — подумал я. — Такой нежный, чувствительный и вместе с тем так искушен!»

Мне представлялось, что я разговариваю с существом высшего порядка — человеком выдающегося ума, который все видит и все понимает.

Его взгляды были мне внове и противоречили общепринятому мнению, но впоследствии я убедился в их справедливости.

— Если бы я мог рассчитывать, что мое дружеское участие будет приятно Эжени, я попытался бы разыскать ее, предложить ей...

— Это вы еще успеете сделать, — перебил д'Отвиль, — а сейчас у вас есть другое дело, не терпящее отлагательства. Вы намерены выкупить квартеронку?

— Намеревался еще сегодня утром. Увы, теперь исчезла и эта надежда! Выкупить ее не в моей власти.

— Сколько денег соблаговолили оставить вам шулеры?

— Немногим более ста долларов.

— Да, этого недостаточно. Судя по вашему описанию, за нее дадут в десять раз больше. Как досадно, что я не богаче вас! У меня не наберется и ста долларов. Как все это, право, печально!

Д'Отвиль сжал голову руками и несколько секунд сидел молча, в глубоком раздумье. Глядя на него, я невольно проникся убеждением, что он искренне сочувствует моему горю и ищет способа помочь мне.

— А если ей не удастся? — пробормотал он про себя, но настолько громко, что я расслышал. — Если она не найдет бумаг, тогда и она жестоко поплатится. Это рискованно! Может быть, лучше не пробовать?..

— Сударь, о чем это вы? — перебил я его.

— Ах, да... Простите! Я думал об одном деле... Но не важно. Не лучше ли нам вернуться? Мне холодно. Я озяб среди этих мрачных могильных плит и памятников.

Вид у него был смущенный, словно он невольно высказал вслух свои затаенные мысли.

Хотя меня и удивили его слова, я не счел возможным требовать объяснения и молча поднялся. Я совсем пал духом. Видимо, он не в силах мне помочь.

И тут у меня вдруг мелькнула мысль, сулившая надежду, вернее — слабый отблеск надежды. Я поделился ею со своим спутником.

— У меня есть эти сто долларов, — сказал я. — Для покупки Авроры это все равно что ничего. Не попытать ли мне счастья за зеленым столом? Все-таки какой-то шанс.

— Боюсь, это бесполезно. Вы проиграете, как уже проиграли.

— Это еще неизвестно. У меня столько же шансов проиграть, как и выиграть. Совершенно необязательно садиться играть с профессиональными картежниками, как на пароходе. В Новом Орлеане достаточно игорных домов, где процветает чистый азарт: фараон, кости, лото, рулетка — выбор богатый. Счастье здесь зависит от

того, как ляжет карта или упадет кость. А это дело случая. Ну как, сударь? Что вы мне посоветуете?

— Вы правы, — ответил он. — Здесь все зависит от удачи. И можно надеяться на выигрыш. Если даже вы проиграете, это ничего не изменит в отношении завтрашнего дня. Зато если выиграете...

— Вот, вот!.. Если я выиграю...

— В таком случае, нельзя медлить ни минуты. Уже поздно. Игорные дома давно открыты. Игра сейчас в самом разгаре. Пойдемте!

— Вы пойдете со мной? Благодарю, д'Отвиль! Благодарю!

И мы торопливо зашагали по дорожке, ведущей к выходу, и, очутившись за воротами кладбища, повернули к городу.

Мы направились к тому самому месту, откуда начали свою прогулку, — к рю Сен-Луи, ибо по соседству с ней сосредоточены крупнейшие игорные притоны Нового Орлеана.

Разыскать их было нетрудно: в ту пору им не приходилось скрываться. Страсть к азартным играм, унаследованная креолами от основателей города, была слишком распространена, чтобы полиция могла с ней бороться. Муниципальные власти американского квартала, правда, предприняли кое-какие шаги для пресечения этого зла, но законы их не распространялись по ту сторону Кэнел-стрит, а у креольской полиции были на сей счет совершенно другие взгляды и другие инструкции. Во французском предместье азартная игра не почиталась преступлением, игорные дома содержались открыто и с благословения властей.

Проходя по рю Конти, или Сен-Луи, или по рю Бурбон, вы не преминули бы заметить большие позолоченные фонари с надписью: «Фараон», «Крапс», «Лото» или «Рулетка» — диковинные слова для непосвященных, но хорошо понятные тем, на чьей обязанности лежало следить за порядком на улицах «Первого муниципалитета». Скоро мы очутились перед входом в одно из таких заведений, фонарь которого недвусмысленно оповещал, что здесь играют в фараон.

Этот притон попался нам первым, и мы без колебаний вошли туда.

Когда мы поднялись по широкой лестнице, нас остановил какой-то субъект в бакенбардах, не то швейцар, не то слуга. Я ожидал, что он потребует с нас плату за вход. Но я ошибся: вход был свободный. Нас остановили, чтобы отобрать оружие, а взамен выдали квитанции, по которым, уходя, мы могли получить его обратно. Швейцар вставлял отобранное оружие в гнезда специально к тому предназначенной полки в углу прихожей и, судя по количеству торчащих пистолетных прикладов, черенков охотничьих ножей и рукоятей кинжалов, успел обезоружить уже немало народу.

Вся эта процедура весьма напоминала знакомую всем картину сдачи на хранение зонтов и тросточек в гардеробе музея или галереи. Впрочем, благодаря этой разумной предосторожности удавалось предотвратить немало кровопролитий за игорным столом.

Мы отдали свое оружие: я — пару пистолетов, а мой спутник — маленький серебряный кинжал. На них наклеили этикетки, дубликаты выдали нам на руки, после чего нас наконец допустили в зал

Глава LV

ОБ ИГРАХ И АЗАРТЕ

Страсть к игре широко распространена. Каждая нация в большей или меньшей степени подвержена ей, и каждый народ, цивилизованный или дикий, играет в свою игру, будь то вист и криббидж в фешенебельных клубах Лондона или «орлянка» и «чёт и нечет» в пустынных прериях.

Добродетельная Англия почитает себя свободной от этого порока. И брюзжащий путешественник-англичанин не прочь кинуть камешек в огород соседа. Французов, немцев, испанцев, мексиканцев — всех поочередно обвиняет он в чрезмерном пристрастии к азартным играм. Но это лицемерие и ханжество! В добродетельной

Англии азарт процветает сильнее, чем в любой другой стране. Я не говорю уж о картежной игре в окрестностях Пикадилли. Поезжайте-ка в Эпсом на скачки в «день дерби» — там вы получите истинное представление о масштабах азартных игр в Англии, потому что иначе как азартом, и притом азартом самого низкого пошиба, это зрелище не назовешь. Пусть не толкуют о благородном спорте, о любви к лошадям, этому прекраснейшему из всех животных. Вздор! Какое уж там благородство! Могут ли испитые, обшарпанные плуты, которые тысячами и десятками тысяч стекаются на скачки в сопровождении распутных своих подруг, иметь какое-то понятие о красоте и благородстве! Из всех живых существ на ипподроме благородна одна только лошадь, и нет ничего более подлого, чем то, что ее окружает.

Нет, добродетельная Англия! Не тебе служить в этом примером для других наций. И ты не без греха, что бы ты ни утверждала. Ни у одного народа, смею уверить, нет такого полчища азартных игроков, как у тебя, и как бы ни был благороден скаковой спорт, твои игроки — самая жалкая, пресмыкающаяся и гнусная разновидность игроков из всех существующих на свете. Есть что-то донельзя низменное в нравах и повадках с виду вечно голодных стервятников, которые с продранными локтями и в стоптанных башмаках маячат на углах Ковентри-стрит и Хеймаркета, шныряя из кабака к букмекеру [1] и от букмекера в кабак. По сравнению с ними смелый игрок в кости представляется почти благородной личностью. Беспечный испанец, вытряхивающий свои последние унции золота ради одного броска костей, или мексиканский игрок в монте, ставящий на карту золотые дублоны, в какой-то степени облагорожены смелостью и риском. У них азарт — подлинная страсть, их привлекают сильные ощущения; но Браун, и Смит, и Джонс не вправе ссылаться на страсть — у них нет за душой даже этого.

---

[1] Букмекер — лицо, собирающее и записывающее денежные заклады от публики на конских состязаниях.

Из всех профессиональных игроков картежники Миссисипи, быть может, наиболее красочны. Я уже говорил об их изысканной манере одеваться, но, помимо этого, в них несомненно есть что-то от подлинного джентльмена, что-то рыцарское в характере, отличающее их от прочих их собратьев. В пору моей бурной юности иные из этих господ удостаивали меня своим знакомством, и я считаю долгом замолвить за них словечко. Кое-кто из них блистал высокими добродетелями, впрочем не вполне отвечающими требованиям пуританской морали. Другие отличались великодушным и благородным сердцем, способны были на самые прекрасные поступки и хотя попрали законы общества, но не попрали законов человеческой природы и умели отстоять свою честь от любых посягательств. Конечно, встречались и другие, подобные Чорли и Хэтчерам, которые не соответствуют моему описанию, но мне кажется, что они скорее исключение, чем правило.

Несколько слов об американских играх. Подлинно национальной игрой Соединенных Штатов, безусловно, являются выборы. Местные выборы или выборы в представительные учреждения штатов дают не меньше возможностей для заключения пари, чем скачки в Англии, а избрание президента, раз в четыре года, по праву можно назвать «американским днем дерби». Трудно себе представить, какие огромные суммы переходят тогда из рук в руки и какое несметное число пари заключается в эти дни. Если бы на этот счет существовала статистика, данные ее удивили бы даже самых «просвещенных» граждан Соединенных Штатов. Иностранцу не понять ажиотажа, которым сопровождаются выборы во всех уголках страны. Да это и трудно объяснить в государстве, где люди, в общем, знают, что успех или провал того или иного кандидата мало отразится на их собственном материальном благополучии. Правда, дух соперничества между борющимися партиями и самая крупная из всех ставок — государственные должности, распределяемые между членами победившей партии, — в какой-то мере объясняют интерес к результатам, но все же не целиком. Мне лично кажется, что возбуждение

вызывается главным образом азартом. Чуть ли не каждый второй человек, с которым я встречался, заключал пари на исход президентских выборов, и даже не одно, а множество.

Словом, выборы — это подлинная национальная игра американцев, которой с одинаковой страстью предаются и в верхах и в низах, и богатые и бедные.

Держать пари о результатах выборов не считается зазорным. Выборы к азартным играм не причисляются.

Для этого существует немало других самых разнообразных игр, где дело решают карты. Кости и биллиард тоже в большом ходу, особенно последний. Почти в каждой деревушке Соединенных Штатов, особенно на Юге и Западе, вы найдете биллиардный стол, а то и два, а среди американцев встретите поистине замечательных игроков. Креолы Луизианы, можно сказать, стяжали по биллиарду пальму первенства.

Кегли тоже очень распространены, и даже самый захудалый городишко имеет свой кегельбан. Но и биллиард и кегли, в сущности, не азартные игры: первая — скорее развлечение, а вторая — вид спорта. Карты и кости — вот подлинное оружие любителей азарта; карты в первую очередь. Помимо английского виста и криббиджа, а также французского «двадцать одно» и «красное и черное», американцы играют в покер, юкр, семерку и множество других игр. В Новом Орлеане среди креолов пользуется особой любовью игра в кости, именуемая крапс, а также процветают кено, лото и рулетка. Далее к югу, у испанцев Мексики, в большом ходу монте — игра, отличающаяся от всех названных нами выше. Монте — национальная игра мексиканцев.

Однако всем прочим способам выкачивания денег юго-западные профессиональные картежники предпочитают фаро, или фараон. Как показывает само название, игра эта испанского происхождения; да она и в самом деле мало чем отличается от монте и, вероятно, была завезена в Новый Орлеан испанцами. Но вне зависимости от того, коренного ли она или пришлого происхождения, игра эта превосходно прижилась во всех городах и селениях долины Миссисипи, и нет на За-

наде ни одного картежника, который не был бы любителем фараона.

К тому же фараон очень несложен. Дадим краткое его описание.

Стол накрывают зеленым сукном или байкой и выкладывают лицом вверх в два ряда все тринадцать карт какой-нибудь одной масти. Обычно карты приклеивают, чтобы они не сдвигались с места.

Затем в руках банкомета появляется прямоугольная коробочка, с виду похожая на большую табакерку. Размеры ее невелики — ровно на две колоды карт. Делается такая коробочка обычно из серебра. Любой другой материал годился бы не хуже, но банкомет счел бы унизительным пользоваться дешевенькой принадлежностью своего ремесла. Назначение этой коробки в том, что она помогает сдавать вложенные в нее карты. Я не берусь толком объяснить ее таинственный внутренний механизм, могу сказать лишь одно: крышки у нее нет, с одной стороны она открыта, и туда вдвигают колоды, а имеющаяся внутри пружина позволяет банкомету выбрасывать карты подряд одну за другой в том порядке, в каком они лежат в колоде. Между прочим, это приспособление вовсе не обязательно для игры в фараон; с таким же успехом можно играть и без всякой коробки. Но такое устройство гарантирует честную игру: тут уж никак не отличишь одной карты от другой по знаку на рубашке или каким-либо другим приметам — карт просто не видно. Изящная коробочка для игры в фараон — гордость каждого уважающего себя банкомета, и ни один из них не сядет без нее за игорный стол.

Две хорошо стасованные колоды вкладывают в коробку, и банкомет, положив на нее левую руку и держа наготове правую с оттопыренным большим пальцем, ждет, пока несколько игроков поставят на карту. Банкомет — единственный ваш противник в этой игре; он выплачивает вам все ваши выигрыши и забирает все ваши проигрыши. Ставить на карту может любой сидящий или стоящий у стола, но ставят все они против одного банкомета. Чтобы вести такую игру, банкомет, несомненно, должен быть своего рода предпринимате-

лем и иметь капитал в несколько тысяч, а то и десятков тысяч долларов. Все же случается, что при сильном невезении банк лопается, и тогда могут пройти годы, прежде чем банкомет соберется с силами и вернется к старой профессии. Рядом с банкометом обычно сидит его помощник, или крупье. На его обязанности лежит обмен фишек на деньги и выплата выигрышей; он же загребает лопаточкой суммы, выигранные банком.

Фишки, которыми пользуются в этой игре, представляют собой плоские костяные кружочки величиной с доллар и разных цветов — белые, красные, голубые, с обозначенной на них суммой. Пользуются ими вместо денег, ради удобства. Если игрок бросает игру, он обменивает свои фишки на деньги.

Самый простой способ понтировать в фараон — это ставить деньги на одну из лежащих на столе карт. Вы можете выбрать любую из тринадцати. Предположим, ваш выбор пал на туза и вы поставили деньги на эту карту. Банкомет начинает метать карты из коробки одну за другой. Всякий раз, выложив две карты, он останавливается. И пока не выйдут подряд два туза, исход неизвестен. Если же вышли два туза, объявляется выигрыш. В том случае, если оба туза вышли вместе, ваши деньги достаются банкомету. Если же вышел только один туз, а второй пришелся на следующую выкладку, выиграли вы. Тогда вы можете опять поставить на туза, при желании удвоив ставку, или передвинуть деньги на другую карту. Все эти манипуляции вы вправе производить в любой момент игры, при условии, что банкомет еще не выложил первой карты.

Игра, понятно, продолжается вне зависимости от того, ставите вы или нет. Стол окружен понтирующими; одни ставят на одну карту, другие — на другую, третьи — одновременно на две и больше, так что постоянно кому-то что-то выплачивают, постоянно стучат фишки и слышится звон долларов.

Для игры в фараон никакого умения не требуется: все здесь зависит от удачи. Поэтому вы, чего доброго, решите, как и полагают многие, что шансы банкомета и понтирующих равны. Но это не так. Определенные

комбинации карт обеспечивают банкомету известный процент, иначе кому бы пришла охота связываться с таким делом. И хотя случается, что банкомета упорно преследует невезение, он все равно обыграет вас, если только ему удастся продержаться.

Этот процент обеспечивается банкомету во всех азартных играх — в фараоне, монте, крапсе и прочих. Конечно, банкомет и не станет этого отрицать, но на ваш вопрос ответит, что этот небольшой процент идет на «покрытие расходов». И будьте покойны, расходы покрываются с лихвой.

Вот каков тот самый фараон, садясь за который я решил спустить последний цент или выиграть нужную сумму для выкупа моей нареченной.

Глава LVI

ФАРАОН

Мы вошли в зал. Так вот он, знаменитый фараон!

В дальнем конце зала стоял стол, за которым шла игра. Но ни карт, ни банкомета не было видно: двойное кольцо сидящих и стоящих игроков окружало стол, скрывая его от нас. Были здесь и женщины, они тоже сидели или стояли, веселые и красивые женщины, разряженные по последней моде, однако некоторая развязность в манерах обличала в них особ легкого поведения.

Д'Отвиль угадал: игра была в самом разгаре. Вид и позы игроков, мелькание рук, раскладывающих ставки, стук костяных фишек, звон долларов говорили о том, что здесь времени не теряют.

Подвешенная над столом огромная люстра бросала яркий свет на зеленое сукно и на лица игроков.

В середине зала стоял большой стол, уставленный разнообразными закусками. Тут были холодная индейка, ветчина, язык, салат из цыплят, омары, вина в хрустальных графинах, коньяк, ликеры. Часть тарелок и рюмок уже побывала в употреблении, другие стояли не-

тронутыми, в ожидании желающих закусить. По существу, это был бесплатный ужин, которым потчуют всех посетителей. Таков обычай американских игорных домов.

Однако это обильное угощение не привлекало ни меня, ни моего спутника. Мы прошли прямо к столу, где играли в фараон.

Подойдя поближе, мы заглянули через плечи игроков. Что за наваждение! Чорли и Хэтчер!

Да, оба шулера сидели рядышком за зеленым столом и не в качестве простых игроков, а в роли банкомета и крупье! Чорли держал в руках коробочку с картами, Хэтчер сидел справа от него, и перед ним лежала на столе груда фишек, долларов и банкнот. Обведя взглядом игроков, мы обнаружили также и торговца свининой. Все в той же просторной куртке и широкополой белой шляпе, он сидел как ни в чем не бывало, будто и в глаза никогда не видел банкомета и крупье, и лихо понтировал, по обыкновению пересыпая свою речь простонародными словечками.

Мы с моим спутником изумленно переглянулись.

Но изумляться было, собственно, нечему. Чтобы держать банк в фараоне, не требуется патента; вполне достаточно зажечь люстру над столом, расстелить зеленое сукно и начать метать. Шулеры чувствовали себя здесь, как рыба в воде. Поездка по реке была для них чем-то вроде летней увеселительной прогулки, но в Новом Орлеане начинался сезон, и они поспешили вернуться, поэтому не было ничего удивительного, что мы встретили их здесь.

Однако в первую минуту мы с Д'Отвилем оцепенели. Я уже хотел предложить своему спутнику покинуть зал, но тут меня заметил торговец свининой.

— Э, да это незнакомец с парохода! — воскликнул он, изобразив на своем лице удивление. — И вы тут?

— Как видите, — отвечал я небрежно.

— Ну и ну! Вы тогда как сквозь землю провалились. Куда вы пропали? — осведомился он с грубой фамильярностью и так громко, что все обернулись в нашу сторону.

— Куда пропал? — отозвался я, стараясь сохранить спокойствие, хотя меня возмутил его наглый тон.

— Ну да! Это самое я и хотел узнать.

— Очень бы хотели? — спросил я.

— Да нет... не так чтоб очень.

— Рад за вас, — отвечал я. — Потому что я не намерен вам об этом докладывать.

Я с удовольствием убедился, что взрыв общего хохота, которым была встречена моя неожиданная реплика, поубавил спеси наглецу.

— Не понимаю, чего вы ершитесь! — сказал он полупримирительным-полураздраженным тоном. — Я вовсе не к тому веду, чтобы вас обидеть, но вы тогда как в воду канули... Впрочем, это меня не касается. Думаете попытать счастья в фараон?

— А почему бы и нет?

— Игра как будто неплохая. Я сам сегодня первый раз сел. Тут, как в «чёт и нечет», все зависит от удачи. Пока что мне везет. — С этими словами он повернулся к столу и стал раскладывать ставки.

Банкомет начал новую сдачу, и игроки, которых на время отвлек наш разговор, опять обратились к тому, что представляло для них главный интерес, — к кучкам денег, лежащих на картах.

И Чорли и Хэтчер тоже, конечно, узнали меня, но ограничились дружеским кивком головы и взглядом, который весьма красноречиво говорил:

«Так, значит, он здесь! Великолепно! Этот-то отсюда не уйдет, не попытавшись отыграть своих ста долларов. Как пить дать, поставит!»

Если и в самом деле эта мысль пришла им в голову, то они были не так уж далеки от истины. Ибо я в это время думал:

«Можно, в конце концов, попытать счастья и здесь. Фараон есть фараон, кого ни посади в банкометы. Когда карты мечут из такой вот коробочки, плутовать немыслимо. Да и сама игра не позволяет жульничать. Один проигрывает банку, а другой выигрывает у него, так что банкомету нет расчета передергивать, будь даже у него такая возможность. В самом деле, почему бы мне не

сыграть против господ Чорли и Хэтчера, тем более что выиграть мне будет вдвойне приятно: я поквитаюсь с ними за свой прежний проигрыш. Сяду играть!»

— Что вы на это скажете, сударь?

С некоторыми из этих соображений и с последним вопросом я обратился вполголоса к молодому креолу.

Д'Отвиль согласился со мной и посоветовал остаться. Он тоже держался того мнения, что я могу с одинаковым успехом рискнуть и здесь.

Итак, я вынул из кошелька золотой и поставил его на туза.

Ни банкомет, ни крупье даже бровью не повели, даже мельком не взглянули на мою ставку. Жалкая монета в пять долларов, конечно, не могла произвести впечатления на этих бывалых игроков, через чьи руки проходили десятки, сотни и даже тысячи долларов.

Чорли метал с тем непроницаемо-хладнокровным видом, который отличает всех людей его профессии.

— Выиграл туз! — воскликнул чей-то голос, когда вышло два туза подряд.

— Угодно получить фишками? — осведомился крупье.

Я сказал, что фишками, и крупье положил на мой золотой красный костяной кружочек с цифрой пять посередине. Все десять долларов я решил оставить на тузе.

Банкомет продолжал метать, и вскоре опять вышли два туза, и я получил еще две красные фишки.

Я и тут не взял своего выигрыша, так что у меня на карте набралось уже двадцать долларов. Ведь я пришел сюда не развлекаться. У меня была совсем иная цель, и я не собирался попусту тратить время. Если фортуна пожелает быть ко мне благосклонной, почему бы ей сразу же не улыбнуться мне? И, кроме того, когда я думал о той, что была истинной ставкой в этой игре, я желал одного — положить конец неизвестности. К тому же мне претила грубая и распущенная компания, теснившаяся за игорным столом.

Игра продолжалась, и спустя некоторое время опять вышли два туза. Но на этот раз я проиграл.

Не говоря ни слова, крупье сгреб фишки и золотой и спрятал их в свою лакированную шкатулку.

Я снова вынул кошелек, поставил десять долларов на даму и выиграл. Я удвоил ставку и снова проиграл. Потом опять выиграл десять долларов, опять их проиграл, и так снова и снова — то выигрывая, то проигрывая, то ставя фишками, то золотом, я опустошил свой кошелек!

Глава LVII

ЧАСЫ И КОЛЬЦО

Я встал с места и с отчаянием взглянул на д'Отвиля. Мне незачем было сообщать ему печальную весть: взгляд мой был красноречивее слов, к тому же юноша следил за игрой, наклонившись через мое плечо.

— Что ж, пойдемте, мсье? — сказал я.

— Нет еще, постойте минутку, — ответил он, кладя руку мне на плечо.

— Но зачем? У меня ничего не осталось. Я проиграл все — все до последнего доллара! Это надо было предвидеть. Нам нечего тут делать!

Возможно, я произнес эту фразу слишком резко. Сознаюсь, я был взбешен. Помимо страшной перспективы завтрашнего дня, я вдруг усомнился в своем новом друге. Его знакомство с этими людьми, совет играть здесь, наша по меньшей мере странная встреча с пароходными шулерами, быстрота, с какой опустел мой кошелек, — все эти соображения молнией пронеслись в моей голове, и я невольно подумал: уж не обманщик ли д'Отвиль? Я старался припомнить наш последний разговор. Навел ли он меня на мысль посетить именно этот притон, сделал ли что-нибудь для этого? Играть он мне, во всяком случае, не предлагал, а скорее отговаривал, и я не мог припомнить, чтобы он убеждал меня сесть играть в фараон. Кроме того, он не меньше моего удивился, заметив этих господ за столом.

Но что из того? Разве так трудно разыграть удивление? Что, если, подобно торговцу свининой, который

так ловко меня провел, мсье д'Отвиль тоже состоит пайщиком в достойной фирме Чорли, Хэтчера и К°? Я повернулся к нему, с моих губ готова была сорваться ядовитая фраза, но тут я сразу понял, что заблуждался. Устремив на меня свои чудесные глаза, молодой креол снизу вверх глядел мне в лицо — он был ниже меня ростом — и ждал, когда я приду в себя. Что-то сверкало в его протянутой руке. Это был вязаный кошелек. Сквозь его шелковую сетку поблескивали желтые монеты. Он протягивал мне свой кошелек с золотом!

— Возьмите! — проговорил он нежным, серебристым голосом.

Сердце у меня болезненно сжалось. Я с трудом выдавил из себя ответ. Если б он знал, о чем я думал всего секунду назад, он понял бы, почему щеки мои внезапно залила краска стыда.

— Нет, сударь, — пробормотал я. — Вы слишком великодушны! Я не могу принять этих денег.

— Ну, ну, пустяки! Возьмите, прошу вас, и рискните еще раз. Фортуна была к вам сурова в последнее время, но ведь она — богиня непостоянная и еще, может быть, улыбнется вам. Берите же кошелек.

— Право, сударь, я не могу после того... Простите меня!... Если бы вы знали...

— Так, значит, мне придется играть за вас. Вспомните, ради чего мы пришли сюда! Вспомните Аврору!

— О!

Это «о», вырвавшееся из моей груди, было единственным ответом молодому креолу, который уже повернулся к столу и поставил свои золотые.

Я смотрел на него с изумлением и восторгом, к которому примешивалась тревога за исход игры.

Какие маленькие белые руки! Какой великолепный перстень с алмазом сверкает на его безымянном пальце! Игроки, словно зачарованные, смотрят на драгоценный камень при каждом движении руки, щедро рассыпающей по столу золотые. И Чорли с Хэтчером тоже заметили перстень. Я видел, как они многозначительно переглянулись. Оба отменно вежливы с молодым креолом. Он сразу же завоевал их уважение своими круп-

ными ставками. Они с особой почтительностью и вниманием называют карту, когда он выигрывает, и вручают ему фишки. Весь стол любуется им, дамы кидают на него вкрадчивые и коварные взгляды. Каждая готова броситься ему на шею ради сверкающего брильянта.

Я стоял возле него, с волнением следя за игрой, с бóльшим волнением, чем если бы ставил сам. Но ведь это была и моя ставка. Он играл для меня. Для меня этот великодушный юноша рисковал своими последними деньгами.

Но я недолго томился неизвестностью. Вот он ставит и проигрывает — и еще повышает ставку. Он занял мое место у стола, и вместе с местом к нему перешло и мое невезение. Почти каждую ставку сгребал крупье, пока наконец последняя монета не была поставлена на карту. Еще немного — и вот она звякнула, падая в шкатулку.

— Идемте, д'Отвиль! Идемте отсюда! — шепнул я, наклоняясь к нему и беря его за руку.

— Во сколько вы оцените это? — спросил он банкомета, не обращая на меня внимания.

И с этими словами он снял через голову золотую цепочку с часами.

Этого я и боялся, когда предлагал ему уйти. Я повторил свою просьбу, я молил его, но он не желал ничего слушать и торопил Чорли с ответом.

Чорли, видно, не любил тратить слов на ветер.

— Сто долларов за часы, — отрезал он, — и пятьдесят за цепочку.

— Великолепно! — воскликнул кто-то из игроков.

— Они же стоят вдвое больше, — пробормотал другой.

В огрубевших сердцах собравшихся здесь людей все же сохранились человеческие чувства. Тот, кто проигрывает, не вешая головы, неизменно вызывает общее сочувствие, и возгласы, сопровождавшие каждый проигрыш юного креола, свидетельствовали о том, что все симпатии на его стороне.

— Правильно, часы и цепочка стоят значительно больше, — вмешался высокий человек с черными бакенбардами, сидевший в конце стола.

Внушительный и твердый тон, каким были сказаны эти слова, возымел свое действие.

— Разрешите, я еще раз взгляну, — сказал Чорли, перегибаясь через стол к д'Отвилю, который сидел с часами в руке.

Д'Отвиль снова вручил часы шулеру, а тот, открыв крышку, внимательно осмотрел механизм. Это были изящные часы с цепочкой, какие обычно носят дамы. И стоили они, разумеется, много больше той суммы, что предложил за них Чорли, хотя торговец свининой придерживался на этот счет иного мнения.

— Сто пятьдесят долларов — немалые деньги, — протянул он. — Шутка сказать — сто пятьдесят долларов! Я, правда, мало что смыслю в таких финтифлюшках, но мне сдается, полтораста долларов — красная цена за часы с цепкой.

— Вздор! — закричали несколько человек. — Одни часы стоят никак не меньше двухсот. Взгляните на камни!

Чорли положил конец пререканиям.

— Вот что! — сказал он. — Не думаю, чтобы часы стоили больше того, что я за них назначил, сударь, но поскольку вы хотите отыграться, пусть будет двести за часы и цепочку. Это вас устраивает?

— Мечите! — кратко ответил пылкий креол; он выхватил часы из рук Чорли и поставил их на одну из карт.

Дешево обошлись часы Чорли.

Он открыл с полдюжины карт, и часы перешли к нему.

— А во сколько вы оцените это?

Д'Отвиль снял с пальца перстень и протянул его Чорли, который так и впился глазами в брильянт.

Я снова попробовал вмешаться, но д'Отвиль опять не стал меня слушать. Нечего было и пытаться обуздать пламенного креола.

Перстень был алмазный, вернее — в филигранную золотую оправу было вделано несколько брильянтов. Так же как часы, кольцо походило на те, что носят дамы, и я расслышал, как перешептывались остряки:

— Мечите! — сказал д'Отвиль и поставил часы на карту.

«У молодого повесы, видать, богатая зазноба!», «Спустит этот — другой подарят», и так далее и тому подобное.

Перстень был, вероятно, ценный, потому что Чорли после внимательного осмотра предложил посчитать его в четыреста долларов. Высокий человек с черными бакенбардами опять вступился и заявил, что он стоит все пятьсот. Его поддержали игроки, и банкомет в конце концов согласился дать за кольцо эту сумму.

— Прикажете выдать фишками? — спросил он д'Отвиля. — Или поставите всю сумму сразу?

— Сразу! — последовал ответ.

— Нет, нет! — раздались голоса доброжелателей д'Отвиля.

— Сразу! — решительно повторил д'Отвиль. — Поставьте перстень на туза.

— Как вам будет угодно, сударь, — невозмутимо ответил Чорли, возвращая перстень владельцу.

Д'Отвиль взял перстень в свою тонкую белую руку и положил на середину облюбованной карты. Это была единственная ставка. Другие игроки бросили игру — каждому любопытно было увидеть, чем кончится этот поединок.

Чорли начал метать. Каждую карту ожидали с лихорадочным волнением, и когда из коробки показывался край туза, двойки или тройки с широким белым полем, напряжение достигало высшего предела.

Прошло немало времени, прежде чем наконец вышли два туза, словно при такой крупной сумме игра должна была длиться вдвое больше, чем обычно.

Но вот исход решен. Вслед за часами и перстень перешел к Чорли.

Я схватил д'Отвиля за руку и потащил его к выходу. На этот раз он беспрекословно последовал за мной — у него не осталось ничего, ровно ничего, что бы поставить на карту.

— Ах, не все ли равно! — беспечно бросил креол, выходя из зала. — Впрочем, нет, — спохватился он и добавил уже совсем другим тоном: — Нет, не все равно! Вам и Авроре это не все равно!

Глава LVIII

НАПРАСНАЯ НАДЕЖДА

Как приятно было вырваться из душного зала на свежий воздух, увидеть над собой ночное небо и мягкое сияние луны! Вернее, было бы приятно при иных обстоятельствах, но сейчас самая роскошная южная ночь и самая восхитительная природа не произвели бы на меня никакого впечатления.

Мой спутник, казалось, разделял мое чувство. Слова утешения, которые он говорил мне, смягчали мою душевную боль; я знал, что они идут от чистого сердца. Тому доказательством были его поступки.

Ночь и вправду была чудесная. Светлый диск луны то исчезал, то снова показывался из-за пушистых облачков, разбросанных по темносинему небу Луизианы, легкий ветерок резвился по затихшим улицам города. Чудесная ночь, но слишком мягкая, слишком идиллическая. Мне больше пришлась бы по душе гроза. Как радовался бы я черным тучам, огненной молнии, грохочущим в небе раскатам грома! Как радовался бы завыванию ветра, барабанной дроби дождя! Ураган был бы сродни бушевавшей в моей душе буре.

До отеля было всего несколько шагов, но мы прошли мимо. Куда лучше думать и беседовать на свежем воздухе. Ни я, ни мой спутник не помышляли о сне, поэтому, снова миновав окраину города, мы машинально направились в сторону болот.

Некоторое время мы шагали бок о бок в глубоком молчании. Оба мы думали об одном — о завтрашнем аукционе. Завтрашнем? Нет, уже сегодняшнем: большие часы на соборной башне только что пробили полночь. Через двенадцать часов состоится аукцион, через двенадцать часов мою невесту выведут на помост и продадут с молотка.

Шоссе вело к «Ракушечной дороге», и скоро под ногами у нас захрустели двустворчатые и одностворчатые, целые и битые раковины и ракушки. Природа здесь больше гармонировала с нашими мыслями. Вокруг высились темные торжественные кипарисы —

эмблема печали, которые казались еще мрачнее под саваном седого испанского моха, свисавшего с их ветвей. Да и здешние звуки тоже успокаивали наши смятенные души. Унылое уханье болотной совы, скрипучий стрекот древесных сверчков и цикад, кваканье лягушек, хриплый трубный глас жабы и высоко над головой пронзительный писк гигантских летучих мышей — все эти голоса смешивались в нестройный концерт, который при других обстоятельствах терзал бы слух, но теперь казался мне чуть ли не музыкой и даже навевал сладкую грусть.

И все же я еще не испил до дна чаши страданий. Еще горшие муки ждали меня впереди. Хоть положение было безнадежно, я все еще цеплялся за смутную надежду. И как бы ни была призрачна эта надежда, она все же поддерживала меня. Возле дороги лежал поваленный кипарис, мы присели на него.

С тех пор как мы вышли из игорного притона, мы не сказали друг другу и двух слов. Я был поглощен мыслью о завтрашнем дне; мой юный спутник, которого я теперь считал верным и испытанным другом, думал о том же самом.

Какое великодушие! Ведь я ему совершенно чужой человек. Какое самопожертвование! Ах, я и не подозревал тогда всей глубины, всего величия этой жертвы!

— Теперь остается последний шанс, — сказал я. — Будем надеяться, что с завтрашней или, вернее, с сегодняшней почтой прибудет мое письмо. Может быть, оно еще поспеет во-время: почта обычно приходит в десять утра.

— Да, конечно, — рассеянно отвечал д'Отвиль, занятый, видимо, собственными мыслями.

— А если нет, — продолжал я, — остается еще одна надежда — перекупить ее у того, кому она сегодня достанется на торгах. Я уплачу любую сумму, лишь бы...

— Ах! Вот это-то меня и тревожит, — перебил д'Отвиль, выйдя из своей задумчивости. — Об этом-то я и думал сейчас. Боюсь, сударь, очень боюсь, что...

— Говорите!

— Боюсь, что тот, кто купит Аврору, не захочет ее уступить.

— Но почему же? Даже за большие деньги?..

— Да, боюсь, что тот, кто купит Аврору, не захочет уступить ее ни за какие деньги.

— О! Но почему же вы так думаете, д'Отвиль?

— У меня есть основания предполагать, что одно лицо намеревается...

— Кто же?

— Доминик Гайар.

— О боже! Гайар? Гайар?

— Да, я заключаю это из того, что вы мне говорили, и из того, что знаю сам, ибо я тоже кое-что знаю о Доминике Гайаре.

— Гайар! Гайар! Господи! — бессмысленно твердил я.

Страшное известие оглушило меня. Я весь застыл, охваченный каким-то оцепенением, будто грозная опасность нависла надо мной и ничто уже не в силах отвратить ее.

Удивительно, как эта мысль не пришла мне раньше в голову? Я почему-то предполагал, что квартеронка попадет в руки обычного покупателя, который охотно переуступит ее мне за хорошую цену, пусть даже за огромную цену, но ведь со временем я буду в состоянии уплатить любую сумму. Удивительно, как я не подумал, что Гайар захочет купить Аврору! Впрочем, с той минуты, как я узнал о банкротстве Эжени Безансон, я совсем растерялся и не мог рассуждать хладнокровно. А теперь у меня открылись глаза. Это были уже не пустые домыслы и догадки. Несомненно, Гайар станет господином Авроры. Еще до вечера он будет распоряжаться ею, как своей собственностью. Но душа ее... О боже! Уж не сплю ли я?

— Я и раньше подозревал нечто подобное, — продолжал д'Отвиль. — Я знаю кое-что о семейных делах Безансонов — об Эжени, об Авроре, об адвокате Гайаре. Я и раньше подозревал, что Гайар захочет приобрести Аврору. А теперь, когда вы рассказали мне о сцене в гостиной, я не сомневаюсь в его гнусных намерениях.

О, какая низость!.. Мое предположение подтверждает и то, — продолжал д'Отвиль, — что на пароходе находилось доверенное лицо Гайара. Этот человек обычно обделывает для адвоката все подобные делишки — вы его, вероятно, не заметили. Он работорговец — самая подходящая фигура для этой цели. Конечно, он ехал в город, чтобы присутствовать на аукционе и купить эту несчастную для Гайара.

— Но почему... — спросил я, хватаясь как утопающий за соломинку, — почему, если он хотел купить Аврору, он не заключил обычной сделки? Зачем ему понадобилось посылать ее на невольничий рынок?

— Этого требует закон. Невольники обанкротившегося землевладельца должны быть проданы с публичных торгов тому, кто даст за них самую высокую цену. А потом, сударь, хотя Гайар негодяй и мерзавец, но он дорожит общественным мнением и не смеет действовать в открытую. Он лицемер и, творя свои грязные дела, желает сохранить уважение общества. Ведь многие искренне считают Гайара порядочным человеком! Поэтому он и не смеет идти напролом и держится в тени. Во избежание лишних разговоров Аврору купит подставное лицо, этот самый работорговец. Какая мерзость!

— Невообразимая мерзость! Но что, что же делать, чтобы спасти ее от этого ужасного человека? Что делать для моего спасения?..

— Над этим-то я и ломаю голову. Не падайте духом, мсье! Еще не все потеряно. Есть еще одна возможность спасти Аврору. Есть еще одна надежда. Увы! Я тоже изведал горе — я тоже перенес немало... да, немало! Но не в том дело. Не будем говорить о моих печалях, пока несчастны вы. Может быть, когда-нибудь потом вы узнаете больше обо мне и моих горестях, но сейчас довольно об этом! Есть еще одна надежда, и вы и Аврора — вы оба будете счастливы. Так должно быть. Я так решил. Безумный шаг, но ведь и все это разве не безумие? Однако хватит! У меня нет ни минуты времени, надо спешить. Ступайте к себе в отель. Отдохните. Завтра в двенадцать я буду с вами. Итак, в двенадцать в ротонде. Спокойной ночи! Прощайте!

И не успел я попросить объяснения или сказать слово, как креол быстро отошел от меня, повернул в узкую улочку и скрылся из виду.

Размышляя о бессвязных словах д'Отвиля, о его туманных обещаниях и странном поведении, я медленно направился к отелю.

Очутившись в своем номере, я, не раздеваясь, повалился на постель. Но мне было не до сна.

Глава LIX

РОТОНДА

Всю эту бессонную ночь в моем мозгу проносились тысячи мыслей, тысячи раз надежда, сомнение и страх сменяли друг друга, и я строил сотни всевозможных планов. Но когда настало утро и в глаза мои ударил яркий свет солнца, я так ничего и не придумал. Все надежды я возлагал на д'Отвиля, ибо я понял, что рассчитывать на почту бесполезно.

Однако, чтобы удостовериться в этом, я, как только наступило утро, еще раз отправился в банк Брауна и К°. Получив отрицательный ответ, я не почувствовал разочарования — я его предвидел. Когда человек попадает в беду, бывало ли хоть раз, чтобы деньги пришли во-время? Медленно катятся золотые кружочки, медленно переходят они из рук в руки, и никто не расстается с ними по доброй воле. Почта должна была доставить деньги в срок, но друзья, которым я доверил управление моими делами, видимо, опоздали с отправкой.

«Никогда не доверяйте своих дел друзьям! Никогда не надейтесь получить деньги в обещанный срок, если вы поручили отправку их другу!» — так сетовал я, покидая Брауна и К°.

Было уже двенадцать часов, когда я вернулся на рю Сен-Луи. Но я не пошел в гостиницу, а направился прямо в ротонду.

Перо не в силах описать мрачные чувства, терзавшие мою душу, когда я ступил под ее высокие своды.

Сколько я себя помню, никогда не испытывал я ничего подобного.

Мне случалось стоять под сводами кафедрального собора, и благоговейный трепет охватывал меня перед его величием; я бывал в раззолоченных залах королевского дворца, и два чувства боролись во мне — жалость и презрение: жалость к рабам, на чьих костях воздвигались эти хоромы, и презрение к теснившимся вокруг низкопоклонникам и льстецам; я посещал темные тюремные камеры, и сердце мое сжималось от сострадания, но ни одно из этих зрелищ не произвело на меня такого удручающего впечатления, как то, которое теперь представилось моим глазам.

Это место не было священным. Наоборот, оно было осквернено самым гнусным кощунством. Здесь был знаменитый новоорлеанский невольничий рынок, где людей, их тело и даже душу, продавали и покупали с торгов!

Эти стены были свидетелями многих жестоких и мучительных разлук. Здесь мужа отрывали от жены, дитя — от матери. Как часто горькие слезы орошали эти мраморные плиты, как часто под высокими сводами раздавались тяжкие вздохи, и не только вздохи, но и крики разбитых сердец!

Я уже сказал, что, когда вошел под своды этого обширного зала, душа моя была полна самых мрачных чувств. И неудивительно, что сердце у меня сжалось при виде открывшейся передо мной картины.

Вы, вероятно, надеетесь, что я подробно опишу ее вам. Но вас ждет разочарование: я не в силах этого сделать. Если бы я пришел сюда как праздный зритель, как холодный репортер, которого не трогает то, что происходит перед его глазами, я заметил бы все подробности и пересказал бы их вам. Но дело обстояло совсем не так. Меня преследовала одна-единственная мысль, мои глаза искали только одно лицо, и это мешало мне следить за тем, что происходит вокруг.

Кое-что все-таки сохранилось у меня в памяти. Так, я помню, что ротонда, отвечая своему названию, была большим круглым залом с полом, выложенным мрамор-

ными плитами, со сводчатым потолком и белыми стенами. Окон в ней не было, и она освещалась сверху. В глубине на помосте стояло что-то вроде кафедры, а возле нее большая каменная глыба кубической формы. Я сразу отгадал назначение этих предметов.

Вдоль стены тянулся выступ в виде каменной скамьи. Назначение его я также понял без труда.

Когда я вошел, в зале собралось уже много народу. Публика пришла самая разношерстная, всех возрастов и сословий. Люди стояли кучками, непринужденно разговаривая, точно собрались для какой-то церемонии или забавы и ждут начала. По поведению присутствующих было видно, что предстоящее дело не настраивает их на торжественный лад; наоборот, судя по грубым шуткам и взрывам громкого смеха, поминутно раздававшимся в зале, можно было предположить, что они ждут какого-то развлечения.

Однако здесь была группа людей, резко выделявшаяся среди шумной толпы. Эти люди теснились на каменной скамье или возле нее, сидели на корточках или стояли прислонившись к стене во всевозможных позах. Их черная или бронзовая кожа, густые курчавые волосы, грубые красные башмаки, одежда из дешевых хлопчатобумажных тканей, окрашенных в коричневый цвет соком катальпы, — все эти характерные черты отличали их от остальных людей, собравшихся в зале; это были существа из другого мира.

Но даже независимо от различия в одежде или цвета кожи, от толстых губ, широких скул и курчавых волос можно было сразу сказать, что люди, сидевшие на каменной скамье, были в совсем ином положении, чем те, что расхаживали по залу. Одни громко разговаривали и весело смеялись, тогда как другие сидели молчаливые и удрученные. Одни выступали с видом победителей, другие застыли с безнадежностью пленников, устремив в одну точку унылый взгляд. Одни были господа, другие — рабы! Это были невольники с плантации Безансонов.

Все молчали или переговаривались шопотом. Большинство казались встревоженными. Матери сидели,

нежно прижимая к груди своих малюток, шептали им ласковые слова и старались их убаюкать. Порой, когда материнское сердце сжималось от страха, крупная слеза скатывалась по смуглой щеке. Отцы смотрели на них застывшими от скорби глазами, с выражением беспомощности и отчаяния на суровых лицах; они знали, что не в силах изменить свою участь, не в силах отвратить удар, какое бы решение ни приняли окружавшие их бессердечные негодяи.

Впрочем, не все были печальны и напуганы. Кое-кто из молодых невольников, юношей и девушек, разоделся в яркие костюмы и платья с оборками, складочками и лентами. Эти, повидимому, не тревожились о будущем и даже казались довольными; они весело смеялись, переговариваясь друг с другом, а иногда даже перекидывались словечком с кем-нибудь из белых. Перемена хозяина не казалась им такой уж страшной после того обращения, какому они подвергались последнее время. Некоторые из них ожидали перемены даже с радостной надеждой. Так были настроены молодые франты и светлокожие красавицы с плантации. Быть может, они останутся в этом городе, о котором они столько слышали; быть может, их ждет здесь более светлое будущее. Трудно представить, что оно будет безотраднее, чем их недавнее прошлое.

Я окинул беглым взглядом всю группу, но сразу же увидел, что Авроры там нет. Трудно было спутать ее с кем-либо из этих людей. Ее здесь не было. Благодарение небу! Оно избавило меня от этого унижения. Аврора, наверно, где-нибудь поблизости, и ее приведут, когда до нее дойдет очередь.

Я не мог примириться с мыслью, что ее выставят напоказ, что ее коснутся грубые и оскорбительные взгляды, а может, и оскорбительные замечания толпы. Однако это испытание еще предстояло мне.

Я решил не подходить к невольникам: я знал их непосредственность и предвидел, какую это вызовет сцену. Они встретят меня приветствиями и мольбами, и их громкие голоса привлекут ко мне внимание всех присутствующих.

Чтобы этого избежать, я стал позади кучки людей, загородившей меня от невольников, и, наблюдая за входом в зал, поджидал д'Отвиля. Теперь он был моей последней и единственной надеждой.

Я невольно следил за всеми, кто входил или выходил из зала. Тут были, конечно, только мужчины, но самой разнообразной внешности. Вот, например, типичный работорговец, долговязый детина с грубым лицом барышника, одетый как попало, в свободной куртке, в широкополой, свисающей на глаза шляпе, грубых башмаках и с арапником из сыромятной кожи — эмблемой его профессии.

Ярким контрастом ему служил молодой, изящно одетый креол в парадном костюме: в сюртуке вишневого или голубого цвета с золотыми пуговицами, в присобранных у пояса брюках, в прюнелевых башмаках, в рубашке с кружевным жабо и брильянтовыми запонками.

Был там и образец креола постарше — в широких светлых панталонах, нанковом жакете того же цвета и в шляпе из манильской соломы или в панаме на белоснежных, коротко остриженных волосах.

Был и американский торговец во фраке из черного сукна, блестящем черном атласном жилете, в брюках из той же материи, что и фрак, в опойковых башмаках и без перчаток.

Был и расфранченный стюард с парохода или приказчик из магазина — в полотняном сюртуке, белоснежных парусиновых брюках и палевой касторовой шляпе с длинным ворсом. Здесь можно было увидеть выхоленного толстяка-банкира; самодовольного адвоката, не такого надутого и чинного, как у себя в конторе, а пестро разодетого; речного капитана, утратившего свой суровый вид; богатого плантатора из долины Миссисипи: владельца хлопкоочистилки. Все эти типы и другие не столь выразительные фигуры составляли толпу, заполнившую ротонду.

В то время как я стоял, рассматривая их разнообразные лица и костюмы, в зал вошел рослый коренастый человек с красным лицом, в зеленом сюртуке. В одной руке он держал пачку бумаг, а в другой —

небольшой молоток слоновой кости с деревянной ручкой, указывавший на его профессию.

При его появлении толпа загудела и зашевелилась. Я услышал слова: «Вот он!», «Он пришел!», «Вон идет майор!»

Присутствующим не надо было объяснять, кто этот человек. Жители Нового Орлеана прекрасно знали майора Б. — знаменитого аукциониста. Он являлся такой же достопримечательностью Нового Орлеана, как прекрасный храм святого Карла.

Через минуту круглое, благодушное лицо майора появилось над кафедрой, несколько ударов его молотка восстановили тишину, и торги начались.

* * * * * * * *

Сципиона поставили на каменную глыбу первым. Толпа покупателей обступила его; ему щупали ребра, хлопали его по ляжкам, как если бы он был откормленным быком, открывали ему рот и разглядывали зубы, словно лошади, и называли цену.

В другое время я почувствовал бы жалость к несчастному малому, но сейчас сердце мое было переполнено, в нем не осталось места для бедного Сципиона, и я отвернулся от этого возмутительного зрелища.

Глава LX

НЕВОЛЬНИЧИЙ РЫНОК

Я снова уставился на дверь, пристально рассматривая каждого входящего в зал. Д'Отвиль все не появлялся. Он, конечно, скоро придет. Он сказал, что будет в двенадцать, но пробило час, а его все нет.

Наверно, он скоро явится, он не опоздает. В сущности, мне было рано тревожиться: имя Авроры стояло последним в списке. Оставалось еще много времени. Я вполне полагался на моего нового друга, хотя и мало мне знакомого, но уже испытанного. Своим пове-

дением прошлой ночью он полностью завоевал мое доверие. Он не обманет меня. Его опоздание не поколебало моей веры. Очевидно, когда он доставал деньги, ему встретились какие-то затруднения, ведь я надеялся, что он выручит меня. Он сам намекал на это. Вот что задержало его, но он еще подоспеет. Он знает, что ее имя стоит последним в списке — под № 65.

Несмотря на мое доверие к д'Отвилю, я был очень встревожен. Да это и понятно. Я не спускал глаз с двери, каждую минуту надеясь его увидеть.

Позади меня раздавался тягучий голос аукциониста, монотонно повторявший все те же фразы; время от времени его прерывал резкий стук молотка. Я знал, что торги уже в полном разгаре, а частые удары молотка говорили о том, что они неуклонно подвигаются вперед. Хотя пока было продано только с полдюжины рабов, я с тревогой думал, что список быстро уменьшается и скоро — увы, слишком скоро! — наступит и ее черед. При этой мысли сердце бешено колотилось у меня в груди. Только бы д'Отвиль не обманул меня!

Неподалеку стояла кучка хорошо одетых молодых людей; все они, повидимому, происходили из знатных креольских семей. Они весело болтали, и я ясно слышал их разговор.

Я, наверно, не обратил бы внимания, если бы один из них не назвал фамилии «Мариньи», которая показалась мне знакомой. У меня сохранилось неприятное воспоминание об этой фамилии: Сципион рассказывал мне, что какой-то Мариньи хотел купить Аврору. Я сразу вспомнил это имя.

Теперь я стал прислушиваться.

— Итак, Мариньи, вы решили купить ее? — спрашивал один из собеседников.

— Да, — отвечал молодой щеголь, одетый по последней моде и с некоторым фатовством. — Да-а, да-а, — продолжал он, томно растягивая слова, и, поправив сиреневые перчатки, стал помахивать тросточкой. — Это верно... Я думаю ее купить...

— Сколько же вы за нее дадите?

— Гм... Не слишком большую сумму, дорогой мой.

— За небольшую сумму вы ее не получите, — возразил первый. — Я знаю уже человек пять, которые будут добиваться ее, и все они чертовски богаты.

— Кто они такие? — спросил Мариньи, сразу теряя свое томное равнодушие. — Кто такие, позвольте вас спросить?

— Кто? Пожалуйста! Гардет — зубной врач, он прямо сходит по ней с ума. Затем старый маркиз. Потом плантаторы Виларо и Лебон из Лафурша, да еще молодой Моро — винный торговец с рю Дофин. А кто знает, сколько богатых янки-хлопководов захотят взять ее себе в экономки! Ха-ха-ха!

— Я могу назвать еще одного, — заметил третий собеседник.

— Кого? — спросило несколько голосов. — Может, себя самого, Ле Бер? Вам, кажется, нужна швея, чтобы пришивать пуговицы к вашим рубашкам?

— Нет, не себя, — возразил тот. — Я не собираюсь покупать швею за такие бешеные деньги. Она стоит не меньше двух тысяч долларов, друзья мои. Нет, нет! Я найду себе швею подешевле.

— Кого же тогда? Скажите!

— С полной уверенностью могу назвать старого сморчка Гайара.

— Гайара — адвоката?

— Как, Доминик Гайар?

— Не может быть! — возразил третий. — Гайар — человек строгих правил, уравновешенный, скупой.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Ле Бер. — Я вижу, господа, вы совершенно не представляете себе характера Гайара. Я знаю его получше вас. Он, конечно, скупец, вообще говоря, но есть вещи, на которые он не жалеет денег. У него было, наверно, с десяток любовниц. Кроме того, вы знаете, что он холостяк и ему нужна хорошая экономка или служанка. Да, друзья мои, я кое-что слышал об этом. И готов биться об заклад, что этот скупец перебьет цену каждого из вас, даже самого Мариньи!

Мариньи стоял, кусая губы. Но он чувствовал лишь досаду или разочарование, я же испытывал смертельную муку. Я не сомневался, о ком идет речь.

— Банкротство было объявлено по иску Гайара? — спросил первый собеседник.

— Так говорят.

— Но ведь он считался старым другом семьи, доверенным лицом старика Безансона?

— Ну да, его советчиком и адвокатом. Ха-ха! — многозначительно рассмеялся другой.

— Бедная Эжени! Теперь она уж не будет первой красавицей в округе. И ей не придется корчить из себя разборчивую невесту.

— Это послужит вам утешением, Ле Бер, ха-ха!

— О, последнее время у Ле Бера было мало шансов, — вставил третий. — Говорят, ее фаворитом стал молодой англичанин, тот самый, что приплыл с ней к берегу после взрыва на «Красавице». Так мне, по крайней мере, передавали. Это правда, Ле Бер?

— Вы бы лучше спросили у Эжени Безансон, — ответил Ле Бер с раздражением, и все засмеялись.

— Уж я бы спросил, — продолжал его собеседник, — да не знаю, как ее найти. Где она сейчас? Ее нет на плантации. Я заезжал туда, но мне сказали, что два дня назад она уехала. Нет ее и у тетки. Где же она, господа?

Я с интересом ждал ответа на этот вопрос. Я тоже не знал, где находится Эжени, и еще сегодня пытался ее разыскать, но тщетно! Говорили, что она приехала в город, но никто не мог сказать, где она остановилась. Я вспомнил, что она писала мне о монастыре «Сакре-Кёр». Быть может, думал я, она действительно ушла в монастырь? Бедная Эжени!

— В самом деле, господа, где же она? — спросил другой.

— Очень странно! — заметил третий. — Где она может быть? Ле Бер, вы, наверно, знаете?

— Я понятия не имею о действиях мадемуазель Безансон, — ответил молодой человек с досадой и недоумением; повидимому, он и вправду ничего не знал о ней и был оскорблен замечаниями своих собеседников.

— Тут кроется какая-то тайна, — сказал один из них. — Я был бы очень удивлен, если бы это касалось

кого-нибудь другого, но с Эжени Безансон ничему не приходится удивляться.

Нечего и говорить, что этот разговор очень заинтересовал меня. Каждое слово жгло меня будто каленым железом, и я готов был броситься и задушить этих болтунов. Они и не подозревали, что «молодой англичанин» стоял возле них и слышал их беседу, не знали, какое ужасное впечатление производят на него их слова.

Меня терзали не их рассуждения об Эжени, но нескромные отзывы об Авроре. Я не стану повторять здесь грубые шутки на ее счет, непристойные намеки, низкие предположения и язвительные насмешки над ее невинностью.

Один из собеседников, некий Севинье, был особенно отвратителен, и раза два я чуть не бросился на него. С большим трудом мне удалось себя побороть. Не знаю, долго ли я выдержал бы эту пытку, но тут произошло событие, которое сразу вытеснило у меня из головы и этих сплетников и их гнусную болтовню: в зал вошла Аврора.

Они как раз снова заговорили о ней — о ее скромности и необыкновенной красоте. Они спорили о том, кому она достанется, и уверяли, что, кто бы ни стал ее хозяином, он сделает ее своей наложницей. Они разгорячились, описывая ее прелести, и начали заключать пари, чем кончатся торги, как вдруг спор их прервали слова:

— Смотрите, смотрите! Вот она!

Я невольно обернулся. В дверях стояла Аврора.

Глава LXI

МОЮ НЕВЕСТУ ПРОДАЮТ С ТОРГОВ

Да, Аврора показалась в дверях этого проклятого зала и робко остановилась на пороге.

Она была не одна. Рядом с ней стояла девушка-мулатка, тоже невольница и, как Аврора, тоже приведенная на продажу.

С ними вместе вошел еще один человек — вернее, он ввел их в зал, так как шел впереди, — и сразу направился к месту торгов. Это был не кто иной, как Ларкин, жестокий надсмотрщик.

— А ну, пошевеливайтесь! — грубо сказал он, оборачиваясь к ним. — Живее, девушки! Идите за мной!

Они послушались его грубого окрика и, войдя в зал, направились за ним к помосту.

Я стоял, опустив голову и надвинув шляпу на глаза. Аврора меня не видела. Как только они прошли мимо, я повернулся и посмотрел им вслед. О прекрасная Аврора! Прекрасная, как всегда!

Не я один восхищался ею. Появление квартеронки произвело сенсацию. Гомон стих, как по сигналу. Громкие разговоры смолкли, и все глаза были прикованы к ней, пока она шла через зал. Кто стоял далеко, спешил протиснуться поближе, чтобы лучше разглядеть ее; другие почтительно расступались перед ней, будто перед королевой. И так вели себя те, кто никогда не стал бы оказывать уважение другой женщине ее расы, хотя бы девушке-мулатке, что шла с ней рядом. О красота! Никогда твое могущество не проявлялось с такой силой, как при появлении этой бедной невольницы.

Я слышал удивленный шопот, видел восхищенные и наглые взгляды, которые следили за ней и ловили каждое движение ее стройного тела, когда она проходила мимо.

Все это терзало меня сильнее, чем муки ревности, которые я недавно испытал. Грубость моих соперников удесятеряла мои страдания.

Аврора была очень скромно одета. Она не постаралась принарядиться, как ее более смуглая спутница, платье которой украшало множество оборок и лент. Такое кокетство противоречило бы выражению гордой печали на ее прекрасном лице.

Платье из светлого муслина, сшитое просто и со вкусом, с длинной юбкой и узкими рукавами, какие носили в то время, подчеркивало женственные очертания ее фигуры. Мадрасский клетчатый платок, повязанный в виде тюрбана — головной убор всех квартеронок, — ка-

зался короной над ее высоким лбом. Его красные, зеленые и желтые клетки красиво оттеняли ее черные, как смоль, волосы. На ней не было никаких драгоценностей, кроме двух золотых колец в ушах, которые своим блеском подчеркивали ее яркий румянец, а на пальце золотое колечко — знак ее помолвки. Как хорошо я знал его!

Я спрятался в толпу и надвинул шляпу так, что лицо мое не было видно со стороны помоста. Мне не хотелось, чтобы она меня заметила, но сам я не мог оторвать от нее глаз. В то же время я продолжал следить за дверью в зал. Отсутствие д'Отвиля начинало меня сильно тревожить.

Аврору поставили около помоста. Поверх толпы я видел краешек ее тюрбана, а если становился на цыпочки, то видел и лицо; к счастью, она стояла ко мне вполоборота. Ах, как больно сжималось мое сердце, когда я старался понять ее выражение, когда пытался прочесть ее мысли!

Она казалась печальной и встревоженной, и это было вполне естественно. Но мне хотелось увидеть на ее лице другое выражение — нетерпеливое ожидание, в котором страх сменяется надеждой.

Глаза ее блуждали по толпе. Она всматривалась в окружавшие ее лица. Она кого-то искала. Не меня ли?

Когда она смотрела в мою сторону, я опускал голову. Я не решался встретить ее взгляд. Я боялся, что не удержусь и заговорю с ней. Любимая Аврора!

Я опять взглянул на нее. Глаза ее попрежнему искали кого-то. Ах, конечно, меня! Я снова скрылся в толпе, и взгляд ее скользнул мимо.

Но тут я вновь посмотрел на нее. Лицо ее омрачилось. Глаза словно потемнели — в них светилось отчаяние.

«Мужайся, Аврора! — шепнул я про себя. — Взгляни сюда еще раз, любимая! Теперь я встречу твой взор. Мои глаза будут говорить с тобой. Я отвечу на твой призыв».

Она смотрит... Она узнала меня! Радость блеснула в ее глазах. Улыбка тронула уголки ее губ. Глаза ее

больше не блуждают — они смотрят в мои... О, верное сердце! Она искала меня!

Да, глаза наши встретились наконец и засветились горячей любовью. На минуту я потерял власть над собой, я не мог оторвать взгляда от нее и весь отдался своему чувству. И она — тоже. Я не сомневался в этом. Я почувствовал, как между нами протянулся луч любви, и сразу забыл, где я нахожусь.

Ропот и движение толпы заставили меня очнуться. Окружающие заметили ее пристальный взгляд, и многие, умеющие читать подобные взгляды, поняли его значение. Они стали оборачиваться, отыскивая того, кто был ее избранником. Я во-время заметил это движение и отвернулся.

Попрежнему я смотрел на дверь и ждал д'Отвиля. Почему его все нет? Моя тревога усиливалась с каждой минутой.

Правда, пройдет еще час, а может, и два, пока настанет ее очередь... Но что это?..

Внезапно наступила тишина — повидимому, толпу что-то заинтересовало... Я взглянул на помост, чтобы узнать, в чем дело. Какой-то чернявый человек поднялся на ступеньки и шептался с аукционистом.

Они говорили очень недолго. Казалось, человек о чем-то попросил и, получив согласие, отошел на свое прежнее место в толпе.

Прошла минута, и вдруг, к своему удивлению и ужасу, я увидел, что надсмотрщик взял Аврору за руку и помог ей подняться на камень. Все было ясно: следующей будут продавать ее.

Я не могу теперь припомнить, что делал в первые минуты.

Как безумный бросился я к выходу и высунулся за дверь. Я глядел направо и налево, всматриваясь в прохожих. Д'Отвиля не было.

Я кинулся обратно, пробиваясь сквозь толпу, окружавшую помост.

Торги уже начались. Я не слышал вступительных фраз, но когда подошел, над ухом у меня прозвучали ужасные слова:

— Тысячу пятьсот долларов за квартеронку, прекрасную

— Тысячу долларов за квартеронку! Дают тысячу долларов!

«О небо! Д'Отвиль обманул меня! Она погибла! Погибла!»

В отчаянии я хотел прервать торги. Я решил громко объявить, что они незаконны, так как нарушен порядок продажи, указанный в объявлении. В этом я видел последнюю надежду. Это была соломинка, за которую хватается утопающий, но я решил попытаться.

С губ моих чуть не сорвался возглас протеста, но тут я почувствовал, что кто-то тянет меня за рукав, и обернулся. Это был д'Отвиль. Слава создателю, это был д'Отвиль!

Я едва удержался от радостного крика. Взгляд его сказал мне, что он принес деньги.

— Еще не поздно, но нельзя терять ни минуты, — прошептал он, всовывая мне в руку бумажник. — Здесь три тысячи долларов, их должно хватить. Это все, что

экономку и швею! Тысячу пятьсот долларов!

мне удалось достать. Я не могу оставаться с вами: тут есть люди, с которыми я не хочу встречаться. Увидимся после торгов.

Я едва успел поблагодарить его. Я не видел, как он ушел: глаза мои были заняты другим.

— Тысячу пятьсот долларов за квартеронку, прекрасную экономку и швею! Тысячу пятьсот долларов!

— Две тысячи! — крикнул я хриплым от волнения голосом.

Такая большая надбавка привлекла ко мне внимание толпы. Люди обменивались многозначительными взглядами, улыбками и отпускали шутки по моему адресу.

Я не замечал их, вернее — не обращал на них никакого внимания. Я видел только Аврору, стоявшую на возвышении, как статуя на пьедестале, — воплощение печали и красоты. Чем скорее я уведу ее отсюда, тем лучше. Вот почему я сразу назвал большую сумму.

— Дают две тысячи долларов! Две тысячи! Две тысячи сто? Дают две тысячи сто. Кто больше? Две тысячи двести? Две тысячи двести!

— Две тысячи пятьсот! — снова крикнул я как можно тверже.

— Две тысячи пятьсот долларов! — повторил аукционист, монотонно растягивая слова. — Две тысячи пятьсот! Кто больше? Шестьсот, сэр? Хорошо, благодарю вас. Две тысячи шестьсот долларов за квартеронку! Две шестьсот!

«О боже! Они могут дать больше трех тысяч, и тогда...»

— Две тысячи семьсот! — крикнул щеголь Мариньи.

— Две тысячи восемьсот! — отозвался старый маркиз.

— Две тысячи восемьсот пятьдесят! — добавил молодой торговец Моро.

— Девятьсот! — бросил чернявый человек, который шептался с аукционистом.

— Дают две тысячи девятьсот! Две девятьсот!

— Три тысячи! — крикнул я в отчаянии, сдавленным голосом.

Это была моя последняя ставка.

Я ждал, что будет дальше, как приговоренный ждет, когда на шею ему опустится топор или когда палач выбьет скамью у него из-под ног. Сердце мое не вынесло бы долго такого напряжения. Но ждать пришлось недолго.

— Три тысячи сто долларов! Дают три тысячи сто!

Я бросил взгляд на Аврору. В нем было безнадежное отчаяние, и, повернувшись, я, шатаясь, побрел через зал.

Не успел я дойти до дверей, как услышал, что монотонный голос аукциониста, все так же растягивая слова, прокричал:

— Три тысячи пятьсот за квартеронку!

Я остановился и стал слушать. Торг, повидимому, близился к концу.

— Три тысячи пятьсот — раз! Три тысячи пятьсот — два! Три тысячи пятьсот — три!

Раздался резкий удар молотка. Он прозвучал одновременно со словом «продана», которое смертельной болью отдалось в моем сердце.

В зале поднялись шум и суета; слышались взволнованные и сердитые возгласы разочарованных покупателей. Кто же был счастливый победитель?

Я взглянул поверх толпы. Высокий чернявый человек разговаривал с аукционистом. Аврора стояла возле него.

Теперь я вспомнил, что видел его на пароходе: это был тот самый агент, о котором говорил д'Отвиль. Молодой креол предвидел, чем все это кончится. Он был прав. Прав был и Ле Бер.

Гайар перебил ее у всех прочих претендентов!

Глава LXII

НАЕМНЫЙ ЭКИПАЖ

Некоторое время я стоял как потерянный, без мысли, без цели. Закон, всеми признанный позорный закон отнял у меня ту, кого я любил и которая меня любила. Ее безжалостно оторвали от меня, похитили на моих глазах, и я, быть может, никогда ее больше не увижу. Да, очень возможно, что я больше не увижу Аврору! Она потеряна для меня, более безнадежно потеряна, чем если бы стала невестой другого. Тогда она, по крайней мере, была бы свободна в своих мыслях и поступках. Тогда я мог бы надеяться снова встретить ее, увидеть хотя бы издали, безмолвно поклоняться ей в своем сердце, утешать себя мыслью, что она еще любит меня. Да, будь она невестой, даже женой другого, я перенес бы это спокойнее. Но теперь она станет не женой другого, а его рабой, он насильно сделает ее своей наложницей. И будет ее господином... О! Сердце мое разрывалось от этих дум.

Что же делать? Как мне поступить? Покориться судьбе? Оставить всякие попытки помочь ей... вернее, спасти ее?

Нет, еще не все потеряно! Как ни мрачно было наше будущее, все же оставался слабый луч надежды; этот луч поддерживал меня и вливал в меня новые силы для дальнейшей борьбы.

У меня еще не было готового плана, но зато была ясная цель: освободить Аврору и соединиться с ней, несмотря ни на какие опасности. Я больше не надеялся выкупить ее. Я знал, что ее хозяином стал Гайар, и понимал, что теперь купить ее невозможно. Он заплатил за нее огромную сумму и ни за какие деньги не расстанется с ней. Да на это не хватило бы и всего моего состояния. Я даже не стал и думать о выкупе, зная, что это бесполезно.

У меня в голове созревало теперь новое решение, воскрешая угасшую было надежду. Я сказал — созревало! Нет, к тому времени, когда голос аукциониста замолк, произнеся заключительные слова, оно уже созрело. Когда прозвучал удар молотка, я уже принял его. Цель была ясна, оставалось только наметить план действий. Я решил нарушить закон и стать вором или разбойником — кем угодно будет судьбе сделать меня. Я задумал похитить мою невесту!

Мне грозили позор, лишение свободы, даже смерть. Но позор не пугал меня, и я не думал об опасностях. Выбор мой был сделан, решение принято.

Я недолго раздумывал, прежде чем принять его, тем более что оно и раньше приходило мне в голову, а теперь я понимал, что у меня нет иного средства спасти Аврору. Это было единственное, что мне оставалось, иначе мне пришлось бы уступить без борьбы ту, кого я любил больше всего на свете. А я никому не собирался ее уступать. Позор, даже самая смерть меньше меня страшили, чем разлука с ней.

У меня еще не было никакого плана. Об этом можно будет подумать потом, но действовать надо немедленно. Мое бедное сердце разрывалось от горя при мысли, что Аврора проведет хотя бы одну ночь под кровлей этого негодяя.

Где бы она ни была сегодня ночью, я твердо решил находиться поблизости от нее. Пускай нас разделяют

стены, но Аврора должна знать, что я тут, недалеко. Это решение заменило пока всякий план.

Отойдя в сторону, я вынул записную книжку и быстро написал:

«Жди меня сегодня вечером. Эдвард».

У меня не было времени вдаваться в подробности: ее каждую минуту могли увезти. Вырвав листок, я сложил его и стал у выхода из ротонды.

К дверям подкатил наемный экипаж и остановился прямо против входа. Поняв его назначение, я, не теряя времени, нанял себе другой у ближайшей стоянки и поспешил обратно. Я вернулся как раз во-время. Когда я входил в зал, Аврору уводили с помоста.

Смешавшись с толпой, я стал в таком месте, где Аврора должна была пройти мимо меня. Когда она поравнялась со мной, руки наши встретились, и я сунул ей записку. Я не успел шепнуть ни слова, ни даже нежно пожать ей руку — ее быстро провели через толпу, и дверца кареты захлопнулась.

Аврору сопровождали девушка-мулатка и еще одна невольница. Все они сели в карету. Работорговец вскарабкался на козлы к кучеру, и экипаж запрыгал по камням мостовой.

Я кивнул своему вознице, и он, взмахнув кнутом, последовал за ним.

Глава LXIII

В БРИНДЖЕРС

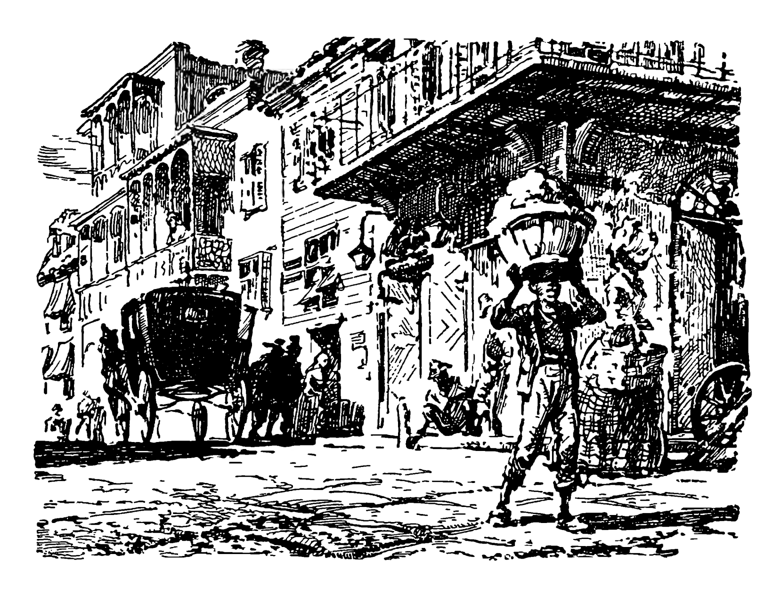
Извозчики в Новом Орлеане достаточно сообразительны, и звон лишней серебряной монеты звучит для них заманчиво и убедительно. Им приходится быть свидетелями разнообразных романтических похождений и хранителями многих любовных тайн. В ста ярдах от нас ехал экипаж, увозивший Аврору, то поворачивая за угол, то обгоняя фуры, груженные кипами хлопка или бочками с сахаром, но мой возница зорко следил за ним, и мне нечего было беспокоиться.

Выглянув из-за угла, я увидел, как несколько

Он поехал по рю Шартр и вскоре свернул в один из переулков, идущих от нее под прямым углом к набережной. Сначала я подумал, что экипаж направляется к пристани, но, добравшись до угла, увидел, что, проехав пол-улицы, он остановился. Мой возница, с которым я заранее обо всем договорился, придержал лошадей и стал за углом, ожидая дальнейших приказаний.

Экипаж, за которым мы следили, остановился против какого-то дома; выглянув из-за угла, я увидел, как несколько человек пересекли тротуар и исчезли в подъезде. Несомненно, все ехавшие в экипаже, в том числе и Аврора, вошли в этот дом.

Затем из дома вышел человек и, заплатив кучеру, вернулся обратно. Кучер подобрал вожжи, взмахнул кнутом, экипаж повернул и снова выехал на рю Шартр. Когда он проезжал мимо меня, я заглянул в окно: там никого не было. Значит, Аврора вошла в дом вместе со всеми.



человек пересекли тротуар и исчезли в подъезде.

Теперь я знал, куда ее привезли. На углу я прочитал: «Рю Бьенвиль». Дом, перед которым остановился экипаж, был городским жилищем Доминика Гайара.

Несколько минут я сидел в карете, раздумывая о том, что мне делать дальше. Будет ли она теперь жить здесь? Или ее привезли сюда на время, а затем снова отправят на плантацию?

Внутренний голос подсказывал мне, что ее не оставят на рю Бьенвиль, а отправят в старый, унылый дом в Бринджерсе. Не знаю, почему я так думал. Быть может, потому, что мне этого хотелось.

Я решил, что мне нужно караулить здесь, чтобы ее не увезли без моего ведома. Куда бы ее ни отправили, я решил следовать за ней.

К счастью, я мог пуститься в любое путешествие. При мне были три тысячи долларов, данные мне д'Отвилем. С такими деньгами можно ехать хоть на край света.

Я жалел, что со мной нет молодого креола. Мне не хватало его советов и его общества. Как теперь его найти? Он не сказал, где мы увидимся, только обещал встретиться со мной после торгов. У выхода из ротонды я его не видел. Хотел ли он прийти за мной туда или в гостиницу? Но сейчас я не мог покинуть свой пост, чтобы пойти его разыскивать.

Я все раздумывал, как мне дать знать д'Отвилю. Но тут мне пришло в голову, что мой возница мог бы последить за домом, пока я пойду на поиски креола. Стоит мне только заплатить ему, и он охотно согласится.

Я уже начал объяснять ему свои намерения, когда услышал стук колес по мостовой. Оглянувшись, я увидел, что на рю Бьенвиль въезжает старомодная карета, запряженная парой мулов. На козлах сидел кучер-негр.

Это было обычным явлением в Новом Орлеане; подобные колымаги, запряженные либо лошадьми, либо мулами, с неграми на козлах, постоянно встречались на здешних улицах. Но этих мулов и этого негра я сразу узнал.

Да, я узнал эту упряжку. Я часто встречал ее на дороге возле Бринджерса. Она принадлежала Доминику Гайару!

Я тут же убедился в этом, увидев, что колымага остановилась перед его домом. Сразу отказавшись от намерения разыскивать д'Отвиля, я забился в угол кареты, чтобы наблюдать в окно за тем, что происходит на рю Бьенвиль.

Повидимому, в этой колымаге кто-то собирался уехать. Дверь в дом осталась открытой, и слуга разговаривал с кучером. По движениям негра было видно, что он намерен скоро трогать.

Снова появился слуга, нагруженный вещами, и стал укладывать их на крышу кареты; за ним вышел мужчина — я узнал работорговца — и взобрался на козлы; вскоре появился еще мужчина, но он так поспешно перебежал тротуар и скрылся в карете, что я не успел его разглядеть; однако я догадался, кто он. Потом из дома вышли две женщины: пожилая мулатка и девушка; несмотря на то что она была тщательно закутана в плащ,

я узнал Аврору. Мулатка усадила Аврору в карету, а затем и сама села с ней. В эту минуту на улице показался верховой; он подъехал и остановился возле кареты. Поговорив с кем-то, сидевшим внутри, он снова тронул лошадь и ускакал вперед. Этот верховой был надсмотрщик Ларкин.

Дверца захлопнулась, щелкнул кнут, карета, громыхая, покатила по улице и вскоре свернула вправо, на береговую дорогу.

Мой кучер, следуя данному ему приказанию, хлестнул лошадь и двинулся следом, держась на некотором расстоянии.

Мы проехали длинную Чупитулас-стрит, миновали предместье Мариньи и уже оставили за собой полдороги до местечка Лафайет, когда я наконец подумал: куда же я еду? До сих пор я только старался не потерять из виду карету Гайара. Теперь я спросил себя: зачем я еду за ним? Не собираюсь же я преследовать его в наемном экипаже до самого дома, за тридцать миль от города?

Если бы я даже и принял такое решение, еще неизвестно, как отнесется к этой затее мой возница и выдержит ли его заморенная кляча столь долгий путь.

Зачем же я гонюсь за ними? Чтобы напасть на них по дороге и отнять Аврору? Но ведь их трое мужчин, и, вероятно, они хорошо вооружены, а я один!

Но я успел уже проехать несколько миль, прежде чем понял, как нелепа эта погоня. Теперь я приказал кучеру остановиться. Некоторое время я сидел в экипаже, продолжая следить из окна за удалявшейся каретой, пока она не скрылась из глаз за поворотом.

«А все же, — сказал я себе, — я правильно сделал, что последовал за ней. По крайней мере, я знаю, куда ее повезли».

— А теперь — назад, в гостиницу «Сен-Луи»!

Последние слова относились к кучеру, который повернул лошадь и поехал обратно.

Я пообещал хорошо заплатить ему, если он поторопится, и вскоре колеса моего экипажа уже гремели по мостовой на рю Сен-Луи.

Расплатившись с возницей, я вошел в гостиницу. К своей радости, я застал там д'Отвиля, который дожидался меня. Не прошло и нескольких минут, как я уже посвятил его в свое намерение похитить Аврору.

Верный и преданный друг! Он одобрил мое решение и предложил мне свою помощь.

Тщетно предупреждал я его об опасности этого предприятия. С непонятной горячностью, очень меня удивившей, он настаивал на том, что будет сопровождать меня и разделит со мной все опасности.

Быть может, отговаривая его, мне следовало бы проявить бóльшую твердость, но я понимал, насколько мне необходима его помощь.

Не могу передать, какую уверенность придавало мне одно присутствие этого юного, но мужественного креола. Я против собственного желания убеждал его отказаться от своего намерения. В душе я жаждал, чтобы он поехал со мной, и был счастлив, когда он все же настоял на своем.

В этот вечер не отплывал ни один пароход, однако нам удалось найти выход из положения. Мы достали верховых лошадей, лучших, каких можно было нанять, и к заходу солнца, миновав городские предместья, уже скакали по дороге, ведущей в Бринджерс.

Глава LXIV

ДВА НЕГОДЯЯ

Мы быстро двигались вперед. На пути нам не встречалось никаких подъемов, которые могли бы нас задержать. Мы скакали по береговой дороге, идущей от Нового Орлеана все время вдоль реки, мимо плантаций и поселков, разбросанных в нескольких сотнях ярдов друг от друга. Дорога эта такая же ровная, как беговая дорожка; копыта лошадей мягко ступали по толстому слою укатанной пыли, и мы ехали без всяких затруднений. Наши лошади — мустанги из техасских прерий — бежали легкой иноходью, как и все верховые ло-

шади в юго-западных штатах. Это были прекрасные иноходцы, и до наступления ночи мы уже проскакали больше половины дороги.

Все это время мы почти не разговаривали. Я молчал, обдумывая дальнейший план действий; мой юный спутник был, видимо, тоже занят своими мыслями.

Когда стало темнеть, мы подъехали ближе друг к другу, и я поделился с ним составленным мною планом.

Впрочем, какой же это был план! Я просто хотел пробраться на плантацию Гайара, незаметно проскользнуть к дому и через кого-нибудь из слуг передать записку Авроре. Если мне это не удастся, я попытаюсь выяснить, в какой части дома она должна провести ночь, и, когда все заснут, проникну в ее комнату, предложу ей бежать и тем или иным путем уведу ее.

Только бы выбраться из дома! Я мало думал о дальнейшем. Дальше все казалось мне несложным. Наши лошади доставят нас в город. Там мы можем скрываться, пока какой-нибудь пароход не увезет нас из этой страны. Таков был мой план, и, сообщив его д'Отвилю, я ждал от него ответа.

Поразмыслив несколько минут, он сказал, что считает его правильным. Как и я, он не мог придумать ничего более разумного. Прежде всего надо было во что бы то ни стало вырвать Аврору из лап Гайара.

Теперь оставалось обсудить подробности. Мы старались предусмотреть каждую мелочь, которая могла бы нам помешать.

Мы оба считали, что труднее всего будет снестись с Авророй. Удастся ли это нам? Надо надеяться, ее не будут держать под замком. При всей своей подозрительности Гайар вряд ли станет запирать или охранять ее. Теперь он полновластный хозяин сокровища, которого так долго домогался, и всякий, кто попытается завладеть его невольницей, нарушит закон и рискует подвергнуться тяжкому наказанию. Возможно, он и подозревает, что между мной и Авророй существуют какие-то отношения, но не представляет себе силы моей любви, не знает, что ради нее я готов пожертвовать всем, даже жизнью.

Где уж ему! Судя по себе, по своей собственной низменной натуре, Гайар мог подумать, что меня, как и его, увлекла лишь красота квартеронки и что я готов был заплатить изрядную сумму — три тысячи долларов, — чтобы завладеть ею. Но то, что я не пошел дальше этой суммы, — а его агент, конечно, обо всем доложил ему, — убедило его, что любовь моя имеет свои границы и что на этом она кончилась. Он больше не считает меня своим соперником. Нет! Доминик Гайар даже не подозревает, что существует такая любовь, как моя, и не может себе представить, на что она способна. Мой романтический план показался бы ему просто невероятным. Поэтому (так рассуждали мы с д'Отвилем) вряд ли Аврору будут запирать или охранять. Но даже если она свободна, каким образом нам дать ей знать о себе? Это очень трудно.

Я возлагал все надежды на клочок бумаги со словами: «Жди меня сегодня вечером». Конечно, Аврора не ляжет спать. Так говорило мне сердце, и это вливало в меня мужество и уверенность. Этой же ночью я попытаюсь увезти ее. Мне была невыносима мысль, что она проведет хотя бы одну ночь под кровлей своего владыки.

А ночь обещала быть для нас благоприятной. Едва зашло солнце, как небо сразу омрачилось и словно налилось свинцом. Короткие сумерки быстро сгустились, и весь небесный свод так потемнел, что мы не могли различить на нем очертаний леса. Не видно было ни одной звезды: низкие, темные тучи скрывали их от нас. Даже желтоватую воду реки было трудно отличить от берегов, и только пыльная дорога слегка белела впереди, указывая нам путь.

В лесу или среди темных полей мы ни за что бы не нашли дороги, ибо густая мгла покрыла все кругом.

Можно было опасаться, что в таком мраке мы собьемся с пути, но я ничего не боялся. Я был уверен, что меня ведет сама звезда любви.

Темнота благоприятствовала нам. Под ее дружеским покровом мы могли незаметно подкрасться к дому, тогда как в лунную ночь нам грозила бы опасность, что нас обнаружат.

Я считал это изменение погоды не дурным знаком, а залогом успеха.

В воздухе чувствовалось приближение грозы. Но к чему нам хорошая погода? Пусть будет ливень, буря, ураган — что угодно, только не ясная ночь!

Когда мы добрались до плантации Безансонов, было не очень поздно, полночь еще не наступила. Мы мчались во весь опор, чтобы поспеть на место до того, как в доме Гайара все улягутся спать. Мы надеялись, что найдем способ дать о себе знать Авроре через невольников. Я знал одного из них. Когда я жил в Бринджерсе, я оказал ему небольшую услугу. Он доверял мне настолько, что я мог его подкупить. Он нам поможет, лишь бы удалось его найти.

На плантации Безансонов царило безмолвие. Большой дом, казалось, опустел. Нигде не видно было света; только слабый огонек мерцал вдалеке, в окне надсмотрщика. В негритянском поселке стояла тишина, из мрака не доносилось обычного в этот час говора. Те, чьи голоса еще так недавно звучали у хижин, были теперь далеко. Их дома опустели. Песни, шутки и веселый смех умолкли; только вой брошенных хозяевами собак нарушал ночную тишину.

Мы молча проехали мимо ворот, пристально всматриваясь в дорогу перед нами. Мы двигались вперед с величайшей осторожностью. Здесь мы могли встретить того, кого больше всего опасались, — надсмотрщика, работорговца, а может быть, и самого Гайара. Даже встреча с кем-нибудь из его невольников могла расстроить все наши планы. Я так боялся подобной встречи, что, если бы не глубокий мрак, свернул бы с дороги и выбрал какую-нибудь знакомую тропинку в лесу. Но тьма стояла такая, что, пробираясь по тропинке, мы потеряли бы много времени. Поэтому мы пока держались дороги, думая свернуть с нее, когда подъедем к плантации Гайара.

Между двумя плантациями шла проселочная дорога, по которой возили дрова из леса. На нее я и собирался свернуть. Здесь нам вряд ли кто-нибудь встретится, а лошадей мы спрячем под деревьями, неда-

леко от полей сахарного тростника. В такую ночь даже негритянские охотники за енотами не рискнут отправиться в лес. Тихонько продвигаясь вперед, мы уже собирались свернуть на эту дорогу, как вдруг услышали впереди голоса.

Мы натянули поводья и прислушались. Голоса были мужские и становились все громче — значит, люди приближались к нам. Они двигались от поселка. По стуку копыт мы поняли, что они едут верхом, — следовательно, это белые.

На обочине рос громадный тополь. С его ветвей почти до самой земли свешивались длинные кисти испанского моха. Дерево могло служить прекрасным убежищем, и мы едва успели скрыться под его ветвями со своими лошадьми, как всадники поравнялись с нами.

Хотя было очень темно, мы разглядели их, когда они проезжали мимо нас. Их было двое: силуэты четко выделялись на желтоватой поверхности реки. Если бы они ехали молча, мы, быть может, не узнали бы, кто они, но голоса их выдали. Это были Ларкин и работорговец.

— Отлично! — прошептал д'Отвиль, когда мы их узнали. — Они выехали от Гайара и направляются домой, в поместье Безансонов.

То же самое подумал и я. Они, видимо, возвращались домой: надсмотрщик — на плантацию Безансонов, а работорговец — к себе; я знал, что он живет ниже, у реки. Теперь я вспомнил, что нередко видел этого человека в обществе Гайара.

Эта мысль пришла мне в голову одновременно с д'Отвилем. Но откуда он знал? Должно быть, он не раз бывал в здешних местах.

Однако я не мог сейчас раздумывать или задавать ему вопросы. Все мое внимание сосредоточилось на разговоре этих двух негодяев, ибо, несомненно, оба были негодяями. Они, видимо, были в прекрасном настроении и громко хохотали, обмениваясь грубыми шутками. Надо думать, их грязную работу щедро оплатили.

— Ну, Билл, — сказал работорговец, — в жизни своей я не платил таких бешеных денег за негра!

— Чорт подери! Ишь, старый греховодник! Дорого же обошлась ему новая игрушка! Он обычно не любит раскошеливаться. Проклятый скряга!

— А ведь красотка хороша, что говорить! На нее не жалко денег, если у человека водятся лишние доллары. Такую аппетитную штучку не найдешь во всей Луизиане. Я бы и сам не прочь...

— Ха-ха-ха! — громко захохотал надсмотрщик. — Ну что ж, попробуй, если есть охота, — добавил он многозначительно.

— Сознайся, Билл, только без уверток: может, ты и сам уже пытался?..

— Сказать по правде — нет, не пришлось. Уж я бы сумел, если бы взялся за дело. Да только я слишком мало пробыл на плантации. К тому же она чертовски задирает нос, гордится своей ученостью и прочим и думает, что она не хуже белой. Сдается мне, что старая лисица быстро собьет с нее спесь. Девчонка немножко побудет с ним — и тогда будет рада погулять в лесу с каждым, кто ее позовет. Тут уж мы не упустим своего, будь покоен!

Работорговец что-то пробормотал в ответ, но они уже отъехали довольно далеко, и мы не расслышали продолжения их разговора. Как ни нелепа была эта болтовня, все же она причинила мне новую боль и еще усилила мое желание скорее спасти Аврору от грозившей ей жестокой участи.

Я подал знак своему спутнику, и мы выехали из-под дерева, а через несколько минут уже свернули на дорогу, ведущую в лес.

Глава LXV

В ЛЕСНОЙ ЧАЩЕ

По этой дороге нам пришлось ехать очень медленно. На ней не было белой пыли, которая указывала бы нам путь. Мы чуть ли не ощупью пробирались между извилистыми изгородями. Лошади спотыкались в глубоких колеях, оставленных тяжелыми возами, и мы насилу

заставляли их идти вперед. Мой спутник, казалось, ориентировался лучше меня: он так уверенно правил лошадью, словно дорога была ему хорошо знакома, или же он был еще безрассуднее, чем я. Я удивлялся ему, но ничего не говорил.

После получаса очень тяжелой езды мы добрались до конца изгороди; дальше начинался лес. Еще сотня ярдов — и мы въехали под высокие деревья, где остановились передохнуть и посоветоваться, что делать дальше. Я вспомнил, что видел поблизости густые заросли папайи.

— Хорошо бы найти их и привязать там лошадей, — сказал я моему спутнику.

— Ну что ж, это совсем нетрудно, — ответил он, — хотя и необязательно искать чащу. Сейчас так темно, что можно не прятать лошадей... Впрочем, нет! Смотрите!

Яркая голубая вспышка озарила темный небосвод. Она осветила черную глубину леса, и мы ясно увидели стволы и ветви обступивших нас могучих деревьев. Несколько мгновений этот свет трепетал, словно гаснущая лампа, и вдруг потух, после чего окружавший нас мрак стал как будто еще гуще.

Но за вспышкой не последовало грома — это была беззвучная зарница. Вслед за ней, однако, послышался гомон диких обитателей леса. Свет разбудил белоголового орлана, взобравшегося на вершину высокого тюльпанного дерева, и его дикий смех резко прозвучал в ночной тиши. Он разбудил и жителей болот — уток, кроншнепов и больших голубых цапель, которые закричали все разом. Не спавший филин заухал еще громче, упорно повторяя все ту же ноту, а из глубины леса послышался вой волка и более резкий крик кугуара.

Казалось, вся природа дрогнула от этой ослепительной вспышки. Но через минуту все снова стихло и погрузилось во мрак.

— Скоро начнется гроза, — заметил я.

— Нет, — возразил мой спутник, — грозы не будет: не слышно грома, значит, не будет и дождя. Нас ожидает темная ночь с редкими зарницами. Вот опять!

Это восклицание было вызвано новой вспышкой, ярко осветившей окружавший нас лес; как и первая, она не сопровождалась громом. За ней не послышалось никаких раскатов, никакого гула, только дикие обитатели леса вновь ответили на нее разноголосым криком.

— Да, нам придется спрятать лошадей, — сказал мой спутник. — По дороге может пройти какой-нибудь бродяга, и при таком свете он издали увидит их. Заросли папайи — самое подходящее место. Сейчас мы их разыщем, они должны быть вон в той стороне...

Д'Отвиль ехал между стволами деревьев, а я послушно следовал за ним. Я видел, что он знает местность лучше меня. Он, конечно, бывал здесь раньше, подумал я.

Мы проехали всего несколько шагов, когда снова вспыхнула зарница. Прямо перед собой мы увидели гладкие блестящие ветви и широкие зеленые листья папайи, образующие здесь густой подлесок.

Когда зарница вспыхнула еще раз, мы уже углубились в их густую чащу.

Спешившись среди зарослей, мы привязали лошадей к ветвям и, предоставив их самим себе, направились к опушке.

Через десять минут мы уже подошли к изгороди, огибавшей плантации Гайара. Двигаясь вдоль нее, мы вскоре оказались против его дома. В свете зарниц мы ясно видели его очертания сквозь листву окружавших его высоких тополей.

Здесь мы снова остановились, чтобы осмотреться и решить, как действовать дальше.

За изгородью тянулось широкое поле, доходившее почти до самого дома. От поля дом отделялся садом, вокруг которого шла невысокая ограда. В стороне виднелись крыши многих хижин — там находился негритянский поселок. Неподалеку возвышалась сахароварня и еще кое-какие постройки; тут же стоял и домик надсмотрщика.

Это место нам следовало обойти стороной. Надо было избегать и негритянского поселка, чтобы не подня-

лась тревога. Самыми страшными врагами для нас будут собаки. Я знал, что Гайар держит много собак, и часто видел, как они бегали по дорожкам вокруг дома. Это были громадные злые псы. Как нам избежать встречи с ними? Чаще всего они слонялись вокруг негритянских хижин, поэтому лучше подойти к дому с противоположной стороны.

Если нам не удастся узнать, в какой комнате находится Аврора, тогда мы еще успеем пойти на разведку к негритянскому поселку и попытаемся отыскать невольника Катона.

Мы видели, что в доме горят огни. Многие окна в нижнем этаже были ярко освещены. Значит, люди разбрелись по дому. Это укрепляло наши надежды. В одной из этих комнат должна находиться Аврора.

— А теперь, мсье, — сказал д'Отвиль, когда мы обсудили все подробности, — предположим, что мы потерпим неудачу, что поднимется тревога и нас обнаружат до того, как...

Я обернулся, посмотрел моему юному другу прямо в лицо и, прервав его, сказал:

— Д'Отвиль, быть может, мне никогда не удастся отплатить вам за вашу великодушную дружбу. Вы сделали для меня больше, чем самый преданный друг. Но я не допущу, чтобы ради меня вы рисковали жизнью. Этого я не могу позволить.

— Разве я рискую жизнью, мсье?

— Если я потерплю неудачу, если поднимется тревога, если нас увидят и будут преследовать... — Я распахнул куртку и показал ему пистолеты. — Да, — продолжал я, — я не остановлюсь ни перед чем. Если понадобится, я воспользуюсь ими. Я готов убить всякого, кто станет на моем пути! Я решился на все. Но вы не должны подвергать себя такой опасности. Вы останетесь здесь, я войду в дом один.

— Нет! — поспешно ответил он. — Я пойду с вами.

— Этого я не допущу. Останьтесь лучше здесь. Вы можете подождать у изгороди, пока я не вернусь к вам... пока мы не вернемся, хочу я сказать, так как твердо решил, что не вернусь без нее.

— Не будьте опрометчивы, мсье!

— Нет, но я буду действовать решительно. Я готов на все. Вам нельзя идти дальше.

— А почему? Меня это тоже близко касается.

— Вас? — спросил я, удивленный как его словами, так и его тоном. — Касается вас?

— Конечно, — спокойно ответил он. — Я люблю приключения. Это так увлекательно! Вы должны позволить мне пойти с вами.

— В таком случае, как хотите, мсье. Не бойтесь, я буду очень осторожен. Идемте!

Я перескочил через изгородь, д'Отвиль последовал за мной.

Не произнося больше ни слова, мы двинулись через поле по направлению к дому.

Глава LXVI

ПОХИЩЕНИЕ

Мы шли через поле сахарного тростника. Это был «раттан», особый сорт тростника, прошлогодней посадки; его срезанные старые стебли и молодые побеги скрывали нас с головой. Даже при дневном свете мы могли бы подойти к дому незамеченными.

Скоро мы были у садовой ограды. Здесь мы остановились, чтобы осмотреться. С одного взгляда мы определили, с какой стороны удобнее незаметно подойти к дому.

Дом был старый и запущенный, но построенный с претензиями. Это было двухэтажное деревянное здание с фронтонами, широкими окнами и открывающимися наружу жалюзи. И стены и жалюзи были когда-то покрашены, но краска выцвела и порыжела; жалюзи были, видимо, зелеными, но теперь их было трудно отличить от серых стен. Вокруг всего дома шла открытая галерея, или веранда, поднимавшаяся на три-четыре фута над землей. На эту веранду, обнесенную невысокой балюстрадой, выходили окна и двери дома. Небольшая

лестница в пять-шесть ступеней вела к главному входу, но вокруг дома, ниже пола, веранда была не огорожена, так что, немного нагнувшись, можно было залезть под нее.

Подкравшись к самой веранде, мы увидим сквозь балюстраду все выходящие на нее окна; а в случае тревоги — спрячемся под нее. Здесь мы будем в безопасности, если только нас не учуют собаки.

Мы шопотом сговорились, что делать дальше. Решили дойти до угла веранды, пристально всматриваясь в окна, пока не найдем комнату Авроры; тогда мы постараемся подать ей знак и увести ее. Все зависело от случая, от благосклонности судьбы.

Судьба, повидимому, к нам благоволила, ибо не успели мы двинуться вперед, как в одном из окон, прямо против нас, появилась женская фигура. С первого взгляда мы узнали квартеронку.

Как я уже говорил, окно доходило до самого пола веранды, и когда она подошла к нему, мы увидели ее всю, с ног до головы. Мадрасский платок на черных волосах, изящные очертания фигуры, резко выделявшейся на фоне ярко освещенной комнаты, не оставляли никаких сомнений.

— Это Аврора! — шепнул мой спутник.

«Откуда он знает? Разве он видел ее? Ах, да! — вспомнил я. — Он видел ее сегодня утром в ротонде».

— Да, это она! — пробормотал я, и сердце мое забилось так сильно, что я не мог больше произнести ни слова.

Окно было завешено, но она приподняла занавеску одной рукой и смотрела в сад. Взгляд ее был устремлен вперед, как будто она старалась разглядеть что-то во мраке. Я заметил это даже издали, и сердце у меня запрыгало от радости. Она поняла мою записку. Она ждет меня!

Д'Отвиль тоже так думал. Это укрепляло нашу надежду. Если ей понятны наши намерения, тем легче нам будет их осуществить.

Но она пробыла у окна всего две-три секунды. Затем отошла, и занавеска снова опустилась; однако

мы все же успели заметить темную тень мужчины на дальней стене. Без сомнения, это был Гайар!

Я не мог больше сдерживаться и, перескочив через садовую ограду, пробрался к веранде, сопровождаемый д'Отвилем.

Через несколько секунд мы заняли намеченную позицию — прямо против окна, от которого нас теперь отделяла деревянная балюстрада веранды. Если мы немного нагибались, наши глаза приходились как раз над полом. Занавеска опустилась не до конца и неплотно закрывала окно, так что сквозь небольшую щель мы могли видеть почти все, что делалось в комнате. В ночной тиши далеко разносился каждый звук, и мы ясно слышали разговор находившихся там людей.

Наше предположение оказалось правильным: Аврора разговаривала с Гайаром.

Я не стану описывать вам эту сцену. Я не могу повторять слова, которые мы услышали. Я не хочу воспроизводить гнусные речи этого негодяя, сначала льстивые и заискивающие, а потом все более грубые, наглые и оскорбительные. Под конец, не добившись успеха уговорами, он перешел к угрозам.

Д'Отвиль удерживал меня и шопотом умолял не горячиться.

Раза два я уже готов был броситься вперед, выбить окно и уложить негодяя на месте. Но благодаря настояниям моего осторожного спутника я все-таки сдержался.

Сцена закончилась тем, что Гайар ушел взбешенный, но все же немного присмиревший. Смелый отпор, данный ему квартеронкой, которая, во всяком случае, была не слабее своего тщедушного поклонника, повидимому, на время охладил его пыл, иначе он, наверно, прибегнул бы к насилию.

Однако его угрозы перед уходом не оставляли сомнений в том, что он скоро возобновит свои грубые домогательства. Он был уверен, что справится со своей жертвой: она его раба и должна будет покориться. У него достаточно времени и средств, чтобы принудить ее. Ему незачем сразу прибегать к крайним мерам. Он мо-

жет подождать, когда к нему вернется утраченная храбрость и вдохновит его на новое нападение.

Уход Гайара давал нам возможность сообщить Авроре, что мы тут. Я собирался подняться на веранду и постучать в окно, но мой спутник удержал меня.

— Не делайте этого, — прошептал он. — Она знает, что вы должны быть здесь. Она, наверно, скоро подойдет к окну. Терпение, мсье! Неосторожный шаг может все погубить. Помните о собаках!

Совет был благоразумен, и я послушался его. Через несколько минут все выяснится. Мы оба прильнули к балюстраде, следя за каждым движением Авроры.

Мы обратили внимание на комнату, в которой она находилась. Это была не гостиная и не спальня, а скорее библиотека или кабинет, о чем свидетельствовали полки с книгами и письменный стол, на котором лежало много бумаг. Повидимому, это был рабочий кабинет адвоката, в котором он занимался делами.

Почему Аврору поместили тут? Этот вопрос занимал нас, но нам было некогда задерживаться на нем. Мой спутник предположил, что по приезде ее привели сюда на время, пока ей готовят другое помещение. На эту мысль его навели голоса слуг и звуки передвигаемой мебели в верхнем этаже. Очевидно, какую-то комнату приводили в порядок.

Тут мне пришла в голову новая мысль: Аврору могут неожиданно увести из библиотеки и отправить наверх, тогда нам будет гораздо труднее дать ей знать о себе. Лучше попробовать сейчас же увести ее.

Несмотря на советы д'Отвиля, я уже готов был двинуться к окну, когда поведение Авроры остановило меня.

С того места, где мы стояли, была видна дверь, в которую вышел Гайар. Аврора осторожно подошла к ней, как будто с каким-то тайным намерением. Взявшись за ключ, она тихонько повернула его. Зачем она это сделала?

Мы подумали, что она собирается бежать из дома через окно, и заперла дверь, чтобы задержать погоню. Если так, нам лучше остаться на месте и не мешать ей

Яркий свет упал на мое лицо и на лицо моего спутника.

выполнить ее намерение. Мы успеем дать ей знак, когда она подойдет к окну. Так советовал д'Отвиль.

В углу комнаты стояла конторка красного дерева со множеством полочек. На них лежало много бумаг — наверно, всякие закладные, расписки и другие документы адвоката.

К моему большому удивлению, Аврора, заперев дверь, поспешно подошла к этой конторке и, остановившись против полочек, стала внимательно разглядывать бумаги, словно стараясь найти какой-то документ.

Таково, видно, и было ее намерение, ибо она протянула руку, вытащила связку каких-то листков и, быстро просмотрев их, спрятала у себя на груди.

«Боже мой! — воскликнул я про себя. — Что это значит?»

Не успел я подумать об этом, как Аврора подошла к окну. Она подняла занавеску, и яркий свет упал на мое лицо и на лицо моего спутника, так что она сразу увидела нас. У нее вырвалось легкое восклицание — не удивления, а радости, но она тут же сдержалась. Впрочем, восклицание было такое тихое, что его не могли бы услышать в соседней комнате.

Окно тихонько открылось, она бесшумно проскользнула на веранду, и в следующую минуту моя невеста была уже у меня в объятиях. Я перенес ее через балюстраду, и мы быстро пересекли сад.

Мы вышли в поле, никем не замеченные, и, пробираясь в густом тростнике, направились к лесу, который вырисовывался вдали темной стеной.

Глава LXVII

СБЕЖАВШИЕ МУСТАНГИ

Зарницы попрежнему вспыхивали в небе, и нам было нетрудно найти дорогу. Мы вышли около того места, где свернули в тростниковое поле, и, двигаясь вдоль изгороди, поспешно направились к зарослям папайи, в которых оставили своих лошадей.

Мой план состоял в том, чтобы ехать сейчас же и постараться прискакать в город до рассвета. Я надеялся, что в городе мне удастся скрыться с моей невестой до того времени, когда мы сможем уехать за море или вверх по реке, в один из свободных штатов. О том, чтобы прятаться в лесу, я не помышлял. Правда, я случайно знал о прекрасном убежище, в котором мы, без сомнения, могли бы укрыться на некоторое время. Но хотя эта мысль мелькнула у меня, я даже не остановился на ней. Такое убежище могло быть только временным; нам все равно пришлось бы его покинуть, и тогда было бы так же трудно выехать из этих краев, как и сейчас.

Для гонимого, как и для преступника, нет лучшего убежища, чем густо населенный город с его разношерстной толпой, а в Новом Орлеане, где половину населения составляют приезжие, особенно легко скрыться под вымышленным именем.

Поэтому я решил — и д'Отвиль поддержал меня — сейчас же сесть на лошадей и скакать прямо в город.

Нашим бедным лошадям предстоял тяжелый труд, особенно той, которой достанется двойная ноша. Правда, эти выносливые животные бодро пробежали путь до Бринджерса, но теперь им придется напрячь все свои силы, чтобы вернуться обратно до рассвета.

При вспышках зарниц мы легко находили дорогу между деревьями и вскоре увидели заросли папайи, которые выделялись своими большими продолговатыми листьями; при свете они казались белесыми. Радуясь тому, что достигли цели, мы ускорили шаг. Когда мы сядем на коней, нам не страшна будет никакая погоня!

— Странно, что лошади не ржут и никак не дают о себе знать! А ведь наше приближение могло бы их встревожить... Но нет, не слышно ни ржанья, ни стука копыт, хотя мы, кажется, совсем близко. Быть не может, чтобы лошади стояли так тихо. Что с ними случилось? Где они?

— В самом деле, где они? — повторил д'Отвиль. — Вот то место, где мы их оставили.

— Да, конечно, здесь. Постойте!.. А вот тот самый сук, к которому я привязал свою лошадь. Видите, вот и следы копыт... О боже! Лошади пропали!

Я убедился, что это так. Не могло быть никаких сомнений. Вот истоптанная земля там, где они стояли. Вот то самое дерево, к которому мы их привязывали, — я сразу узнал его, оно было выше всех.

«Кто их увел?» — вот первый вопрос, который мы себе задали. Может, кто-нибудь выслеживал нас? Или кто-то случайно проходил мимо и увидел их? Последнее предположение было наименее вероятно. Кто мог бродить по лесу в такую ночь? А если бы даже здесь кто-то и проходил, зачем ему было забираться в эти заросли?.. Ба! Мне пришла в голову новая мысль: быть может, лошади сбежали сами?

Весьма возможно. Как только снова блеснет зарница, мы увидим, сами ли они сорвались с привязи или чья-то неизвестная рука отвязала повода.

Мы стояли у дерева, дожидаясь зарницы.

Ждать пришлось недолго; вскоре вспышка света рассеяла наши сомнения. Мое предположение оказалось правильным: лошади сорвались сами, об этом говорили обломанные ветви. Быть может, их напугала зарница, а верней — какой-нибудь рыскавший поблизости дикий зверь, и они умчались в лес.

Теперь мы упрекали себя за то, что так небрежно привязали их и что выбрали для этого папайю — дерево заведомо менее прочное, чем любое другое дерево в лесу. Все же я почувствовал некоторое облегчение, когда обнаружил, что животные сбежали сами. У нас оставалась надежда их отыскать. Быть может, они щиплют траву где-нибудь поблизости, волоча за собой повода, и мы их еще поймаем.

Не теряя времени, мы пошли на поиски: д'Отвиль в одну сторону, я — в другую, а Аврора осталась в зарослях.

Я осмотрел все ближние места, повернул обратно к изгороди, прошел вдоль нее до дороги и даже осмотрел часть дороги. Я обшаривал каждый уголок, обходил каждое дерево, забирался в кусты и в заросли тростни-

ка, а когда вспыхивали зарницы, осматривал землю, отыскивая следы. Несколько раз я возвращался назад, но лишь для того, чтоб убедиться, что поиски д'Отвиля столь же безуспешны.

Прошло около часа в бесплодных розысках, и я решил прекратить их. Я больше не надеялся найти лошадей и направился обратно с отчаянием в душе. Д'Отвиль вернулся еще раньше меня.

Когда я подходил, я увидел при свете зарницы, что он стоит возле Авроры и непринужденно разговаривает с ней. Мне показалось, что он с ней очень любезен, а она благосклонно слушает его. Эта мелькнувшая передо мною сцена произвела на меня неприятное впечатление.

Д'Отвиль тоже не нашел следов наших исчезнувших лошадей. Теперь уж было бесполезно их разыскивать, и мы решили прекратить поиски и провести ночь в лесу.

Я согласился на это с тяжелым сердцем, однако у нас не оставалось выбора. За ночь мы не могли добраться пешком до Нового Орлеана; если же нас увидят утром на дороге, то сейчас же поймают. Такие люди, как мы, не могли пройти незамеченными, и я не сомневался, что на рассвете за нами уже вышлют погоню и что искать нас будут по дороге в город.

Самое благоразумное провести ночь на месте и возобновить поиски, как только рассветет. Если нам удастся найти лошадей, мы спрячем их в зарослях до вечера, а когда стемнеет, отправимся в город. Если же мы их не найдем, то пустимся в путь сразу после заката, иначе до рассвета нам в город не добраться.

Пропажа лошадей поставила нас в чрезвычайно трудное положение. Она очень уменьшила наши шансы на успех и увеличила грозившую нам опасность.

Я сказал — опасность. Да, нам грозила смертельная опасность. Вам трудно понять, как трагично было наше положение. Вам, вероятно, кажется, что вы читаете описание обычного побега влюбленных, какие часто изображают в романах.

Но вы глубоко заблуждаетесь. Знайте, что все мы совершили поступок, за который должны были ответить перед судом. Знайте, что я совершил преступле-

ние, которое сурово каралось по законам этой страны, и что я мог подвергнуться еще более жестокому наказанию до применения этих законов. Все это я знал. Я знал, что за свой поступок могу поплатиться жизнью.

Вспомните об угрожавшей нам опасности — и вы поймете, с какими чувствами вернулись мы назад после тщетной попытки отыскать наших лошадей.

У нас не было выбора — приходилось оставаться на месте до утра.

Мы потратили полчаса на то, чтобы нарвать побольше испанского моха и мягких листьев папайи; я уложил на них Аврору и накрыл ее своим плащом.

Сам я не нуждался в ложе. Я сел возле своей невесты и прислонился спиной к дереву. Мне хотелось положить ее голову себе на грудь, но присутствие д'Отвиля стесняло меня. Впрочем, это меня не удержало бы, но когда я об этом заикнулся, Аврора отклонила мою просьбу. Она даже мягко, но решительно отняла свою руку, когда я хотел удержать ее в своей.

Признаться, меня немного удивила и обидела эта сдержанность.

Глава LXVIII

НОЧЬ В ЛЕСУ

Я был легко одет, и ночная сырость не давала мне уснуть, однако, будь у меня перина из гагачьего пуха, я все равно не сомкнул бы глаз.

Д'Отвиль великодушно предложил мне свой плащ, но я отказался. Он тоже был одет в легкую полотняную одежду, но не это явилось причиной моего отказа. Даже если бы я сильно страдал от холода, я не принял бы услуги от него. Я начинал его опасаться.

Аврора вскоре уснула. При свете зарниц я видел, что глаза ее закрыты, а ее спокойное, ровное дыхание свидетельствовало о том, что она спит. Это тоже огорчило меня.

Я ждал каждой новой зарницы, чтобы взглянуть на нее. Каждый раз, как вспышка света озаряла ее пре-

лестное лицо, я вглядывался в ее черты со смешанным чувством любви и боли. О, может ли коварство скрываться под этой прекрасной внешностью? Может ли таиться обман в этой благородной душе? Разве я не уверен, что она любит меня?

Как бы то ни было, у меня теперь отрезаны пути к отступлению. Я должен довести до конца начатую игру хотя бы ценой моей жизни или моего счастья. Я должен думать только о той цели, которая привела меня сюда.

Когда я немного успокоился, я опять принялся думать о том, как нам выбраться. Лишь только рассветет, я снова пойду на поиски лошадей, постараюсь найти их по следам и поймать, а затем спрячу в лесу, где нам придется укрываться до следующего вечера.

А если мы не найдем лошадей?

Долгое время я не мог решить, как нам тогда поступить. Наконец мне пришел в голову новый, вполне осуществимый план, и я поспешил поделиться им с д'Отвилем, который тоже не спал. Мой план был так прост, что я удивлялся, как не додумался до этого раньше. Д'Отвиль отправится в Бринджерс, наймет новых лошадей или экипаж и на следующий вечер встретит нас на береговой дороге.

Что могло быть проще? В Бринджерсе ничего не стоило нанять лошадей, а тем более экипаж. Д'Отвиля там не знают, и, конечно, никто не заподозрит, что он связан со мной. Я не сомневался, что в похищении квартеронки станут обвинять меня. Гайар, во всяком случае, это подумает — значит, разыскивать будут меня одного. Д'Отвиль согласился, что так и нужно сделать, если мы не найдем сбежавших лошадей; договорившись о подробностях, мы уже с меньшей тревогой стали дожидаться рассвета.

* * * * * * * *

Наконец рассвело. Первые бледные лучи медленно проникали сквозь густые вершины деревьев, но все же было настолько светло, что мы могли возобновить по-

иски. Аврора осталась на месте, а мы с д'Отвилем снова разошлись в разные стороны. Он направился в глубину леса, а я — к дороге.

Вскоре я подошел к изгороди, окружавшей поля Гайара, ибо мы все еще находились очень близко от его плантации. Затем я двинулся вдоль изгороди к тому месту, где проселочная дорога углублялась в лес. Я решил снова проделать путь, по которому мы ехали прошлой ночью, так как думал, что лошади могли убежать по знакомой дороге.

И я оказался прав. Когда я подошел к этому месту, я увидел на земле следы подков двух лошадей, направлявшихся к реке. Там же виднелись и следы, оставленные нами прошлой ночью. Я сравнил: несомненно, это были одни и те же лошади. У одной из них была сломана подкова, и я с первого взгляда узнал ее след. Я заметил еще одну подробность: рядом с отпечатками подков виднелись полосы, прочерченные обломками сучьев, к которым были привязаны повода. Это подтвердило мои догадки о том, что лошади сами сорвались с привязи.

Теперь вопрос был в том, далеко ли они убежали. Стоит ли мне идти за ними и пытаться их поймать? Уже совсем рассвело, и это было бы очень опасно. Гайар и его люди уже, наверно, давно на ногах и рыщут по окрестностям. Отдельные группы, конечно, скачут вдоль береговой дороги и обшаривают проселки между плантациями. На каждом шагу я могу встретить когонибудь из его шайки.

По следам лошадей было видно, что они неслись во весь опор. Они нигде не останавливались, чтобы пощипать траву. Вероятнее всего, они выскочили на береговую дорогу и помчались прямо в город. Лошади были наемные и, наверно, хорошо знали дорогу домой. Кроме того, это были мексиканские мустанги, которым нередко случается после долгого путешествия возвращаться домой без седоков.

Пытаться догнать их значило бы бессмысленно подвергать себя опасности; я сразу отказался от этой мысли и повернул обратно к лесу.

Подходя к нашему лагерю, я старался ступать неслышно — мне стыдно сознаться, из каких побуждений: в моем сердце шевелились недостойные чувства.

Мне послышались звуки голосов.

«Боже мой! Опять д'Отвиль поспел раньше меня!»

Несколько секунд я боролся с собой, но не устоял и стал приближаться к ним, крадучись, как вор.

«Д'Отвиль снова оживленно и дружески разговаривает с ней! Они стоят так близко, что лица их почти соприкасаются. Как они поглощены разговором! Они говорят очень тихо, они шепчутся, как влюбленные! О боже!»

В эту минуту я вспомнил сцену на пристани. Вспомнил, что на юноше был такой же плащ и что он был небольшого роста...

Это он стоял передо мной! Теперь загадка объяснилась. Я был лишь ширмой, жалкой игрушкой в руках этой кокетки!

Вот он, настоящий возлюбленный Авроры!

Я остановился как пораженный громом. Острая боль пронзила сердце, будто отравленная стрела впилась глубоко в мою грудь и застряла в ней, терзая меня. Ноги у меня подкосились, и я чуть не потерял сознание.

«Она что-то вынула из-за корсажа. Она что-то протягивает ему! Залог любви!.. Нет, я ошибся. Это — бумаги, те самые, что она взяла с конторки у Гайара. Что это значит? Здесь скрыта какая-то тайна. О! Я потребую объяснений у вас обоих! Я все узнаю! Терпение, сердце! Терпение!»

Д'Отвиль взял бумаги и спрятал их под блузу. Затем он повернулся, и взгляд его упал на меня.

— А, мсье! — воскликнул он, направляясь ко мне. — Ну, как дела? Вы не нашли лошадей?

Я сделал над собой усилие и ответил спокойно:

— Только их следы.

Но даже произнося эту короткую фразу, голос мой дрогнул от волнения.

Д'Отвиль должен был заметить мое состояние, однако не показал и виду.

— Только следы, мсье? Куда же они вели?

— К береговой дороге. Лошади, несомненно, вернулись назад, в город. Больше нечего рассчитывать на них.

— Значит, мне надо сейчас же отправляться в Бринджерс?

Он спрашивал мое мнение.

Его вопрос обрадовал меня. Мне хотелось, чтобы он ушел: я жаждал остаться наедине с Авророй.

— Я думаю, это было бы лучше всего, если вы не считаете, что еще слишком рано.

— О нет! Кроме того, у меня есть дела в Бринджерсе, и они займут весь день.

— Вот как!

— Будьте спокойны, я во-время приеду за вами. Не сомневаюсь, что достану лошадей или экипаж. Через полчаса после того, как стемнеет, я буду ждать вас у проселочной дороги. Не бойтесь, мсье! Я твердо верю, что для вас все кончится благополучно. А для меня, увы!..

Вместе с последними словами у него вырвался глубокий вздох.

«Что это значит? Уж не смеется ли он надо мной? Нет ли у этого странного юноши еще тайны, кроме моей? Он, верно, знает, что Аврора любит его! Неужели он так уверен в ее любви, что, не колеблясь, оставляет нас наедине? Или он играет мной, как тигр своей жертвой? Может, они оба играют мной?..»

Все эти ужасные мысли теснились у меня в голове и помешали мне ответить на его последнее замечание. Я только пробормотал, что не теряю надежды, но он не обратил внимания на мои слова. По какой-то причине он, видимо, хотел скорей уйти и, попрощавшись с Авророй и со мной, резко повернулся и пошел быстрым, легким шагом через лес.

Я глядел ему вслед, пока он не скрылся за деревьями, и почувствовал облегчение, когда он ушел. Хотя нам была нужна его помощь, хотя от нее зависело наше спасение, в ту минуту мне хотелось никогда больше не видеть его.

Глава LXIX

УПРЕКИ ВЛЮБЛЕННОГО

Теперь я объяснюсь с Авророй. Теперь я дам волю мучительной ревности, облегчу свое сердце в горьких упреках и упьюсь сладостной местью, осыпая ее обвинениями.

Я не мог больше сдерживать свое волнение, не мог скрывать свои чувства. Я должен был высказать все!

Пока д'Отвиль не исчез из виду, я нарочно стоял, отвернувшись от Авроры. И даже долее того. Я старался сдержать бешеные удары своего сердца, старался казаться спокойным и равнодушным.

Тщетное притворство! От ее глаз не укрылось мое состояние, в таких вещах инстинкт никогда не обманывает женщин.

Так было и на этот раз. Она все поняла. Вот почему в ту минуту она дала волю своему порыву.

Я повернулся, чтобы заговорить с ней, но тут почувствовал, что руки ее обвились вокруг моей шеи; она нежно прильнула ко мне, а лицо поднялось навстречу моему. Ее большие, ясные глаза смотрели в мои с нежным вопросом.

В другое время этот взгляд успокоил бы меня: ее глаза светились горячей любовью. Так могли смотреть только глаза истинно любящей девушки.

Но сейчас я не знал жалости. Я пробормотал:

— Аврора, ты не любишь меня!

— Ах, почему ты так жесток со мной? Я люблю тебя, бог свидетель, люблю всем сердцем!

Но и эти слова не рассеяли моих подозрений. Обвинения мои были слишком обоснованны, ревность пустила слишком глубокие корни, чтобы ее могли успокоить пустые уверения. Только доказательства или признания могли убедить меня.

Раз начав, я уже не мог остановиться. Я припомнил ей все: сцену, которую видел на пристани, дальнейшее поведение д'Отвиля, мои наблюдения прошлой ночью и то, чему я только что был свидетелем. Я ничего не забыл, но ни в чем не упрекал ее. У меня впереди было

достаточно времени для упреков, я хотел сначала услышать ее ответ.

Она отвечала мне со слезами. Да, она знала д'Отвиля раньше, она сразу мне в этом призналась. В их отношениях была какая-то тайна, но она умоляла меня не спрашивать у нее объяснений. Она просила меня быть терпеливым. Эта тайна принадлежит не ей. Скоро я все узнаю. Пройдет немного времени, и все раскроется.

С какой готовностью мое сердце впитывало эти утешительные слова! Я больше не сомневался. Как мог я не верить этим чистым, омытым слезами глазам, сияющим глубокой любовью?

Сердце мое смягчилось. Я снова нежно обнял мою невесту, и горячий поцелуй скрепил нашу клятву верности.

* * * * * * * *

Мы могли бы долго пробыть на этом месте, освященном нашей любовью, но осторожность требовала его оставить. Опасность была слишком близка. В двухстах ярдах от нас тянулась изгородь, отделявшая плантацию Гайара от леса; оттуда можно было даже видеть его дом, стоявший вдали, среди полей. Густые заросли служили нам укрытием, но если бы погоня направилась в нашу сторону, люди прежде всего стали бы обыскивать эту чащу. Нам надо было найти себе другое убежище, поглубже в лесу.

Я вспомнил о цветущей поляне, где меня ужалила змея. Вокруг нее рос густой, тенистый подлесок, там мы могли найти укромное место, где нас не обнаружил бы и самый зоркий глаз. В ту минуту я думал только о таком убежище. Мне не приходило в голову, что есть способ отыскать нас в самой густой чаще или в непроходимых зарослях тростника. И я решил спрятаться на этой поляне.

Чаща папайи, в которой мы провели ночь, находилась близ юго-восточного края плантации Гайара. Чтобы добраться до поляны, нам надо было пройти около мили к северу. Если бы мы пошли напрямик через лес,

мы почти наверное сбились бы с пути и, возможно, не нашли бы надежного убежища. Кроме того, мы могли бы заблудиться в лабиринте болот и проток, изрезавших лес по всем направлениям.

Поэтому я решил идти вдоль плантации, пока мы не выйдем на тропинку, которая когда-то привела меня на поляну, — я хорошо ее запомнил. Конечно, это было немного рискованно, пока мы не дойдем до северного края плантации, но мы могли держаться подальше от изгороди и по возможности не выходить из подлеска. К счастью, по опушке леса параллельно изгороди тянулась к северу широкая полоса пальметто, отмечавшая границу ежегодного паводка. Эти причудливые растения с широкими веерообразными листьями могли служить отличным прикрытием: человека, пробирающегося среди них, нельзя было увидеть издали. Их густая решетчатая тень становилась совсем непроницаемой благодаря высоким стеблям алтей и других цветов из семейства мальв, густо разросшихся вокруг.

Мы осторожно пробирались сквозь эти заросли и вскоре вышли к тому месту, где прошлой ночью перелезли через изгородь. Тут лес ближе всего подходил к дому Гайара. Как я уже говорил, здесь нас отделяло от него только поле в милю шириной. Однако его ровная поверхность сильно скрадывала расстояние, и, подойдя к изгороди, можно было ясно разглядеть дом.

Сейчас я не собирался доставлять себе это удовольствие и уже двинулся прочь, когда мне послышался звук, от которого кровь застыла в моих жилах.

Моя спутница схватила меня за руку и тревожно взглянула мне в лицо.

Я только кивнул ей, чтобы она молчала, нагнулся и, приложив ухо к земле, стал слушать.

Вскоре я снова услышал этот звук. Мое предположение оправдалось: это был собачий лай! Я не мог ошибиться. Я был достаточно опытным охотником, чтобы сразу узнать в нем лай длинноухой ищейки. Хоть он слышался издалека и казался не громче жужжания пчелы, я больше не сомневался в его зловещем значении.

Почему же меня так испугал лай собаки? Ведь было время, когда собачий лай и крики: «Ату его! Держи!» — звучали для меня, как и для многих других, самой приятной музыкой на свете. А теперь?.. Ах, вспомните, в каком положении я находился, вспомните о часах, проведенных мною с заклинателем змей, обо всем, что он рассказал мне в своем темном дупле: о беглецах, о собаках-ищейках, белых охотниках, охоте за неграми, об обычаях, которые считались возможными разве что на Кубе, но на деле процветали и в Луизиане, — вспомните все это, и вы поймете, почему я затрепетал, услышав вдали собачий лай.

Этот лай раздавался очень далеко, где-то около дома Гайара. Он звучал с перерывами и не был похож на голос собаки, бегущей по следу, а скорее напоминал разноголосый лай выпущенной из псарни своры, радующейся предстоящей охоте.

Мои худшие опасения подтвердились: они спустят на нас собак!

Глава LXX

ТРАВЛЯ

О боже! Они спустят на нас собак! Скоро спустят или уже спустили — этого я не мог определить, но я не решался двинуться дальше, пока не узнаю наверное. Я оставил Аврору под деревьями и бросился к изгороди, у которой кончался лес. Добежав до нее, я схватился за сук и подтянулся: теперь поверх макушек сахарного тростника мне виден был весь дом, ярко освещенный лучами взошедшего солнца.

С первого взгляда я понял, что не ошибся. Как ни далеко было до дома, я разглядел вокруг него людей; многие из них сидели на лошадях, их головы двигались над тростником. А раздававшийся время от времени громкий лай указывал, что собак там целая свора. Со стороны могло показаться, что партия охотников готовится к охоте на оленя, и если бы не время, место и прочие обстоятельства, я, может быть, и принял бы их

за обыкновенных охотников. Но сейчас они произвели на меня совсем иное впечатление. Я прекрасно понимал, зачем они собрались вокруг дома Гайара. Я знал, какую охоту они затевают.

Поглядев на них не дольше минуты, я понял, что погоня уже готова двинуться в путь.

С сильно бьющимся сердцем я бросился назад к своей спутнице, которая дожидалась меня, дрожа от волнения.

Мне незачем было рассказывать ей, что я увидел, — она прочла это по моему лицу. Она тоже слышала лай собак. Она родилась в здешних местах и знала обычаи этой страны. Знала, что с собаками охотятся на оленей, лисиц и пантер, но ей было также известно, что на многих плантациях держат собак и для совсем других целей: собак-ищеек, обученных охоте на людей!

Будь она менее проницательна, я, может быть, попытался бы скрыть от нее то, что увидел, но она сразу все поняла.

Сначала нас охватило полное отчаяние. Казалось, у нас нет никакой надежды спастись. Где бы мы ни укрылись, собаки, приученные выслеживать людей, везде сумеют нас найти. Нет никакого смысла прятаться в болотах или зарослях. Ни самое высокое дерево, ни самый густой подлесок не могут спасти нас от таких преследователей.

Итак, первым нашим чувством была полная безнадежность, первым бессознательным побуждением — никуда не двигаться, остаться на месте и дать себя схватить. Быть может, нам и не грозила смерть, хотя я знал, что, если меня поймают, я должен быть готовым ко всему.

Я знал, как относились здесь к аболиционистам[1]: в то время их бешено ненавидели. Я слышал о свирепых расправах ярых рабовладельцев с этими «фанатиками», как они их называли. Я не сомневался, что и меня отнесут к их числу, а может быть, и того хуже — обвинят в

---

[1] Аболиционист — участник движения за освобождение негров от рабства.

«краже негров». Во всяком случае, меня ждет расправа, и, вероятно, очень жестокая.

Но мой страх перед наказанием был ничем в сравнении с уверенностью, что, если нас поймают, Аврора снова попадет в руки Гайара.

Вот какие думы сильнее всего терзали меня и заставляли колотиться мое сердце. Эти думы вновь наполнили меня решимостью не сдаваться, пока мы не испробуем все средства, какие в наших силах.

С минуту я стоял, размышляя о том, что же нам предпринять. И тут мне пришла в голову мысль, которая спасла меня от отчаяния: я вспомнил беглого негра Габриэля.

Не думайте, что до этой минуты я забыл о нем и о его убежище или что я не вспоминал о нем раньше. С тех пор как мы вошли в лес, я много раз думал о беглом негре и его дупле. И я бы сразу направился к нему, но меня удерживала дальность пути. Решив после заката выйти на береговую дорогу, я выбрал поляну, так как она была ближе.

Теперь, когда я узнал, что по нашему следу пустят собак, я снова подумал об убежище Габриэля, но отбросил эту мысль, считая, что собаки всюду отыщут нас и, спрятавшись у Габриэля, мы его невольно выдадим.

Все эти мысли вихрем проносились у меня в голове, и в первую минуту я не сообразил, что собаки не могут преследовать нас по воде. И только когда я стал искать способ скрыть наши следы и подумал о негре и его сосновой смоле, я вспомнил про воду.

Вот где для нас еще оставалась надежда! Теперь я оценил, как умно он выбрал себе жилище. Да, это было именно такое место, где его не могли отыскать проклятые собаки.

Как только я подумал об этом, я решил бежать к Габриэлю.

Я был уверен, что найду дорогу. Недаром я старался запомнить ее. В тот день, когда меня ужалила змея, у меня были какие-то смутные мысли, скорее неясное предчувствие, что убежище негра еще может мне пригодиться. Последующие события, в частности мое наме-

рение сразу бежать с Авророй в город, вытеснили эти мысли у меня из головы. Во всяком случае, я хорошо запомнил путь, по которому меня вел Габриэль, и мог быстро найти его, хотя в лесу не было ни дорожек, ни тропинок, а только еле заметные стёжки, протоптанные дикими лесными обитателями.

Но я был уверен, что не собьюсь с пути. Я запомнил знаки и зарубки на деревьях, которые мне показывал мой спутник. Я помнил, где нужно пересечь большую протоку по стволу поваленного дерева, который служил негру мостиком. Помнил, где он вел меня по болотцу, по которому не прошла бы лошадь, где пробирался сквозь заросли камыша, между громадными стволами и корнями кипарисов, где спустился вниз, к воде. Помнил, где лежит огромное упавшее дерево, протянувшее над озером свой толстый ствол с ветвями, густо заросшими мохом — тайную гавань для маленькой пироги, — и был уверен, что найду его.

Я не забыл и условного сигнала, которым должен был известить беглеца о своем приходе. Он научил меня особому свисту и сказал, сколько раз я должен просвистеть.

Я не тратил времени на размышления. Все это я обдумал уже дорогой. Едва я вспомнил об озере, как сразу принял решение. Я только сказал своей спутнице несколько ободряющих слов, и мы сразу двинулись в путь.

Глава LXXI

СИГНАЛ

Изменение наших планов не изменило направления, в котором мы двигались. Мы продолжали идти в ту же сторону. Дорога к озеру лежала через поляну, где мы сначала думали дождаться темноты, — это был кратчайший путь к убежищу беглого негра.

В памятную мне встречу с Габриэлем он вечером вывел меня к северо-восточной окраине плантации Гайара. Мы находились как раз на том месте, где проселок

углублялся в лес. Зарубка на стираксовом дереве, которую я хорошо запомнил, указала мне направление. И я поспешил свернуть из кустов в чащу, тем более что, когда мы добрались до этого места, к нам ясно донесся громкий и протяжный лай собак. Прислушавшись, я заключил, что псы уже отыскали в поле сахарного тростника наш вчерашний след.

Нам предстояло пройти еще несколько сот ярдов по вырубке. Множество торчащих вокруг пней свидетельствовало, что здесь поработал топор дровосека. Тут рубили лес для нужд плантации, и справа и слева от тропы возвышались аккуратно сложенные поленницы дров. Ужасаясь при мысли, что мы можем столкнуться с дровосеком или возчиком, мы прибавили шагу. Такая встреча оказалась бы для нас роковой: любой заметивший нас человек непременно навел бы погоню на наш след.

Впрочем, будь я способен тогда спокойно рассуждать, я понял бы, что эти страхи мои излишни. Если собаки выследят нас здесь, никаких указаний от лесорубов и возчиков не потребуется. Но тогда я об этом не подумал и вздохнул с облегчением, когда вырубка осталась позади и нас скрыл густой шатер девственного леса.

Теперь все зависело от быстроты наших ног: успеем ли мы добраться до озера, вызвать негра с пирогой и скрыться из виду, прежде чем собаки примчатся туда? Если нам посчастливится — мы спасены или, во всяком случае, можем надеяться на спасение. Собаки, конечно, приведут погоню к тому месту, где мы сядем в лодку, — к поваленному дереву, но дальше и люди и собаки потеряют след. Угрюмое лесное озеро представляло собой подлинный лабиринт. Зеркало воды было очень невелико, но зато с места нашей посадки ни это оконце, ни дерево, росшее посередине и похожее на островок, не были видны, а кроме того, затопленный участок занимал значительную площадь леса. Даже если Гайар и другие догадаются, что мы бежали по воде, они дважды подумают, прежде чем рискнут нас разыскивать в этих зарослях, особенно в такое время года,

когда пышная листва не пропускает солнечных лучей и в лесу всегда царит полумрак.

Однако вряд ли им придет в голову, что мы скрылись от них таким путем. На поваленном дереве, под ветвями которого пряталась пирога, не останется ни следа, ни знака. Да и кто подумает, что в таком отдалении от человеческого жилья, в какой-то стоячей луже, не соединенной протокой ни с рекой, ни с одним из ее заболоченных рукавов, может быть укрыта пирога? Следов, которые удалось бы разглядеть в лесном мраке, мы за собой не оставляли — за этим я тщательно смотрел.

Погоня решит, что собаки напали на след медведя, пумы или болотной рыси, — все эти звери, уходя от охотников, имеют обыкновение бросаться вплавь. Такими рассуждениями я старался подбодрить себя и свою спутницу, в то время как мы торопливо продолжали наш путь.

Скоро ли Габриэль откликнется на наш сигнал? — эта мысль терзала меня. Услышит ли он его сразу? Поспешит ли на мой зов? Подоспеет ли во-время? Вот что занимало меня сейчас.

Все теперь зависело от быстроты. О, почему я не вспомнил о Габриэле раньше? Почему мы сразу же не пустились в дорогу?

Сколько времени потребуется нашим преследователям, чтобы нагнать нас? Я боялся даже подумать об этом.

Верховой всегда обгонит пешего, а собаки, как известно, бегут по следу во весь дух.

Одна надежда поддерживала меня. Место нашего ночлега они обнаружат без труда: сложенные в кучу листья папайи и мох укажут им, где мы провели ночь. Ну, а дальше? Когда мы искали пропавших лошадей, мы рыскали по лесу во всех направлениях. Я вернулся на проселок и прошел по нему порядочный кусок. Все это, несомненно, хоть на время запутает собак. Кроме того, д’Отвиль вышел из зарослей папайи другой дорогой. Ищейки могут погнаться по его следу. О, если бы это было так!

Все эти предположения проносились в моем мозгу, в то время как мы спешили вперед. Мне даже пришла в голову мысль сбить собак со следа. Я вспомнил о побегах скипидарной сосны, к помощи которой прибегал негр. Но, к сожалению, ни одна нам не попалась, а тратить время на поиски я побоялся. Кроме того, я не очень-то верил в это средство, хотя Габриэль и клялся мне, что так можно провести любую собаку. Обыкновенная красная луковица, по его словам, тоже убивала всякий запах. Но красный лук не растет в лесах, а скипидарную сосну я так и не нашел.

Однако я принимал все доступные мне меры предосторожности. Несмотря на свою молодость, я был старый охотник и кое-чему научился, выслеживая оленей и другую дичь в родных горах. Да и три четверти года, проведенные мною в Новом Свете, не все прошли в городе, и я до известной степени уже приобщился к тайнам здешних чащоб. Поэтому мы не бежали вперед очертя голову. Там, где было можно, я старался запутать след.

В одном месте нам предстояло пересечь болотце — участок со стоячей водой, заросший тростником и растением, носящим название «болотного дерева». Воды в болоте было по колено, и его ничего не стоило перейти вброд. Я знал это, так как недавно перебирался через него. Итак, взявшись за руки, мы пустились прямо через болото и благополучно выбрались на другую сторону; но чтобы не оставлять в грязи отпечатков наших ног, я сначала отыскал на берегу сухое местечко, откуда можно было прямо ступить в воду; то же самое я проделал при выходе из болотца.

Знай я, что среди участников погони имеются опытные следопыты, я, пожалуй, не стал бы напрасно стараться. Я думал, что Гайар и его подручные наспех собрали кое-кого из окрестных плантаторов и жителей поселка, людей неопытных, которых легко обманут мои незамысловатые уловки.

Если бы я догадывался, что их ведет человек, о котором мне рассказывал Габриэль, — известный всей округе следопыт, сделавший охоту на негров своей

Мы переправились через протоку по стволу дерева.

профессией, я не стал бы трудиться. Но я не подозревал, что за нами гонится этот негодяй со своими натасканными на людей собаками, и потому старался сбить погоню со следа.

Перейдя болотце, мы скоро очутились перед большой протокой и переправились на другую сторону по стволу повисшего над водой дерева. О, если бы в моих силах было разрушить этот мост, сбросить его в воду! Но я утешался тем, что если даже собаки и пройдут за нами по этой переправе, то верховые потеряют время, разыскивая брод.

Вот наконец и поляна; но я не стал мешкать ни секунды. Мы даже не кинули взгляда на яркий ковер цветов, не заметили их благоухания. Когда-то я мечтал побывать здесь с Авророй. Вот мы и попали в этот земной рай, но при каких обстоятельствах! Страшные мысли теснились в моем мозгу, когда мы почти бегом пересекали залитую солнцем и усыпанную цветами прогалину, чтобы снова углубиться в призрачный полумрак леса.

Тропу я запомнил хорошо и шел по ней без колебаний. Однако время от времени я все же останавливался, чтобы послушать, не приближается ли погоня, и дать своей спутнице отдышаться. От непривычного напряжения грудь Авроры тяжело вздымалась, но в глазах ее светилась непоколебимая решимость, а улыбка подбадривала меня.

Наконец мы очутились среди болотных кипарисов, окаймлявших озеро, и, обходя их толстые стволы, вскоре добрались до поваленного дерева. Еще несколько секунд — и нас скрыли огромные ветви, опутанные мохом.

По пути я запасся дудочкой, которую, вспомнив уроки негра, вырезал из тростника, росшего здесь в изобилии. Дудка эта издавала очень своеобразный пронзительный свист, слышный даже в самых отдаленных уголках озера.

Ухватившись покрепче за ветку, я нагнулся к самой воде и, приложив тростинку к губам, подал условный сигнал.

Глава LXXII

ИЩЕЙКИ

Пронзительный звук далеко разнесся по воде и, казалось, проник в самые глухие закоулки леса. Он всполошил пернатых обитателей озера, и они ответили на непривычный свист нестройным и крикливым концертом. Отчаянное курлыканье журавлей и луизианских цапель, хриплое уханье сов и еще более хриплый крик пеликана слились в сплошной гомон, но всех заглушали рыболов и белоголовый орлан, чей резкий голос удивительно напоминает металлический скрежет напильника, которым точат зубья пилы.

Шум долго не стихал, и я подумал, что если придется повторить сигнал, то негр его не услышит — даже самый пронзительный свист потонет в этом содоме.

Спрятавшись среди ветвей, мы ждали дальнейшего развития событий. Мы не разговаривали. Опасность была слишком велика, чтобы в эти секунды напряженного ожидания испытывать какое-либо чувство, кроме чувства величайшей тревоги. Брошенное время от времени слово утешения, высказанная вполголоса надежда — вот и весь наш разговор.

В мучительном ожидании смотрели мы на воду и с опаской озирались на берег. С надеждой ждали плеска весла и со страхом — воющего лая собаки. Никогда не забуду я этих минут — минут тягостного, мучительного ожидания! До самой смерти не изгладятся они из моей памяти.

Все, что я передумал в эти мгновения, все, даже самые мельчайшие подробности того, что я пережил, встают передо мной так живо, будто это произошло только вчера.

Помню, раз или два нам показалось, что в тени деревьев пробежала легкая рябь. Сердце у нас радостно забилось — мы подумали, что это пирога.

Но радость наша была недолгой. Волнение поднял аллигатор, и минуту спустя отвратительное животное, почти одной длины с челном, проскользнуло мимо нас, с необыкновенной быстротой рассекая воду.

Помню, я подумал тогда, что негра может и не быть в его убежище. Что, если он охотится в лесу? Да мало ли куда он мог отлучиться! Но в таком случае я нашел бы возле дерева его пирогу. А если у него есть и другие потайные стоянки — например, по другую сторону озера? Он ничего мне такого не говорил, но это было весьма возможно. Все эти догадки лишь усиливали мою тревогу.

Но тут у меня возникло еще одно предположение, более страшное, ибо оно было более вероятным: негр мог попросту спать! Более вероятное потому, что ночь была для него днем, а день — ночью. По ночам он выбирался из своего убежища, бродил по лесу, охотился, а днем прятался в дупле и спал.

«О боже! Неужели он в самом деле спит и не слышал моего сигнала?» — в ужасе спрашивал я себя.

Следовало бы повторить сигнал, хотя я и понимал, что, если предположение мое верно, он все равно меня не услышит. Негр спит, как залегший в берлогу медведь, его и пушками не разбудишь. Как же мог я надеяться разбудить его своей жалкой дудкой, тем более что птичий концерт все продолжался?

— А если Габриэль и услышит, — обратился я к Авроре, — вряд ли он отличит мой свисток от... Боже милостивый!

Это восклицание сорвалось у меня помимо моей воли, и я не успел договорить начатой фразы. Протяжный и полный значения звук, который я услышал сквозь птичий гомон и, услышав, тотчас узнал, был заливистый лай собаки, идущей по следу.

Я нагнулся и прислушался. Вот опять! Эту мелодию ни с чем не спутаешь. Недаром у меня слух охотника и я не раз наслаждался этой музыкой.

Но этот лай отнюдь не казался мне музыкальным. Он звучал, как крик мести, как грозное предзнаменование гибели.

Я уже не помышлял о том, чтобы повторить сигнал. Даже если негр меня услышит, будет уже поздно. Отшвырнув тростинку, как бесполезную игрушку, я привлек к себе Аврору и, поставив ее за собой, выпрямился

во весь рост и повернулся к берегу. Снова прокатившийся по лесу заливистый собачий лай прозвучал на этот раз так близко, что я невольно нагнулся, думая увидеть пса.

Ждать пришлось недолго. В сотне метров зеленели заросли тростника. Я заметил, как тростник зашевелился. Верхушки заколыхались, полые стебли затрещали, клонясь под напором подминавшего их живого существа. Какой-то зверь продирался сквозь их гущу.

Но вот тростник заколыхался еще сильнее, последний ряд его подался, и я увидел то, чего ждал, — пегую рубашку огромной собаки! Одним прыжком она выскочила из зарослей, на мгновение замерла на открытом пространстве, потом, глотнув воздух, протяжно взвыла и понеслась вперед.

За ней выскочила вторая, потревоженный тростник сомкнулся за ними, и обе побежали в сторону поваленного дерева.

Кустарника здесь не было, поэтому я хорошо их видел. Несмотря на царивший вокруг полумрак, я даже разглядел их породу и масть: это были огромные шотландские борзые, так называемые дирхаунды, серо-черный и рыжий. По тому, как они приближались, видно было, что они хорошо натасканы, и натасканы не на оленей, а на людей. Ни одна охотничья собака не шла бы так по человеческому следу, как шли они по нашему.

Увидев собак, я сразу приготовился к схватке. Их величина, широкие и тяжелые челюсти, злобный вид указывали на свирепость этих тварей. Можно было не сомневаться в том, что они кинутся на меня, едва только заметят. Поэтому я вытащил пистолет и, ухватившись за ветку, чтобы удержать равновесие, ждал их приближения.

Я не ошибся. Добежав до поваленного дерева, собака приостановилась лишь на долю секунды, потом вскочила на ствол и побежала к нам. Она уже не принюхивалась к следу; я видел ее горящие яростью глаза и с минуты на минуту ждал нападения.

Если бы я готовился к этой встрече заранее и искал наиболее выгодной позиции, то и тогда не выбрал бы

удачнее. Вынужденный приближаться ко мне по прямой, мой враг не мог метнуться ни вправо, ни влево, так что мне оставалось только твердой рукой направить на него пистолет и, когда нужно, нажать гашетку. Даже новичок, впервые взявший в руки огнестрельное оружие, и тот бы не промахнулся.

Гнев напряг мои нервы, в груди горело чувство беспредельного негодования, которое придало мне твердость стали. При мысли, что меня травят, как волка, я пришел в бешенство, но то было холодное бешенство.

Я выждал, пока морда собаки не оказалась на расстоянии нескольких дюймов от дула пистолета, и нажал гашетку. Собака рухнула в воду.

За ней почти вплотную следовала вторая. Не дожидаясь, когда облако дыма рассеется, я прицелился и снова нажал гашетку.

Добрый мой пистолет не подвел меня. За выстрелом я услышал громкий всплеск падающего в воду тела.

Собак уже не было на стволе. Одна свалилась направо, другая — налево, в черную воду озера.

Глава LXXIII

ОХОТНИК ЗА ЛЮДЬМИ

Собаки упали в воду — одна была убита наповал, другая тяжело ранена. Но эта собака тоже была обречена: пулей ей перешибло ногу, и хотя она судорожно билась в воде, пытаясь выплыть, это ей никак не удавалось. Через несколько минут она камнем пошла бы ко дну, но, как видно, ей не суждено было утонуть. Рок уготовил ей иную кончину, и предсмертный вой ее пресекся довольно необычным образом.

Визг собаки — сладчайшая музыка для аллигатора. Для него собака — самая лакомая добыча, и, услышав вой гончей или даже простой дворняжки, он готов проплыть любое расстояние.

Натуралисты объясняют это любопытное явление иначе. Они утверждают — и это в самом деле соответ-

ствует истине, — что вой собаки имеет отдаленное сходство с криком молодого аллигатора, и взрослые кидаются на этот вой якобы по двум причинам: самка — чтобы защитить свое детище, а самец — чтобы его пожрать.

Наблюдение это еще оспаривается наукой, одно лишь неоспоримо — аллигатор никогда не упустит случая полакомиться собакой. Схватив добычу страшными челюстями, он утаскивает ее в свои подводные владения. При этом он действует с такой жадностью, которая красноречиво говорит о том, что собачье мясо и впрямь его любимое блюдо.

Поэтому я нисколько не удивился, когда с полдюжины этих гигантских пресмыкающихся вдруг вынырнули среди темных стволов деревьев и быстро поплыли к раненой собаке.

Они устремились к тому месту, откуда слышался непрерывный визг, окружили барахтающуюся борзую плотным кольцом и ринулись на свою жертву.

Стая акул и та уступила бы им в проворстве. Удар хвостом одного из аллигаторов пресек вой пса, три или четыре пары грозных челюстей одновременно щелкнули, последовала недолгая борьба, потом длинные костлявые головы разомкнулись, и чудовища поплыли в разные стороны, каждое унося в зубах по куску. Только несколько пузырей да красная пена, выступившая на чернильной поверхности воды, указывали место, где еще недавно билась собака.

Примерно такая же сцена разыгралась и по ту сторону поваленного дерева — озеро здесь едва достигало нескольких футов глубины, и на дне было хорошо видно тело убитой собаки. Три или четыре аллигатора, приблизившихся к дереву с этой стороны, заметили собачий труп и, кинувшись вперед, разделались с ним так же ловко, как их сородичи с другим псом. Пара шотландских борзых исчезла в пасти этих прожорливых тварей быстрее, чем крошка хлеба, брошенная в стаю голодных пескарей. Но как ни поразительно было это зрелище, я почти не обратил на него внимания. Мысли мои были заняты другим.

После выстрела я продолжал стоять на поваленном дереве, устремив взгляд в ту сторону, откуда появились собаки.

Я пристально всматривался в просветы между стволами, в темную глубину леса. Я следил за зарослями тростника, стараясь уловить малейшее движение, прислушивался к каждому звуку и шороху, но сам хранил молчание и жестом велел молчать своей дрожащей спутнице.

Надежды почти не оставалось. Вот-вот появятся еще собаки, другие, отставшие ищейки, а с ними верховые — охотники за людьми. Они близко и скоро подойдут — скоро, потому что мои выстрелы укажут им путь. Оказывать сопротивление отряду разъяренных людей бессмысленно. Оставалось одно — сдаться.

Аврора, видя, что я выхватил второй пистолет, умоляла меня сдаться, не пуская в ход оружия. Но я и не собирался стрелять в людей — я приготовил пистолет, чтобы защититься от нападения собак, если они появятся.

В лесу стояла тишина, и ничто не указывало на приближение моих преследователей. Что могло их задержать? Может быть, переправа через протоку или болотце? Я знал, что лошадям там не пройти и всадники вынуждены будут искать объезда. Но все ли они верхом?

Я даже начал надеяться, что Габриэль подоспеет. Если он не слыхал моего сигнального свиста, то не мог же он не слышать выстрелов! Но потом мне пришло в голову, что это еще, чего доброго, его отпугнет. Он не поймет, кто и зачем стрелял, и побоится выехать на своей пироге.

Хорошо, если он услышал первый сигнал и находится в пути! Прошло не так много времени, и еще оставалась надежда. Пусть здесь было немало пережито, но пришли мы сюда совсем недавно. Если Габриэль услышал выстрелы по пути сюда, то он решит, что я стрелял из своей двустволки, стрелял в какую-нибудь дичь, и не оробеет. Может быть, он еще подоспеет во-время и мы благополучно доберемся до его дупла.

Кроме двух-трех пятен крови на шероховатой коре дерева, ничто не указывало на то, что здесь побывали собаки, да и эти пятна вряд ли видны с берега. Если у охотников нет других собак, которые доведут их до места, им нелегко будет обнаружить эти следы в царящем тут полумраке, и, может быть, нам все-таки удастся ускользнуть.

С новой надеждой я повернулся к воде и стал глядеть в ту сторону, откуда, как мне казалось, должна была появиться пирога. Увы, ничто не говорило о ее приближении. Кроме крика потревоженных птиц, ни звука не доносилось с озера.

Я снова повернулся к берегу.

Заросли тростника колыхались. Длинные стебли гнулись и трещали под тяжелой поступью человека. Вот он уже показался из зарослей и вразвалку пошел к воде.

Он шел один, лошади и собак с ним не было, но перекинутый через плечо длинноствольный винчестер и охотничье снаряжение указывали на то, что это хозяин шотландских борзых.

Густая черная борода, гетры и куртка из оленьей кожи, красный шейный платок и енотовая шапка, а главное, свирепое выражение лица не оставляли сомнений в том, кто этот субъект. Он в точности соответствовал описанию, которое я слышал от беглого негра. Это мог быть только Рафьен — охотник за людьми!

Глава LXXIV

ВЫСТРЕЛ ЗА ВЫСТРЕЛ

Да, субъект, который вышел из зарослей, был действительно Рафьен, охотник за людьми, и пристреленные мною собаки принадлежали ему. Это была пара хорошо известных всей округе ищеек, специально обученных выслеживать несчастных негров, когда, не выдержав зверского обращения надсмотрщика, они бежали в леса.

Не меньшую известность снискал и их хозяин — распутный и грубый малый, добывавший себе пропитание отчасти охотой, отчасти кражей свиней. Жил он в лесу, как дикарь, и изредка нанимался к окрестным плантаторам, нуждавшимся в его услугах и услугах его омерзительных псов.

Как я уже говорил, мне никогда не приходилось встречаться с этим субъектом, хотя я достаточно слышал о нем и от Сципиона и от Габриэля. Последний весьма подробно описал мне наружность Рафьена и сообщил немало поистине потрясающих историй, свидетельствующих о его злобном и лютом нраве: нескольких беглых негров он убил, а других затравил своими свирепыми псами.

Его ненавидели и боялись во всех негритянских поселках побережья, а матери-негритянки пугали именем Рафьена своих малышей, когда они капризничали, и те сразу затихали. Да и имя-то какое! Ведь Рафьен — значит головорез!

Такая слава шла о Рафьене, охотнике за людьми, среди черных илотов на плантациях. Его имя внушало больше страха, чем пытка и ременная плеть. По сравнению с ним какой-нибудь палач-надсмотрщик вроде Билла-бандита показался бы ангелом.

При виде этого человека я сразу же оставил всякую мысль о побеге.

Уронив руку, сжимавшую пистолет, я ждал, когда он подойдет, чтобы сразу сдаться. Сопротивление не привело бы ни к чему, кроме бессмысленного кровопролития. Поэтому я стоял молча и посоветовал своей спутнице тоже хранить молчание.

Выйдя из зарослей, Рафьен не сразу нас заметил. Меня наполовину скрывали густые фестоны испанского моха, а Аврору за зеленью и вовсе не было видно. Кроме того, охотник не смотрел в нашу сторону, глаза его были устремлены на землю. Он, конечно, слышал выстрелы, но больше полагался на свое чутье следопыта. По тому, как он шел, низко пригнувшись к земле, я понял, что он идет по следу собственных псов почти так, как шла бы собака.

Когда он приблизился к озеру, на него вдруг пахнуло затхлым запахом воды. Он остановился, поднял голову и посмотрел вперед. То, что перед ним оказалось озеро, видимо, его озадачило, и он выразил свое удивление коротким ругательством:

— Чорт!

Затем взгляд его упал на поваленное дерево и, следуя дальше по стволу, остановился на мне.

— Лопни мои глаза! — воскликнул он. — Так это вы? А где мои собаки?

Я тоже смотрел на него в упор, но молчал.

— Я вас спрашиваю, чорт бы вас побрал, где мои собаки?

Я все молчал.

Взгляд его упал на ствол дерева. Он заметил пятна крови на коре, вспомнил про выстрелы.

— Проклятье! — прорычал он. — Ты убил моих собак!

И вслед за тем полился нескончаемый поток угроз и брани, сопровождаемой такой дикой жестикуляцией, что я подумал — уж не сошел ли он с ума.

Но вскоре он прекратил свои бессмысленные прыжки и кривлянья, широко расставил ноги, вскинул к плечу винчестер и закричал:

— Слезай с дерева и тащи свою черномазую! Живо, чорт тебя побери! Слезай, говорят! Будешь долго раздумывать — пристрелю!

Я уже говорил, что при первом взгляде на этого человека я оставил всякую мысль о сопротивлении и намеревался сразу же сдаться, но его наглое требование и оскорбительный тон задели меня за живое, и я решил защищаться.

Злоба придала мне новые душевные и телесные силы, мой дух и моя рука обрели утраченную было твердость. Этот негодяй травит меня, как дикого зверя, но я ему не поддамся!

К тому же, против ожидания, Рафьен явился сюда один. Он шел за своими собаками пешком, тогда как другие ехали верхами и, должно быть, задержались у протоки или болота. Если бы преследователи подошли

Я не промахнулся: Рафьен

все вместе, я волей-неволей вынужден был бы покориться. Но охотник за людьми, каким бы опасным противником он ни был, явился сюда в единственном числе, а безропотно сдаваться одному человеку не позволяли мне понятия чести, унаследованные от моих воинственных предков. Как-никак, в моих жилах текла кровь вольных горцев, и я решил сразиться, а там будь что будет!

Крепко сжав в руке пистолет, я прямо посмотрел в налитые кровью глаза наглеца и крикнул:

— Стреляйте! Но смотрите не промахнитесь, потому что я-то уж не промахнусь!

Направленное на него дуло пистолета поколебало решимость Рафьена, и будь у него малейшая возможность, я не сомневаюсь, что он уклонился бы от поединка. Он не ждал такой встречи.

Но он зашел уже слишком далеко, и отступать было поздно. Винтовка была вскинута к плечу, и в ту же

упал с диким воплем.

секунду я увидел вспышку и услышал выстрел. Услышал я и щелчок пули, ударившейся в ветку, на которую я опирался. Хоть Рафьен по праву слыл метким стрелком, вид моего пистолета помешал ему хладнокровно прицелиться, и он промахнулся.

Зато я не промахнулся: Рафьен упал с диким воплем, и когда дым от выстрела рассеялся, он уже барахтался в черной тине.

Я хотел было послать вдогонку вторую пулю, чтобы прикончить негодяя, — такая меня душила злоба, но в эту минуту услышал позади себя плеск весла и мужской голос. Обернувшись, я увидел негра.

Габриэль пригнал пирогу почти к тому самому месту, где мы стояли среди ветвей, и теперь жестами и словами торопил нас садиться в нее:

— Скорее, масса! Скорее, Рора! Прыгайте! Прыгайте скорей! Верьте старому Габу — он умрет, а будет биться до последнего вместе с молодым массой.

Машинально, не отдавая себе отчета в том, что делаю, я послушался беглеца, хотя почти не верил в успех нашего предприятия, и, усадив Аврору в челн, спрыгнул сам и сел с ней рядом. Несколько сильных взмахов весла — и берег остался далеко позади, а через пять минут мы уже подплывали к огромному кипарису, возвышавшемуся на середине озера.

Глава LXXV

ЛЮБОВЬ В ЧАС ОПАСНОСТИ

Лодка скользнула в тень дерева, и мы подплыли под свисающие с него гирлянды испанского моха. Еще мгновение — и нос пироги уткнулся в ствол. Все так же машинально я вскарабкался на широкий комель и помог взобраться Авроре.

И вот мы в дупле, потаенном убежище беглеца, и на время вне опасности. Но мы не радовались. Мы понимали, что это всего лишь краткая передышка и нам не укрыться здесь от погони.

Встреча с Рафьеном погубила все. Умер ли охотник или остался жив, он приведет сюда остальных. Догадаться, куда мы бежали, не так уж трудно, и наше убежище очень скоро обнаружат.

То, что произошло, лишь усилит ярость наших врагов, и они еще настойчивее будут продолжать поиски. До появления Рафьена могла быть еще какая-то надежда ускользнуть. Большинство наших преследователей вышли в погоню за нами, как на обычную охоту за беглым негром, и, коль скоро наш след будет затерян, утратят свой боевой пыл. Да и Гайар не пользовался такой популярностью, чтобы ради него особенно старались; кровно заинтересован в успехе был лишь он сам да его подручные. Если бы около поваленного дерева не осталось следов нашего пребывания, мрачный лабиринт затопленного леса, возможно, отпугнул бы наших преследователей, большинство махнули бы рукой на безнадежную затею и разошлись по домам. Тогда, от-

сидевшись до вечера в нашем дупле, мы с наступлением темноты вновь переплыли бы озеро, высадились в другом месте, и негр вывел бы нас к береговой дороге, где нас должен был ждать д'Отвиль с лошадьми. А оттуда мы, как и предполагали раньше, двинулись бы в город.

Таков был придуманный мною наспех план действий, и до появления Рафьена, возможно, его удалось бы осуществить.

Даже после того, как я пристрелил собак, мы не отчаивались: кое-какие шансы на успех все же оставались. Задержавшись у протоки и потеряв из виду собак, наши преследователи могли сбиться со следа или, во всяком случае, продвигались бы много медленнее. Если даже они догадаются об участи, постигшей собак, то ни пешему, ни конному все равно не добраться до нашего убежища. Им потребуются лодки или пироги. Доставить сюда лодки с реки не так-то просто, а там наступит ночь. Единственной моей надеждой были ночная мгла и д'Отвиль.

Но перестрелка с Рафьеном спутала все карты.

После нашего поединка положение изменилось. Живой или мертвый, Рафьен приведет погоню к нашему убежищу. Если он жив, — теперь, когда гнев мой улегся, я дорого бы дал, чтоб он остался жив, — охотник сразу направит погоню за нами.

Мне казалось, что он жив, что я только ранил его. Смертельно раненный человек не мог бы так барахтаться. Я думал и надеялся, что он жив, но не потому, что испытывал угрызения совести, а лишь из чувства самосохранения. Если Рафьен мертв, тело его не замедлят найти у поваленного дерева, и оно будет свидетельствовать против меня. Поймать нас все равно поймают, но только последствия будут самые трагические.

Словом, встреча с этим негодяем оказалась для нас роковой. Она коренным образом изменила все. В защиту беглой невольницы была пролита кровь белого! Весть эта быстро дойдет до поселка, облетит все плантации. Вся округа поднимется на ноги, и число преследователей утроится. За мной станут охотиться как за че-

ловеком, совершившим двойное преступление, и рвение моих врагов будет подогреваться яростью и жаждой мести. Все это я знал и уже не рассчитывал на спасение. У нас не оставалось теперь и тени надежды.

Я привлек к себе свою нареченную, обнял ее и прижал к своей груди. Нас разлучит только смерть! В этот грозный и мрачный час она дала мне клятву. Только смерть разлучит нас!

Любовь Авроры вдохнула в меня мужество, и я бесстрашно ждал того, чего не в силах был предотвратить.

* * * * * * * *

Прошел еще час.

Несмотря на грозившую нам опасность, мы не заметили, как пролетело время. Вы, вероятно, удивитесь, если я скажу, что это был один из счастливейших часов в моей жизни. Впервые после дня помолвки с Авророй я беседовал с ней без свидетелей. Мы остались наедине — преданный негр стоял на страже возле пироги.

Недавние ревнивые подозрения еще сильнее разожгли мои чувства, ибо таков закон природы, и, воспламененный любовью, я почти забыл о нашем отчаянном положении.

Снова и снова давали мы друг другу обеты верности, снова и снова повторяли клятвы любви с горячностью и красноречием, подсказанными истинной страстью. О, то были счастливые минуты!

Увы, нашему счастью скоро пришел конец! Конец горестный, но не неожиданный. Когда в лесу затрубил рог, когда там стали громко перекликаться десятки людей, я ничуть не удивился. Не удивился я и тогда, когда услышал гулко разносящиеся по воде голоса, выкрикивавшие ругательства и проклятья, скрип уключин и плеск весел. И когда Габриэль сообщил, что несколько лодок с вооруженными людьми приближаются к нашему дереву, известие не застало меня врасплох: я это предвидел.

Я спустился вниз по стволу дерева и, наклонившись, выглянул из-под завесы свисающего моха. Отсюда мне

было видно все озеро. Я хорошо различал людей в пирогах и яликах, видел, как они гребли и жестикулировали.

Дойдя примерно до середины озера, они бросили весла и принялись совещаться. Немного погодя они разбились на группы и стали объезжать дерево, как видно решив нас окружить.

Задуманный маневр был выполнен в несколько минут, и теперь лодки со всех сторон приближались к нам, пока не очутились среди низко склонившихся к воде ветвей болотного кипариса. Торжествующий крик оповестил о том, что убежище наше обнаружено, и сквозь фестоны испанского моха я увидел настороженные лица.

Нас заметили; заметили пирогу и стоящих у ее носа Габриэля и меня.

— Сдавайтесь! — раздался чей-то повелительный голос. — А станете сопротивляться — пеняйте на себя!

Но, несмотря на предложение сдаться, лодки не трогались с места. Сидевшие в них знали, что я ношу при себе пистолеты и умею ими пользоваться — они имели случай убедиться в этом, — и, боясь, как бы я снова не пустил в ход оружие, они не слишком спешили подойти.

Но страхи их были напрасны — я и не думал стрелять. Пытаться оказать сопротивление двум десяткам хорошо вооруженных людей, — а в лодках сидело никак не меньше, — было бы чистейшим безумием. Я и не помышлял о том. Однако, решись я на такой шаг, не сомневаюсь, что Габриэль дрался бы бок о бок со мной до последнего. Смелый негр, отвагу которого удесятеряла мысль о грозящей ему каре, сам предложил дать бой. Но смелость его граничила с безумием, и я молил его не сопротивляться, потому что его наверняка уложат на месте.

Я не собирался пускать в ход оружие, но медлил с ответом.

— Мы хорошо вооружены, — продолжал парламентер, повидимому пользовавшийся авторитетом у остальных. — Сопротивляться бессмысленно, лучше вам сразу сдаться...

— Что с ними долго разговаривать! — прервал его другой грубый голос. — Подпалим дерево и выкурим их оттуда. Мох сразу же вспыхнет!

Я узнал этот голос. Бесчеловечное предложение исходило от бандита Ларкина.

— Я и не собираюсь сопротивляться, — ответил я их предводителю, — и готов следовать за вами. Никакого преступления я не совершил. За свои поступки я готов ответить перед законом.

— Вы ответите нам! — рявкнул кто-то с другой лодки. — Мы здесь закон!

В его словах прозвучала скрытая угроза, которая заставила меня насторожиться, но наши переговоры на этом закончились. Ялики и челны устремились к дереву. Я увидел направленный на меня десяток винчестеров и пистолетов, и десяток голосов хором скомандовал нам сесть в лодки.

По свирепому и решительному виду этих грубых людей я понял, что нам не остается ничего другого, как покориться или умереть.

Я отвернулся, чтобы попрощаться с Авророй: она выбралась из дупла и, рыдая, стояла подле меня.

Воспользовавшись этим, несколько человек влезли на дерево, набросились на меня сзади, скрутили мне руки за спиной и крепко связали.

Я едва успел сказать последнее прости Авроре, которая уже не плакала, а взирала на суетившихся вокруг меня людей с нескрываемым презрением. А когда меня втолкнули в лодку, смелая девушка крикнула дрожащим от негодования голосом:

— Трусы! Жалкие трусы! Ни один из вас не осмелился встретиться с ним в открытом бою! Ни один! — И в этих словах прозвучало все благородство ее души.

Этот порыв моей невесты восхитил меня, он явился лучшим доказательством ее любви. Я восторгался ею и с наслаждением выразил бы ей свой восторг, если бы моя стража, явно пристыженная словами Авроры, не поспешила отчалить. В следующую секунду пирога, в которую меня поместили, вылетела из-под низко нависших ветвей и заскользила по озеру.

Глава LXXVI

СТРАШНАЯ УЧАСТЬ

Аврору я больше не видел. Не видел и беглого негра. Но из разговоров сопровождавших меня людей я понял, что обоих должны были увезти в одной из оставшихся лодок и что высадят их где-то в другом месте. Понял я также, что несчастного негра ждало страшное наказание, которого он так боялся: ему отрубят правую руку!

Как ни горько мне было это узнать, еще тяжелее было выслушивать их грубые шутки. Я даже не могу повторить те оскорбления, которыми они осыпали меня и мою возлюбленную.

Но я не пытался защищать ни ее, ни себя. Я не отвечал им. Я сидел молча, устремив мрачный взгляд на воду, и почувствовал даже какое-то облегчение, когда пирога снова поплыла среди поднимавшихся из воды стволов кипарисов и темная тень их скрыла мое лицо от посторонних взглядов. Меня везли к поваленному дереву.

Подъезжая, я увидел на берегу толпу людей и среди них свирепого Рафьена с обмотанной кровавой тряпкой рукой, висевшей на перевязи, которой служил красный шейный платок. Как ни в чем не бывало стоял он вместе с остальными.

«Слава богу, я не убил его! — мысленно воскликнул я. — Хоть за это не придется быть в ответе!»

К тому времени подоспели остальные ялики и пироги, за исключением лодки с беглым негром и Авророй, и все высадились. На берегу собралось человек тридцать или сорок взрослых мужчин и подростков. Большинство были вооружены пистолетами или винчестерами и на фоне темной зелени леса представляли довольно живописную группу. Но в ту минуту я не склонен был любоваться картинами такого рода.

Меня высадили и под надзором двух вооруженных конвоиров, из которых один шагал впереди, а другой — сзади, повели куда-то. Толпа повалила за нами; кто забежал вперед, кто отстал, а мальчишки и кое-кто из мужчин шли рядом и глумились надо мной.

Я не стерпел бы подобного издевательства, но понимал, что, дав волю своему гневу, ничего этим не достигну. разве только доставлю лишнее удовольствие моим мучителям. Поэтому я упорно молчал и старался глядеть в сторону или в землю.

Мы шли быстро, насколько позволял густой кустарник, через который приходилось продираться окружавшей меня толпе, и я был рад этому. Я полагал, что меня ведут к какому-нибудь должностному лицу или мировому судье, как их здесь обычно называют. Во всяком случае, под стражей закона и его блюстителей я буду огражден от издевательств и оскорблений, которые градом сыпались на меня со всех сторон. Единственное, чего мне не пришлось испытать, — это побоев, хотя среди моего эскорта находились и такие, которые не прочь были бы пустить в ход кулаки.

Но вот лес поредел, между стволами засинело небо. Я решил, что мы каким-то ближним путем дошли до лесосеки. Но я ошибся, ибо несколько мгновений спустя мы выбрались на поляну. Снова эта поляна!

Здесь шествие остановилось, и в ярком сиянии солнечных лучей мне представилась возможность разглядеть моих мучителей. С первого же взгляда я понял, что попал в руки разнузданного сброда.

Тут был Гайар собственной персоной со своим надсмотрщиком, работорговцем и негодяем Ларкином. С ними пришли человек пять или шесть креолов-французов из собственников победнее — владельцы двух-трех ткацких станков—и мелкие плантаторы. В остальном же здесь собрались самые подонки Бринджерса — пьяные лодочники, которых я часто видел ораторствующими у бакалейной лавочки, местные буяны и отъявленные головорезы. И ни одного мало-мальски уважаемого землевладельца, ни одного уважаемого человека!

Но почему мы остановились на поляне? Я торопился поскорее попасть к судье и возмутился задержкой.

— Почему мы стали здесь? — раздраженно осведомился я.

— Потише, мистер! Больно уж ты прыток! — ответили мне из толпы. — Не торопись, скоро все узнаешь.

— Я протестую и требую, чтобы меня немедленно отвели к судье! — продолжал я возмущенно.

— Не бойся, отведут! Идти недалеко: судья-то — он здесь!

— Кто? Где? — спросил я, оглядываясь и полагая, что судья в самом деле находится в толпе.

Я слышал о дровосеках, исправляющих должность мировых судей, даже сам встречался с одним таким судьей, и теперь, обводя взглядом грубые лица, надеялся найти среди них представителя закона.

— Где же судья? — повторил я.

— Тут, тут, не беспокойся! — ответил один.

— Где судья? — гаркнул другой.

— Судья! Куда ты запропастился? Судья! — закричал третий, словно обращаясь к кому-то в толпе. — Валяй сюда, ваша милость! Прошу покорно, тут вас желают видеть!

Сначала я подумал, что он говорит всерьез и что в толпе действительно стоит судья.

Единственное, что меня поразило, — это слишком вольное обращение с представителем закона.

Но мое заблуждение длилось недолго, ибо в то же мгновение ко мне почти вплотную подскочил перевязанный и перепачканный тиной Рафьен и, пронзив меня взглядом своих злых, налитых кровью глаз, пригнулся к самому моему лицу и прошипел:

— Неужто, пускаясь воровать негров, мистер никогда не слыхал о судье Линче?

Кровь застыла у меня в жилах. Только теперь я понял страшную правду: меня собираются линчевать!

Глава LXXVII

ПРИГОВОР СУДЬИ ЛИНЧА

У меня и раньше мелькало подобное подозрение. Я вспомнил, как мне крикнули с лодки: «Вы ответите нам! Мы здесь закон!» Я слышал какие-то загадочные обрывки фраз, пока мы шли лесом, а когда мы выбра-

лись на поляну, обратил внимание на то, что все обогнавшие нас чего-то ждали, но я не мог понять причины этой остановки.

Теперь я увидел, что мужчины отошли в сторону и стали в круг; их торжественный вид указывал на то, что они готовятся к какому-то важному делу. Возле меня остались одни только подростки да негры, ибо и негры участвовали в моей поимке. Рафьен же подошел ко мне, желая, очевидно, насладиться местью и помучить меня.

Все это пробудило во мне страшные подозрения, которые были сначала только подозрениями. Я даже намеренно гнал прочь подобные мысли; мне представлялось, что если я стану думать об этом, то непременно накликаю на себя беду. Но теперь это уже были не подозрения — это была уверенность. Они линчуют меня!

Многозначительный и ехидный вопрос Рафьена о судье Линче был встречен дружным взрывом смеха собравшихся возле меня подростков. И Рафьен продолжал:

— Нет, видно, ты не слышал о таком судье — ведь ты приезжий, англичанин. А среди ваших париков такого нет. Он-то уж не станет тебя мариновать двадцать лет под следствием. Нет, лопни мои глаза! Живо рассудит. Оглянуться не успеешь!

Не довольствуясь словами, этот мерзавец сопровождал свою речь издевательскими ужимками и жестами, к вящему удовольствию нетребовательной аудитории, которая буквально покатывалась со смеху.

Если бы меня не связали, я кинулся бы на него, но, даже связанный и даже зная, с каким грубым человеком я имею дело, я не удержался от искушения и крикнул ему:

— Ты не посмел бы так глумиться надо мной, негодяй, если б у меня не были скручены руки! А пока что не мне досталось, а тебе! На всю жизнь останешься калекой! Впрочем, что за беда: стрелок ты все равно неважный.

Слова мои привели Рафьена в ярость, тем более что мальчишки принялись теперь хохотать уже над ним.

Было бы несправедливо назвать их всех испорченными вконец. В их глазах я был аболиционистом и, по их понятиям, просто воровал негров, а пример и прямое поощрение старших пробуждали в них самые темные инстинкты. Однако в основе своей это были не злые ребята. Простые мальчуганы, выросшие в лесной глуши, они оценили смелость моего ответа и больше уже не насмехались надо мной.

Иное дело Рафьен. Он разразился потоком ругательств и угроз и уже потянулся было, чтобы схватить меня здоровой рукой за горло, но тут его позвали на совет, и, помахав несколько раз кулаком перед моим носом и выругавшись на прощанье, он оставил меня в покое.

Несколько минут я провел в томительном ожидании. Я не знал ни того, что обсуждает толпа, ни того, что собираются со мной сделать, одно только было мне ясно — к судье меня не поведут. Из долетавших до меня обрывков фраз, как, например: «Выпороть его, подлеца!», «Обвалять в дегте и перьях!», я понял, какое наказание меня ждет. Но, вслушавшись внимательно, я убедился, что очень многие из моих судей считают эту кару еще чересчур мягкой. Некоторые прямо утверждали, что за нарушение закона я должен поплатиться жизнью.

На эту точку зрения стало большинство, и они призвали Рафьена себе на подмогу.

Постепенно мною начал овладевать страх, вернее — ужас, который достиг предела, когда я увидел, как кольцо мужчин разомкнулось и двое из них, взяв веревку, подошли к стираксовому дереву, росшему на краю поляны, и перекинули конец через толстый сук.

Судебное разбирательство кончилось, теперь оставалось вынести приговор. Даже у судьи Линча была своя процедура.

Когда веревку закрепили, один из мужчин — это был работорговец — подошел ко мне и в подражание судье огласил обвинение и приговор.

Я нарушил закон, совершив два тягчайших преступления: украл двух рабов и покушался на жизнь своего ближнего. Присяжные в числе двенадцати человек, рас-

смотрев обвинение, признали меня виновным и приговаривают меня к смерти через повешение. Он даже в точности повторил принятую в судопроизводстве формулу: меня «повесят за шею, пока я не буду мертв — мертв!»

Вы сочтете мой рассказ преувеличенным, даже невероятным. Вы подумаете, что я шучу. Вы не поверите, что подобное беззаконие может твориться в христианской — в цивилизованной — стране. Вы решите, что люди эти просто хотели подшутить надо мной и что у них и в мыслях не было меня вешать.

Ваше право сомневаться, но клянусь, что таково действительно было их намерение, и тогда я был так же убежден в том, что они меня повесят, как теперь убежден в том, что остался жив.

Хотите — верьте мне, хотите — нет, но не забывайте, что я был бы не первой жертвой суда Линча, и, слушая приговор, я хорошо помнил это. А кроме того, передо мной были такие вещественные доказательства, как веревка, дерево и судьи, один вид которых мог бы убедить любого. Ни проблеска милосердия не отражалось на их лицах!

Не знаю, что я говорил и что делал в эту страшную минуту. Помню только, что негодование пересиливало страх, что я возмущался, угрожал, слал им проклятия, а мои беспощадные судьи лишь смеялись в ответ.

Приговор должен был быть с минуты на минуту приведен в исполнение, и меня уже потащили к дереву, как вдруг послышался топот копыт, и несколько мгновений спустя из леса выскочила группа всадников.

Глава LXXVIII

В РУКАХ ШЕРИФА

Первое, что мне бросилось в глаза, было спокойное, решительное лицо скакавшего впереди Рейгарта, и сердце у меня затрепетало от радости. За ним ехал окружной шериф в сопровождении отряда добровольной

Беспощадные судьи лишь смеялись мне в ответ.

полиции — десятка полтора человек, среди которых были наиболее уважаемые местные землевладельцы. Они на всем скаку ворвались на лужайку, и эта спешка доказывала, что прибыли они сюда неспроста. Все они были вооружены винчестерами либо пистолетами.

Да, сердце мое затрепетало от радости. Настоящий преступник, стоя у подножия виселицы, не обрадовался бы гонцу, принесшему ему весть о помиловании, больше, чем обрадовался я. В приехавших я сразу узнал друзей, на их лицах прочел свое спасение. Поэтому я нимало не огорчился, когда шериф, спешившись, подошел ко мне и, положив руку мне на плечо, объявил, что арестовывает меня «именем закона». Не огорчила меня ни резкость тона, ни даже грубоватый жест. Эта внешняя грубость была явно намеренной, и арест я принял с ликованием, ибо он сохранял мне жизнь. Я понял, что спасен!

Но то, что так обрадовало меня, отнюдь не пришлось по вкусу моим самозванным судьям, и они стали громко выражать свое недовольство. Меня уже осудил суд присяжных из двенадцати свободных граждан, кричали они, суд признал меня виновным в краже негров, двух негров; когда меня хотели задержать, я оказал сопротивление и «малость продырявил» одного человека, и поскольку вина моя доказана, нечего тут рассусоливать: вздернуть преступника на первом дереве, и все тут!

Шериф ответил, что это незаконно, что нужно уважать правосудие, что если я совершил преступления, в которых меня обвиняют, то я буду наказан со всей строгостью закона, но что сперва меня нужно отвести к судье, где мне будет предъявлено обвинение по всей форме, и наконец выразил свое намерение доставить меня к мистеру Клейборну, здешнему мировому судье.

Толпа начала громко пререкаться с отрядом шерифа, и нельзя сказать, чтобы этому высокому должностному лицу оказывали подобающее почтение; некоторое время я даже опасался, как бы негодяи не настояли на своем. Но американский шериф мало похож на вялого

джентльмена, обычно исправляющего эту должность в Англии. В девяти случаях из десяти это человек решительный и смелый, и шериф Хикмен, с которым пришлось столкнуться моим судьям, не составлял исключения из общего правила. Кроме того, на мое счастье, в наспех собранном моим другом Рейгартом отряде оказались люди такого же склада. Сам Рейгарт, хотя и мирный человек, был известен своим хладнокровием и отвагой, а хозяин гостиницы и несколько сопровождавших шерифа плантаторов славились как люди надежные, ревнители закона и справедливости. Вооруженные до зубов, они положили бы жизнь в защиту шерифа и его требований. Правда, численно их было меньше, но на их стороне был закон, и это давало им преимущество.

В одном мне сильно повезло — моих обвинителей недолюбливали. Хотя Гайар, как уже говорилось раньше, всячески старался создать себе репутацию человека высоконравственного, он не пользовался уважением окрестных плантаторов, особенно плантаторов американского происхождения. Кроме того, все понимали, что главных крикунов тайно подбил против меня адвокат. Что касается Рафьена, которого я ранил, то участники моей поимки слышали выстрел его винчестера и знали, что стрелял первым он.

В спокойную минуту они признали бы за мной законное право защищаться, во всяком случае по отношению к этому субъекту.

Однако, если бы обстоятельства сложились иначе, если бы «оба негра» были украдены у всеми уважаемого землевладельца, а не у мсье Доминика Гайара, если бы Рафьен был человеком достойным, а не жалким пропойцей и бродягой, и если бы присутствующие сразу не почувствовали, что здесь речь идет не о простой краже, — тогда дело могло обернуться для меня плохо, несмотря на вмешательство шерифа и его отряда.

Но и тут не обошлось без длительной и гневной перебранки; и та и другая сторона орала, грозила друг другу кулаками, защелкали даже взводимые курки винчестеров и пистолетов.

Но храбрый шериф не дрогнул, Рейгарт держался весьма мужественно, хозяин гостиницы и несколько молодых плантаторов выказали должную отвагу — и закон восторжествовал.

Да, волею судеб и благодаря вмешательству десятка благородных людей закон восторжествовал, иначе мне ни за что не уйти бы живым с этой поляны.

Судья Линч вынужден был отступить перед судьей Клейборном, и жестокий приговор первого был на время отменен.

Одержавший победу шериф и его отряд окружили меня, и мы тронулись в путь.

Но хотя мои кровожадные судьи уступили, они могли еще передумать и попытаться вырвать меня из рук правосудия. Поэтому шериф велел дать мне лошадь и сам ехал рядом со мной, а с другой стороны меня охранял его испытанный помощник. Рейгарт и плантаторы старались держаться поближе к нам, а кричащая и ругающаяся толпа замыкала шествие, кто на лошадях, а кто и просто пешком.

В таком порядке мы проследовали через лес и поле, спустились по дороге, ведущей в Бринджерс, и наконец прибыли в резиденцию сквайра Клейборна — мирового судьи округа.

К дому его примыкала большая комната, где сквайр имел обыкновение отправлять правосудие. Этот «судебный зал» сообщался с домом простой дверью, и, кроме двух-трех скамеек да стоящей в углу невысокой кафедры, ничто не указывало на его назначение.

За этой кафедрой судья улаживал мелкие ссоры, снимал за четверть доллара показания под присягой и вершил прочие гражданские дела. Но чаще всего его судейская деятельность сводилась к тому, чтобы назначать строптивому негру соответствующее количество плетей по жалобе совестливого хозяина, ибо несчастный раб, хотя бы теоретически, находился под защитой закона.

В эту-то комнату и ввел меня шериф и его помощники; толпа ввалилась за нами, и скоро там яблоку негде было упасть.

Глава LXXIX

РАЗВЯЗКА

Как видно, судья был оповещен заранее, ибо мы застали сквайра Клейборна в его судейском кресле готовым выслушать стороны. В худом седовласом и благообразном старце я сразу признал достойного представителя закона — одного из тех почтенных судей, которые внушают уважение не только в силу преклонного возраста и занимаемого поста, но прежде всего своими высокими добродетелями. Несмотря на окружавший меня шумный сброд, я прочел в ясном и твердом взгляде судьи решимость оставаться до конца беспристрастным.

Теперь я уже не боялся. В пути Рейгарт успел сказать мне, чтобы я не падал духом. Он шепнул мне что-то о новом, неожиданном повороте дела, но я плохо расслышал его и не понял, что он имел в виду, а в спешке и сумятице мне не представилось случая его переспросить.

— Не падайте духом! — сказал он, когда, подстегнув свою лошадь, поравнялся со мной. — И не бойтесь. Все будет хорошо. Это довольно необычное дело, и кончится оно необычно и кое для кого весьма неожиданно. Ха-ха-ха!

К моему удивлению, Рейгарт захохотал — казалось, он чему-то искренне радовался. Я с недоумением взглянул на него.

Но мне так ничего и не удалось узнать, потому что в эту минуту шериф повелительным тоном запретил «вести разговоры с арестованным», и нас разлучили. Как ни странно, но я не рассердился на шерифа. Что-то подсказывало мне, что грубость его притворная и что шериф Хикмен прибег к этой уловке, желая умиротворить толпу.

Когда меня подвели к кафедре, шериф и судья не без труда водворили в зале порядок. Судья, воспользовавшись относительным затишьем, наконец приступил к делу.

— Итак, джентльмены! — произнес он твердым официальным тоном.—Я готов выслушать выдвинутые про-

тив этого молодого человека обвинения. В чем он обвиняется, полковник Хикмен? — обратился он к шерифу.

— В краже негров, насколько я понимаю, — ответил тот.

— Кто предъявляет обвинение?

— Доминик Гайар! — раздался голос из толпы, и я узнал его: это был голос самого адвоката.

— Присутствует ли здесь мсье Гайар лично? — осведомился судья.

Голос ответил утвердительно, и лисья физиономия моего врага вынырнула из толпы.

— Мсье Доминик Гайар, — произнес судья, — в чем обвиняете вы арестованного? Изложите ваше обвинение подробно и под присягой.

Покончив с формулой присяги, Гайар изложил свой иск со всеми тонкостями и вывертами, достойными прожженного крючкотвора.

Мне незачем здесь воспроизводить все его юридические хитросплетения. Достаточно сказать, что обвинение состояло из нескольких пунктов.

Во-первых, я будто бы подстрекал к мятежу и пытался взбунтовать невольников плантации Безансонов, помешав «справедливому» наказанию одного из негров. Во-вторых, я подучил другого невольника ударить надсмотрщика, после чего склонил его бежать в лес и помог ему скрыться. Имелся в виду тот самый Габриэль, который сегодня был пойман вместе со мной. В-третьих — и тут Гайар дошел до самого выигрышного пункта своего обвинения...

— В-третьих, — продолжал он, — проникнув в мой дом в ночь на восемнадцатое октября, арестованный выкрал оттуда невольницу Аврору Безансон...

— Ложь! — прервал его чей-то голос. — Ложь! Аврора Безансон не невольница!

Гайар вздрогнул, словно его ударили ножом.

— Кто смеет это утверждать? — осведомился он, но уже без прежнего апломба.

— Я! — отвечал тот же голос, и в то же мгновение молодой человек вскочил на скамью; теперь он на голову возвышался над толпой. Это был д'Отвиль!

— Я утверждаю! — повторил он так же твердо. — Аврора Безансон не невольница, а свободная квартеронка! Судья Клейборн, — продолжал д'Отвиль, — сделайте милость прочесть этот документ! — С этими словами он передал стоявшему рядом человеку сложенный вчетверо пергамент, а тот передал его дальше.

Шериф вручил документ судье; тот развернул бумагу и прочел ее вслух.

Это оказалась «вольная» квартеронки Авроры — свидетельство о том, что она отпускается на волю, составленное по всем правилам и подписанное ее покойным хозяином Огюстом Безансоном. Старик приложил его к своему завещанию.

Толпа окаменела от изумления, никто не мог вымолвить ни слова. Настроение в зале явно переменилось.

Все глаза обратились к Гайару. А он, запинаясь от смущения, произнес только:

— Я протестую!.. Эту бумагу выкрали из моего секретера и...

— Тем лучше, мсье Гайар! — снова прервал его д'Отвиль. — Тем лучше! Признавая, что бумагу выкрали у вас, вы этим самым признаете ее подлинность. Но скажите, сударь, почему, имея на руках этот документ и зная его содержание, вы осмеливаетесь утверждать, что Аврора Безансон ваша невольница?

Гайар был сражен. Его мертвенно-бледное лицо сделалось зеленовато-серым, и обычно злобное выражение уступило место растерянности и страху. Чувствовалось, что он дорого бы дал, чтобы очутиться за тридевять земель отсюда, да и сейчас он уже прятался за спины стоявших возле него мужчин.

— Постойте, мсье Гайар! — продолжал неумолимый д'Отвиль. — Я еще не кончил. Вот, пожалуйста, судья Клейборн, еще один документ, который не лишен для вас интереса. Попрошу вас уделить ему внимание.

С этими словами д'Отвиль вынул из кармана другой сложенный лист пергамента, который передал судье, и тот, развернув бумагу, огласил ее содержание.

Это было дополнительное распоряжение к завещанию Огюста Безансона, по которому тот оставлял своей дочери, Эжени Безансон, пятьдесят тысяч долларов, каковые, по достижении совершеннолетия, должны были быть выплачены ей обоими опекунами — господином Домиником Гайаром и Антуаном Лере, причем существование этих денег должно было храниться от подопечной в тайне до дня их выплаты.

— А теперь, мсье Доминик Гайар, — продолжал д'Отвиль, лишь только судья дочитал бумагу, — я обвиняю вас в присвоении этих пятидесяти тысяч долларов, равно как и других сумм, о которых будет сообщено особо. Я обвиняю вас в том, что вы утаили самый факт существования этих денег и не показали их в активе состояния Безансонов, в том, что вы попросту украли их!

— Это весьма тяжкое обвинение! — произнес судья Клейборн; он, видимо, не сомневался в истинности всего сказанного и намеревался дать ход делу. — Но позвольте узнать ваше имя, сударь? — мягко осведомился он у д'Отвиля.

Я впервые видел д'Отвиля при дневном свете. До сих пор мы встречались с ним лишь в ночных сумерках или при искусственном освещении. Правда, сегодня утром мы провели несколько минут вместе, но нас окутывал полумрак леса, и я лишь смутно различал его черты.

Теперь, когда из окна на него лился яркий свет солнечного дня, я мог хорошенько его разглядеть. И снова мне показалось, что я уже встречал его где-то. Чем пристальнее я в него вглядывался, тем больше убеждался в этом, и когда он ответил на вопрос судьи, неожиданность не так уж потрясла меня, как можно было предположить.

— Позвольте узнать ваше имя, сударь, — повторил судья.

— Эжени Безансон!

В то же мгновение шляпа и черный парик были сорваны с головы, и на плечи прекрасной креолки упала волна золотых волос.

Шляпа и черный парик были сорваны...

Зал отвечал дружным «ура», в котором не участвовали лишь Гайар и двое или трое отпетых головорезов из его шайки. Я понял, что свободен!

Все изменилось, как по мановению волшебного жезла: обвинитель стал обвиняемым. Волнение в зале еще не улеглось, как шериф, побуждаемый Рейгартом и другими, направился к Гайару и, положив руку ему на плечо, объявил, что он арестован.

— Это все ложь! — кричал Гайар. — Все это подстроено, нарочно подстроено! Документы подложные! Подпись подделана!

— Нет, господин Гайар, — веско произнес судья, — документы не подложные. Это почерк Огюста Безансона. Я имел честь хорошо знать его и могу засвидетельствовать это лично.

— И я! — отозвался низкий строгий голос, заставивший всех обернуться.

Если превращение Эжена д'Отвиля в Эжени Безансон удивило толпу, то теперь всех ждало еще большее чудо — воскрешение считавшегося погибшим управителя Антуана!

* * * * * * * *

Читатель! История моя окончена. Над этой маленькой драмой опускается занавес. Я мог бы предложить, конечно, вашему вниманию картины, рисующие дальнейшую судьбу действующих лиц, но достаточно будет и краткого итога. Пусть фантазия ваша дополнит остальное.

Вам, несомненно, приятно будет узнать, что Эжени Безансон вернули ее имение, которое заботами верного Антуана скоро опять пришло в прежнее цветущее состояние.

Но есть, увы, невозвратимые утраты — разве вернешь юные надежды, жизнерадостность, очарование первой любви!

Не думайте, однако, что Эжени Безансон поддалась отчаянию, что она навсегда осталась жертвой своей несчастной любви. Нет, у нее была твердая воля, и она

употребила все усилия, чтобы вырвать из сердца роковую страсть.

Время и чистая, спокойная жизнь залечивают такие раны, но несравненно большее облегчение может принести участие того, кого любишь. Это участие взамен любви Эжени познала в полной мере.

Ее юные надежды рухнули, веселость померкла, но ведь есть иные радости в жизни, помимо игры страстей, и, может быть, не на стезе любви находим мы истинное счастье.

О, если бы я мог этому поверить! Если бы я мог убедить себя, что это безмятежное спокойствие, эта светлая улыбка говорят о душевном мире! Увы, я не хочу кривить душой. Року нужны жертвы. Бедная Эжени! Бог да смилостивится над тобой! О, если бы я мог погрузить твое сердце в струи Леты!

А Рейгарт? Читатель, вероятно, обрадуется, узнав, что честный доктор преуспел и, отложив ланцет, стал знатным землевладельцем и, более того, выдающимся законодателем, одним из тех, кому принадлежит честь составления нынешнего кодекса законов штата Луизианы, наиболее прогрессивного в цивилизованном мире.

Вам приятно будет также узнать, что Сципион с Хлоей и малюткой Хло вернулись в свое старое и теперь счастливое гнездо, что заклинатель змей сохранил обе свои мускулистые руки и уже никогда больше не должен был искать прибежища в дупле.

И вас не огорчит известие о том, что Гайар провел несколько лет в батонружской тюрьме, а потом куда-то бесследно исчез. Говорят, что под вымышленным именем он вернулся к себе на родину, во Францию. Доказать его виновность не составило труда. Антуан давно подозревал коварного адвоката в том, что он замыслил ограбить их подопечную, и решил его испытать. Плот из стульев все-таки не потонул, и верный управитель добрался до берега, но много ниже по течению. Никто не знал, что он спасся, и чудаковатый старик решил на время скрыться, что дало ему возможность быть невидимым свидетелем всех неблаговидных дел Доминика Гайара.

Как только адвокат уверовал в его гибель, он стал действовать смелее и вскоре довел дело до известной нам распродажи. Все произошло так, как и предвидел Антуан, и, выступив в качестве истца, он быстро добился осуждения адвоката. Приговоренный к пяти годам заключения в исправительной тюрьме, Гайар уже более не встречался с действующими лицами этой истории.

Вряд ли также вы будете сожалеть, узнав, что бандита Ларкина постигла примерно такая же участь, что Рафьен — охотник за людьми — утонул во время наводнения и что торговец неграми сделался впоследствии похитителем негров, и за это преступление суд Линча приговорил обвалять его в дегте и перьях.

«Охотников» Чорли и Хэтчера я никогда больше не встречал, но мне известна их судьба. Отважный, но беспутный шулер-джентльмен Чорли был убит на дуэли креолом из Нового Орлеана, с которым он повздорил за картами. Банк Хэтчера вскоре «лопнул», и после долгой полосы невезения игрок окончательно превратился в мелкого жулика.

«Торговца свининой» я встретил много лет спустя в Мексике как удачливого банкомета. Он отправился туда следом за американской армией и составил себе огромное состояние, держа игорный притон для офицеров. Но ему недолго пришлось наслаждаться своим добытым нечестными путями богатством. В Веракрусе он схватил тропическую лихорадку, и прах его давно смешался с песками этого унылого побережья.

Итак, дорогие читатели, мне как автору выпало счастье воздать по заслугам всем действующим лицам, которые прошли перед вами на страницах этой книги.

Но я уже слышу, как вы восклицаете: а куда он девал героя и героиню? Позабыл о них?

Нет, я о них не забыл. Неужели вы хотите, чтобы я описывал свадебный обряд, его великолепие и пышность, ленты и бутоньерки и последующее неземное блаженство?

Упаси меня Гимен! [1] Все это я предоставляю воспол-

[1] Гимен (Гименей) — в древнегреческой мифологии бог брака.

нить вашей фантазии, если только она пожелает. Но ведь интерес к приключениям влюбленного обычно утрачивается с достижением заветной цели, рассказ даже не всегда доводится до алтаря, а читатель вряд ли пожелает приподнять завесу, скрывающую мою мирную супружескую жизнь с прекрасной квартеронкой.

ПОСЛЕСЛОВИЕ
К РОМАНУ «КВАРТЕРОНКА»

Роман «Квартеронка» был опубликован Майн Ридом в 1856 году. Соединенные Штаты Америки переживали тогда период острейшей политической борьбы. И хотя Майн Рид не ставил перед собой цели вмешиваться в это кипение политических страстей, но, избрав местом действия своего романа современный ему рабовладельческий Юг, он воплотил в нем характерные черты тогдашней американской действительности. В результате в центре романа оказалась именно та проблема, вокруг которой шла политическая борьба, — проблема рабства.

Все историческое развитие Северной Америки было теснейшим образом связано с рабовладением. В 1619 году голландский корабль доставил в Северную Америку первые двадцать негров-рабов. В 1860 году, накануне гражданской войны, их насчитывалось уже около четырех миллионов. Их руками обрабатывались колоссальные хлопковые плантации — главный источник богатств Юга.

Эти миллионы рабов подвергались самой чудовищной эксплуатации. Они были низведены до уровня рабочей скотины. Так как считалось, что расцвет физических сил у невольника продолжается всего десять лет, после чего человек изнашивается, то из раба за этот короткий срок старались выжать все соки. Было даже издано немало руководств для плантаторов, как лучше всего эксплуатировать рабский труд.

Для невольников был установлен жестокий каторжный режим. Им запрещалось учиться читать и писать, давать пока-

зания против белого; без разрешения владельца нельзя было даже иметь собаку, ружье, зонтик, проезжать по большой дороге, разгуливать ночью, ездить верхом, продавать, покупать Любой белый мог убить беглого негра; кража негра считалась преступлением. Негров за малейшую провинность подвергали страшным истязаниям. Если эти истязания кончались смертью невольника, то для плантаторов и их подручных это сходило безнаказанно.

Случалось, что доведенные до отчаяния невольники прибегали к самоубийству. В одном официальном документе читаем: «Рабы нередко удушали себя, прижимая язык к гортани с такой силой, что доступ воздуха совершенно прекращался; другие принимали яд или убегали и в конце концов погибали от нищеты или голода». На одной плантации негры, отец и мать, убили своих детей, решив, что «лучше послать души детей на небеса, чем низвергнуть их в ад рабства». После этого они и сами покончили с собой. Одна негритянка-мать убила своих тринадцать детей, чтобы «не дать им мучиться в рабстве».

Ненависть, годами накапливавшаяся в сердцах рабов, то и дело вырывалась наружу. Редкий год проходил без того, чтобы в Южных штатах не вспыхивали восстания рабов. Наиболее крупное восстание имело место в 1822 году в Южной Каролине под руководством негра Везея, в котором участвовало около девяти тысяч рабов, и в Виргинии — в 1831 году под предводительством Ната Тернера. Для подавления этого восстания на помощь местным силам были посланы правительственные войска, которым в конце концов удалось разгромить негров, вооруженных топорами и косами.

Обычным явлением были побеги рабов. Для содействия им противники рабства в Северных штатах организовали «подпольную железную дорогу» — сеть различных тайных путей, по которым беглые негры пробирались в Канаду. На «станциях» этой железной дороги беглецам устраивали ночлег, кормили их, снабжали проводниками до следующей «станции». Читавшие «Хижину дяди Тома» помнят описание бегства Лиззи и ее мужа Джорджа, организованное «подпольной дорогой». В доме автора этой книги, Гарриет Бичер-Стоу, находилась одна из таких «станций».

В самой основе социально-хозяйственного строя Юга с его владычеством хлопка были заложены причины будущих

грозных столкновений. При хищническом возделывании хлопка рабским трудом земля быстро истощалась, и плантаторам приходилось постоянно заботиться о захвате новых плодородных земель и распространении на них системы невольничества.

В то время как на Юге господствовало плантаторское хозяйство, основанное на рабском труде, на Севере бурно развивались капиталистические отношения. Основывались предприятия и банки, строились железные дороги, росло население. Результаты этого стремительного роста сказались уже к середине XIX века. В 1850 году в Соединенных Штатах продукция промышленности впервые превысила по стоимости продукцию сельского хозяйства, а в 1860 году страна вышла на четвертое место в мире по объему промышленного производства.

Столкновение между промышленным Севером и рабовладельческим Югом было неизбежно. Но так велик был страх буржуазии Севера перед массовым движением рабочих и фермеров — противников рабства — и такие тесные экономические связи существовали между промышленниками и плантаторами, что капиталисты Севера предпочитали путь компромиссов решительному столкновению. История Соединенных Штатов накануне гражданской войны — это цепь компромиссов, колебаний и сговоров правящих классов.

Иным было отношение к рабству у последовательных демократов, решительно выступавших за отмену невольничества. Их называли тогда аболиционистами (от английского слова abolition, означающего «отмену», «уничтожение»).

Политическая борьба вокруг проблемы отмены рабства захватывала все области общественной жизни. Широко развернулась эта борьба и в американской литературе того времени. Сражение началось с выхода в свет в 1852 году романа «Хижина дяди Тома», написанного скромной женщиной Гарриет Бичер-Стоу. Книга эта имела небывалый успех — она разошлась невиданным для той эпохи тиражом в триста тысяч экземпляров. Успех этой и сегодня знаменитой книги объяснялся тем, что в ней, впервые в художественной литературе, ярко и правдиво, хотя и с несомненным налетом религиозной сентиментальности, изображался ужас рабства, его чудовищная бесчеловечность.

Защитники рабства с яростью нападали на писательницу, пытаясь опровергнуть ее. В течение трех лет появилось четырнадцать романов, доказывающих благоденствие рабов и прелести невольничества.

Майн Рид не был активным участником этой борьбы. Более того, в послесловии к «Квартеронке» писатель подчеркивал, что «книга написана не для того, чтобы помочь аболиционистам или же превознести плантатора»; но содержание романа противоречит этой подчеркнуто беспристрастной позиции.

Несправедливость и гнусность рабовладения настолько ярко изображены в «Квартеронке», что не может быть двух мнений о том, кому могла помочь и кого обличить эта книга. Читатель видит, как рабовладельческий уклад вмешивается в судьбу героев «Квартеронки»: препятствует любви Эдварда и Авроры Безансон, заставляет их искать спасения в полном опасностей бегстве, ставит героя на край гибели, и только неожиданное сплетение удачных обстоятельств приводит все к счастливой развязке.

Подчеркнуто нейтральная позиция Майн Рида объясняется еще и тем, что писатель, будучи непримиримым противником всякого деспотизма, другом революционеров — словом, передовым человеком своего времени, — считал, что содействовать усилению вражды между Севером и Югом — значит помогать европейским деспотам, во вред делу человеческой свободы. Действительно, руководители европейских держав — английский премьер Пальмерстон и французский император Наполеон III — во время гражданской войны в Америке вели деятельную подготовку интервенции в пользу Юга, и не их вина, что эта подготовка провалилась.

В то время, когда писался роман «Квартеронка», многие политические деятели на Севере надеялись, что можно будет избежать вооруженного столкновения между Севером и Югом. Разделял эти иллюзии и Майн Рид.

Но жизнь разрушила эти надежды. В 1860 году президентом Соединенных Штатов был избран Авраам Линкольн — решительный противник рабства. Вскоре после этого южане вышли из союза, провозгласили образование самостоятельного государства, названного ими «Конфедерацией американских штатов», избрали своим президентом Джефферсона Дэвиса и на-

чали войну против Севера. Целью южан было распространение рабства на бо́льшую часть страны.

Сторонники Юга, занимавшие крупные административные посты, позаботились о том, чтобы южане получили ряд важных преимуществ: на Юг было завезено громадное количество оружия и боеприпасов, были усилены южные гарнизоны, министр финансов перевел в южное казначейство почти весь золотой запас страны. Армия Юга была хорошо вооружена и подготовлена.

Северяне долгое время вели войну робко и нерешительно и только осенью 1862 года решились на революционную меру — освобождение рабов тех плантаторов, которые принимали участие в мятеже. Англия и Франция угрожали интервенцией в пользу южан. Из великих держав только Россия поддерживала Север.

Южанам удалось одержать ряд побед, тем не менее война окончилась в 1865 году решительной победой северян. Сказалось громадное преимущество Севера в материальных ресурсах и населении. Сказалась мощная поддержка, которую оказывали борьбе с рабовладельцами американские рабочие. Сказалась международная солидарность трудящихся, сорвавших при помощи забастовок и демонстраций приготовления английского правительства к интервенции. Симпатии всего передового человечества были на стороне тех, кто сражался за уничтожение рабства. И в этом была немалая заслуга передовой американской литературы того времени, показавшей всему миру язвы рабовладельческого общества. Наряду с таким всемирно известным романом, как «Хижина дяди Тома», свое место в этой литературе занимает и увлекательный роман Майн Рида «Квартеронка».

А. Наркевич

содержание

ИЛЛЮСТРАЦИИ К РОМАНУ «БЕЛЫЙ ВОЖДЬ»

П. Луганского

ИЛЛЮСТРАЦИИ К РОМАНУ «КВАРТЕРОНКА»

И. Ильинского

ПЕРЕПЛЕТ, ФОРЗАЦ, ТИТУЛ, ШМУЦТИТУЛЫ,
КАРТЫ, БУКВИЦЫ И ОРНАМЕНТАЦИЯ

С. Пожарского

* * * * *

СХЕМЫ ДЛЯ КАРТ СОСТАВЛЕНЫ

Е. Труновым

ФРОНТИСПИСЫ, ТИТУЛ, ШМУЦТИТУЛЫ
И КАРТЫ НАГРАВИРОВАНЫ

М. Беловым, С. Латохиным и В. Лопялло

* * * * *

ОБЩИЙ МАКЕТ ИЗДАНИЯ

В. Пахомова

МАЙН РИД

Собрание сочинений, том I

БЕЛЫЙ ВОЖДЬ КВАРТЕРОНКА

* * * * * * * * *

Ответственный редактор *О А Лаврова.*
Художественный редактор *В В. Пахомов.*
Технический редактор *М. А Кутузова.*

Корректоры
Л. А. Кречетова и *Е. Н. Трушковская.*

* * * * * * *

Сдано в набор 9/XII 1955 г. Подписано к печати 16/V 1956 г. Формат 84 × 108$^{1}/_{32}$ — 48$^{1}/_{4}$ печ. л. = 39,64 усл. печ. л. (36,05 уч.-изд л.). Тираж 300 000 экз. А02688.

Цена 15 руб.

Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

* * * * *

Фабрика детской книги Детгиза Москва, Сущевский вал, 49 Заказ № 1569.

Государственное Издательство
Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР

МАЙН РИД

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

ТОМ ПЕРВЫЙ

Белый вождь.

Квартеронка.

ТОМ ВТОРОЙ

Оцеола, вождь семинолов.

Морской волчонок.

ТОМ ТРЕТИЙ

Охотники за растениями.

Ползуны по скалам.

Затерянные в океане.

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Дети лесов.

Юные охотники.

Охотники за жирафами.

ТОМ ПЯТЫЙ

Белая перчатка.

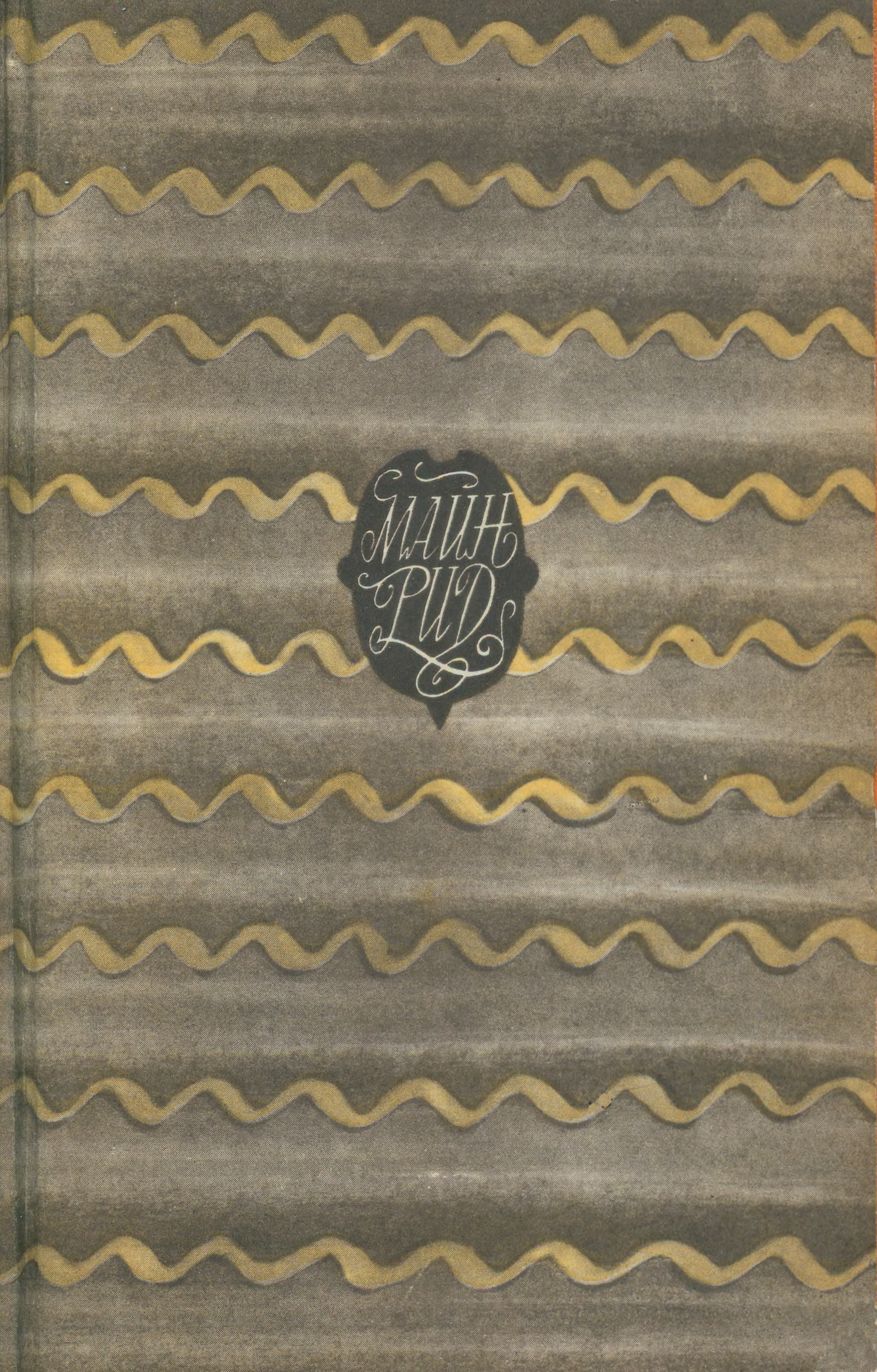
В дебрях Борнео.

ТОМ ШЕСТОЙ

Всадник без головы.

Мароны.

Все издание намечено осуществить в 1956 — 1958 годах.


Майн
Рид

Цена 15 руб.
1956